

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ДОННУ

ISSN 2522-4824

ВЕСТНИК СНО

Выпуск 16

ТОМ 4:

Юриспруденция

Донецк 2024

ISSN 2522-4824

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ГОУ ВПО «ДОННУ»

ВЫПУСК 16

ТОМ 4
Юриспруденция

Донецк – 2024

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ» – Донецк: ДонГУ,
2024. – Вып. 16, том 4: *Юриспруденция*. – 422 с.

**Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»**

Главный редактор – *Белый А.В.*, канд. хим. наук, доцент, проректор
Зам. главного редактора – *Дегтярев С.В.*, председатель Совета СНО
Ответственный секретарь – *Самарева Т.Н.*
Технический редактор – *Ярошенко А.К.*

Члены редакционной коллегии:

Бурляй А.С., ассистент
Ветрова Э.С., докт. филол. наук, профессор
Воробьева Ю.С., старший преподаватель
Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
Ручица Т.С., старший преподаватель
Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент

Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент
Финкина А.П., старший преподаватель
Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент
Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент
Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В шестнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ФГБОУ ВО «ДонГУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.* Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договора № 452-11/2018.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонГУ, к. 215;
Тел.: +7 (856) 302-92-26;
E-mail: sovet_sno@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/science/sno>

*Печатается по решению Ученого совета
ФГБОУ ВО «ДонГУ»
протокол № 3 от 29.03.2024 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Астащенко С.А.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА РЕФЕРЕНДУМ В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ	6
<i>Базака В.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКОЦИДА	10
<i>Базака В. В.</i> ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА	16
<i>Барков Е. Р.</i> К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ	20
<i>Берестюк Ю. В.</i> МЕХАНИЗМ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ВЕДОМСТВЕННЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СТРУКТУРНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ	24
<i>Бескровная А. С.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ	30
<i>Братерская Э. Р.</i> РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	35
<i>Букренева В.В.</i> К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРИНЦИПЕ РАВНОПРАВИЯ КАК БАЗИСА ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ	41
<i>Васильев В.А.</i> ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ, НЕ ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЕ	46
<i>Высоцкий М. С.</i> ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	58
<i>Гаврада В. П.</i> ДОПРОС НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ: УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	62
<i>Гаврилина В. В.</i> К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	65
<i>Гаврильченко Н. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПО НАЗНАЧЕНИЮ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	69
<i>Гиунашвили Г. Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИУСА ПО ОХРАНЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА, ХРАНЯЩЕГОСЯ В БАНКОВСКИХ ЯЧЕЙКАХ	73
<i>Гокунь Ю. С.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	78
<i>Голубева М. А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	82
<i>Грачев М. Л.</i> К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	86
<i>Дамаскина А. Р.</i> ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	92
<i>Дарманьян В. А.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ	96
<i>Демьянишин В. В.</i> ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	101
<i>Дзюбан Д. В.</i> ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО СЧЕТА	106
<i>Дяченко А. П.</i> ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	112
<i>Елисеев Н. К.</i> МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	115
<i>Жигулина А. А.</i> ОХРАНА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	120

<i>Жижекун И. К.</i> СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	125
<i>Заблоцкая Д. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	129
<i>Загоруйко Е. В.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОКАЗАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ	133
<i>Захаров Н. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ	138
<i>Иванова Э. Д.</i> РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ СТРЕМИТЕЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	142
<i>Иванцова А. В.</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗБОЯ КАК НАСИЛЬСТВЕННОГО ВИДА ХИЩЕНИЯ	146
<i>Касьян С. С.</i> К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	151
<i>Квачева К. И.</i> НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СОГЛАШЕНИЙ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ	157
<i>Клучникова С. В.</i> КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА	161
<i>Ковзикова А. А.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ ДЛЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК	166
<i>Костюк А. Д.</i> ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ ОРГАНОВ И ДРУГИХ АНАТОМИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЧЕЛОВЕКА	170
<i>Котовская П. В.</i> ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЯ ЭКСПЕРТА, ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПОКАЗАНИЕ СПЕЦИАЛИСТА-РАВНОПРАВНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА	175
<i>Кравченко О. А.</i> ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЯДЕРНЫЙ УЩЕРБ	180
<i>Ларина Е. Д.</i> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПРИНЦИПОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВ	184
<i>Лисицын М. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗАМЕНЫ ЛИЦА (ДИПФЕЙК)	189
<i>Луцык А. В.</i> ПРИНЦИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	195
<i>Лысак Е. М.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО	201
<i>Макарова К.</i> ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕРТВЫ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ	207
<i>Мальшико Н. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЛДИНГОВ КАК СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	211
<i>Масальский И. А.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАДЕ	217
<i>Медведева А. Э.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ	221
<i>Михайлов Я. А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ	226

<i>Мноев В.В.</i> БИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В XXI ВЕКЕ – ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	230
<i>Мороз Д. С.</i> ОСОБЕННОСТИ КАЗНАЧЕЙСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	235
<i>Мостовая Т. С.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	241
<i>Николаева Ю. Н.</i> ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА	245
<i>Новикова И. А.</i> ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	249
<i>Новосёлова М. С.</i> К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА	253
<i>Оленников В. С.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА	258
<i>Петренко М. А.</i> ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	263
<i>Пушкарёва Д. В.</i> ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	267
<i>Рахимова В. М.</i> ПРОБЛЕМАТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЕЛЫ, КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	271
<i>Руденко В. П.</i> ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	278
<i>Руденко В. И.</i> ИНСТИТУТ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В РОССИИ	282
<i>Савич Е. О.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ	286
<i>Савкова С. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРАВОВАЯ ОСНОВА, ПРОБЛЕМАТИКА, РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА	291
<i>Савранская Д. В.</i> ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА	295
<i>Самарина А. А.</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	301
<i>Сапегин А. А.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ И МЕРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ НОРМ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ	306
<i>Саутин Р. М.</i> РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	310
<i>Седунова Д. А.</i> ДАРЕНИЕ ДОЛИ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	315
<i>Селезнёва В. Р.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ САЛОНАМИ КРАСОТЫ	319
<i>Селянко Я. Е.</i> ИНСТИТУТ БРАКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ	325
<i>Семенчук В. С.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	330
<i>Сидоренко А. А.</i> ДОГОВОРНЫЕ ФОРМЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ	335
<i>Скрипник Е. А.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДОЛЕЙ ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ	341

<i>Солоненко К. М.</i> ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ЗАНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	345
<i>Солоненко К. М.</i> ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	349
<i>Солоненко К. М.</i> ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РОБОТОВ, НАДЕЛЕННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	355
<i>Становая А. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА В АРКТИКЕ	359
<i>Тарасова И. С.</i> ИНСТИТУТ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СООТВЕТСТВИИ С ГРАЖДАНСКИМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	364
<i>Тищенко В. С.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	368
<i>Ткаченко В. Д.</i> ДОГОВОР БАНКОВСКОГО ВКЛАДА И ДОГОВОР БАНКОВСКОГО СЧЕТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	372
<i>Ткаченко Ю. В.</i> УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СВЕТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ И ПРАКТИКИ ЕСПЧ	376
<i>Тренина С. В.</i> ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОГО ИСКУССТВА	380
<i>Фарафонова В. Ю.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ	383
<i>Фесенко Е. С.</i> К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА	389
<i>Филин М. В.</i> СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ДОНОРСТВА И ТРАНСПЛАНТАЦИИ КЛЕТОК, ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	394
<i>Фоменко В. С.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	400
<i>Холоша А. Д.</i> ФЕНОМЕН СКУЛШУТИНГА В РОССИИ	404
<i>Чернопяткина Е. А.</i> ПРОБЛЕМА УВЕЛИЧЕНИЯ СЛУЧАЕВ ИЗНАСИЛОВАНИЯ	408
<i>Шмулович В. В.</i> ПРИЗНАНИЕ ПРАВА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ	412
<i>Юренин Д. А.</i> ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВА	417

УДК 342.82

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА РЕФЕРЕНДУМ В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Асташенко С.А.

*Научный руководитель: Гончаренко А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе проанализированы проблемы, связанные с участием граждан в референдумах на разных уровнях власти, а также с соблюдением конституционных принципов и прав человека при проведении референдумов в Российской Федерации и в зарубежных федеративных государствах. Предложены пути совершенствования правового механизма референдума в федеративных государствах.

Ключевые слова: референдум, демократия, конституционное право, федеративное государство, законодательство.

В настоящее время особое значение приобретает осуществление прямой демократии в Российской Федерации и в зарубежных государствах посредством проведения референдумов, что способствует демократизации общества и увеличению ответственности власти перед народом, а также вовлеченности населения в процесс управления. В большинстве европейских стран референдумы проводятся регулярно и уже стали обычной практикой.

Конституционное право граждан на участие в референдуме является комплексным правом, включающим в свой состав ряд субъективных прав по участию в референдуме.

В России данный механизм представляет собой способ, с помощью которого граждане могут участвовать в управлении государством и принимать решения по местным вопросам, используя свое конституционное право на проведение референдума. Статья 32 Конституции РФ закрепляет формы, которые позволяют народу непосредственно участвовать в управлении государством. Это референдум и выборы, которые имеют большое социальное значение. Референдумы являются важным инструментом демократии, позволяющим гражданам высказывать свое мнение по ключевым вопросам и участвовать в принятии решений.

В соответствии со ст. 84 Конституции Российской Федерации отношения по подготовке и проведению референдума должны регулироваться специальным федеральным конституционным законом. Таким законом является Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации». Важно также отметить, что на региональном уровне действуют соответствующие законы, регулирующие отношения, связанные с подготовкой и проведением референдума субъекта Российской Федерации, как и на местном уровне.

Современная демократическая система федеративных государств определяет основные права и ценности, в рамках которых народу предоставляется ведущая роль в управлении. Одним из способов выражения воли народа является право на проведение местных и региональных референдумов, которые обычно закреплены в конституциях. В различных государствах эта форма народовластия имеет свои особенности при практическом применении.

Федеративные государства представляют собой уникальный тип политической организации, где власть делится между центральным правительством и региональными единицами. Этот подход позволяет регионам сохранять определенную автономию и самоуправление, в то время как центральное правительство обеспечивает единство и координацию национальной политики. Однако, в таких условиях возникают

определенные проблемы, связанные с реализацией прав граждан на участие в референдумах [2].

В федеративных государствах возникают следующие проблемы при проведении референдумов:

1) Проблема централизации власти. Централизация власти представляет собой концепцию, при которой власть и принятие решений сосредоточены в руках так называемых центральных институтов. В федеративных государствах, где существует разделение властей между центром и регионами, проблема централизации власти может привести к нарушению прав граждан на проведение референдумов.

Одним из основных аспектов этой проблемы является возможность центра ограничивать права регионов на проведение референдумов. Центральная власть может устанавливать жесткие правила и процедуры для проведения референдумов, что делает сложным для регионов организацию подобных мероприятий.

Кроме того, центральные органы государственной власти могут вмешиваться в процесс голосования на референдумах, например, путем манипуляции результатами или ограничения доступа к информации. Это создает неравные условия для различных сторон дебатов и может препятствовать свободному выражению воли населения.

Для обеспечения соблюдения прав граждан на проведение референдумов в федеративных государствах необходимо учитывать принципы децентрализации власти, уважения культурных и политических особенностей регионов, а также обеспечения независимости процесса голосования от центрального вмешательства. Только при соблюдении этих принципов можно гарантировать свободное и справедливое выражение воли населения через институт референдума.

Так, в Канаде в конце XX века проводились референдумы о независимости Квебека, что вызывало напряженные отношения между провинциальным и федеральным правительством и поднимало вопрос о том, насколько далеко должна идти автономия провинций в составе Канады.

2) Проблема конституционной базы. Конституционная база определяет правовые и институциональные рамки, в которых проводятся референдумы. Проблема конституционной базы в федеративных государствах заключается в том, что иногда возникают неоднозначность или нечеткости в отношении проведения референдумов. Это может привести к различным толкованиям и спорам о том, какие конкретные вопросы могут быть подвергнуты голосованию на уровне регионов.

В таких ситуациях возникают проблемы с определением компетенции различных уровней власти в проведении референдумов. Некоторые вопросы могут быть за пределами компетенции региональных органов власти и должны быть решены на более высоком уровне, например, на уровне центральной власти. Однако, если конституционная база не ясно определяет эти аспекты, это может привести к юридическим спорам и политическим конфликтам.

В некоторых государствах возникают проблемы с конституционной основой из-за различий между региональными и федеральными законами и нормами, а также из-за конфликтов интересов между различными уровнями власти [3].

Например, Основной закон Германии разрешает референдумы только на уровне штатов (земель), а не на федеральном уровне.

Конституция Канады не предусматривает референдумов на федеральном уровне, хотя некоторые провинции имеют свои собственные положения о референдумах.

Также Конституция Швейцарии предусматривает референдумы на федеральном уровне, но они могут проводиться только по определенным вопросам, инициированным гражданами или парламентом.

3) Проблема финансирования. Финансирование кампаний по референдуму также может стать проблемой в федеративных государствах. Региональные единицы

могут столкнуться с недостаточными финансовыми ресурсами для проведения информационной кампании или обеспечения свободного доступа к информации о предстоящем голосовании.

Проведение референдумов требует значительных финансовых затрат на организацию голосования, подготовку избирательных списков, информационную кампанию и обеспечение безопасности процесса. В федеративных государствах, где проводятся региональные референдумы, эти расходы могут быть значительными и создавать дополнительную нагрузку на бюджеты регионов.

В федеративных государствах часто возникают проблемы с неравномерным распределением финансовых ресурсов между регионами. Это может привести к ситуациям, когда некоторые регионы не могут покрыть затраты на проведение референдума из-за ограниченных бюджетных возможностей, в то время как другие регионы могут легко себе это позволить.

Кампании по референдуму могут конкурировать с другими политическими кампаниями за финансирование. В федеративных государствах, где проводится несколько референдумов одновременно, может возникнуть жесткая конкуренция за ограниченные финансовые ресурсы [4].

Так, швейцарская инициатива «За справедливую заработную плату» 2016 года, требовавшая повышения минимальной заработной платы, столкнулась с нехваткой финансирования, что поставило под угрозу проведение общенациональной информационной и агитационной кампании.

В 2018 году в Канаде референдум по избирательной реформе в провинции Британская Колумбия столкнулся с неравномерным финансированием, при этом одна сторона получила значительно больше пожертвований, чем другая.

В Германии в 2013 году референдум по введению квот на возобновляемые источники энергии столкнулся с проблемой нехватки финансирования для информационной и агитационной кампании со стороны противников этой инициативы.

4) Проблема соотношения интересов центра и регионов. В условиях федеративного устройства государства возникают сложности с соотношением интересов центрального правительства и регионов при проведении референдумов. Регионы могут стремиться к большей автономии и самоопределению, что может противоречить позиции центра и вызывать конфликты.

Регионы могут иметь уникальные экономические, социальные и культурные потребности, которые могут отличаться от интересов центрального руководства. Это может привести к разногласиям по вопросам, выносимым на референдум, таким как распределение ресурсов, налогообложение и социальная политика.

Также, если центральное правительство стремится сохранить свою власть и влияние, это может привести к ограничению полномочий регионов и их способности проводить референдумы. Впоследствии это вызовет недовольство и напряженность между центром и регионами [5].

Центральная власть может опасаться, что референдумы, проводимые в отдельных регионах, могут подорвать национальное единство и привести к сепаратистским настроениям. Это может привести к ограничениям на проведение референдумов или к вмешательству центра в региональные процессы принятия решений.

В Индии проблемы с реализацией права граждан на референдум связаны с сепаратистскими движениями в регионах, таких как Кашмир, который является очагом напряжения между занимающими его странами, прежде всего Индией и Пакистаном.

Проблемы реализации права граждан на референдум в федеративных государствах являются результатом сложного процесса балансирования интересов центра и регионов. Разнообразие культур, языков и исторических факторов в различных регионах требует тщательного учета при разработке механизмов проведения

референдумов. Недооценка этих различий может привести к возникновению конфликтов и недовольства среди населения [6].

Примеры напряженных ситуаций, возникших в таких странах как Канада, Индия, Германия, Швейцария, являются яркими примерами разнообразных проблем, стоящих перед федеративными государствами при проведении референдумов. Эти конфликты могут быть вызваны различными интересами и стремлениями центра и регионов, а также недостаточным учетом мнений и потребностей различных социокультурных групп.

Можно сделать вывод о том, что для успешного разрешения проблем реализации права граждан на референдум в федеративных государствах необходимо активно укреплять диалог между центром и регионами. Важно разрабатывать четкие правила проведения референдумов, обеспечивать финансовую децентрализацию, гарантировать культурные и языковые права регионов, а также использовать механизмы медиации и поддержку со стороны международного сообщества для достижения согласия и устойчивости.

Также необходимо определить компетенцию различных уровней власти в проведении референдумов и четко прописать процедуры и правила для таких голосований. Это поможет предотвратить разногласия и обеспечить более плавное функционирование системы проведения референдумов в федеративных государствах. В совершенствовании нуждаются процедуры проведения референдумов, урегулирования отношений между различными уровнями власти, а также механизмы контроля за соблюдением конституционных норм.

Важно отметить, что решение проблем федеративных государств требует индивидуального подхода к каждой стране. Необходимо учитывать уникальные особенности каждого федеративного государства и находить компромиссы, которые удовлетворяют интересы всех сторон. Ключевым аспектом является поиск сбалансированных решений, способствующих обеспечению соблюдения прав граждан и сохранению целостности государства.

Таким образом, для более глубокого понимания проблем реализации права граждан на референдум в федеративных государствах необходимо проводить дальнейшие исследования. Анализ опыта различных стран и разработка новых подходов к урегулированию конфликтов и обеспечению эффективного функционирования федеративных систем управления являются важными шагами на пути к созданию устойчивых и демократических институтов в данных государствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пархоменко, А. Г. Осуществления населением местного самоуправления в России / А. Г. Пархоменко, Л. Б. Рейдель // Журнал Право и управление – 2022. – [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvleniya-naseleniem-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii> (дата обращения: 15.02.2024). – Загл. с экрана.
2. Ибаев Р. К., Магомедова Р. М. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Конституционное право зарубежных стран» для направления подготовки «Юриспруденция», профили «Гражданское право», «Уголовное право». – Махачкала: ДГУНХ, 2020.
3. Юнусова, Ю. Б. Особенности местного референдума в зарубежных странах / Ю. Б. Юнусова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 19 (466). – С. 444-447. – URL: <https://moluch.ru/archive/466/102552/> (дата обращения: 15.02.2024).
4. Городилов, А. А. Конституционное право зарубежных стран : учебник / А. А. Городилов, А. В. Куликов. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. – 551 с. – ISBN 978-5-4475-9137-3.
5. Маклаков, В. В. Референдум в зарубежных странах : учебное пособие / В. В. Маклаков. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – 127 с. – ISBN 978-5-248-00717-2.
6. Аксенов, И. В. Институт референдума в ряде стран Восточной Европы и России: сравнительный анализ / И. В. Аксенов // Дискурс-Пи. – 2019. – [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-referenduma-v-ryade-stran-vostochnoy-evropy-i-rossii-sravnitelnyu-analiz> (дата обращения: 15.02.2024). – Загл. с экрана.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHT OF CITIZENS TO A REFERENDUM IN FEDERAL STATES

Annotation. This paper analyzes the problems associated with the participation of citizens in referendums at different levels of government, as well as with the observance of constitutional principles and human rights during referendums in the Russian Federation and foreign federal states. The ways of improving the legal mechanism of the referendum in federal states are proposed.

Keywords: referendum, democracy, constitutional law, federal state, legislation.

Astashenko S.

Scientific adviser: Goncharenko A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: sonya.manuilova@yandex.ru

УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКОЦИДА

Базака В.В.

**Научный руководитель: Барбашова Н.В., д-р юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»**

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы правовой квалификации экоцида – преступления, направленного на уничтожение живой природы и причинение ущерба окружающей среде. Экоцид является сложной проблемой, требующей комплексного подхода к ее решению. Показано, что эффективная борьба с экоцидом должна предполагать разработку четких правовых норм и механизмов контроля за их соблюдением.

Ключевые слова: экоцид, правовая квалификация, международное право, экологические преступления, защита окружающей среды.

Защита окружающей среды от загрязнений и угроз техногенной деятельности является одной из наиболее актуальных проблем современности. Вмешательство человека в природные процессы приводит к негативным последствиям, таким как вырубка лесов, загрязнение водоемов, выбросы промышленных отходов и многие другие виды экологического вреда.

Одним из механизмов защиты окружающей среды является применение инструментов уголовного права, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса. Эти нормы устанавливают ответственность за экологические преступления, такие как незаконная рубка леса, незаконный вылов рыбы, незаконные выбросы загрязняющих веществ и т.д. [1, с. 251-256].

Однако, несмотря на наличие таких норм, их эффективность в предотвращении и установлении наказания за масштабные экологические преступления остается крайне низкой. Причиной этого является ряд факторов.

Во-первых, некоторые предприятия и организации, осуществляющие экологически негативную деятельность, используют сложные механизмы уклонения от ответственности. Они создают фиктивные документы, которые прикрывают их преступную деятельность, и искусно уклоняются от правосудия.

Во-вторых, проблемой является слабость контроля и надзора со стороны соответствующих государственных органов. Иногда имеющиеся механизмы не позволяют своевременно выявить и пресечь экологические нарушения. Здесь следует указать на недостаточный уровень соответствующего финансирования и малочисленность квалифицированного персонала.

В-третьих, особенностью законодательной регламентации уголовной ответственности в рассматриваемой сфере является комплексность, поскольку в систему соответствующих норм включены нормы не только уголовного, но и иных отраслей права: земельного, лесного, водного, горного, природоохранного и т. д. Это обусловило высокую степень бланкетности норм об ответственности за экологические преступления.

Как отмечает О.С. Капинус, использование бланкетного способа конструирования указанных уголовно-правовых норм является оптимальным для нужд законодателя, однако вызывает трудности в правоприменении. В таких нормах используется значительное количество специальных терминов из иных отраслей науки (например, «биологические агенты и токсины», «эпизоотии», «стимуляторы роста растений» и т. д.), в силу чего существует вероятность интерпретационных ошибок при их толковании. Особенно это актуально в случаях расхождения терминов, используемых в уголовном и ином отраслевом законодательстве [2, с. 109].

Кроме того, механизмы уголовного права ориентированы, в основном, на преследование отдельных лиц, совершающих конкретные преступления, и не всегда применимы в случае масштабных экологических преступлений, совершаемых корпорациями или крупными объединениями. Как следствие, в огромном количестве случаев, ответственность за экологические преступления несут отдельные лица, которые являются исполнителями, но не руководителями и организаторами такой деятельности.

Н.В. Барбашова справедливо отмечает [3, с. 598], что «близко соответствует понятию «экологический теракт» термин «экоцид» (ст. 358), который трактуется в качестве действий, способных вызвать экологическую катастрофу, включая массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, или любых других действий, способных причинить не менее пагубные последствия. Включение указанной статьи в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» свидетельствует о том, что она применяется для преступлений экологического характера планетарного масштаба.

Наиболее полный перечень составов экологических преступлений содержится в специальной гл. 26 «Экологические преступления». Исследованию особенностей содержания и правоприменения норм, содержащихся в данной главе, посвящено достаточно большое число работ. Особенностью включенных в указанную главу норм экологического содержания является отсутствие в них положений, предполагающих умышленное совершение преступления с целью устрашения населения или воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, что не позволяет квалифицировать содержащиеся в них составы экологических преступлений как террористические акты. Указанное обстоятельство существенно ограничивает возможности правоохранительных органов в противодействии совершению террористических актов, осуществляемых умышленно с целью совершения действий, которые могут негативно повлиять на состояние окружающей среды и нанести вред здоровью и самой жизни человека».

Экоцид – это преступление, которое заключается в массовом уничтожении живых организмов или нанесении вреда окружающей среде, которое может привести к серьезным негативным последствиям для людей, животных или растений [4, с. 68].

Согласно исследованиям экологического преступления (экоцида), проведенным учеными, выделяются несколько видов такого преступления:

Энергетический экоцид – разрушение экосистемы из-за неэффективного использования энергии, выбросов парниковых газов и других форм загрязнения.

Лесной экоцид – вырубка лесов без их восстановления, что приводит к утрате биоразнообразия и уменьшению поглощения углекислого газа.

Морской экоцид – загрязнение морей и океанов нефтью, пластиковыми отходами и другими токсичными веществами, что приводит к гибели морской фауны и флоры.

Земельный экоцид – загрязнение почвы токсичными веществами, недопустимое использование удобрений и пестицидов, что приводит к уменьшению плодородности почвы и загрязнению водных ресурсов.

Биологический экоцид –

Атмосферный экоцид – загрязнение воздуха выбросами вредных веществ из промышленных предприятий, автомобилей и других источников, что приводит к ухудшению здоровья людей и поражению растительности [5, с. 80].

Правовая квалификация экоцида – это процесс определения того, соответствует ли конкретное действие или бездействие нормам международного права, которые регулируют предотвращение и наказание за экоцид. Этот процесс включает в себя анализ доказательств, установление причинно-следственных связей и определение ответственности за совершенное преступление.

Правовая квалификация экоцида может вызвать ряд проблем, связанных с определением ответственности, установлением причинно-следственной связи между действиями и последствиями, а также с наличием эффективных механизмов контроля и предотвращения таких преступлений.

Основные проблемы правовой квалификации экоцида включают:

Недостаточная определенность законодательства. Международное законодательство, касающееся экоцида, в частности, Конвенция о предотвращении преступления экоцида (1998 год), имеет ряд пробелов и неточностей, что может затруднить процесс квалификации преступления.

На наш взгляд наиболее существенными пробелами и неточностями являются:

Отсутствие всеобщего и универсального признания: Конвенция о предотвращении преступления экоцида (1998 год) не была до сих пор всеобщее ратифицирована и признана всеми странами. Это означает, что законодательство, касающееся экоцида, не является всеобщим и единообразным.

Отсутствие общего определения экоцида: Пока что нет всеобщего и признанного международного юридического определения экоцида. Это означает, что понимание и толкование экоцида могут различаться в разных странах и юрисдикциях.

Отсутствие международного суда по экоциду: В настоящее время нет специализированного международного суда, который занимается исключительно делами, связанными с экоцидом. В случае возникновения таких преступлений, обычно действуют национальные суды или международные суды, которые имеют ограниченную юрисдикцию в отношении экоцида.

Юридическая неопределенность: Некоторые понятия, связанные с экоцидом, такие как «преступления против окружающей среды» и «вредный экологический целиком», могут быть подвержены юридической неопределенности и интерпретации. Это может создавать проблемы в правоприменении и открыть дверь для манипуляции.

Отсутствие однозначного наказания: Международное законодательство об экоциде не предусматривает четких и стандартных мер наказания. Это означает, что наказание за экоцид может различаться в разных странах и судах, и не всегда будет соответствовать масштабу причиненного ущерба.

Отсутствие четких механизмов и процедур: В отношении экоцида нет четких и универсальных механизмов и процедур, которые бы гарантировали рассмотрение и разрешение дел связанных с экоцидом. Это может затруднять доступ к правосудию и препятствовать эффективному пресечению и наказанию преступлений экоцида.

Данные проблемы могут затруднить установление ответственности за данное преступление, поскольку будет неясно, какие действия подпадают под определение экоцида. Это также может создать проблемы для правоохранительных органов,

которые могут столкнуться с трудностями при расследовании таких преступлений из-за недостатка четких правовых норм. Кроме того, недостаточная определенность законодательства может привести к тому, что виновные в экоциде лица могут избежать наказания, поскольку их действия могут не подпадать под существующие законы.

Сложность установления причинно-следственных связей. В случае экоцида трудно установить прямую связь между действием и последствием, особенно когда ущерб окружающей среде носит кумулятивный характер, и действия различных субъектов могут привести к одному и тому же результату.

Сложность установления причинно-следственных связей может привести к ошибкам в правовой квалификации экоцида, поскольку следователи могут неправильно определить, какие действия привели к данному преступлению. Это может привести к неправильному наказанию виновных лиц или, наоборот, к тому, что настоящие виновники избегут ответственности. Кроме того, сложность установления причинно-следственных связей может затруднить расследование экоцида в целом, поскольку следователи могут столкнуться с проблемами при определении связи между различными действиями и их последствиями.

Отсутствие эффективных механизмов контроля. Несмотря на наличие международных организаций и соглашений, таких как ООН и ее программы по защите окружающей среды, отсутствие эффективных механизмов мониторинга и контроля может затруднить предотвращение экоцида и привлечение виновных к ответственности.

Отсутствие эффективных механизмов контроля может привести к тому, что экоцид останется незамеченным или безнаказанным. Это может создать опасный прецедент, когда лица, ответственные за серьезные экологические нарушения, могут избежать ответственности. Кроме того, отсутствие эффективных механизмов контроля может затруднить работу правоохранительных органов, поскольку им будет сложнее собирать доказательства и привлекать виновных к ответственности.

Проблемы юрисдикции. В случаях, когда преступление экоцида происходит на территории нескольких государств, возникает вопрос о том, какое государство имеет юрисдикцию на проведение расследования и привлечение к ответственности виновных.

Проблемы доказательства. В некоторых случаях доказательства, необходимые для правовой квалификации экоцида, могут быть труднодоступными или сложными для сбора и анализа, что может задержать процесс привлечения к ответственности.

Примеры квалификации экоцида можно найти в практике международных судов и трибуналов. Одним из наиболее известных примеров является дело о Международном трибунале по морскому праву (ITLOS) против Соединенных Штатов Америки, которое касалось загрязнения морской среды из-за разлива нефти с танкера «Эксон Вальдес» [6, с. 90].

В 1989 году танкер «Эксон Вальдес» столкнулся с рифом, что привело к разливу более 11 миллионов баррелей нефти в море. Это вызвало серьезное загрязнение окружающей среды и нанесло ущерб многим видам животных и растений.

Международный трибунал по морскому праву рассмотрел данное дело и постановил, что Соединенные Штаты не приняли достаточных мер для предотвращения разлива нефти и не обеспечили надлежащую защиту окружающей среды. Трибунал обязал США выплатить компенсацию жертвам загрязнения и провести дополнительные меры по предотвращению подобных инцидентов в будущем.

Это дело стало одним из первых крупных судебных процессов, связанных с экологическими преступлениями, и показало важность международного сотрудничества в области охраны окружающей среды.

После дела о Международном трибунале по морскому праву другие государства отреагировали по-разному. Некоторые поддержали решение трибунала и выразили свою поддержку жертвам разлива нефти. Другие же выразили сомнения в

справедливости решения и заявили, что оно может создать прецедент для привлечения к ответственности за экологические преступления. Однако в целом, дело показало важность международного сотрудничества в области защиты окружающей среды и необходимость более строгого регулирования деятельности, которая может нанести ущерб природе.

Еще одним примером является дело, рассмотренное Международным уголовным судом (ИСС) в отношении конфликта в Демократической Республике Конго, где обвиняемые предположительно совершили экоцид, уничтожая леса и другие природные ресурсы для поддержки военных действий. Суд постановил, что обвиняемые нарушили международные законы о защите окружающей среды и приговорил их к тюремному заключению [7, с.15].

Для улучшения правового взаимодействия стран в области квалификации экоцида необходимо предпринять следующие шаги:

Разработка и совершенствование международных и национальных правовых норм, регулирующих предотвращение и наказание экоцида.

Создание эффективных механизмов контроля и мониторинга окружающей среды, которые позволят своевременно выявлять случаи экоцида и принимать меры для их устранения.

Развитие международного сотрудничества и обмена информацией между правоохранительными органами разных стран для более эффективной борьбы с экоцидом.

Повышение осведомленности общественности о проблеме экоцида и привлечение граждан к активному участию в мероприятиях по охране окружающей среды.

Кроме того, существуют многочисленные примеры квалификации экоцида на национальном уровне. В России, например, законодательство предусматривает уголовную ответственность за экологические преступления, включая экоцид.

Правовое регулирование экологического преступления (экоцида) в России осуществляется и в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации. В законодательстве России понятие экоцида как преступления против мира и безопасности человечества впервые появилось в 1996 году с принятием Уголовного Кодекса РФ (статья 358). Однако до настоящего времени не было ни одного известного автору случая вынесения приговора по данной статье.

Вместе с тем, представляется важным указать здесь на неоднозначную реакцию специалистов на проблему выделения экоцида в качестве одного из наиболее тяжких преступлений против человечества. Видятся дискуссионными попытки приравнять экоцид и геноцид. Основное возражение здесь: эти два понятия относятся к разным концепциям охраны природы. Первая соответствует экоцентрической модели, а вторая – к антропоцентрической. Геноцид не предполагает обязательно планетарный масштаб уничтожения людей. Ст. 357 определяет геноцид как действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Ст. 358 УК РФ определяет экоцид как Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

Крайний радикализм, который вредит поиску научно-обоснованного подхода в международной борьбе с экоцидом, наблюдается в действиях международной организации «Стоп экоцид». В частности, генеральный директор международной этой организации Джоджо Мехта во время дискуссии на ВЭФ в Давосе 16.01.2024 г. в

докладе под названием «Где природа встречается с конфликтом» потребовала ввести новую международную уголовную категорию «экоцид». По её мнению, в Международном уголовном суде в Гааге нужно судить фермеров и рыбаков, наносящих ущерб природе [8].

Джоджо Мехта настаивает на включении экоцида в Перечень международных преступлений, который содержится в Римском статуте Международного уголовного суда от 17.07.1998 г. (вступивший в силу с 01.07.2002 г.), в котором выделены основные преступления: геноцид; преступления против человечности; военные преступления; преступление агрессии.

В настоящее время Россия участвует в международных соглашениях и конвенциях, которые касаются охраны окружающей среды, таких как Конвенция о биологическом разнообразии, Конвенция об охране мигрирующих видов дикой фауны, Конвенция по борьбе с климатическим изменениями и другие.

Например, Уголовный кодекс России содержит статьи, которые предусматривают наказание за преступления в области экологии, такие как загрязнение окружающей среды или незаконная вырубка лесов. Также существует Федеральный закон «Об охране окружающей среды», который устанавливает правила и стандарты для предотвращения экологических преступлений.

В том числе в России принимаются меры по противодействию экологическому вреду и охране природы, общества и государства от его негативных последствий с учетом всех возможных методов и подходов, в том числе разработки, принятия и реализации концепции и установления актов и политики охраны окружающей среды.

Существует несколько способов по предупреждению и ликвидации последствий экологических преступлений:

Применение цивилизованных методов урегулирования: Современные методы урегулирования споров, в том числе в области окружающей среды, могут содействовать более эффективной защите экологических интересов.

Разработка и внедрение программ по экологическому образованию и осведомленности: Популяризация и распространение знаний об охране окружающей среды среди населения способствует сознательному отношению к окружающей природе и снижению риска экологических преступлений.

Проанализировав проблемы правовой квалификации экоцида, можно сделать вывод о том, что данное преступление требует особого внимания со стороны законодателей и правоохранительных органов. Для эффективного противодействия экоциду необходимо разрабатывать и совершенствовать международные и национальные правовые нормы, а также создавать эффективные механизмы контроля и наказания за нарушение этих норм. Важно также повышать осведомленность общества о проблеме экоцида и привлекать граждан к участию в мероприятиях по защите окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Н.В. Экологическое право. Учебник для специалитета.–Москва: ИНФРА-М, 2022.- 538 с.
2. Капинус О.С. Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 107-112.
3. Барбашова Н.В. Особенности уголовной ответственности за экологический терроризм. Научные труды РАЮН. Выпуск 23.– М.: Издательская группа «Юрист», 2023, С. 596-600.
4. Экоцид: понятие, история и проблемы правового регулирования. Под редакцией Б.В. Волженкина, М.Н. Копылова, А.В. Наумова. Издательство: Наука, 2003 г.
5. Экологическая преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты. А.М. Плешаков. Издательство: Закон и право, 2011 г.
6. Wise, F., & Bergman, J. (2007). Corporate ecocide: Environmental destruction by the transnational oil corporation. *Business Strategy and the Environment*, 16(2), 85-97.

7. Доклад Международного уголовного суда о его деятельности в 2018/19 году (Электронный ресурс <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/A-74-324-R.pdf>) (дата обращения: 01.02.2024).

8. Давос: агония глобализма. URL: <https://vmestevselegche.mirtesen.ru/blog/43074870399/Davos-agoniya-globalizma-VEF-rvuschayasya-k-gospodstvu-kvazimafi> (дата обращения: 01.02.2024).

PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATION OF ECOCIDE

Annotation. This article discusses the problems leading to the consequences of ecocide – criminals aimed at destroying wildlife and causing environmental consequences. Ecocide is a complex problem that requires a comprehensive approach to solve it. It is shown that an effective fight against ecocide should involve the development of clear legal norms and measures to monitor their compliance.

Keywords: ecocide, legal qualification, international law, environmental viruses, environmental protection.

Bazaka V.

Scientific supervisor: Barbashova N., Doctor of Law, Professor

Donetsk State University

E-mail: viktoriabazaka@yandex.com

УДК 349.6

ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Базака В. В.

*Научный руководитель: Барбашова Н. В., д-р юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается сущность принципов экологического права. Исследованы принципы экологического права на федеральном и региональном уровнях законодательства. В ходе анализа были выявлены коллизии норм в федеральных и региональных нормативно-правовых актах и предложены пути их решения.

Ключевые слова: экологическое право, экологическое законодательство, принципы экологического права, субъекты Российской Федерации, законодательство Российской Федерации.

Принципы права – основополагающие начала, идеи, определяющие содержание и направления правового регулирования в целом и каждой из его отраслей в частности. Однако в условиях трансформации современных реалий, отношений, институтов, сознания людей принципы права не составляют исключения, они также подвержены изменениям [4, с. 120].

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения роли принципов права в современном обществе и эколого-правовом законодательстве. Данное исследование имеет как теоретическую, так и практическую пользу для дальнейшего изучения принципов права на общественные отношения в сфере использования и охраны окружающей среды.

Ролью принципов экологического права в современном мире интересовались такие ученые, как Бринчук М. М., Суетнов Е.П., Макарова Т. И., Барбашова Н.В., Волков Г.А., Гиззатуллин Р.Х., Мусина З.Р..

Целью работы является – изучение современных принципов экологического права, определение их ценности и места в обществе, изучение роли принципов экологического права для дальнейшего развития правовой системы Российской Федерации.

Принципы права кратко отражают суть действующего законодательства, служат основой для определения правового статуса субъектов права, являются фундаментом, на котором базируется реализация норм права, политической и экономической

ситуацией в обществе, показывают взаимосвязь отношений, регулируемых законодательством, с иными общественными отношениями.

В теории права ученые классифицируют принципы права на общеправовые принципы права, отраслевые принципы права и межотраслевые принципы права. В данной работе вторыми рассматриваются отраслевые принципы экологического права, т.к. данные принципы наиболее всестороннее характеризуют сущность и смысл отрасли права, также мы не ставили целью рассмотреть все принципы экологического права, а рассмотрели лишь самые важные, на наш взгляд, из них.

Отраслевые принципы экологического права призваны обеспечивать отражение общеправовых принципов через предмет и метода регулирования. Содержание данных принципов несет в себе отражение основополагающих теоретико-правовых идей в форме принципов развития экологического права, а также основных организационно-регулирующих принципов механизма правового регулирования.

Учёные отмечают, что принципы экологического права отражают исходные начала отрасли права и их необходимо выделять и изучать в виду того, что законодательные акты экологической отрасли права должны издаваться исходя из принципов права и не противоречить им. Это означает, что законодательство и изданные в соответствии с ним нормативные правовые акты, которые регулируют общественные отношения в сфере экологии основываются на принципах экологического права.

Данное положение закреплено в нормативно-правовых актах, например, в ст.1 Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 29.12.2022) закреплено, что лесное законодательство и иные регулирующие лесные отношения нормативные правовые акты основываются на принципах перечисленных в упомянутой нами статье. Схожая правовая норма имеется и в Водном кодексе Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 01.05.2022).

Однако, как отмечает в своей работе Макарова Т.И., при анализе регионального законодательства в сфере экологического права, можно заметить, «отсутствие интереса к вопросу о том, на каких концептуальных началах базируется законодательство, устанавливающее нормы об охране окружающей среды в регионах России». Например, в ряде законодательных актов, упоминание о принципах экологического права нет: закон об охране окружающей среды на территории Кировской (Закон Кировской области от 29 ноября 2006 г. № 55-ЗО), Саратовской (Закон Саратовской области от 28 июля 2006 г. № 82-ЗСО), Томской (Закон Томской области от 10 июля 2007 г. № 134-ОЗ) областях. Отметим, что отсутствует упоминание о принципах права в экологических кодексах Республики Башкортостан (Закон Республики Башкортостан от 28 октября 1992 г. № ВС-13/28) и г. Санкт-Петербурга (Закон Санкт-Петербурга от 18 июля 2016 года №455-88) [7, с.83].

На наш взгляд, установление принципов экологического законодательства как на федеральном уровне законодательстве, так и в актах регионального уровня необходимо. Данное обстоятельство будет способствовать формированию бездефектного правового регулирования общественных отношений.

Считаем важным отметить тот факт, что отраслевые принципы экологического права предусмотрены в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ. В данном нормативно-правовом акте принципы охраны окружающей среды идентичны отраслевым принципам экологического права.

К примеру, в статье 3 упомянутого закона закреплены такие принципы, как:

- соблюдения прав человека на благоприятную окружающую среду;
- принцип обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека;
- принцип обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности;

- принцип ответственности государственного аппарата за обеспечение благоприятной окружающей среды и охраны экологической безопасности;
- принцип презумпции экологической опасности хозяйственной деятельности и другие [2, с. 6].

Анализ ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» показывает, что нормативно не закреплён запрет на дополнение содержащегося в ней перечня принципов экологического права субъектами России. Данное обстоятельство представляется важным, поскольку дает возможность субъектам дополнять в региональных законах систему принципов, которая будет более адекватно отражать экологическую ситуацию в регионе.

В данном контексте можно утверждать, что дублированием Экологическим кодексом Республики Татарстан содержания ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» существенно сужается сфера правового регулирования экологических отношений на региональном уровне, поскольку не учитывается специфика региона.

Макарова Т.И. в своей работе отмечает, что аналогичная ситуация наблюдается в Красноярском крае, где Закон Красноярского края от 20 сентября 2013 г. № 5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае» в ст. 4 устанавливает принципы деятельности органов государственной власти края в области охраны окружающей среды, сужает тем самым в сравнении с федеральным законодательством применение основных начал до «деятельности органов государственной власти края в области охраны окружающей среды» [7, с. 85].

В свою очередь, Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 05.12.2022) в ч. 2 ст. 1 установил запрет на закрепление дополнительных принципов земельного права в региональных законах субъектов России. Отметим, что данную норму раскритиковали в юридической среде [3, с. 4].

В своих научных трудах, Г.А. Волков отмечает, что принципы земельного права как элемент основных начал правового регулирования земельных отношений могут формироваться из смысла и содержания правовых норм, политических норм, на основании судебных решений, а также как достижения науки, выраженные в правовой доктрине. Однако принципы земельного права, закреплённые непосредственно в правовых нормах закона, становятся нормами-принципами [6, с. 26].

Автор, рассматривая соотношение понятий «основные начала правового регулирования земельных отношений» и «принципы земельного права», правомерно обращает внимание на то, что оно раскрывается также через такие категории, как «цели» и «задачи» земельного права. По его мнению, цели и задачи земельного права как элементы основных начал правового регулирования земельных отношений обеспечивают формирование принципов земельного права. В свою очередь, нормы-принципы земельного права как специализированные правовые нормы выступают носителями целей и задач земельного права, необходимыми правовыми средствами их достижения и решения.

В контексте проводимого исследования представляется важным также обратить внимание на тот факт, что согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации закреплёно, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов находится:

- осуществления мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий (пп. «з» п. 1);
- защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон (пп. «б» п. 1);
- защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (пп. «м» п. 1);

– охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, особо охраняемых природных территорий (пп. «д» п. 1);

– вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (пп. «в» п.1) [1, с.67].

Таким образом, по своей сути прописанный в Земельном кодексе РФ запрет на установление дополнительных принципов в региональных правовых актах противоречит положениям ст. 72 Конституции РФ.

Необходимо отметить, что с принципами, закрепленными в Земельном кодексе Российской Федерации, взаимосвязаны и важные задачи государственной политики по управлению земельными ресурсами. Например, задача сохранения статуса особо охраняемых природных территорий как особо охраняемых земель в составе земельного фонда соответствует принципу приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий.

В свою очередь, Барбашова Н.В. в своих работах отмечает, что согласно ст. 76 Конституции России по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов России. Наличие предметов совместного ведения требует более высокого уровня организации федеративных связей. Речь идет об особой системе власти, основанной на сотрудничестве, координации деятельности и солидарной ответственности, получившей название «кооперативный федерализм».

Для кооперативного федерализма характерен механизм выработки согласованной позиции центра и субъектов при решении вопросов разделения государственной власти по вертикали и при осуществлении ими своих полномочий, что приводит к развитию сотрудничества в различных сферах деятельности, в том числе в сфере экологических правоотношений [5, с.79].

Исходя из этого, учитывая вышеизложенные факты, можно прийти к выводу, что решение эколого-правовых задач является прямой обязанностью субъектов Российской Федерации. В данном контексте представляется обоснованным предложение о необходимости повысить возможности в регионах на законодательном уровне, в частности, разрешить регионам закреплять дополнительные принципы права, которые будут отражать экологическую ситуацию в регионе.

Изучив научные материалы, мы также не поддерживаем ч.2 ст.1 Земельного кодекса Российской Федерации по своей сути противоречащую ст. 72 Конституции РФ, и считаем обоснованным предложение об отмене запрета на возможность установления дополнительных принципов экологического права в региональном законодательстве, исходя из ситуации в регионе.

Таким образом, кратко рассмотренные нами некоторые аспекты принципов экологического права говорят о том, что существующая в настоящий момент система принципов экологического права требует ряда изменений и дополнений. В неё следует включить принципы, которые обусловлены современной экологической ситуацией в стране и в мире. На наш взгляд, существует необходимость расширения перечня принципов, формируемых на уровне отдельных институтов экологического права, а также проведение работы по формированию дополнительного перечня принципов экологического права на уровне субъектов Федерации, которые будут соответствовать экологической ситуации в регионе.

Изучение в дальнейшем принципов экологического права необходимо продолжить, т.к. благодаря принципам права обеспечивается единство правотворчества и правоприменения, интерпретация правовых норм и их реализация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.01.2023).
2. Федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с посл. изм. и доп. от 27 декабря 2018 № 538-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.01.2023).
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – № 44. – ст. 4147.
4. Цыбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. – С. 119-129.
5. Барбашова Н. В. Проблемы правового регулирования экологических отношений в субъектах Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 76-84.
6. Волков Г.А. Принципы земельного права России. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. С. 7-31.
7. Макарова Т. И. Принципы экологического права: отражение в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации / Т. И. Макарова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 81–86.

PRINCIPLES OF ENVIRONMENTAL LAW

Annotation. The article deals with the essence of the principles of environmental law. The principles of environmental law at the federal and regional levels of legislation have been studied. In the course of the analysis, conflicts of norms in federal and regional legal acts were identified and ways to solve them were proposed.

Keywords: environmental law, environmental legislation, principles of environmental law, constituent entities of the Russian Federation, legislation of the Russian Federation.

Bazaka V.

Scientific adviser: Barbashova N., Doctor of Law, Professor
Donetsk National University
E-mail: bazaka225@gmail.com

УДК 40

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ

Барков Е.Р.

*Научный руководитель: Поляков В.Ю., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается правовая природа электронной цифровой подписи, ее отличия от рукописной, определяются их основные преимущества и недостатки, а также исследуется правовая регламентация применения электронной цифровой подписи в гражданском обороте.

Ключевые слова: электронная подпись, документооборот, криптография.

Стремительное развитие информационных технологий обусловило широкое применение электронной цифровой подписи в Российской Федерации. На сегодняшний день все большее количество документов передаются через электронно-цифровые каналы связи, в связи с чем существует потребность в надежной их идентификации, в том числе, с помощью электронной цифровой подписи. Электронная цифровая подпись представляет собой цифровой аналог подписи на бумаге, который позволяет

определить личность подписанта и удостоверяет переданную информацию. Электронная подпись используется для идентификации физических лиц в электронном документообороте. Правовая регламентация использования электронной цифровой подписи осуществляется Федеральным законом «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в редакции от 04.08.2023 г.). Указанный закон закрепляет понятие электронной подписи, требования к ее использованию и правовые последствия ее применения.

Исследованию вопросов правового регулирования цифровой подписи посвящены работы А.А. Воробьева, В.М. Коржука, И.Ю. Попова, С.Ю. Чуча, Б. Шнайера. В то же время, на сегодняшний день остаются неурегулированными отдельные вопросы применения цифровой подписи, в том числе, порядок ее регистрации. Указанное, а также высокая социальная и экономическая значимость затронутой проблематики обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Цель исследования состоит в анализе особенностей правовой регламентации применения и порядка регистрации цифровой подписи.

Криптографическая и информационная инфраструктура является инструментарием для реализации гражданских прав и выполнения юридических обязанностей. Общественные отношения, возникающие между физическими и юридическими лицами, в настоящий момент фиксируются не только на бумажных носителях, но и в электронном виде, что является следствием развития общественных отношений. Как отмечает С.С. Попов, электронный документ не имеет юридической силы без его должного удостоверения электронной подписью соответствующей организации, ведомства, которая была создана в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации [9]. Она подтверждает полномочия подписавшего документ должностного лица. Следует отметить, что возможность использования электронного документооборота не исключает оборота рукописных или машинопечатных документов, с использованием обычных подписей, а также печатей. Внедрение инновационных технологий посредством информационного обеспечения происходит во всех сферах общественных отношений. Частное право не является исключением, оно также подвергается изменениям. Представляется целесообразным рассмотреть процедуру реализации прав физических и юридических лиц по заключению гражданско-правовых сделок или договоров с использованием электронной подписи.

В настоящее время для подписания документов государственные органы активно используют электронную подпись [2 с. 325]. В соответствии с положениями ст. 2 закона «Об электронной подписи», электронная подпись представляет собой информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию [3].

Исходя из данной дефиниции, под электронной подписью понимается заверение или подтверждение своей воли гражданином или юридическим лицом при совершении юридически значимого действия, в соответствующих документах, на основании чего такой документ приобретает юридическую значимость. В соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи», выделяют простую и усиленную электронная подпись. Последняя, в свою очередь, делится на усиленную квалифицированную и усиленную неквалифицированную электронную подпись. Само деление на данные виды создает определенный уровень защиты этих цифровых подписей, а соответственно и более безопасное волеизъявление воли субъекта в том или ином документе. Это необходимо для предотвращения возможной угрозы ее подделки другим лицом.

В действующем законодательстве предусмотрены ограничения, по использованию электронной подписи. Как правило, основными видами договоров, которые заключаются с использованием электронной подписи, являются договоры с недвижимым имуществом, договоры дарения (572 ст. ГК РФ), наследственный договор (статья 44.1), договор мены (567 ст. ГК РФ), договор купли-продажи (454 ст. ГК РФ) [1].

Прежде чем переходить к системному анализу способов реализации прав с использованием электронной подписи, следует исходить из предпосылок, определивших появление электронной подписи. Применение электронной подписи обусловлено рядом причин. Во-первых, как уже было ранее отмечено, это цифровизация всех сфер общественных отношений с целью экономии времени.

Во-вторых, рукописная подпись потенциально предполагает угрозу ее подделки в корыстных целях. Законодательство Российской Федерации не содержит легального определения рукописной подписи, однако в инструкциях по делопроизводству понятие подписи определяется как фамилия, имя, отчество (при наличии) и росчерк, в определенных случаях должность подписавшего документ лица. Тем не менее, под ней подразумевается один из способов совершения и выражения воли и волеизъявления, в соответствии с которым устанавливаются, изменяются и прекращаются правоотношения. Таким образом, личная подпись – необходимое условие для заключения договоров (сделок) с движимым или недвижимым имуществом, юридический факт, а также выражение воли поставившего ее лица. В этом случае, личная подпись уступает электронной, поскольку подделать последнюю очень сложно. Это первое рациональное преимущество использования электронной подписи перед личной и постепенного перехода именно к таким формам заключения договоров (сделок). В настоящее время существует почерковедческая экспертиза, определяющая принадлежность подписи лицу, которое ее поставило или же фальсификацию. Основополагающее значение для результата такой экспертизы имеет опыт и добросовестность эксперта. В то время как программа проверяет по запрограммированным алгоритмам. Машину нельзя подкупить, однако можно взломать. В этой связи и исключительно в этом контексте можно рассмотреть «взлом» электронной подписи или изменение в алгоритме проверки электронной подписи как уязвимую составляющую деятельности эксперта. По аналогии с обычной рукописной подписью, представляется целесообразным установить уголовную ответственность за указанные деяния, предусмотренные статьями 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации [6].

В-третьих, применение электронной подписи способствует минимизации расходов, как материальных, так и временных, при заключении вышеуказанных договоров (сделок). Проведенный анализ свидетельствует о наличии существенных преимуществ электронной подписи в сравнении с обычной личной подписью.

Согласно части 1 статьи 160 ГК РФ, сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами. Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю. Таким образом, законодатель не разграничивает правовые последствия заключения сделки в зависимости от вида подписи. Разница лишь в объективных

причинах, упрощающих порядок заключения сделок с использованием электронных средств, и в предоставлении больших гарантий защиты прав собственности, что, конечно же, имеет важное значение.

В статье 5 Федерального закона «Об электронной подписи» указано, что простой электронной подписью является электронная подпись, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом. Неквалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи; позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ; позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания и создается с использованием средств электронной подписи.

Квалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам: ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате и для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с Федеральным законом. Это свидетельствует о значительном ряде преимуществ электронной подписи перед личной, поскольку последнюю легко подделать или изменить, и тем самым по статье 169 ГК РФ: «сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет последствия, установленные статьей 167 настоящего Кодекса» – будет признана недействительной. По этим причинам возникают многочисленные споры в судах, в том числе и в результате злоупотребления правом, которое выражается в некоторых случаях, в умышленном искусственном создании условий и обстоятельств, создающих сомнения в действительности соответствующих документов, подписанных (заверенных) лицом. Анализ материалов судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что значительная часть споров обусловлена непредоставлением в аккредитованный удостоверяющий центр заявлений о выдаче квалифицированной электронной подписи, в связи с чем такая подпись является не зарегистрированной должным образом [7]. В отдельных случаях электронная подпись регистрируется неуполномоченным на то лицом [8]. Решение указанных практических проблем видится в конкретизации правового регулирования порядка регистрации электронной подписи.

Таким образом, несмотря на широкое практическое применение электронной подписи, на сегодняшний день сохраняются трудности при идентификации субъекта, подписавшего документы электронной подписью, такая же проблема присутствует при подписании документа с помощью факсимиле. Помимо этого, при предъявлении иска в суд, связанного с возникшим спором по использованию и применению электронной подписи при заключении гражданских договоров, отсутствуют четкие критерии допустимости доказательств, применяемых в суде, по идентификации этой подписи. Так как информационные технологии развиваются стремительно, прослеживается некоторая черта возможной будущей технологической сингулярности [5, с. 390], законодатель в некоторой степени отстает от стремительно изменяющегося вокруг него информационного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/.

2. Кузнецов П. У. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов / П. У. Кузнецов ; под общей редакцией П. У. Кузнецова. – 3-е изд., перераб. И доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 325 с.
3. Об электронной подписи : Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Консультант Плюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 01.03.2024). – Загл. с экрана.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (с изм. и доп.) // Консультант Плюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 01.03.2024). – Загл. с экрана.
5. Курпатов А. В. ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли „Капитал“»; Санкт-Петербург; 2019. – 390 с.
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2024). – Загл. с экрана.
7. Решение Арбитражного Суда Республики Башкортостан от 18.08.2023 по делу № А07-27043/2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Ci8lqUDIeLa/?arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1708023887582&snippet_pos=7086#snippet (дата обращения 14.02.2024)
8. Решение Арбитражного Суда Ивановской области от 08.04.2022 года № А17-11651/2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zOArE1Wsfxl/> (дата обращения 14.02.2024).
9. Попов С.С. Система электронной подписи в современном документообороте. / С.С. Попов // Молодой ученый. – 2019. -№ 3. – С. 22-27.

ON THE QUESTION OF APPLICATION OF ELECTRONIC DIGITAL SIGNATURE

Annotation. This paper examines the legal nature of an electronic signature and an ordinary handwritten one, determines their main advantages and disadvantages, and also identifies the need for its introduction into civil circulation and whether this will lead to global changes in society.

Keywords: electronic signature, document management, cryptography

Barkov E.

Scientific supervisor: Polyakov V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: egor.barkov.2016@mail.ru

УДК 34.096

МЕХАНИЗМ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ВЕДОМСТВЕННЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СТРУКТУРНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Берестюк Ю.В.

*Научный руководитель: Степанова Ю.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей реализации механизма проведения антикоррупционной экспертизы ведомственных правовых актов структурными подразделениями Министерства обороны России. Анализируется порядок проведения антикоррупционной экспертизы Правовым департаментом Министерства обороны России.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, структурные подразделения Министерство обороны России, субъекты антикоррупционной экспертизы, механизм проведения антикоррупционной экспертизы, Правовой департамент.

Деятельность Министерства обороны России (далее по тексту – Минобороны России) преимущественно направлена на обеспечение обороны и безопасности

государства. В то же время, для улучшения эффективности выполнения поставленных перед ним задач, важную роль играет осуществляемая ведомством экспертная работа, выступающая элементом организационно-правовой деятельности. Такая работа проводится в том числе в сфере предупреждения коррупционных проявлений. Эффективность же указанной деятельности напрямую зависит от степени ее правовой регламентации, в которой на данном этапе все ещё существуют отдельные проблемы.

Организации проведения антикоррупционной экспертизы отдельными органами государственной власти посвящен достаточно обширный круг исследований, в том числе неоднократно рассматривалось участие Минобороны России в экспертной деятельности. Например, Профессором А.В. Кудашкиным был представлен полный комментарий о порядке проведения антикоррупционной экспертизы в Минобороны России [1], а Д.Е. Зайков осуществил анализ полномочий юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации [2]. Вместе с тем, экспертная деятельность данного федерального органа все еще вызывает исследовательский интерес, прежде всего, ввиду особого места, которое он занимает в системе органов исполнительной власти, и возложенных на него задач.

Цель исследования. Определение особенностей реализации механизма проведения антикоррупционной экспертизы ведомственных правовых актов структурными подразделениями Минобороны России, а также выявление проблем правовой регламентации экспертной деятельности данного субъекта; поиск возможных способов решения указанных проблем.

Субъектами антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов являются «уполномоченные институты государственной власти и местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица, выступающие в качестве специалистов в области правового противодействия коррупции» [3, с. 82]. Круг субъектов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы определен в ст. 3 и в ст. 5 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4] (далее по тексту – ФЗ № 172-ФЗ), и включает как государственные органы и организации, их должностных лиц, так и аккредитованных независимых экспертов.

В систему субъектов антикоррупционной экспертизы, осуществляющих экспертизу нормативно-правовых актов и их проектов, издаваемых самими субъектами, входит и Минобороны России. Данный вывод следует из принципа обязательности проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов, закрепленного в п. 1 ст. 2 ФЗ № 172-ФЗ, а также из законодательно закрепленного положения о наличии у Минобороны России компетенций по нормативно-правовой регламентации оборонной деятельности.

Считаем важным обратить внимание на отсутствие в Положении о Минобороны России [5] прямого указания на наличие компетенции по осуществлению антикоррупционной экспертизы. В то же время, данный документ содержит упоминание об отдельных видах экспертиз, в частности: о метрологической экспертизе вооружения, военной и специальной техники; о ведомственной геральдической экспертизе проектов и образцов официальных геральдических знаков; о государственной экспертизе проектной документации объектов капитального строительства военной инфраструктуры Вооруженных Сил и об иных видах экспертиз. Однако, в перечне полномочий Минобороны России в сфере оборонной деятельности упомянутое выше Положение закрепляет право и обязанность осуществлять нормативно-правовое регулирование в указанной сфере, организацию правовой деятельности в Вооруженных Силах России, повышение качества правовой базы деятельности Вооруженных Сил. Последнее, в свою очередь, включает принятие

ведомством новых нормативно-правовых актов и внесение поправок в уже существующие.

В структуре органов управления Вооруженных сил России выделяют юридическую службу, к полномочиям которой относится работа, направленная на правовое обеспечение деятельности Минобороны, его территориальных органов, а также воинских частей. Данная служба включает в себя Правовой департамент, отдельные подразделения и должности центров военного управления, территориальных органов, региональных управлений правового обеспечения и воинских частей. В соответствие с Положением о юридической службе [6] последняя реализует полномочия по осуществлению антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов, принятых Минобороны России. Также, согласно Плану противодействия коррупции в Вооруженных Силах России на 2021-2024 годы [7], одним из основных субъектов мониторинга коррупционных рисков в структуре Минобороны является Правовой департамент, который осуществляет проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов ведомства и проектов указанных актов с целью обнаружения в них положений, создающих условие для проявления коррупции, и их дальнейшего устранения. К основным субъектам указанный документ относит и органы военного управления, воинские части и организации Вооруженных Сил, которые также обеспечивают возможность осуществления антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов независимыми экспертами.

Подобно большинству федеральных исполнительных органов, в военном ведомстве антикоррупционная экспертиза проводится одновременно с правовой экспертизой проекта нормативного акта. При этом, осуществление антикоррупционной экспертизы проектов внутриведомственных актов – обязательное условие их принятия, так как нормативные документы передаются на подпись министру обороны только после получения заключения по результатам проведенной экспертизы. Проекты, не прошедшие антикоррупционную экспертизу, возвращаются для доработки и повторного представления.

Говоря о правовых основах осуществления антикоррупционной экспертизы ведомственных нормативных правовых актов в Минобороны России, помимо указанного федерального закона, необходимо выделить следующие нормативные акты: Порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [8], Порядок проведения антикоррупционной экспертизы, утвержденный Приказом Министра обороны России от 19 декабря 2011 г. № 2610 [9], Методика и Порядок, утвержденные Правительством РФ, являются едиными и обязательными для всех федеральных органов исполнительной власти, разработка Порядка же осуществляется непосредственно самим органом. В рамках данной темы считаем целесообразным провести структурный анализ Порядка проведения антикоррупционной экспертизы, утвержденного Приказом Министра обороны России от 19 декабря 2011 г. № 2610 (далее по тексту – Порядок).

В качестве основной отличительной черты Порядка следует назвать закрепление в нем перечня коррупциогенных факторов и их детального описания. Примечательно, что их формулировка дублирует положения единой Методики, о которой мы упомянули выше. Учитывая данный факт, вызывает сомнения целесообразность закрепления таковых в Порядке. Поскольку положения Методики применяются с целью обеспечения возможности реализации антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры, государственными органами, организациями и их должностными лицами, нет необходимости в принятии дублирующих внутриведомственных актов.

Более того, учитывая факт включения в Порядок перечня коррупциогенных факторов, основанием которого выступает единая Методика, в случае внесения изменений по данному вопросу в последнюю потребуется проведение дополнительной нормотворческой работы со стороны Правового департамента Минобороны, а именно оперативного внесения изменений в Порядок для предотвращения его несоответствия нормативно-правовым актам федерального уровня. Для устранения указанной проблемы предлагаем изложить пункт 5, путем указания отсылочной нормы к положениям Методики проведения антикоррупционной экспертизы.

Другая отличительная черта, присущая рассматриваемому Порядку – закрепление в его тексте положений, регламентирующих мониторинг применения нормативных актов, который рассматривается в качестве условия и источника осуществления антикоррупционной экспертизы. Однако, нужно отметить, что данные институты, невзирая на внутреннюю целевую и концептуальную идентичность, все же являются самостоятельными элементами в механизме противодействия коррупционным проявлениям, то есть обладающими способностью к самостоятельному функционированию.

Помимо прочего, они урегулированы разными нормативными актами, базируются на разных правовых основах. Так, определение понятия «антикоррупционная экспертиза» закреплено в ФЗ № 172-ФЗ [4], а дефиниция «мониторинг» содержится в указе Президента России «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [10]. В соответствии с п. 4 ст. 3 ФЗ № 172-ФЗ «органы, организации, их должностные лица проводят антикоррупционную экспертизу принятых ими нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) при мониторинге их применения» [4]. Данную норму содержит и Порядок, который также закрепляет задачи мониторинга и определяет его прикладное значение в механизме профилактики и противодействия коррупции. Однако, такая конкретизация, по нашему мнению, является излишней, так как упомянутые положения находятся в противоречии с предметом правового регулирования и областью реализации норм Порядка. Данное утверждение основано на том, что в содержании последнего должны наличествовать положения, направленные на регулирование исключительно процесса осуществления военным ведомством антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов. Что касается порядка осуществления мониторинга правоприменения, то он регламентирован указом Президента России, а потому включение отдельных положений о мониторинге в ведомственные акты представляется неоправданным.

Также обращают на себя внимание положения Порядка, закрепляющие возможность участия в экспертной деятельности институтов гражданского общества. В данном случае речь идет об институте независимой антикоррупционной экспертизы. Вопрос об уместности включения норм, направленных на регулирование указанного института, в акты военного ведомства Российской Федерации освещался А.В. Кудашкиным. В своей работе он обращал внимание на «механизм взаимодействия разработчиков проектов нормативно-правовых актов с независимыми экспертами» [1].

Возможность проведения независимой антикоррупционной экспертизы закреплена Порядком, в частности в п. 10 предусмотрена обязанность размещения авторами проекта его текста на сайте regulation.gov.ru не менее, чем на семь дней, указав даты начала и окончания приема заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы [9]. Следует отметить, что большинство органов государственной власти применяют подобный механизм обнародования для экспертизы внутриведомственных нормативных правовых актов, который полностью соответствует требованиям ст. 5 ФЗ № 172-ФЗ [4]. Созданное на основе независимой антикоррупционной экспертизы заключение имеет диспозитивный, рекомендательный

характер и должно быть рассмотрено военным ведомством в обязательном порядке в течение 30 дней, начиная со дня получения.

В результате анализа положений Порядка, направленных на правовое регулирование механизма осуществления независимой антикоррупционной экспертизы проектов ведомственных актов Минобороны, была выявлена роль Правового департамента в рассмотрении выводов, полученных в ходе независимой экспертизы, в форме заключения эксперта. Так, Правовой департамент, являясь структурным элементом юридической службы Минобороны России, выполняет функцию правового обеспечения деятельности ведомства. Оценку выводов независимого эксперта производит, прежде всего, орган военного управления, выступающий в качестве автора нормативно-правового акта. Деятельность указанного органа по рассмотрению экспертного заключения завершается составлением и направлением мотивированного ответа по результатам независимой экспертизы.

Роль Правового департамента в этом процессе заключается исключительно в выполнении промежуточных, обеспечительных задач, связанных с получением подтверждения от разработчика о публикации проекта нормативного акта на упомянутом выше сайте, о получении (но без возможности рассмотрения) и регистрации заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы с последующим возвратом проекта его разработчику вместе с копией поступившего заключения. Кроме того, Правовой департамент высылает копию мотивированного ответа субъекту, осуществившему независимую антикоррупционную экспертизу, на их заключение. В связи с этим, справедливо замечание А.В. Кудашкина относительно профессиональной составляющей при оценке органом военного управления (не Правовым департаментом) отрицательного заключения независимого эксперта. Как отмечает автор, «...не во всяком органе военного управления имеются специалисты юридического профиля и не всякий такой специалист обладает необходимой квалификацией по проведению антикоррупционной экспертизы...» [1, с. 107-108].

При таких обстоятельствах представляется сомнительной возможность исполнения принципа компетентности субъектов антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов. Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным поручить обязанность рассмотрения экспертных заключений независимых экспертов и подготовки обоснованных ответов к ним именно Правовому департаменту.

В результате исследования было выявлено наличие отдельных особенностей правового регулирования порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в Минобороны России, связанных с «избыточностью» и нормативной загруженностью текста нормативного документа военного ведомства, дублированием единых, общеобязательных положений подзаконных актов Президента и Правительства. Кроме того, определено, что значимость главного юридического подразделения Минобороны снижается из-за нормативного ограничения круга его полномочий при проведении независимых антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и их проектов. Вместе с тем, принятый в Минобороны порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов эффективно интегрирует ведомство в общенациональную систему субъектов антикоррупционной экспертизы, способствуя предотвращению коррупционных правонарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудашкин А.В. Нужна ли независимая антикоррупционная экспертиза Министерству обороны Российской Федерации? / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение, 2012. – № 4 (178). – С. 104-108.

2. Зайков Д.Е. Положение о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации: новое правовое регулирование / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение, 2018. – № 7 (252). – С. 8-16.
3. Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства: учебно-практическое пособие / Н.В. Мамитова. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – С. 82.
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон, принят Государственной Думой Российской Федерации от 17.07.2009 № 172–ФЗ (ред. от 05.12.2022 г.) [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
5. Вопросы Министерства обороны Российской Федерации: указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1082 (ред. от 31.07.2023) [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48879/ebffb3148acb46cb2875e58ecd36c0337318d8bd/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
6. О юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации»: приказ Министра обороны РФ от 14.11.2017 № 700 [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364383/f689296fa06f5e7c7e3e93296407c0e1d81c9818/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
7. Об утверждении Плана противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2021-2024 годы : приказ Министра обороны РФ от 17.09.2021 № 555 [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398256/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
8. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»): постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 (ред. от 10.07.2017) [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
9. О Порядке проведения в Министерстве обороны Российской Федерации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Министерства обороны Российской Федерации»: приказ Министра обороны РФ от 19.12.2011 № 2610 [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125671/e995f71fd19882ebc6352c5cff21fc753be84dea/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.
10. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114147/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/. – Дата обращения: 14.01.2024. – Загл. с экрана.

MECHANISM OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF DEPARTMENTAL LEGAL ACTS BY STRUCTURAL SUBDIVISIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF DEFENCE: SPECIFICS OF IMPLEMENTATION

Abstraction. The article is devoted to the research of the peculiarities of the implementation of the mechanism of anti-corruption expertise of departmental legal acts by structural subdivisions of the Ministry of Defence of Russia. The procedure of anti-corruption expertise by the Legal Department of the Ministry of Defence of Russia is analysed.

Keywords: anti-corruption expertise, structural subdivisions of the Russian Ministry of Defence, subjects of anti-corruption expertise, mechanism of anti-corruption expertise, Legal Department.

Berestyuk Y.

Scientific adviser: Stepanova Y., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: yulya.berestyuk@mail.ru

УДК 343.13

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Бескровная А. С.

*Научный руководитель: Попов Б. И., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья исследует становление и развитие процессуальной самостоятельности следователя на различных этапах уголовного судопроизводства в России. Установлено изменение роли следователя от дореформенного периода до современности. Авторы определили ключевые моменты, включая введение народных следователей, передачу полномочий в прокуратуру и расширение полномочий прокурора. Рассмотрены изменения в законодательстве и их влияние на процессуальную самостоятельность следователя. В итоге, установлено, что процессуальная самостоятельность следователя прошла через несколько ключевых этапов, которые сформировали её современную концепцию.

Ключевые слова: процессуальная самостоятельность следователя, уголовное судопроизводство.

Вступление. Изучение истории формирования и эволюции статуса следователя и его процессуальной самостоятельности представляет большое значение для уголовного процесса, поскольку может помочь в решении актуальных проблем современного следствия. Данное исследование способствует выявлению исторических корней концепции процессуальной самостоятельности следователя, установлению границ такой самостоятельности и выяснению взаимосвязи процессуальных полномочий следователя с полномочиями других участников уголовного судопроизводства.

Цель данного исследования заключается в историко-теоретическом анализе становления и развития процессуальной самостоятельности следователя на различных этапах уголовного судопроизводства России.

Основная часть. Прежде всего, необходимо определить время возникновения следственных органов в России. Этот вопрос вызывает дискуссии. Согласно исследованию Б. Б. Степанова, лицо, специально назначенное для проведения уголовных расследований, появилось еще при царствовании Ивана IV [1, с. 15].

В статье А.К. Аверченко указывается, что следственные органы стоит связывать со временем правления Петра I и созданием «майорских» следственных канцелярий, следственной канцелярии генерал-прокуратуры Сената и Розыскной конторы Высшего суда [2, с. 163].

Интересный взгляд представляет мнение А.Н. Огородова, который утверждает, что попытки определить конкретный момент появления органов расследования являются методологически несостоятельными. Он считает, что стадия предварительного расследования и роль следователя в процессе являются следствием развития общественных отношений в области уголовного процесса, а не действиями отдельных личностей или правителей. А.Н. Огородов предлагает отделить формирование следственных органов на два этапа: до проведения Судебной реформы 1860–1864 гг. и после проведения этой реформы [3, с. 14].

В XVII веке в России началась эпоха приказной системы управления. Одной из особенностей приказов была их разнообразная и нечетко определенная функциональность, так как они учреждались в зависимости от конкретной ситуации или изменения обстановки в стране, будь то решением царя или Боярской думы. Прототипом следственного органа в системе приказов можно считать Разбойный приказ. Его компетенцию включала в себя управление полицейской деятельностью по разбойным, приводным и кражам делам. Разбойный приказ возглавлялась следственно-

судебной комиссией, состоявшей из боярина, дворянина и двух дьяков. В России существовала сеть таких приказов, которые руководились старостами [4, с. 73].

Следующим этапом в развитии следственных органов стала их создание при Петре I, включая «майорские» следственные канцелярии, следственную канцелярию генерал-прокуратуры Сената и Розыскную контору Высшего суда. Наибольшие полномочия были у «майорских» канцелярий, которые функционировали с 1713 по 1723 год. Они были созданы для расследования наиболее серьезных государственных преступлений, включая взяточничество, казнокрадство, служебные подлоги и мошенничество высокопоставленных чиновников. По данным А.К. Аверченко, 11 из 23 сенаторов были подвергнуты расследованию «майорскими» канцеляриями по этим категориям преступлений [2, с. 163].

Прямая подчиненность главе государства и независимость от других высших органов власти позволили «майорским» канцеляриям обеспечивать объективность и беспристрастность при проведении уголовных расследований в отношении должностных лиц. Многие историки отмечают, что даже Сенат не вмешивался в деятельность канцелярий. Таким образом, при Петре I впервые был создан орган предварительного следствия вне зависимости от ведомств. Однако после смерти Петра I «майорские» канцелярии были упразднены, и вневедомственные следственные органы были забыты на продолжительное время, аж до начала XX века.

С 1723 года по 1860 год в России расследованием преступлений занимались в основном неспециализированные судебные и административные органы, такие как Главная полицмейстерская канцелярия, Сыскной приказ, нижние земские суды и управы благочиния, которые были учреждены в 1782 году. В этот период началось формирование административной модели организации следственного аппарата [5, с. 658].

Контроль за следственными действиями следователей в России в середине XIX века осуществлялся судами, которые могли приостанавливать и прекращать следствие, давать указания и отменять распоряжения следователей. Однако в это время выявились многочисленные проблемы, такие как децентрализация, подчиненность административным структурам, инквизиторский характер процесса, нехватка квалифицированных специалистов и коррупция. Судебная реформа середины XIX века внесла ключевые изменения, включая создание должностей судебных следователей для улучшения качества расследования. Указом императора Александра II от 8 июня 1860 года были учреждены эти должности, ответственные за проведение следствия по всем делам, подсудным судам, что сделало разграничение между полицией и следственной службой.

В 1864 году в России был принят Устав уголовного судопроизводства, что представляло собой завершение многовекового процесса формирования следователя в качестве процессуальной фигуры, обязанной проводить предварительное следствие [6]. С этим законом следователь получил не только формальную независимость, но и практический механизм ее осуществления. Законодатель предоставил следователю максимальную для того времени степень самостоятельности. Его независимость гарантировалась тем, что его могли отстранить только судебным решением, и только суды второй инстанции могли налагать наказания на следователя. Суды и прокуроры могли требовать от судебного следователя письменные отчеты о ходе следствия только в случае жалобы на неправомысленный арест. Все государственные органы, чиновники и частные лица обязаны были сотрудничать со следователем [7, с/ 154].

Анализируя положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года, Огородов А. Н. пришел к выводу, что судебный следователь, в отличие от современных стандартов, обладал значительной процессуальной независимостью. Согласно статье 264 Устава, «судебный следователь вводит все необходимые меры для проведения

следствия, за исключением случаев, когда его полномочия явно ограничены законом». В соответствии со статьей 265 Устава, следователю предписывалось устанавливать как обвинительные, так и оправдательные обстоятельства. Он также обязан был проводить следственные действия в сроки и с необходимой скоростью.

Эта система предварительного следствия продолжала существовать до Октябрьской революции 1917 года, когда в России была внедрена советская система следственных органов. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 года «О суде» отменил судебных следователей, прокурорский надзор, а также институты присяжных заседателей и частных адвокатов [8]. Декрет № 2 «О суде», принятый Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 7 марта 1918 года, утверждал, что судопроизводство по уголовным и гражданским делам следует руководиться Судебными уставами 1864 года, если они не противоречат интересам трудящихся классов [9]. В связи с этим, положения о процессуальной независимости следователя продолжали действовать, пока уголовные дела рассматривались в местных народных судах. В остальных случаях следствие проводилось комиссиями из трех человек.

А.Н. Огородов заметил, что данная форма предварительного следствия ограничивала процессуальную независимость и самостоятельность следователя, так как коллегиальный характер комиссионного следствия исключал личную инициативу и ответственность индивидуального следователя в ходе расследования [3, с. 14].

С другой стороны, В.В. Шимановский подчеркнул, что процессуальная независимость и самостоятельность в сборе, фиксации и оценке доказательств требуют единоличного, а не коллегиального проведения предварительного следствия [10, с. 13].

В 1920 году Положение о народном суде РСФСР [11] внесло изменения в систему предварительного расследования, отказавшись от трехчленных следственных комиссий и введя должность народного следователя. Несмотря на утрату следователем титула «судебный», он продолжал входить в состав судебных органов. Суды избирали кандидатов на должность народного следователя, регламентировали их работу и финансирование, а также принимали окончательное решение о передаче дела в суд или об утверждении постановления следователя об отмене уголовного дела. Народный следователь приобрел широкие процессуальные полномочия, включая решение о возбуждении уголовного дела, проведение следственных действий, выбор мер пресечения, включая заключение под стражу, и решение о передаче дела в суд или об отмене уголовного дела. Однако в сентябре 1928 года народных следователей перевели из судов в прокуратуру, чтобы избежать конфликтов между судами и прокуратурой и повысить эффективность предварительного расследования.

С принятием УПК РСФСР в 1922 году появилось «Положение о прокурорском надзоре» [12], перераспределяющее процессуальную самостоятельность следователей в пользу прокурора. Прокурор получил полномочия контролировать начало дела, выбор мер пресечения, обзор актов предварительного следствия и выдачу обязательных указаний. Споры между следователями и прокурорами разрешались судом. В 1927 году следственный аппарат перешел в подчинение прокуратуре, лишив суды функции руководства. В 1936 году создан Следственный отдел в Прокуратуре СССР, окончательно формируя прокурорскую модель органов следствия. Органы НКВД СССР занимались предварительным следствием, ограничив процессуальную самостоятельность.

С 1934 по 1938 годы органам безопасности и милиции переданы полномочия по предварительному расследованию. В 1958 году предварительное следствие стало обязанностью следователей прокуратуры, внутренних дел и госбезопасности. Уголовное судопроизводство 1958 года закрепило процессуальную независимость следователя, сохраняя исключения, требующие санкции прокурора [13].

Впоследствии, принципы процессуальной самостоятельности следователя и его полной ответственности за законное и своевременное проведение следственных действий были закреплены в статье 127 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года [14]. Однако, согласно этому закону, предварительное следствие было обязательным для более чем 120 видов преступлений, что повлекло за собой увеличение нагрузки на следователей прокуратуры, несмотря на отсутствие расширения их штата. Эта проблема была решена Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1963 году, передав право проведения предварительного следствия органам охраны общественного порядка (сейчас органы внутренних дел).

Руководство деятельностью следователей органов охраны общественного порядка осуществляли начальники следственных управлений и отделов, чья деятельность и полномочия не были предусмотрены уголовно-процессуальным законом, но регламентировались ведомственными актами. Для придания законных оснований их процессуальному статусу, в 1965 году УПК РСФСР был дополнен статьей 127-1, которая предоставляла процессуальные права и обязанности начальников следственных отделов.

В соответствии с УПК РСФСР, следователь, расследующий дело, имел право давать поручения и указания органам дознания относительно проведения розыскных и следственных действий, а также требовать их содействия. Он также самостоятельно принимал решение о возбуждении, соединении, выделении и прекращении уголовного дела.

Следователь также имел процессуальное право приостанавливать исполнение указаний прокурора в отношении наиболее важных вопросов предварительного следствия, таких как привлечение в качестве обвиняемого, квалификация преступления, объем предъявляемого обвинения, направление дела в суд или прекращение дела. В случае несогласия с указаниями прокурора, следователь мог направить уголовное дело со своими возражениями вышестоящему прокурору, который либо отменял указания, либо поручал проведение другому следователю.

По нашему мнению, процессуальная самостоятельность следователя УПК РСФСР была обеспечена ст. 127 УПК РСФСР, в соответствии с которой, как было отмечено ранее, следователь обладал полномочием самостоятельно, ни с кем не согласовывая свои действия, обжаловать указания прокурора по ключевым вопросам расследования вышестоящему прокурору. Советская система предварительного расследования подвергалась критике, и были предложены идеи о создании централизованного следственного аппарата с разделением функций предварительного расследования и надзора за ним.

Несмотря на попытку создания единого следственного аппарата с помощью Закона «О следственном комитете Российской Федерации» в 1993 году [15], этот закон не был окончательно принят из-за роспуска представительного органа, который принял его.

В 2001 году, после создания Российской Федерации, был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [16]. Одной из его ключевых особенностей было расширение полномочий прокурора и ослабление процессуальной независимости следователя.

В 2007 году в УПК РФ и в Федеральном законе «О прокуратуре» [17] внесли значительные изменения, и появилась фигура руководителя следственного органа, что привело к дополнительному ослаблению роли следователя и его процессуальной независимости.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, заключим, что в ходе развития уголовного судопроизводства в России, процессуальная самостоятельность следователя прошла через несколько ключевых этапов, которые сформировали её современную концепцию:

1) дореформенный период (до 1920 г.). Судебные органы и административные инстанции занимались предварительным расследованием, но не обладали специализированными следственными функциями. Процессуальная самостоятельность была ограничена, и решения судов играли важную роль в расследовании;

2) введение народных следователей (1920-1936 гг.). Суды назначали народных следователей, но последние обладали широкими полномочиями в расследовании и принимали самостоятельные решения о мерах пресечения по уголовным делам.

3) передача народных следователей в прокуратуру (1928-1936 г.). Народные следователи были переданы прокуратуре, уменьшив влияние судов на предварительное расследование. Прокуроры начали играть более активную роль в расследовании и принимать решения о передаче дел в суд;

4) создание Следственного отдела в Прокуратуре СССР (1936-1958 г.) Суды утратили свои функции в уголовном расследовании;

5) передача полномочий по предварительному следствию различным органам (1958-2007 г.). Власть в расследовании была распределена между следователями прокуратуры, органами внутренних дел и органами государственной безопасности. Введена процессуальная самостоятельность следователя, включая возможность принимать решения о направлении следствия и производить следственные действия;

6) современный период (с 2007 г.). Введение руководителя следственного органа и расширение полномочий прокурора привели к дополнительному ослаблению процессуальной независимости следователя.

Таким образом, процессуальная самостоятельность следователя в российском уголовном судопроизводстве прошла путь от ограниченной функции до значительной независимости, а затем к последующему ослаблению. Эти изменения отражают долгий путь становления уголовного судопроизводства в России и поиск оптимального баланса между независимостью следственных органов и эффективностью уголовной юстиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Б.Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений: сравнительно-исторический аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Борис Борисович Степанов. Нижний Новгород, 2006. – 25 с.
2. Аверченко, А. К. Вневедомственный следственный аппарат: замыслы и реальность / А.К. Аверченко // Журнал Российского права. – 2005. – №3. – С. 161-166.
3. Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Антон Николаевич Огородов. Москва, 2018. – 26 с.
4. Лоза, Т.В. История создания и становления следственного комитета Российской Федерации / Т. В. Лоза // Наука. Общество. Государство. – 2013. – №1 (1). – С. 65-76.
5. Чаплыгина, В. Н. Становление института судебных следователей в конце XIX века : Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / В.Н. Чаплыгина. – Воронеж, 2006. – С. 657-661.
6. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 08.11.2023).
7. Хмелева, А.В. Предварительное следствие в России: ретроспективный взгляд / А.В. Хмелева // Lex Russica. – 2016. – №4 (113). – С. 151-161.
8. О суде: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 08.11.2023).
9. О суде: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 7 марта 1918 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude2.htm (дата обращения: 08.11.2023).
10. Шимановский, В.В. Правовое положение следователя в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Виктор Викторович Шимановский. – Ленинград, 1966. – 16 с.
11. Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 21.10.1920 г. [Электронный

- ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/store/doc/doc/ESU18782_0_20140421_141452_53397.pdf (дата обращения: 08.11.2023).
12. Положение о прокурорском надзоре: Постановление III сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва от 28 мая 1922 г. // Опубликован в № 132 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 16 июня 1922 г.
13. Основы уголовного судопроизводства СССР 1958 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9006425> (дата обращения: 08.11.2023).
14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 08.11.2023).
15. О проекте закона Российской Федерации «О Следственном комитете Российской Федерации»: Постановление Верховного Совета РФ от 31 марта 1993 г. №4715-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/6313732/> (дата обращения: 08.11.2023).
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
17. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 08.11.2023).

FORMATION AND DEVELOPMENT OF PROCEDURAL INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR AT VARIOUS STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Annotation. The article explores the formation and development of the procedural independence of the investigator at various stages of criminal proceedings in Russia. The change in the role of the investigator from the pre-reform period to the present has been established. The authors identified key points, including the introduction of people's investigators, the transfer of powers to the prosecutor's office and the expansion of the prosecutor's powers. The changes in legislation and their impact on the procedural independence of the investigator are considered. As a result, it was established that the procedural independence of the investigator went through several key stages that formed its modern concept.

Keywords: procedural independence of the investigator, criminal proceedings.

Beskrovnaya A.

Scientific supervisor: Popov B.I., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: beskrovnaya.alya1@gmail.com

УДК 342.716

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Братерская Э. Р.

*Научный руководитель: Кулакова Е. В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Одним из важнейших неотъемлемых прав любого человека выступает право на гражданство. В статье исследуется его регламентация в текущем международном праве. Особое внимание уделено нормам и принципам, регулирующим установление, лишение и приобретение гражданства, а также защите прав граждан в рамках международного права. При написании работы применялись диалектический, логический, формально-юридический методы. В заключении подчеркивается важность соблюдения права на гражданство и необходимость дальнейших усилий для его эффективной защиты и реализации.

Ключевые слова: право на гражданство, приобретение гражданства, лишение гражданства, безгражданство, апатрид.

Право на гражданство является одним из главных неотъемлемых прав человека и занимает особое положение среди основных прав. Это связано прежде всего с тем, что гражданство является важным элементом правового статуса человека, определяющим

основные принципы взаимоотношений между государством и личностью. Проблема регулирования гражданства в мировом сообществе становится все более актуальной в условиях глобализации и миграционных процессов.

Международные акты устанавливают нормы и принципы, в соответствии с которыми государства обязаны обеспечивать право каждого человека на гражданство и защищать его от произвольного лишения этого права. Даже если государства устанавливают правила приобретения и утраты своего гражданства и применяют их на национальном уровне, это не означает, что они обладают неограниченной свободой действий в вопросах гражданства. Международное право устанавливает четкие ограничения такой свободы действий и, по сути, регулирует вопросы гражданства в целом ряде различных документов: конвенций, деклараций и т.д. Целью данной статьи является проведение комплексного исследования современного состояния регламентации права на гражданство в международном праве.

Отправной точкой признания права на гражданство в качестве одного из основных прав человека является Всеобщая декларация прав человека (далее – Декларация). Согласно статье 15 данной Декларации [1]:

1. Каждый человек имеет право на гражданство.

2. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство.

В соответствии с частью 1, документ устанавливает возможность каждого человека иметь гражданство. В случае его отсутствия способность его получить.

Согласно части 2, Декларация запрещает лишение гражданства, если оно является произвольным. Однако в самом положении не уточняется, когда лишение гражданства должно считаться произвольным. Следует отметить, что еще в процессе подготовки проекта это вызвало бурные дискуссии. Некоторые делегации предлагали использовать вместо слова «произвольный» слово «незаконно» или «несправедливо». Большинство, однако, остановилось на понятии произвольности, утверждая, что оно охватывает ситуации, в которых лишение гражданства происходит без законного основания или в корне несправедливым образом [2]. Таким образом, часть 2 статьи 15 Декларации требует, чтобы процедуры лишения соблюдали определенные минимальные процедурные и материальные стандарты.

Право на изменение гражданства охватывает право человека принять новое гражданство и отказаться от своего прежнего. Утверждается, что критерий произвольности также применяется ко второй части статьи 15. Однако это ограничило бы право на изменение гражданства запретом на произвольный отказ в изменении гражданства. Такое толкование представляется слишком узким. Право на изменение своего гражданства следует понимать скорее, как право отказаться от своего гражданства при приобретении другого, за исключением случаев, когда такое изменение гражданства само по себе является произвольным.

Статья 15 Всеобщей декларации прав человека стала моделью для всех последующих кодификаций права на гражданство. Однако это положение также содержит в себе некоторые противоречия, которые ограничивают эффективность права на гражданство как права человека. Закрепленные гарантии ограничивают суверенитет государств лишь в незначительной степени.

Главный недостаток статьи 15 Всеобщей декларации прав человека – ее необязательный характер. Декларация не является договором, а носит чисто декларативный характер и, следовательно, не имеет обязательной юридической силы. Положения документа являются лишь проявлением намерений и фактически не предоставляют прав отдельным лицам и не налагают обязательств на государства. Тем не менее, являясь основным инструментом современного международного права в области прав человека, Всеобщая декларация прав человека имеет особый

юридический вес и не может сравниваться с другими резолюциями ООН, не имеющими обязательной силы.

Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), основанный на стандартах, изложенных во Всеобщей декларации прав человека, составляет основу современной международной системы прав человека.

Согласно части 3 статьи 24 МПГПП [3], «каждый ребенок имеет право на приобретение гражданства». Очевидно, что сфера действия статьи 24 ограничивается детьми. Она относится к детям независимо от их гражданства, т.е. также к детям - мигрантам и детям без гражданства. Данное положение – отличное от части 1 статьи 15 Всеобщей декларации прав человека, которая в целом провозглашает «право на гражданство» – говорит о праве детей на приобретение гражданства. Часть 3 статьи 24 гласит, что каждый ребенок имеет право на приобретение гражданства, но без указания на то, какое государство будет обязано предоставить ему гражданство и каким образом такое приобретение должно быть осуществлено. Как и статья 15 Всеобщей декларации прав человека, часть 3 статьи 24 МПГПП прямо не определяет адресата обязательства предоставить гражданство.

Согласно части 2 статьи 24 МПГПП, государства-участники Пакта обязаны незамедлительно регистрировать рождение всех детей, т.е. всех детей, родившихся на их территории [4]. Можно предположить, что часть 3 статьи 24 следует толковать как применимую ко всем детям, родившимся на территории государства. Однако, Комитет по правам человека придерживается иной позиции: документ «не предписывает в обязательном порядке государствам предоставлять свое гражданство всем детям, родившимся на их территории. Тем не менее государства обязаны принять все соответствующие меры как во внутреннем плане, так и в сотрудничестве с другими государствами в целях обеспечения предоставления любому ребенку гражданства в момент его рождения [5]». Следовательно, вопрос адресата права ребенка на гражданство остается открытым, так как исчерпывающе не регламентирован международными актами.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – КЛВФД) уделяет особое внимание дискриминации и праву на гражданство. Согласно статье 9 данного международного акта [6]:

1. Государства-участники предоставляют женщинам равные с мужчинами права в отношении приобретения, изменения или сохранения их гражданства. Они, в частности, обеспечивают, что ни вступление в брак с иностранцем, ни изменение гражданства мужа во время брака не влекут за собой автоматического изменения гражданства жены, не превращают ее в лицо без гражданства и не могут заставить ее принять гражданство мужа.

2. Государства-участники предоставляют женщинам равные с мужчинами права в отношении гражданства их детей.

Таким образом, статья 9 КЛВФД не предоставляет права на гражданство как таковое и прямо не обязывает государства содействовать приобретению гражданства женщинами. Вместо этого она запрещает дискриминацию по признаку пола при приобретении и передаче гражданства или, в более общем плане, на равенство при применении законов о гражданстве. Следовательно, статья 9 носит характер нормы о равенстве.

Статья 9 КЛВФД является первым положением международного договора, в котором фактически используется правозащитный подход к вопросу о гражданстве женщин. Хотя закон и не предоставляет женщинам общего права на гражданство, он защищает право женщин на равное обращение в вопросах гражданства. Он предусматривает, что законы и политика в области гражданства не могут допускать дискриминации по признаку пола, семейного положения или любого их сочетания.

Часть 1 статьи 9 КЛВФД отвергает принцип зависимого гражданства, который связывает гражданство женщины с гражданством ее отца или мужа, который исторически определял гражданство женщины. Как указано в Общей рекомендации № 21 [7]: «следует предусмотреть, чтобы взрослая женщина имела возможность изменить гражданство».

Часть 2 статьи 9 КЛВФД обязывает государства предоставлять женщинам равные права с мужчинами в отношении гражданства их детей. Женщины имеют такое же право передавать свое гражданство своим детям. Это относится как к биологическим, так и к усыновленным детям или детям, рожденным суррогатной матерью, а также к детям, рожденным в браке и вне его [8]. Данное положение преследует двоякую цель. С одной стороны, оно направлено на достижение полного равенства женщин и мужчин в вопросах гражданства. С другой стороны, оно также направлено на защиту детей от безгражданства [9]. Это иллюстрирует тесную связь между правом женщин на гражданство и правом детей на гражданство.

Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года (далее – КЛВФРД) также рассматривает гражданство с точки зрения недискриминации. Однако в данном случае гражданство играет двойную роль. С одной стороны, Конвенция запрещает дискриминацию в отношении определенной национальности и защищает право на гражданство. С другой стороны, сама Конвенция допускает проведение различия между гражданами и негражданами по признаку гражданства. Согласно части 2 статьи 1 КЛВФРД [10], положения Конвенции не применяются к различиям, исключениям, ограничениям или предпочтениям, проводимым государством-участником между гражданами и негражданами. Таким образом, КЛВФРД допускает преимущественное отношение к собственным гражданам государства.

Часть 3 статьи 1 добавляет, что ничто в Конвенции не может быть истолковано как затрагивающее внутреннее законодательство, касающееся гражданства или натурализации, подтверждая компетенцию государств принимать законодательные решения по вопросам гражданства. Следовательно, государства могут также отдавать предпочтение определенным группам или даже этническим группам или национальностям в вопросах гражданства.

Однако, как разъясняется в части 3 статьи 1, такие положения не могут дискриминировать какое-либо конкретное гражданство, но они запрещают дискриминацию в отношении любой конкретной национальности в вопросах гражданства или натурализации. Хотя государства могут относиться к своим собственным гражданам иначе, чем ко всем другим негражданам, любое дифференцированное обращение с определенной национальностью по сравнению с другой национальностью является нарушением КЛВФРД, если такое дифференцированное обращение не может быть оправдано.

В пункте iii части d статьи 5 КЛВФРД уточняется, что государства обязаны гарантировать право на равенство перед законом при осуществлении права на гражданство. Запрещение дискриминации в вопросах гражданства обязывает государства предотвращать любую дискриминацию в отношении неграждан, которая лишает доступа к гражданству или натурализации.

Можно утверждать, что положения Конвенции усиливают право на гражданство, обязывая государства запрещать и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах в вопросах гражданства и гарантировать полное осуществление права на гражданство.

Существует также несколько документов, которые способствуют защите права на гражданство, а именно защищают права лиц без гражданства и беженцев.

Конвенция о статусе апатридов 1954 года (далее – КСА) разрабатывалась параллельно с Конвенцией о беженцах 1951 года с целью принятия единого

инструмента защиты как беженцев, так и лиц без гражданства. Однако в конечном итоге КСА была принята в качестве самостоятельного документа.

Часть 1 статьи 1 КСА [11] определяет лицо без гражданства как «лицо, которое не считается гражданином ни одного государства в соответствии с его законодательством». Последующие положения перечисляют права лиц без гражданства, запрещают дискриминацию и устанавливают минимальные стандарты обращения с лицами без гражданства.

Конвенция 1954 года направлена на смягчение наиболее серьезных последствий безгражданства и предоставление лицам без гражданства ряда основных прав. Однако, хотя приобретение гражданства обеспечивает единственное устойчивое юридическое решение для лиц без гражданства, КСА прямо не кодифицирует право на гражданство. Вместо этого он просто призывает государства содействовать натурализации лиц без гражданства. Статья 32 предусматривает, что договаривающиеся государства будут по возможности облегчать ассимиляцию и натурализацию апатридов. В частности, они будут делать все от них зависящее для ускорения делопроизводства по натурализации и возможного уменьшения связанных с ним сборов и расходов.

Конвенция 1954 года дополняется Конвенцией о сокращении безгражданства, принятой в 1961 году (далее – КСБ). Как и КСА, КСБ направлена на предотвращение и искоренение безгражданства. Конвенция о сокращении безгражданства является «ведущим международным документом, устанавливающим правила предоставления гражданства и отказа от него с целью предотвращения возникновения случаев безгражданства [12]». Для достижения цели сокращения и предотвращения безгражданства Конвенция обязывает государства предоставлять гражданство при определенных обстоятельствах лицам без гражданства. Таким образом, Конвенцию иногда описывают как инструмент, реализующий обещание статьи 15 Всеобщей декларации прав человека.

Центральными положениями Конвенции о сокращении безгражданства являются статьи 1 и 4 [13] о приобретении гражданства на основе рождения на территории и родового происхождения. В статье 1 утверждается, что «договаривающееся государство предоставляет свое гражданство лицу, родившемуся на его территории, которое в противном случае было бы апатридом». Такое гражданство может быть предоставлено автоматически при рождении, в силу закона или по заявлению. Однако государства-участники могут устанавливать дополнительные условия для приобретения гражданства путем подачи заявления в зависимости от продолжительности проживания, национальной безопасности, хорошей репутации или причины безгражданства.

Таким образом, статья 1 КСБ отражает идею права на приобретение гражданства в силу рождения на данной территории.

Статья 4 добавляет, что государства предоставляют свое гражданство лицу, родившемуся не на их территории, если в противном случае оно было бы апатридом и, если один из родителей имел гражданство этого государства на момент рождения. Такое присвоение гражданства на основе родового происхождения может быть предоставлено автоматически при рождении или по заявлению. Согласно части 2 статьи 4, государства могут предусмотреть несколько условий для такого заявления. В сочетании эти два положения направлены на обеспечение того, чтобы лица без гражданства имели доступ к получению гражданства.

Остальные основные положения Конвенции 1961 года направлены на обеспечение того, чтобы государства-участники предоставляли гражданство лицам, отвечающим критериям приобретения, и ограничивали возможности потери гражданства, которые могут сделать физическое лицо апатридом.

Конвенция о сокращении безгражданства 1961 года обеспечивает прочную основу для его предотвращения в будущем и сокращения безгражданства, которое существует в

настоящее время. Как таковой, это наиболее проработанный и детализированный инструмент на универсальном уровне по предотвращению безгражданства.

Таким образом, право на гражданство является важным элементом международного права, регулирующим отношения между государствами и их гражданами. Регламентация данного права имеет ключевое значение для обеспечения защиты прав человека, свободы передвижения и участия в общественной жизни. Соблюдение положений, предусмотренных международными актами, важно для предотвращения произвола и дискриминации в сфере гражданства. Однако, несмотря на существующие нормы и принципы, проблемы соблюдения права на гражданство остаются актуальными, требуя дальнейших усилий со стороны международного сообщества для его эффективной защиты и реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 27.02.2024).
2. Summary record of the 123rd meeting: [6th Committee, General Assembly, 3rd session], held on Friday, 26 November 1948/ [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/703755> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml (дата обращения: 27.02.2024).
4. Там же. (дата обращения: 27.02.2024).
5. Замечание общего порядка № 17 к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года «Статья 24 (права ребенка)»: принято Комитетом ООН по правам человека на его 35-й сессии от 1989 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCCPR%2FGEC%2F6623&Lang=en (дата обращения: 27.02.2024).
6. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 27.02.2024).
7. Общая рекомендация № 21 (Тринадцатая сессия): Равноправие в браке и семейных отношениях [Электронный ресурс]. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rgeneral21.html> (дата обращения: 27.02.2024).
8. Доклад о дискриминации в отношении женщин в вопросах, касающихся гражданства, включая воздействие на детей: доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 15 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unhrc/2013/ru/95238> (дата обращения: 27.02.2024).
9. Общая рекомендация № 32 по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/552286254.html> (дата обращения: 28.02.2024).
10. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята Генеральной Ассамблеей ООН от 21 декабря 1965 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 28.02.2024).
11. Конвенция о статусе апатридов: принята Конференцией полномочных представителей от 28 сентября 1954 г., созванной в соответствии с резолюцией 526 А (XVII) Экономического и Социального Совета от 26 апреля 1954 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (дата обращения: 28.02.2024).
12. Introductory note by the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees [Электронный ресурс]. URL: https://www.unhcr.org/ibelong/wp-content/uploads/1961-Convention-on-the-reduction-of-Statelessness_ENG.pdf (дата обращения: 28.02.2024).
13. Конвенция о сокращении безгражданства: принята Конференцией полномочных представителей во исполнение резолюции 896 (IX) от 30 августа 1961 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (дата обращения: 28.02.2024).

REGULATION OF THE RIGHT TO NATIONALITY IN INTERNATIONAL LAW

Annotation. One of the most important inalienable rights of any human being is the right to nationality. The article examines its regulation in the current international law. Particular attention is paid to the norms and

principles governing the establishment, deprivation and acquisition of citizenship, as well as the protection of citizens' rights under international law. Dialectical, logical, formal-legal methods were used in writing the work. The conclusion emphasises the importance of respect for the right to nationality and the need for further efforts for its effective protection and implementation.

Keywords: right to nationality, acquisition of nationality, deprivation of nationality, statelessness, stateless person.

Braterskaya E.

Scientific adviser: Kulakova E., PhD in Law, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: evelina.braterskaya@yandex.ru

УДК 342.1

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРИНЦИПЕ РАВНОПРАВИА КАК БАЗИСА ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Букренева В.В.

*Научный руководитель: Кулакова Е.В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается принцип конституционного равноправия с фактическим неравенством субъектов Российской Федерации с целью изучения характера российского государства (симметричного или асимметричного) с точки зрения конституционно-правового статуса его субъектов. Выявлено, что в обозримом будущем Российская Федерация неизбежно продолжит оставаться асимметричной страной, которая будет проявляться не на уровне важнейших конституционных полномочий, прав и обязанностей, а на уровне специфических характеристик, связанных с экономическими, культурно-историческими, национальными и географическими особенностями конкретного субъекта федерации.

Ключевые слова: федерализм, субъекты РФ, конституционно-правовой статус, принцип равноправия.

Федерализм представляет универсальный инструмент государственного устройства, соответствующий стандартам целостности и единства, а также широкой самостоятельности субъектов федерации. Федерализм является наиболее оптимальной формой государственного устройства для России, поскольку позволяет учесть достаточно большую территорию государства, его сложный региональный и многонациональный состав, а также позволяет избежать монополизации центральной власти государства. Это современное средство политического регулирования, децентрализации государственной власти и широкого демократического участия населения в строительстве страны.

Согласно статье 5 Конституции, Россия состоит из равноправных субъектов Российской Федерации. Однако анализ дальнейших положений Основного закона позволяет нам проиллюстрировать определенные различия между Республикой и другими субъектами Российской Федерации. Поэтому представляется актуальным изучить и сравнить принцип конституционного равноправия с фактическим неравенством субъектов Российской Федерации с целью изучения характера российского государства (симметричного или асимметричного) с точки зрения конституционно-правового статуса его субъектов.

Необходимо определить, что существуют две противоположные научные позиции. По мнению Л.М. Карапетяна, недопустимо признавать асимметрию конституционно-правового статуса субъекта федерации по отношению к любому федеративному государству [1, с. 59]. Напротив, В.Е.Чиркин считает, что

существование асимметричных элементов в федеративной структуре государства может быть объективно ограничено [2, с. 127].

И.А. Конюхова признавала, что асимметрия федерации может быть объективной и разумной на определенном этапе истории, а может быть искусственной, создавая основу для постоянного конфликта между субъектами Федерации и борьбы за равные права [3, с. 53].

Россия переживает сложный этап социальных изменений, целью которых является установление действительно равноправных и стабильных отношений между субъектами Российской Федерации, а также между центральными и местными органами власти. В то же время федерализм в общественном сознании по-прежнему остается однородной и статичной системой, и основные различия в структуре федеративного государства сводятся к его федеративному или конфедеративному характеру. Под влиянием сегодняшних проблем многообразие современного федерализма отошло на второй план. Федерация может объединять равноправные субъекты и политико-территориальные единицы с разным статусом, размером и экономическим потенциалом.

Федерализм как содержание федеративных отношений может существовать вне рамок федеративного государственного устройства, а федерация – нет. Исторические особенности развития Российского государства свидетельствуют о целесообразности и обоснованности указанной формы устройства, но достаточно большое количество субъектов не могут в полной мере реализовать все возможности федерализма.

Только на основе установления асимметричного конституционного статуса ее субъектов может быть осуществлена демократическая реформа Российской Федерации. Перспективная модель системы государственного устройства Российской Федерации предполагает разумное сочетание централизованной федеральной власти и региональной самостоятельности.

Для того чтобы обеспечить реализацию конституционных норм, можно устранить все противоречия и пробелы в законодательстве: необходимо сделать права всех республик равными, а также создать механизм разумного и оптимального сочетания федеральных и республиканских интересов, поскольку из-за накопления договоров и других неравенств федерация рано или поздно распадется – только таким способом возможно укрепить стабильность Российской Федерации, ее целостность, ее единство и избежать угрозы распада.

Одним из самых важных направлений совершенствования федеративных отношений должно стать усиление гарантий единства Российской Федерации. В свою очередь, это может быть достигнуто только посредством наличия высокого уровня жизни граждан, культуры, эффективных решений национальных вопросов, наличия развивающейся экономики.

В настоящее время принцип равноправия субъектов Федерации, содержащийся в Конституции Российской Федерации, фактически не применяется и не действует. Согласно части 2 статьи 5 Конституции Российской Федерации [4], республики на территории Российской Федерации рассматриваются как государства, в то время как другие субъекты не имеют этого статуса. Поэтому республикам предоставляется право принимать конституцию, в то время как основными законами других субъектов Российской Федерации являются уставы.

Как справедливо отмечает Кузовлева Г.В, в мировой практике право принимать уставы традиционно закреплялось за территорией местного самоуправления. Поэтому предоставление этого права субъектам федерации указывает на то, что Конституция и уставы субъектов Федерации различаются по своей природе, хотя это различие основано на принципе равноправия субъектов не должно существовать [5, с. 50].

Среди конституционных положений, которые различают субъекты Российской Федерации при декларировании принципа равноправия субъектов Российской

Федерации, отметим положения, содержащиеся в Конституции в главе «Основы конституционного строя», а именно положение ч.2 ст. 5 Конституции РФ: республика – это государство. Конституция Российской Федерации не определяет другие субъекты Федерации как государства.

Отличительной конституционной особенностью республики Российской Федерации является то, что «Республика имеет право устанавливать свой государственный язык». Причина, по которой республика имеет право на установление своего государственного языка заключается в том, что указанная особенность, с одной стороны, расширяет спектр прав других людей использовать свой родной язык в качестве государственного в государственных учреждениях того же субъекта Федерации. И наоборот, принятие государственного языка республики может быть обусловлено только вовлечением народа республики в демократический процесс и обеспечением их участия в реализации суверенитета многонационального народа Российской Федерации.

Большинство языковых законов республик содержат положения о равной (или эквивалентной) юридической силе республиканских законов или других правовых актов, опубликованных на государственном языке Республики. Примером может служить ст. 11 Закона Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия», которая содержит норму о том, что законы и иные нормативные правовые акты, принятые высшим органом государственной власти Республики Хакасия, а также официальные публикации на государственном языке Российской Федерации, могут быть официально опубликованы на хакасском языке. Используя эту логику, необходимо сделать вывод, что статус государственного языка Республики обусловлен реализацией принципа равенства прав человека и гражданина, независимо от языковых особенностей, а также принципом равенства и самоопределения субъектов в отношениях с федеральными органами государственной власти. Статус государственного языка республики используется в качестве условия для реализации статуса государственного языка Российской Федерации. Установление государственного языка республики является правом республики, а не обязанностью. В связи с этим государственный язык республики является дополнительным и факультативным элементом конституционно-правового статуса республики.

Правовой статус субъектов Российской Федерации фактически неравен, что наиболее очевидным проявлением этого факта является то, что некоторые равноправные субъекты Федерации входят в состав других заведомо более равных субъектов той же федерации, то есть автономные округа входят в состав краев и областей, признанные в соответствии с федеральной конституцией. Даже очевидные и самые восторженные сторонники федеральной симметрии и юридического равенства субъектов Федерации не могут отрицать, что в данном случае существуют очевидные асимметрии и правовое неравенство.

Так, по мнению А.Н. Лебедева, «провозглашение республик, краев, областей и т. д. равноправными субъектами РФ будет означать, что все эти политико-территориальные образования имеют равные, одинаковые права и обязанности, независимо от экономических, социальных, национальных, культурных, исторических или иных различий по своему характеру» [6, с. 76]. Автор даже не поднимал вопрос о необходимости учета конкретных обстоятельств реального положения субъекта Федерации.

В этой связи трудно согласиться с мнением, что последовательность развития институтов на национальном и местном уровнях сделает общество политически стабильным, но практически недемократичным. Если институциональное развитие Федерации и ее субъектов осуществляется в направлении признания и эффективной

реализации демократических принципов и норм, стабильность и демократизация могут быть достигнуты одновременно.

Представляется, что единый процесс формирования расширенных (укрупненных) субъектов Российской Федерации, возникший в современной практике государственно-правового строительства, является совершенно естественным процессом сокращения числа субъектов федерации, который приведет к получению самодостаточных субъектов.

Реализация принципа равноправия тесно связана с вопросом о равном статусе субъектов Российской Федерации. Согласно статье 66 Конституции Российской Федерации, статус субъектов Российской Федерации определяется федеральной конституцией и конституцией (уставом) субъектов Федерации.

Фактически, федеральные законы и договоры также определяют элементы статуса. Эти законы и договоры разграничивают предметы ведения и полномочия между федеральными и региональными органами государственной власти, а также устанавливают условия и процедуры реализации определенных прав субъектов Российской Федерации.

Поэтому в силу географических, геополитических и иных особенностей субъектов Российской Федерации они объективно не могут иметь равного статуса. Текущая практика определения статуса субъектов Федерации, предусмотренного федеральным законодательством, подтверждает это.

К сожалению, Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» не закрепил нормативно-правовую базу субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с органами государственной власти Российской Федерации. Данный нормативный правовой акт выдвигает верховенство Конституции и федерального законодательства на всей территории Российской Федерации. В целом следует отметить, что неразрешенные конституционные противоречия о равенстве субъектов федерации способствуют развитию деструктивной тенденции федерализма.

Юридически и фактически мы имеем противоречивый «неравный, но равный» субъект федерации. Керимов А.Д. предложил некоторые меры по устранению этой ситуации [7].

1. Всем субъектам Федерации без исключения должен быть предоставлен единый правовой статус. В связи с этим так называемым «сложным» образованиям придется утратить это качество. «Тот факт, что один субъект федерации является частью другого субъекта, – В.Е. Чиркин очень правильно отметил, – это юридическая бессмыслица, неизвестная в мировой практике. В контексте возможности единого правового статуса для субъектов Федерации в будущем некоторые исследователи не без оснований предположили, что их следует расширить, что в принципе разумно. Чрезмерное разделение страны, которое приняло нынешнюю конституцию, «унаследованную» от прошлого, оказало негативное влияние на эффективность централизованного управления. Хорошо известным шагом по преодолению этого недостатка является создание семи федеральных округов» [8; 6]. Поэтому не случайно, что сейчас идет процесс объединения многих субъектов. В Указе Президента РФ от 13.05.2000 N 849 (ред. от 04.02.2021) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» нет официального определения понятия «федеральный округ», что представляется нам серьезным упущением.

Вхождение в состав России Донецкой Народной Республики, принятой в Российскую Федерацию в соответствии с Конституцией Российской Федерации и статьей 4 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» также предопределяет возможные предпочтения

правового статуса республик. Однако вопрос к какому округу относятся новые субъекты РФ до сих пор не урегулирован.

2. Рекомендуются выбрать единое название для всех субъектов федерации. Что касается национальных особенностей отдельных субъектов Федерации, то они должны выражаться в форме национальной культуры, объединяющей людей соответствующих этнических групп, компактно проживающих не только в конкретных районах, но и на территории всей страны. Все субъекты Федерации должны иметь право принимать свои собственные уставы (а не конституции), и, конечно, эти уставы должны полностью соответствовать основному закону России.

3. Необходимо конституционно определить общие и унифицированные принципы взаимоотношений между федеральным центром и регионами, а также общие и унифицированные принципы формирования, организации и порядка работы представителей государственной власти и исполнительных органов субъектов Федерации.

4. В Конституции Российской Федерации также имеет смысл специально предусмотреть норму, согласно которой субъект Федерации обладает суверенитетом только в своих внутренних делах, то есть в случае отнесения к его юрисдикции. Невозможно не согласиться с С.А. Авакьяном. «Это, – отмечает автор, – положит конец очевидной спекулятивной интерпретации суверенитета субъекта федерации как возможности его абсолютной внешней независимости, которой не существует и, очевидно, не может быть в федеративном государстве» [9, с. 77].

Следует добавить, что формальное признание асимметрии территориальной организации российского государства и ее более глубоких теоретических причин будет способствовать стабильности статуса республик в Федерации, а также будет способствовать теоретическому обоснованию, если необходимо выбрать нестандартные решения для политического и социально-экономического развития российского региона, возможно изменение правового статуса других субъектов. При наличии анклавных образований (Калининградская область), отдаленных географических местоположений и островных территорий (Сахалинская область) такой подход вполне обоснован.

Поэтому внесение дополнений в ФКЗ РФ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», касающихся правового статуса субъектов Российской Федерации могут стать важным направлением совершенствования состава субъектов Российской Федерации, что прямо предусмотрено Конституцией Российской Федерации. Стратегической целью этого является постепенное формирование единого статуса всех субъектов Российской Федерации как государственно-территориальной единицы, основанной на принципе интегрированной территории.

Постоянное совершенствование законодательных норм регулирования правового статуса субъектов федерации поможет эффективно реализовать конституционный принцип равноправия субъектов федерации во взаимоотношениях с федеральным центром, а также обеспечить единство механизмов их взаимодействия.

Поскольку Россия является асимметричной федерацией, принцип равноправия ее субъектов следует рассматривать не как абсолютный принцип, а как обеспечение равных возможностей для всех субъектов владеть и осуществлять права и свободы.

Таким образом, делаем вывод, что в обозримом будущем Российская Федерация неизбежно продолжит оставаться асимметричной страной. Но эта асимметрия будет проявляться не на уровне важнейших конституционных полномочий, прав и обязанностей, а на уровне специфических характеристик, связанных с экономическими, культурно-историческими, национальными и географическими особенностями конкретного субъекта федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карапетян Л.М. К вопросу о «моделях» федерализма (Критический обзор некоторых публикаций) // Государство и право. – М.: Наука, 1996, № 12. – С. 53-65
2. Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. – М.: Наука, 1994, № 8-9. – С. 150-158
3. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. Монография / Конюхова И.А. – М.: Городец, Формула права, 2004. – 592 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 01.07.2020 от 14.03.2020 N 1-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
5. Кузовлева Г.В. К вопросу о равноправии субъектов Российской Федерации // Общество и право, 2014, №2 (48). – С. 50-53
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / [Андриченко Л. В. и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева ; Конституционный Суд Российской Федерации. – Москва : Эксмо, 2009. – 1056 с.
7. Керимов А.Д., Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы // Гражданин и право. 2001. № 12.
8. Чиркин В.Е. О некоторых проблемах реформы Российской Конституции // Государство и право. – М.: Наука, 2000, № 6. – С. 5-11
9. Авакьян С.А. Проблемы реформы Конституции // Российский конституционализм: проблемы и решения. Материалы Международной конференции. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1999. – С. 74-78

**TO THE ISSUE OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF EQUAL RIGHTS AS THE BASIS OF
FEDERALISM IN RUSSIA**

Annotation. This paper examines the principle of constitutional equality with actual inequality of the subjects of the Russian Federation in order to study the nature of the Russian state (symmetric or asymmetric) in terms of the constitutional and legal status of its subjects. It is revealed that in the foreseeable future the Russian Federation will inevitably continue to be an asymmetric country, which will be manifested not at the level of the most important constitutional powers, rights and duties, but at the level of specific characteristics associated with economic, cultural-historical, national and geographical peculiarities of a particular subject of the federation.

Keywords: federalism, subjects of the Russian Federation, constitutional and legal status, principle of equality.

Bukreneva V.

Scientific adviser: Kulakova E., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: bukrenevav@mail.ru

УДК 34:004.056

**ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ,
НЕ ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЕ**

Васильев В.А.

*Научный руководитель: Горбатенко Е.В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с конфиденциальной информацией, не относящейся к государственной тайне, ее понятием и классификацией. На основе изучения и анализа материалов научной и учебной литературы, действующего законодательства по теме исследования, сделаны выводы и сформулированы предложения по совершенствованию норм законодательства, регулирующего вопросы, связанные с конфиденциальной информацией, не относящейся к государственной тайне.

Ключевые слова: конфиденциальная информация, понятие, классификация, виды, законодательство.

В современных условиях, вопросы, связанные с конфиденциальной информацией, не относящейся к государственной тайне, ее понятием и классификацией, приобретают

все большую актуальность. Систематизация информации ограниченного доступа и ее режимов имеет важное значение (как теоретическое, так и практическое). От особенностей и свойств тех или иных видов информации во многом зависит выбор наиболее эффективных способов ее использования, хранения и передачи, а также защиты (в т.ч. и правовой), обеспечения ее конфиденциальности.

В настоящее время, отсутствует единая точка зрения относительно сущности таких социальных и правовых явлений как конфиденциальная информация и тайна. Законодательством Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) не в достаточной мере урегулированы вопросы, связанные с составом сведений, относящихся к различным видам конфиденциальной информации, не относящейся к государственной тайне, не закреплена классификация такой информации. Аналогичные недостатки присущи и федеральному законодательству Российской Федерации (далее – РФ), действующему и на территории ДНР.

Необходимость соблюдения конфиденциальности той или иной информации обусловлена возможностью нарушения прав и законных интересов физических и/или юридических лиц, нанесения им какого-либо вреда (как имущественного, так и неимущественного (морального) в результате разглашения таких сведений. Также, такая необходимость может быть связана с доверительным характером отношений, возникающих, в частности, между субъектами отдельных видов профессиональной деятельности и лицами, обращающимися к ним за профессиональной помощью.

От понимания участниками правоотношений сущности такого правового явления, как конфиденциальная информация, не относящаяся к государственной тайне, а также от систематизации и классификации сведений, ее составляющих, во многом зависит эффективность формирования правомерного поведения участников правоотношений, реализации права, в т.ч. и в форме его применения, защиты прав и законных интересов лиц (как физических, так и юридических). Однако, действующее законодательство РФ не закрепляет четкое определение понятия конфиденциальной информации, не относящейся к государственной тайне, в полной мере отражающее сущность данного явления.

Исходя из ст. 6 Договора между РФ и ДНР «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» от 30.09.2022 г. (ратифицирован Федеральным законом от 04.10.2022 г. № 372-ФЗ, вступил в силу 05.10.2022 г., письмо МИД России от 05.10.2022 г. № 19696/дп), в ДНР со дня принятия в РФ и образования в РФ нового субъекта и до 01.01.2026 г. действует переходный период, в течение которого урегулируются, в частности, вопросы интеграции ДНР в правовую систему РФ.

Целесообразно развитие института конфиденциальной информации, более детальное урегулирование нормами права объективно существующих отношений.

Вопросы, связанные с конфиденциальной информацией, не относящейся к государственной тайне, ее понятием и классификацией, рассматривали в своих работах: Антопольский А.А., Бурдов С.Н., Дубко Е.Д., Ельчанинова Н.Б., Ершов М.А., Жирнова Н.А., Игбаева З.Р., Камалова Г.Г., Карая А.В., Кармановский Н.С., Кожушкова Н.В., Кокорин И.С., Колдин А.В., Корнеев И.К., Минбалева А.В., Мирских И.Ю., Огородов Д.В., Паршуков М.И., Пермяков М.В., Пономарева Ю.В., Прокопенко А.Н., Савченко-Новопавловская С.Л., Сергейчик А.Л., Сизоненко А.Б., Сорокина А.Э., Степанов Е.А., Строганова И.В., Фатьянов А.А., Хапай А.А., Чурилкин И.С. и др.

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопросов, связанных с конфиденциальной информацией, не относящейся к государственной тайне, ее понятием и классификацией; формирование предложений по совершенствованию норм действующего законодательства.

Указанной целью определяются задачи исследования:

- анализ материалов научной и учебной литературы;
- изучение и анализ действующего законодательства по теме исследования;
- обоснование необходимости совершенствования норм действующего законодательства, относительно регулирования вопросов связанных с конфиденциальной информацией, не относящейся к государственной тайне, ее понятием и классификацией.

От владения информацией, ее точности и объема, всегда зависело наличие преимуществ той или иной стороны любых отношений. Этим обусловлена необходимость ограничения доступа к определенным сведениям, сохранения их в тайне, соблюдения их конфиденциальности (от лат. *confidentia* – доверие).

Тайна, в свою очередь, представляет собой «нечто, скрываемое от других, известное не всем; секрет»; «сведения, знания, приемы, неизвестные непосвященным» [1, с. 1302-1303]; «информация о ком-либо, чем-либо, которая известна узкому кругу лиц и не предназначена для посторонних людей» [2, с. 1334].

Развитие института тайны и соблюдение конфиденциальности разного рода информации имеет свои особенности в различных государствах в разные исторические периоды.

Так, Пермяков М.В. подчеркивает, что «категория «тайна» возникла вместе с появлением государства и до сегодняшнего дня остается неотъемлемой его частью» [3, с. 239].

Фатьянов А.А. отмечает, что такое социальное (а позже – и правовое) явление, как коммерческая тайна, имеет такую же древнюю историю развития, как и отношения товарного обмена (рыночные отношения) [4, с. 168]. При этом, «цели извлечения прибыли, а в ряде случаев и прямого выживания, диктовали необходимость ограничения в доступе, как минимум, к двум категориям информации: а) о первоначальной цене (цене приобретения) перепродаваемого товара; б) о технологических особенностях произведенного товара, делающих его рыночно привлекательным» [4, с. 168].

Кокорин И.С. и Игбаева З.Р. обращают внимание на то, что «государственные и коммерческие секреты, а, следовательно, и охота за ними, их добывание возникли на заре человеческого общества, когда появились государства, развивалась торговля между ними. Параллельно появилась и развивалась разведывательная деятельность» [5, с. 93].

Что касается соблюдения конфиденциальности сведений личного характера, то, например, в Российской Империи «разглашение тайны между частными лицами» составляло, по общему правилу, лишь безнравственный поступок, но в случае противозаконного «проникновения в чужую тайну и оскорбительности оглашенного сведения» оно приобретало «характер уголовно-наказуемого деяния, примыкающего к группе посягательств против личной чести» [6, с. 499].

Развитие институтов служебной и профессиональной тайн зависит, соответственно, от особенностей и развития государственной, муниципальной службы и отдельных профессий (предполагающих соблюдение конфиденциальности) в различных государствах в разные исторические периоды. Так:

- в Российской Империи служебная тайна относилась к числу обязательных (профессиональных) тайн [6, с. 492, 497];

- в советский период (на территории СССР) и некоторое время после него служебную тайну составляла совокупность защищаемых государственных секретов и иных сведений, имевших определенные грифы и пометки («Секретно», «Не для печати», «Не подлежат оглашению», «Не для опубликования», «Для служебного пользования», «Лично» и др.) [7, с. 146-147];

– в Японии обязательство сохранения тайны (как во время нахождения на должности так и после ее оставления) входит в понятие дисциплины, и все служащие приносят присягу о ее соблюдении [8, с. 320];

– во Франции служащие обязаны хранить служебную тайну в соответствии с нормами Уголовного кодекса (далее – УК), который, в свою очередь, предусматривает ответственность за посягательство на профессиональную тайну и тайну сообщений [8, с. 17; 9, с. 251-253], т.е. имеет место отождествление служебной и профессиональной тайны;

– в США практически отсутствует граница между служебной и коммерческой тайной, отсутствует обособленное законодательство о служебной тайне и недостаточно разработан вопрос о тайне в трудовых отношениях, служебная тайна защищается либо как государственная тайна (защита которой прописана на уровне уголовного законодательства), либо как коммерческая [10];

– в Великобритании объектом регулирования конфиденциального права, как отрасли права, являются, в частности, отношения в сфере защиты государственной тайны (официальных секретов) [11, с. 62], разглашение служебной информации строго запрещено, за разглашение государственной тайны несет ответственность специальный субъект – «государственный служащий или правительственный подрядчик»;

– в ФРГ сведения, составляющие служебную тайну относятся к секретным, обязанность работников хранить в строгой секретности служебную информацию и полученные ими сведения (в т.ч. и после увольнения) закрепляется в трудовых соглашениях [12, с. 45];

– в СНГ защищаемые государством сведения, составляющие государственную и служебную тайны, объединяются понятием «государственные секреты» [13].

Российской правовой системе свойственно значительное число охраняемых законом тайн и их несогласованность [14, с. 93]. Наличие в современном российском праве пробела и сочетание в законодательстве РФ о служебной тайне большого массива ведомственных актов и практически полного отсутствия законодательных норм отмечают Камалова Г.Г. [15, с. 1896], Минбалеев А.В., Пономарева Ю.В. [16, с. 99] и другие ученые. Подобная ситуация наблюдалась и в законодательстве, действовавшем на территории ДНР до 05.10.2022 г.

В настоящее время, законодательством, действующим на территории РФ (в т.ч. ДНР), не закреплено понятие конфиденциальной информации (в т.ч. и не относящейся к государственной тайне), в полной мере отражающее сущность данного явления.

Само слово «конфиденциальный» толкуется, как «не подлежащий огласке, разглашению» [1, с. 453]; «секретный, доверительный» [17, с. 292].

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 г., конфиденциальность информации – обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя [18].

Информация же представляет собой «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (согласно п. 1 ч. 1 ст. 2 указанного закона) [18].

Аналогичные понятия информации и конфиденциальности информации были закреплены и законодательством ДНР (п.п. 1 и 7 ч. 1 ст. 2 Закона ДНР «Об информации и информационных технологиях» № 71-ИНС от 24.08.2015 г. [19]).

Соответственно, конфиденциальная информация, не относящаяся к государственной тайне, может быть определена, как не относящиеся к государственной тайне сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления, в отношении которых существует требование не передавать их третьим лицам без согласия их обладателя, обязательное для выполнения лицом, получившим к ним доступ.

В настоящее время, отсутствует единая точка зрения относительно классификации конфиденциальной информации, состава сведений, относящихся к различным ее видам.

Так, Бурдов С.Н., отмечая, что «в настоящее время насчитывается более шестидесяти видов конфиденциальной информации», выделяет в качестве признаков, по которым такие сведения могут быть классифицированы: 1) собственника (государство, негосударственное юридическое лицо, физическое лицо); 2) причину возникновения и обладания (персональная информация, профессиональная и служебная тайна); 3) сферу деятельности (банковская, медицинская, военная, коммерческая и т.д. тайна) [20, с. 15].

Мирских И.Ю. обосновывает классификацию конфиденциальной информации по таким существенным признакам, как цель охраны, уровень и значение сведений, предлагая выделить в качестве ее видов: государственную тайну, персональную (личную), коммерческую, трудовую, изобретательскую и авторскую (включая тайну обладателей смежных прав) тайны. При этом, предлагается заменить термин «служебная тайна» термином «трудовая тайна», относя к трудовой тайне секретные сведения, ставшие доступными работнику в связи с выполнением им трудовых функций (обязанностей), и считая объектом такой тайны охраноспособную информацию третьих лиц (персональную, коммерческую тайны и т.д.). Также, отмечается, что «категорию «трудовая тайна» можно рассматривать в качестве родовой по отношению к более узким категориям, таким, как профессиональная тайна, должностная и рабочая» [21, с. 8-9]. С таким утверждением сложно согласиться, т.к.:

– труд представляет собой: 1) целесообразную деятельность человека, направленную на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей; 2) работу, занятие; 3) усилие, направленное к достижению чего-либо [1, с. 1348; 17, с. 814]; 4) профессиональное занятие [2, с. 1388]; т.е. он имеет место во всех сферах деятельности человека, однако не любая деятельность человека урегулирована нормами трудового права и/или связана с необходимостью соблюдения конфиденциальности той или иной информации;

– профессиональная деятельность (в т.ч. и связанная с необходимостью соблюдения конфиденциальности информации) не всегда связана с трудовыми правоотношениями, а лицо, осуществляющее такую деятельность, может не иметь статуса работника;

– к сведениям, составляющим служебную тайну, может быть отнесена не только охраноспособная информация третьих лиц, но и другая охраняемая законом конфиденциальная информация, находящаяся в распоряжении государственного органа или органа местного самоуправления и доступная их представителям в силу исполнения ими служебных обязанностей, разработанная или полученная на законных основаниях, являющаяся предметом законных мер по ограничению доступа, содержащая сведения, разглашение которых может нанести вред информационной безопасности и управленческой деятельности такого органа, привести к снижению эффективности реализации его функций, а также к нарушению прав и законных интересов физических и юридических лиц; соответственно, сложно считать целесообразной замену термина «служебная тайна» термином «трудовая тайна»;

– кроме того, такая классификация не учитывает такую категорию конфиденциальной информации, как семейная тайна.

Огородов Д.В., рассматривая информацию ограниченного доступа как объект правовых отношений в информационной сфере, классифицирует тайны частного характера в зависимости от сущности охраняемых сведений, типа и характера возникающих по поводу них правоотношений, выделяя:

1) тайны-объекты (которые опосредуют принадлежность определенного блага (информации) конкретному лицу): личная, семейная и коммерческая тайны, а также служебная тайна, в случаях, когда она направлена на обеспечение публичного (государственного) информационного интереса;

2) тайны-обязанности (которые опосредуют законодательное ограничение социального движения реально существующей информацией, юридическую фиксацию нахождения этой информации у определенного лица (группы лиц): профессиональные тайны, а также служебная тайна, если установление соответствующего режима осуществляется в интересах физических и юридических лиц [22, с. 141].

Стоит также отметить и то, что одна и та же конфиденциальная информация, в зависимости от субъектов, владеющих ею, может быть отнесена к различным видам тайн. Так, коммерческая информация, имеющая правовой режим коммерческой тайны, может стать известной на законных основаниях сотрудникам правоохранительных органов и других органов исполнительной власти, и получить статус служебной тайны, став служебной информацией ограниченного распространения [23, с. 84].

Прокопенко А.Н., отмечая, что профессиональные тайны относятся к классу производных тайн (т.к. их обладатели охраняют информацию, полученную из чужих рук), обращает внимание на то, что если информация первоначально составляла профессиональную тайну (например, тайну страхования), но впоследствии стала доступна государственному органу, то такая информация из профессиональной тайны перешла в категорию служебной тайны [24, с. 24, 26].

Возможность изменения режима охраны конфиденциальных сведений подчеркивает и Паршуков М.И., отмечая, что «в связи с особым, законодательно закрепленным правовым статусом субъектов, которым передается коммерческая тайна, а также особым характером их деятельности, происходит преобразование информации (из коммерческой информации в информацию, необходимую для профессиональной деятельности), автоматически меняется правовой институт информации ограниченного доступа, соответственно и правовой режим защиты» [25, с. 21].

Хапай А.А. справедливо отмечает многогранность, сложность феномена информации, множественность форм его объективного проявления (многовариантность проявления), и выделяет при этом, ее функции: инструментальную (участие в организации производства и управлении); познавательную (как средство отражения объективной реальности и передачи данных); интегративную (сплочение членов организации в единое целое); коммуникативную (общение и взаимопонимание) [26, с. 8-10].

Колдин А.В. классифицирует источники информации на непосредственные и опосредованные, а также на материальные (вещественные) и идеальные (личные) [27, с. 9].

При этом, законодательством, действующим на территории ДНР (в частности, Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 г. [18] и Типовой инструкцией по делопроизводству в органах государственной власти, органах местного самоуправления ДНР, утвержденной Постановлением Совета Министров ДНР № 19-27 от 16.10.2015 г. [28]), закреплены определения таких понятий, как «документированная информация», «электронное сообщение», «документ», «электронный документ». Документ представляет собой зафиксированную на носителе информацию с реквизитами, позволяющими её идентифицировать, а электронный документ – документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме.

Следовательно, в зависимости от формы представления можно выделить, в частности, информацию (сведения (сообщения, данные), в т.ч. и конфиденциальные):

а) документированную (зафиксированную на материальном носителе путем документирования информации с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или, в установленных законодательством ДНР случаях, ее материальный носитель), в т.ч. представленную в электронной форме (электронный документ);

б) переданную или полученную пользователем информационно-телекоммуникационной сети (электронное сообщение).

Также, информация может быть передана или получена без использования информационно-телекоммуникационной сети и других технологических систем (например, при непосредственном общении физических лиц).

Корнеев И.К. и Степанов Е.А. выделяют документы долговременного периода конфиденциальности (программы и планы развития бизнеса, технологическая документация, ноу-хау, изобретения и др.; имеют усложненный вариант обработки и хранения) и кратковременного периода конфиденциальности (имеют оперативное значение для деятельности; обрабатываются и хранятся по упрощенной схеме и могут не выделяться из технологической системы обработки открытых документов при наличии в этой системе минимальных защитных, контрольных и аналитических элементов) [29, с. 34-40].

Пермяков М.В. в качестве критериев классификации тайны, как правовой категории, выделяет, в частности:

1) «интерес..., который преследуется путем охраны информации» (публичный, коммерческий, защита личных прав);

2) «способ охраны интереса» (путем ограничения доступа либо обременения его определенными условиями);

3) «предмет правового регулирования», разграничивая:

– информацию, связанную с профессиональной деятельностью (врачебную, адвокатскую, нотариальную, налоговую тайны, тайну почтовых и телеграфных сообщений);

– информацию, составляющую тайну следствия и судопроизводства;

– информацию, связанную с коммерческой деятельностью (коммерческую тайну, банковскую тайну);

– информацию, составляющую государственную тайну [30, с. 8, 15].

Такая классификация в зависимости от предмета правового регулирования не учитывает некоторые категории конфиденциальной информации, не относящейся к государственной тайне, – в частности, личную и семейную тайны, служебную тайну (помимо тайн следствия и судопроизводства, налоговой тайны). Кроме того, стоит отметить дискуссионный характер вопроса относительно того, к какому виду конфиденциальной информации следует отнести банковскую тайну. Так, Ершов М.А., Камалова Г.Г., Сизоненко А.Б., Жирнова Н.А. относят банковскую тайну к числу профессиональных тайн [31, с. 160; 32, с. 89; 33, с. 93; 34, с. 64-65]; Карая А.В. и Дубко Е.Д. разграничивают служебную, банковскую и коммерческую тайны [35, с. 158]; Ельчанинова Н.Б. выделяет ее в отдельный особый правовой режим информации [36, с. 174], а Строганова И.В. – в отдельный вид конфиденциальной информации, считая ее самостоятельным объектом права [37, с. 11].

Прокопенко А.Н., справедливо отмечая сложность разграничения профессиональной и служебной тайн, подчеркивает, что профессиональная тайна не может быть связана с государственной или муниципальной службой (т.к. конфиденциальная информация, доступная государственным служащим, охраняется ими не в силу особенностей профессии, а в силу требований должностных инструкций, и предоставляется государственным органам, как правило, не добровольно) [24, с. 26].

Жирнова Н.А. обращает внимание на то, что сведения, составляющие банковскую тайну, доверяются сотрудникам кредитных учреждений именно в силу выполнения ими своих профессиональных обязанностей, не связанных, как правило, с государственной или муниципальной службой [34, с. 64].

Стоит также отметить, что и нормы законодательства, действующего на территории РФ (в т.ч. и ДНР), позволяют отнести банковскую тайну к числу профессиональных. Ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» № 395-І от 02.12.1990 г. закрепляет обязанность всех служащих кредитной организации

хранить тайну об операциях, о счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону. При этом, тайну об операциях, счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов гарантируют:

- кредитные организации;
- Банк России;
- организации, осуществляющие функции по обязательному страхованию вкладов

[38].

Строганова И.В. предлагает классифицировать конфиденциальную информацию в зависимости от ее характера и назначения, выделяя в качестве основных ее видов: коммерческую, банковскую, профессиональную, служебную тайны и персональные данные [37, с. 10].

Однако, согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27.07.2006 г., «персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [39]. Соответственно, персональные данные (работников, клиентов, партнеров или других физических лиц) может содержать информация, составляющая, коммерческую, служебную, профессиональную (в т.ч. налоговую, банковскую и др.), а также личную или семейную тайну. Персональные данные содержат, в частности, копии документов, которые физические лица предоставляют государственным органам, органам местного самоуправления, юридическим и физическим лицам. Следовательно, такие данные могут быть выделены в отдельную категорию конфиденциальной информации (по критерию содержания составляющих ее сведений), наравне с информацией, являющейся объектом права интеллектуальной собственности, и сведениями, содержащими иную конфиденциальную информацию других лиц.

Таким образом, можно классифицировать конфиденциальную информацию, не относящуюся к государственной тайне, выделяя:

I. В зависимости от характера и содержания составляющих ее сведений:

- персональные данные;
- информацию, являющуюся объектом права интеллектуальной собственности;
- сведения, содержащие иную конфиденциальную информацию других лиц.

II. В зависимости от носителя информации:

- информацию, зафиксированную на материальном носителе;
- информацию, представленную в нематериальном виде.

III. В зависимости от места нахождения (расположения, хранения) носителей информации:

- информацию, хранящуюся (находящуюся) по месту осуществления деятельности субъекта;
- информацию, хранящуюся (находящуюся) удаленно от места осуществления деятельности субъекта.

IV. В зависимости от режима такой информации и субъектов, владеющих ею:

1) коммерческую тайну:

- хозяйственных организаций – юридических лиц;
- физических лиц – предпринимателей;

2) служебную тайну:

– содержащую сведения, находящиеся в распоряжении государственного органа (налоговую тайну, тайну следствия, тайну усыновления (удочерения) и др.);

– содержащую сведения, находящиеся в распоряжении органа местного самоуправления;

3) профессиональную тайну:

- адвокатскую;

- нотариальную;
- врачебную;
- редакционную (журналистскую);
- аудиторскую;
- исповеди;
- страхования;
- банковскую и др.;

4) личную тайну;

5) семейную тайну.

V. В зависимости от источника:

- сведения, предоставленные (добровольно (доверенные) или в принудительном порядке) субъекту лицом, к которому они относятся, первоначальным обладателем;
- сведения, полученные субъектом лицом из других источников.

VI. В зависимости от продолжительности периода конфиденциальности:

- информацию долговременного периода конфиденциальности;
- информацию кратковременного периода конфиденциальности.

VII. В зависимости от степени защищенности:

- информацию низкой степени защищенности (с упрощенным вариантом обработки и хранения, с применением минимальных защитных, контрольных и аналитических элементов);
- информацию высокой степени защищенности (с усложненным вариантом обработки и хранения).

VIII. В зависимости от степени важности:

- информацию невысокой важности (разглашение которой может нанести незначительный ущерб интересам физических и/или юридических лиц, государства);
- важную информацию (разглашение которой может нанести значительный ущерб интересам физических и/или юридических лиц, государства);
- особо важную информацию (разглашение которой может нанести крупный ущерб интересам физических и/или юридических лиц, государства).

IX. В зависимости от формы представления:

- документированную информацию (в т.ч. представленную в электронной форме (электронный документ));
- информацию, переданную или полученную пользователем информационно-телекоммуникационной сети (электронное сообщение);
- информацию, переданную или полученную без использования информационно-телекоммуникационной сети и других технологических систем (например, при непосредственном общении физических лиц).

X. В зависимости от способа охраны:

- информацию, охраняемую путем обременения доступа к ней (определенными условиями);
- информацию, охраняемую путем ограничения доступа к ней.

При этом, следует учитывать, что ч. 4 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплен перечень информации (не исчерпывающий), доступ к которой ограничен быть не может. Так, в указанный перечень включены, в частности, нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека, а также устанавливающие правовое положение юридических лиц и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления. Согласно п. 2 ч. 8 ст. 8 указанного Закона, информация, затрагивающая права и установленные законодательством ДНР обязанности заинтересованного лица, предоставляется бесплатно [18]. Аналогичные нормы были закреплены и законодательством, действовавшим на территории ДНР в

период независимости (ч. 4 ст. 8, п. 2 ч. 8 ст. 8 Закона ДНР «Об информации и информационных технологиях» [19]).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о необходимости совершенствования законодательства, действующего на территории РФ (и, соответственно, ДНР). Так, можно считать целесообразным:

1) внесение изменений в Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 г., путем дополнения его части 1 статьи 2 пунктом 7¹ в следующей редакции: «7¹) конфиденциальная информация, не относящаяся к государственной тайне, – не относящиеся к государственной тайне сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления, в отношении которых существует требование не передавать их третьим лицам без согласия их обладателя, обязательное для выполнения лицом, получившим к ним доступ;»;

2) внесение изменений в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), путем дополнения его статьи 150 частью 3, закрепляющей определения понятий личной и семейной тайн, а также их признаки (критерии отнесения сведений к данным категориям);

3) разработку и принятие в РФ отдельных законов:

а) о профессиональных тайнах, закрепляющего, в частности:

– четкое определение понятия профессиональной тайны;

– классификацию профессиональных тайн и сведений, их составляющих;

– условия отнесения информации к сведениям, составляющим отдельные виды профессиональных тайн;

б) о служебной тайне, закрепляющего, в частности:

– четкое определение понятия служебной тайны;

– исчерпывающий перечень сведений, которые не могут составлять служебную тайну (как государственных так и муниципальных служащих);

– четкую классификацию сведений, составляющих служебную тайну, исчерпывающий перечень их видов;

– условия и порядок ограничения доступа к служебной информации.

Такое совершенствования законодательства, действующего на территории РФ (в т.ч. ДНР): будет способствовать более полному пониманию участниками правоотношений сущности таких явлений (правовых и социальных), как профессиональная, служебная, коммерческая, личная и семейная тайны, а также – конфиденциальная информация, не относящаяся к государственной тайне, вообще; позволит систематизировать и классифицировать такие сведения, более детально урегулировать нормами права объективно существующие отношения. Это, в свою очередь, будет способствовать развитию института конфиденциальной информации, а также – более эффективной реализации права (в т.ч. и в форме его применения), защите прав, законных интересов физических и юридических лиц, формированию правомерного поведения участников правоотношений (в т.ч. гражданских).

Такие факторы, как: важность защиты конфиденциальной информации вообще и информации, относящейся к отдельным ее видам, в частности, а также систематизации информации ограниченного доступа и ее режимов; актуальность вопросов, связанных с конфиденциальной информацией, не относящейся к государственной тайне, ее понятием, классификацией, и недостаточность их урегулирования нормами права определяют перспективность дальнейших исследований в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

2. Толковый словарь русского языка / [Ахапкин Д.Н., Гаврилова Т.О., Дмитриев Д.В. и др.]; под общ. ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель, 2003. – 1582 с.
3. Пермяков М.В. Исторические предпосылки возникновения категории «Тайна» // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 230-239.
4. Фатьянов А.А. Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений // Пространство и Время. – 2014. – № 4 (18). – с. 168-174.
5. Кокорин И.С., Игбаева З.Р. Развитие коммерческой тайны в России (историко-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 1. – с. 92-99.
6. Энциклопедический словарь / [Аделунг Н.Н., Алексѣевъ М.Т., Аничковъ Е.В. и др.]; под ред. К. К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевскаго. – Т. 32 а. – СПб.: Типографія Акционерного Общества «Издательское Дѣло», Брокгаузъ-Ефронъ, 1901. – 962 с.
7. Камалова Г.Г. Исторические особенности правовой охраны служебной информации ограниченного доступа (служебной тайны) в советский период // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2014. – № 2. – С. 142-148.
8. Государственная служба в странах основных правовых систем мира / [Васильев Д.И., Демин А.А., Иванский В.П. и др.]; под ред. А.А. Демина. – Т. 2. – М.: Книгодел, 2010. – 428 с.
9. Уголовный кодекс Франции / под ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой. – Пер. с франц. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 650 с.
10. Чурилкин И.С., Кожушкова Н.В. Служебная и коммерческая тайна в законодательстве США // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум – 2015» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015010936> (Дата обращения: 20.12.2023 г.). – Загл. с экрана.
11. Сорокина А.Э. Охрана коммерческой тайны по законодательству зарубежных стран (на примере Великобритании и Германии) // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 1. – С. 62-65.
12. Кармановский Н.С., Савченко-Новопавловская С.Л. Организационно-правовые основы охраны служебной тайны на предприятии / Н.С. Кармановский, С.Л. Савченко-Новопавловская. – СПб.: Университет ИТМО, 2018. – 75 с.
13. О государственных секретах: Модельный закон (принят 16.06.2003 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2569507/> (Дата обращения: 20.12.2023 г.). – Загл. с экрана.
14. Антопольский А.А. Правовые проблемы обеспечения баланса интересов при регулировании отношений по поводу информации конфиденциального характера // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3 (55). – С. 89-103.
15. Камалова Г.Г. О современном состоянии законодательства о служебной тайне // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 9. – С. 1893-1898.
16. Минбалеев А.В., Пономарева Ю.В. К вопросу об ограничении доступа к информации в библиотеках // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – Т. 15. – 2015. – № 4. – С. 99-103.
17. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук, ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.
18. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон РФ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102108264 (Дата обращения 20.12.2023 г.). – Загл. с экрана.
19. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики от 24.08.2015 г. № 71-ІНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (Дата обращения 20.12.2023 г.). – Загл. с экрана.
20. Бурдов С.Н. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 – Административное право; административный процесс / С.Н. Бурдов; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – СПб., 2015. – 27 с.
21. Мирских И.Ю. Коммерческая тайна как вид конфиденциальной информации: трудовая и цивилистический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / И.Ю. Мирских; Пермский государственный университет. – Пермь, 2005. – 25 с.
22. Огородов Д.В. Правовые отношения в информационной сфере: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право / Д.В. Огородов; Российская академия наук, Институт государства и права. – М., 2002. – 243 с.

23. Сергейчик А.Л. Вопросы регулирования административно-правовых режимов конфиденциальной информации // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 10. – С. 83-84.
24. Прокопенко А.Н. Профессиональная тайна в Российской правовой науке // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 23-27.
25. Паршуков М.И. Формирование правового института коммерческой тайны в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право / М.И. Паршуков; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2007. – 26 с.
26. Хапай А.А. Правовое регулирование информационных отношений в современной России (теоретико-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / А.А. Хапай; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2006. – 30 с.
27. Колдин А.В. Процессуально-криминалистические проблемы исследования источников информации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / А.В. Колдин; Нижегородская академия МВД РФ. – Нижний Новгород, 2005. – 200 с.
28. Об утверждении Типовой инструкции по делопроизводству в органах государственной власти, органах местного самоуправления Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 16.10.2015 г. № 19-27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-19-27-20151016/> (Дата обращения 20.12.2023 г.). – Загл. с экрана.
29. Корнеев И.К., Степанов Е.А. Защита информации в офисе: Учебник / И.К. Корнеев, Е.А. Степанов. – М.: Велби, 2008. – 336 с.
30. Пермяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / М. В. Пермяков; Уральский юридический институт МВД России. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.
31. Ершов М.А. К вопросу об уголовно-правовой защите профессиональной и служебной тайны // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 160-164.
32. Камалова Г.Г. Соотношение правовых режимов служебной и профессиональной тайн // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 87-94.
33. Сизоненко А.Б. Классификация информации ограниченного доступа в соответствии с законодательством Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С. 91-96.
34. Жирнова Н.А. Банковская и налоговая тайна в системе правовых режимов информации с ограниченным доступом // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 60-69.
35. Карая А.В., Дубко Е.Д. Соотношение коммерческой и служебной тайны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69), № 4. – С. 155-162.
36. Ельчанинова Н.Б. Защита информации с ограниченным правом доступа: проблемы классификации // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 1 (43). – С. 172-174.
37. Строганова И.В. Правовой режим конфиденциальной информации (гражданско-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / И.В. Строганова; Уральская государственная юридическая академия. – М., 2004. – 25 с.
38. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268> (Дата обращения 20.12.2023 г.). – Загл. с экрана.
39. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (Дата обращения 20.12.2023 г.). – Загл. с экрана.

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF THE CONFIDENTIAL INFORMATION THAT IS NOT RELATED TO STATE SECRETS

Annotation. The article considers the issues, that related to the confidential information that is not related to state secrets, its concept and classification. On the basis of the study and analysis of materials of scientific and educational literature, of current legislation on the research topic, were made conclusions and were formed the proposals for improvement of legislation, that regulate issues, that related to the confidential information that is not related to state secrets.

Keywords: confidential information, concept, classification, kinds, legislation.

Vasiliev V.

Scientific adviser: Gorbatenko E., PhD in Law, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: vasiliev2017ur@mail.ru

УДК 343.241

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Высоцкий М.С.

*Научный руководитель: Глизна А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Предметом статьи является изучение особенностей системы уголовных наказаний в Российской Федерации, которая имеет свои исторические корни, теоретические основы и практическое применение. Используются методы юридической догматики, сравнительного анализа и статистического исследования, а также обращается к источникам уголовного законодательства, судебной практики и научной литературы. Рассматриваются виды и степень тяжести наказаний, их соответствие целям уголовного права, принципам гуманизма и рационализма, а также международным стандартам и национальным традициям. Делаются вывод о необходимости дальнейшего совершенствования существующей системы наказаний с учетом современных вызовов и потребностей общества.

Ключевые слова: уголовное права, уголовные наказания, особенности системы уголовных наказаний.

Российская Федерация – это страна с уникальной историей, особенности прошлого нашего государства коренным образом повлияли на развитие различных национальных правовых институтов, в том числе и на развитие системы уголовных наказаний. Российская система уголовных наказаний обладает целым рядом самобытных и уникальных особенностей. Их выделение необходимо для более полноценного понимания работы системы уголовных наказаний в Российской Федерации, определения её достоинств и недостатков, а также поиска путей их преодоления.

Однако, несмотря на обозначенную важность, разбору особенностей национальной системы уголовных наказаний в отечественной юридической доктрине на данном этапе уделяется недостаточно внимания.

Целью данной работы является выделение особенностей современной российской системы уголовных наказаний.

Начнём с рассмотрения всех санкций, которая включает в себя современная система уголовных наказаний Российской Федерации. Для этого обратимся к статьям 44-45 УК РФ [1]. На основе их анализа можно выделить первую особенность отечественной системы уголовных наказаний – наличие 13 различных видов наказаний, которые можно разделить на 3 группы: основные, дополнительные (назначаются исключительно дополнительно к основным видам наказаний) и «смешанные» (наказания, которые могут быть назначены и как основное наказание, и как дополнительное).

Первая группа (основных наказаний) включает в себя такие виды наказания, как: обязательные, принудительные и исправительные работы, ограничение по военной службе, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь. Эти наказания законодатель относит к основным. Вторая группа (только дополнительных наказаний) состоит из: лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Третья группа («смешанных» видов наказаний) включает в себя:

штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы.

Также существует 5 подгрупп уголовных санкций, которые различаются по характеру лишений и ограничений прав и свобод осужденных:

– Подгруппа «лишение свободы» включает в себя такие наказания, как: арест, лишение свободы на срок и пожизненное лишение свободы. Арест предполагает изоляцию осужденного от общества в строгих условиях на срок от одного до шести месяцев. Лишение свободы означает отделение осужденного от общества на срок, определенный судом, и его направление в колонию-поселение или в лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию разных режимов или в тюрьму.

– Подгруппа «ограничение свободы» состоит из ограничения свободы (комплекс обязанностей и запретов, установленных судом для осужденного, которые он выполняет без изоляции от общества под контролем специализированного государственного органа.) и содержания в дисциплинарной воинской части.

– Подгруппа «имущественные наказания» включает в себя штраф (денежное взыскание, устанавливаемое в пределах, предусмотренных УК РФ) и конфискацию имущества (принудительное безвозмездное изъятие и переход в собственность государства имущества, имеющего отношение к преступлению или определенное целевое назначение, а также доходов, получаемых от его использования).

– Подгруппа «наказания, связанные с трудовой деятельностью» включает в себя: исправительные работы (принудительное привлечение осужденного к труду с удержанием из его заработка в доход государства определенной части); обязательные работы (выполнение осужденным бесплатных общественно полезных работ в свободное от работы или учебы время.); принудительные работы (привлечение осужденного к оплачиваемому труду в местах, определяемых органами уголовно-исполнительной системы, с удержанием из его заработной платы определенной денежной суммы); ограничения по военной службе (удержание из денежного довольствия военнослужащего, совершившего преступление, в доход государства и ограничение в повышении в воинском звании); лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград [2].

Смертная казнь является единственным наказанием в последней подгруппе, которое применяется как исключительная мера за особо тяжкие преступления, угрожающие жизни. По части 2 статьи 59 УК РФ смертную казнь не могут получить лица, совершившие преступления до 18 лет, женщины, а также мужчины, которым на момент приговора исполнилось 65 лет.

Современная отечественная система уголовных наказаний имеет вторую особенность, связанную с особым правовым положением смертной казни. Российская Федерация вступила в Совет Европы 28 февраля 1996 года, а 16 мая того же года Президент РФ подписал Указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением Российской Федерации в Совет Европы». 16 апреля 1997 года Россия подписала Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 года. Но он не был ратифицирован, а 16 марта 2022 года Россия покинула Совет Европы. Поэтому мораторий на смертную казнь в Российской Федерации не опирается на Протокол № 6.

Смертная казнь была фактически приостановлена в Российской Федерации Постановлением №3-П Конституционного Суда от 2 февраля 1999 года, поскольку тогда суды присяжных не функционировали во всех регионах страны [3]. В 2009 году Конституционный Суд в Определении №1344-О-Р утвердил, что мораторий будет действовать и после того, как суды присяжных будут охватывать всю территорию нашего государства. Это связано с тем, что в российском праве за период действия моратория

сложилась устойчивая гарантия права человека на жизнь, и смертная казнь стала недопустимой. Мораторий не имеет определенного срока действия, но он не предусматривает пересмотра ранее вынесенных приговоров о смертной казни. Основным аргументом против смертной казни – это опасность ее незаконного применения. Если после казни окажется, что человек был невиновен, то ошибка будет неисправима. Поэтому самым строгим наказанием в нашей стране является пожизненное заключение.

Еще одной особенностью является неясность правового положения такого вида наказания как арест. Данный вид наказания существует в нашей стране только на законодательном уровне. Это обусловлено отсутствием необходимого для его исполнения законодательства. По российскому законодательству, арест исполняется в арестных домах, а военнослужащие – на гауптвахте [4].

Наказание в виде ареста не вводится в действие в Российской Федерации, поскольку не созданы исполнительные учреждения, необходимые для его осуществления. Это означает, что наказание в виде ареста не применяется в России из-за невозможности его исполнения. Верховный Суд Российской Федерации также подтверждает неприменение ареста как вида уголовного наказания в своих разъяснениях. В пункте 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» говорится, что суд при назначении наказания в виде ареста должен учитывать, что данное наказание не применяется из-за невозможности его исполнения. В пункте 33 того же Постановления уточняется, что если суд при вынесении приговора назначил наказание в виде ареста, то он должен заменить его на другое, реально исполнимое наказание [5].

Статья 44 УК РФ также демонстрирует ещё одну особенность национальной системы уголовных наказаний – иерархическое упорядочение наказаний в системе от наименее сурового (штрафа) до наиболее сурового (смертная казнь). Такой подход имеет важное практическое значение. Во-первых, он необходим для законодателя при установлении альтернативных санкций (они должны располагаться в том же порядке: от наименее сурового – к более суровому). Во-вторых, для правоприменителя: суды должны сначала рассматривать возможность применения наименее сурового, а потом более сурового наказания.

Следовательно, уже на данном этапе можно обнаружить недостатки отечественной системы уголовных наказаний, связанные с правовым положением смертной казни и ареста. Решить данную проблему можно путём исключения ареста и смертной казни из системы уголовных наказаний Российской Федерации. Ведь арест уже несколько десятилетий продолжает существовать только теоретически, его эффективность вызывает сомнения, а возможность исполнения его на практике требует значительных затрат. В свою очередь, смертная казнь не способствует снижению преступности. Исследования свидетельствуют, что смертная казнь не влияет на частоту преступлений. Кроме того, нельзя не учитывать риск судебной ошибки. В истории случались ситуации, когда люди были казнены за преступления, которые они не совершали. Один из самых известных примеров – это дело Юрия Иванова, который был казнен в 1973 году за убийство трех человек. Однако, позже стало известно, что Иванов был невиновен, а реальным убийцей был другой человек. Иванов был реабилитирован посмертно в 1992 году. Наконец, применение смертной казни очевидно не соответствует цели исправления осужденного, а также статье 20 Конституции РФ, устанавливающей жизнь человека как высшую ценность. Поэтому, на наш взгляд, смертную казнь следует полностью исключить из УК РФ.

Среди достоинств отечественной системы уголовных наказаний можно выделить:

– иерархичность – наказания упорядочены в системе от наименее сурового к наиболее суровому, что упрощает выбор суда и соответствует принципу пропорциональности;

– широкое разнообразие различных видов наказаний;
– взаимозаменяемость и взаимодополняемость наказаний – они могут быть объединены, заменены или смягчены в зависимости от обстоятельств дела и поведения осужденного.

Заключая проделанную работу, можно сказать, что современная российская система уголовных наказаний имеет ряд характерных черт. Прежде всего, это 13 разнообразных наказаний, которые делятся на 3 категории (основные, дополнительные и «смешанные»), которые установлены в статье 45 УК РФ, а также 5 подсистем («лишение свободы», «ограничение свободы», «имущественные наказания», «наказания, связанные с трудовой деятельностью» и смертная казнь), которые не нашли своего законодательного определения в стране, но которые присутствуют в юридической доктрине. Далее, все наказания расположены в законе в строгом порядке иерархии от самого мягкого (штрафа) до самого тяжкого (смертной казни). Кроме того, можно отметить особенности правового регулирования смертной казни и ареста в Российской Федерации. Таким образом, российская система уголовных наказаний является уникальной, сложной и многогранной, но в ней также есть некоторые проблемы, которые нуждаются в решении работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации (принят Государственной Думой от 24.05.1996 г. одобрен Советом Федерации 05.06.1996 г.) N 63-ФЗ [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lr7oq0jh85552989486 – (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
2. Новоселов, Г.П. Виды наказания: их система и подсистемы / Г.П. Новоселов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С.71-81.
3. Дело о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно – процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П – Режим доступа: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21949/?ysclid=lrqklz2hkw799798206. – Дата обращения: 16.01.2024. – Загл. с экрана.
4. Зыков, Д.А. Основные виды наказаний по отечественному уголовному законодательству / Д.А. Зыков, А.А. Савин // Современные естественные науки. – 2021. – № 6-1. – С. 232-236.
5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) – Режим доступа: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=lrqpvlr8g609557913. – Дата обращения: 16.01.2024. – Загл. с экрана.

FEATURES OF THE CRIMINAL PUNISHMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The subject of the article is the study of the peculiarities of the criminal punishment system in the Russian Federation, which has its historical roots, theoretical foundations and practical application. The methods of legal dogmatics, comparative analysis and statistical research are used, and also refers to sources of criminal law, judicial practice and scientific literature. The types and severity of punishments are considered, their compliance with the goals of criminal law, the principles of humanism and rationalism, as well as international standards and national traditions. The conclusion is made about the need to further improve the existing system of punishments, taking into account modern challenges and needs of society.

Keywords: criminal law, criminal penalties, features of the criminal punishment system.

Vysotsky M.

Scientific adviser: Gliznutsa A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: maksim.vysotskiy.02@inbox.ru

УДК 331.5-053.6

ДОПРОС НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Гаврада В. П.

*Научный руководитель: Попов Б. И., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной теме рассматриваются основные уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты данного процесса. Описывается процессуальный порядок проведения допроса, включающий этапы вызова на допрос, установления личности и правового статуса, предоставления информации о правах, самого допроса, фиксации показаний, подписания протокола и завершения допроса. Далее рассматривается тактика допроса в криминалистике, подразумевающая подготовку к допросу, установление контакта, использование психологических методов, контроль над ситуацией, наблюдение за невербальными сигналами, логическую последовательность вопросов и защиту прав допрашиваемого. А также подчеркивает роль и важность этого следственного действия в расследовании преступлений.

Ключевые слова: допрос на предварительном следствии, уголовно-процессуальные аспекты, криминалистические аспекты, соблюдение процессуальных норм, обеспечение законности и объективности.

При изучении допроса как следственного действия в российском законодательстве, необходимо обратить внимание на историю его процессуальной регламентации, чтобы полноценно представить научное понимание допроса.

Возникновение допроса как следственного действия уходит в историю до появления государства, когда старейшина, разрешая споры, расспрашивал участников разбирательства о происшедшем, используя вербальные методы. В это время допрос сопровождался различными формами пыток для получения признания виновности обвиняемого. Если полученная информация не соответствовала основной версии следствия, она не рассматривалась

Допрос как следственное действие представляет собой одно из основных методов сбора доказательств в ходе расследования преступлений. Цель проведения допроса – получение информации от свидетелей, потерпевших или подозреваемых для выявления обстоятельств преступления, установления мотивов и идентификации виновных лиц.

Задачи проведения допроса включают в себя:

1. Получение полной и объективной информации о происшествии от участников или очевидцев.
2. Выявление противоречий в показаниях свидетелей или подозреваемых.
3. Проверка достоверности представленных фактов и сведений.
4. Установление мотивов и обстоятельств, способствующих раскрытию преступления.
5. Сбор дополнительных улик и информации для установления обстоятельств дела.

Проведение допроса требует овладения определенными навыками и умениями со стороны следователя, так как от качества его проведения может зависеть успешность расследования и выявление виновных лиц. Важно соблюдать процессуальные правила, гарантировать конфиденциальность показаний и умело задавать вопросы для получения максимально полной и достоверной информации.

Допрос является одним из важных процессуальных действий при расследовании преступлений. Процессуальный порядок его проведения определен законом и включает в себя следующие основные этапы:

1. Вызов задержанного или подозреваемого на допрос. Обычно допрос проводится в офисе следователя или другом специально оборудованном помещении.

2. Установление личности и правового статуса лица, подлежащего допросу. Следователь должен удостовериться, что допрашиваемый действительно является тем человеком, за которого он себя выдает, и что у него есть право на защиту и правовую помощь.

3. Предоставление допрашиваемому информации о его правах. Это включает в себя право на защиту, право на участие адвоката в допросе, право на недопущение самообвинения и т.д.

4. Проведение допроса. В ходе допроса следователь задает вопросы и получает ответы от допрашиваемого. При этом следователь должен соблюдать принципы объективности, не применять к допрашиваемому физическое или психологическое насилие.

5. Фиксация показаний. Показания допрашиваемого фиксируются в протоколе допроса. Допрашиваемый может заявить возражения против формулировок в протоколе и внести свои комментарии.

6. Подписание протокола. После окончания допроса следователь предлагает допрашиваемому ознакомиться с протоколом и поставить под ним свою подпись. В случае отказа от подписи допрашиваемый обязан указать причину.

7. Завершение допроса. После подписания протокола допроса следователь озвучивает допрашиваемому правила поведения в дальнейшем и производит необходимые процессуальные действия по делу.

Таким образом, процессуальный порядок производства допроса включает в себя ряд обязательных этапов, соблюдение которых обеспечивает правовую защиту допрашиваемого и объективность расследования.

Тактика допроса в криминалистике является одним из важнейших инструментов в расследовании уголовных дел. Ее целью является получение информации от подозреваемых, свидетелей или потерпевших, которая поможет установить обстоятельства преступления, выявить виновных лиц и добиться их признания.

Основные принципы тактики допроса включают в себя следующие положения:

1. Подготовка к допросу. До начала допроса необходимо тщательно изучить материалы дела, выявить возможные улики и аргументы, подготовить список вопросов и план действий.

2. Установление контакта. Важно уметь установить доверительные отношения с допрашиваемым, создать атмосферу взаимопонимания и доверия.

3. Использование психологических методов. К допросу следует применять психологические методы воздействия, такие как эмпатия, эмоциональная поддержка, привлечение к сотрудничеству.

4. Контроль над ситуацией. Важно держать контроль над процессом допроса, следить за реакцией допрашиваемого, не допускать его паники или уклонения от ответов.

5. Наблюдение за невербальными сигналами. Очень важно уметь читать невербальные сигналы – жесты, мимику, тон голоса, чтобы понять реальное настроение и психологическое состояние собеседника.

6. Логическая последовательность вопросов. Важно задавать вопросы логически последовательно, плавно переходя от одной темы к другой и выявляя противоречия в показаниях.

7. Защита прав допрашиваемого. Необходимо уважать права допрашиваемого, не применять физическое или психическое насилие, не допускать нарушения законодательства.

Тактика допроса является сложным и ответственным процессом, требующим специальной подготовки и определенных навыков. Ее целью всегда должно быть не только получение признания или информации, но и соблюдение законности и защита прав всех участников процесса.

Уголовно-процессуальные аспекты допроса на предварительном следствии связаны с соблюдением процессуальных норм, формальностей и правил, установленных законом. Ведущий допрос должен обладать хорошим знанием уголовного процессуального законодательства, чтобы правильно устанавливать обстоятельства дела, проводить сопоставление показаний с другими доказательствами, избегать нарушения прав подозреваемого или обвиняемого, а также соблюдать все процессуальные гарантии.

Криминалистические аспекты допроса связаны с использованием научно-технических методов и приемов, направленных на получение объективных данных и информации, необходимых для дальнейшего расследования. Криминалистический анализ позволяет выявить следы преступления, определить виды и характеристики орудий и средств совершения преступления, а также провести идентификацию подозреваемого по физическим и психологическим характеристикам.

Допрос на предварительном следствии является одной из ключевых процедур в уголовном процессе, направленной на сбор доказательств и получение показаний от подозреваемого или свидетеля. Основными целями допроса являются выявление фактов и обстоятельств преступления, установление участников преступления, а также проверка и дополнительное выяснение имеющихся доказательств.

Процедура допроса имеет свои особенности, которые обеспечивают законность и объективность сбора показаний. Одной из основных особенностей является участие сторон – обвинения и защиты. Обвиняемый имеет право на присутствие своего адвоката во время допроса, который обеспечивает защиту его прав и интересов.

Роль и задачи следователя (дознателя) в процессе проведения допроса заключаются в активном осуществлении допроса, выяснении всех обстоятельств дела, задавании вопросов подозреваемому или свидетелю, контроле соблюдения прав и обеспечении законности процесса.

Допрос несовершеннолетних, психически больных и других особо уязвимых категорий лиц имеет свои особенности. В таких случаях, следователь должен обладать специальными знаниями и навыками для более чуткого и терпимого обращения с такими лицами, учитывая их особенности и защищая их права.

Сбор и защита доказательств во время допроса являются важной задачей следователя. Он должен обеспечить правильное задавание вопросов, добиться от подозреваемого или свидетеля достоверных показаний, а также использовать доказательства, полученные в ходе допроса в судебном процессе.

Взаимодействие с экспертами и криминалистами при проведении допроса также является важным аспектом. Следователь может обратиться к экспертам для получения экспертных заключений и особых знаний по определенным областям, которые могут помочь в расследовании дела и подтверждении или опровержении определенных фактов.

В целом, допрос на предварительном следствии является сложной и ответственной процедурой, требующей специальных знаний и навыков от следователя. Он выполняет ряд задач, связанных с сбором доказательств, защитой прав подозреваемых или свидетелей, сотрудничеством с экспертами и криминалистами.

Допрос на предварительном следствии представляет собой важный инструмент в уголовном расследовании, позволяющий собирать доказательства и получать информацию от подозреваемых или обвиняемых. Однако, проведение допроса должно быть совершенно законным и соблюдать права и гарантии, предоставляемые подозреваемым или обвиняемым. Важно учитывать, что результаты допроса могут иметь теоретическое и практическое применение в уголовном процессе, а также могут стать основой для дальнейших исследований в области уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / [Ю. В. Грачева и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. – Москва : Проспект, 2013. – 442 с.
2. Чурилов, Сергей Никифорович. Криминалистическая тактика : практическое пособие в вопросах и ответах / С. Н. Чурилов. – Москва : Юстицинформ, 2010. – 199 с.
3. Александрова О. И., Ольга Ивановна, Илларионов М.Д., Казаков Е. Н., Евгений Николаевич, Попов И. А., Иван Алексеевич Криминалистика: учебник: [для студентов вузов по направлению подготовки «Юриспруденция»]: в 3 ч / [О.И. Александрова, к.ю.н., доц., М.Д. Илларионов, к.ю.н., доц., Е.Н. Казаков, к.ю.н., доц., И.А. Попов, д.ю.н., проф., засл. юрист РФ]; под ред. И.А. Попова, д.ю.н., проф., засл. юриста РФ Федер. гос. бюджет. образоват. учреждения высш. образования «Всерос. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России)». – Москва : РПА Минюста России, 2015. – 21 см

PRE-TRIAL INTERROGATION: CRIMINAL PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS

Annotation. The paper highlights the importance of preliminary interrogation as a stage of the criminal process and its impact on the trial. Despite the existence of previous studies, the authors emphasize the still unresolved part of the general problem associated with the interrogation process at the preliminary investigation. The purpose of the article is to fully substantiate the scientific results obtained, as well as to identify possible prospects and practical application of the main conclusions.

Keywords: interrogation at the preliminary investigation, criminal procedural aspects, forensic aspects, compliance with procedural norms, ensuring legality and objectivity.

Gavrada V.

Scientific supervisor: Popov B., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: vika.gavrada.03@mail.ru

УДК 347.61

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Гаврилина В. В.

*Научный руководитель: Горбатенко Е. В., канд.юрид.наук., доцент
ФГБОУ ВПО «ДонГУ»*

Аннотация. В рамках исследования автором было предложено собственное понятие договора суррогатного материнства, определены его существенные условия и рассмотрены некоторые проблемные договорные аспекты, предложены средства их разрешения.

Ключевые слова: договор суррогатного материнства, суррогатное материнство, договор, содержание договора, существенные условия.

В настоящее время государство все больше обеспокоено вопросом проблемы демографии, что связано с сокращением численности населения: по рассчитанным данным, численность населения на 2025 год будет меньше на 16 млн. человек чем было зарегистрировано по состоянию на 2005 год [1]. Причин указанного фактора много, одним из которых является неспособность супружеских пар к деторождению, что, в свою очередь, приводит к разводам и соответственно разрушению института брака.

В связи с данным обстоятельством, несмотря на правосознание общества и запрет суррогатного материнства в различных странах, законодатель допустил возникновение правоотношений суррогатного материнства в Российской Федерации, руководствуясь целями защиты особо важных институтов семьи, детства и материнства, позволив бесплодным парам и женщинам стать родителями посредством применения упомянутой вспомогательной репродуктивной технологии [2].

Определение суррогатного материнства изложено в ч. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3]: суррогатным материнством является вынашивание и рождение ребенка на основании договора, заключенного между суррогатной матерью и потенциальными родителями, половые клетки которых были задействованы для оплодотворения, либо одинокой женщиной, неспособной самостоятельно выносить и родить ребенка по медицинским показаниям.

Согласно ст. 430 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4], договором именуется соглашение двух или более сторон, в соответствии с которым устанавливаются, изменяются или прекращаются гражданские права и обязанности.

На основании изложенного, договор суррогатного материнства определим как соглашение между исполнителем (суррогатной матерью) и заказчиком (родителями), согласно которому первая сторона обязуется пройти процедуру трансплантации донорских клеток, выносить, родить и передать ребенка второй стороне, на которую возложена обязанность выплатить денежное вознаграждение за оказанную услугу.

Содержание любого гражданско – правового договора определяется условиями, которые были согласованы сторонами при его заключении. В свою очередь условия подразделяются на существенные – без которых договор не может быть заключенным, и обычные, которые автоматически вступают в действие в момент заключения договора.

Принцип свободы договора позволяет субъектам включать в соглашение любые условия, если они не нарушают нормы законодательства и не ограничивают права, свободы и интересы лиц. К вопросу о существенных условиях, стоит отметить, что к данной категории относятся также такие условия, по которым по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (п.1 ст. 432 ГК РФ).

Существенным условием договора суррогатного материнства является предмет, который мы определяем как результат оказанной услуги, в силу чего рассматриваемая договорная конструкция относится непосредственно к разновидностям договоров возмездного оказания услуг (хотя в силу недостаточной правовой регламентации вопрос о правовой природе суррогатного материнства – источник дискуссий среди ученых цивилистов).

В возмездных отношениях суррогатного материнства цена также является существенным условием, главной особенностью которого является поэтапность, т.е. в процессе реализации программы суррогатного материнства исполнителю, например, выплачиваются ежемесячные фиксированные выплаты на улучшенное питание, а также разовые расходы для приобретения специальной одежды и т.д. [5].

Таким образом, в договоре фиксируется общая сумма за исполнение обязательства, которая выплачивается установленными периодами на протяжении беременности. При необходимости и по согласованию сторон, суррогатной матери предоставляется также временное жилье (если исполнитель проживает в другом городе и это затрудняет своевременное прохождение медицинских обследований) [6].

Важным элементом договора суррогатного материнства являются взаимные обязанности сторон и санкции за их невыполнение. По причине отсутствия должного правового регулирования, вопрос об ответственности сторон в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства лица регулируют индивидуально, в договорном порядке.

Участники договора должны детально разрешить порядок передачи ребенка, так как после его рождения суррогатная мать, ввиду приобретенной привязанности, может отказаться от исполнения обязательства (которое выражается не только в рождении ребенка, но и последующей передаче его генетическим родителям). Данный вопрос требует особого правового внимания, поскольку в соответствии с нормами Семейного

Кодекса Российской Федерации (п. 4 ст. 51) [7], генетические родители записываются в свидетельстве о рождении ребенка в качестве таковых только с согласия суррогатной матери.

Указанное положение закрепляет также п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [8], в соответствии с которым, при государственной регистрации ребенка рожденного данным способом кроме документа, подтверждающего факт его рождения, должен быть предоставлен документ, выданный медицинской организацией, подтверждающий факт получения согласия суррогатной матери на запись супругов родителями ребенка.

Таким образом, законодатель допускает отказ суррогатной матери от исполнения принятого на себя обязательства, что делает договор суррогатного материнства рисковым не только по причине воздействия факторов и действий лиц, не зависящих от них. Конституционный Суд Российской Федерации (Определение от 15 мая 2012 года N 880-О) [9] также указал на то, что приведенные положения дают суррогатной матери право на запись себя в качестве родителя, что соответственно порождает возникновение у нее родительских прав и обязанностей. И хотя, отказ суррогатной матери не служит основанием для отказа в удовлетворении иска генетических родителей о признании их родителями [10], гражданский процесс может затянуться на длительное время, в течение которого суд будет учитывать обстоятельства дела, выяснять, заключался ли договор и каковы его условия и другое.

В рассматриваемой правовой ситуации, в качестве договорного регулирования генетическим родителям, в целях защиты своих прав и интересов, необходимо включить в содержание соглашения подпункт о штрафах и санкциях, которые будут возложены на исполнителя в случае отказа дать указанное согласие. Главным образом суррогатная мать, принявшая решение оставить ребенка себе, лишается причитающейся ей компенсации и обязуется возратить все потраченные заказчиками средства [11].

Резюмируя вышеизложенное, считаем должным согласиться с позицией Османовой Д.О., которая в качестве существенных условий договора суррогатного материнства, помимо предмета и денежного вознаграждения, указывает также одним из таковых согласие суррогатной матери на запись заказчиков в качестве родителей ребенка [12].

Так, к вопросу об обязанностях сторон отметим, что общей обязанностью в рассматриваемых правоотношениях является соблюдение конфиденциальности. Аналогично тайне усыновления, тайна рождения ребенка вспомогательными репродуктивными технологиями также должна охраняться законом. Логичным является соблюдение врачебной тайны. Для должного достижения указанных положений, считаем уместным (по усмотрению сторон) допустить одним из условий договора суррогатного материнства анонимность личностей для его сторон.

В предложенном случае, медицинская организация, оказывающая программу суррогатного материнства, полностью участвовала бы посредником между сторонами. Известной предоставлялась бы исключительно необходимая для исполнения договора информация. Данное также исключило бы и предупредило возможность исполнителя отслеживать дальнейшую судьбу ребенка, так как информация о нем была бы ей полностью неизвестна, а также возможное давление, обусловленное интересом и опекой на исполнителя со стороны заказчиков.

К числу обязанностей генетических родителей относится обязанность своевременных установленных денежных выплат исполнителю, оплаты необходимых расходов и содержания, из чего вытекают аналогичные права исполнителя на получение квалифицированной помощи врачей за счет заказчиков, право на возмещение понесенных расходов и прочее. Заказчики вправе получать должное

информирование о состоянии беременности, знакомиться с медицинской документацией, заключениями и т.д [13].

Таким образом, договор суррогатного материнства можно охарактеризовать как договор возмездного оказания услуг, предметом которого является рождение и последующая передача ребенка генетическим родителям. К существенным условиям в рассматриваемой договорной конструкции по общему правилу относятся, помимо предмета, денежное вознаграждение, которое, как мы определили, выплачивается исполнителю в течении определенных периодов, а также права, обязанности и ответственность сторон.

Особого правового регулирования заслуживает вопрос дальнейшей передачи ребенка, в связи с чем данный аспект следует относить к существенным условиям, поскольку без детального его разрешения договор не может быть исполнен надлежащим образом, что приведет к нарушению прав и интересов его сторон.

В связи с тем, что важные вопросы в настоящее время разрешаются сторонами исключительно индивидуально (что обусловлено отсутствием должной правовой регламентации) при исполнении договорного обязательства возможно возникновение проблем в правоприменительной практике. По этой причине сторонам особенно важно и необходимо должным образом определить и разрешить все существенные условия заключаемого договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ президента Российской Федерации Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года – Электронный ресурс: режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117162&intelsearch=%F1%F3%E8%F6%E8%E4>
2. Бережная, А. И. Договор о суррогатном материнстве: правовая природа и содержание / А. И. Бережная, Ю. В. Яцышина, Д. Н. о. Юсифзаде // Дневник науки. – 2020. – № 6(42). – С. 46. – EDN FLLZOB – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43130219_93616616.pdf – С. – 49.
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция) – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
5. Агентство репродуктивных технологий г. Москва – Электронный ресурс: режим доступа: <https://surmama-msk.com/kak-stat-surmamoj/skolko-platyat-surrogatnym-materiyam/>
6. SM – клиника. Центр репродуктивного здоровья – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.sm-eko.ru/donorskie-programmy-i-surrogatnoe-materinstvo/surrogatnoe-materinstvo/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=85017903_edinaya_surrogatnoe-materinstvo_poisk&utm_term=%D1%81%D1%83%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B2%20%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5_43838973078
7. "Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
8. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ (последняя редакция) – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
9. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 N 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»- Электронный ресурс: режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/>
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/

11. Мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации А.Н. Котокова – Электронный ресурс: режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/>
12. Османова, Д. О. Договор суррогатного материнства: правовая квалификация и отдельные элементы содержания / Д. О. Османова // Юридическая наука в Китае и России. – 2022. – № 5. – С. 113-120. – DOI 10.17803/2587-9723.2022.5.113-120. – EDN KDKRJC. – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54758014_12191445.pdf – С. – 116.
13. Кондратьев, М. А. Договор о суррогатном материнстве: правовая природа и содержание / М. А. Кондратьев, А. О. Яновский, А. А. Борздо // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – Т. 2, № 13. – С. 17-23. – EDN TYBLVL. – Электронный ресурс: режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43127715_21564156.pdf – С. – 17.

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE SURROGACY AGREEMENT

Annotation. Within the framework of the study, the author proposed his own concept of a surrogacy contract, identified its essential conditions and considered some problematic contractual aspects, proposed means of solving them.

Keywords: surrogacy agreement, surrogacy, contract, content of the contract, essential conditions.

Gavrulina V.

Scientific supervisor: Gorbatenko E., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: gavrulina.vladislava@bk.ru

УДК 347.965

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПО НАЗНАЧЕНИЮ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гаврильченко Н. А.

*Научный руководитель: Поляков В. Ю., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено вопросам представительства по назначению суда. Определяются существующие проблемы при реализации норм о представительстве по назначению. Анализируется возможность злоупотреблений со стороны истца с целью избежания активной состязательной деятельности ответчика. Выявляются причины «пассивности» назначенных адвокатов в гражданском процессе. Изучается судебная практика, сложившаяся в данной области. Исследуется объем процессуальных полномочий у адвоката по назначению. Обосновывается необходимость конкретизации и расширения случаев, когда требуется обязательное назначение судом адвоката в качестве представителя. Делаются выводы о необходимости совершенствования ст.50 ГПК РФ.

Ключевые слова: представительство по назначению, адвокат, ответчик, отсутствие сведений о месте жительства.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на квалифицированную юридическую помощь. В определенных случаях такая помощь может предоставляться лицу безвозмездно на основании соответствующего решения суда. В гражданском судопроизводстве данная возможность предусмотрена ст.50 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ). Данная статья гарантирует права лиц, у которых отсутствует возможность самостоятельно принимать участие в судебном заседании, поскольку им неизвестно о самом факте возбуждения гражданского дела. Кроме того, участие в деле назначенного судом адвоката обеспечивает соблюдение принципа состязательности противоборствующих сторон, что способствует более детальному исследованию обстоятельств дела и вынесению правильного решения.

Изучая данный вид судебного представительства, большинство авторов отмечают его новизну, поскольку представительство по назначению суда впервые было введено действующим процессуальным законодательством РФ в 2003 году.

Однако несмотря на то, что ст. 50 ГПК РФ действует уже практически 20 лет, в теории и на практике возникают определенные трудности, связанные с толкованием и применением рассматриваемой статьи. В связи с этим целью настоящей работы является исследование представительства по назначению в гражданском судопроизводстве, выявление проблемных вопросов при реализации положений, предусмотренных ст.50 ГПК РФ.

Из ст.50 ГПК РФ следует, что суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно [1]. Данная статья указывает на то, что адвокат может быть назначен и в иных случаях, предусмотренных законом. Однако не было принято никаких законодательных актов, конкретизирующих данные случаи.

Представительство по назначению суда направлено на достижение единственной цели – совершение от имени представляемого процессуальных действий. Другая цель процессуального представительства – оказание квалифицированной помощи представляемому – не может быть достигнута, учитывая специфику представительства по назначению.

Необходимо отметить, что адвокат на основании ст.50 ГПК РФ может быть назначен только физическому лицу. Это объясняет тот факт, что в рассматриваемой статье идет речь о неизвестности места жительства, а место жительства может иметь только гражданин. Относительно юридического лица применяется термин «место нахождения». Кроме того, необходимо иметь в виду, что в материальных правоотношениях физическое лицо вправе участвовать как в статусе гражданина, так и в статусе индивидуального предпринимателя. Следовательно, решая вопрос о возможности назначения лицу адвоката по ст. 50 ГПК РФ, необходимо руководствоваться тем, в каком качестве он выступает. Так, например, если иск, по которому лицо привлекается в процесс в качестве ответчика, связан с осуществляемой им предпринимательской деятельностью, то адвокат по ст. 50 ГПК РФ такому лицу назначен быть не может [2, с. 19].

Зачастую юристы указанную норму рассматривают как неактуальную и подлежащую исключению из ГПК РФ, а некоторые ученые допускают возможность злоупотреблений со стороны истца с целью избежать активной состязательной деятельности ответчика. В подтверждение этому, они приводят пример, что суды иногда смешивают понятия «неизвестность места жительства» и «неизвестность места пребывания», ошибочно принимая место жительства за место регистрации гражданина. В таком случае могут возникнуть ситуации, когда истец представляет суду доказательства того, что попытки поиска ответчика по месту регистрации оказались безрезультатны и добивается рассмотрения дела в суде без присутствия ответчика [3, с. 173].

Кроме того, суды в мотивировочной части определений о назначении представителей зачастую достаточно кратки и не подкрепляют какими-либо доказательствами неизвестность места жительства ответчика. В свою очередь, необоснованное назначение представителя может привести к нарушению принципа состязательности сторон, а также к судебной ошибке.

Нередко в качестве оснований полагать, что место жительства ответчика неизвестно суды признают истечение срока хранения извещений о подготовке дела к судебному разбирательству в отделениях почты. Подтверждение этому можно найти и в судебной практике. Так, в качестве примера можно привести дело по иску Муниципального образования городского округа Стрежевой к Липовцевой О.В. о

признании утратившей права пользования жилым помещением. Ответчику по месту регистрации судом направлялись извещения о подготовке дела к судебному разбирательству. Однако срок хранения истек и извещения были возвращены в адрес суда. На основании ст.50 и ст.119 ГПК РФ суд посчитал нужным рассмотреть дело в отсутствие ответчика с участием назначенного представителя. Назначенный адвокат в судебном заседании возражал против удовлетворения иска [4].

Некоторые исследователи считают, что представительство по назначению сходно с законным представительством, под которым понимается ситуация, когда представляемый, в силу различных причин, не в состоянии или не вправе самостоятельно выбрать себе представителя, в связи с чем его определяет закон. Однако с данной позицией трудно согласиться. Между данными формами судебного представительства можно выявить значимые отличия.

Так, для возникновения представительства по назначению необходим такой юридический факт как определение суда. Для возникновения же законного представительства указанный процессуальный факт не нужен. Также необходимо отметить, что законный представитель уже определен к моменту начала рассмотрения дела судом. Что касается представительства по ст.50 ГПК РФ, адвокат, участвующий в деле в качестве представителя, неизвестен к тому моменту, когда начинается производство по делу, и уже в ходе процесса назначается судом [5, с. 23]. К тому же необходимо сказать, что представительство по назначению допускается только в гражданском судопроизводстве, тогда как законное и договорное представительство существуют и в материальном праве, что, в свою очередь, является отличительной чертой рассматриваемого вида представительства.

Представительство по назначению предусматривает обязательное наличие статуса адвоката у назначаемого представителя. Назначенный по ст.50 ГПК РФ судом адвокат имеет право обжаловать судебные постановления по данному делу, тогда как адвокаты по соглашению не обладают таким полномочием без специальной оговорки доверителя. Вместе с тем адвокат по назначению не может признать иск либо обстоятельства, на которых истец основывает свои требования. Это объясняется тем, что принятие судом такого признания может привести к нарушению прав ответчика [6, с. 90]. Отсюда следует, что объем процессуальных полномочий у адвоката по назначению суда значительно снижен, в отличие от других видов представительства.

Еще одна проблема заключается в «пассивности» назначенных адвокатов в гражданском процессе. Достаточно часто адвокаты ходатайствуют о рассмотрении дела в их отсутствие или вовсе не приходят на судебное заседание, нарушая тем самым принцип состязательности и равноправия сторон. Выступления таких адвокатов в суде очень лаконичны, без правовой аргументации и, можно сказать, что они сводятся, по существу, лишь к непризнанию иска.

Пассивное поведение адвокатов можно объяснить несколькими причинами:

1. На практике достаточно небольшое количество таких адвокатов, оказывающих юридическую помощь в качестве представителя по назначению суда.

2. Невысокая оплата труда представителей по назначению по гражданским делам, вследствие чего адвокат оказывается незаинтересованным в участии в деле. Для примера обратимся к Постановлению Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240, которое в п.23(1) устанавливает, что вознаграждение адвоката, привлекаемого к участию в гражданском деле по назначению суда, за один рабочий день составляет не менее 550 и не более 1200 рублей, а в ночное время – не менее 825 и не более 1800 рублей [7].

3. На пассивность адвоката по назначению указывает и отсутствие его взаимодействия с представляемым лицом, что создает определенные ограничения в использовании таким представителем общих полномочий по представлению доказательств. Например, представитель не сможет изучить информацию по делу,

которая исходила бы от самого представляемого. Также он не сможет получить согласие представляемого для получения доказательств, если это требуется по закону.

Также является спорным вопрос о перечне «иных случаев», когда законодательство прямо или косвенно указывает на необходимость назначения представителя судом. В литературе поднимается вопрос, распространяется ли на лиц, указанных в ст.26 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», право получать бесплатную юридическую помощь от адвоката на основании ст.50 ГПК РФ. Безусловно, назначение адвоката в соответствии с указанной статьей и ст.50 ГПК РФ имеет одну задачу – обеспечение гарантии защиты прав лиц, которые не могут самостоятельно представлять свои права и законные интересы в суде.

Обратимся к судебной практике. Поспелихинским районным судом Алтайского края рассматривалось дело по иску ПАО «Совкомбанк» к Ворониной А.В. о взыскании суммы задолженности по кредитному договору. Ответчик Воронина А.П. в судебное заседание не явилась в связи с заболеванием. На основании ст.50 ГПК РФ, ст.26 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» в целях защиты прав Ворониной А.П. к участию в деле был привлечен адвокат Палочкина Е.И. Из материалов дела следует, что за время действия кредитного договора наступил страховой случай: постоянная полная нетрудоспособность ответчика, что подтверждается документами. Суд принял решение в удовлетворении исковых требований отказать [8].

Таким образом, приведенный пример указывает на то, что суды могут назначить адвоката по ст.50 ГПК РФ ответчикам из категории лиц, предусмотренной ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Необходимо отметить, что ученые уже не раз высказывали мнение о необходимости на законодательном уровне предусмотреть назначение адвоката в случаях, когда интересы представителей по закону и представляемых не совпадают друг с другом. В настоящее время обязанность назначения представителя в таких ситуациях возложена на органы опеки и попечительства. Однако назначение адвоката в таких случаях является более эффективным, поскольку способствует решению вопроса прямо в судебном заседании [9, с. 58].

Также содержание ст.50 ГПК РФ может быть распространено на случаи рассмотрения дела о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства, поскольку судебная практика содержит немало примеров злоупотребления правом в данной сфере со стороны недобросовестных родственников.

Таким образом, проведенное исследование показало, что представительство по назначению суда является гарантией осуществления правосудия на основании принципа состязательности и равноправия сторон, а также может применяться с целью обеспечения предусмотренного Конституцией РФ права на бесплатную квалифицированную юридическую помощь. Вместе с тем содержание ст.50 ГПК РФ нуждается в доработке. Так, представляется необходимым конкретизировать и расширить случаи, когда требуется обязательное назначение судом адвоката в качестве представителя. Ст.50 ГПК РФ целесообразно дополнить случаем, когда интересы по делу законных представителей и представляемых ими граждан не совпадают друг с другом. К тому же следует наделить назначенного судом адвоката большим объемом процессуальных полномочий. Внесение изменений в ст.50 ГПК РФ позволит обеспечить подлинную правовую защиту наиболее незащищенных слоёв населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой) от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 31.01.2024).

2. Казиханова, С.С. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс / С. С. Казиханова. – М., 2015. – 30 с.
3. Якименко, К.С. Институт представительства по назначению суда в гражданском судопроизводстве – проблемы теории и практики / К.С. Якименко // Тенденции развития науки и образования. – Самара, 2021. – № 73-5. – С. 171-174.
4. Решение Стрежевского городского суда Томской области от 29.05.2020 по делу № 2-393/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/orIK7R36WvNB/> (дата обращения: 31.01.2024).
5. Бектемирова, Э.С. Проблема классификации института представительства в гражданском судопроизводстве РФ / Э.С. Бектемирова // Вестник науки. – Тольятти, 2019. – № 9(18). – С. 22-24.
6. Ювента, Н.В. Представительство в гражданском процессе по назначению суда / Н.В. Ювента // Цивилистика: право и процесс. – Саратов, 2023. – № 2(22). – С. 88-92.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2012 № 1240 (ред. от 27.09.2023) «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138571/543b9d56b62eacdceded8599aead2fc6cf998f44/ (дата обращения: 01.02.2024).
8. Решение Поспелихинского районного суда Алтайского края от 17.06.2015 по делу № 2-291/2015 ~ М-230/2015 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-22RS0040-2-291-2015-m-230-2015-2015-03-30-0-0/> (дата обращения: 01.02.2024).
9. Исентаева, Д.А., Саттарова, З.З. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: теоретические аспекты / Д.А. Исентаева, З.З. Саттарова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – Оренбург, 2022. – № 2(52). – С. 54-61.

FEATURES OF REPRESENTATION BY COURT APPOINTMENT IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. This study focuses on questions of court-appointed representation. The existing problems in implementing the rules on representation by appointment are identified. The possibility of abuse on the part of the plaintiff in order to avoid active competitive activity of the defendant is analyzed. The reasons for the «passivity» of appointed lawyers in civil proceedings are identified. The judicial practice that has developed in this area is studied. The scope of procedural powers of an appointed lawyer is examined. The need for specification and expansion of cases when the mandatory appointment of a lawyer as a representative by the court is required is substantiated. Conclusions are drawn about the need to improve Article 50 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation.

Keywords: representation by appointment, attorney, defendant, unknown place of residence.

Gavrilchenko N.

Scientific adviser: Polyakov V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: beruber8@mail.ru

УДК 347.66

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИУСА ПО ОХРАНЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА, ХРАНЯЩЕГОСЯ В БАНКОВСКИХ ЯЧЕЙКАХ

Гиунашвили Г.Г.

*Научный руководитель: Горбатенко Е.В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе исследуются особенности нотариальной деятельности, связанной с охраной наследственного имущества, хранящегося в банковских ячейках. Анализируется предмет договора банковского хранения имущества. Кроме того, раскрывается процесс наследования имущества,

хранящегося в банковских ячейках. Вместе с этим, выявлены проблемы, возникающие в деятельности нотариуса при осуществлении охраны наследственного имущества, находящегося на хранении в банковской кредитной организации, а также даны рекомендации по их решению.

Ключевые слова: банковская организация, наследственное имущество, наследование, договор, нотариус.

С возникновением развитой банковской системы ее роль в повседневной жизни людей только увеличивается. Банковские кредитные организации нередко выступают хранилищем имущества клиента, которое тот помещает в банк для дальнейшего его использования. Чаще всего, если речь идет о материальном объекте, банковская кредитная организация предоставляет для хранения банковскую ячейку. При этом, хранящееся в ней имущество не лишено свойства наследоваться при наступлении соответствующих обстоятельств. Тем самым, можно отметить, что в последнее десятилетие все чаще возникают ситуации, когда в наследственных правоотношениях фигурирует имущество, хранящееся в банковской ячейке.

Не будет преувеличением сказать, что правоприменительной практики в указанной области достаточно мало. Наиболее остро стоит вопрос о том, что наследование имущества, находящееся в банковской ячейке, практически не урегулировано законодательством. Такое положение дел приводит к тому, что в нотариальной деятельности нередко возникают характерные проблемы, связанные с наследованием данного имущества. К указанному следует добавить, что рассматриваемая ситуация нередко усугубляется отечественной судебной доктриной, в соответствии с которой суды, как правило, не могут признавать в качестве источника права прецедент, и, основываясь на нем, разрешать соответствующие проблемные ситуации.

Прежде, чем переходить к непосредственным проблемам наследования имущества, находящегося в банковской ячейке, следует подробнее рассмотреть правовую основу такого хранения. Так, в соответствии со ст. 922 ГК РФ «Хранение ценностей в индивидуальном банковском сейфе», законодатель дает два правовых основания для банковского хранения имущества [1].

Первым основанием служит договор хранения с использованием поклажедателем охраняемого банком индивидуального банковского сейфа. Данный способ заключается в том, что банковская кредитная организация принимает от поклажедателя имущество, которое должно храниться в сейфе, осуществляет контроль за помещением или изъятием его из банковского сейфа поклажедателем и после изъятия возвращает его поклажедателю.

Второе основание заключается в договоре хранения с предоставлением клиенту охраняемого банком индивидуального сейфа. Касаясь данного основания, банковская кредитная организация предоставляет клиенту возможность помещения и изъятия имущества из сейфа [2, с. 89].

После того, как клиент банка умирает, имущество, находящееся на момент его смерти в банковском сейфе, может быть передано наследникам в рамках процесса наследования. В законе отмечается, что для получения наследства наследник, по общему правилу, должен по месту открытия наследства подать нотариусу заявление о принятии наследства, либо о выдаче соответствующего свидетельства о праве на наследство.

Однако, в наследственных правоотношениях, как уже было сказано ранее, нередко возникают трудности, связанные с наследованием имущества из банковского сейфа [3, с. 11].

Во-первых, логично предположить, что имущество находится на территории банковской кредитной организации, в виду чего установить его наличие или отсутствие в сейфе крайне затруднительно. Такое положение вызвано тем, что банковская кредитная организация, исходя из своих прямых обязанностей, не вправе допускать

третьих лиц к осмотру содержимого сейфа (за исключением случаев, если такие лица были непосредственно указаны в договоре хранения между банковской кредитной организацией и клиентом).

Во-вторых, наследники, как правило, могут не знать о том, что у наследодателя имеется какое-либо имущество в банковской ячейке, а если информация об этом известна, то могут не знать, каким именно банком пользовался наследодатель для хранения своего имущества. В данной ситуации законодатель в п. 3 ст. 1171 ГК РФ «Охрана наследства и управление им» наделил нотариуса правом направлять необходимые запросы в банковские кредитные организации о наличии у них имущества наследодателя [4]. В случае получения указанного запроса, банки предоставляют нотариусу информацию как о денежных средствах, находящихся на счете наследодателя, так и о наличии арендованного им сейфа или ячейки. Вся указанная информация необходима для того, чтобы выявить наиболее полный состав наследства.

Стоит понимать, что банк, в котором имеется имущество наследодателя, как правило, узнает о его смерти от наследников или нотариуса, который отправил запрос об установлении наследственного имущества. В нем нотариус может предложить банковской кредитной организации ограничить доступ всех лиц к сейфу или ячейке наследодателя, пока не будет определен окончательный круг наследников. В своем запросе нотариус просит банк указать информацию, необходимую для ведения наследственного дела. В частности, при наличии у наследодателя арендованного сейфа или ячейки, может быть запрошена копия соответствующего договора аренды.

Важное место в регулировании нотариальной деятельности в области банковских кредитных организаций занимает Федеральная нотариальная палата Российской Федерации. В письме от 6 июня 2013 года она представила ряд разъяснений, касающихся порядка оформления наследственного имущества, которое находится в ячейках и сейфах банковских кредитных организаций [5]. В письме указывается, что если нотариус не производил опись содержащегося в банковской ячейке наследственного имущества, то «свидетельство о праве на наследство может быть выдано наследнику на права и обязанности, вытекающие из договора аренды банковского сейфа, если срок действия такого договора, определенный сторонами по договору, не истек и, если законом или договором не предусмотрено иное».

В случае, когда наследники обладают информацией о наличии у наследодателя банковской ячейки, а также об имуществе, хранящегося в ней, нотариус в соответствующем запросе в банковскую кредитную организацию указывает на производство вскрытия данной ячейки. Для вскрытия сейфа и описи имущества в банковской кредитной организации создается специальная комиссия. Вместе с тем, к процессу приглашаются наследники и нотариус, ведущий наследственное дело. Хранящееся в банковской ячейке имущество описывается. Если среди обнаруженного имущества имеются денежные средства, отмечается название валюты, серийный номер банкнот, номинал и количество единиц. После того, как имущество будет описано, его помещают в мешок. К нему крепится ярлык с информацией о номере договора аренды, номере самой ячейки, подписи участников процедуры вскрытия. После указанных действий, такой мешок пломбируется и хранится в хранилище ценностей до момента, когда имущество будет востребовано наследниками.

Для закрепления вышеуказанной процедуры, будет целесообразно рассмотреть характерную судебную практику. В качестве примера можно взять Решение Магаданского городского суда Магаданской области от 24 февраля 2012 г. по делу № 2-3512/2012.

Краткое описание вышеуказанного судебного дела: гражданка К. обратилась в суд с исковым заявлением о признании незаконными действия (бездействия), выразившиеся в отказе в допуске к вскрытию индивидуального сейфа, возложении

обязанности произвести комиссионное вскрытие сейфа. Ответчиком выступило ОАО «Сбербанк России». Исходя из материалов судебного дела, видно, что нотариус отказался от участия во вскрытии банковского сейфа.

По итогам рассмотрения дела, суд пришел к следующему выводу. Было вынесено решение, согласно которому истцу отказали в удовлетворении заявленных требований. Указанный отказ аргументировался тем, что банк имел право отказать в допуске к индивидуальному банковскому сейфу, если нотариус, ведущий наследственное дело, отсутствовал [6].

Любопытным остается следующий момент. Некоторые банки, на основании своих банковских правил, могут требовать заключения с нотариусом не договор хранения, а договор аренды [7].

Вместе с тем, нотариусы относятся к имуществу, которое находится в банке, несколько иначе, чем к другому наследственному имуществу. В частности, с точки зрения охраны наследственного имущества, нотариусы, как правило, не всегда предпринимают охраняющие меры в отношении имущества, хранящегося в банке. В данном случае, они руководствуются обычной логикой, по которой указанное имущество и так хорошо охраняется в специализированном учреждении, где имеются необходимые меры защиты.

Гражданское законодательство устанавливает 6-месячный срок со дня открытия наследства для того, чтобы нотариус выдал наследникам свидетельство о праве на наследство. Они, в свою очередь, обращаются в банковскую кредитную организацию с выданным свидетельством. При наличии нескольких наследников, обязательно должно быть обозначение конкретной денежной суммы, причитающейся каждому из них.

В случае, если арендаторами банковской ячейки являлись другие лица, помимо самого умершего наследодателя, доступ к ней со стороны наследников обретает дополнительную особенность. Так, в частности, при «выбытии» одного или нескольких арендаторов, доступ остальным осуществляется под контролем расчетного центра банковской кредитной организации. При этом, арендатор может установить самостоятельный доступ к ячейке, и, в случае его смерти, указанное право переходит к наследнику.

Нередко может возникнуть ситуация, при которой срок договора аренды банковского сейфа истек в момент обращения наследников к нотариусу. В данном случае, практика показывает, что лучшим способом сохранить свои права на наследственное имущество, находящееся в банковской ячейке, является судебный порядок. При этом, такие судебные процессы являются достаточно специфическими.

К примеру, если суд вынесет решение в пользу наследника, то он получит право истребовать из банка имущество наследодателя, которое находилось в банковской ячейке. Однако, если по итогам судебного разбирательства требования наследника не будут удовлетворены, имущество будет считаться выморочным и перейдет в собственность государства. Из этого следует, что ответчиком по делу может быть не только банк, но и ИФНС, к которой перешло имущество.

Не стоит также забывать о том, что гражданское законодательство устанавливает сроки исковой давности в случае, когда имеет место исковое заявление об оспаривании отказа нотариуса в оформлении наследственного имущества, хранящегося в банковской ячейке. ГК РФ предусматривает 10 дней для подачи заявления, с момента, когда заявитель узнал о наличии вышеуказанных действий. Если заявитель нарушил 10-дневный срок, суд, при наличии ходатайства нотариуса, может отказать в удовлетворении его требований [8, с. 99].

Наглядным примером такой ситуации можно назвать судебное решение Кировского районного суда г. Курска по заявлению Н. Н. Гридасовой. Суд, исследовав материалы дела, отказал в удовлетворении требований Н. Н. Гридасовой о признании незаконным отказа нотариуса в совершении нотариального действия и понуждении к

выполнению нотариального действия. Заявитель, в частности, хотела добиться выдачи ей свидетельства о праве на наследственное имущество, которое ранее хранилось в ячейке банковской кредитной организации, но было передано в хранилище, в связи с окончанием срока действия соответствующего договора аренды банковской ячейки. Суд, принимая отрицательное решение, аргументировал его тем, что заявитель нарушила установленный гражданским законодательством срок, составляющий 10 дней (п. 2 ст. 310 ГПК РФ) [9]. Н. Н. Гридасова обратилась в суд с характерным заявлением лишь спустя 8 месяцев после того, как нотариус вынес решение об отказе в совершении рассматриваемых нотариальных действий [10].

Таким образом, на основании всего указанного, можно сделать следующий вывод. Как было выяснено, правоприменительная практика нередко сталкивается с трудностями, связанными с определением точного местонахождения наследственного имущества, хранящегося в банковской кредитной организации. Исходя из этого, целесообразным будет добавить характерные изменения в действующее гражданское законодательство. В частности, рекомендуется пересмотреть ст. 1125 ГК РФ «Нотариально удостоверенное завещание», регулирующую правила нотариально удостоверенного завещания, добавив в нее требование об обязательном указании наименования банковской кредитной организации, номера договора аренды или хранения, номера ячейки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5
2. Азархин А. В. Нотариат: учебно-методическое пособие / А. В. Азархин, И. В. Евстафьева, Л. А. Родионов. – Самара: Самарский юридический институт ФСНН России, 2018. – 112 с.;
3. Синцов Г. В. О влиянии последних изменений, внесенных Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ в законодательство о нотариате Российской Федерации // Нотариус. 2015. № 2. С. 10 – 12.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49;
5. Письмо ФНП от 06.06.2013 № 1284/06-09 «Об оформлении наследственного имущества, находящегося в индивидуальном банковском сейфе». Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс;
6. Решение Магаданского городского суда Магаданской области от 24 февраля 2012 г. по делу № 2-3512/2012, сайт: <http://sudact.ru/regular/doc/TnL00tnjo8om/> (дата обращения: 28.12.2023);
7. Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 28 октября 2011 года по делу № обезличен, сайт: <http://www.gcourts.ru/case/1814055> (дата обращения: 28.12.2023);
8. Григорьева Т. А., Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В., Щербакова Л. Г. – Нотариат в Российской Федерации. (Бакалавриат) – Юстиция – 2019 – 222 с.;
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46;
10. Решение Кировского районного суда г. Курска от 4 декабря 2014 г. по делу № 2-1049/5-2014, сайт: https://kirovsky-krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7891665&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 28.12.2023).

FEATURES OF THE ACTIVITY OF A NOTARY IN THE PROTECTION OF HEREDITARY PROPERTY STORED IN BANK BOXES

Annotation. The work examines the features of notarial activities related to the protection of inherited property stored in safe deposit boxes. The subject of the contract for bank storage of property is analyzed. In addition, the process of inheriting property stored in safe deposit boxes is revealed. At the same time, problems that arise in the activities of a notary when implementing the protection of hereditary property stored in a bank credit organization are identified, and recommendations are given for solving them.

Keywords: banking organization, inherited property, inheritance, contract, notary.

Giunashvili G.

Scientific adviser: Gorbatenko E., PhD in Law, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: georgiygiunashvili@mail.ru

УДК 347.6

ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Гокунь Ю.С.

*Научный руководитель: Асеева Н. В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Целью данного исследования является составление характеристики договора суррогатного материнства. Автор указывает на то, что в суррогатное материнство объединяет в себе семейные и гражданско-правовые отношения, а также примыкающие к ним правоотношения, регулируемые нормами медицинского права. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что договор суррогатного материнства возможно охарактеризовать как консенсуальный, возмездный либо же без возмездный, взаимный, двусторонний и алеаторный.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор, характеристика.

Как известно, договор является основанием возникновения обязательства. Система договоров рассматривается как динамичная, постоянно развивающиеся и соответствующая происходящим в обществе изменениям. Появляются новые виды и подвиды договоров. Многообразие договоров по своей форме и содержанию позволяет удовлетворить возникающие потребности участников гражданско-правовых отношений. В отечественной юридической практике сложилось так, что основанием возникновения правоотношений суррогатного материнства является договор суррогатного материнства. При этом, в настоящий момент ученые не достигли единого мнения относительно принадлежности договора суррогатного материнства к той либо иной отрасли права, что затрудняет составление комплексной характеристики. Следовательно, целью данного исследования является составление характеристики договора суррогатного материнства.

Суррогатное материнство следует считать поистине уникальным правовым и социальным явлением, поскольку оно объединяет в себе сразу несколько различных видов отношений, преобладающими из которых являются семейно- и гражданско-правовые. Именно тесное переплетение семейных и гражданско-правовых отношений, а также примыкающих к ним правоотношений, регулируемых нормами медицинского права, затрудняет определение правовой природы договора суррогатного материнства и составления его характеристики.

Определение правовой природы договора суррогатного материнства становилось объектом исследования многих ученых. Так, Сухарева Е.Р. считает, что данный договор следует относить к семейно-правовым, так как он заключается с целью установления семейных правоотношений между родившимся ребенком и супругами-заказчиками [1, с.33-37]. Данная точка зрения противоречит сложившейся вспомогательной репродуктивной практике и действующему законодательству. В силу отсутствия единой формы договора суррогатного материнства существуют различные варианты указания круга его субъектов. Так, договоры суррогатного материнства в зависимости от комбинации прописанных в нем субъектов возможно подразделить на три основных вида:

1) договоры, в которых в качестве первого субъекта указана клиника вспомогательных репродуктивных технологий, действующей от имени генетических родителей, а в качестве второго – суррогатная мать;

2) договоры, в которых как первая сторона указана суррогатная мать, как вторая сторона указаны генетические родители, а как третья – клиника;

3) договоры, в которых первой стороной указаны генетические родители, а второй – суррогатная мать.

Несмотря на наличие различных комбинаций указания субъектов договора, включение в него в качестве субъекта ребенка недопустимо. Кроме того, согласно п. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», договор о суррогатном материнстве – это соглашение, которое заключается между суррогатной матерью и потенциальными родителями в целях вынашивания и рождения ребенка [2]. Исходя из данного определения становится понятно, что ребенок не может являться субъектом договора, поскольку его субъектами признаются родители и суррогатная мать. Как указывалось ранее, в круг субъектов договора суррогатного материнства может быть включена и репродуктивная клиника. Это представляется возможным благодаря гражданско-правовому регулированию вспомогательных репродуктивных технологий, основанному на свободе договора и на принципе диспозитивности.

В научной литературе существует мнение о том, что семейные отношения возникают уже после рождения ребенка, его передачи генетическим родителям и оплаты услуг суррогатной матери, т.е. уже после надлежащего исполнения договора сторонами [3, с.234-238]. На наш взгляд, возможно выделить два предполагаемых момента возникновения семейных отношений в правоотношениях суррогатного материнства. Так, семейные отношения в правоотношениях суррогатного материнства могут возникать:

1) между генетическими родителями и будущим ребенком – с момента перенесения в организм суррогатной матери эмбриона (генетический аспект);

2) между генетическими родителями и ребенком – с момента регистрации в органах записи актов гражданского состояния генетических родителей родителями ребенка (юридический аспект).

Таким образом, правоотношения между суррогатной матерью и генетическими родителями должны быть признаны исключительно гражданско-правовыми. Следовательно, и договор суррогатного материнства должен быть квалифицирован как гражданско-правовой.

Подтверждает предложенную точку зрения о признании договора суррогатного материнства гражданско-правовым и то, что по своей сущности он является договором оказания услуг и, зачастую, как сложилось в отечественной практике, носящим возмездный характер. Встречается мнение, что нельзя отнести договор к подвидам договоров главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации из-за того, что он может заключаться и на безвозмездной основе. Данное мнение не совсем правильное. Услуга, как правовая категория, является объектом гражданско-правового регулирования вне зависимости от ее возмездности либо же безвозмездности. Отсутствие урегулирования в Гражданском кодексе Российской Федерации данных отношений не может признаваться основанием для исключения безвозмездных услуг из сферы действия гражданского права.

Отметим, что приравнивать договор суррогатного материнства к традиционному договору оказания услуг не следует. Договор суррогатного материнства обладает особой спецификой, свойственной ему благодаря объекту рассматриваемых правоотношений. Вопрос об объекте правоотношений в сфере суррогатного материнства уже на протяжении многих лет остается дискуссионным. Участники данной дискуссии разделились на две стороны. Так, одни считают, что объектом суррогатного материнства является ребенок. Зачастую этой точки зрения придерживаются противники данного метода лечения бесплодия. Рассмотрение ребенка как объекта купли-продажи непосредственно повлияло на формирование неодобрительного отношения к суррогатному материнству. Рассмотрение ребенка не как личности, а как некоего неодушевленного объекта, которому приписываются признаки товара и потребительские товарные свойства, становится ключевым аргументом в пользу запрета суррогатного материнства.

При исследовании вопроса о предмете договора суррогатного материнства следует помнить, что, согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, жизнь человека не может выступать в качестве объекта гражданских прав [4]. Одновременно с этим, можно предположить, что на основании ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации сделку, предметом которой выступает ребенок, следует признавать ничтожной как противоречащую основам нравственности и морали.

По мнению других исследователей, которого придерживаемся и мы, в качестве объекта суррогатного материнства как гражданско-правового отношения выступают услуги по вынашиванию и рождению ребенка, которые предоставляет суррогатная мать. На это указывают цели, с которыми осуществляется суррогатное материнство, т.е. вынашивание и рождение ребёнка.

Договор суррогатного материнства вполне обоснованно возможно охарактеризовать как алеаторный, т.е. рисковый. Алеаторные договоры обусловлены наличием риска при их заключении, причем риск здесь не просто присутствует в той либо иной степени, а приобретает определяющее для исполнения договора значение. Применительно к суррогатному материнству это означает, что несмотря на выполнение суррогатной матерью всех условий, необходимых для нормального протекания беременности и родов, беременность может быть прервана по независящим от нее обстоятельствам. Например, суррогатная мать попадет в ДТП и потеряет ребенка. Также в случае врачебной ошибки ребенок может умереть при родах. Поэтому, не возникает никаких сомнений в том, что риск для генетических родителей в рассматриваемых правоотношениях слишком велик. Однако желание иметь полноценную счастливую семью, в которой воспитывается ребенок, превосходит имеющийся страх и толкает генетических родителей на риск.

Полагаем, целесообразным представляется решение вопроса о моменте заключения договора о суррогатном материнстве, и, следовательно, определение того, каким, реальным либо консенсуальным, он будет являться. Звенигородская Н.Ф. описывает данный договор как реальный, поскольку права и обязанности сторон возникают только при условии перенесения эмбриона в тело суррогатной матери [5, с.81]. Считаем данную точку зрения не совсем верной. Так, в случае признания договора реальным, суррогатная мать сможет отказаться от процедуры имплантации эмбриона, не понеся никаких негативных последствий в случае причинения ущерба генетическим родителям, если они уже оплатили реализацию процедуры искусственного оплодотворения. Следовательно, правильнее считать договор суррогатного материнства консенсуальным, то есть заключенным при достижении сторонами согласия по всем существенным условиям договора.

Существенными условиями договора возмездного оказания услуг, согласно главе 39 Гражданского кодекса Российской Федерации, помимо предмета, выступают цена и срок. Поскольку договор о суррогатном материнстве следует рассматривать как двусторонне обязывающий, ценой выступает лишь вознаграждение за услуги суррогатной матери. В свою очередь, расходы на оплату услуг медицинской организации в цену не включаются. Они должны быть прописаны в отдельном пункте договора. Ценой договора о суррогатном материнстве, по нашему мнению, должна выступать лишь заранее определенная и прописанная в договоре сумма вознаграждения, которое должно быть выплачено суррогатной матери. В том случае, если суррогатная мать оказывает услуги по вынашиванию и рождению ребенка на безвозмездной основе, в договоре должно обязательно содержаться указание на это.

Представляется целесообразным под сроком исполнения услуг по договору суррогатного материнства понимать не только срок беременности, а в большей мере срок, в который ребенок должен быть передан генетическим родителям. Под передачей в данном случае необходимо понимать не только факт получения ребенка

генетическими родителями, но и дачу в письменной форме согласия суррогатной матерью на запись этих лиц в качестве родителей ребенка. Выносив ребенка, родив его и отказавшись от него, суррогатная мать выполняет возложенные на нее договором обязанности. В данном случае будет иметь место надлежащее исполнение договора. Со стороны генетических родителей надлежащее исполнение договора будет в случае выплаты денежной суммы, которую они обязуются выплатить суррогатной матери за ее услуги, если они оказывались на возмездной основе. Если же имело место безвозмездное оказание услуг суррогатной матерью, генетические родители не должны выплачивать ей вознаграждение, однако, если это было прописано в договоре, оказывать ей материальную помощь, например, при покупке необходимых лекарственных средств для нормального протекания беременности. В данном случае суррогатная мать также должна дать согласие на запись обратившихся к ней мужчины и женщины в качестве родителей ребенка. Имплантация эмбриона, вынашивание, рождение и передача ребенка генетическим родителям являются субъективными обязанностями суррогатной матери. Помимо этих обязанностей суррогатная мать должна пройти медицинское обследование в клинике. Генетические родители обязаны оплатить оказанные суррогатной матерью услуги. Кроме того, они в процессе подготовки и реализации программы вправе оказывать суррогатной матери ту помощь, которую посчитают необходимой. Например, суррогатной матери могут быть возмещены расходы, связанные с потерей заработной платы, сменой места жительства, поддержанием необходимого образа жизни, поддержанием здоровья, расходы на питание, транспорт и т.д. Полагаем, расходы на содержание суррогатной матери целесообразно указывать в отдельных положениях договора, не относящихся к существенным условиям. Следовательно, наличие корреспондирующих прав и обязанностей делает договор суррогатного материнства взаимным и носящим двусторонний характер.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что договор суррогатного материнства возможно охарактеризовать как консенсуальный, возмездный либо же безвозмездный, взаимный, двусторонний и алеаторный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухарева Е. Р. Совершенствование правового регулирования суррогатного материнства в РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. №3. С.33-37.
2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 01.02.2024).
3. Артюшина О.Н., Прохорова М.В. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, №1. – С.234-238.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.02.2024).
5. Звенигородская Н. Ф. Семейно-правовые сделки: проблемы классификации family // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 4 (29). – С. 81.

CHARACTERISTICS OF THE SURROGATE MATERNITY AGREEMENT

Annotation. The purpose of this study is to compile characteristics of the surrogacy contract. The author points out that surrogacy combines family and civil law relations, as well as related legal relations regulated by the norms of medical law. The conducted research allows us to come to the conclusion that the surrogacy contract can be characterized as consensual, paid or without compensation, mutual, bilateral and aleatory.

Keywords: surrogacy, contract, characteristics.

Gokun J.

Scientific adviser: Aseeva N., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 340.1

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Голубева М. А.

*Научный руководитель: Матвиенко Е. А., канд.юрид.наук., доцент
ФГБОУ ВО «ДОНГУ»*

Аннотация. В данной статье был проведен анализ основных характеристик правового государства, которые предлагаются научной доктриной, с применением к существующей общественно-политической системе Российской Федерации. В результате исследования были выявлены несколько условий и тенденций развития правового государства, включающих в себя укрепление гражданского общества, применение соответствующих социально-политических мер и другие факторы.

Ключевые слова: правовое государство, верховенство права, перспективы развития правового государства.

В современном мире идея правового государства является одной из наиболее перспективных концепций в области государственно-правовых отношений. Стоит отметить, что концепция правового государства привлекает внимание многих исследователей в области права и социологии на протяжении многих веков, занимая высокое место в мыслях ученых прошлого и настоящего.

Несмотря на то обстоятельство, что Конституция Российской Федерации устанавливает, что Российская Федерация является правовым государством, нельзя утверждать, что данное положение устойчиво в настоящее время. На наш взгляд, Российская Федерация все еще находится на пути к полноценному становлению в качестве правового государства.

Термины «Республика», «федерация» и «демократия» обычно понимаются однозначно и не вызывают сомнений относительно их применимости к Российской Федерации. Однако, термин «правовое государство» вызывает наибольшие споры и дискуссии в научных кругах среди множества исследователей в области права. Так, возникают вопросы о точном определении данного понятия и его характеристик, а также о том, насколько оправдано присвоение Российской Федерации такого статуса и не было ли это решение поспешным в 1993 году.

Стоит отметить, что правовое государство представляет собой систему власти, установленную и контролируруемую гражданским обществом, которая использует свои институты для эффективной организации общественной жизни в интересах народа.

Правовое государство, формально, представляет собой государство, в котором законы, обладающие высшей юридической силой применяются строго в соответствии с установленным порядком, который закреплен в писаной Конституции Российской Федерации. При этом, стоит отметить, что все ветви власти осуществляют свою деятельность исключительно в соответствии и на основании законодательства. Таким образом, правовое государство можно рассматривать как образование, подчиненное строгой системе правовых норм. [1, с.7].

С точки зрения материального смысла, стоит отметить, что правовое государство включает различные институты, такие как свобода и равенство, а также гарантии человеческого достоинства. При этом, важным является то, что вышеуказанные элементы являются неотъемлемой частью государственной власти и требуют учета со стороны государства. Кроме того, важным аспектом является запрет на чрезмерное государственное вмешательство в жизнь гражданского общества.

Далее в случае, если рассматривать государство как инструментальную структуру, то основное внимание в данном аспекте уделяется правовым механизмам,

которые обеспечивают и защищают права и свободы личности, включающая в себя систему регулирования общественных отношений, реализуемая через правовую технику правотворчества и правоприменения. Тем самым, в соответствие с вышеизложенным следует, что данные положения являются операциональной стороной правового государства, которая обеспечивает его сущность.

Стоит отметить, что данный институт, о котором говорится выше, имеет как общие, так и специальные черты, которые отличают его от других государственных образований. Одним из основных признаков правового государства является наличие публичной власти, сложной системы управления, монополии на законное применение насилия для достижения своих целей и задач, а также суверенитета.

Особенные черты правового государства включают верховенство права, гарантированность, незыблемость и реальность прав и свобод граждан, взаимную ответственность государства и гражданина, а также разделение властей.

Верховенство права означает, что каждый человек, общественная и государственная организация, коллектив, должностное лицо и государственный орган обязаны подчиняться закону.

На наш взгляд, для того чтобы нормативный правовой акт мог считаться действительным в правовом государстве, он должен соответствовать не только формальным требованиям, но и содержать правовую сущность. Такой акт должен быть принят легитимным органом власти в соответствии с установленным порядком, соответствовать международным нормам прав человека и отражать естественно-правовые принципы.

Детализируя содержание признака верховенства права, можно выделить следующие его компоненты:

- а) формирование всех государственных структур строго на основе закона;
- б) правовой характер принимаемых законов и верховенство закона, который должен быть справедливым;
- в) связанность государства им же созданными законами, т. е. ограничение его власти посредством правовых установлений и предписаний, определение правовых пределов деятельности;
- г) верховенство Конституции в системе права [2, с.191].

Конституция РФ обладает высшей юридической силой и непосредственным действием на всей территории Российской Федерации, роль которой невозможно недооценивать. Стоит отметить, что наивысший юридический акт закрепляет обязательные нормы, отражающие не только формальные положения, регулирующие правоотношения, но и всеобщие принципы и ценности в государстве.

Далее, хотелось бы отметить еще один немаловажный признак правового государства, которым является неизменность, гарантированность и реальность прав и свобод человека и гражданина, что также находит отражение в Конституции Российской Федерации. Так, на основании статьи 17 Конституции Российской Федерации следует, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными источниками и нормами международного права. При этом, вышеуказанные права являются неотчуждаемыми и принадлежат каждому с момента его рождения. Кроме того, статья 2 вышеуказанного юридического акта закрепляет обязанность государства признавать, соблюдать и защищать данные права.

Пункт 3 статьи 17 Конституции также подчеркивает, что при осуществлении своих прав и свобод человек и гражданин должны учитывать права и свободы других людей. Данное положение является ключевой основой для установления справедливых общественных отношений, основанных на равенстве и свободе. Стоит отметить, что формальное равенство играет важную роль для обеспечения независимого и

свободного развития каждого человека, что в свою очередь способствует здоровому и эффективному взаимодействию между всеми членами общества [3].

Стоит отметить, что ключевой целью политики правового государства является обеспечение и защита прав и свобод человека. Они являются основой для интерпретации и применения законов, а также деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей. Однако, иногда возникают объективные преграды для полноценной реализации социальной поддержки населения вследствие изменения внешнеполитической обстановки, инфляции, цен на энергоносители и множеством других факторов.

Кроме того, успешное развитие гражданского общества зависит от активной позиции каждого человека, их уровня правовой культуры и политического участия. Важно, чтобы общество было готово к открытому диалогу и сотрудничеству с государством для решения важных проблем.

Граждане имеют право требовать от государства определенного уровня социальных благ и материальной поддержки. Однако, необходимо помнить, что граждане также несут определенные обязанности перед государством. Данные обязанности включают соблюдение законов, уплату налогов, защиту Отечества, охрану природы и культурного наследия, получение образования и заботу о детях и нетрудоспособных родителях. Взаимная ответственность между государством и личностью является еще одним признаком правового государства. [4, с.189]

Также, помимо вышеназванных черт правового государства, стоит отметить также наличие принципа разделение властей. В Российской Федерации данный принцип проявляется в том, что вся власть в государстве разделена на следующие виды, а именно законодательную в лице Федерального Собрания, исполнительную – Правительство, а также судебную власть представленную Конституционным и Верховным судом. Стоит отметить, что каждая из вышеназванных видов властей обладает независимостью и одновременно имеет возможность влиять на другую.

Следовательно, принцип «сдержек и противовесов» позволяет избежать скопления власти в одних руках и, как следствие, злоупотребления ею, а также придает большую эффективность каждому органу. Однако стоит отметить, что сильная президентская власть и преобладание исполнительной власти над законодательной создают некоторый дисбаланс в соблюдении принципа разделения властей.

На практике, возможность Государственной Думы выразить недоверие Правительству остается неиспользованной, поскольку это может привести к роспуску самой Думы. Более того, Президент имеет право предлагать кандидатуры на пост Председателя Правительства, которые могут быть невыгодными для Думы, и даже нет запрета на повторное предложение одной и той же кандидатуры, так как соответствующая норма отсутствует в Конституции. [5, с.170]

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что Российская Федерация как правовое государство все еще находится на стадии становления. Данное обстоятельство обосновывается тем, что процесс развития правового государства в нашем государстве не завершен и требует дальнейших усилий и реформ.

Также, следует отметить, что развитие правового государства в России происходит нелинейно, противоречиво и разнонаправлено вследствие того, что различные субъекты и институты не всегда эффективно функционируют и способны обеспечить соблюдение правовых норм и принципов.

Особое внимание следует уделить роли гражданского общества и демократических институтов. В настоящее время они недостаточно эффективны и необходимы для существования правового государства. Их развитие и укрепление являются важными задачами для дальнейшего развития правового государства в России.

Таким образом, формулировка первой статьи Конституции РФ, которая определяет Россию как правовое государство, имеет большое значение. Она является регулятором общественной жизни и ориентиром для принятия решений. Также, существование данной нормы позволяет выявить проблемы и указывает на правильное направление для развития общественно-политического строя.

С другой стороны, определение России как правового государства в Конституции является четкой целью, на которую государство должно ориентироваться при разработке и проведении национальной политики.

Для развития правового государства необходимы определённые условия. Обязательными условиями являются активное гражданское общество, повышенное правосознание граждан, гарантированный общественный правопорядок, реализация принципа плюрализма.

Для обеспечения реальной независимости судебной власти и равного доступа населения к правосудию необходимо принять ряд мер. Во-первых, следует увеличить количество судов и судей, чтобы обеспечить более быстрое и эффективное рассмотрение дел. Кроме того, важно восстановить и закрепить право граждан на отзыв выборных должностных лиц до истечения их срока полномочий, чтобы учесть недостаточное доверие электората. Также необходимо установить диалог между гражданским обществом и властными органами, чтобы обеспечить прозрачность и учет общественного мнения при принятии важных решений. Важным шагом является планомерное развитие экономических механизмов, которое способствует стабильности и процветанию общества. Кроме того, перевод вооруженных сил на контрактную основу позволит повысить их профессионализм и эффективность. И, наконец, гражданам необходимо предоставить доступ к информации о принципиально важных общественных вопросах, чтобы они могли быть в курсе происходящего и активно участвовать в принятии решений [6, с. 217].

Таким образом, на основании вышеизложенного следует, что главной целью государства в своей политике является создание необходимых условий и применении мер для обеспечения реализации данных условий. На наш взгляд, примерами могут являться финансирование государством образовательных учреждений с гуманитарным уклоном для того, чтобы привлечь граждан к политическим обсуждениям и осветить важные общественные вопросы в СМИ. Также, стоит отметить, что еще одним важным аспектом является создание единого законодательства необходимого для избегания противоречий между нормативно-правовыми актами в государстве.

Следовательно, для того чтобы правовое государство существовало, необходимо обратить внимание не только на правовые нормы, но и на эффективную организацию государственной власти. Тем самым, необходимо создание различных государственных органов, четкое определение их полномочий, установление взаимоотношений между ними, а также определение форм их деятельности. Все эти компоненты являются важными для правильного функционирования правовой системы государства. [7, с.139]

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным следует, что на данный момент Россия, формально являющаяся правовым государством на основании положений Конституции, однако, на практике все еще находится на пути к полному становлению. Однако, на наш взгляд, действительное достижение и становления Российской Федерации правовым государством возможно исключительно лишь путем решения укоренившихся проблем и изменения методов регулирования законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России / Ф. М. Раянов. – Правовое государство: теория и практика. – 2010. – № 1. – С. 7.

2. Катковская М.А. Перспективы развития правового государства в Российской Федерации / М. А. Катковская. – В сборнике: Сфера знаний: вопросы современного этапа развития научной мысли. Казань, 2018. С. 191.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г.: (с учетом поправок от 30 дек. 2008 № 6-ФКЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.02.2023)
4. Труфанова А.Ю. Проблемы и перспективы развития правового государства в Российской Федерации/ А. Ю. Труфанова. – В сборнике: Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права. Сборник научных статей Межрегионального научного круглого стола с международным участием. Курск, 2022. С. 189.
5. Данилова Е.О. Актуальные проблемы и перспективы развития правового государства в России / Е. О. Данилова. – В сборнике: Молодой исследователь: от идеи к проекту. материалы V студенческой научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2021. С. 170.
6. Гаджиев Р. М. Проблемы и перспективы становления правового государства в России / Р. М. Гаджиев. – Современный учёный. 2019. № 6. С. 217.
7. Лазарев П.А. Отдельные вопросы построения правового государства в России / П. А. Лазарев. – В сборнике: Актуальные проблемы юриспруденции. Москва, 2022. С. 139.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RULE OF LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article analyzes the main characteristics of the rule of law, which are proposed by scientific doctrine, with application to the existing socio-political system of the Russian Federation. As a result of the study, several conditions and trends in the development of the rule of law were identified, including the strengthening of civil society, the application of appropriate socio-political measures and other factors.

Keywords: the rule of law, the rule of law, prospects for the development of the rule of law.

Golubeva M.

Scientific supervisor: Matvienko E., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: marus.golubeva@yandex.ru

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грачев М. Л.

*Научный руководитель: Тимошенко Н. А., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме развития института ювенальной юстиции в Российской Федерации. Автором рассмотрены современное состояние данного института в отечественной правовой системе, рассматривается возможность создания ювенальной юстиции в рамках специализированной системы правосудия в отношении несовершеннолетних и взаимодействие органов, занимающихся их профилактикой а также перспективы его развития и становления в Российской Федерации. При проведении исследования использовались формально-юридический, структурно-функциональный и исторический методы, что позволило комплексно изучить рассматриваемый институт. В результате исследования было установлено, что многие элементы и принципы ювенальной юстиции, уже закреплены и действуют в различных нормативно-правовых актах и соблюдаются на практике.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, несовершеннолетние, ювенальный суд, правонарушение несовершеннолетних, профилактика правонарушений.

Введение. Одной из наиболее актуальных проблем уголовно-правового режима несовершеннолетних является вопрос института ювенальной юстиции, который может по праву называться одним из наиболее актуальных и обсуждаемых правовых вопросов

в российском обществе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения правового положения и статуса несовершеннолетних, а также рассмотрения института ювенальной юстиции в Российской Федерации. Эта тема вызывает общественный резонанс, который привлекает особое внимание многих исследователей. В отличие от зарубежных стран в Российской Федерации нет закона о ювенальной юстиции, однако предложенный в 2005 году проект Федерального Закона «Об основах системы ювенальной юстиции» за авторством Автономов А. С. и Хананашвили Н. Л. вызвал шквал негодования со стороны общественности. В данной работе мы ретроспективно рассмотрим данный законопроект, проанализируем современное состояние данного института и рассмотрим перспективы его развития.

Основная часть. В широком смысле ювенальную юстицию в контексте уголовного судопроизводства следует рассматривать как систему государственных органов, осуществляющих проверки сообщений о преступлениях, предварительное расследование и отправление правосудия по делам о преступлениях и правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, в том числе в соучастии. Под смысл данного понятия подпадают и негосударственные структуры, представляющих интересы несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, контроль за перевоспитанием и реабилитацией несовершеннолетних правонарушителей и профилактику преступности среди подростков.

В настоящее время ювенальная юстиция не является традиционной формой российского правосудия, формально она практически отсутствует. В 2005 году был представлен проект Федерального Закона «Об основах системы ювенальной юстиции» авторства Автономова А. С. и Хананашвили Н. Л. Эта инициатива вызвала нарастающее неодобрение общественности, которое проявилось в массовых общественных протестах, митингах, пикетах, создании родительских комитетов и региональных общественных комитетов в защиту семьи, детства и нравственности, а также в написании писем-протестов в органы власти. Протестные акции различного масштаба продолжались до 2013 года.

Эта ситуация вызывает особый интерес в контексте того, что упомянутый законопроект был весьма умеренным, в нем предписывалась необходимость создания ювенальной системы, включающей:

- государственные органы и учреждения системы ювенальной юстиции, включая:
 - ювенальные суды;
 - уполномоченного по правам ребёнка;
 - комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
 - должностные лица и иные работники прокуратуры, органов следствия и дознания, специализирующиеся на работе с несовершеннолетними;
 - специализированные органы и учреждения юстиции, внутренних дел, здравоохранения, образования и культуры, социальной защиты, социального обслуживания, опеки и попечительства, государственной службы занятости, государственные органы, осуществляющие молодёжную политику;
 - воспитательные колонии и иные специализированные пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей.
- муниципальных органов и учреждений, входящих в систему ювенальной юстиции:
 - органы местного самоуправления обеспечивающие деятельность органов опеки и попечительства; приёмных семей; муниципальных социальных, исследовательских, диагностических, кризисных и реабилитационных центров, служб и учреждений.
- неправительственных некоммерческие организации, работающие с детьми (несовершеннолетними)

- общественные объединения и иные неправительственные некоммерческие организации, действующие в интересах детей (несовершеннолетних) и занимающиеся обеспечением и защитой их прав, свобод и законных интересов;
- негосударственные социальные, исследовательские, диагностические, кризисные, реабилитационные центры службы и учреждения, в том числе учреждения для круглосуточного пребывания беспризорных и безнадзорных детей (приюты);
- коллегии адвокатов.

Кроме того, законопроект предусматривал создание законодательства для регулирования работы этих органов, устанавливал принципы ювенальной юстиции (многие из которых уже закреплены в других законах и применяются на практике) и предлагал проводить апробацию всех изменений в небольших масштабах с помощью юридических экспериментов и пилотных проектов[1].

Как можно заметить, некоторые элементы института ювенальной юстиции, такие как уполномоченный по правам ребёнка (к слову, данная должность была учреждена в 2009 году, в период попыток внедрения института ювенальной юстиции в наше законодательство и активных обсуждений данного феномена в обществе), комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, воспитательные колонии и другие специализированные пенитенциарные учреждения длительной изоляции несовершеннолетних правонарушителей, а также специализированные судьи по делам несовершеннолетних, уже фактически реализованы в нашей стране. Отсюда, можно утверждать, что ползучее внедрение института ювенальной юстиции в Российской Федерации так или иначе идёт. А учитывая эффективность большинства из перечисленных институтов, это внедрение будет продолжаться. Следовательно, вполне вероятно, что в обозримом будущем все эти нормы будут объединены в один нормативно-правовой акт.

Так комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ростовской области, которые были предусмотрены законопроектом 2005 года и созданы в соответствии с Областным законом Ростовской области от 26 декабря 2005 г. № 425-ЗС «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ростовской области» [2] действуют и дестабилизации институтов семьи и школы не повлекли. Наоборот, меры принимаемые комиссией позволили снизить количество несовершеннолетних совершивших преступления в 2022 году на 6,7 %, а также количество ранее судимых участников преступлений на 37,3 %, и условно-осуждённых подростков участников преступлений – на 7,7% [3].

Практика показывает, что для рассмотрения дел с участием несовершеннолетних, в частности административных и уголовных необходима система специализированных судов по делам несовершеннолетних.

На данный момент в России уже есть опыт внедрения ювенальной юстиции. В некоторых регионах страны уже функционируют ювенальные суды. Чтобы такие суды работали эффективно, они должны быть специализированными. Судьи в таких судах должны обладать не только юридическими знаниями, но и знаниями в области педагогики, социологии и психологии.

Следует отметить, что успех эксперимента по внедрению ювенальных технологий в некоторых субъектах Российской Федерации в значительной степени зависит от наличия специализированных ювенальных судей в судах общей юрисдикции. Они занимаются делами, связанными с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних, а также рассматривают дела, где несовершеннолетние выступают в качестве правонарушителей.

В Российской Федерации в настоящее время имеется всего десять специализированных судебных составов по делам несовершеннолетних в судах общей юрисдикции (Таганрогский, Ростовский и т.д.). С момента их создания эти «juvenile

justice» действуют в экспериментальном режиме, не имея необходимой правовой основы. Но в то же время результаты их деятельности свидетельствуют об определенных положительных сдвигах, к примеру в этих регионах, прослеживается снижение показателей рецидивных преступлений среди несовершеннолетних[4]. Например, в Пермском крае на данный момент введено и успешно функционирует множество специализированных судов в 53% судов.

Отсюда возникает главная проблема таких изменений. Государственные и правоохранительные органы сталкиваются с проблемой персонала, так как для рассмотрения дел несовершеннолетних требуются специализированные судьи, а иногда и несколько судей, которые должны быть высококвалифицированными. Это также влечёт финансовые проблемы..

Принятие закона о ювенальной юстиции вызывает различные мнения, особенно если речь идёт не о конкретном законопроекте, а об абстрактном обсуждении самого института, реализация которого различается в разных государствах. Более того термин «ювенальная юстиция» является крайне широким и включает в себя систему правосудия для несовершеннолетних, главным звеном которой является суд по делам несовершеннолетних, координирующий различные службы правоохранительных органов, учреждений для профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также участие общественных правоохранительных органов[5].

Важно заметить, что семейно-правовое направление ювенальной юстиции здесь не выделяется среди остальных и более того, из данного определения можно сделать вывод что основное направление ювенальной юстиции – это уголовное преследование несовершеннолетних. А ведь именно семейно-правовое направление ювенальной юстиции, то есть проблемы изъятия ребёнка из семьи чаще всего используется как аргумент против развития данного института в Российской Федерации[6].

С точки зрения уголовного права, введение элементов ювенальной юстиции имеет ряд преимуществ для несовершеннолетних. Во-первых, дети получают информацию о своих правах и обязанностях. Это поможет им лучше понимать последствия своих действий и уменьшит количество правонарушений. Во-вторых, это поможет улучшить работу правоохранительных органов, так как они будут лучше понимать особенности поведения подростков. В-третьих, это поможет предотвратить возможные конфликты между подростками и взрослыми, так как подростки будут знать свои права и обязанности.

Так же существуют определённые группы несовершеннолетних, риск совершения преступления среди которых повышен, однако с ними не происходит взаимодействия со стороны государства. Ювенальная система обеспечит структуру органов, которая будет выступать в качестве основы мер профилактики и предупреждения преступлений среди несовершеннолетних, а также исправительных мер альтернативных уголовной ответственности.

Элементы ювенальной системы могут быть использованы в качестве отправного пункта для реформирования существующего законодательства, которое регулирует уголовную ответственность несовершеннолетних

На наш взгляд, в свете рассматриваемой теме, наиболее перспективным является дальнейшее развитие следующих элементов системы ювенальной юстиции:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- воспитательные колонии и иные специализированные пенитенциарные учреждения несовершеннолетних правонарушителей;
- ювенальные суды.

При этом если первые два пункта должны развиваться в основном экстенсивно, то есть путём увеличения количества таких учреждений, разумеется в разумных пределах, для охвата как можно большей территории государства, то развитие

ювенальных судов может пойти разными путями, которые мы предлагаем обсудить далее.

Первый, и наименее правильный на наш взгляд, вариант развития института ювенальных судов в Российской Федерации – это создание семейных судов.

Как уже отмечалось ранее, семейные суды – это суды смешанной юрисдикции компетентные рассматривать следующие вопросы:

- преступления и правонарушения несовершеннолетних;
- преступления взрослых, наносящие ущерб несовершеннолетним;
- весь комплекс вопросов семейного права, связанных с защитой прав и интересов несовершеннолетних.

И именно из этой его характеристики происходит основной недостаток данного варианта так как в компетенцию семейного суда сложно включить главные вопросы – уголовную ответственность и наказание несовершеннолетних за совершенные ими преступления, особенно, когда речь шла о тяжких преступлениях.

Более разумным решением было бы создание традиционного суда по делам несовершеннолетних. По нашему мнению, такой специализированный суд будет более эффективным, чем семейные суды, в решении проблем несовершеннолетних. Однако этот подход имеет свои недостатки, включая необходимость создания новой структуры в судебной системе Российской Федерации, а также финансовые и кадровые вопросы.

Два последних вопроса также актуальны и для третьего варианта, который представляет собой то, что на данный момент реализовано в Российской Федерации – специализированные судьи по делам несовершеннолетних в рамках уже существующей судебной системы. Мы считаем, что этот вариант является наиболее эффективным, благодаря соотношению необходимых изменений и затрат к возможным положительным результатам.

Кроме того, мы не можем не отметить, что в условиях нехватки кадров в судебной системе данный вариант может быть изменён таким образом, чтобы возможность рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, может быть преобразована в свойство присущее одному из квалификационных классов судей, или же в качестве дополнительной квалификации после прохождения дополнительного обучения.

Заключение. Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что некоторые основы института ювенальной юстиции в Российской Федерации все же заложены, а местами – проработаны и частные вопросы, что является свидетельством того, что в Российской Федерации идёт постепенное внедрение института ювенальной юстиции.

Тем не менее в отсутствие системообразующих федеральных законов, позволяющих объединить разрозненные элементы в одну систему с легальным названием «ювенальная юстиция», ряд инициатив по определению имеют статус «экспериментов» и «проектов».

Однако, учитывая эффективность большинства из уже внедрённых институтов, этот процесс будет продолжаться и вполне вероятно, что в обозримом будущем все эти нормы будут объединены в один нормативно-правовой акт.

Обозначая же возможные перспективы развития ювенальной юстиции в Российской Федерации, на наш взгляд, наиболее перспективным является дальнейшее развитие следующих, уже существующих, в том или ином виде элементов системы ювенальной юстиции:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- воспитательные колонии и иные специализированные пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей;
- ювенальные суды.

Развитие институтов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также воспитательных колоний и иных специализированные пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, на наш взгляд должно проходить экстенсивно, в то время как основой развития ювенальных судов, должны выступать специализированные судьи по делам несовершеннолетних действующие в рамках уже существующей судебной системы.

Помимо этого необходимо провести меры по усовершенствованию законодательства Российской Федерации, обеспечению механизмов реализации законодательства о ювенальной юстиции на практике, установлению надлежащего взаимодействия и координации деятельности органов и учреждений, входящих в систему ювенальной юстиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов А. С., Хананашвили Н. Л. Проект Федерального Закона «Об основах системы ювенальной юстиции» // Вопросы ювенальной юстиции. Альманах. – М.: Российский благотворительный фонд НАН
2. Областной закон Ростовской области от 26 декабря 2005 г. N 425-3С «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ростовской области»(с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/9914338/> (дата обращения: 06.02.2024).
3. Отчёт о работе областной межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по итогам 2022 года// Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/result-report/1769/> (дата обращения: 06.02.2024).
4. Анисимова, А. А. Перспективы развития ювенальной юстиции в Российской Федерации: политико-правовой анализ / А. А. Анисимова // Молодежный научный потенциал XXI века: ступени познания : сборник материалов III Молодежной международной научно-практической конференции, Новосибирск, 10 января – 07 2018 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2018. – С. 167-171. – EDN YQXBNP.
5. Ювенальное право : Учебное пособие / под ред. В. С. Толстой, Д. А. Сумской – Москва : РГСУ, 2015. – 401 с. – ISBN 978-5-7139-0918-5.
6. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие.— 2-е изд., испр., доп. – М.: Дело. 2001. – 272 с.

ON THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF JUVENILE JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article is devoted to the current problem of the development of the institute of juvenile justice in the Russian Federation. The author examines the current state of this institution in the domestic legal system, considers the possibility of creating juvenile justice within the framework of a specialized juvenile justice system and the interaction of bodies involved in their prevention, as well as the prospects for its development and formation in the Russian Federation. During the research, formal legal, structural-functional and historical methods were used, which made it possible to comprehensively study the institution in question. As a result of the study, it was found that many elements and principles of juvenile justice have already been fixed and are in force in various normative legal acts and are observed in practice.

Keywords: juvenile justice, minors, juvenile court, juvenile delinquency, prevention of offenses.

Grachev M.

Scientific adviser: Timoshenko N., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: Mr.Grachev2000@gmail.com

УДК 342.6

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Дамаскина А. Р.

*Научный руководитель: Цыба Е.В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе исследуются различные подходы к классификации органов исполнительной власти. Автор рассматривает различные основания для классификации, такие как территориальный масштаб деятельности, характер компетенции, порядок принятия управленческих решений, организационно-правовые формы и способ образования. При проведении исследования использовались формально-юридический, структурно-функциональный и исторический методы, что позволило комплексно изучить подходы к классификации органов исполнительной власти. В результате исследования было установлено, что система федеральных органов исполнительной власти сталкивается с разнообразными типами органов исполнительной власти субъектов. В каждом конкретном субъекте существует особый подход к пониманию полномочий таких органов, что усложняет механизм государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, исполнительная власть, основания классификации, классификация, государственный орган власти

Введение. Классификация органов исполнительной власти (Далее – ОИВ) является важным инструментом организации системы государственного управления. Различные подходы к классификации ОИВ могут быть использованы для более глубокого понимания их роли, функций и компетенций в системе государственного управления. В данной статье мы рассмотрим различные подходы к классификации ОИВ и их значение для понимания организации и функционирования государственной власти.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью систематизации знаний о структуре государственного управления. Кроме того, изучение данной проблематики позволяет выявить пробелы в законодательстве и предложить пути совершенствования системы исполнительной власти.

Цель данной статьи заключается в исследовании различных подходов к классификации органов исполнительной власти и выявление путей их совершенствования. В ходе исследования будут рассмотрены различные критерии классификации органов исполнительной власти, такие как уровень власти, порядок формирования и другие.

Теоретической базой исследования послужили работы известных ученых-административистов таких как Коренев А. П., Занко Т. А., Старовойтов А. А., Чепунов О. И., Коровина С. Л., Васильева В. М., Смоленский М. Б., Дригола Э. В. и др.

За основу нами была взята классификация ОИВ, предложенная доктором юридических наук, профессором Корневым А. П., а также схожая с ней классификация предложенная кандидатом юридических наук, доцентом Занко Т. А.

Основная часть. В Российской Федерации существует большое количество ОИВ, которые различаются по месту и уровню в системе исполнительной власти, по направленности деятельности, отраслям управления, по содержанию, способу образования, что делает особенно актуальным изучение классификации этих органов [1, с. 100].

Прежде чем перейти к рассмотрению классификаций ОИВ, считаем целесообразным рассмотреть их структуру.

Структуру федеральных органов исполнительной власти (Далее – ФОИВ) уполномочен утверждать только Президент РФ. В настоящее время их система установлена Указом Президента РФ от 21.01.2020 N 21 «О структуре федеральных

органов исполнительной власти», который определяет исчерпывающий перечень видов ФОИВ – министерства, службы и агентства [2].

Различие между упомянутыми типами ФОИВ заключается в их функциях. Например, федеральное министерство является ФОИВ, которое осуществляет функции по разработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в определенной области деятельности в соответствии с указами Президента РФ и Правительства РФ.

Федеральная служба является ОИВ, который осуществляет контроль и надзор в определенной сфере деятельности, а также выполняет специальные функции в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ, борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности.

Федеральное агентство является ОИВ, который занимается оказанием государственных услуг, управлением государственным имуществом и осуществлением правоприменительных функций, за исключением контрольно-надзорных функций

В научных исследованиях для систематизации часто используются следующие основные критерии классификации: территориальный масштаб деятельности, характер компетенции, источник финансирования, порядок принятия управленческих решений, организационно-правовые формы и способ образования. Рассмотрим эти критерии классификации более подробно.

Классифицируя органы управления по критерию территориального масштаба деятельности, следует отметить, что данный критерий основан на федеративном устройстве РФ. Так Конституция Российской Федерации (Далее – Конституция РФ) выделяет два уровня исполнительной власти: федеральные органы исполнительной и органы исполнительной власти субъектов РФ [3], некоторые учёные, в рамках данной классификации выделяется третий вид органов исполнительной власти – муниципальные органы исполнительной власти [4, с. 1479].

В юридической науке под ФОИВ понимаются: система органов государственного управления, утверждаемая указом Президента РФ, включающая в себя федеральные министерства, федеральные службы и агентства, осуществляющие исполнительно-распорядительные функции; политические учреждения участвующие в осуществлении функций управления и наделённые полномочиями государственно-властного характера для решения задач, возникающих перед обществом и государством [5].

Что касается ОИВ субъектов РФ, то это органы, образуемые в соответствии с законодательством РФ и законодательством субъектов РФ, осуществляющие полномочия в пределах своей компетенции и полномочия ОИВ РФ в пределах, которые установлены договорами о разграничении предметов ведения РФ и её субъектов.

Муниципальные органы исполнительной власти – это органы местного самоуправления, которые осуществляют исполнительную власть на территории муниципального образования. Они занимаются вопросами местного значения, такими как управление инфраструктурой, социальной сферой, экономикой и т.д.

Исходя из выше изложенного можно сделать вывод о том, что имеется несоответствие между законодательно закреплённой классификацией ОИВ, выделяющей, исходя из территориального масштаба деятельности лишь два уровня ОИВ, и распространённым в юридической науке подходом, предусматривающем существование трёх уровней. Более того некоторые учёные расширяют и трёхуровневую классификацию добавлением таких категорий, как территориальные, межтерриториальные и локальные ОИВ [4, с. 1480].

На основе вышесказанного мы считаем, что в законодательстве РФ, и в частности в Конституции РФ, необходимо отразить существование третьего уровня исполнительной власти – муниципальных (местных) органов исполнительной власти. В

тоже время, мы считаем излишним выделение территориальных, межтерриториальных и локальных ОИВ, так как они во многом совпадают и дублирует иные основные категории.

Как можно заметить, для данной классификации особое значение имеет определение территориальных границ, в рамках которых какой-либо ОИВ может выполнять государственно-властные полномочия.

С классификацией органов управления по критерию территориального масштаба деятельности неразрывно связана классификация ОИВ в зависимости от финансирования. Так ФОИВ финансируются и иным образом материально обеспечиваются за счёт средств федерального бюджета, в то время как уполномоченные ОИВ субъектов РФ из бюджетных средств субъекта РФ [6, с. 340].

Для рассмотрения классификации ОИВ исходя из критерия компетенции, необходимо начать с определения дефиниции компетенция ОИВ. В теории права под данным термином подразумевается совокупность полномочий органа государственной власти по предметам ведения, установленным Конституцией РФ и принятыми в соответствии с Конституцией РФ конституциями или же уставами субъектов РФ.

В компетенцию, как правило, включаются в качестве основных компонентов задачи, права, обязанности, полномочия и ответственность ОИВ.

Компетенция ОИВ важны для построения и функционирования системы ОИВ.

Итак, по характеру компетенции ОИВ подразделяются на три основные категории:

- органы общей компетенции – это ОИВ права и обязанности которых относятся к управлению всеми отраслями экономики, социально-культурной и административно-политической сфер в соответствующих территориальных рамках. ОИВ общей компетенции сами проводят финансовый контроль и устанавливают проверочную работу подведомственных им органов;

- органы отраслевой компетенции – это ОИВ, которые осуществляют управление в отношении конкретной отрасли экономики, в социально-культурной и административно-политической сфере, например образовании или культуре;

- органы межотраслевой компетенции – это ОИВ, права и обязанности которых, в соответствии с компетенцией относятся к управлению на соответствующей территории вопросами, имеющим межотраслевое значение, например, статистика, стандартизация и другие. Зачастую их называют органами функциональной компетенции, так как они направляют свою деятельность на все или на большее количество отраслей управления;

В таком виде данную классификацию можно увидеть, например в учебнике «Административное право», за авторством Смоленского М. Б. и Дриголы Э. В. [7]

Помимо данных категорий, в рамках данной классификации, некоторые учёные, в числе которых Занко Т. А., выделяют также:

- органы специальной компетенции – это ОИВ, которые осуществляют надзорные, контрольные, разрешительные и некоторые иные специальные функции, например, по экологическому, технологическому и атомному надзору, по финансово-бюджетному надзору и так далее;

- органы внутриведомственной компетенции – это структуры, уполномоченные осуществлять определенные функции внутри отрасли. На федеральном уровне это могут быть департаменты, управления и другие подразделения [4].

В данном случае мы склонны согласиться с позицией Занко Т.А., так как выделенные им категории не дублируют, а гармонично дополняют уже существующую классификацию.

По порядку принятия управленческих решений выделяются:

- единоначальные органы, в которых вопросы, относящиеся к их компетенции, решаются лично руководителем данного органа. Во многих из них могут быть созданы

коллегии, но они все равно считаются единоначальными, так как за принимаемые решения отвечает индивидуально руководитель органа. Эти органы включают в себя министерства и высшие ОИВ субъектов РФ.

- коллегиальные ОИВ, в которых основная масса вопросов обсуждается и разрешается объединённой группой лиц путём голосования. Наиболее ярким примером коллегиального органа является Правительство РФ.

- органы, которые в своей деятельности руководствуются принципом смешения единоначалия и коллегиальности.

На основе существующих нормативно-правовых актов РФ и её субъектов можно выделить различные организационно-правовые формы ОИВ. К ним относятся: правительства, министерства, комитеты, федеральные службы, надзоры, департаменты, отделы, инспекции, и прочие.

По порядку и способам образования выделяются:

- ОИВ образуемые главой государства;
- ОИВ образуемые органами законодательной, представительной, власти;
- ОИВ образуемые самими органами исполнительной власти;

Заключение. Таким образом, классификации органов исполнительной власти играют важную роль в определении их функций, структуры и взаимодействия с другими органами государственной власти. Различные подходы к классификации предлагают различные критерии, такие как территориальный, критерий финансирования, компетенции и другие. Каждый из них служит для решения своих задач и отражает конкретные особенности какого-либо органа исполнительной власти. Выбор конкретного подхода зависит от целей и задач исследования. Важно учитывать все аспекты классификации органов исполнительной власти для обеспечения их эффективной работы и взаимодействия в рамках системы государственного управления, так как это позволит достигнуть более глубокого понимания их роли, функций и компетенций в системе государственного управления.

Однако, некоторые из рассмотренных нами классификаций – не совершенны. Так некоторые авторы классифицируя органы управления по критерию территориального масштаба деятельности, выделяют излишние на наш взгляд категории как территориальные, межтерриториальные и локальные ОИВ. В то же время подразделяя ОИВ по характеру компетенции зачастую не выделяются ОИВ специальной компетенции и ОИВ внутриотраслевой (внутриведомственной) компетенции.

Также в ходе исследования нами были обнаружены пробелы в современном российском законодательстве так, в частности, в Конституции РФ, не отражено существование третьего уровня исполнительной власти – муниципальных (местных) органов исполнительной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право Российской Федерации. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. Москва : Зерцало-М, 2003. – 608 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 N 21 (ред. от 08.08.2023) «О структуре федеральных органов исполнительной власти». [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343385/ (дата обращения: 30.01.2024).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
4. Занко, Т. А. Подходы к классификации органов исполнительной власти / Т. А. Занко // Право и политика. – 2015. – № 10. – С. 1479-1484.
5. Соколов А. Ю. Федеральные органы исполнительной власти // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/federal-nye-organy-ispolnitel-noi-vlasti-06630e/?v=7188082>. (дата обращения: 30.01.2024).

6. Финансы: учебник / А. Г. Грязнова, Е. В. Маркина, М. И. Седова и др.; под ред. А. Г. Грязновой, Е. В. Маркиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Финансы и статистика, 2012. – 496 с.
7. Смоленский, М. Б. Административное право : учебник / М. Б. Смоленский, Э. В. Дригола. – Москва: КноРус, 2010. – 320 с.; 22 см.; ISBN 978-5-406-00118-9

APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF EXECUTIVE AUTHORITIES

Annotation. In this paper, we consider various approaches to classifying executive authorities. Specifically, we examine such factors as the territorial scope of activities, nature of competencies, procedure for making management decisions, organizational and legal forms, and method of education as basis for classification. During the research process, formal legal and structural-functional methods were employed, allowing for a comprehensive analysis of approaches to classifying executives authorities. Consequently, it was determined that the system of federal executives encompasses numerous types of authorities, with each specific subject employing a distinct method for understanding the powers of these bodies. This objectively complicates the public administration mechanism.

Keywords: public administration, executives power, basis for classification, classification, public authorities

Damaskina A.

Scientific adviser: Tsyba E., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: Anastasiya.damaskina16@yandex.com

УДК 347.45/.47

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Дарманьян В. А.

*Научный руководитель: Поляков В. Ю., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей медиативных соглашений, их правовой природы и роли в достижении компромисса между сторонами, находящимися в конфликте. Подчеркивается важность медиативного соглашения как одного из методов разрешения спорных ситуаций. Рассмотрены две ключевые классификации медиативных соглашений по отраслевой принадлежности и по использованию на разных стадиях процесса. Приведены примеры успешного использования данного института в российской правоприменительной практике.

Ключевые слова: медиация, медиативное соглашение, внесудебное медиативное соглашение, судебное медиативное соглашение, мировое соглашение.

Актуальность. С каждым годом нагрузка на судебную систему стремительно растет. Арбитражные суды перегружены делами о неисполнении или ненадлежащем исполнении договоров, а суды общей юрисдикции чаще всего рассматривают вопросы взыскания кредитной задолженности, а также жилищные, семейные и потребительские споры. В большинстве случаев суммы, за которые идет спор, невелики, но процессы тянутся месяцами. В то время как многие такие споры могли бы быть разрешены вне суда с помощью медиации.

Медиация становится все более востребованной процедурой как эффективный способ разрешения конфликтов без участия суда. С учетом растущего интереса к медиации в обществе законодатели усиленно работают над разработкой и улучшением законодательства, касающегося этой процедуры. Основной целью является не только поддержка и стимулирование использования медиации для разрешения споров, но и установление четких стандартов и квалификационных требований к медиаторам. Этот тренд отражает стремление к созданию более эффективных и справедливых механизмов урегулирования конфликтов в обществе. Тем не менее, для успешного

развития медиации в нашей стране необходимо чтобы люди научились понимать и принимать необходимость нормального урегулирования споров. Нужно не только формально признать важность и ценность медиации, но и внедрить ее в повседневную жизнь общества. В этом процессе особенно важна роль образования и популяризации медиации как альтернативного пути разрешения конфликтов.

Вопросам правовой природы медиативных соглашений, особенностей их реализации и роли в урегулировании споров посвящены работы Головачева Ю.А., Доля М.А., Киселев О.А., Коршакова К.В., Фуртак А.А.

Цель исследования – проанализировать особенности медиативных соглашений, их правовую природу и роль в достижении компромисса между сторонами, находящимися в конфликте.

Актуальная редакция Федерального Закона Российской Федерации N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ № 193) рассматривает медиативное соглашение в трех аспектах.

1. Согласно п. 5 ст. 2 «соглашение о применении процедуры медиации – соглашение сторон, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров (медиативная оговорка) либо после его или их возникновения, об урегулировании с применением процедуры медиации спора или споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением».

2. Согласно п. 6 ст. 2 «соглашение о проведении процедуры медиации – соглашение сторон, с момента заключения которого начинает применяться процедура медиации в отношении спора или споров, возникших между сторонами».

3. Согласно п. 7 ст. 2 «медиативное соглашение – соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме». Также п. 4 ст. 12 конкретизирует, что «медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон» [1].

Медиативное соглашение, согласно ФЗ № 193, является сделкой, которая может включать различные юридические конструкции, характерные для гражданско-правовых сделок, в зависимости от сущности спорного правоотношения. Это может включать в себя отступное, новацию, прощение долга, зачет встречного требования и другое. Медиативное соглашение, применяемое в случае возникновения споров, связанных с правоотношениями, непосредственно не относящимися к гражданским вопросам, включает в себя юридические конструкции, соответствующие индивидуальным особенностям этих правоотношений. Например, если спор возник в контексте трудовых отношений, медиативное соглашение может содержать условия, специфические для трудовых договоров, такие как изменение рабочего графика, урегулирование вопросов оплаты труда или регулирование взаимоотношений между работником и работодателем. В других сферах, например, в семейном праве, медиативное соглашение также будет отражать специфику соответствующих правовых отношений и предусматривать соответствующие юридические конструкции. Главной целью такого соглашения является эффективное урегулирование спора и составление компромиссного решения, учитывающего особенности конкретной области права, в которой возник спор.

Медиативное соглашение и гражданско-правовой договор имеют сходные обязательные элементы, это мнение высказали Коршакова К.В. и Доля М.А. в своих исследованиях. Их системное толкование положений о медиативном соглашении в

законодательстве о медиации и положений о гражданско-правовом договоре привело к выводу, что эти правовые категории имеют много общего. В связи с этим, можно утверждать, что медиативное соглашение является частным случаем гражданско-правового договора и одним из его видов [2].

Медиативное соглашение – это особый механизм урегулирования споров, который отличается от традиционных судебных процессов и арбитража. В его основе лежит принцип самостоятельного и добровольного признания сторонами своих разногласий и стремление к их урегулированию без обращения к суду. Согласно ФЗ № 193, медиация может проводиться при участии нейтрального посредника – медиатора, который не имеет сторонних интересов и не принимает сторону в споре. Медиатор помогает сторонам обсудить свои позиции, выявить общие интересы и найти компромиссное решение, отвечающее их потребностям.

Медиативное соглашение является результатом успешного процесса медиации и фиксирует договоренности сторон по урегулированию спора. Важно, чтобы соглашение содержало всю необходимую информацию о споре, участниках, процедурах медиации и условиях исполнения полученных обязательств. Подписание медиативного соглашения не только помогает завершить разногласия, но также создает основу для дальнейшего сотрудничества и укрепления взаимопонимания между сторонами. Этот механизм урегулирования споров способствует устойчивым и эффективным отношениям, основанным на диалоге и взаимном уважении.

Основываясь на содержание «медиативного соглашения», Фуртак А.А. отмечает, что медиативные соглашения могут быть подразделены на две основные категории в зависимости от отраслевой принадлежности. Первая категория включает в себя медиативные соглашения, заключенные в рамках споров, возникших из гражданских правоотношений. Вторая категория состоит из медиативных соглашений, заключенных в рамках споров, возникших из правоотношений, отличных от гражданских [3]. Сюда входят споры в сфере коммерческой деятельности, споры в сфере интеллектуальной собственности, а также споры, связанные с налоговыми отношениями. Такое разделение позволяет более точно определить область применения медиативных соглашений и адаптировать процедуру медиации под конкретные правовые нормы и требования, связанные с определенными видами споров.

Важно отметить, что в некоторых случаях, таких как коллективные трудовые споры или споры, связанные с гражданскими, трудовыми и семейными отношениями, применение процедуры медиации может оказаться недопустимым. Это обусловлено возможностью нарушения прав и законных интересов третьих лиц, не участвующих в процессе медиации, а также угрозой для общественных интересов (ч. 5 ст. 1 ФЗ № 193). Это означает, что в случае, если в ходе медиации возникают вопросы, которые могут затронуть права или интересы других сторон или общественные интересы, медиатор должен быть осторожен и принимать во внимание влияние принимаемых решений на сторонних лиц. Таким образом, процедура медиации имеет свои четкие ограничения.

В современной научной литературе отмечается недостаток нормативных актов, регулирующих процесс заключения соглашений посредством медиации. Этот вопрос особенно актуален в отношении семейных и трудовых отношений, где часто возникают конфликтные ситуации, требующие поиска компромиссного решения. Отсутствие четких нормативных рамок ограничивает возможности использования медиации в разрешении споров. Поэтому в случае заключения медиативного соглашения необходимо учитывать индивидуальные особенности каждой конкретной ситуации и стремиться к поиску взаимовыгодного и справедливого решения. Необходимо помнить, что медиация способствует конструктивному разрешению конфликтов и сохранению отношений между сторонами, поэтому востребована в сфере семейного и трудового права. С учетом всех вышеперечисленных факторов, разработка специальных

рекомендаций по заключению и выполнению медиативных соглашений в данных сферах является актуальной и необходимой. Работа по установлению таких рекомендаций поможет нормативно-правовому регулированию данной области и обеспечит более эффективное разрешение споров. Представляется, что применение отдельных положений гражданского законодательства к медиативным соглашениям, заключенным по спорам, возникшим из правоотношений отличных от гражданских, но складывающихся на основе равенства сторон и в пределах регулирования ФЗ № 193, является целесообразным и может способствовать устранению возникшего пробела в праве.

Процедура медиации в российском праве приобретает все большую популярность как материально-правовая процедура, непосредственно связанная с разрешением споров. Законодательство России предусматривает возможность проведения медиации на различных стадиях судебного рассмотрения дела, что открывает дополнительные перспективы для разрешения споров вне суда. В связи с этим закон устанавливает два вида медиативных соглашений: достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда; соглашение, по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной вне передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда.

Для упрощения оперирования понятиями в области медиации, Киселевым О.А. и Головачевой Ю.А. были предложены новые термины. В частности, было введено понятие «внесудебное медиативное соглашение», которое означает соглашение, достигнутое сторонами в результате проведения процедуры медиации без передачи спора на рассмотрение суда. Также был предложен термин «судебное медиативное соглашение», который означает соглашение, достигнутое сторонами при передаче спора на рассмотрение суда [4].

Согласно ФЗ № 193, внесудебное медиативное соглашение регулируется достаточно подробно, и часто возникающие вопросы по его заключению и исполнению решаются в соответствии с законом. Однако, когда речь идет о судебном медиативном соглашении, ситуация может быть более сложной и требует более детального рассмотрения.

На основании п. 3 ст. 12 ФЗ № 193 судебное медиативное соглашение может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения (определением суда – ст. 173 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 141 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) либо третейский суд выносит решение на основе согласованных сторонами условий соглашения – п. 5 ст. 49 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Это влечет следующие последствия: прекращение производства по делу, возможность принудительного исполнения тех положений, которые были разработаны в ходе проведения процедуры медиации и стали предметом мирового соглашения.

Кроме того, если стороны не желают передавать медиативное соглашение для утверждения судом как мировое, то в зависимости от решения одной из сторон могут возникнуть различные правовые последствия: полный или частичный отказ от иска, признание иска, его частичное или полное признание, а также признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения (п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О примирении сторон в арбитражном процессе»). Судебное медиативное соглашение, которое не было утверждено судом в качестве мирового соглашения, может действительно вызвать сомнения и проблемы в вопросе исполнения. Когда суд не утвердил такое соглашение, участники могут столкнуться с проблемами, такими как недостаточная правовая защита и неопределенность по поводу того, считается ли их

соглашение законным. Противоречия могут стать источником напряженности между сторонами и даже привести к новым конфликтным ситуациям. Следовательно, участники судебного медиативного процесса, прежде чем вступать в процесс соглашения, должны тщательно обдумать возможные последствия и риски, связанные с отсутствием утверждения соглашения судом. Консультация с профессиональным медиатором и внимательное изучение всех юридических аспектов соглашения могут помочь участникам избежать возможных конфликтов.

В судебной практике отмечается значительное количество случаев утверждения медиативного соглашения в качестве мирового. В одном из недавних случаев, связанных с разрешением спора о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака (дело № СИП-1071/2022), стороны обратились к процедуре медиации. После успешного завершения медиации суд утвердил мировое соглашение, что привело к досрочному прекращению производства по данному делу.

В рамках дела № А33-9809/2023 банк взыскивал долг с общества. Однако в процессе дела было достигнуто медиативное соглашение. Должник признал свою задолженность, и стороны разработали графики погашения долга. Суд подтвердил медиативное соглашение в качестве мирового и прекратил производство по данному делу. Аналогичным образом вопрос был разрешен в деле № А33-9807/2023.

В деле № А19-14334/2020 общество обратилось с иском к муниципальному унитарному предприятию о взыскании долга, вытекающего из исполнения муниципального договора. В процессе разбирательства было заключено медиативное соглашение, которое суд утвердил как мировое. Согласно условиям данного соглашения, общество отказалось от взыскания заявленной суммы, а также не имеет взаимных претензий друг к другу по муниципальному договору. Более того, стороны заключили дополнительное соглашение по вопросам договора субподряда, согласно которому муниципальное унитарное предприятие обязалось принять результат работы у общества и оплатить его. Таким образом, данный случай является примером успешного применения медиации в судебных процессах, демонстрируя высокую эффективность данного метода разрешения споров.

Таким образом, можно сделать заключительный вывод, что медиативное соглашение представляет собой документ, заключенный сторонами в процессе медиации, который фиксирует условия, при которых стороны готовы прекратить спор и урегулировать возникшие между ними разногласия. Медиативное соглашение имеет двойственную природу. С одной стороны, медиативное соглашение рассматривается законодателем в качестве гражданско-правовой сделки. С другой – в случаях, когда стороны прибегают к процедуре медиации после обращения в юрисдикционный орган, медиативное соглашение утверждается судом в качестве мирового соглашения. Такой подход к разрешению споров способствует снижению нагрузки на суды, ускоряет процесс урегулирования конфликтов и позволяет сохранить отношения между сторонами. Кроме того, медиативное соглашение может быть более гибким и индивидуально подстраиваться под нужды и интересы сторон, что делает его более привлекательным способом разрешения споров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ, 02.08.2010, № 31, ст. 4162.
2. Коршакова К.В., Доля М.А. О правовой природе медиативного соглашения / К.В. Коршакова, М. А. Доля // Право и практика. – № 4. – 2021. – С. 214-218.
3. Фуртак А.А. Гражданско-правовая природа медиативного соглашения : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Фуртак Александра Александровна; [Место защиты: Рос. гос. ун-т правосудия]. – Москва, 2015. – 191 с.

4. Киселев О.А., Головачева Ю.А. Исполнимость медиативного соглашения / О.А. Киселев, Ю. А. Головачева // Право и государство: теория и практика. – № 4 (196). – 2021. – С. 182-186.

THE LEGAL NATURE OF THE MEDIATION AGREEMENT

Annotation. This article analyzes the features of meditative agreements, presenting their legal nature and role in reaching a compromise between the parties to the conflict. The importance of motivating a mediation agreement as one of the methods of resolving disputes is emphasized. Two key classifications of mediation agreements by industry affiliation and by use at different stages of the process are considered. Examples are given of how this modern institution is gradually taking its place in the Russian judicial practice of law enforcement.

Keywords: mediation, meditative agreement, out-of-court mediation agreement, judicial meditative agreement, settlement agreement.

Darmanyán V.

Scientific adviser: Polyakov V., PhD of Law, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: veronika.darmanyán2000@mail.ru

УДК 347.215

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Демьянишин В. В.

*Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе проводится анализ органов и тканей человека в качестве объектов гражданских правоотношений, в частности значение данного процесса в области трансплантологии, а также на основе опыта других стран. В результате анализа выявлены основные проблемы, пути их решения в современном гражданском праве на территории нашего государства, которые направлены на совершенствование законодательной базы.

Ключевые слова: органы и ткани человека, объекты гражданских прав, вещи, трансплантация, зарубежный опыт.

С развитием науки и медицины повышается важность трансплантологии, так как спасти жизнь пациенту в некоторых случаях можно лишь с помощью нее. Если в прошлом пересадка тканей или органов не представлялась возможным, то в нынешнее время такие операции практикуются довольно часто, и они уже, можно сказать, стали частью современной жизни. В связи с этим возникает все больше вопросов морально-этического, а также правового характера.

Актуальность данной темы заключается в том, что трансплантация органов и тканей играет важную роль в современной медицине, спасая жизни тысяч людей ежегодно. Законодательно эта область урегулирована незначительно, поэтому существуют некоторые сложности в правовом регулировании этого процесса. Так, определение правового статуса органов и тканей человека в качестве объектов гражданских прав играет большое значение для некоторых правовых аспектов трансплантации, а также обеспечению справедливости, этики и эффективности этой важной медицинской операции. Решение данного вопроса позволит преодолеть различные препятствия, возникающие вследствие пробелов в законодательстве в этой области. Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать органы и ткани человека в качестве объектов гражданских прав, а также значение этого процесса для сферы трансплантологии.

К настоящему моменту уже сформировалась своя нормативно-правовая база в этой области: Конституция РФ, Гражданский Кодекс РФ, Закон РФ от 22 декабря 1992

г. N 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее Закон РФ N 4180-I), ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ, Приказы Минздравсоцразвития РФ и др. Однако ни один из данных документов не определяет органы и ткани относительно объектов гражданских прав. В некоторых случаях, даже наоборот, они создают сложности для этого определения. Так, абзац 4 ст. 1 Закона РФ N 4180-I имеет бланкетный характер, говоря о том, что купля-продажа органов и тканей человека на территории РФ запрещена и влечет уголовную ответственность. Но при этом, Уголовный кодекс не устанавливает никакой санкции за куплю-продажу органов и тканей человека. Есть лишь две статьи, упоминающие органы и ткани человека, однако это другие случаи, не подходящие для нашей ситуации, а именно купли-продажи. В любом случае, образуется существенная юридическая коллизия, осложняющая определение правового статуса биологических материалов человека, так как получается, что их оборот не регулируется ни законодательством, ни государством, хотя вроде, как и должен ими регулироваться.

Если же снова обратиться к гражданской нормативной базе, то и там не найдется норм об отнесении биологических материалов человека к объектам гражданских прав. Для включения органов и тканей человека к объектам гражданских прав, видится необходимым обратиться к понятию и признакам вещи как объекта гражданских прав.

Так, вещь – это материальные предметы внешнего по отношению к человеку окружающего мира, представляющие для него ценность и способные к удовлетворению его потребностей. Собственно, их признаками являются:

- способность удовлетворять потребности человека;
- материальный характер;
- доступность.

Органы и ткани человека очевидно имеют первый признак, так как при выполнении своих функций, они помогают реализации важнейших прав человека – права на жизнь и на здоровье. Этот признак тем более раскрывается в области трансплантологии, учитывая, что этой операцией спасается здоровье, а во многих случаях и жизнь человека. Стоит отметить, что они также могут иметь ценность и в удовлетворении научных потребностей, например, при изучении органов, имеющих различные отклонения, болезни и иные дефекты, в целях разработки лекарств против данных заболеваний.

Второй признак подразумевает то, что они находятся в реальном мире, их физическое, материальное воплощение в нем. Все тело человека, собственно его органы и ткани осязаемы.

Третий признак вызывает вопросы и дискуссии, так как он подразумевает под собой наличие возможности относительно быстрого доступа к вещи или же господства лица над ней.

Новикова Н.А. ссылается [1, с. 88] на классификацию биологических объектов по признаку доступности А.В. Майфата и А.В. Лисаченко, подразделяя их на такие категории, как:

- 1) объекты, отделение от тела которых возможно без причинения вреда жизни и здоровью;
- 2) объекты, изъятие которых возможно без причинения вреда жизни, но при этом причиняет (или создает угрозу причинения) вред здоровью донора;
- 3) объекты, изъятие которых возможно только после смерти человека.

Собственно, первая группа находится в полном господстве человека, как их обладателя, а вот уже для второй группы требуются специальные медицинские и правовые процедуры, то есть они частично доступны. При этом, некоторые представители первой группы уже относительно давно находятся в обороте, например сделки по купле-продаже волос, или донорство крови, которую также можно отнести к

первой группе (потеря небольшого количества крови не влечет серьезных негативных последствий). Третья же группа является вовсе недоступной человеку, то есть не находится под его абсолютным контролем, так как их изъятие влечет за собой смерть индивида-владельца. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что правовой режим биоматериалов человека неоднороден, хоть они и имеют признаки вещей. Чтобы более подробно в этом вопросе разобраться, обратимся к мнениям ученых-правоведов.

Серебрякова А.А., Арзамаскин М.М. и Варюшин М.С. [2, с. 155] считают, что органы и ткани человека следует относить к нематериальным благам, учитывая их вещную природу. То есть, они относят их к особым объектам гражданских прав, но все же вещным.

В свою очередь, Степаненко О.Г., Кузнецова А.П., Минтаева В.Е., считают [3, с. 299], что «органы и ткани человека являются скорее не объектом гражданского права, а предметом, так как объектом в данном случае будет являться оказание услуг по трансплантации». Это довольно интересная позиция, однако нам кажется, что данный подход нецелесообразен, т.к. здесь учитываются интересы исключительно трансплантации, когда существуют и другие случаи, в которых органы и ткани могут не являться предметами вовсе (изучение больных органов и тканей, имеющих отклонения, обучение работе с органами молодых специалистов, различные культурно-эстетические цели и др.).

Карташков Д.В. в своей работе [4, с. 404] детально исследовал этот вопрос и пришел к выводу, что биоматериалы человека относятся к категории вещей, при этом уточняя, что классифицировать их можно «в качестве движимых, индивидуально-определенных, потребляемых вещей».

Фатхи В.И. [5, с. 101] согласна с этим, также считая, что компоненты человеческого тела следует причислить к вещам, что позволит «упорядочить их гражданский оборот, позволит донору (источнику биоматериала) или его наследникам определять границы разрешенного использования биоматериалов, требовать применения мер гражданско-правовой ответственности в случае их нарушения».

Как видно, большинство все же причисляет органы и ткани человека к вещам, а следственно к объектам гражданских прав, расходясь во мнениях как следует их закрепить в таком качестве: путем добавления отдельной статьи или дополнения ст. 128 ГК РФ. Однако все сходятся в том, что оборотоспособность данных объектов должна быть тщательно урегулирована и ограничена для большинства объектов трансплантации.

Примечательна в этой области практика иностранных государств. Зарубежное право относительно давно признает за компонентами человеческого тела статус объектов гражданских прав, накладывая на них режим права собственности. Основными документами, регулирующими трансплантационную деятельность в США, являются Национальный акт о трансплантации органов (NOTA) и Закон об анатомическом дарении (UAGA). В первом акте в разделе 3 [6] запрещается продавать, получать или иным образом предавать любой орган человека, используемый для трансплантации за вознаграждение, если это связано с торговыми отношениями между штатами. То же самое закрепляется и во втором акте в секции 10 [7]. Также, UAGA четко указывает для каких целей могут быть использованы биоматериалы человека (трансплантация, терапия, исследование, медицина, наука). Что касается судебной практики, то в основном именно она причисляет биоматериалы человека к вещам [2]. Например, дело «Moog против Regents of the University of California» [8]. Оно было возбуждено после того, как пациент, по имени John Moore, подал иск на университет, утверждая, что университет и врачи использовали его клетки для коммерческих целей без его согласия и без возмещения. Судебное разбирательство привело к тому, что суд признал, что университет имел право на использование клеток пациента для

медицинских и научных целей и указал, что истец потерял всякие права на свои образцы с момента их изъятия, но при этом также установил, что университет должен был информировать пациента и получить его согласие на коммерческое использование клеток. То есть, фактически, суд признал биоматериалы вещью.

В Великобритании действует Акт о человеческих тканях 2004 года. Он запрещает коммерческие операции с человеческими органами и тканями [9]. Закон регулирует изъятие, хранение, использование и утилизацию человеческих тел, органов и тканей с главной целью обеспечения деятельности, связанной с биоматериалами человека в рамках морали, этики, права и с согласия донора или его семьи. Он также направлен на создание нормативно-правовой базы для донорства органов и трансплантации, предусматривая необходимость наличия генетической связи между донором и реципиентом.

Необходимо отметить то, что и в отечественной, и в зарубежной практике присутствует один общий элемент – органы и ткани человека, не извлеченные из него, не являются самостоятельным объектам прав. А как указывает Даутбаева-Мухтарова А.Е., органы и ткани, не отделенные от человеческого организма, не могут быть рассмотрены как объекты гражданских прав, поэтому обсуждение владения и пользования ими лишено смысла [10, с. 11]. В данном случае показательна отечественная судебная практика. В деле N 11-27391/13 [11] гражданка попала в аварию, скончавшись в больнице, где после смерти ГКБ №7 изъяла органы гражданки. Об этом узнала ее мать, подав заявление в прокуратуру, считая, что «органы человека являются целой и неделимой частью самого человека, а в течение всей жизни человек имеет право как пользования так и распоряжения своими органами, что является одним из квалифицирующих признаков собственности». Основываясь на ст. 1110, 1112 ГК РФ, истица, являясь единственной наследницей погибшей гражданки, указывала, что ответчик (больница), произведя трансплантацию органов, нарушил ее права как наследницы всего, чем владела погибшая. Суд не согласился с ее доводами, аргументируя свой отказ тем, что «действующее законодательство к вещам не относит, следовательно, они не могут входить в состав наследственной массы».

Таким образом, современная нормативная база Российской Федерации не отвечает на вопрос относятся ли биоматериалы человека к объектам гражданских прав, а в некоторых случаях она, наоборот, усложняет ответ на данный вопрос. Если попытаться приравнять органы и ткани человека к вещам, то можно прийти к выводу, что они отвечают почти всем вышеуказанным признакам вещей, но при этом их правовая природа неоднородна и требует более детальной и углубленной регламентации. В свою очередь, большинство ученых-правоведов относят органы и ткани человека к вещам, расходясь во мнениях как следует их закрепить в данном качестве. Обращаясь к зарубежной практике, можно заметить, что данный вопрос там урегулирован более тщательно, то есть зарубежное право все же относит компоненты человеческого тела к вещам, а следовательно, к объектам гражданских прав. Закрепление биоматериалов человека в качестве объектов гражданского права очень важно, особенно в области трансплантации. Правовое регулирование в данной области обеспечивает защиту прав и интересов всех сторон, включая доноров, получателей, и медицинских работников. Это также способствует эффективной организации процесса трансплантации, повышению доверия к системе здравоохранения и обеспечению соблюдения этических и моральных норм. Кроме того, правовое регулирование обеспечивает прозрачность и надежность процесса трансплантации органов и тканей, что существенно влияет на уровень медицинской помощи.

Мы считаем, что компоненты человеческого тела следует закрепить в качестве отдельных объектов гражданского права с учетом их перехода в качество вещи при изъятии из тела человека. Такой подход имеет смысл, так как актом их возникновения

как вещей многие ученые считают акт изъятия из организма. Принимая это к сведению, нужно уточнить, что их возникновение (будущее) в качестве вещи должно подразумеваться и предполагаться правом. Нам видится необходимым учитывать особенности каждой группы, так как она позволяет более точно определить оборотоспособность биоматериала: от свободных в обороте волос до изъятых из него жизненно важных органов. Органы и ткани человека представляют собой особую категорию, которая требует специального обращения и уважения к правам и достоинству человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новикова Н. А. Юридическая природа прав на биологические материалы человеческого организма // Общество: политика, экономика, право. N. 8 (61). 2018. С. 88-91.
2. Серебрякова А. А., Арзамаскин М. М., Варюшин М. С. Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека в целях трансплантации как особых объектов гражданского права (компаративистское исследование) // Власть. N. 8, 2011. С. 155-157.
3. Степаненко, О. Г. Органы и ткани человека – объекты гражданских прав? / О. Г. Степаненко, А. П. Кузнецова, В. Е. Минтаева // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 299-301.
4. Карташков Д. В. Компоненты человеческого тела как объекты гражданского права // Правоведение. Т. 65. №4. 2021. С. 404-420.
5. Фатхи В. И. О правовом статусе органов и тканей человека в гражданском обороте // ЮП. 2020. №4 (95). С. 99-102.
6. National Organ Transplant Act of 1984. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-98/pdf/STATUTE-98-Pg2339.pdf> (дата обращения: 28.12.2023)
7. Uniform anatomical gift act of 1987. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20181018141944/http://www.uniformlaws.org/shared/docs/anatomical_gift/uaga87.pdf (дата обращения: 29.12.2023)
8. Дело «Moore v. Regents of University of California» (1990) 51 Cal.3d 120, 271 Cal.Rptr. 146; 793 P.2d 479. – Режим доступа: <https://scocal.stanford.edu/opinion/moore-v-regents-university-california-31115> (дата обращения: 29.12.2023)
9. Human Tissue Act. Public act 2008. N 28.
10. Майфат А.В., Лисаченко А.В. Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия: Некоторые предложения для обсуждения // Юридический мир. 2002. № 2. С. 4-15.
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.09.2013. N 11-27391/13 // URL: <https://base.garant.ru/119282608/> (дата обращения: 30.12.2023)

HUMAN ORGANS AND TISSUES AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Annotation. This paper analyzes human organs and tissues as objects of civil legal relations, in particular the importance of this process in the field of transplantology, as well as on the basis of the experience of other countries. As a result of the analysis the main problems are revealed, ways of their solution in the modern civil law on the territory of our state, which are aimed at improving the legislative base.

Keywords: human organs and tissues, objects of civil rights, things, transplantation, foreign experience.

Demyanishin V.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: demyanishin.vladislav@gmail.com

УДК 346.6

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Дзюбан Д.В.

*Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе проводится анализ прав и обязанностей сторон договора банковского счета. Работа рассматривает законодательные основы, определяющие взаимоотношения между банками и клиентами. Проанализированы типичные права и обязанности. Особое внимание уделяется соблюдению законодательству об отмывании денег, предоставлении идентификационной информации, выполнении документационных требований. Детально рассмотрены комиссии и тарифы, подчеркивается важность соблюдения стандартов обслуживания. Исследование проливает свет на юридические аспекты, способствующие пониманию сторонами своих прав и обязанностей в контексте банковской деятельности.

Ключевые слова: договор банковского счета, права и обязанности, платежные операции, расчёты, тарифы.

Договор банковского счета представляет собой двустороннее соглашение, которое порождает взаимные права и обязанности для обеих сторон – банка (или иной кредитной организации) и клиента.

Основной обязанностью банка является исполнение операций по счету по запросу клиента, включая прием и зачисление денежных средств, а также перечисление и выдачу средств (п. 1 ст. 845 ГК РФ) [1]. Важно отметить, что в последнем случае банк не вправе ограничивать распоряжение клиента своими средствами и контролировать их использование (п. 3 ст. 845 ГК РФ).

Учитывая, что распоряжение средствами со счета может осуществляться уполномоченными лицами по указанию клиента, следует подчеркнуть, что вышеупомянутая обязанность банка существует лишь при наличии соответствующих документов, подтверждающих такое право (например, на основании доверенности – ст. 185 ГК РФ; договор также может предусматривать использование электронных цифровых подписей в соответствии с п. 2 ст. 160 ГК РФ).

В соответствии с условиями договора банковского счета, банк обязан производить корректные расчетно-кассовые операции в соответствии с законодательством, банковскими нормами и договорами, осуществлять выплаты при наличии средств на счете клиента и поддерживать учет клиентских счетов. Для четкого разграничения обязанностей банка по договору банковского счета и обязанностей банка по расчетным операциям важно выделить термин «расчетная операция», который охватывает выполнение договора банковского счета по списанию, зачислению и переводу средств с банковского счета. Полнота и окончательность банковской расчетной операции должны быть достигнуты банком в ходе операций, выходящих за пределы соглашения о банковском счете.

Надлежащее осуществление банками расчетно-кассовых операций представляет собой соответствие следующим требованиям [2, с. 307-319]. Банк обязан:

- обеспечивать соблюдение установленного законом, банковскими правилами и договором перечня расчетных и кассовых операций;
- гарантировать своевременное выполнение расчетных операций в пределах, установленных законом или договором сроков;
- обеспечивать соблюдение законодательно утвержденных оснований для списания средств с банковского счета;
- соблюдать предписанную законом или договором очередность списания средств со счета;

- не нарушать право клиента на свободное распоряжение денежными средствами;
- соблюдать конфиденциальность банковской информации.

Законодатель также обозначает для банков дополнительную обязанность в поддержании своевременности и корректности проведения расчетно-кассовых операций. Сроки осуществления таких операций по банковскому счету предписаны в ст. 849 ГК РФ. Временной интервал для зачисления, выдачи и списания денежных средств установлен равным одному дню, следующему за днем представления в банк соответствующего платежного документа. Однако закон, банковские правила или договор могут устанавливать более короткие сроки. В ст. 849 ГК РФ определены общие нормы относительно того, когда средства могут быть зачислены на счет. В случае отсутствия более коротких сроков, установленных банковскими правилами, законом или договорами банковских счетов, банки обязаны зачислять средства, предназначенные для клиента, не позднее дня, следующего за днем получения в банк соответствующих платежных документов.

Расчет времени для выполнения операций по банковскому счету зависит от момента получения банком соответствующего документа, и его определение различно, особенно в случае безналичных платежей, в зависимости от вида депозитной операции. Внимание уделяется методам передачи информации между банками.

Процедура зачисления финансовых средств на счет клиента, в соответствии со ст. 849 ГК РФ, наступает в результате представления в банк следующих документов:

- для юридических лиц – объявления о внесении наличных средств;
- для физических лиц – приходного кассового ордера.

При проведении расчетов на бумажном носителе, платежное поручение, в соответствии с расчетным документом для перевода средств на счет получателя, предоставляет возможность получателю подтвердить поступление переведенной суммы на банковский счет и идентифицировать получателя, используя копию платежного поручения плательщика. В случае электронных платежных поручений, термин «релевантный» применяется к различным платежным документам в зависимости от полноты использования платежного документа.

В контексте ст. 849 ГК РФ, при проведении расчетов с использованием платежных требований и инкассовых поручений, распоряжением, экземпляром расчетного документа и выпиской по корреспондентскому счету банка получателя, подтверждающей поступление инкассированной суммы, следует признавать «соответствующими».

Перевод и выдача финансовых средств, согласно ст. 849 ГК РФ, должны осуществляться в установленные сроки, начиная с даты предоставления вышеуказанных документов, при условии соблюдения клиентом требований принятия расчетных и кассовых документов к исполнению.

Согласно пункту 5 статьи 5 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», денежные переводы, за исключением электронных, обязаны быть осуществлены в течение трех рабочих дней с момента предоставления плательщиком наличных денежных средств для перевода без открытия банковского счета [3]. Например, рассмотрим ситуацию, когда при расчетах с помощью платежного поручения срок перевода денег рассматривается как период, начинающийся с момента снятия денег со счета плательщика до окончания перевода денег.

На основе вышеизложенного возникает противоречие между статьей 849 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 5 Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ. Для безналичных расчетов установлены свои особенности: в пределах субъекта срок перевода не может

превышать двух дней, в пределах Российской Федерации – пяти (ст. 8 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ) [4].

При безналичном переводе средств требуется прохождение через несколько счетов, таких как счет плательщика, корреспондентский счет банка плательщика, корреспондентский счет банка получателя и счет получателя (всего 4 счета). В соответствии со ст. 849 ГК РФ, банку предоставляется два операционных дня для совершения действий по каждому счету.

Однако, несмотря на то что операции по счетам занимают 8 дней, что соответствует статье 849 ГК РФ, это противоречит положениям Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ. Срок операции по счету является составной частью общего срока перевода средств. Противоречие в законодательстве возникает из-за того, что установленный в законе срок выполнения операции по счету не должен превышать общий срок перевода. Таким образом, п. 5 ст. 5 Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ не согласуется со статьей 849 ГК РФ. В случае коллизии применяется статья 849 ГК РФ.

Условие принятия к исполнению кассовых и расчетных документов служит основанием для списания средств с банковских счетов. Однако контроль за основанием списания средств также является значимой обязанностью банка, и его соблюдение обеспечивает выполнение банком своих обязательств по договору банковского счета. Подтверждение банком идентичности подписи лица в соответствующем расчетном или кассовом документе, или в заявлении об акцепте с образцом подписи лица, уполномоченного распоряжаться банковским счетом в соответствии с банковской картотекой, создает презумпцию выражения банком согласия на совершение соответствующей банковской операции [5, с. 211-227].

Аналогичная ситуация, в случае, если программа проверки утвердит расчетный документ клиента в электронной форме с распоряжением на перевод денежных средств, подписанным аналогом собственноручной подписи уполномоченного, и клиент не предоставит доказательства, суд считает, что клиент выражает желание снять средства со счета, и действия банка считаются законными.

Предлагаем рассмотреть данную ситуацию на примере Постановления Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-149048/2015 [6]. Между ООО «Сервисный центр» и АО «Райффайзенбанк» возник спор о взыскании убытков в размере 5 054 990 руб. 80 коп., списанных с банковского счета истца. Договор банковского счета и соглашение об общих правилах и условиях предоставления банковских услуг с использованием системы «банк – клиент» «ELBRUS Internet» регламентировали расчеты на основе электронных расчетных документов. Суд установил, что платежные поручения истца, подписанные АСП клиента, поступили в банк в соответствии с соглашением. Подлинность АСП на расчетном документе подтверждена лог-файлами обмена данными между банком и клиентом. И поэтому, суд признал законность действий банка по списанию средств.

Однако презумпция воли клиента может быть опровергнута доказательствами. Существуют стандартные методы проверки подписи уполномоченного лица на банковском счете.

Кроме того, банк, по поручению клиента, имеет возможность изменить предмет исполнения обязательства, путем принятия нового обязательства, что подразумевает соблюдение очередности платежей при распределении средств по нескольким расчетным документам, требующим оплаты, в соответствии с установленной законом последовательностью списания средств с банковских счетов.

Погашение задолженности осуществляется в соответствии с календарной очередностью платежей. В случае недостатка средств на счете плательщика для

удовлетворения всех требований, устанавливаются пять групп очередей (ст. 855 ГК РФ):

1. возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, взыскание алиментов;
2. выходные пособия и оплата труда лиц трудового договора, вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности;
3. оплата труда лиц, работающих по трудовому договору, расчеты по налогам и сборам, страховым взносам;
4. другие денежные требования;
5. другие платежные документы в порядке календарной очередности.

Статья 857 ГК РФ посвящена банковской тайне, которая устанавливает особый правовой статус для информации, доступной банку в ходе его деятельности. Банк обязан сохранять конфиденциальность полученных данных и предоставлять информацию третьим лицам только с согласия клиентов. Уголовная ответственность по ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации применяется к должностным лицам банка за разглашение банковской тайны. Нарушение статьи 857 банком, кредитными или аудиторскими организациями, влечет возмещение убытков. Исключения из этого правила перечислены в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ, предоставляющем государственным органам доступ к запретной информации [7].

Право банка на использование имеющихся на счете средств требует обеспечения обязанности гарантировать клиенту беспрепятственное распоряжение этими средствами. Этот принцип соответствует общему принципу надежности, стабильности и безопасности банковской системы и безналичных расчетов, а также ведения банковских счетов. В соответствии со ст. 852 ГК РФ, банк, взамен, начисляет проценты на счет клиента. Абзац 2 пункта 1 статьи 852 ГК РФ предусматривает, что сумма процентов зачисляется в течение срока, указанного в договоре, и, в отсутствие таких условий, регулируется действующей ставкой рефинансирования Центрального банка России.

Согласно указанию Центрального банка России от 11 декабря 2015 года № 3894-У, с 1 января 2016 года ставка рефинансирования Банка России сравнивается с ключевой ставкой Банка России. На 23 октября 2023 года значение ключевой ставки Банка России составляет 15,00 % годовых. 15 декабря 2023 года, ЦБ в пятый раз повысил ключевую ставку до 16%.

Важно отметить, что права банка по договору банковского счета соответствуют применимым обязанностям клиента. Согласно этому договору, клиенты обязаны соблюдать правила проведения платежных операций и расчетов по оплате и кассовому обслуживанию. Обязанность соблюдать правила совершения операций с наличными средствами предполагает широкий спектр обязанностей.

Например, обязанности клиента включают следующее:

- соблюдение законов об отмывании денег и финансировании терроризма;
- предоставление информации для идентификации клиентов, выгодоприобретателей и владельцев счета в соответствии с нормативными актами, такими как Закон № 115-ФЗ и Положение ЦБ РФ от 15 октября 2015 года №499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов»;
- подготовка и представление в банк необходимых документов и информации для нормального функционирования банковского счета;
- соблюдение законодательства о подготовке платежных и кассовых документов, а также их сдаче в банк;
- соблюдение процедур управления банковскими счетами, расчетов и транзакций с наличными, включая подачу заявок на прием и отклонение для банков;
- соблюдение правил безопасности банковских расчетов;

– своевременное предоставление в банк информации и уведомлений, предусмотренных законодательством, банковскими правилами и договорами.

Плата за платежно-кассовое обслуживание клиента включена в стоимость утвержденного банком платежно-кассового обслуживания, о чем клиент уведомляется в соответствии с условиями договора банковского счета. Банки имеют отдельные тарифы на банковские услуги, предоставляемые юридическим лицам, и банковские услуги, предоставляемые физическим лицам.

В перечень тарифов за расчетно-кассовое обслуживание включаются следующие виды:

- сбор за открытие, закрытие или переоформление текущих счетов в случае перерегистрации;
- плата за предоставление справок клиентам;
- обслуживание в системе «банк – клиент» с соответствующей платой при осуществлении электронных платежей;
- сбор за расчетное обслуживание;
- плата за выдачу дубликатов выписок;
- сбор за отправку спецсвязи платежных документов на инкассо;
- сбор за выдачу наличных;
- плата за оформление чековых книжек;
- сбор за перечисление на счет торговой выручки клиентам других банков и прочие услуги.

Отдельно следует выделить заградительные тарифы, которые в юридической терминологии представляют собой определенные ставки, взимаемые банком с клиента в определенных ситуациях, установленных тарифными правилами. Эти тарифы являются неотъемлемой частью договора банковского счета, заключаемого путем присоединения. Заградительные тарифы применяются в следующих случаях:

- за предоставление несвоевременной информации, необходимой для идентификации клиента;
- за предоставление ложной информации;
- за непредставление документов и информации о банковских операциях.

В анализе судебной практики по использованию заградительных тарифов банками суд пришел к заключению, что эти комиссии соответствуют закону.

Например, Арбитражный суд Московского округа, выступая в роли кассационной инстанции, рассмотрел материалы дела, касающегося юридического спора между обществом с ограниченной ответственностью «Инвестиционные проекты» в качестве истца и Коммерческим банком «ЛЮКО-Банк» в роли ответчика [8]. Спор касался признания действий банка, применявшего заградительный тариф, незаконными, а также взыскания неосновательного обогащения и процентов за использование средств истца. Из представленных в материалах дела следует, что между сторонами имел место договор банковского счета, в соответствии с условиями которого применялись Правила открытия и обслуживания банковского счета в «ЛЮКО-Банк» (ЗАО), утвержденные распоряжением Председателя Правления Банка от 1 сентября 2014 г. № 219/2, а также действующие тарифы банка. Истец выбрал тариф «Универсальный» для обслуживания своих счетов.

В процессе анализа операций клиента банком был выявлен ряд признаков, указывающих на сомнительный характер некоторых операций, что было отмечено в письме Банка России № 236-Т от 31 декабря 2014 года. Поскольку запрошенные банком документы и информация не были предоставлены в полном объеме после первого запроса, суд признал обоснованными действия банка, который применил к клиенту штраф в соответствии с установленными тарифами.

Следовательно, судебное решение, отклонившее иск, верно определило, что действия банка по списанию суммы штрафа со счета ООО «Инвестиционные проекты» соответствуют требованиям действующего законодательства Российской Федерации и условиям заключенного договора банковского счета между сторонами.

Право клиента на самостоятельное распоряжение денежными средствами с банковского счета расширяется возможностью утверждать уполномоченных лиц. Для юридического лица это обеспечивается учредительными документами и банковскими карточками с двумя заверенными подписями, для физических лиц используется доверенность.

В соответствии со ст. 854 ГК РФ допускается списание денежных средств без распоряжения клиента, но только по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором банковского счета.

Таким образом, сравнивая взаимные права и обязанности, возникающие из договора банковского счета у каждой из сторон, несмотря на равенство и равноправие партнеров рассматриваемых отношений, заметен явный перевес обязанностей банка. Среди них выделяются основные и дополнительные. К первым, прежде всего, относится обязанность банка по открытию счета, создающая возможность для реализации прав клиента. Иные обязательства чаще всего относят к вспомогательным, обеспечивающим возможность исполнения основных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.05.2023 N 23-П) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279> (дата обращения: 25.01.2024). Загл. с экрана.
2. Костина, К.А. Договор банковского счета: понятие и правовая природа // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2019. – №5 (32). – 655 с.
3. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023 N 340-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 25.01.2024). Загл. с экрана.
4. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 28.11.2015 N 333-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 27.01.2024). Загл. с экрана.
5. Ефимова, Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. – М. Проспект, 2018. – 432 с.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2016 N Ф05-11822/2016 по делу N А40-149048/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=251459#271k23UYgZkGsF87> (дата обращения: 30.01.2024). Загл. с экрана.
7. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 19.10.2023 N 503-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 30.01.2024). Загл. с экрана.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 октября 2016 г. N Ф05-14969/16 по делу N А40-201021/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/41857638/> (дата обращения: 30.01.2024). Загл. с экрана.

RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE PARTIES TO THE BANK ACCOUNT AGREEMENT

Annotation. This paper analyzes the rights and obligations of the parties to the bank account agreement. The work examines the legislative framework that defines the relationship between banks and customers. Typical rights and obligations are analyzed. Particular attention is paid to compliance with money laundering legislation, provision of identification information, and compliance with documentation requirements. Commissions and tariffs are considered in detail, and the importance of compliance with service standards is emphasized. The study sheds light on legal aspects that contribute to the parties' understanding of their rights and obligations in the context of banking activities.

Keywords: bank account agreement, rights and obligations, payment transactions, settlements, tariffs.

Dzyuban D.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: den.dzuban2016@yandex.ru

УДК 331.5-053.6

**ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Дяченко А.П.

*Научный руководитель: Харжевская Т.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье акцентируется внимание на роль индивидуального предпринимательства как ключевого элемента структуры национальной экономики. Актуальность статьи определяется рядом факторов, отражающих современное состояние российской экономики и потребностей общества. Анализируются перспективы индивидуального предпринимательства в Российской Федерации, выявляются проблемы и определяются возможные пути их решения.

Ключевые слова: индивидуальное предпринимательство, перспективы, инновации, экономика, доходность.

Сущность современной экономики определяется системообразующим влиянием малого и среднего предпринимательства (МСП). Этот сектор играет ключевую роль в повышении уровня занятости, увеличении региональной добавленной стоимости и формировании доходов для местных бюджетов. В рамках действующего законодательства Российской Федерации индивидуальные предприниматели (ИП) становятся субъектами, вносящими значительный вклад в этот процесс.

Согласно действующему законодательству, одним из элементов экономики в современных условиях является МСП. Именно оно обеспечивает повышение занятости населения, увеличивает объем региональной добавленной стоимости, формирует доходную часть регионального бюджета. Одним из субъектов такого предпринимательства [1; 2], являются индивидуальные предприниматели.

Перспективы предпринимательства в Российской Федерации представляют собой множество возможностей и вызовов, формирующих динамичный бизнес-ландшафт. Несмотря на некоторые сложности, существует ряд факторов, которые обеспечивают оптимистичные перспективы для предпринимательства в стране.

Процессы экономической диверсификации, направленные на разнообразие отраслей, стимулируют появление новых предпринимательских идей и секторов. Развитие инноваций и высоких технологий, а также инвестиции в новые отрасли, поддерживают возможности для стартапов и индивидуальных предпринимателей.

В последнее время активное внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта создает благоприятные условия для развития технологически ориентированных предприятий. Электронная коммерция, финтех, и технологии связи предоставляют новые возможности для предпринимательства и предоставляют доступ к мировым рынкам.

Государственные инициативы по поддержке малого и среднего предпринимательства способствуют улучшению бизнес-климата. Льготы, кредитование, программы обучения и консультирования создают благоприятные условия для стартапов и малых предприятий.

Развитие инновационных центров и стартап-экосистем в крупных городах страны (например, Сколково) стимулирует творческую и предпринимательскую

активность. Эти центры предоставляют инфраструктуру, финансирование и сеть контактов для развития перспективных проектов.

Однако, несмотря на положительные перспективы, существуют и вызовы, такие как бюрократическая нагрузка, недостаточное финансирование для стартапов, а также нестабильность некоторых рынков.

Индивидуальное предпринимательство в экономике России приобретает особую значимость. Простота процесса регистрации и отсутствие существенных барьеров для вступления в различные отрасли позволяют ИП быстро адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям, даже в периоды экономических кризисов. Более того, они становятся двигателями инновационного прогресса, внося свой вклад в современное развитие. За счет небольших объемов производства они способствуют оперативному внедрению инновационных технологий, что отличает их от крупных предприятий.

Однако существуют определенные трудности. Например, недостаточное финансирование часто ограничивает возможности ИП в оперативном внедрении новшеств в повседневное производство. Тем не менее, их гибкость и способность быстро реагировать на рыночные вызовы придают индивидуальное предпринимательство важное значение в контексте устойчивого развития российской экономики.

Следует обратиться к мнению А. А. Банчевековой [3], которая утверждает, что индивидуальное предпринимательство способно оказывать существенное влияние на развитие национальной экономики в случае, если муниципальными, региональными и федеральными властями будет уделяться должное внимание поддержке и законодательному регулированию данной предметной области.

Неотъемлемым условием для эффективной финансовой поддержки малого предпринимательства является обязательное направление средств с учетом конкретных целей. Важно отметить, что государственные субсидии и дотации предпринимательству играют ключевую роль в достижении стратегических национальных целей в долгосрочной перспективе [4].

В соответствии с мнением М. Н. Ветровой [5], дополнительное налоговое стимулирование представляет собой значимую меру поддержки малого предпринимательства в России. Сложные кризисные условия подчеркивают неотложную необходимость разработки более гибких механизмов взаимодействия между индивидуальными предпринимателями и органами власти, учитывая взаимный интерес обеих сторон [6].

Согласно статистическим данным Росстата, подавляющее большинство трудоустроенных в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности проявляется в сегментах оптовой и розничной торговли, а также в области ремонта автотранспортных средств и мотоциклов.

Основное количество предпринимателей сосредоточено в сфере розничной торговли, где отсутствие существенных входных барьеров обеспечивает быструю адаптацию к изменениям на рынке. Это позволяет им реагировать оперативно, обеспечивая производство товаров и предоставление услуг, максимально соответствующих запросам потребителей.

Региональные особенности развития страны, вызванные разнообразием составляющих ее субъектов, представляют собой сложность в учете индивидуальных потребностей регионального населения. Именно индивидуальные предприниматели становятся ключевыми в определении актуальных потребностей населения в конкретных регионах, учитывая этнокультурные, территориальные и ресурсно-сырьевые особенности.

На рис. 1 представлена диаграмма, отражающая изменение численности наемных работников, занятых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности.

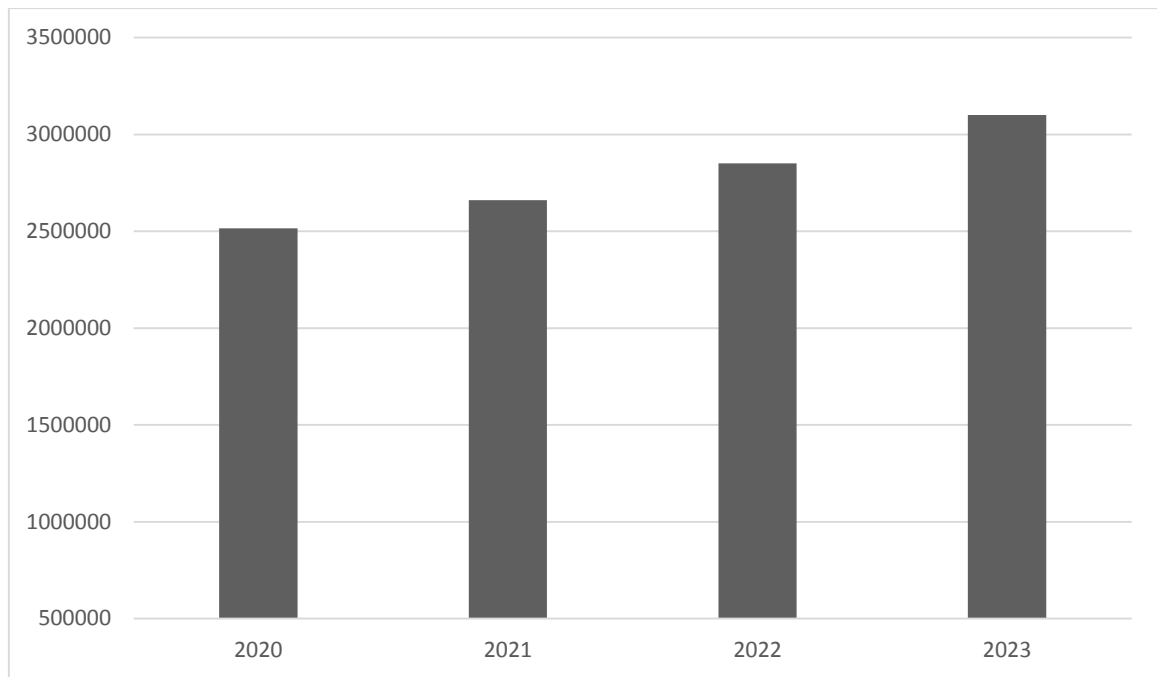

Рисунок 1 – Численность наемных работников, занятых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности по стране

Анализ изменений в численности наемных работников, занятых в индивидуальном предпринимательстве, выявляет положительную тенденцию роста в рассматриваемом периоде, что свидетельствует о важном влиянии индивидуального предпринимательства на решение проблем рынка труда на региональном уровне.

Ключевым показателем активности индивидуальных предпринимателей является их доход. Несмотря на вызванный пандемией коронавируса экономический спад, наблюдается положительная динамика в увеличении выручки индивидуальных предпринимателей. Возможно, это объясняется государственными мерами поддержки МСП и пересмотром структуры предпринимательской активности в условиях пандемии, что стало отправной точкой для новых возможностей и точек роста в различных отраслях.

На основе проведенного исследования формулируются следующие выводы:

1) В современных условиях приоритетными для государства являются вопросы стимулирования предпринимательской активности, требующие значительного внимания и поддержки.

2) Меры государственной поддержки должны учитывать важную роль индивидуального предпринимательства в обеспечении рабочими местами населения в регионах.

3) Несмотря на общую положительную динамику роста выручки от индивидуальной предпринимательской деятельности, важно, чтобы регионы активно обменивались опытом в сфере стимулирования предпринимательской активности.

Предложенное исследование вносит вклад в понимание влияния индивидуального предпринимательства на социально-экономическое развитие регионов, при этом будущие работы могут сосредотачиваться на оценке влияния данного вида предпринимательства с учетом уникальных особенностей и ведущих направлений экономической активности.

Статья предоставляет всесторонний взгляд на современное состояние и перспективы развития индивидуального предпринимательства в России, выделяя ключевые проблемы и предлагая инновационные подходы к их решению. Данные и

выводы статьи имеют важное значение для разработки политики по стимулированию предпринимательства и способствуют дальнейшим исследованиям в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириченко И. А., Кошенсков В. В. Малое предпринимательство России через призму национального проекта // Мир новой экономики. 2021. № 15 (2). С. 118-130.
2. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Банчева А. А. Индивидуальное предпринимательство в системе малого бизнеса // Наука и практика. 2002. № 2. С. 46-56
4. Борлаков А. Р. Финансовые аспекты стимулирования развития индивидуального предпринимательства // Terra Economicus. 2007. № 2. Т. 5. С. 54-59.
5. Ветрова В. Н., Гайсарова А. А., Аблякимова А. С. О регулировании уровня налоговых санкций для индивидуальных предпринимателей // Экономика строительства и природопользования. 2021. № 1 (78). С. 61-68.
6. Захарова Ж. А., Кислинский В. В. Актуальные проблемы развития малого предпринимательства в регионах центра России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 3 (69). С. 22.

PROSPECTS OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article focuses on the role of individual entrepreneurship as a key element of the structure of the national economy. The relevance of the article is determined by a number of factors reflecting the current state of the Russian economy and the needs of society. Prospects of individual entrepreneurship in the Russian Federation are analysed, problems are revealed and possible ways of their solution are determined.

Keywords: individual entrepreneurship, prospects, innovation, economy, profitability.

Dyachenko A.

Scientific adviser: Kharzhevskaya T., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: nastya3001203@mail.ru

УДК 342.553

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Елисеев Н. К.

*Научный руководитель: Мельниченко Ю.С., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается гражданская инициатива как одна из составляющих демократического общества, реализуемая через органы местного самоуправления в РФ, и ее роль в развитии гражданского общества. Выявлены основные предпосылки проявления и развития гражданской инициативы, выражающей и защищающей интересы населения и применение этого в общественной практике.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданская инициатива, демократическое общество, социальная защита, вопросы местного значения.

Исследования в данном направлении являются актуальной и своевременной темой, когда каждый гражданин может приложить усилия для улучшения и развития государства доступными, предусмотренными законом способами. Проблема вовлечения граждан в процесс активного участия по совершенствованию и развитию своего города, региона крайне важна на данном этапе укрепления позиций

демократического общества в государстве. Инициатива граждан на местном уровне способствует развитию государства в целом. Учитывая инициативы государства по построению прогрессивного демократического общества, гражданская инициатива должна поощряться и быть основным вспомогательным механизмом позитивных преобразований в обществе, в контексте формулы «государство для народа». Однако, в последнее время наблюдается пассивность населения, так называемая замкнутость в своем кругу, концентрация на сугубо персональных интересах, которая все же в свете тенденций, происходящих и наблюдаемых в обществе, постепенно сменяется заинтересованностью граждан в преобразовании, улучшении определенных аспектов общественной, именно в понимании «общей» жизни, и это тем более становится достижимо, что встречает всяческую поддержку правительства и соответствующих ведомств инициативам граждан.

На местном уровне в сфере социального регулирования функционируют представительные и исполнительные органы, которые действуют от лица государства и наделены соответствующими полномочиями. Они определяют основные направления социальной политики, обеспечивают правовую основу, реализуют конкретные меры и положения на местах. В области социальной защиты населения, полномочия местного самоуправления, в основном определяются федеральными законами.

Местное самоуправление как элемент публичной власти представляет собой важную составляющую системы госуправления, которая в последнее время незаслуженно лишена внимания и находится «в тени».

Местное самоуправление – это, отчасти следование и возврат к традиционным русским ценностям – решение вопросов на общем собрании. Как отмечает М. А. Иванова «...надо учитывать историческое предназначение местного самоуправления, его «концептуально-логический» смысл, принимать во внимание возможную трансформацию его роли в будущем мире при изменении территориального устройства государств» [1, с. 14].

Конечно, в данной ситуации может иметь место проявление патриотизма, осознание того, что нужно высоко ценить родные места и всячески способствовать улучшению качества жизни в них. Принимая во внимание решение общих задач, граждане могут непосредственно участвовать в решении вопросов местного значения и эффективно взаимодействовать с органами государственной власти, представляя интересы местных сообществ, и напрямую осуществляя свои конституционные права.

Немаловажную роль во взаимодействии граждан и органов исполнительной власти играет Общественная палата. В соответствии с законом «Об Общественной палате Донецкой Народной Республики» от 27.01.23, «органами государственной власти ДНР и органами местного самоуправления муниципальных образований в ДНР в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты прав и свобод граждан, прав и законных интересов некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля» закрепляется за соответствующими органами исполнительной власти [2]. Эти меры взаимодействия крайне важны для преодоления возможного бюрократизма на местах, который может быть следствием так называемого «человеческого фактора». Регулирование и реализация местного самоуправления не лишены и таких проблем как противодействие коррупции в органах местного самоуправления, ответственность органов и должностных лиц перед населением, своевременное принятие решений по возникшим проблемам.

Долгое время проявлявшееся равнодушие властей привело к угасанию инициативы у населения решать вопросы местного значения. Однако, в настоящее время следование принципам демократического общества дает стимул и неоспоримый возрождающийся энтузиазм у граждан по улучшению нашей страны, начиная с

малого – с каждого дома, улицы, района, перерастая в большее – заботу о своем городе, своей стране.

На фоне содействия властей инициативам граждан, постепенно возрастает их правовая активность. И в этом проявляется стремление участвовать в построении прогрессивного общества, в котором каждый житель будет ценить и понимать собственный вклад в улучшение своего государства в целом. Именно поощрение инициативы населения, в том числе и правотворческой, является крайне необходимой ступенью укрепления демократического общества, построенного самими гражданами и поэтому ценимого, оберегаемого и защищаемого ими в гораздо большей степени, чем при пассивной позиции граждан. Поэтому, непереносимое поощрение гражданской инициативы, в том числе и правотворческой, является основой укрепления основ государственности.

Одними из основных предметов ведения местного самоуправления являются благоустройство местной территории, ее социально-экономическое развитие, и организация предоставления населению различных услуг на местном уровне, то есть согласно ст. 132 п.3 Конституции РФ «эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [3].

Стоит подчеркнуть, что одна из главных задач местного самоуправления – развивать городскую экономику. Но зачастую происходит так, что граждане, не зная куда обратиться для решения проблемных вопросов, так и оставляют их без решения – в итоге что-то приходит в упадок, что-то не находит должного применения и назначения, и полезные инициативы по благоустройству своего района так и остаются нереализованными.

В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», несколько целей устойчивого развития гласят: «создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, увеличение доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды, до 30 процентов» (п. 6, пп. а), «обеспечить доступ общественности к информации и защитить основные свободы в соответствии с национальным законодательством», что, естественно, реализуется в полной мере [4].

В настоящее время происходит формирование правовых основ местного самоуправления на региональном уровне. Следует констатировать, что в различных регионах по-разному относятся к принятию законов, регулирующих становление и развитие местного самоуправления [5, с.49]. Обращения граждан, как индивидуальные, так и групповые, в органы местного самоуправления является формой участия населения в осуществлении местного самоуправления. В статье 32 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляется право граждан на индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления [6].

Кроме того, местные органы самоуправления играют важную роль в обеспечении социальной защиты малоимущих жителей, применяя механизмы, входящие в сферу их полномочий, подключая программы по социальному обеспечению и защите. В реализации этого вопроса местные органы самоуправления можно считать ключевыми институтами государственного и муниципального управления. Они работают над тем, чтобы малоимущие граждане имели доступ к социальным услугам, таким как медицинское обслуживание, субсидии на оплату коммунальных услуг, помощь в поиске работы. В целом, это программы и меры, направленные на улучшение жизни граждан и создание для них более благоприятных условий, а именно социальной интеграции и улучшению финансового положения.

Однако стоит обратить большее внимание на привлечение граждан к активному участию и инициативной деятельности во всех сферах общественной жизни.

Разумеется, самый эффективный способ – это участие граждан в деятельности органов местного самоуправления, имея перед собой цель улучшения качества жизни на всех ее уровнях, в полной мере используя свои конституционные права.

В п. 1 ст. 130 Конституции РФ определено, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения [3]. Сегодня вопросы местного значения определены таким образом, что органы местного самоуправления наделяются правом решать как вопросы местного значения, так и отдельные вопросы государственного ведения, но под ответственность муниципалитетов. При детальном рассмотрении, очевидно, что органам местного самоуправления вменены вопросы, которыми государству «не интересно» управлять [7, с. 126]. Если исходить из определения Н. С. Бондаря, что «муниципалитеты – это относительно децентрализованный элемент организации государства, включающий широкие начала демократии не в противовес государству, а, наоборот, являясь его продолжением в территориальных общностях» [8, с. 202]. Следует обратить внимание именно на яркое проявление начал демократии в реализации деятельности этого органа. Конечно, главенствующую роль играет в этом инициатива самих граждан. Децентрализация власти в этом случае имеет положительные аспекты демократического характера.

Безусловно, демократия как власть народа исходит из местного самоуправления и определено демократия невозможна без этого. Поэтому идя по пути демократизации общества, с уверенностью можно утверждать, что местное самоуправление всегда является показателем уровня развития общества и государства.

В соответствии с задачами, поставленными Президентом РФ на заседании Совета по развитию местного самоуправления, запланировано расширение работы по привлечению молодежи к участию в развитии местного самоуправления. В поддержку этого решения 18 октября 2023 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации поддержана инициатива создания Всероссийского движения «Волонтеры местного самоуправления». Цель движения заключается в содействии и повышении качества жизни местного сообщества и содействие развитию институтов местного самоуправления, и, что наиболее важно – поощрении участия граждан в осуществлении местного самоуправления.

На фоне проведения политики популяризации общественной инициативы, стимулирования у населения живого интереса к решению общественных проблем, у граждан формируется осознание права на самоуправление именно с целью укрепить и улучшить свое государство. И если рассматривать местное самоуправление как элемент демократического устройства, мы видим, что местная власть наиболее приближена к населению и ежедневно соприкасается с его проблемами, выполняет функции обеспечения нормальных условий жизнедеятельности населения, что само собой невозможно без активного участия граждан в жизни общества.

Как общественные единицы, заслуживают внимания такие образования как КСОН – комитет самоорганизации населения. Основной задачей таких комитетов является создание условий для участия жителей города в решении проблем местного значения – социальных, культурных, бытовых. Это способ взаимодействия власти с жителями территориальных общин. В условиях взаимодействия властей и граждан для общего блага государства необходимо поощрять инициативу, согласованную деятельность граждан и местных органов управления в целях улучшения городской среды и в рамках реализации большинства федеральных программ такого рода, в частности в ДНР – это целенаправленная программа поддержки стратегии возрождения и развития Республики – «Донбасс, в котором хочется жить», в рамках которого планируется реализовать множество перспективных проектов в сфере экономики, образования, культуры, когда происходит работа именно с обращениями граждан,

решениями их проблем и нужд. Глава ДНР назвал это «поистине народной стратегией», в рамках которой, как заявили в правительстве, «все указы граждан республики выполним в полном объеме» [9].

Кроме того, важным аспектом в осуществлении местного самоуправления будет законодательная инициатива. Органам местного самоуправления необходимо более активно влиять на процесс принятия законов, подзаконных актов на федеральном уровне, используя разные механизмы, чтобы избежать фактического ограничения своих полномочий и роли. При этом одним из наиболее значительных средств влияния является реализация недооцененного права законодательной инициативы в представительном органе государственной власти.

Как гласит ст. 26 ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с правотворческой инициативой может выступить инициативная группа граждан, обладающих избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования [6].

Гражданская законодательная инициатива занимает особое место в правовой системе. Но если оценивать ситуацию объективно, то с уверенностью можно сказать, что подавляющее большинство граждан даже не представляют в целом, что это значит. А следовательно, не в полной мере пользуются своими правами как гражданина. Перспективы применения данного института в РФ, внедрение такой практики или через федеральное законодательство, или косвенно, вполне реальны, при том, что в последние годы все-таки усиливается тенденция на продуктивное и активное взаимодействие граждан с городскими властями по вопросам создания комфортной городской среды.

Считая органы местного самоуправления элементом публично-властного механизма общества, участие граждан в местном самоуправлении будет являться одной из ступеней совершенствования активного сознательного гражданского демократического общества, где каждому небезразличны интересы государства [10, с. 14].

Местное самоуправление должно рассматриваться именно как реальная возможность, право граждан, местного сообщества на самостоятельное заведование местными делами [5, с.3]. Таким образом, решая общественные дела, оказывается воздействие на общественные процессы, деятельность людей, обеспечивается стабильность и развитие общества в целом. Местное самоуправление выступает как форма самоорганизации граждан по месту их жительства и регулируется Федеральным законом от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где в ст. 27 указывается, что население самостоятельно и под свою ответственность осуществляет собственные инициативы по вопросам местного значения [6].

Популяризация активного участия граждан в управлении теми сферами жизни, которые затрагивают их интересы и помогают решить текущие проблемы и есть основная цель реализации государственной политики в социальной сфере, сокращение «расстояния» между органами управления и гражданским обществом на местном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова М.А. Местное самоуправление: современная концепция развития: монография / М. А. Иванова; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2019. – С. 14.
2. Закон «Об Общественной палате Донецкой Народной Республики» № 433-ПНС от 27.01.2023, действующая редакция по состоянию на 27.01.2023 – Общественная палата Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.опднр.рф/закон-об-общественной-палате-донецко/> (дата обращения: 26.11.23). – Загл. с экрана.

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&intelsearch=%CA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%E5%E9> (дата обращения 26.11.23). – Загл. с экрана.
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 27.11.23). – Загл. с экрана.
5. Шугрина Е.С. Муниципальное право. М., 1999. – С. 3, 49.
6. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574> (дата обращения: 28.11.23). – Загл. с экрана.
7. Муниципальное право: учебник / С.Г. Соловьев, Е.И. Бычкова. М., 2015. – С. 126-128.
8. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации: Учебник для студентов вузов (2-ое изд., перераб. и доп.) / Под ред. Н. С. Бондаря. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2006. – С. 202.
9. «За Донбасс, в котором хочется жить»: все указы граждан Республики выполним в полном объеме! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr.er.ru/activity/news/za-donbass-v-kotorom-hochetsya-zhit-vse-nakazy-grazhdan-respubliki-vypolnim-v-polnom-obeme> (дата обращения: 24.01.24). – Загл. с экрана.
10. Шугрина Е. С. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 14-16.

LOCAL GOVERNMENT AS AN INDICATOR OF SOCIETY DEVELOPMENT

Annotation. This paper examines civil initiative as one of the components of a democratic society, implemented through local governments in the Russian Federation, and its role in the development of civil society. The main prerequisites for the manifestation and development of civil initiative, expressing and protecting the interests of the population and the application of this in public practice are identified.

Keywords: local government, civil initiative, democratic society, social protection, issues of local importance.

Eliseev N.

Scientific adviser: Melnichenko Yu., PhD in Law, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: eliseev.nik5@mail.ru

УДК 341.9

ОХРАНА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Жигулина А.А.

*Научный руководитель: Голубцов А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Охрана произведений иностранных авторов в Российской Федерации является важной проблемой в контексте международного частного права. С учетом мирового развития информационных технологий и появления сети Интернет, защита интеллектуальной собственности становится все более важной. Одним из основополагающих документов, защищающим авторские права литературных и художественных произведений, является Бернская конвенция. В данной научной статье проводится анализ правовой охраны произведений иностранных авторов на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, Бернская конвенция, Гражданский кодекс РФ.

Международное частное право включает в себя набор правил, определяющих, какие права и обязанности имеют отношение к лицам, имуществу и сделкам, имеющим международный контекст. В контексте охраны произведений иностранных авторов в Российской Федерации, международное частное право регулирует применение правовых норм и защиту авторских прав в международных отношениях.

Так, в отечественном праве оговорки о национальном режиме использовались еще до заключения многосторонних международных договоров – в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (далее – Бернская конвенция, Конвенция)[1].

Данная конвенция основана на трех основных принципах:

1. Произведения, которые происходят из одного из участников договора, должны иметь такой же уровень защиты в других участвующих странах, как и произведения собственных граждан этих стран (принцип «национального режима»).
2. Охрана произведений не должна зависеть от выполнения каких-либо формальностей (принцип «автоматической» охраны).
3. Защита произведений не связана с наличием охраны в стране их происхождения (принцип «независимости» охраны) [2, с. 23-24].

Соблюдение данных принципов позволило большинству стран мира создать современную систему правовой охраны авторского права.

Бернская конвенция одна из старейших соглашений в этой области, является основой сложного механизма международной системы защиты авторских прав, обеспечивая высокий уровень их защиты. Бернский союз был создан почти 120 лет назад с целью обеспечить единообразную защиту авторских прав на литературные, научные и художественные произведения. Конвенция учитывает интересы стран с разным уровнем развития и культурными традициями, и ее нормы являются результатом многолетних международных согласований. В связи с появлением новых технологий, конвенция пересматривалась неоднократно и служит основой для развития международного и национального законодательства в области авторских прав. На данный момент в Бернский союз входят 181 государство из 196 стран мира.

Российская Федерация присоединилась к Бернской конвенции 13 марта 1995 года: в эту же дату поступило официальное уведомление из Всемирной организации интеллектуальной собственности [3, с. 81]. В соответствии с данной Конвенцией, иностранные авторы, являющиеся ее членами и создающие произведения в Российской Федерации, имеют такие же права и защиту, как и авторы из Российской Федерации. Иными словами, произведения иностранных авторов автоматически защищаются в момент их создания в Российской Федерации без необходимости регистрации или выполнения других формальностей.

Помимо этого, в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Бернской конвенции, страны, присоединившиеся в Бернский союз, могут свободно публиковаться в прессе, передаваться в эфир, но только в том случае, если их распространение осуществляется исключительно с информационной целью. Данная норма также закреплена в статье 1274 Гражданского кодекса российской Федерации [4].

Защита авторского права не зависит от оценки качества или ценности произведения. Будет защищено вне зависимости от того, является ли авторское право великим или неважным. Также, защита не зависит от цели создания произведения, поскольку возможное использование произведения с этим не связано.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации, автор произведения определяется по закону той страны, на территории которой имел место быть юридический факт, ставший основанием для обладания авторскими правами на произведение. При этом само авторское право возникает в силу факта создания произведения, а факт возникновения и прекращения права, который произошел согласно законодательству одной страны, должен быть признан на территории другого государства.

В Российской Федерации не требуется регистрация произведений, специальные оформления или формальности для возникновения и осуществления авторских прав. Иностранные лица, находящиеся на территории Российской Федерации, обладают

всеми личными и имущественными авторскими правами, определенными российским законодательством. Это означает, что они подпадают под те же нормы и правила, что и граждане Российской Федерации в отношении охраны и использования авторских прав.

Учитывая статью 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации, ограничиваются исключительные права. Так, ограничения устанавливаются при условии, что они не наносят неоправданный ущерб обычному использованию результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации и не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателей.

Еще одним важным международным соглашением, которое регулирует авторские права, является Соглашение TRIPS (Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности)[5]. Российская Федерация также является участником этого соглашения, которое устанавливает минимальные стандарты защиты авторских прав и обязательства государств-участников в отношении иностранных авторов.

При опубликовании произведений, написанных иностранными гражданами, для начала необходимо получить такое разрешение. Следует рассмотреть в качестве примера книгу принца Гарри «Запасной». В связи с тем, что правообладатель данной книги прекратил сотрудничество с российскими компаниями, прав на публикацию книги у российских издательств нет[6]. То есть, в данной ситуации по поводу ограничения публикации книги, действуют нормы части 1 статьи 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации: правообладатель может по своему усмотрению запрещать другим лицам использовать результат интеллектуальной деятельности. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением). Другие лица не могут использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя.

Отметим, что охрана иностранных авторов зависит от ряда закрепленных законодательством условий. Прежде всего, авторские права иностранцев на их произведения, опубликованные на территории Российской Федерации или находящиеся на ней в какой-либо объективной форме, признаются и защищаются. В Российской Федерации произведения авторов других стран, которые являются участниками Всемирной конвенции об авторском праве [7], охраняются только в случае, если данные произведения были впервые опубликованы после даты присоединения Российской Федерации к Всемирной конвенции – после 27 мая 1973 года. Во всех остальных случаях такое произведение защищаться не будет.

Например, все произведения Агаты Кристи, которая умерла в 1976 году, были опубликованы за рубежом до 1973 года, не охранялись на территории СССР в момент опубликования и теперь не охраняются на территории Российской Федерации по правилам Всемирной конвенции. Согласно Бернской конвенции, эти произведения авторства писательницы должны были оставаться под защитой в любой стране-участнице на протяжении 50 лет после ее смерти[8].

Также в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2020 №15 АП-1686/2020 по делу №А32-51737/2019 при разрешении спора между гражданином Российской Федерации и юридическим лицом Великобритании, суд обращается к статье 5 Бернской конвенции по защите литературных и художественных произведений. Суд отмечает, что иностранные авторы имеют аналогичные права, но объем и способы защиты этих прав регулируются законодательством страны, в которой охраняются произведения. Следовательно, на территории Российской Федерации будут применяться национальные законы в отношении исключительных прав на произведение юридического лица Великобритании[9].

Защиту авторских прав иностранных граждан в Российской Федерации следует также рассмотреть на примере «Гарри Поттера» и «Тани Гроттер». Амстердамский суд

запретил первое зарубежное издание книги «Таня Гроттер и магический контрабас» российского писателя Дмитрия Емца, в связи с иском автора книги о волшебном мальчике Гарри Поттера Джоан Роулинг. Суд признал, что книга Емца копирует книгу «Гарри Поттер и философский камень» [10, с. 276]. По результатам слушания суд пришел к тому, что Таня Гроттер не является пародией на Гарри, так как суть пародии заключается в заимствовании и высмеивании заимствования. В данном же случае это было несанкционированной адаптацией и является примером «паразитной конкуренции» [11]. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, пародия является самостоятельным произведением, и автор оригинального произведения не вправе запрещать использование своего произведения, за исключением случаев нарушения его личных неимущественных прав (честь, достоинство, деловую репутацию). Таким образом, в российском праве пародия должна обладать следующими критериями:

1. Являться оригинальным, правомерно обнародованным, произведением.
2. Произведение должно создаваться в жанре пародии (карикатуры).
3. Обязательно должен быть указан автор и источник заимствования оригинального произведения.

Бернской конвенцией определено, что автор имеет право противодействовать всякому извращению, искажению и иному изменению этого произведения, а также любому другому посягательству на произведение, способному нанести ущерб чести или репутации автора. Авторы литературных произведений пользуются исключительным правом разрешать переделывать и перерабатывать свои произведения. Помимо этого, конвенция не содержит прямого упоминания о пародии как специфическом виде использования произведения.

Таким образом, понятие «пародия» и критерии определения такого произведения пародийным присутствует в законодательстве Российской Федерации, что позволяет урегулировать данный вопрос. В Бернской конвенции самого понятия нет, что делает права зарубежных авторов в полной мере не защищенными. На примере вышеизложенного, отечественный автор относил свое произведение к «пародии», хотя, исходя из критериев, таковым оно не являлось.

Кроме того, возникает вопрос о том, сколько времени авторское право на произведение защищается после его публикации. Согласно Бернской конвенции, срок охраны авторского права составляет всю жизнь автора и 50 лет после его смерти (часть 1 и 8 статьи 7 Бернской конвенции). Однако законодательством каждой страны устанавливается конкретный срок, который применяется к произведениям, опубликованным на ее территории. В случае Российской Федерации, согласно статье 1281 Гражданского кодекса Российской Федерации, исключительное право на произведение действует всю жизнь автора и 70 лет после его смерти. Таким образом, автор не может иметь на более длительный срок правовой защиты за границей, чем в Российской Федерации. В России публикация иностранных произведений позволяет гражданам защищать свои права на территории страны на более долгое время с учетом иных положений.

Существует также проблема того, что Бернская конвенция не предусматривает защиту авторских прав для контента, опубликованного в Интернете, и не несет ответственности за нарушения этих прав со стороны пользователей. В Российской Федерации защита прав на текстовый контент Интернет-сайта предусмотрена в соответствии со статьей 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации, так как такой текст является объектом авторских прав на литературное произведение [12, с. 15]. Публикуя свое произведение на российском сайте, иностранный гражданин в случае выявления плагиата, может потребовать защиты своего права на авторство, что не закреплено в Бернской конвенции.

Однако, есть некоторые отличия в процессе защиты авторских прав для иностранных граждан. Для них может быть сложнее получить возмещение и компенсацию за нарушение авторских прав по сравнению с российскими авторами из-за различий в законодательстве и процедурах. При этом, российское законодательство в большинстве случаев похоже на зарубежное и в полной мере соответствует положениям Бернской конвенции. В некоторых случаях в российском законодательстве созданы более совершенные механизмы предоставления прав авторам. В США подача исковых требований не является гарантией, что иск будет удовлетворен, так как правовые нормы формируются в контексте судебных прецедентов [13].

Таким образом, охрана произведений иностранных авторов в Российской Федерации в контексте международного частного права осуществляется в соответствии с международными договорами. При этом на произведения иностранных граждан распространяются нормы российского законодательства, что позволяет получить больше прав, чем имеется в Бернской конвенции. Важность соблюдения международных стандартов в этой области не только способствует развитию культуры и науки, но и укрепляет международные отношения и увеличивает доверие в экономических и торговых отношениях между различными странами.

Считаем нужным усовершенствовать механизм защиты авторских прав в сети Интернет для борьбы с незаконным копированием и распространением произведений иностранных авторов в онлайн-среде. Российские органы могут активно сотрудничать с международными организациями для разработки и внедрения мер по защите авторских прав иностранных авторов.

Стоит отметить, что международные соглашения не в полной мере защищают авторские права и сами произведения иностранных авторов от плагиата. Предлагаем в качестве защиты авторских прав от плагиата пересмотреть международные соглашения, а также и саму Бернскую конвенцию в области защиты прав авторов от плагиата. Необходимо рассмотреть создание дополнительного соглашения, касающегося сотрудничества в области взаимного обеспечения прав авторов, которое позволит избежать судебных разбирательств и не допустить нарушения личных неимущественных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (дополненная в Париже 4 мая 1896 года, пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 года, дополненная в Берне 20 марта 1914 года и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 года, в Брюсселе 26 июня 1948 года, в Стокгольме 14 июля 1967 года и в Париже 24 июля 1971 года, измененная 28 сентября 1979 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900493> (дата обращения: 10.02.2024).
2. Соболева А.А. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2016. – С. 19-24.
3. Захарова И.А. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и часть четвертая Гражданского кодекса РФ: сравнительный анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №7 (21). – С. 80-84.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 11.02.2024).
5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Приложение 1С к Марракешскому Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года (с изменениями на 6 декабря 2005 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902340087> (дата обращения: 11.02.2024).
6. Российские издательства не имеют прав на публикацию книги принца Гарри «Запасной» // Сайт «Рамблер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/starlife/50022760-rossiyskie-izdatelstva-ne-imeyut-prav-na-publikatsiyu-knigi-printsa-garri-zapasnoy/> (дата обращения: 12.02.2024).

7. Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве 6 сентября 1952 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900510> (дата обращения: 12.02.2024).
8. Гаврилов Э.П. Присоединение России к Бернской конвенции об авторских правах и книжный бизнес. – Книготорговый бюллетень 1993, №48.
9. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2020 №15АП-1686/2020 по делу №А32-51737/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=188232#075141%200057613665>(дата обращения: 12.02.2024).
10. Поздеева В.С. Персонаж как объект авторского права // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №16. – С. 272-279.
11. Поттер и Гроттер: история конфликта. Кто прав и чьи права? // Сайт «Дзен» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YqLDf6dL4grC1tmo> (дата обращения: 17.02.2024).
12. Ивнева Е.В., Кавшбая Л.Л. Защита авторских прав в сети интернет // Endless light in science. – 2022. – С. 14-21.
13. Руденко С. Сравнительный анализ авторского права в России и за рубежом в 2021 году // Сайт «EltomaGlobal» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eltoma-global.ru/knowledge-base/sravnitelnyj-analiz-avtorskogo-prava-v-rossii-i-za-rubezhom-v-2021-godu> (дата обращения: 17.02.2024).

PROTECTION OF WORKS BY FOREIGN AUTHORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The protection of works by foreign authors in the Russian Federation is an important issue in the context of international private law. Considering the global development of information technologies and the emergence of the Internet, the protection of intellectual property becomes increasingly important. One of the fundamental documents protecting the copyright of literary and artistic works is the Berne Convention. This scientific article provides an analysis of the legal protection of works by foreign authors in the territory of the Russian Federation.

Keywords: Copyright, Intellectual property, Berne Convention, Civil Code of the Russian Federation.

Zhygulina A.

Scientific adviser: Golubtsov A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: anastasia.zhygulina@gmail.com

УДК 343.3/.7

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Жижекун И.К.

*Научный руководитель: Крайнова Н. А., канд.юрид.наук, доцент
ФГАОУ ВО «СевГУ»*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются преступления в сфере компьютерной информации. В частности, в работе анализируются проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации. Производится анализ субъектного состава указанного преступления, признаки субъекта персональных данных.

Ключевые слова: компьютерная информация, информация, преступление, Уголовный кодекс, копирование информации.

Стремительное научно-техническое развитие позволило человечеству перейти к постиндустриальной эпохе. Как следствие, в жизни человека все чаще повседневные задачи становятся оптимизированными, требующими меньшего вмешательства человека во многие процессы. Столь осязаемое изменение человеческого быта было бы невозможно без вспомогательных средств, которые и позволили оптимизировать деятельность людей. Стоит подчеркнуть, что такими вспомогательными средствами человеку необходимо управлять. Для этого требуется устройство, способное передавать

команды для машин, которые во многом заменили людей. Ввиду данной потребности, были изобретены электронно-вычислительные машины (далее – ЭВМ).

Активное развитие ЭВМ началось в конце XX века, когда появилась необходимость хранения и обработки информации, а также автоматизации процессов. В дальнейшем широкое применение получили персональные компьютеры (далее – ПК), способные обрабатывать большой массив информации. Использование ПК было бы невозможным без программного обеспечения (далее – ПО), передающего указания от человека к ПК. Как было отмечено П. Клаузенем, «главной особенностью любого компьютера является применение особых программ, которые позволяют осуществлять взаимодействие с самим компьютером, а также дают команды оп вычислениям» [1]. С представленным суждением невозможно поспорить, так как использование программ управления является неотъемлемой частью существования ЭВМ. Ю.С. Поспеловым выделяется два основных типа программ: основные и прикладные. К основным ученый относит операционную систему, комплекс управляющих и обрабатывающих программ, к прикладным – те, которые способны помочь человеку решить ряд задач» [2]. Многообразие компьютерных программ позволяет злоумышленникам создавать собственные продукты, позволяющие незаконно завладеть информацией пользователя. В качестве противодействия незаконному обороту информации, уголовным законом была предусмотрена ответственность за совершение подобных действий.

В российском праве оборот, обработка и создание информации контролируется Федеральным законом «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ. Согласно п.1 ст. 1 указанного федерального закона он «регулирует отношения между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами (далее – государственные органы), региональными и иными муниципальными образованиями (далее – муниципальные образования), юридическими и физическими лицами в связи с обработкой персональных данных с использованием автоматизированных средств» [3]. Таким образом, настоящий федеральный закон регулирует отношения, связанные с обработкой, созданием и хранением персональных данных при помощи средств автоматизации. Под средствами автоматизации стоит рассматривать средства вычислительной техники, т.е. ЭВМ.

Анализ данного нормативного акта позволяет выделить субъекты правоотношений, складывающихся относительно персональных данных. Представляется возможным выделить три основных субъекта указанных правоотношений: надзорный орган, оператор персональных данных, а также субъект персональных данных, лицо, непосредственно передающее собственные персональные данные. Статья 3 ФЗ «О персональных данных» раскрывает понятие оператора персональных данных, под которым понимаются государственные органы, муниципальные образования, юридические и физические лица, организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных самостоятельно или совместно с другими лицами, а также лица, определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, и порядок ведения (функционирования) использования персональных данных. Таким образом, законодатель четко разграничивает лиц, которые могут обрабатывать персональные субъекта. Указанный федеральный закон предусматривает определенные правила обработки персональных данных для операторов, за нарушение которых в ст.24 дается ссылка на иные законодательные акты. Ответственность за нарушение правил обработки персональных данных предусмотрена гражданским, административным, уголовным законодательством.

Персональные данные могут выступать предметом совершения множества преступлений. Стоит отграничивать киберпреступления от преступлений в сфере

компьютерной информации. Киберпреступность – это ряд преступлений, совершаемых в киберпространстве с использованием или через компьютерные системы, компьютерные сети и другие средства доступа к киберпространству [4]. Согласно представленному определению, понятие киберпреступления гораздо шире, чем преступления в сфере компьютерной информации. Необходимо отметить, что преступления в сфере компьютерной информации следует рассматривать в качестве составной части киберпреступлений, поскольку защита персональных данных представляет собой основную сферу таких деяний. К преступлениям в сфере компьютерной информации следует относить те, что направлены на незаконное распространение такой информации.

Преступления в сфере компьютерной информации включены в главу 28 части 9 Уголовного кодекса Российской Федерации. Глава введена в действие 7 декабря 2011 года и содержит три статьи: 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» и 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации и информационно-коммуникационных сетей». Статья 272 Уголовного кодекса РФ устанавливает наказание за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло ее уничтожение, блокирование, модификацию или воспроизведение.

Как уже было отмечено охраняемая законом информация – это вся информация, определенная в Федеральном законе № 152 «О персональных данных». Такой точки зрения придерживается В.С. Карпов, который обращает внимание на то, что физические лица имеют право на доступ, но установленные лица допускают обработку персональных данных с нарушением [5]. А.В. Наумов под неправомерным доступом к компьютерной информации понимает доступ к информации без согласия ее владельца [6]. Как следствие, данные точки зрения лишь частично отражают суть неправомерного доступа к компьютерной информации. Так, под неправомерным доступом понимается активные действия с целью получения такой информации. Однако охраняемая законом информация может быть получена и путем активных действий, не направленных на ее получение. В статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации перечислены условия криминализации таких действий, к которым относятся уничтожение, блокирование, модификация или воспроизведение информации.

Несколько подробнее следует рассмотреть копирование информации, которая охраняется законом. Как было отмечено, в настоящий момент для образования состава неправомерного доступа к информации необходимо совершение активных действий. Однако, в части копирования такой информации следует применять воспроизведение такой информации «по памяти». Представленная ситуация возможна вследствие также правомерного доступа. Например, оператор персональных данных допустил ошибки при воспроизведении информации, и такая информация оказалась в открытой сети Интернет, хотя она не была предназначена для третьих лиц. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» установлено, что к неправомерному доступу также следует относить и использование такой информации [7]. Таким образом, криминализировано также использование полученной информации в своих целях.

На основании проведенного исследования представляется возможным определить субъект данного преступления. Субъектом совершения преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16-ти лет. Субъективная сторона

данного преступления выражается в форме прямого или косвенного умысла. Ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом информации наступает в случае, если действия преступника направлены на оказание воздействия на информационные системы оператора персональных данных. Однако, УК РФ не предусмотрена ответственность оператора информации за совершение действий, повлёкших аналогичные последствия.

Исследование преступлений в сфере компьютерной информации позволило определить, что в настоящий момент законодательное противодействие совершению таких преступлений не является совершенным [8, с. 229]. Способ посягательства, рассмотренный в настоящей работе, позволил определить признаки субъекта совершения преступления, а именно позволил отграничить непосредственно преступника, совершающего посягательство, от оператора персональных данных. Проведенное разграничение позволяет более точно установить умысел лица, а также способ его воздействия на ЭВМ в рамках совершения преступления. При этом, необходимо отметить, что в настоящее время уголовная ответственность за совершение рассмотренного преступления по неосторожности отсутствует. Однако, как представляется, совершение данного преступления оператором персональных данных возможно, как по неосторожности, так и с прямым и косвенным умыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клаузен, П. Компьютеры и роботы / П. Клаузен. – М.: Мир книги. – 2006. – С. 10-11.
2. Поспелов, Ю.С. Исторические этапы развития техники. Возникновение компьютерной техники как техники с программным управлением / Ю.С. Поспелов // Вестник ГУУ. – 2014. – № 5.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных»
4. Номоконов, В.А. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – № 24. – 2012. – С. 45-55.
5. Карпов В.С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Дис. канд. юрид. наук, Красноярск, 2002. – С. 87
6. Комментарий к УК РФ; под ред. А.В. Наумова. – М. – 2000. – С.664.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»
8. Крайнова Н.А. Проблемы безопасности общества в криминологическом осмыслении / Н.А. Крайнова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 227-229.

SUBJECT COMPOSITION OF ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION

Annotation. This article discusses crimes in the field of computer information. In particular, the work examines illegal access to computer information. An analysis of the subject composition of this crime and the criminalization of subjects of personal data is carried out.

Keywords: computer information, information, crime, criminal code, copying information.

Zhzhkun I.

Scientific advisor: Krainova N., PhD in Law, Associate Professor

Sevastopol State University

E-mail: zhzhkun2001@mail.ru

УДК 347.21

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Заблоцкая Д. А.
Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности правового регулирования цифровых прав в зарубежном законодательстве на примере стран Европейского Союза и США. Автор приходит к выводу, что подходы, используемые в юрисдикциях, различаются как с точки зрения принятых правовых норм, так и с точки зрения создания особых условий для функционирования цифрового рынка. По результатам исследования предложены возможные изменения в законодательстве, выявлены основные пробелы в правовом регулировании.

Ключевые слова: цифровые права, правовое регулирование, персональные данные, цифровые активы, права человека.

В настоящее время особо актуальным является в различных странах мира развитие цифровых прав в разных их аспектах. В приоритет все больше ставится правовое регулирование новых цифровых прав, которые все более разнообразны (токены, цифровые активы, цифровая валюта, цифровые аккаунты и прочее).

При этом важным моментом является то, как же в данном вопросе взаимодействуют различные страны. Имеется ли у них единое понимание новых понятий, сходства в их регулировании, подход к применению? И здесь, как отмечали Иерусалимская Е.А., Новиков В.В., в первую очередь, то, что все-таки единого подхода и понимания нет, так как даже разница в формулировках не позволяет странам выработать единые международные подходы к трансграничному обороту таких новых объектов прав, что значительно усложняет взаимодействие в рамках международного права [1, с. 34].

Исходя из этого, уже можно сделать вывод о том, что на данный момент есть высокая необходимость в общепризнанной модели правового регулирования цифровых прав, которая бы дала возможность правильного внедрения данных объектов цивилистики в гражданский оборот.

Для более детального изучения данной темы проанализируем правовое регулирование цифровых прав в странах Европейского союза и Соединённых Штатов Америки.

Так, в Европейском Союзе (далее – ЕС) была создана Декларация о европейских цифровых правах и принципах (далее – Декларация), которая способствует переходу к цифровым технологиям, основанному на европейских ценностях [2]. В планы законодателей входит обеспечить людям возможность в полной мере пользоваться привилегиями, которые приносит цифровое десятилетие. Итак, был предложен набор европейских цифровых прав и принципов, которые отражают ценности ЕС и продвигают устойчивое, ориентированное на человека видение цифровой трансформации.

Декларация была подписана Президентами Комиссии, Европейского парламента и Совета, отражая общую политическую приверженность ЕС и его государств-членов продвижению и реализации прав и принципов во всех сферах цифровой жизни.

Европейские цифровые права и принципы дополняют существующие права, такие как защита персональных данных, электронная конфиденциальность и Хартия основных прав. Они будут основываться на опыте Европейского столпа социальных прав. Кроме того, они послужат руководством для ЕС и государств-членов по мере их адаптации к цифровой трансформации.

Согласно п. 6, 7 Преамбулы Декларации, концепция цифровой трансформации ЕС ставит в центр внимания людей, расширяет возможности отдельных лиц и способствует развитию инновационного бизнеса. В Решении по «Программе политики цифрового десятилетия 2030» (далее – Программа) устанавливаются конкретные цифровые цели, основанные на четырех основных моментах (цифровые навыки, цифровая инфраструктура, цифровизация бизнеса и государственных услуг).

Лескина Э.И. утверждает, что путь ЕС к цифровой трансформации общества и экономики включает, в частности, открытый цифровой суверенитет, уважение основных прав, верховенства закона и демократии, инклюзивность, доступность, равенство, устойчивость, жизнестойкость, безопасность, улучшение качества жизни, доступность услуг и уважение прав каждого [3, с. 38]. Это должно способствовать созданию динамичной, ресурсоэффективной и справедливой экономики и общества в ЕС.

В этой Декларации излагаются общие политические намерения и обязательства, а также напоминает о наиболее важных правах в контексте цифровой трансформации. Декларация должна также служить руководством для политиков при размышлении об их видении цифровой трансформации. Так, принципы Декларации основаны на 6 темах:

1. Ставить людей и их права в центр цифровой трансформации;
2. Поддержка солидарности и инклюзивности;
3. Обеспечение свободы выбора в Интернете;
4. Содействие участию в цифровом общественном пространстве;
5. Повышение безопасности и расширение прав и возможностей отдельных людей;
6. Содействие устойчивости цифрового будущего.

Таким образом, технологии должны служить и приносить пользу всем людям, живущим в ЕС, и давать им возможность осуществлять свои стремления. Они не должны ущемлять их безопасность или основные права.

Подписавшие декларацию обязуются обеспечить, чтобы цифровая трансформация приносила пользу всем и улучшала жизнь всех людей, проживающих в ЕС. Они примут меры для обеспечения соблюдения прав человека как онлайн, так и офлайн.

Помимо этого, ЕС принял Регламент о защите персональных данных (GDPR) [4], ставший образцовым в обеспечении приватности граждан. Этот закон устанавливает стандарты по сбору, хранению и обработке персональных данных, признавая гражданское право на контроль над своей информацией. Вскоре был принят Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA) [5], посвященный обеспечению справедливой конкуренции на рынке цифровых услуг для роста и продвижения инноваций, а также обеспечению доступа пользователей к безопасным продуктам и защита их основных прав. Закон устанавливает обязательства для корпораций и вводит систему штрафов за нарушение поставленных условий. Комитетом министров Совета Европы приняты Рекомендации № CM/Rec(2018)7 «О соблюдении, защите и осуществлении прав детей в цифровой среде» [6, с. 125], определяющие необходимость выделения преступлений, совершенных в цифровой среде, и уголовной ответственности за них, в том числе юридических лиц.

Исходя из этого, мы видим, что правовое регулирование цифровых прав в Европейском союзе активно развивается и совершенствуется, что говорит нам о стремлении стран к внедрению новых технологий и процессов. При этом в правовом регулировании ЕС цифровых прав существуют также и проблемные аспекты:

1. Во-первых, недостаточная борьба с дезинформацией и ненадлежащим контентом. Цифровые платформы часто сталкиваются с проблемой распространения дезинформации, ненавистного контента и контента экстремистского характера. К

примеру, распространения агитации к митингам, склонение к агрессии в связи с политической обстановкой в мире. Решением данной проблемы возможна разработка и внедрение механизмов контроля контента, включая совершенствование алгоритмов модерации, сотрудничество с организациями по защите прав человека и общественными органами для разработки стратегий борьбы с дезинформацией.

2. Во-вторых, монополизация цифровых платформ, так как некоторые цифровые платформы становятся доминирующими на рынке, что может привести к нарушению конкуренции и ограничению прав потребителей. В данном случае предлагаем направить больше возможностей на международное сотрудничество, ссылаясь на международные стандарты и нормативы в данной области, повысить осведомленность и образование в данной области, а также стимулировать конкуренцию и инновации путем создания условий для развития стартапов, инвестиций в исследования и разработки, а также поддержки инновационных проектов.

3. Также имеет место недостаточная прозрачность и открытость алгоритмов: многие цифровые платформы используют алгоритмы для принятия решений, но часто эти алгоритмы остаются закрытыми для общественности, что может привести к несправедливости и дискриминации. В качестве решения данной проблемы предлагаем ввести обязательные нормативные требования к прозрачности алгоритмов, например, через обязательное предоставление доступа к ключевым аспектам алгоритмов и проведение аудитов искусственного интеллекта.

Таким образом, в условиях возросшей зависимости от технологий цифровые компетенции и умения стали необходимы для участия в жизни общества, использования преимуществ цифровых государственных услуг и сохранения конкурентоспособности на рынке труда. К 2030 году, по заданной Программе, 80% граждан Европы должны обладать хотя бы базовым уровнем цифровых навыков.

Что касается правового регулирования цифровых прав в США, здесь, в первую очередь, следует отметить, что в США цифровые права представлены как общественные отношения, имеющие место в цифровых сетях.

Курбанов Р.А., Гаджиев А.А. отмечают, что существенное влияние на развитие правовой регламентации цифровых прав в США оказывает судебный прецедент [7, с. 142]. В период формирования судебного прецедента в рассматриваемой сфере общественных отношений основной объем рассматриваемых дел составляли споры о защите контента и объявлений, выкладываемых на сайтах.

В Соединенных Штатах (U.S.) нет единого основного законодательства о защите данных. Скорее, набор из сотен законов, принятых как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, служат защите персональных данных жителей США.

Квинтэссенцию судебных разбирательств сформировал Верховный суд США. Согласно мнению судей, привлекать к ответственности поставщиков информационных услуг за распространение недостоверной или порочащей информации правомерно, но лишь в случае наличия редакционного контроля. Вскоре в 1996 г. законодатели США приняли ст. 230 Закона «О приличиях в области связи» [8]. Данное нововведение позволило интернет-провайдерам избегать ответственности за распространение недостоверной информации на интернет-ресурсах путём удаления информации в целях недопущения нарушения прав и законных интересов третьих лиц.

В США несколько регулирующих органов осуществляют надзор за рынком цифровых активов. Комиссия по ценным бумагам и биржам («SEC») обладает юрисдикцией в отношении цифровых активов, которые считаются ценными бумагами, включая предложения токенов безопасности («STO»). Комиссия по торговле товарными фьючерсами («CFTC») обладает юрисдикцией в отношении цифровых активов, которые считаются товарами. Наконец, Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями («FinCEN») отвечает за обеспечение соблюдения правил борьбы с отмыванием денег

(«AML») и «Знай своего клиента» («KYC») в отношении цифровых активов и обмена цифровыми активами. Однако из-за отсутствия юридической ясности в отношении цифровых активов и криптовалют часто бывает трудно понять, руководящие принципы и нормативные акты какого агентства или агентств будут применяться. Это связано с тем фактом, что применяемая правовая база в значительной степени зависит от классификации конкретного цифрового актива, которая часто неясна и вызывает много споров.

США подчеркивают защиту свободы слова и инноваций в цифровой среде. Закон о свободе информации (FOIA) и Закон о свободе сети (NetNeutrality) являются примерами, где стремление к балансу между свободой выражения и защитой потребителей остается в центре внимания. DMCA (англ. Digital Millennium Copyright Act – Закон об авторском праве в цифровую эпоху) [9] охватывает отрасли авторского права, распространения технологии. В этом законе есть и достоинства, и недостатки: с одной стороны, он содержит жесткие нормы, запрещающие обход цифровой защиты от копирования; с другой – адекватные, детально описанные процедуры взаимодействия субъектов прав и заинтересованных сторон, участников процесса использования результатов интеллектуальной деятельности. Среди таких процедур особого внимания заслуживает процедура обмена уведомлениями и контр-уведомлениями между правообладателями, судебными органами, провайдерами хостинга и доступа в интернет и пользователями. Основанием для привлечения к ответственности за нарушение цифровых прав является размер причиненного ущерба [10, с. 23].

При этом, в США также существует ряд аспектов, которые можно выделить в качестве неурегулированных:

1. Недостаточная защита от кибератак и киберугроз, что может изменить разработка и внедрение законодательства, направленного на защиту от киберугроз, а также обязательное соблюдение стандартов безопасности информации для организаций и предприятий.

2. Вследствие разнообразного регулирования некоторых вопросов цифровых прав в разных штатах, по нашему мнению, есть проблема единообразия норм. Вследствие чего возникают неординарные решения отдельных вопросов. В связи с этим, по нашему мнению, правовое регулирование цифровых прав должно обеспечиваться на общем уровне, при этом включая анализ и учет международных стандартов.

Исследование законодательства и судебной практики в США позволило сформулировать вывод о том, что уровень правовой регламентации защиты прав субъектов цифровых данных соответствует общемировым тенденциям развития права в целом и общественным интересам в частности. Более того, нормативные правовые акты, принятые в США, могут быть использованы в зарубежных государствах при регламентации правил оборота и защиты прав субъектов цифровых данных.

Исходя из вышесказанного, сделаем вывод о том, что изучение зарубежного опыта в правовом регулировании цифровых прав предоставляет возможность выработать сбалансированный и современный подход. Важно учитывать принципы защиты приватности, свободы слова, инноваций и кибербезопасности, адаптируя их под уникальные потребности общества. Эффективное законодательство должно содействовать развитию цифровой экосистемы, укреплять права граждан и способствовать инновационному росту. При этом, по нашему мнению, в данном случае важен общий подход к регулированию, сотрудничество стран и взаимопомощь во внедрении данных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иерусалимская Е.А. Зарубежный опыт организации правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифрового гражданского оборота / Е.А. Иерусалимская, В.В. Новиков // Вестник магистратуры, 2022. – № 9 (132). – С. 34-36.

2. Европейская декларация о цифровых правах и принципах для Цифрового десятилетия 2023/С 23/01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:JOC_2023_023_R_0001 (Дата обращения: 04.02.2024 г.).
3. Лескина Э.И. Сравнительный анализ стратегических документов зарубежных стран в обработке данных в эпоху Big Data / Э.И. Лескина // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 3. – С. 37-40.
4. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отменяющий Директиву 95/46/ЕС (Общий регламент по защите данных). Текущая консолидированная версия: 05.04.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679> (Дата обращения: 04.02.2024 г.).
5. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2022/1925 от 14 сентября 2022 г. о доступных и справедливых рынках в цифровом секторе, а также о внесении изменений в Директивы (ЕС) 2019/1937 и (ЕС) 2020/1828 (Акт о цифровых рынках) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/406454131/#friends> (Дата обращения: 04.02.2024 г.).
6. Рекомендации № СМ/Rec(2018)7 «О соблюдении, защите и осуществлении прав детей в цифровой среде» от 04.06.2018 г. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2018. – № 12 (198). – С. 113–128.
7. Курбанов Р.А., Гаджиев А.А. Правовое регулирование оборота цифровых прав в США / Р.А. Курбанов, А.А. Гаджиев // Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2023. – № 4. – С. 141-146.
8. S.314 – Закон о приличиях в области коммуникаций 1995 года, принятый 104-м Конгрессом (1995-1996). Congress.gov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/314> (Дата обращения: 04.02.2024 г.).
9. H.R.2281 – Закон об авторском праве в цифровую эпоху, принят 105-м Конгрессом (1997-1998). Congress.gov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281/text> (Дата обращения: 04.02.2024 г.).
10. Иноземцев М.И. Современные подходы к цифровизации объектов гражданских прав: обзор зарубежного опыта / М.И. Иноземцев // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 2. – С. 21-25.

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL RIGHTS IN FOREIGN LEGISLATION

Annotation. In this paper the peculiarities of legal regulation of digital rights in foreign legislation are considered on the example of the countries of the European Union and the USA. The author concludes that the approaches used in the jurisdictions differ both in terms of accepted legal norms and in terms of creating special conditions for the functioning of the digital market. Based on the results of the study, possible changes in the legislation of the studied subjects are proposed, the main gaps in legal regulation are identified.

Keywords: digital rights, legal regulation, personal data, digital assets, human rights.

Zablotskaya D.

Supervisor: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: diana.zab@mail.ru

УДК 347.4

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОКАЗАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Загоруйко Е.В.

*Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности туристических услуг как объекта гражданских правоотношений, туристической инфраструктуры, разнообразие предлагаемых маршрутов и видов отдыха, качество обслуживания, культурные особенности и уникальные аттракционы каждой из стран.

Работа также включает правовой анализ туристических направлений, а также влияние социально-экономических и политических факторов на развитие туристической отрасли в Российской Федерации и Королевстве Испания.

Ключевые слова: туроператор, турагент, потребитель, объект гражданских правоотношений, туристические направления.

Сегодня туризм играет огромную роль в мировой экономике. Безусловно, начало 21-го века ознаменовалось скачком роста туристов по всему миру, не исключениями являются также Российская Федерация и Королевство Испания, статистика ежегодного оказания туристических услуг в которых свидетельствует об устойчивом увеличении потока туристов.

Обе страны предлагают удивительные возможности для туризма: Россия с ее историей и культурой, а Испания – с пляжами и жарким климатом. Выбор зависит от предпочтений путешественников и их интересов. Исследование и сравнительный анализ услуг туристам-потребителям, предоставляемых в этих странах, не только представляют академический интерес, но и имеют практическую значимость для туристов и туристических компаний.

Так, Россия обладает богатым культурным наследием, историческими памятниками и красивыми природными ландшафтами. Москва и Санкт-Петербург – два крупнейших города в России, которые предлагают посетителям множество музеев, театров, исторических мест и удивительных архитектурных достопримечательностей.

Испания, в свою очередь, славится своими красивыми пляжами, великолепной кухней, фламенко и уникальной архитектурой. Барселона, Мадрид, Севилья и Валенсия – лишь некоторые из многих привлекательных городов Испании, где туристы могут насладиться богатым культурным наследием и неповторимой атмосферой.

Нельзя не заметить, что по результатам рейтинга 2020 года, Испания является наиболее конкурентоспособной в туристической индустрии в мире и в рамках европейского макрорегиона, получив самый высокий индекс – 5,31 [1, с. 94].

По оценке Всемирного экономического форума, четыре страны – Испания, Франция, Великобритания и Германия – лидируют по прибытиям зарубежных туристов в Европе и входят в топ-10 стран по конкурентоспособности туристской индустрии в мировом рейтинге. Большинство европейских направлений занимают позиции не ниже пятидесятой из 141 в рейтинге, за исключением некоторых стран Восточной Европы, особенно бывших советских республик (за исключением Эстонии, занимающей 38-е место) [2, с. 43].

Итак, отметим главные источники, регулирующие сферу туризма в данных странах.

Туристская деятельность на общенациональном уровне в Королевстве Испания определяется Законом № 48/1963 «О компетенции в области туризма» и Декретом «О деятельности частных туристских предприятий» от 14 января 1965 г. Помимо общенационального, каждая из 17 автономий имеет собственное законодательство по туризму, основные положения которого соответствуют вышеуказанному Закону [3]. Законодательство Испании в сфере туризма устанавливает правила взаимоотношений между туристом и поставщиком туристических услуг, условия лицензирования деятельности в сфере туризма для физических и юридических лиц, порядок предоставления туристических услуг, меры государственного контроля и наказания для нарушителей.

Что касается правового регулирования туризма как объекта гражданских правоотношений в Российской Федерации, то он регулируется законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», который применяется к правоотношениям в сфере туристских услуг в части, не противоречащей нормам Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а в дальнейшем и нормам Закона об основах туристской деятельности [4].

В апреле 1996 года Парламент Испании принял Закон «О комбинированных путешествиях», который четко определил права и обязанности как потребителя, так и туристского агентства. Комбинированным путешествием считается поездка, включающая турпродукт с транспортным сообщением, размещением на ночлег и другими туристскими услугами (например: культурно-массовыми мероприятиями). В Законе указано, как распределяется ответственность в туристской отрасли, и прояснены различные аспекты турпродукта и комбинированных путешествий. Он также устанавливает обязательность включения следующих данных в информационные каталоги: цель и продолжительность путешествия, средства транспорта, вид ночлега, стоимость путешествия, дополнительные предложения, условия и положения для отказа от путешествия. Если данные в каталоге не соответствуют реальности, турист имеет право предъявить иск [5]. Введя данный закон, Испания привела свое законодательство в соответствие с Директивой ЕС 1990 года о туристских услугах [6].

Тогда как, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (далее – Закон о туристской деятельности) [7] стал первым за всю историю нашей страны нормативно-правовым актом отраслевого законодательства, регулирующим гражданско-правовые, в том числе договорные, отношения между исполнителем и потребителем туристских услуг.

Перейдем непосредственно к особенностям оказания туристических услуг с точки зрения законодателя в Испании и РФ.

Общеизвестный факт, что Испания является членом Шенгенского договора, поэтому для въезда в страну требуется получение визы. Граждане ЕС, Исландии, и Норвегии имеют право на безвизовый въезд в Испанию. Тогда как, гражданам 35 стран, включая Новую Зеландию, США, и Канаду, разрешено въезжать в Испанию без визы, при условии, что их пребывание не превысит 90 дней. Туристы из других стран, включая Россию, должны предварительно получить визу. Посетителям, планирующим пребывать в Испании длительное время, рекомендуется обратиться в испанское посольство в своей стране за несколько месяцев до выезда. Время оформления визы для пребывания менее 30 дней составляет одну неделю. Возможно также потребуются личное присутствие клиента на собеседовании [8, с. 214].

Российская Федерация имеет схожую политику. На основании Постановления Правительства РФ от 09.06.2003 № 335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» [9], в зависимости от цели въезда иностранного гражданина в Российскую Федерацию и его предполагаемого пребывания в стране, обычная виза имеет несколько видов:

- 1) Частная (Ч).
- 2) Деловая (Д).
- 3) Туристическая (Т), включая групповую (ТГ).
- 4) Учебная (У).
- 5) Рабочая (Р).
- 6) Гуманитарная (Г).
- 7) Въезд для получения убежища (А).
- 8) Въезд для получения гражданства Российской Федерации (ГР).
- 9) Въезд для получения разрешения на временное проживание в Российской Федерации (ПР).

При этом, частная виза может быть однократной или двукратной на срок до 3 месяцев, либо многократной на срок до 1 года.

Перейдем непосредственно к сравнению судебной практики по делам о защите прав потребителей в сфере оказания им туроператорам и турагентам туристических услуг, в процессе реализации туристического продукта.

Потребитель обратился с просьбой о прекращении договора об организации туристского обслуживания, взыскании стоимости тура, неустойки, морального вреда и штрафа. Он утверждал, что отменил поездку из-за пандемии коронавируса, однако туроператор отказался разорвать договор и вернуть деньги.

Судебные органы решением с отсрочкой исполнения до 31.12.2021 удовлетворили требование потребителя о взыскании стоимости тура, но отклонили требования о неустойке, моральном вреде и штрафе. Они указали на то, что договор был заключен до 31.03.2020, и туроператор освобождается от ответственности из-за форс-мажорных обстоятельств, таких как отмена рейсов, введение усиленного режима готовности и ограничения передвижения. Туроператор предложил потребителю альтернативный продукт, но не получил ответа. Согласно Постановлению Правительства РФ от 20.07.2020 №1073, деньги должны быть возвращены до 31.12.2021.

Решением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2022 N 88-502/2022, 2-197/215-2021 удовлетворены требования потребителя о взыскании средств по договору о приобретении тура и штрафа. Апелляционный суд отменил решение о штрафе и отказал в его взыскании, на что потребитель подал жалобу [10].

Суд кассационной инстанции поддержал решение апелляционного суда, согласившись с мотивацией, согласно которой туроператор несет ответственность за неисполнение договора из-за форс-мажорных обстоятельств, таких как распространение коронавируса. Он также подчеркнул, что туроператор должен вернуть деньги, уплаченные за отмененный тур, но не несет ответственности за неоказание услуг и задержку возврата денег.

Верховный Суд РФ подтвердил выводы судов и не изменил их решение относительно отказа во взыскании штрафа с туроператора.

В Испании, Корпоративная ассоциация специализированных туристических агентств (АСАVe), главный работодатель в этом секторе в Испании, в ближайшие дни подаст жалобу на Ryanair.

АСАVe обвиняют ирландскую транснациональную компанию в распространении ложной информации о том, что туристические агентства не возвращают деньги за отмененные из-за пандемии билеты.

АСАVe просят Ryanair Spain также возместить сумму около 22 миллионов евро, которые она все еще должна туристическим агентствам за рейсы по контракту, отмененные из-за пандемии. Это составляет 15 процентов от 150 миллионов евро, которые авиакомпании Испании все еще должны турагентам. Поскольку турагентства не получили денег за аннулированные билеты, они были вынуждены оплатить их из собственных средств [11].

Несмотря на положительную тенденцию урегулирования сферы туризма в Королевстве Испания и Российской Федерации, всё же, нельзя не обратить внимания и на существующие проблемы, которые возникают в связи с цифровизацией, и распространением туристических услуг посредством сети Интернет.

Безусловно, государство не вмешивается во внутренние отношения участников рынка, такие как вопросы недобросовестной конкуренции, демпинга и сверхскидок. Оно не регулирует торговую политику частных компаний, если они действуют в соответствии с законодательством и выполняют свои налоговые обязательства. Однако власти имеют право вмешаться в работу турагентств, которые были объявлены банкротами судом.

В испанской рознице также практикуется предоставление скидок напрямую туристам. Некоторые крупные сети, такие как El Corte Inglés, вместо скидок предлагают программы лояльности для постоянных клиентов, а также акции на определенные направления, даты или типы продуктов, например, на круизы. Они также

привлекают туристов дополнительными услугами, такими как бесплатное проживание в отеле, SPA-процедуры и другие.

По словам представителя Viajes Olympia, можно наблюдать тенденцию перехода бизнеса в сферу онлайн-технологий. Основные проблемы, которые беспокоят отрасль – это конкуренция с онлайн-турагентствами и обеспечение прибыльности при поддержании конкурентоспособной цены в условиях демпинга.

На основании всего вышеизложенного, одним из существенных различий является уровень развития туристической инфраструктуры. В Испании, как ведущей туристической дестинации Европы, развита более сложная система сертификации и лицензирования туристических предприятий, гостиничного бизнеса и транспортной инфраструктуры. В России, хотя туризм также играет важную роль, правовое регулирование туристической деятельности требует дальнейшего совершенствования и гармонизации с мировыми стандартами.

Еще одним важным аспектом сравнительной характеристики является защита прав потребителей туристических услуг. Обе страны уделяют внимание вопросам защиты прав туристов, включая предоставление достоверной информации, страхование туристов, и механизмы урегулирования споров между потребителями и туристическими компаниями.

Таким образом, хотя обе страны оказывают туристические услуги, их правовое регулирование отличается в зависимости от особенностей развития туристической отрасли, уровня инфраструктуры и прав потребителей. Вследствие чего, необходимо постоянно обмениваться опытом в сфере оказания туристических услуг и реализации туристических продуктов туроператорами и турагентами потребителям, с целью более совершенного регулирования не только споров, возникающих в данной сфере, но и обеспечения комфортного и защищённого, с правовой точки зрения, отдыха туристам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулиева С. Состояние и тенденции развития туризма в Испании в современных условиях. Экономика и бизнес: теория и практика. – № 1. – 2020. – С. 93–97.
2. Захаров А.Н., Игнатъев А.А. Механизмы управления конкурентоспособностью туристской отрасли // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 9. – С. 31–48.
3. Сертификация в международном туризме [Электронный ресурс]. Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: https://bstudy.net/722678/turizm/sertifikatsiya_mezhdunarodnom_turizme (дата обращения: 26.01.2024).
4. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 26.01.2024).
5. Туристское законодательство зарубежных стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://3-net.ru/sign/sign-23024.php> (дата обращения: 26.01.2024).
6. Директива Совета 90/314/ЕЭС от 13 июня 1990 г. о комплексном туризме, комплексном отдыхе и комплексных турах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-pravu-evropejskogo-soyuza/dokumenty-o-pravah-cheloveka-i-grazhdanina/normativnye-akty-o-svobodoperevizheniya-tovarov-lits-i-uslug/direktiva-soveta-90-314-ees-ot-13-iyunya-1990-g-o-kompleksnom-turizme-kompleksnom-otdyhe-i-kompleksnyh-turah-perevod-a-o-chetverikova/> (дата обращения: 26.01.2024).
7. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (последняя редакция) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 26.01.2024).
8. Cuadrado-Roura J. R. Regional Policy, Economic Growth and Convergence. Lessons from Spanish case. Springer. – Verlag. Berlin. 2010. – 330 p.
9. Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы: Постановление Правительства РФ от 09.06.2003 № 335 (ред. от 29.03.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42658/ (дата обращения: 26.01.2024).

10. Решением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2022 № 88-502/2022, 2-197/215-2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=30735008&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 26.01.2024).

11. Туристические агентства Испании подают в суд на Ryanair [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/turisticheskie_agentstva_ispanii_podayut_v_sud_na_ryanair-1838803 (дата обращения: 26.01.2024).

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISATION OF TOURIST SERVICES

Annotation. This article examines the features of tourist services as an object of civil relations, tourist infrastructure, the variety of routes and types of recreation offered, the quality of service, cultural characteristics and unique attractions of each country. The work also includes a legal analysis of tourist destinations, as well as the impact of socio-economic and political factors on the development of the tourism industry in the Russian Federation and the Kingdom of Spain.

Keywords: tour operator, travel agent, consumer, object of civil legal relations, tourist destinations.

Zagoruiko E.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: zagoruiko2003@gmail.com

УДК 343.132.2

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ

Захаров Н.А.

*Научный руководитель: Калмыкова А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе исследуется проблема отсутствия нормы в УПК РФ об обязательном участии адвоката при производстве обыска жилища. Предметом данной работы выступает часть 11 статьи 182 УПК РФ и её недостатки. В данной работе использовался комплекс методов исследования, включающих аналитический метод изучения законодательства и научной литературы, сравнительно-правовой метод для анализа различных научных позиций, а также метод системного анализа для выявления связей и зависимостей между проблемами, описанными в работе. В конце работы были предложены ряд возможных совершенствований статьи 182 УПК РФ, основанные на поиске наиболее справедливого решения возникших проблем.

Ключевые слова: обыск, жилище, адвокат, органы следствия, проживающие в жилище лица.

Исследуя нормы УПК РФ относительно обыска в жилище, можно достаточно легко заметить, что существует глобальная проблема, а именно то, что при производстве обыска, защитник либо адвокат всего лишь имеют право на присутствие при производстве обыска в жилище того лица, который является их клиентом. Соответственно нерешенная часть данного вопроса заключается в отсутствие законодательного закрепления обязательного участия адвоката во время обыска в жилище.

Важным значением данного вопроса в законодательстве, по нашему мнению, выступает наличие серьёзного пробела в области соблюдения прав граждан на неприкосновенность жилища и право гражданина на участие в его деле адвоката.

Цель данной работы заключается в поиске решения по устранению проблемы отсутствия законодательного закрепления обязательного участия адвоката при обыске жилища.

Часть 11 статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) гласит, что: «При производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи. При производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск».

Пункт 5 часть 3 статьи 49 УПК РФ, так же указывает на то, что защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

Часть 2 статьи 49 УПК РФ, устанавливает то, что в качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый.

Статья 25 Конституции РФ [2] гласит, что: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

В научной среде и судебной практике данный вопрос разрабатывался в ряде научных работ и встречался в некоторых судебных делах. К примеру, своё решение проблемы предлагала Прибыткова И.В. Она указывала на то, что: «При производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск. Однако, не указывает на обязательность присутствия данных лиц, что при определенных обстоятельствах может повлечь нарушение конституционных прав обвиняемого. В связи с этим, целесообразно внести изменение в ч. 11 ст. 182, дополнив ее фразой: «при производстве обыска, в отсутствие лица, в жилище которого производится следственное действие, обеспечить присутствие его защитника, адвоката»» [3, с.53].

Конституционный Суд Российской Федерации в своём определении [4] указывает на то, что требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, которые не связаны с дачей лицом показаний и подготавливаются и проводятся без предварительного уведомления лица об их производстве ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств, например, на обыск, проведение которого не приостанавливается для явки адвоката. Это, впрочем, не исключает участия явившегося адвоката лица, в помещении которого производится обыск, в данном следственном действии для оказания ему квалифицированной юридической помощи.

Соответственно мнение Конституционного Суда РФ и научных деятелей полностью отличается. По нашему мнению, в данной ситуации нужно искать компромиссное решение данного вопроса.

Из всего вышеупомянутого можно сделать вывод, что органы, проводящие обыск, вправе не дожидаться, к примеру приезда адвоката, для того чтобы начать производство обыска в жилище.

Также отмечается, что не всегда обыск в жилище, требует срочности, так как могут быть утеряны важные следы преступления. А значит позиция о том, что следователи спешат провести обыск в жилище не дожидаясь адвоката, в некоторых случаях является манипуляцией следствия для ускорения процесса следственного действия, что не всегда бывает крайне необходимо, а соответственно такая позиция, по нашему мнению, является несостоятельной.

Рассматривая этот вопрос, Хаметова А.Р. считает, что следователь не имеет права отказать в присутствии защитника при обыске, при этом, на органы следствия и дознания не накладываются обязательства по извещению защитников об обыске.

Наиболее рациональной является ситуация, когда лицо, в помещении которого будет производиться обыск, выражает желание использовать право на адвоката, и следователь при этом обязуется приостановить производство обыска или выемки до момента прибытия адвоката. Тем не менее, такой вполне логичный постулат не нашел законодательного выражения [5, с.104].

В целом можно отметить, что потенциальное участие адвоката при обыске в жилище будет способствовать соблюдению следующих прав жильцов:

1) Право на неприкосновенность жилища. Адвокат будет контролировать законность проведения обыска и соблюдение прав жильцов.

2) Право на защиту. Адвокат будет представлять интересы жильцов при проведении обыска и защищать их права от нарушений.

Если более подробно раскрывать данный вопрос и отмечать все плюсы участия адвоката при проведении обыска в жилище, то можно отметить, что адвокат имеет право знакомиться с постановлением о производстве обыска, присутствовать при его проведении, давать объяснения и замечания по поводу проведения обыска, обжаловать действия должностных лиц, осуществляющих обыск и ещё осуществлять ряд действий, которые будут иметь место в аспекте соблюдения всех прав граждан, в жилищах которых проводится такое следственное действие, как обыск.

Так же немаловажным элементом является фактор моральной помощи лицу, в чьём жилище проводится обыск. Стоит сказать, что проведение любых следственных действий в жилище, это серьёзнейший ментальный стресс для любого человека, так как большинство граждан не связаны с данной областью деятельности никаким образом. И в такой ситуации важна эмоциональная и психологическая поддержка обвиняемого в ходе обыска. Адвокаты потенциально могут помочь обвиняемому понять свои права и обязанности, справиться с возможным стрессом и напряжением, связанными с проведением обыска.

Подводя промежуточный итог относительно различных научных позиций по вопросу, исследуемому в работе, отмечается то, что данная тема широко обсуждалась в научной сфере. Одни авторы выступают за приостановку следственных действий до прибытия адвоката, другие предлагают обязательное участие адвоката в отсутствие собственника жилья или его совершеннолетних членов семьи. Если говорить кратко, то большинство авторов согласны с тем, что определенная форма обязательного присутствия адвоката необходима при обыске в жилище, если этого желают лица, проживающие в нём.

По нашему мнению, относительно данного вопроса позиция каждой стороны является в отдельной части верной.

Соответственно предлагается следующее:

1) Закрепить в части 11 статьи 182 УПК РФ, в качестве второго абзаца следующее: «В ситуации, когда лица, проживающие в жилище, решили воспользоваться своим правом приглашения на время обыска в жилище адвоката, предоставить им разумный срок, в течении которого они должны будут обеспечить прибытие адвоката в жилище, в котором должен проводиться обыск. Срок, который предлагается установить для приглашения адвоката, который будет участвовать в обыске жилища, должен составлять 24 часа с момента, когда проживающие в жилище лица изъявили соответствующее желание. В течение данного периода времени, следственные органы не вправе начинать производство обыска в жилище».

Это решит сразу ряд проблем. Во-первых, это обеспечит полноценное право граждан на защиту своих прав по неприкосновенности их жилища, а с другой стороны закрепит невозможность злоупотребления своим положением со стороны лиц, проживающих в жилище, в аспекте возможного затягивания процесса приобщения к производству обыска в жилище адвоката, а соответственно отложения сроков

проведения обыска в жилище как такового. Во-вторых, это ограничит возможность злоупотребления своими полномочиями органов следствия, проводящих обыск в жилище, а именно того, что на данный момент, даже в ситуации, когда проживающие в жилище лица изъявили желание пригласить адвоката на время производства обыска в жилище, органы следствия пусть и не могут отказать жильцам в таком праве, но могут начать производство обыска в жилище, не дожидаясь адвоката, а соответственно по своему желанию, либо по каким-то иным причинам, что так же не будет нарушением норм действующего УПК РФ. Данная норма не должна распространяться на случаи, когда производство обыска в жилище не терпит отлагательства, и указанное следственное действие может быть произведено на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения.

2) Закрепить в части 11 статьи 182 УПК РФ норму о том, что, в ситуации отсутствия в жилище лиц, проживающих в нём, и при необходимости проведения обыска в данном жилище, приглашать сотрудников органов местного самоуправления либо сотрудников органов жилищно-коммунальных хозяйств, которые обязуются представлять интересы проживающих в жилище лиц. И в данной ситуации необходимо закрепить обязательство предоставления государственного адвоката во время обыска такого жилища, что будет дополнительной гарантией защиты прав граждан, кому данное жилище принадлежит, но на данный момент по тем или иным обстоятельствам такое лицо не может присутствовать при проведении обыска в его жилище.

Как итог, данный вопрос, является достаточно спорным и дискуссионным в научной среде. Но по итогу анализа различных правовых научных позиций и судебной практики, нами были выработаны наиболее рациональные предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере, что поможем в полной мере совершенствовать УПК РФ в вопросе справедливости его положений и баланса между государственными запретами и дозволениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 18.01.2024).
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 18.01.2024).
3. Прибыткова И.В. Обеспечение права на неприкосновенность жилища обвиняемого и законность вторжения в него // Достижения науки и образования. – 2018. – №19 (41). – С. 50 -55.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 N 4-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14012020-n-4-o-po/> (дата обращения: 18.01.2024).
5. Хаметова Альфия Рашидовна Актуальные вопросы производства обыска и выемки // Юридическая наука. – 2022. – №3. – С. 101 – 106.

THE IMPORTANCE OF THE PARTICIPATION OF A LAWYER DURING A HOME SEARCH

Annotation. This paper examines the problem of the lack of a norm in the CPC of the Russian Federation on the mandatory participation of a lawyer during a home search. The subject of this work is part 11 of article 182 of the CPC RF and its shortcomings. In this work used a set of research methods, including analytical method of studying legislation and scientific literature, comparative legal method to analyse different scientific positions, as well as the method of system analysis to identify links and dependencies between the problems described in the work. At the end of the work, a number of possible improvements to Article 182 of the CPC of the RF were proposed, based on the search for the most equitable solution to the problems encountered.

Keywords: search, home, lawyer, investigating authorities, persons living in the home.

Zakharov N.

Scientific adviser: Kalmykova A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: n.z4harov@gmail.com

УДК 347.21

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ СТРЕМИТЕЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Иванова Э.Д.

*Научный руководитель: Борухова М. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе исследуется влияние процесса цифровизации на гражданское законодательство, рассматриваются основные направления политики Российской Федерации в рамках цифровой трансформации системы государственного управления, а также анализируются возможные пути развития Российской Федерации как цифрового государства.

Ключевые слова: цифровизация, информационная безопасность, объекты гражданского права, государственное управление.

Цифровизация – сложный и многоэтапный процесс, являющийся значимым фактором как для правового государства, так и для мировой экономики. Развитие информационных технологий и цифровизации в Российской Федерации привели к значительным изменениям как в отдельных сферах жизни, так и в обществе в целом. Информационные процессы влекут возникновение новых отношений, требующих особого правового регулирования. Использование электронных трудовых книжек, медицинских карт, электронных платежных систем, Интернет-банкинга, ведение судебного делопроизводства в электронной форме, электронный документооборот, возможность подачи электронного обращения, жалобы, использование электронных подписей – все это современная действительность. При этом, основной задачей юриста является осуществление эффективного использования указанных механизмов в правовом поле для того, чтобы улучшить качество и значительно повысить скорость совершения процессуальных действий.

Причинами развития информационных технологий являются стремление к улучшению и развитию качества жизни человека, потребность в комфортном и быстром доступе к большим объемам информации. Комарова В. В. в будущем определяет цифровизацию как «взаимодействие государства и гражданина, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных границ» [1, с. 80]. Суть цифровизации заключается в переносе объектов гражданских прав как материальных вещей в информационную среду, существующую в виде цифровых кодов [2, с. 60].

Актуальность данной темы обусловлена тем, что нарушение информационной безопасности может привести к катастрофическим последствиям и причинить существенный ущерб национальной безопасности государства. Стремительное развитие Российской Федерации (далее – РФ) в сфере информационных технологий повлекло за собой необходимость в усовершенствовании российского законодательства, развитии нормативно-правового регулирования охраны информации и создания эффективной системы контроля в области кибербезопасности.

Целью научной работы является исследование влияния процесса цифровизации на гражданское законодательство в рамках становления информационного общества на

основе сравнительного анализа как аспектов общественных правоотношений, которые уже регулируются с помощью цифровых технологий, так и основных направлений политики РФ в рамках цифровой трансформации системы государственного управления, а также систематизация возможных путей развития правового регулирования в сфере информационных технологий.

В настоящее время правовое регулирование в новом для РФ «цифровом» обществе остается недостаточно эффективным и отстает от стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, использование которых неразрывно связано с вопросом безопасности электронного документооборота, сохранности персональных данных граждан и конфиденциальной информации. Случаи утечек персональных данных – это не редкость, а серьезная проблема на протяжении нескольких лет, которая остро нуждается в решении. Так, например, по данным центра мониторинга внешних цифровых угроз Solar AURA ГК «Солар», лишь за 2023 год в публичный доступ попали данные около четырехсот российских организаций, что приравнивается как минимум к одной утечке данных в день [3].

Большое влияние цифровизация оказывает на гражданское право, поскольку значительно расширяет его предмет и увеличивает правовую ответственность граждан и юридических лиц. Появляются новые объекты гражданских прав и формы их реализации. Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ был утвержден такой объект гражданских прав, как цифровые права [4]. В соответствии со статьей 141.1 Гражданского кодекса РФ под цифровыми правами следует понимать обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [5]. Следовательно, объекты гражданских прав, а именно вещи и иное имущество, в том числе имущественные права, могут быть представлены в электронной форме.

Как справедливо отмечает Усачева Т.А. цифровое право возникает в цифровой среде за счет привязки к электронному маркеру (токену). Кроме того, она указывает: «Формулировка «цифровое право» является неоднозначной, поскольку наличие этой дефиниции в тексте закона подразумевает пояснении содержания этого права. Реальное значение понятия «цифровое право» заключается в выражении технического термина «токен», который обозначает привязку информации об имущественном праве» [6, с. 5].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что отсутствие правового закрепления термина «токен», как средства выражения цифровых прав, негативно влияет на понимание цифрового права, в неполной мере раскрывая правовую природу объектов цифровых прав. По нашему мнению, цифровые права как объект гражданских прав следует понимать, как выражение имущественных прав в электронном виде, а не относить их к новому виду прав.

С приходом цифровых технологий меняется также и сфера интеллектуальной собственности, а именно авторское право. Например, использование свободных лицензий дает возможность создавать производные произведения без нарушения авторских прав, что существенно расширяет границы осуществления исключительного права в цифровом пространстве. Однако, проблема реализации авторских прав в цифровом пространстве остается актуальной в наши дни. Основными причинами являются, во-первых, недобросовестное использование общедоступной информации гражданами-пользователями, в силу активных действий которых и возникают правоотношения относительно данной информации. Наиболее частыми нарушениями авторских прав в сети Интернет являются распространение аудио- и видеозаписей и копирование текста без согласия автора и правообладателя. Во-вторых, это слабая защищенность и ненадежность информационных ресурсов, содержащих результаты

интеллектуальной деятельности. Решением проблемы нарушения авторских прав в сети могут стать внедрение в объекты интеллектуальной деятельности определённых ключевых идентификаторов, а также принятие правовых и организационных мер, которые будут надлежащим образом обеспечивать защиту интеллектуальной собственности от неправомерного доступа, копирования, распространения, а также от иных неправомерных действий.

Необходимо отметить также механизм информации о правах и правообладателях на основе блокчейн-технологий, которые оказывают большое влияние на систему права интеллектуальной собственности, поскольку обеспечивают безопасный способ каталогизации нематериальных объектов и прав на них с помощью использования цифрового сертификата подлинности. Например, на основе блокчейн-технологий создан такой проект, как Блокчейн-платформа лояльности BioCoin, одна из задач которой – помощь фермерскому хозяйству и малому бизнесу [7]. Как подчеркивает Шахназаров Б.А. блокчейн-реестры для охраны прав на объекты интеллектуальной собственности могут быть практичным методом, позволяющим правообладателям эффективно защищать и использовать результат их интеллектуальной деятельности одновременно в нескольких странах [8, с. 123].

В настоящее время Правительством РФ сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7, целью которой является обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере [9]. В рамках данной программы существует федеральный проект «Цифровые технологии». Главная цель проекта – обеспечение технологической независимости государства и конкурентоспособности на рынке, ускорение технологического развития российских компаний. В рамках проекта будет осуществлен комплекс мероприятий, направленный на поддержку малых и крупных компаний, разрабатывающих решения в сфере информационных технологий, а также на развитие высокотехнологичных направлений, таких как квантовые коммуникации, квантовые вычисления, мобильные сети связи пятого поколения.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» направлен на достижение национальной цели, а именно на увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 году. Планируется проведение ряда мероприятий, нацеленных на цифровую трансформацию системы государственного управления, с целями цифровизации процессов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций государственными органами власти, стимулирования граждан к получению государственных и муниципальных услуг в электронном виде, а также цифровая трансформация услуг и взаимоотношений в обществе.

Активный переход к цифровым взаимоотношениям в обществе и цифровизация процессов использования государственных услуг уже наблюдается в возможности использования документов граждан в электронном виде. Так, согласно Указу Президента РФ от 18.09.2023 N 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий» представление паспорта в электронном виде через приложение «Госуслуги» приравнивается к предъявлению оригинала документа [10].

Создание механизмов взаимодействия медицинских организаций на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения лежит в основе национального проекта «Здравоохранение», одна из задач которого – трансформация процессов организации системы здравоохранения за счет автоматизированного информационного сопровождения.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что информационные технологии становятся неотъемлемой частью современного государственного управления. При этом, следует отметить, что в условиях стремительного внедрения цифровых технологий задача защиты и безопасности электронного документооборота, сохранности персональных данных, а также государственной, служебной и коммерческой тайны в информационно-коммуникационной среде становится особо важной. Только гарантия технологической независимости и информационной безопасности может обеспечить надежное функционирование цифровой инфраструктуры. Следовательно, необходимо усовершенствовать нормативно-правовое регулирование в сфере безопасной обработки информации, а также разработать технологии, обеспечивающие мониторинг надлежащего использования информационных технологий.

Информационная безопасность должна соответствовать и обладать определенным требованиям такими, как конфиденциальность данных, а также их целостность [11, с. 616]. Это обеспечит сохранность информации от неавторизованных субъектов системы, а также позволит гарантировать невозможность изменения, уничтожения и потери данных, в результате незаконных действий или несанкционированного доступа к информации.

Таким образом, изменение в последние годы социальной среды российского общества привело к изменению национальных интересов РФ, что, соответственно, повлекло необходимость поиска и разработки новых подходов к регулированию отношений общества и государства в рамках процесса цифровизации. Открытым остается вопрос адаптации правового института интеллектуальной собственности в условиях мировой цифровизации общества. Сложность данного вопроса обусловлена рядом факторов: повышается вероятность различных трактовок правовых подходов в меняющихся условиях в разных юрисдикциях, увеличивается количество заинтересованных сторон, на которых оказывает влияние развитие информационных технологий, а также отличия законодательств и правоприменительной практики в сфере в других странах.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что цифровая трансформация в системе государственного управления в связи с процессом цифровизации требует большей гибкости. Правовое регулирование в отдельных отраслях значительно отстает от активного роста технологий. Нарушение информационной безопасности может причинить большой ущерб национальной безопасности РФ. Многочисленные утечки данных по всей территории страны, взломы и кража конфиденциальной информации являются следствием отсутствия надежной системы информационной безопасности. В связи с этим, вопрос об информационной защите имеет глобальный характер и является одной из важнейших проблем в наше время. Для ее решения необходим комплексный подход по разработке мер, направленных на защиту цифровых систем, усилению информационного контроля и разработке механизмов по усилению кибербезопасности.

Гражданское право подвергается динамичной трансформации наряду с глобальным внедрением информационных технологий. Можно говорить о том, что в настоящей эпохе развития информационных технологий и адаптации правовых механизмов к современным условиям постепенно будет формироваться новый взгляд на правовые институты.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», состоящая из федеральных проектов, направленных на цифровизацию всех сфер жизни общества, дает основание полагать, что в будущем реализация ее целей и задач обеспечит полное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере, что приведет к технологической независимости российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комарова В. В. Формы обеспечения баланса интересов населения и публичной власти в России // Право и государство: теория и практика. 2015. № 12 (132). С. 79-81.
2. Порываева О. В. Некоторые аспекты влияния цифровизации на гражданское // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. №3. – С. 60-62.
3. TAdviser // Интернет-портал и аналитическое агентство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Утечки_данных_в_России.
4. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 10.02.2024).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) принят 30.11.1994 г., по состоянию на 24.07.2008 №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 30.11.1994. – № 32. – Ст. 3301.
6. Усачева Т.А. Цифровые права, как объекты гражданских прав // StudNet. – 2021. – N5. – С. 1-6.
7. Coinpaprika // Международная блокчейн-платформа лояльности токен. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coinpaprika.com/storage/cdn/whitepapers/6399765.pdf>
8. Шахназаров Б.А. Комплексная взаимосвязь блокчейн-технологии и объектов интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – С. 121-145.
9. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digital.gov.ru>.
10. Указ Президента РФ от 18.09.2023 N 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий».
11. Полухтин И.М. Кибербезопасность в условиях цифровизации системы права // Вестник науки. 2023. №6 (63) Т.4. – С. 613-617.

DEVELOPMENT OF CIVIL LEGISLATION IN CONDITIONS OF RAPID DIGITIZATION OF SOCIETY

Annotation. This paper examines the transformation of civil legislation under the influence of digitalization examines the main policy directions of the Russian Federation within the framework of the digital transformation of the public administration system and analyzes possible ways for the development of the Russian Federation as a digital state.

Keywords: digitalization, information security, objects of civil law, public administration.

Ivanova E.

Scientific adviser: Borukhova M., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: elina.ivanovva35@gmail.com

УДК 331.5-053.6

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗБОЯ КАК НАСИЛЬСТВЕННОГО ВИДА
ХИЩЕНИЯ**

*Иванцова А.В.
Научный руководитель: Калмыкова А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье осуществляется обобщение и систематизация проблемных аспектов квалификации проблем разбоя, путей их решения, выделяется проблема неопределенности в российском законодательстве понятия психологического насилия и неоднозначности разъяснений Верховного Суда Российской Федерации о его сущности, как средства совершения разбоя, предлагается авторская

формулировка психологического насилия, предлагаемая к закреплению в качестве примечания к ст. 162 УК РФ, а также констатируется необходимость проведения дальнейших исследований по заявленной тематике.

Ключевые слова: хищение, разбой, имущество, насилие, угроза насилия, психологическое насилие, проблемы квалификации.

Обзор научной литературы свидетельствует о том, что по вопросу квалификации разбоя и проблемам в данном процессе уделено множество внимания среди исследователей. Например, в публикациях В. Н. Старосветской [1, с. 167], В. А. Стрельникова [2, с. 360] осуществлялся правовой анализ, изучались характеристики его состава, анализировались точки зрения учёных, выделялись проблемы квалификации. В работе Т. А. Павловой также отражены актуальные проблемы квалификации разбоя, однако в своем труде исследователь также акцентировал внимание на необходимость совершенствования законодательства Российской Федерации относительно отграничения разбоя от смежных составов, а именно грабежа с применением насилия [3, с. 168]. В то же время, проблемы квалификации разбоя в трудах учёных раскрывается недостаточно, многие работы не имеют конкретных результатов и путей решения проблем.

Учитывая изложенное, цель статьи – выделить проблемы квалификации разбоя и выработать предложения по их устранению.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) уголовная ответственность за разбой устанавливается в ст. 162 УК РФ, которая предусматривает основной и квалифицированный, особо квалифицированный составы [4]. Однако в рассматриваемой статье речь идёт о простом составе разбоя, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ. Данная норма уголовного закона определяет, что рассматриваемый вид преступления представляет собой нападение, с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия.

Характеризуя объект разбоя следует учитывать неоднородную природу общественных отношений, на которые посягает преступное деяние. С одной стороны, преступление направлено против имущественных отношений, складывающихся в обществе, определяющих порядок приобретения прав на имущество и распоряжение им в соответствии с порядком, установленным гражданским законодательством. Соответственно определяется основной непосредственный объект разбоя.

С другой стороны, простой состав разбоя указывает на особенности завладения такого имущества, которые выражаются способом, а именно применением насилия, опасного для жизни и здоровья человека или угрозой применения насилия. В данном ключе выделяется дополнительный непосредственный объект разбоя, на который посягает преступление – это жизнь и здоровье человека, находящиеся под защитой государства.

Предметом разбоя обычно выступают имущество материальной формы, обладающее высокой ценностью, это денежные средства, ювелирные изделия, движимое и недвижимое имущество потерпевшего.

Из описания ч.1 ст. 162 УК РФ выделяются ключевые компоненты, относящиеся к данному преступлению, а именно к его объективной стороне: нападение, хищение чужого имущества, насилие и его применение, опасность примененного насилия для жизни и здоровья человека, угроза применения насилия (при этом не уточняется, что угроза применения насилия должна также подразумевать эквивалентный уровень причиняемого ущерба, то есть такого насилия, что будет угрожать здоровью и жизни человека).

В научной литературе, данные понятия по-разному интерпретируются, однако высокая значимость при квалификации разбоя отводится Постановлению Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 №29 (ред. от 15.12.2022) [5]. Посредством анализа и синтеза его положений можно отметить, что:

1. Нападение – это активные действия, направленные на внезапное нападение на потерпевшего с целью захвата или отнятия его имущества. Нападение характеризуется внезапностью и неожиданностью, что лишает жертву возможности защитить себя и свое имущество.

2. Цель хищения чужого имущества – это мотив преступления, при котором лицо нападает с намерением завладеть имуществом другого человека без его согласия. Хищение предполагает противоправное изъятие и присвоение чужой собственности, что является основной целью совершения преступления.

3. Насилие и его применение – действия, включающие физическую силу по отношению к потерпевшему, причинение боли или физического повреждения. Насилие может быть как реальным, так и угрожаемым, и используется как средство преодоления сопротивления жертвы для достижения цели хищения.

4. Опасность примененного насилия для жизни и здоровья человека – это степень риска, которую представляют собой действия нападающего. Оценивается в зависимости от возможных последствий для физического состояния жертвы, вплоть до угрозы жизни в соответствии с Приказом Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 N 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [6]. Также отмечается, что даже если насилие не привело к реальному ущербу, но могло потенциально причинить серьезный вред здоровью или жизни, оно считается опасным, на что указывает п. 6.1 указанного приказа и других норм, детализирующих медицинские критерии квалифицирующих признаков тяжести вреда здоровью.

5. Угроза применения насилия – это заявление или поведение, которые однозначно указывают на готовность нападающего применить насилие в случае сопротивления или неповиновения со стороны жертвы. Угроза может быть выражена вербально или невербально, и она должна быть воспринята потерпевшим как реальная опасность для его здоровья или жизни. Угроза применения насилия сама по себе является формой психологического давления и способствует достижению преступной цели.

Следует отметить, что вопрос применения психического насилия не нашёл достаточного отражения ни в нормах УК РФ, ни в рассматриваемом разъяснении Верховного Суда РФ, проблемы на практике возникают в процессе оценки психического насилия. В судебном разъяснении понятие «психический» применяется лишь дважды: в разъяснении судам о тактике квалификации разбоя, сопряженного с угрозой применения оружия или предметов, которые злоумышленник намеревается применить в качестве него (п. 23 постановления) и в контексте описания психического состояния потерпевшего, а именно наличия психического расстройства, которое не имеет значения для квалификации деяния виновного (п.23. 1 постановления).

В различных научных источниках имеются свидетельства того, что учёные неоднократно предпринимали попытки сформулировать понятие психического насилия с точки зрения уголовного права, в связи с чем на сегодняшний день, научная среда полнится различными вариациями авторских интерпретаций.

Обобщая и систематизируя позиции имеющихся в науке суждений следует отметить, что психическое насилие, как средство совершения преступления – это действия или угрозы, направленные на причинение морального страдания, страха, чувства беспомощности или психологического давления на человека. В отличие от физического насилия, психическое не оставляет видимых телесных травм, но может иметь серьёзные последствия для психического состояния жертвы и вызвать длительные эмоциональные расстройства.

Следует согласиться с мнением Д.Е. Дроздова, который в своей публикации по данному вопросу отметил, что психическим насилием называется форма насилия, которая основана на использовании слов, поведения или других нетелесных средств для унижения, угрозы, контроля или манипуляции над другим человеком. Также следует отметить правильность доводов учёного, заключающееся в том, что психическое насилие может иметь неоднородную форму, быть эмоциональным, психологическим или вербальным [7, с. 297].

Анализируя мнение исследователя следует отметить, что:

1. Эмоциональное насилие – это действия, которые направлены на причинение эмоциональной боли, унижение самооценки, вызов чувства стыда или вины.

2. Психологическое насилие – это манипуляции и контроль, целью которых является подавление воли и независимости человека.

3. Вербальное насилие – это использование слов в агрессивной, унижительной форме. К вербальному насилию относятся оскорбления, крики, угрозы и любые другие словесные выражения, которые могут причинить психическую травму.

Учитывая проблемы разграничения грабежа и разбоя, на которые неоднократно указывают как учёные науки уголовного права, так и Верховный Суд Российской Федерации, возможно, было бы правильным закрепить в ст. 162 УК РФ примечание, в котором отразить понятие психологического насилия, редакцию данного нововведения можно было бы изложить следующим образом: «Под психологическим насилием в рамках данной статьи понимается умышленное создание у потерпевшего убежденности в неизбежности неминуемого применения физического насилия в случае невыполнения требований виновного, несмотря на отсутствие непосредственного физического контакта. Такое насилие может осуществляться путем угроз, запугивания или иных действий, направленных на психическое подавление воли потерпевшего, в результате чего последний, находясь в состоянии страха или беспомощности, вынужден совершить действия по принуждению, вопреки своей воли».

Такая формулировка наиболее чётко коррелирует с примером, приведенным доктором юридических наук В.В. Векленко, описывавший пример расследования уголовного дела, возбужденного по ст. 162 УК РФ, когда «трое неустановленных лиц вступили в преступный сговор и совершили разбойное нападение на семью с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия. В ходе разбойного нападения один из преступников в присутствии хозяев квартиры ударил комнатную собаку металлической трубой по голове. Затем Ш. схватил собаку рукой за горло и охотничьим ножом перерезал ей горло, что повлекло гибель собаки. Затем Ш. бросил окровавленную собаку на диван, где сидели потерпевшая и ее сын, и высказал угрозу, что если потерпевшая не отдаст деньги, то с ее семьей произойдет то же самое. Потерпевшая, восприняв угрозу реально, отдала деньги в сумме 166 040 руб. Ш. был осужден по статьям 162 и 245 УК РФ» [8, с. 134].

Вышеуказанный пример наиболее ярко отражает особенности совершения разбоя, когда угроза причинения вреда направлена не по отношению к жертве, а к имуществу, в указанном примере выше – собаке, с которой у жертвы очевидно установлена устойчивая психологическая и эмоциональная связь.

Предложенное ранее определение психологического насилия, предлагаемого к закреплению в качестве примечания к ст. 162 УК РФ, подчеркивает умышленность действий виновного, направленных на вызывание страха и беспомощности у жертвы, а также выделяет, что физическое насилие не обязательно должно быть применено именно к жертве, достаточно убедительной угрозы его применения. Это помогает разграничить разбой от насильственного грабежа, где физическое насилие или угроза его применения может быть менее значительной или непосредственной.

Резюмируя сказанное необходимо отметить, что проблемы квалификации разбоя множественны и требуют более предметного и углубленного исследования, поскольку на практике существуют затруднения в отграничении разбоя от смежных составов. Одной из проблем, выбранной для решения в данной статье выступила проблема закрепления понятия, видов и критериев определения психического насилия, совершаемого при простом грабеже. Отмечена неоднозначность судебной практики и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно интерпретации понятия психического насилия, как средства совершения разбоя. В целях решения проблемы предложена авторская формулировка примечания к ст. 162 УК РФ: «Под психологическим насилием в рамках данной статьи понимается умышленное создание у потерпевшего убежденности в неизбежности неминуемого применения физического насилия в случае невыполнения требований виновного, несмотря на отсутствие непосредственного физического контакта. Такое насилие может осуществляться путем угроз, запугивания или иных действий, направленных на психическое подавление воли потерпевшего, в результате чего последний, находясь в состоянии страха или беспомощности, вынужден совершить действия по принуждению, вопреки своей воли». Дополнение такой формулировкой УК РФ может помочь придать единства на практике в понимании природы психического насилия, которое может быть обращено злоумышленником не только к жертве, но и к имуществу, ценностям, имеющим высокое значение для неё. Вместе с этим, предложенный термин не претендует на полноту и научную точность, поскольку для дополнения ст. 162 УК РФ требуется проведение соответствующего семантического исследования, а также компаративного анализа со смежными с указанным статьей составами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Старосветская, В.Н. Проблемы квалификации разбоя / В.Н. Старосветская // Моя профессиональная карьера. – 2021. – Т. 1, № 21. – С. 167-173.
2. Стрельников, В.А. Проблемы квалификации разбоя. Правовой анализ / В. А. Стрельников // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2021. – С. 360-362.
3. Павлова, Т.А. Проблемные вопросы судебной практики при отграничении разбоя от смежных составов преступлений / Т.А. Павлова // Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. – Пенза: 2023. – С. 168-170.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 31.01.2024)
5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29 (ред. от 15.12.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412 (Дата обращения 31.01.2024)
6. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. (ред. от 18.01.2012) №194н [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79398/ (Дата обращения 31.01.2024)
7. Дроздов, Д. Е. Понятие и признаки психического насилия / Д. Е. Дроздов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 297-302.
8. Векленко, В. В. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации / В. В. Векленко, Е. Н. Бархатова // Современное право. – 2013. – № 7. – С. 134-137.

PROBLEMS OF ROBBERY QUALIFICATION

Annotation. The article generalizes and systematizes the problematic aspects of the qualification of robbery problems, ways to solve them, highlights the problem of uncertainty in Russian legislation of the concept of psychological violence and the ambiguity of explanations by the Supreme Court of the Russian Federation about its essence as a means of committing robbery, suggests the author's formulation of psychological violence, proposed to be fixed as a note to Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation, and It is also stated that there is a need for further research on the stated topic.

Keywords: theft, robbery, property, violence, threat of violence, psychological violence, qualification problems.

Ivantsova A.

Scientific adviser: Kalmykova A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: anastasia_ivantsova2002@mail.ru

УДК 347.133.8

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Касьян С. С

*Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются существенные условия договора доверительного управления, предусмотренные Гражданским Кодексом Российской Федерации. В работе анализируется предмет договора, а также рассматривается обоснованность установленного законом перечня существенных условий. Делается вывод о необходимости внесения изменений в Гражданский Кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: договор, доверительное управление, существенные условия, имущество.

Доверительное управление имуществом собственника является новым правовым институтом для российского гражданского законодательства, нашедшим свое легальное закрепление в главе 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1].

По договору доверительного управления имуществом одна сторона – учредитель управления – передает другой стороне – доверительному управляющему – на определенный срок имущество (или его часть) в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя).

Институт договора доверительного управления возник относительно недавно, что влечет за собой множество проблем как теоретического, так и практического характера. В связи с этим существует немало пробелов в его правовом регулировании. Из чего вытекает цель настоящей работы – поиск пробелов в законодательстве и предложения по их восполнению.

Особый интерес для работы вызывают существенные условия этого договора, т.е. условия, необходимые и достаточные для того, чтобы договор считался заключенным и тем самым способным породить права и обязанности у его сторон [2, с. 296].

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

К числу общих существенных условий договора доверительного управления п. 1 ст. 1016 ГК РФ отнесены:

– точное обозначение состава имущества, передаваемого в доверительное управление (поскольку, в частности, по окончании срока действия договора это имущество подлежит возврату учредителю);

– наименование выгодоприобретателя (юридического лица или гражданина), в пользу которого учреждается доверительное управление, в том числе и в случаях, когда бенефициаром по этому договору является учредитель управления;

- размер и форма вознаграждения управляющему, если только договор не является безвозмездным;
- срок действия договора.

Данный перечень вряд ли можно назвать исчерпывающим. В нем приведены «общие» существенные условия данного договора. Помимо них, федеральными законами могут устанавливаться и другие обязательные условия для определенных видов имущества. Например, ФАС Московского округа от 03.02.2010 N КГ-А40/14920-09-П по делу N А40-50830/07-138-335 пришел к выводу, что для передачи в доверительное управление акционерным обществом принадлежащего ему имущества, стоимость которого превышает 25% балансовой стоимости активов общества, необходимо согласование этой сделки как крупной в порядке, предусмотренном ст. 79 ФЗ «Об акционерных обществах», о чем говорится в соответствующем постановлении [3]. Следовательно, согласование этой сделки и будет выступать существенным условием в данном отдельно взятом случае.

В другом случае, например, при учреждении нотариусом доверительного управления наследственным имуществом необходимо получить оценку той части имущества, которая будет передана в доверительное управление от независимого оценщика.

Но всё же в этой работе детально будут рассмотрены только «общие» существенные условия.

Начать разбор этих условий договора необходимо с его предмета. Цель договора доверительного управления – как ни странно, управление имуществом в интересах определенного лица. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что предметом данного договора выступает не имущество, передаваемое в управление, а осуществление любых фактических и юридических действий в интересах выгодоприобретателя с учетом ограничений, установленных законом и договором. Формулировка «любые действия» означает, что доверительному управляющему по принципу «можно все, что не запрещено» дозволено все, что прямо не запрещено законом или договором.

Так как предмет договора доверительного управления по своей сути определяет полномочия доверительного управляющего, считаем необходимым внести его в перечень, установленный п. 1 ст. 1016 ГК РФ.

Следующим существенным условием является объект договора.

Состав переданного в управление имущества должен быть четко определен. Это необходимо потому, что по общему правилу имущество по окончании договора доверительного управления должно быть возвращено собственнику. Кроме того, именно это имущество в первую очередь направляется на погашение долгов по обязательствам, связанным с доверительным управлением [4, с. 35]. Без четкого указания имущества, переданного в доверительное управление, его конкретизации исполнение обязательства обеими сторонами попросту невозможно.

Следовательно, представляется возможным считать состав имущества ключевым условием договора доверительного управления наравне с предметом.

В соответствии со ст. 1013 ГК РФ объектом доверительного управления могут выступать:

- предприятия и другие имущественные комплексы;
- отдельные объекты, относящиеся к недвижимому имуществу;
- ценные бумаги;
- права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, которые в данном случае на основании абз. 1 п. 1 ст. 149 ГК РФ могут быть приравнены к документарным ценным бумагам;
- исключительные права, которые, на основании ст. 1226 ГК РФ, носят имущественный характер;

– другое имущество.

Данный перечень не является исчерпывающим, о чем свидетельствует формулировка «и другое имущество».

Имущество по договору должно обладать свойством юридической обособленности от другого имущества учредителя управления, а также от имущества доверительного управляющего, то есть отражаться на отдельном балансе и подвергаться самостоятельному учету. Исходя из этого появляется вопрос, может ли быть передано в доверительное управление имущество, определяемое родовыми признаками?

Прямого запрета на передачу в доверительное управление вещей, определенных родовыми признаками, в законе не содержится, однако, как правило, в доверительное управление передается индивидуально определенное имущество.

Точно можно сказать только одно: любой такой объект должен обладать свойством экономической целесообразности его управления, что подразумевает под собой получение определенных выгод в экономической или натуральной форме в результате управления им.

На передачу в доверительное управление определенных видов объектов гражданских прав может быть установлено ограничение, например, ч. 1 ст. 13 ФЗ «Об инвестиционных фондах» устанавливает, что в доверительное управление открытым и интервальным паевыми инвестиционными фондами могут быть переданы только денежные средства. Необходимо отметить, что передача в доверительное управление денежных средств допускается, если доверительным управляющим является кредитная организация либо иное юридическое лицо, получившее разрешение (лицензию) на осуществление доверительного управления денежными средствами граждан и юридических лиц.

Такие ограничения устанавливаются не ГК РФ, а иными нормативно-правовыми актами.

Касательно установленных законодателем запретов, в доверительное управление не могут быть переданы:

а) имущество, находящееся в хозяйственном ведении или оперативном управлении (п. 3 ст. 1013 ГК РФ);

б) доходы от размещения бюджетных средств на банковских депозитах, за исключением случаев, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ.

Включение в перечень существенных условий наименования (юридического лица) или имя учредителя управления или выгодоприобретателя (физического лица) выглядит неуместным. Безусловно, это позволяет определить субъектный состав договора, однако следует различать ситуации, когда выгодоприобретателем по договору является учредитель управления, а когда третье лицо. По умолчанию выгодоприобретателем по договору доверительного управления выступает хозяин имущества, переданного в доверительное управление – учредитель управления, который является стороной договора (за исключением случаев, когда в доверительное управление передается наследуемое имущество), а, следовательно, от него в том числе зависит возникновение соответствующих обязанностей и прав. В таких обстоятельствах указывать имя выгодоприобретателя (учредителя управления) представляется целесообразно. Однако, когда выгодоприобретателем по договору доверительного управления выступает не учредитель управления, а третье лицо (доверительный управляющий не может им выступать), данный договор является договором в пользу третьего лица.

Согласно п. 1 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему

право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Необходимо подчеркнуть формулировку «указанному или не указанному в договоре третьему лицу». Исходя из этого возникает некое противоречие между нормами ст. 430 и 1016 ГК РФ.

Видится несколько способов выхода из этой ситуации: применять норму общей части ГК РФ либо же в качестве эксперимента оставить данный вопрос на разрешение сторонам договора при составлении его текста.

На наш взгляд, на договор доверительного управления куда более разумно распространять норму общей части ГК РФ. У сторон договора должна быть возможность не указывать третье лицо (выгодоприобретателя по договору). Отсутствие такого указания не повлияет на определение прав и обязанностей сторон.

Следовательно, в п. 1 ст. 1016 ГК РФ необходимо внести изменения касательно требования об обязательном указании наименования юридического лица или имени гражданина, если данный договор выступает как договор в пользу третьего лица. Но что делать при доверительном управлении наследственной массой? В данном случае учредителем управления выступает нотариус, который не может быть выгодоприобретателем по определению. Нотариус обязан указать в договоре с доверительным управляющим выгодоприобретателей – наследников, к которым после их вступления в наследство перейдет право собственности на переданное в управление имущество. К тому же они имеют право представить самим или выбрать из предложенных им лиц – доверительного управляющего. Их полномочия уже шире чем у обычных выгодоприобретателей. Поэтому считаем данный случай – исключением, на которое можно прямо указать в рассматриваемой статье.

Новая формулировка абз. 2 п. 1 ст. 1016 ГК РФ должна выглядеть следующим образом: «наименование юридического лица или имя гражданина, являющегося учредителем управления, если он является выгодоприобретателем по данному договору, а в случае, когда в договоре доверительного управления имуществом сказано, что третье лицо есть, но оно не указано, доверительный управляющий должен осуществлять исполнение договора в пользу учредителя до тех пор, пока третье лицо не заявит о своем праве требования. Если же доверительное управление учреждается по поводу управления наследственной массой, в договоре помимо учредителя управления (нотариуса либо иного лица, наделенного таким правом) должны быть указаны все выгодоприобретатели (наследники), к которым это имущество перейдет в собственность после принятия наследства».

Законодатель в п. 2 ст. 1016 ГК РФ установил предельный срок действия договора доверительного управления – 5 лет. Однако для некоторых видов имущества, передаваемого в управление, законом могут быть установлены иные предельные сроки. Например, для договора доверительного управления средствами пенсионных накоплений он составляет 15 лет.

При пропуске условия о сроке действия договора – он будет считаться незаключенным, а значит у сторон не возникнет обязанностей по передаче и приемке объекта договора.

Именно необходимостью предотвратить ситуации заключения притворного договора доверительного управления с целью сокрытия фактической передачи права собственности путем дарения, купли-продажи или с использованием любого другого вида договора обусловлена недопустимость бессрочного доверительного управления.

При отсутствии заявления хотя бы одной из сторон о прекращении договора по окончании срока его действия он считается продленным на тот же срок и на тех же условиях, какие были предусмотрены договором. Благодаря такой формулировке возможность бессрочного доверительного управления де-факто существует. Данное положение, закрепленное в абз. 2 п. 2 ст. 1016 ГК РФ, обеспечивает интересы

доверительного управляющего, который, не пропустив срок окончания действия договора, имеет возможность заявить или не заявить о прекращении договора в зависимости от того, что посчитает более выгодным для себя.

Некоторые авторы, в частности С. И. Ковалёв, считают, что учредитель управления может утратить возможность прекращения доверительного управления, если пропустит момент истечения срока действия договора [5, с. 118]. Однако, на наш взгляд, подобное мнение ошибочно, так как учредитель управления согласно абз. 5 п. 1 ст. 10124 ГК РФ имеет право на односторонний отказ от договора. Безусловно, в такой ситуации ему придется понести дополнительные расходы в виде выплаты доверительному управляющему вознаграждения, обусловленного договором, но договор де-факто будет прекращен.

Также следует упомянуть, что в судебной практике имеется позиция, что при обозначении события, которое неизбежно должно наступить, срок действия договора доверительного управления считается согласованным. Например, в Постановлении ФАС Московского округа от 15 окт. 2002 г. № КГ-А40/6984-02 по делу № КГА40/6984-02 таким событием был признан срок закрепления акций в федеральной собственности [6].

Вознаграждение является существенным условием, только если «оно предусмотрено договором». Такая формулировка ошибочна, ибо она позволяет делать вывод о том, что данный договор является безвозмездным, при условии, что стороны не договорились о цене.

Следовательно, представляется необходимым сделать это условие существенным при любых обстоятельствах путем исключения формулировки «если выплата вознаграждения предусмотрена договором» из ст. 1016 ГК РФ, чтобы данный договор всегда был возмездным. Это положит конец дискуссиям ученых о возмездном характере договора.

Ст. 1017 ГК РФ закрепляет требования к форме договора доверительного управления имуществом: он должен быть заключен в простой письменной форме. Несоблюдение формы договора влечет его недействительность.

Передача имущества в доверительное управление оформляется в зависимости от природы передаваемого имущества. Например, при передаче в доверительное управление недвижимости наряду с текстом договора необходимо также подписание сторонами передаточного акта или иного документа о фактической передаче недвижимости в управление, а при передаче в управление предприятия как имущественного комплекса необходимы еще и акт инвентаризации его имущества, бухгалтерский баланс, заключение независимого аудитора о составе и стоимости его имущества и перечень всех его долгов (обязательств). В таком случае следует не забывать, что переход имущества по договору подлежит государственной регистрации в порядке идентичном тому, что предусмотрен законодателем для перехода прав собственности на такое имущество.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

Предмет договора доверительного управления является его существенным условием, несмотря на то, что законодатель не закрепил его в ГК РФ как существенное условие договора.

Объектом договора (состав имущества, передаваемого в управление) может выступать как имущество, так и права. ГК РФ не устанавливает ограничение, касаемо данного аспекта доверительного управления, однако в других нормативно-правовых актах такие ограничения содержатся.

Вознаграждение является существенным условием договора, так как это доказывает его возмездный характер, а значит должно быть определено в договоре всегда.

Исходя из этого представляется необходимым внести в п. 1 ст. 1016 ГК РФ изменения, перечисленные ранее. Итоговый вариант пункта будет выглядеть следующим образом:

«1. В договоре доверительного управления имуществом должны быть указаны:

– предмет договора;

– состав имущества, передаваемого в доверительное управление;

– наименование юридического лица или имя гражданина, являющегося учредителем управления, если он является выгодоприобретателем по данному договору, а в случае, когда в договоре доверительного управления имуществом сказано, что третье лицо есть, но оно не указано, доверительный управляющий должен осуществлять исполнение договора в пользу учредителя до тех пор, пока третье лицо не заявит о своем праве требования. Если же доверительное управление учреждается по поводу управления наследственной массой, в договоре помимо учредителя управления (нотариуса либо иного лица, наделенного таким правом) должны быть указаны все выгодоприобретатели (наследники), к которым это имущество перейдет в собственность после принятия наследства;

– размер и форма вознаграждения управляющему;

– срок действия договора.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (с изменениями на 8 июля 2021 года, редакция, действующая с 1 января 2022 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 5.
2. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. – М.: РГУП, 2018. – 628 с.
3. Постановление ФАС Московского округа от 03.02.2010 N КГ-А40/14920-09-П по делу N А40-50830/07-138-335 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5768033/> (дата обращения: 30.01.2024). Загл. с экрана.
4. Ножкин С.А. Существенные условия договора доверительного управления, определяющие особенности управления паевым инвестиционным фондом // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – № 2 (16). – С. 35-39.
5. Ковалев Сергей Иванович. Доверительное управление имуществом в зарубежном и российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: Москва, 1999. – 166 с.
6. Постановление ФАС Московского округа от 15 окт. 2002 г. № КГ-А40/6984-02 по делу № КГА40/6984-02 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://resheniya-sudov.ru/2004/136548/> (дата обращения: 30.01.2024). Загл. с экрана.

ON THE ISSUE OF THE ESSENTIAL TERMS OF THE TRUST MANAGEMENT AGREEMENT

Annotation. This paper considers the essential conditions of the trust management contract provided by the Civil Code of the Russian Federation. The paper analyzes the subject of the contract, and also considers the validity of the list of essential conditions established by law. It is concluded that it is necessary to amend the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: contract, trust management, essential conditions, property.

Kasyan S.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: seregasteam436@gmail.com

УДК 331.5-053.6

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СОГЛАШЕНИЙ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ

Квачева К.И.

*Научный руководитель: Харжевская Т. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматривается значение нотариального удостоверения соглашения об уплате алиментов в современном обществе. Подчеркивает важность этого документа для обеспечения благосостояния детей, защиты их прав и создания механизмов для реализации родительских обязанностей. Кроме того, утверждается, что нотариальное удостоверение гарантирует выполнение обязательств и поддерживает справедливость и законность в отношениях между родителями и детьми.

Ключевые слова: нотариальное удостоверение, алименты, соглашение.

Нотариальное удостоверение играет важную роль в правовом обороте. Оно представляет собой официальное подтверждение факта или документа, сделанное нотариусом. Такое подтверждение обладает высокой юридической силой и является основой для признания правовых действий или сделок.

Одним из основных значений нотариального удостоверения является обеспечение защиты интересов граждан и общества в целом. Когда документ подтверждается нотариусом, это создает доверие к его достоверности и законности. Граждане могут быть уверены, что они обладают законными правами и могут осуществить свои сделки.

Главной целью нотариусов является обеспечение юридической защиты и безопасности граждан и организаций при совершении правовых сделок. В своей деятельности нотариусы руководствуются принципами независимости, беспристрастности, компетентности и соблюдения конфиденциальности.

Среди наиболее распространенных видов документов, удостоверяемых нотариусами, можно выделить следующие:

1. Договоры купли-продажи недвижимости и имущественных прав – нотариусы удостоверяют сделки с недвижимостью, транспортными средствами, ценными бумагами и иными предметами, имеющими юридическую ценность.

2. Завещания – нотариусы принимают на себя задачу удостоверить завещания и обеспечивать их надежное хранение. Это гарантирует эффективную и беспрепятственную передачу наследства.

3. Доверенности – нотариусы легализуют документы, дающие полномочия другому лицу действовать от имени доверителя в определенных ситуациях. Это может быть полномочие на совершение сделки, представительство в суде, управление имуществом и другое.

4. Действия с документами гражданского состояния – нотариусы удостоверяют акты гражданского состояния, такие как браки, расторжения брака, установление отцовства и т.д.

Данный перечень документов, удостоверяемых нотариусами, не является исчерпывающим и может быть дополнен другими видами и категориями юридически значимых документов. Важно отметить, что нотариат играет значительную роль в сфере правовых отношений, обеспечивая их законность, защиту и надежность.

Так, одним из видов документа является соглашение об уплате алиментов, которое будет рассмотрено в данной статье.

Алименты – это средства, которые по закону один из супругов обязан выплачивать другому (как правило, родителю их общего несовершеннолетнего ребёнка). Алиментные обязанности супругов. В Семейном кодексе РФ (п. 1 ст.89)

закреплена обязанность супругов оказывать друг другу материальную поддержку. Как правило, при нормальных и здоровых взаимоотношениях в семье такая обязанность выполняется добровольно.

Уплата алиментов регулируется специальным законодательством, которое определяет порядок и размеры платежей. В Российской Федерации основным актом, регламентирующим уплату алиментов, является Гражданский кодекс, а также Семейный кодекс, законы отдельных субъектов РФ.

Возникает вопрос о регулировании уплаты алиментов в случае развода или разрыва брака. В этом случае, суд может принять решение о назначении алиментных платежей, если один из супругов или оба не в состоянии обеспечить себя самостоятельно. Размер алиментов, как правило, определяется судом, исходя из финансовых возможностей должника, потребностей получателя, возраста детей (если их детей), а также других факторов, учитываемых при рассмотрении дела.

Нотариального удостоверения соглашения об уплате алиментов позволяет достичь согласия между сторонами и установить обязательства по выплате алиментов в пользу детей или бывшего супруга.

Одной из главных причин заключения нотариального соглашения является защита интересов женщин и детей. Итоги неуплаты алиментного содержания могут быть крайне негативными: дети могут оказаться в трудной финансовой ситуации, женщины могут столкнуться с нехваткой средств для обеспечения себя и своих детей.

Так, можно выделить ряд преимуществ, которые он предоставляет.

Во-первых, такое удостоверение защищает интересы детей, ибо оно придает дополнительную юридическую силу и вес договору об уплате алиментов. Таким образом, родитель, обязавшийся выплачивать алименты, не может просто изменить свое решение или отказаться от обязательства без последствий. В случае нарушения договора, получателю алиментов становится значительно проще взыскать недоплаченную сумму через судебные или административные процедуры.

Во-вторых, нотариальное удостоверение обеспечивает более прозрачное и объективное решение спорных вопросов об уплате алиментов. Нотариус, выполняющий данную функцию, имеет право требовать и проверять все необходимые документы, подтверждающие доходы обязанных сторон и их финансовое положение. Это сокращает возможность обмана и обеспечивает более справедливое решение. Благодаря данной процедуре стороны имеют возможность видеть все факты и доказательства и, таким образом, сокращается потенциальный риск неправдивых заявлений или скрытого дохода.

В-третьих, нотариальное удостоверение создает возможность для реального исполнения соглашения об уплате алиментов. Это связано с тем, что оно предоставляет инструменты для инкассации алиментов через судебные или административные процессы в случае нарушения обязательства или неправильного использования средств, предназначенных для ребенка.

Нотариальное удостоверение отличается от других способов заключения соглашений об уплате алиментов тщательной проверкой и оценкой законности и обоснованности условий соглашения, а также возможностью применения судебного взыскания при несоблюдении согласованных условий. Этот качественный и всеобъемлющий подход к заключению алиментных соглашений делает нотариальное удостоверение предпочтительным вариантом для обеспечения юридической защиты и обязательной выполнимости сторонами.

Нотариальное соглашение об уплате алиментов должно содержать ряд условий. Условия являются существенными, они должны быть в обязательном порядке указаны в итоговом документе. Перед визитом к нотариусу родителям следует согласовать их между собой, чтобы не пришлось спорить в присутствии специалиста.

Лицам, проходящим процедуру нотариального удостоверения соглашения об уплате алиментов, необходимо собрать пакет документов. Для удостоверения соглашения об уплате алиментов необходимо подготовить следующие документы:

1. Заявление о заключении соглашения об уплате алиментов. В этом документе стороны должны указать свои персональные данные, а также детали соглашения, включая сумму алиментов и периодичность их выплаты.

2. Копии паспортов обеих сторон. Они необходимы для подтверждения личности и регистрационных данных сторон, участвующих в соглашении.

3. Документы, подтверждающие финансовые возможности обязанного лица. Это могут быть копии справок о доходах, выписки с банковских счетов и другие документы, которые подтверждают финансовую состоятельность обязанного лица для выполнения соглашения.

4. Документы, подтверждающие потребности ребенка (детей), в пользу которых заключается соглашение. Могут быть предоставлены медицинские справки, расходные документы, квитанции об оплате образовательных услуг и другие документы, отражающие необходимые расходы на воспитание и содержание ребенка(детей).

5. Документы, свидетельствующие о факте расторжения или развода брака (если это имеет место быть), чтобы подтвердить отношения сторон, заключающих соглашение.

В зависимости от юрисдикции, в которой заключается соглашение, могут потребоваться дополнительные документы или нотариальное заверение документов. Рекомендуется проконсультироваться с адвокатом или юристом, чтобы быть уверенным в достаточности и правильности подготовленных документов.

Уплата алиментов может осуществляться как в добровольном порядке, так и в судебном порядке.

Добровольная уплата алиментов может производиться в соответствии с заключенным между сторонами соглашением. При отсутствии соглашения об уплате алиментов заинтересованная сторона может обратиться с целью взыскания алиментов в суд. Суд имеет право отказать во взыскании алиментов совершеннолетнему дееспособному лицу, если установлено, что оно совершило в отношении лица, обязанного уплачивать алименты, умышленное преступление или в случае недостойного поведения совершеннолетнего дееспособного лица в семье.

Различают следующие виды алиментных обязательств:

- алиментные обязательства родителей и детей;
- алиментные обязательства супругов и бывших супругов;
- алиментные обязательства иных членов семьи (братьев и сестер; дедушки, бабушки и внуков; воспитанников и воспитателей; пасынков, падчериц, отчима и мачехи).

Размер алиментов не может быть ниже предусмотренного ст. 81 СК РФ: 1/4 – на одного ребенка, 1/3 – на двух детей, 1/2 – на трех и более детей.

По общему правилу (ст. 81СК РФ) при отсутствии соглашения об уплате алиментов на ребенка алименты взыскиваются в судебном порядке.

Предусмотрено два вида судебных актов о выплате алиментов:

- судебный приказ;
- судебное решение.

В случае если родитель или родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям и споры о детях или имуществе отсутствуют, по заявлению взыскателя дело рассматривает мировой судья, который выносит судебный приказ о взыскании алиментов.

При наличии спора об иных правах, связанных с детьми и имуществом, исковое заявление рассматривает Федеральный суд и выносит судебное решение, включающее требования истца о взыскании алиментов на детей.

По искам о взыскании алиментов закон предусматривает альтернативную подсудность или подсудность по выбору истца, т. е. истец по своему усмотрению может подать иск о взыскании алиментов в один из судов: как по месту жительства ответчика, так и по своему месту жительства.

Однако, стоит отметить, что судебный порядок, хоть и является эффективным инструментом, все же требует определенных временных и финансовых затрат. Поэтому многие родители стараются достигнуть согласия в вопросе уплаты алиментов во избежание разбирательств в суде. Разумная и справедливая уплата алиментов в согласовании с интересами каждой стороны является наилучшим решением для обеспечения благополучия и стабильности детей.

Из этого следует, что ответственность за невыполнение обязательств по уплате алиментов является серьезной проблемой в современном обществе. Это способ оказания материальной поддержки детям или другому члену семьи, который не способен самостоятельно обеспечить свое существование. Однако, несмотря на ясные правила и законы, многие родители игнорируют свои обязательства и не выплачивают алименты.

Невыполнение обязательств по уплате алиментов может иметь серьезные последствия для всех сторон. Для получателя алиментов это может означать отсутствие средств на жизнь, невозможность обеспечения детей всем необходимым, а порой даже приводить к финансовому кризису. Для должника вопрос алиментов может стать причиной психологического стресса, судебных исков, штрафных санкций или даже уголовной ответственности.

Законодательство предусматривает различные меры воздействия на должников-неуплатников алиментов. В зависимости от суммы накопленного долга, к должнику могут применяться различные меры ответственности:

Административная: регулируется ст. 5.35.1 КоАП РФ. Она может наступить уже при наличии задолженности в двух и более месяцах подряд в рамках исполнительного производства. Есть срок давности для привлечения к ответственности – 2 года. Если задолженность возникла 5 лет назад, то за весь срок привлечь не получится, только за последние 48 месяцев. Что в себя включает административная ответственность: обязательные работы на период до 150 часов, административный арест на 10-15 суток, либо начисление штрафа в размере 20.000 рублей максимально.

Уголовная: регулируется по ст. 157 УК РФ. Она наступает в том случае, если должник неоднократно уклонялся от уплаты алиментов, в течение года после административной ответственности. Какие меры могут применить: исправительные работы сроком до 1 года, принудительные работы до 1 года, арест до 3 месяцев. В исключительных случаях – могут лишить свободы сроком до 1 года.

Тем не менее, несмотря на все предусмотренные меры, проблема невыплаты алиментов все еще остается актуальной. Для ее решения необходимо усиление контроля со стороны государства и судебных органов, а также повышение информированности населения о последствиях невыполнения обязательств по уплате алиментов. При этом, необходимо помнить, что алименты направлены не только на удовлетворение материальных потребностей детей, но и на сохранение их морального и эмоционального благополучия.

В заключение, нотариальное удостоверение соглашения об уплате алиментов играет важную роль в правовой системе и является неременным элементом в нашей современной общественной жизни. Оно способствует обеспечению благосостояния и достойного содержания детей, защищает их права, а также создает механизмы для обеспечения реального исполнения родительских обязанностей. Нотариальное удостоверение соглашения об уплате алиментов гарантирует выполнение обязательств и способствует поддержанию справедливости и законности в отношениях между родителями и детьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: [Принят Постановлением Народного Совета 13 дек. 2019г.: по состоянию на 28 дек. 2021г.]
2. Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995г.: по состоянию на 2 марта 2021г.]
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва : Эксмо, 2017. – 350 с. ; 20 см. – (Актуальное законодательство). – 3000 экз. – ISBN 978-5-04-004029-2. – Текст : непосредственный.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002.
5. Настольная книга нотариуса. Том 2. Учебно-методическое пособие. (2-е изд., испр. и доп.)- М.: Издательство БЕК, 2003.
6. Нотариальное соглашение об уплате алиментов: Плюсы и минусы – URL: <http://www.advocat-perm.ru/notarialnoe-soglashenie-ob-uplate-alimentov-plyusy-i-minusy/> (дата обращения 15.01.2024г.)
7. Правовое регулирование алиментных правоотношений. – URL: <http://deti.kurganobl.ru/pravo/pravovoe-prosveshchenie/656-pravovoe-regulirovanie-alimentnykh-pravootnoshenij> (дата обращения 15.01.2024г.)
8. Ответственность за невыплату алиментов: полный список. – URL: <https://brobank.ru/otvetstvennost-za-nevyplatu-alimentov/> (дата обращения 15.01.2024г.)

ENTRY INTO THE RIGHT OF INHERITANCE BY LAW: CURRENT ISSUES

Annotation. This article examines the importance of notarization of an agreement on the payment of alimony in modern society. Emphasizes the importance of this document for ensuring the welfare of children, protecting their rights and creating mechanisms for the implementation of parental responsibilities. In addition, it is argued that notarization guarantees the fulfillment of obligations and supports justice and legality in the relationship between parents and children.

Keywords: notarization, alimony, agreement.

Kvacheva K.

Scientific adviser: Kharzevskaya T., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: kvachyova.carinka@yandex.ru

УДК 347.78

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Ключникова С. В.

*Научный руководитель: Дорошева Е. Н., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье анализируются правовые аспекты создания и использования компьютерных игр. Рассмотрены такие вопросы, как определение понятия компьютерной игры, ее отличия от других видов программного обеспечения, особенности игры как сложного объекта интеллектуальных прав, включающего различные охраняемые элементы. Проанализированы договорные конструкции, применяемые на разных стадиях оборота компьютерных игр. Определена ответственность за нарушение исключительных прав на данные объекты. Сделан вывод о наличии ряда особенностей правового регулирования отношений в сфере создания и использования компьютерных игр.

Ключевые слова: компьютерная игра; интеллектуальная собственность; гражданский оборот.

В современном мире компьютерные игры представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся отраслей индустрии развлечений. Объем мирового рынка видеоигр в 2023 году, по прогнозам аналитиков, превысит \$200 млрд. Российский сегмент игрового рынка также демонстрирует уверенный рост.

Правовое регулирование создания и использования компьютерных игр в российском законодательстве проработано не в полной мере. Игры обладают сложной правовой природой, объединяя различные объекты интеллектуальной собственности – программы для ЭВМ, аудиовизуальные произведения, товарные знаки и т.д. [1, с. 65].

Целью этой статьи является анализ специфики правового режима компьютерных игр и особенностей их оборота.

В соответствии с российским законодательством понятие «компьютерная игра» не закреплено в нормативно-правовых актах. Однако, по мнению автора, можно определить следующее понятие, основанное на признаках компьютерной игры как объекта гражданских прав. Компьютерная игра – это интерактивное развлекательное программное обеспечение, позволяющее пользователю взаимодействовать с виртуальным миром игры в режиме реального времени.

К основным характеристикам компьютерной игры относятся: наличие сюжета, игровых персонажей и правил; интерактивность – возможность управления ходом игры и взаимодействия с игровым миром; использование мультимедийных технологий – графики, видео, звука; развлекательный характер.

Таким образом, компьютерную игру можно отнести к разновидности компьютерных программ развлекательного характера. Можно выделить ряд основных отличий компьютерной игры от других видов программного обеспечения:

1. Развлекательный и игровой характер, в отличие от прикладных программ, выполняющих конкретные задачи, компьютерные игры создаются для развлечения.
2. Интерактивность, пользователь активно участвует в игровом процессе, управляя персонажами и ходом игры.
3. Наличие сюжета, персонажей, правил, компьютерные игры обладают всеми характерными элементами игры как таковой.
4. Использование мультимедиа, компьютерные игры активно используют возможности компьютерной графики, анимации и звука для создания игрового мира [2, с. 426].

В российском законодательстве компьютерные игры не упоминаются как самостоятельные объекты гражданских прав. Однако они могут рассматриваться:

1. Как программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). На игры в таком случае распространяется правовой режим охраны компьютерных программ.
2. Как аудиовизуальные произведения, если они содержат достаточный уровень авторского вклада в видео- и аудиоряда (ст. 1263 ГК РФ).
3. Как сложные объекты, сочетающие различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности – программные коды, изображения, музыку и т.д. (ст. 1240 ГК РФ).

Законодательно закреплённого понятия «компьютерная игра» и единого подхода к определению ее правовой природы в российском законодательстве нет. Однако игры обладают признаками объектов гражданских прав и охраняются нормами об интеллектуальной собственности.

Компьютерная игра может являться сложным объектом, объединяющим в себе несколько различных объектов интеллектуальных прав – графических изображений, звукозаписей, специально подготовленного программного обеспечения и т.д. [3, с. 43].

В соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ, если из нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, перечисленных в абзаце первом настоящего пункта, создаётся сложный объект интеллектуальных прав (сложный объект), включающий несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (произведение, исполнение, программа для ЭВМ, база данных, изобретение, полезная модель, промышленный образец, товарный знак и др.), правообладатель предоставляет право использования такого сложного объекта другим

лицам по своему усмотрению: в полном составе или отдельно часть сложного объекта. Передача исключительных прав на такой сложный объект в полном составе не влечет передачи каких-либо исключительных прав на составляющие его охраняемые объекты интеллектуальной деятельности, если иное не предусмотрено соглашением сторон [4].

Из этого следует, что компьютерная игра как единое целое может рассматриваться в качестве сложного объекта интеллектуальных прав, включающего отдельные охраняемые результаты творческой деятельности – аудиовизуальные произведения, программы для ЭВМ, а также другие элементы.

Передача исключительных прав на компьютерную игру не влечет автоматической передачи прав на отдельные составляющие компоненты. Тем не менее, правообладатель игры может по своему усмотрению предоставлять право использования как всей игры в целом, так и отдельно ее частей [5].

Компьютерная игра может распространяться на материальных носителях – дисках, флеш-накопителях, картриджах и т.п. В этом случае помимо интеллектуальных прав на саму игру как сложный объект возникают вещные права на ее материальный носитель.

Согласно гражданскому законодательству РФ (ст. 137 ГК РФ), собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. По отношению к принадлежащему ему имуществу собственник имеет право совершать любые действия, при отсутствии противоречий закону и иным правовым актам.

В соответствии с вышесказанным, при передаче экземпляра компьютерной игры (диска, картриджа) приобретатель получает право собственности на данный материальный носитель игры и может им распоряжаться – использовать, хранить, перепродавать и т.д.

При этом перепродажа материального носителя с записанной на нем компьютерной игрой не влечет передачи интеллектуальных прав на саму игру. Данные права остаются у разработчиков игры.

Также отдельно стоит рассмотреть личные неимущественные права разработчиков компьютерной игры. Согласно ст. 1226 ГК РФ, без согласия правообладателя никто не имеет права использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, кроме случаев, предусмотренных ГК РФ. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации.

К личным неимущественным правам разработчиков компьютерной игры относятся:

- право авторства – право признаваться автором игры, указывать свое имя на экземплярах игры и в сопроводительных материалах;
- право на имя – автор вправе использовать или разрешать использование игры под своим именем, вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени;
- право на защиту репутации автора – автор может требовать защиты своей чести и репутации при неправомерном использовании его произведения;
- право на обнародование – контроль над тем, когда игра может быть обнародована и использована другими лицами.

Данные права неотчуждаемы и остаются у разработчиков даже при передаче исключительного права на игру [6, с. 63].

В связи с этим можно констатировать, что компьютерные игры обладают сложной правовой природой, объединяя в себе различные объекты интеллектуальных прав. При этом интеллектуальные права сочетаются с вещными правами на материальные носители игры. Разработчики игры также сохраняют ряд личных неимущественных прав.

Процесс создания и использования компьютерных игр предполагает заключение различных договоров между участниками данных правоотношений.

Компания-заказчик может заключать договоры подряда с любыми участниками гражданских правоотношений на стадии разработки игры, например, со студиями-разработчиками, фрилансерами и т.д. В соответствии со ст. 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона обязуется выполнить по заданию другой стороны определенную работу и сдать ее результат, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его [7, с. 113].

Также возможно заключение авторских договоров заказа с программистами, дизайнерами, художниками и другими лицами, участвующими в создании игры (ст. 1288 ГК РФ).

На этапе использования и распространения компьютерной игры применяются лицензионные договоры. Согласно ст. 1235 ГК РФ, по лицензионному договору одна сторона – правообладатель (лицензиар) предоставляет либо обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Передача исключительных прав на компьютерную игру как на сложный объект интеллектуальных прав осуществляется на основании договора об отчуждении исключительного права.

В соответствии со ст. 1234 ГК РФ, по договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне – приобретателю исключительного права.

При передаче исключительного права на компьютерную игру приобретатель получает право на использование игры в любой форме и любым способом. При этом как отмечалось ранее, передача прав на игру не влечет автоматической передачи прав на отдельные охраняемые элементы (графику, музыку и т.д.).

Нарушение исключительных прав на компьютерную игру влечет ответственность, установленную ГК РФ и другими законами. Статья 1252 ГК РФ предусматривает гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков или выплаты компенсации.

Также возможна уголовная ответственность согласно ст. 146 УК РФ за нарушение авторских и смежных прав.

К нарушениям прав на компьютерные игры могут относиться:

- Незаконное копирование и распространение компьютерной игры или ее компонентов;
- Создание аналогичной игры-клона по мотивам оригинальной игры;
- Использование объектов интеллектуальной собственности из игры (персонажей, сюжетных линий) без разрешения;
- Продажа модификаций к играм без согласования с правообладателем.

Также возможна договорная ответственность за нарушение условий заключенных договоров по созданию и использованию компьютерной игры.

Таким образом, оборот компьютерных игр имеет свою специфику, обусловленную сложной правовой природой таких объектов. При этом нарушение исключительных прав на игры влечет юридическую ответственность в установленном законом порядке.

Компьютерные игры являются сложными объектами интеллектуальной собственности, включающими различные охраняемые элементы. Их правовой режим определяется нормами авторского права и патентного права. Правовое регулирование отношений в сфере создания и использования компьютерных игр имеет свою

специфику, обусловленную техническими и творческими особенностями таких объектов.

Передача прав на компьютерную игру как на сложный объект не означает автоматической передачи прав на входящие в нее компоненты. Это требует отдельного согласования.

Гражданский оборот компьютерных игр подразумевает заключение различных договоров правообладателей с пользователями – лицензионных договоров, авторских договоров, договоров об отчуждении исключительных прав и т.д.

Нарушение исключительных прав на компьютерные игры влечет гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность в установленном законом порядке.

Основываясь на всех исследованных моментах, для совершенствования правового регулирования отношений в сфере создания и использования компьютерных игр автором предлагаются следующие усовершенствования:

Во-первых, представляется возможным дополнить гражданское законодательство определением понятия «компьютерная игра» и закреплением особенностей правового режима таких объектов как самостоятельных сложных объектов интеллектуальной собственности.

Во-вторых, рекомендуется уточнить перечень личных неимущественных прав разработчиков компьютерных игр с учетом специфики данных объектов. В частности, к таким правам можно отнести право на неприкосновенность замысла и сюжета игры.

В-третьих, необходимо разработать типовые формы договоров, применимые к обороту компьютерных игр. В первую очередь – типовой лицензионный договор о предоставлении права использования компьютерной игры конечным пользователям.

В-четвертых, следует расширить перечень действий, которые могут квалифицироваться как нарушения исключительных прав на компьютерные игры. В частности, к ним можно отнести незаконное копирование игр и их компонентов, создание игр-клонов, незаконную продажу модификаций.

В-пятых, целесообразно предусмотреть механизм регистрации компьютерных игр в специальном реестре, что облегчит оформление и защиту прав разработчиков и поможет предотвратить нарушения.

Реализация данных предложений будет способствовать комплексному правовому урегулированию отношений в сфере разработки и использования компьютерных игр с учетом интересов разработчиков и пользователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов, В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. – 2015. – № 11. – С. 62-69.
2. Котенко, Е.С. Правовой режим компьютерных игр // Актуальные проблемы российского права. – М.: Изд-во МГЮА. – 2010, № 2 (15). – С. 423-430.
3. Котенко, Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. – Москва : Проспект, 2014. – 128 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (Дата обращения 29.05.2022). – Загл. с экрана.
5. Трифонов А.Е., Бездежский Г.С. К вопросу о реализации авторского права на компьютерные игры в России // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-avtorskogo-prava-na-kompyuternye-igry-v-rossii> (дата обращения: 01.05.2022). – Загл. с экрана.
6. Чурилов, А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в игровой индустрии // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. N 10. – С. 59-68.
7. Савельева, И. В. Правовое регулирование отношений в области художественного творчества. – М.: Изд-во МГУ. – 1986. – 141 с.

COMPUTER GAME AS AN OBJECT OF CIVIL COMMERCE

Annotation. The article analyzes the legal aspects of creating and using computer games. Such issues as the definition of the concept of a computer game, its differences from other types of software, the features of the game as a complex object of intellectual property rights, including various protected elements, are considered. Contractual structures used at different stages of computer games commerce are analyzed. Liability for infringement of exclusive rights to these objects is determined. It is concluded that there are a number of features of legal regulation of relations in the field of creating and using computer games.

Keywords: computer game; intellectual property; civil commerce.

Kluchnikova S.

Scientific adviser: Dorosheva E., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: sonya_kluchnikova@mail.ru

УДК 347.441

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ ДЛЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК

Ковзикова А. А.

*Научный руководитель: Хачук К. Д., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье исследуется вопрос юридической значимости электронной цифровой подписи в договорных правоотношениях. В связи с активным ростом предпринимательской деятельности, которая осуществляется посредством сети – Интернет, данное направление исследования является актуальным, поскольку новые технологии влекут кардинальные переменны в договорных обязательствах, в частности документообороте и возникают основания для сомнений в законности таких сделок. В работе проанализировано правовое регулирование «электронной подписи», раскрыты виды, а также преимущества и недостатки, сделаны выводы о необходимости дальнейшего осмысления такой правовой категории.

Ключевые слова: электронная подпись, сеть-Интернет, гражданское законодательство, электронный документ, электронная сделка.

В современном, активно развивающемся и технологичном мире особое внимание уделяется информационным технологиям. С развитием информационных технологий все шире начали применяться цифровые документы, обработка которых происходит гораздо быстрее, чем у обычных бумажных версий. Использование электронных документов способствует переходу значительной части общественных отношений на новый уровень – уровень информационного общества, отличающийся высокой мобильностью, удобством и экономией времени. В результате применения новейших научных достижений возникают новые юридические явления и явления, такие как цифровой документ и цифровая подпись. Организации, занимающиеся цифровым документом и цифровой подписью, являются средствами обеспечения динамики гражданского оборота и средствами защиты личных прав и интересов участников электронной торговли, заключающих сделки в электронной форме. Важным аспектом в электронном документообороте является задача идентификации участников процесса, которую решает электронная подпись.

Актуальность проводимого научного исследования подтверждается тем, что несмотря на десятилетний опыт функционирования института электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП), в отечественной науке все еще ведутся активные дискуссии о воздействии государства на регулирование использования ЭЦП и способности

субъектов данной системы к самостоятельному управлению отношениями. Кроме того, существует значительное количество научных трудов, посвященных гражданско-правовому регулированию электронных документов и подписей, в которых авторы констатируют коллизию норм гражданского законодательства по данному направлению.

Под юридической значимостью электронной подписи следует понимать такие свойства электронной подписи, которые обеспечивают условия признания электронного документа, подписанного электронной подписью равнозначным документам на бумажном носителе с собственноручной подписью. Электронные документы, заверенные электронными подписями, применяются при заключении сделок, предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также при выполнении других юридических мероприятий в соответствии с законодательством. [1]

Рассмотрим гражданско-правовое регулирование электронной цифровой подписи в Российской Федерации:

1. В Гражданском кодексе есть отдельные нормы, а именно ст. 160, ст.434, ст. 847, которые регламентируют применение электронных документов и электронной подписи при совершении сделок и заключении договоров. В соответствии с ст.160 ГК РФ применение при заключении соглашений факсимильной копии подписи с использованием технических или иных средств копирования, электронной подписи или другого аналога собственноручной подписи допускается в случаях, предусмотренных законодательством, иными нормативными актами или соглашением сторон договора. Статья 434 ГК РФ регламентирует, что электронный документ, передаваемый через коммуникационные каналы, представляет собой информацию, сформированную, отправленную, полученную или сохраненную при помощи электронных, магнитных, оптических или аналогичных средств, включая обмен информацией в электронном виде и электронную почту. В соответствии со статьей 847 «Порядок распоряжения денежными средствами, находящимися на счете», соглашением может быть предусмотрено подтверждение права распоряжения денежными суммами, находящимися на счете, с использованием электронных средств платежа и иными способами с использованием в них аналогов собственноручной подписи (п. 2 ст. 160 ГК РФ), таких как коды, пароли и другие методы, подтверждающие, что распоряжение было выдано уполномоченным лицом. [2]

2. Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) (далее – ФЗ РФ №63) – Закон устанавливает порядок в сфере получения и применения цифровых подписей при осуществлении гражданско-правовых сделок, предоставлении государственных и муниципальных услуг, выполнении государственных и муниципальных функций, а также при совершении других юридически значимых действий. В соответствии с первым пунктом второй статьи Федерального закона № 63, электронная подпись представляет собой информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с информацией, которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Важно отметить, что в законе дается понятие «электронная подпись», а слово «цифровая» отсутствует. [3]

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция), который регулирует отношения, возникающие при обеспечении безопасности информации, использовании информационных технологий, осуществлении права на поиск, получение, передачу, создание и распространение информации, следовательно, необходимо исследовать некоторые положения, имеющие непосредственное отношение к гражданско-правовому регулированию электронной цифровой подписи.

Кроме того, в Законе № 149-ФЗ содержится определение электронного документа и смежных с ним областей [4]. Рассмотрим отдельные нормы данного Закона, так в соответствии с пунктом 4 статьи 11 при заключении гражданско-правовых соглашений или при формировании других документов, где стороны обмениваются электронными сообщениями и документами, каждый из которых подписывается электронной подписью или другим средством собственной подписи отправителя, в соответствии с установленным порядком в законодательных актах или соглашениях сторон, такой обмен может рассматриваться как обмен официальными документами. В свою очередь ст. 11.1 закрепляет основные принципы обмена информацией в электронном виде при функционировании государственных органов и органов местного самоуправления, а именно: согласно установленным полномочиям, данные организации должны предоставлять гражданам и компаниям информацию либо в электронном формате, снабженную усиленной квалифицированной электронной подписью, либо в письменном виде на бумажном носителе. Исключения составляют случаи, когда способ предоставления информации определен федеральными законами или другими нормативными актами Российской Федерации, регулирующими отношения в данной сфере. Для осуществления функций государственных органов и органов местного самоуправления, а также организаций, выполняющих определенные публичные задачи в соответствии с федеральными законами, граждане (физические лица) и организации могут предоставлять необходимую информацию в виде электронных документов с электронной подписью. Это правило действует, если иное не установлено федеральными законами, регулирующими отношения в данной сфере.

В целом, говоря о правовом регулировании исследуемого института, следует отметить, что есть еще множество федеральных законов, которые затрагивают принципы работы с электронными документами и, в частности, легитимность электронной подписи, это и Налоговый кодекс Российской Федерации, и Федеральные законы, регламентирующие торговые взаимоотношения, бухгалтерский учет, законодательство об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования, об организации предоставления государственных и муниципальных услуг и множество иных подзаконных нормативных актов.

На основании ст.5 ФЗ РФ №63 рассмотрим виды подписи:

1. Простая электронная подпись – это аутентификация с использованием кодов, паролей или иных средств подтверждает, что ЭП была создана определенным лицом и не предназначена для обнаружения изменений в подписанном электронном документе.

2. Усиленная неквалифицированная электронная подпись, её возможно получить путем криптографического преобразования данных с использованием закрытого ключа подписи. Такая подпись помогает идентифицировать автора электронного документа и определить наличие внесенных изменений после его подписания. Цифровые документы, подписанные обычной электронной подписью или неквалифицированной электронной подписью, считаются идентичными бумажным документам, подписанным вручную, при условии, что это предусмотрено законодательством или договором между участниками.

3. Усиленная квалифицированная электронная подпись имеет все характеристики обычной электронной подписи, однако для ее формирования и проверки используются специальные криптографические средства, прошедшие сертификацию у Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Кроме того, сертификаты для усиленной квалифицированной подписи выдаются исключительно аккредитованными удостоверяющими центрами. Такая подпись на электронном документе приравнивается к собственноручной подписи и печати на бумажном документе. Государственные органы, такие как Пенсионный фонд России,

Фонд социального страхования, Федеральная налоговая служба, признают правовую значимость только тех документов, которые подписаны улучшенной квалифицированной электронной подписью.

При этом необходимо учитывать, что удостоверяющий центр – это юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или государственный орган, который занимается созданием и выдачей сертификатов ключей для проверки электронных подписей, а также осуществляет другие функции, предусмотренные действующим законодательством. Для осуществления своей деятельности данная организация должна пройти процедуру аккредитации в Минкомсвязи России.

Считаем необходимым отметить положительные и отрицательные черты такой правовой категории, как «электронная подпись» и её использование в системе электронного документооборота. Так, развитие сферы применения электронных документов и электронной подписи привело к тому, что участники электронного документооборота и правозащитные организации испытывают большое количество сложностей при работе. Ключевыми являются вопросы обеспечения сохранности и целостности электронных документов, подтвержденных электронной подписью, и предоставление юридической защиты прав участников электронного документооборота.

Среди основных преимуществ использования электронной подписи следует выделить экономию времени при использовании системы электронного документооборота, безопасность использования и надежность обеспечиваемых ею сделок. Использование электронной подписи позволяет значительно сократить временные издержки, а также обеспечивает взаимодействие тех или иных структур независимо от их удаленности друг от друга. Также следует отметить, что лица, использующие электронную подпись, получают гарантию защиты от подделок документов. Считается, что электронную подпись подделать фактически невозможно, не используя ручную. И таким образом, сделки, совершенные в виртуальном пространстве, становятся безопаснее сделок в реальной действительности.

Помимо преимуществ, использование электронной подписи может вызвать и некоторые затруднения. Говоря об основной проблеме, препятствующей широкому применению такой подписи, следует отметить отсутствие доверия со стороны населения к инновационным, высокотехнологичным решениям задач, стоящих перед современным человеком. Причины отсутствия доверия связаны с низким уровнем информационной культуры большей части населения страны.

Для обеспечения электронного документооборота необходимо наличие определенных технических средств и минимального набора знаний, которые позволят без труда использовать продукт информационного общества – электронную подпись. Информация, содержащаяся в электронных документах, должна быть соответствующим образом защищена от несанкционированных изменений.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение электронной подписи, несмотря на ее недостатки, является эффективным способом подписания документов, однако требует дальнейшего осмысления, с целью правильности её применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двоеносова Г.А. Документ как инструмент самоорганизации информационного общества // Вестник ВНИИДАД. – 2019. – № 2. – С. 8-11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38230738> – Загл. с экрана
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года: принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ – Загл. с экрана

4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ – Загл. с экрана

THE LEGAL SIGNIFICANCE OF AN ELECTRONIC DIGITAL SIGNATURE FOR ELECTRONIC TRANSACTIONS

Annotation. This article examines the issue of the legal significance of an electronic digital signature in contractual legal relations. Due to the active growth of entrepreneurial activity, which is carried out by means of the Internet, this issue is relevant, since new technologies entail drastic changes in contractual obligations, in particular document management, and questions arise about the legality of such transactions. The paper analyzes the legal regulation of the «electronic signature», reveals the types, as well as advantages and disadvantages, and draws conclusions about the need for further understanding of such a legal category.

Keywords: electronic signature, Internet, civil law, electronic document, electronic transaction.

Kovzikova A.

Scientific adviser: Khachuk K., Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: veketnyuk84@mail.ru

УДК 349

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ ОРГАНОВ И ДРУГИХ АНАТОМИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЧЕЛОВЕКА

Костюк А. Д.

*Научный руководитель: Харжевская Т. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе рассматривается юридическая сущность отношений, возникающих при предоставлении медицинской помощи гражданам, включая трансплантацию органов и тканей человека. Автор приходит к выводу, что правоотношения, связанные с трансплантацией органов и тканей человека, не должны быть однозначно отнесены к исключительно частноправовому или публично-правовому регулированию.

Ключевые слова: трансплантология органов и других анатомических материалов, донор, реципиент, медицинская деятельность, правоотношение.

Вступление. Происходящие изменения в медицине, которые неизбежно влекут за собой изменения в общественной жизни, требуют совершенствования отдельных отраслей общественных отношений в сфере права.

Целью работы является исследование и анализ юридических аспектов правоотношений в области трансплантологии органов и других анатомических материалов для выявления правовой природы данных отношений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере трансплантологии органов и других анатомических материалов.

Предметом исследования является институт правового обеспечения трансплантологии органов и других анатомических материалов.

Проблема правового обеспечения донорства и других анатомических материалов в различных ее аспектах освещалась в трудах таких ученых, как: Г.Р.Галеева, В.Л.Кудрявцева, М.А.Захарова, Е.Е.Метелин, Н.Н.Гашина, О.В.Зайцева и др.

Основная часть. История возможности замены пораженных органов и тканей здоровыми насчитывает множество примеров, уходящих корнями в далекое прошлое.

Еще в греческой мифологии можно найти упоминания о пересадке органов от животных человеку.

Первые попытки трансплантации тканей были предприняты в средневековье, хотя с успехом они были случайными и недолговременными. Несмотря на несовершенство техники и отсутствие научных знаний, ученые тех лет смело искали способы восстановления органов и тканей. Одним из таких являлся итальянский хирург Гаспар Тальякоцци, который в своем трактате *De curtorum chirurgia per insitionem*, опубликованном в 1597 году, описал методику пересадки ткани с целью восстановления формы носа [1, с.22].

С течением времени и развитием науки, возможности замены органов и тканей стали все более реальными. Исследования и эксперименты в области трансплантации привели к появлению первых успешных операций по пересадке сердца, почек, печени и других органов.

На сегодняшний день трансплантация органов и тканей является общепринятой и эффективной методикой лечения, спасающей множество жизней. Современные технологии и медицинские достижения позволяют проводить сложные операции с высокой степенью успеха и минимальными рисками для пациентов.

Наиболее сложные вопросы связаны со специфическим субъектом отношений с трансплантацией – донором. Обеспечение его прав и интересов должно быть, ведь донор, как слабая сторона переживает значительные моральные и физические страдания (при пересадке от живого донора).

Термин трансплантология происходит от латинского слова «*transplantare*», что означает пересаживать с греческого «*logos*» – учение [2, с.22].

По определению Всемирной Организации Здравоохранения, трансплантация – это медицинская процедура, при которой живая или мертвая ткань или орган переносятся между различными особями одного или разных видов [3].

В современной правовой литературе отсутствует единое мнение относительно характера отношений, возникающих при оказании медицинской помощи, и, в частности, при трансплантации. В связи с этим, представляется наиболее обоснованной точка зрения Е.Е.Метелина, отмечающего, что данные отношения имеют гражданско-правовой характер [4, с.45].

Так, медицинская помощь и трансплантация являются объектом гражданско-правовых отношений между лечебным учреждением и пациентом. В рамках данных отношений участники вступают в договорные обязательства, где лечебное учреждение обязуется предоставить медицинскую помощь, а пациент обязуется выполнять все необходимые требования и предоставлять необходимую информацию. Гражданско-правовой характер отношений при оказании медицинской помощи подразумевает, что стороны руководствуются принципами свободы договора, равноправия и защиты интересов каждой из сторон.

Действительно, в области гражданско-правового регулирования достигается равенство сторон. Гражданско-правовой договор, являясь основой для возникновения правоотношений в сфере трансплантологии органов и других анатомических материалов, обеспечивает максимальную свободу выбора действий сторон, однако, наряду с этим, строго определяет их права, обязанности и ответственность.

Что же касается видов трансплантации, среди ученых-юристов отсутствует единое мнение по поводу данного. Мы придерживаемся классификации Н.Н.Гашиной и О.В.Зайцевой, выделяющих следующие виды трансплантации в зависимости от оснований [5, с.49].

Первый вид трансплантации основан на типе доноров:

а) трансплантация «*ex vivo*» (подразумевает извлечение трансплантата из живого донора);

б) трансплантация «ex mortuo» (предполагает извлечение трансплантата из умершего лица).

Второй вид трансплантации основан на типе трансплантатов:

а) трансплантация органов (а также комплексов органов, таких как сердце-легкое);

б) трансплантация тканей и клеточных культур.

Третий вид трансплантации основан на типе объектов:

а) трансплантация регенеративных объектов (таких как кровь, костный мозг и репродуктивные ткани);

б) трансплантация нерегенеративных объектов (таких как парные органы (легкие, почки) и одиночные органы (печень, сердце)).

Кроме того, существует классификация видов трансплантации, предложенная исследователями в начале 60-х годов 20 века, в которой выделяются:

а) ауто трансплантация (органы или ткани переносятся с одного места на другое в теле одного и того же человека);

б) изотрансплантация (органы или ткани переносятся между однойцевыми близнецами или между особями с идентичными генетическими характеристиками);

в) аллотрансплантация (органы или ткани переносятся между двумя разными людьми, которые не являются близкими родственниками);

г) ксенотрансплантация (органы или ткани переносятся между разными видами, например, между животными и людьми).

Основные факторы, влияющие на необходимость законодательного регулирования отношений в области трансплантологии, можно разделить на две группы: 1) принципы, формировавшиеся в течение длительного отрезка времени, и 2) принципы, возникшие недавно. Независимо от времени возникновения, как общие принципы, применимые ко всем областям медицины, так и конкретные принципы, применимые только в области трансплантации органов и тканей человека, являются эффективными для правового регулирования трансплантационных отношений.

Одним из основных принципов трансплантологии является соблюдение очередности согласно «листу ожидания». Это означает, что при решении о трансплантации органа или ткани, приоритет отдается пациентам, находящимся в более тяжелом состоянии и имеющим большую неотложность в получении трансплантата.

Другим важным принципом является декоммерциализация пересадок органов и (или) тканей. Так, согласно преамбуле Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 года № 4180-1, трансплантация не должна осуществляться на основе коммерческих интересов или финансовых выгод [6]. Трансплантация органов и других анатомических материалов всегда должна быть основана на этических принципах и медицинской необходимости. Декоммерциализация помогает предотвратить незаконную торговлю органами и тканями, а также защищает права и интересы доноров и реципиентов.

Общий медицинский принцип допустимого вреда, применяемый в трансплантологии, играет важную роль в обеспечении этичности и эффективности процесса трансплантации. Данный принцип имеет два аспекта:

а) соблюдение приоритета интересов донора (перед проведением трансплантации необходимо убедиться, что донор действительно согласен на процедуру и понимает все риски и последствия);

б) критерии приемлемости трансплантата для реципиента (врачи должны оценить состояние здоровья реципиента и определить, насколько успешно он сможет перенести трансплантацию).

Принцип уважения и соблюдения прав пациента основывается на основополагающих правах гражданина Российской Федерации, провозглашенных

Конституцией Российской Федерации: праве на жизнь (ст.20), праве на получение квалифицированной медицинской помощи (ст.41) [7].

Анализ зарубежного опыта трансплантации органов и тканей позволяет выделить две модели регулирования донорства органов и тканей:

а) «Презумпция согласия», в соответствии с которой извлечение и использование органов умершего осуществляется, если: он не возражал против этого при жизни или если его родственники или законные представители не возражали. Условия принимаются в качестве основы для согласия человека и его родственников на донорство органов.

Согласно ст.8 Федерального закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 в Российской Федерации действует презумпция согласия: изъятие органов и (или) тканей у трупа для трансплантации не допускается, если медицинская организация на момент такого изъятия поставлена в известность о том, что совершеннолетнее дееспособное лицо при жизни либо иные лица заявили о своем несогласии на такое изъятие; медицинской организацией не получено согласие одного из родителей на такое изъятие в случае смерти несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным.

б) «Презумпция несогласия», в соответствии с которой отсутствие согласия рассматривается как отказ от трансплантации. Предполагается, что каждый человек заранее не согласен с тем, что его органы будут пересажены другому лицу.

Следует отметить, что оказание медицинской помощи основывается на административном акте – документе, в котором выражена воля и властное предписание публичного образования. Он содержит юридические нормы, правовые положения, индивидуальные предписания и автономные решения. В случае оказания медицинской помощи, административный акт выражает волю учреждения здравоохранения и является обязательным для исполнения, то есть медицинские учреждения должны следовать указаниям, содержащимся в акте, и предоставлять необходимую помощь пациентам.

Таким образом, отношения, связанные с трансплантацией органов и других анатомических материалов, также подпадают под публично-правовое регулирование, поскольку пациент вправе обжаловать решения и действия (бездействия) должностных лиц учреждений здравоохранения, принятые в ходе его направления на трансплантацию.

Наряду с изложенным, отношения, связанные с оказанием трансплантологической помощи, являются гражданско-правовыми и предполагают взаимное равенство участников:

а) с одной стороны, пациент имеет право отказаться от получения такой помощи в любое время;

б) с другой – медицинское учреждение может односторонне отказаться от оказания помощи, если пациент нарушает правила и требования лечебного учреждения.

Кроме того, в случае причинения вреда здоровью пациента лечебным учреждением, применяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении ущерба (глава 59) [8]. Так, в случае, если пациенту был причинен вред в результате трансплантации органов или тканей, он имеет право на компенсацию ущерба согласно действующему законодательству.

На основании вышеизложенного можно заключить, что возникающие правоотношения в области трансплантологии органов и других анатомических материалов можно рассматривать как смешанные, поскольку они содержат элементы частноправового и публично-правового регулирования.

Выводы. Несмотря на широкие перспективы оказания медицинской помощи людям, трансплантология остается в значительной степени областью научных исследований.

Здравоохранение является сферой публичного права. Однако, когда речь идет о предоставлении медицинских услуг, данное правоотношение приобретает частноправовую характеристику.

Ввиду изложенного, правоотношения, связанные с трансплантацией органов и других анатомических материалов, не могут быть однозначно отнесены либо к частноправовому, либо к публично-правовому регулированию. Они представляют собой сочетание двух подходов, требующее интеграции и гармонизации норм в рамках современного правового пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галеева Г.Р. Международно-правовое сотрудничество в сфере предупреждения и пресечения незаконного изъятия, оборота и трансплантации органов человеческого тела: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Галеева Гульчачак Рамиловна, Моск. гос. юрид. акад. – Казань, Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – 2017. – 20 с.
2. Кудрявцева В.Л., Захарова М.А. Особенности социальной оценки медицинской имплантологии // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2017. – №3 (26). – С.21-29.
3. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов: Утверждены резолюцией на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., резолюция WHA63.22 / Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geneva.mid.ru> (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
4. Метелин Е. Е. Гражданско-правовой договор в системе отношений по трансплантации органов и тканей человека // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2008. – №3. – С.43-46.
5. Гашина Н. Н., Зайцева О. В. Трансплантации органов и тканей человека: понятие и сущность содержания // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – №3. – С.47-54.
6. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон Российской Федерации от 22.12.1992 года N 4180-1 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/?ysclid=lskwylo2jl411305208 (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 №1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 03.07.2020. – N 31. – Ст.ст.20, 41.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) / Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – N 5.

LEGAL ASPECTS OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF ORGAN TRANSPLANTATION AND OTHER ANATOMICAL MATERIALS

Annotation. The paper examines the legal essence of the relations arising in the provision of medical care to citizens, including transplantation of human organs and tissues. The author comes to the conclusion that legal relations related to the transplantation of human organs and tissues should not be unambiguously attributed to exclusively private or public law regulation.

Keywords: transplantation of organs and other anatomical materials, donor, recipient, medical activity, legal relationship.

Kostyuk A.

Scientific adviser: Kharzhevskaya T., Senior Lecturer
Donetsk State University

УДК 343.122

ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЯ ЭКСПЕРТА, ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПОКАЗАНИЕ СПЕЦИАЛИСТА-РАВНОПРАВНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Котовская П. В.

*Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная научная работа посвящена исследованию вопросов, связанных с использованием в доказывании по уголовным делам заключений и показаний таких участников уголовного судопроизводства, как эксперта и специалиста. Была произведена глубокая оценка заключений и показаний эксперта и специалиста, анализируются мнения современных процессуалистов, а также практика производства экспертиз и участия специалистов в уголовных делах. Затронута проблема равных возможностей сторон в доступе к заключению специалиста. Изучение современной практики и научной литературы позволило сделать выводы о наличии проблем в правоприменительной практике, возможное решение которых предложено в настоящей статье.

Ключевые слова: законодатель, доказательства, оценка доказательств, эксперт, специалист, показания, заключения, специальные знания.

Для разрешения любого уголовного дела, необходимо провести расследование самого преступления, выяснить обстоятельства, при которых оно было совершено, и установить лицо, которое его совершило. Только установление всех этих факторов позволяет применять нормы материального права и решать вопросы о квалификации преступления, степени вины и назначении справедливого наказания.

При расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде, одной из основных задач является защита законных прав и интересов и восстановление социальной справедливости. Однако для достижения этого в некоторых случаях необходимо обратиться к специальным знаниям в различных областях науки и техники, религии, ремесел и искусства. Законными каналами формирования таких специальных знаний в уголовном процессе являются заключения и показания экспертов и специалистов.

Заключение и показания специалистов – принципиально новый вид доказательств в уголовном процессе, который был включен в Федеральный закон от 4 июля 2003 г. №92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В этой связи наряду с заключением эксперта орган дознания и суд могут располагать заключением привлеченного специалиста.

Внесение этих изменений внесло важные новеллы в правовой статус специалиста, которые позволили использовать заключения и показания специалиста наравне с заключениями и показаниями эксперта. Это нововведение вызвало неоднозначную реакцию в научном сообществе и является одним из спорных вопросов уголовного судопроизводства. Из-за несовершенства законодательной техники это нововведение вызвало противоречивую реакцию в научных кругах, что, безусловно, требует научной разработанности и более четкого законодательного закрепления.

Следует согласиться с одним из самых авторитетных российских процессуалистом В. П. Божиевым, «что нововведения не сопровождались установлением и инкорпорацией в Уголовно-процессуальный кодекс норм, предусматривающих процессуальный порядок получения указанных доказательств; структуру и содержание самого заключения; полномочия участников процесса, ответственных за ведение производства по делу; права других участников процесса, отнесенных к той или иной стороне» [1, с. 4].

С мнением данного автора следует согласиться, поскольку фактически ч. 1 ст. 74 УПК РФ указывает, что доказательствами по уголовному делу могут быть любые сведения, но полученные исключительно в порядке, установленном законом.

Другие авторы считают, что наличие заключения специалиста в уголовном законодательстве нецелесообразно. Например, Т. Н. Бородкина считает, что заключение специалиста в его нынешнем виде нельзя считать доказательством, поскольку оно не содержит информации о фактах (в контексте понимания науки, права и юридической практики), а есть лишь суждение (мнение) специалиста [2, с.211].

Известный российский юрист профессор С.А. Шайфер неоднократно высказывался по этому вопросу, указывая на то, что заключение специалиста нельзя рассматривать как доказательство, полученное субъектом доказывания с соблюдением всех надлежащих правил. [3, с.44]. Соглашаясь с мнением Шайфера, Е.А. Доля также отметила, что заключения и показания эксперта не имеют доказательственной силы, так как они служат только для правильного понимания судом и сторонами юридически значимых фактов и обстоятельств, требующих специальных знаний и имеющих значение для уголовного дела. Р.Я. Мамедов также писал о невозможности рассматривать заключения и показания специалиста как самостоятельную разновидность доказательств, ссылаясь на отсутствие научного обоснования [4, с.195].

В таком случае возникает вопрос, была ли вообще необходимость вводить специалиста в качестве субъекта в закон и использовать его заключение и показания в качестве отдельной формы доказательства, поскольку до 2003 года в Уголовно-процессуальном кодексе существовало только одно заключение эксперта. Однако, в противовес с этим, стоит отметить, что привлечение специалиста, скорее всего, связано с тем, что этот субъект может быть необходим стороне обвиняемого в процессе, поскольку другого субъекта, который мог бы провести независимое расследование с его стороны, нет.

В соответствии с ч. 1 статьи 80 УПК РФ, заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержания исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами [5, с. 59].

В следственной и судебной практике сложилось так, что заключение эксперта имеет большую доказательственную силу чем заключение специалиста. Однако заключение эксперта с категоричными выводами можно рассматривать как очень веское доказательство. Вероятностное заключение в отсутствие иных веских доказательств не должно быть положено в основу обвинительного приговора.

Данная проблематика сложилась в результате того, что современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации довольно узко освещает эти два важнейших института, два важнейших доказательства, которые как правило используются специалистами для поддержания состязательности в области знаний, науки, искусства.

Заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста совершенно равноправные доказательства. Именно такое построение возможно было принято для того, чтобы обеспечить состязательность в области специальных знаний.

Хотя заключение эксперта не имеет особых преимуществ перед другими доказательствами, оно обладает своими уникальными свойствами. Это связано с тем, что оно является комплексным результатом применения специальных знаний квалифицированных экспертов, форма и содержание которых регулируются процессуальным законодательством Российской Федерации и Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в редакции с изменениями от 8.03.2015 г.). Заключение эксперта может быть свободно оценено лицом или органом, назначившим экспертизу, в соответствии с его внутренним убеждением (статья 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Законодательство определяет форму, структуру и содержание заключения, а также общий порядок его подготовки, как внутри экспертного учреждения, так и за его пределами.

Если обратиться к ч.2 статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации можно увидеть, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Оценивая данную норму в целом, отметим, что, по мнению ряда авторов, и наименование, и содержание указанной статьи трудно признать удачным. Так, например, Т.З. Зинатуллин и Т.З. Егоров не без основания пришли к выводу, что тем самым преследовалась цель подчеркнуть независимость субъектов, оценивающих доказательства. «Давая рассматриваемому принципу наименование «свобода оценки доказательств», – полагают они, – законодатель хотел подчеркнуть независимость всех тех субъектов доказывания, которые оценивают доказательства (судей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей, дознавателей) от какого-либо влияния, воздействия со стороны кого бы ни было... Единственной основой для делаемых ими выводов и решений должно являться внутреннее убеждение каждого из них и ничего более» [6, с. 50].

Так же следует обратиться к п.3.1 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в котором указано, что в качестве доказательств упоминаются лишь показания подозреваемого, обвиняемого, показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста; вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Однако в других нормах Кодекса названы также показания и объяснения гражданского истца (п. п. 3, 5 ч. 4 ст. 44), показания и объяснения гражданского ответчика (п. п. 3, 5 ч. 2 ст. 54), показания эксперта с разъяснением и дополнением данного им заключения (ст. ст. 80, 282).

Именно в этом и заключается основная проблема, что законодатель, введя указанный п.3.1 в статью 74 УПК РФ, не изменил те нормы, которые уже существовали к моменту введения данного пункта в число равноправных доказательств. Законодатель, введя в УПК РФ новый институт – заключение специалиста, стремился уравнивать сторону обвинения и сторону защиты в возможности доступа к специальным знаниям для доказывания или опровержения доводов противоположной стороны. Вероятно, уравнивание сторон в этом случае предпринято путём подтягивания возможностей стороны защиты.

Доказательствами такого неравенства субъектов уголовного судопроизводства можно проследить, обращаясь к статье 57 УПК РФ где указано, что эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Следует обратить особое внимание на словосочетание «для производства судебной экспертизы и дачи заключения». В связи с этим, можно отметить что законодатель прямо указал цель участия эксперта в уголовном процессе.

Для сравнения необходимо обратиться к ч. 1 статьи 58 УПК РФ, в данной норме указано, что специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Анализируя данную норму, можно сделать однозначный вывод, что законодатель не включает ни единого упоминания о том, что специалист наравне с экспертом имеет право давать заключение.

Также, в статье 168 УПК РФ указано, что следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 164 Кодекса. Соответственно трактовать данную норму можно таким образом, что следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста, однако о дачи специалистом заключения нет ни одного упоминания.

Возвращаясь к вопросу о несовершенстве уголовно-процессуальных норм, следует отметить, что закон не устанавливает порядок привлечения специалиста к участию в уголовном процессе. Среди полномочий защитника в ст. 53 УК РФ указано привлечение специалиста, но при этом законодатель ссылается на ст. 58 УК РФ, которая затем ссылается на статьи 168 и 270 УК РФ. В ст. 168 УПК РФ речь идет о праве следователя привлечь к участию в следственном действии специалиста.

В статье 279 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится об участии специалиста в судебном заседании. Поэтому приходится руководствоваться ст. 58 УПК РФ, которая регламентирует только привлечение специалиста для оказания помощи в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, а также использование технических средств при производстве следственных действий. Из этого следует, что закон дает право отозвать специалиста только следователю. Закон также не уточняет, может ли обвиняемый, защитник потерпевшего, пригласить специалиста для участия в деле, задать ему вопросы и получить ответы в виде заключения специалиста.

Процедура допроса специалиста в Уголовно-процессуальном кодексе также не установлена ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства, хотя в ст. 74 Уголовного кодекса показания специалиста упоминаются как доказательства наряду с его заключением.

Соответственно, основные проблемы возникли из-за недостаточной научной проработанности предложений по внесению изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В результате возникли трудности с внедрением «обновленного» закона (ч. 4 ст. 80 Уголовного кодекса) в практическое применение. Проблема заключается в том, что формулировка показаний эксперта не учитывает общую нормативную концепцию доказывания (ч. 1 ст. 74) и отделена от обстоятельств, подлежащих установлению (ст. 73 Уголовного кодекса). Более того, эта формулировка носит общий и абстрактный характер.

Важно отметить, что ч. 3 ст. 80 УПК РФ не предусматривает обязательных свойств, которым должны соответствовать все доказательства по уголовному делу, а именно относимость. Аргументировать данный вывод можно тем, что применительно к заключению специалиста является как бы необязательным наличие связи между содержанием сведений о фактах с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, или иными данными, имеющими значение для расследования дела или его рассмотрения судом. В данной статье ни указано сведений о фактах, а как известно именно на фактах строится все уголовно-процессуальное доказывание.

Соответственно исключается их относимость в том понимании, которое вкладывается в понятие доказательств указанного в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Вместо этого закон (в существующем виде) признал доказательством заключение специалиста, полученное за рамками уголовного процесса.

Необходимо так же иметь в виду, что применение ч. 4 ст. 271 УПК РФ лишает возможности суд даже проверить наличие оснований к допуску специалиста или отказу в этом, а также к его отводу. Тем самым ущемляются права не только суда, но и других участников уголовного судопроизводства, а заодно блокируется право и обязанность суда в полной мере реализовать предписания, содержащиеся в ст. ст. 61, 69 – 71 УПК РФ.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что показания и заключение эксперта и специалиста в настоящее время являются доказательствами равной ценности, поскольку заключение эксперта и заключение специалиста (ст. 80 УПК РФ) должны иметь одинаковую доказательственную ценность в соответствии с процессуальным равенством всех доказательств. Более того, если мы изначально признаем их процессуальное неравенство, то это касается спорного

характера уголовного процесса и осуществления адвокатами своих полномочий в целом.

Естественно, что изменения, внесенные Федеральным законом №92 в статью 80 УПК РФ, регламентировали исключительно новый вид доказательств, не устанавливая порядка их формирования. Другие нормы УПК РФ не содержат правовых норм, определяющих механизм получения экспертных заключений и свидетельских показаний, порядок их представления, требования к их содержанию и процессуальному оформлению, а также ответственность за фальсификацию этих доказательств.

Несмотря на множество нерешенных вопросов в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, заключение специалиста может быть использовано в качестве нового источника доказательств для установления значительного числа обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовных делах. С его помощью следователь и суд применяют специальные знания в различных случаях, когда судебно-медицинская экспертиза не является необходимой, а защитник и другие лица, имеют возможность, используя специальные знания, в форме экспертного заключения, участвовать в сборе доказательств. Отсутствие процессуального регулирования этого источника доказательств компенсируется его свободной оценкой в системе доказательств и необходимостью проверки с помощью таких средств доказывания, как показания специалиста или, при необходимости, судебно-медицинская экспертиза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божьев В.П. Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств: Учеб. пособие / В. П. Божьев, А. И. Лубенский. – Москва: Акад. МВД СССР, 1981. С. 71.
2. Бородкина Т. Н. Относимость и допустимость – как основные свойства заключения специалиста. «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 211.
3. Шейфер, С. А. Пути развития российского судопроизводства / С. А. Шейфер – Текст: непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Издательство Томского университета. – 2005. – Ч. 29. С. 44–51.
4. Мамедов, Р. Я. Заключение специалиста, представляемое адвокатом – защитником, как самостоятельное доказательство по уголовному делу / Р. Я. Мамедов – Текст: непосредственный // Апробация. – 2017. – № 2 (53). – С. 195–197.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
6. Зинатуллин Т.З., Егорова Т.З. Оценка средств уголовно-процессуального доказывания. Ижевск, 2011. С. 49-50.

EXPERT'S CONCLUSIONS AND TESTIMONY, EXPERT'S CONCLUSION AND TESTIMONY ARE EQUAL EVIDENCE

Annotation. This scientific work is devoted to the study of issues related to the use of conclusions and testimony of such participants in criminal proceedings as an expert and a specialist in proving criminal cases. An in-depth assessment of the conclusions and testimony of an expert and a specialist was carried out, the opinions of modern processualists are analyzed, as well as the practice of conducting examinations and the participation of specialists in criminal cases. The problem of equal opportunities of the parties in access to the expert's opinion is touched upon. The study of modern practice and scientific literature allowed us to draw conclusions about the existence of problems in law enforcement practice, the possible solution of which is proposed in this article.

Keywords: legislator, evidence, evaluation of evidence, expert, specialist, testimony, conclusions, special knowledge.

Kotovskaya P.

Scientific adviser: Ushakova K., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: polinakotovskaa03@gmail.com

УДК 331.5-053.6

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЯДЕРНЫЙ УЩЕРБ

Кравченко О.А.

*Научный руководитель: Харжевская Т. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе анализируются положения о ядерном ущербе, принципах и пределах ответственности, исковой давности и распределении юрисдикции. Актуальность данной темы заключается в том, что вопрос о возмещении ущерба, причиненного авариями на ядерных установках, в настоящее время не разработан в достаточной мере.

Ключевые слова: ядерный ущерб, экологическая безопасность, ответственность за ущерб, международный режим ответственности, ядерная установка.

Ядерный ущерб представляет серьезную угрозу для человечества, окружающей среды и будущих поколений. В случае ядерной аварии или инцидента ответственность за ущерб, нанесенный людям и окружающей среде, является важным аспектом международного правового регулирования. Современная эпоха немыслима без таких новейших технологий, как сильные атомные электростанции, корабли с ядерными двигателями и плазменные двигатели для космических аппаратов. Все это стало частью нашего современного мира и воспринимается как обыденность. Но, все эти технологии не проходят бесследно.

Главной задачей данной научной статьи является изучение и анализ международно-правовых аспектов ответственности за ядерный ущерб. Статья включает в себя рекомендации по совершенствованию международного права в области ядерной безопасности и усовершенствованию механизмов международной ответственности за ядерный ущерб. Такие рекомендации могут включать в себя разработку новых международных норм, усовершенствование международных процедур и механизмов рассмотрения споров, а также создание специальных органов или судов для рассмотрения дел о ядерном ущербе. В целом, данная научная статья направлена на более глубокое понимание международно-правовой ответственности за ядерный ущерб и на поиск путей укрепления международной безопасности в этой области. Она также может служить основой для дальнейших исследований и обсуждений в рамках международного права и ядерной безопасности.

Ядерная энергетика и ядерное оружие представляет собой потенциальную угрозу для безопасности и стабильности в мире. Потенциальная опасность ядерного ущерба вызывает беспокойство международного сообщества, и поэтому есть необходимость в разработке эффективной системы международно-правовой ответственности за ядерный ущерб [1].

Понятие международно-правовой ответственности за ядерный ущерб основано на ряде международных договоров, конвенций и принципов, которые регулируют ядерную безопасность. Одним из ключевых документов в этой области является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который определяет обязательства государств в отношении нераспространения ядерных технологий и установление механизмов строгого контроля над ними. Кроме того, существуют такие международные инструменты, как Конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб, которая регулирует вопросы компенсации и возмещения ущерба, вызванного ядерными авариями.

Правовое регулирование общественных отношений в сфере такой потенциально опасной деятельности человека, как использование атомной энергии, требует

комплексного регулирования [2]. В этой связи особое значение имеет правовое регулирование гражданской ответственности за ядерный ущерб. Принимая во внимание то, что последствия ядерной аварии вероятнее всего могут выходить за рамки национальных границ, тем самым затрагивая безопасность других государств и стран, значительный интерес представляет международная конвенция о правовом регулировании гражданской ответственности за ядерный ущерб.

Международное правовое регулирование вопроса ответственности за ядерный ущерб имеет свои особенности в силу того, что такой ущерб наносит колоссальный вред всему живому, населению и экологии. В связи с этим, обязанность компенсировать ущерб, вызванный ядерной аварией, не может быть адекватно обеспечена нормами гражданского права, которые регулируют компенсацию обычных видов риска. Для ответственности такого рода требуются отдельные законодательные акты, специализированные в области рассматриваемой проблематики.

Существуют различные нормы и соглашения, регулирующие ядерную деятельность, и ответственность за ядерный ущерб. Однако, проблема состоит в том, что эти нормы и соглашения не всегда согласованы и не всегда учитывают все аспекты ядерной деятельности, что создает некие сложности в процессе применения их на практике. Подробнее о гражданско-правовой ответственности за ядерный ущерб рассказано в Парижской конвенции об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии 1960 г., Брюссельской дополнительной конвенции 1963 г., Брюссельской конвенции об ответственности операторов ядерных судов 1962 г., Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г., а также Конвенции о гражданской ответственности в области морских перевозок ядерных материалов 1971 г.

Венская конвенция устанавливает следующие принципы: ответственность возлагается на оператора ядерной установки, закрепляет безвиновную ответственность оператора, устанавливает более длительные сроки исковой давности по сравнению с общегражданскими. Приведенные принципы не являются специфическими принципами ядерного права.

По мнению Малинина Н.С. задачей формирования концепции международно-правового регулирования безопасного для окружающей среды использования ядерной энергии, необходимого для достижения экологической безопасности, осуществляется путем, выделения из международно-правовых норм и рекомендаций международных организаций вопросов безопасного для окружающей среды использования ядерной энергии как отдельного предмета исследования [3].

Вопрос об ответственности за ядерный ущерб также связан с «иностранными элементами». Решение этого вопроса зависит от выбора применимого права [4]. Все государства устанавливают пределы ответственности за ядерный ущерб в своем национальном законодательстве и в международных конвенциях, действующих в этой области. Поэтому в зависимости от того, какое право применяется, пострадавший имеет право на компенсацию только в пределах, установленных системой [5].

Одной из основных проблем является проблема определения ответственности в случае ядерного ущерба. Ядерная энергетика и ядерное оружие представляют собой уникальные и сложные технологии, и определении доли ответственности каждой из сторон может быть непростой задачей. В случае аварии или инцидента на ядерном объекте возникает вопрос о том, кто несет ответственность за причиненный ущерб и в какой мере. При этом возникает вопрос о том, как оценить размер ущерба и кто должен его компенсировать. Оператор ядерной установки является субъектом правоотношений, возникающих в результате ядерного ущерба, и несет ответственность за причиненный ядерный ущерб, который может возникнуть в случае ядерного инцидента на самой установке или при перевозке ядерного материала и его передаче

другой установке. Если ядерный ущерб возник по вине нескольких операторов, то они должны нести ответственность пропорционально своей доле в этом ущербе. Однако, существуют случаи когда невозможно определить долю каждого оператора. Тогда ответственность распределяется между ними солидарно.

Венская конвенция вводит безвиновную ответственность оператора ядерной установки как владельца источника повышенной опасности. Вместе с тем Конвенция предусматривает случаи, освобождающие оператора от ответственности за ядерный ущерб. Одним из примеров такого освобождения от ответственности является наступление аварии в случае действия непреодолимой силы, что само собой исключает ответственность оператора ядерной установки. При этом вина владельца будет учитываться при определении размера возмещения. Однако Конвенция оставляет многие вопросы на усмотрение национального законодательства (ответственность вследствие непреодолимой силы чрезвычайного стихийного характера, ответственность за ущерб, причиненный транспорту), что усложняет ее применение и понимание [6].

По общему правилу, убытки должны возмещаться в полном объеме. Некоторые страны предлагают ограниченную ответственность, что может быть недостаточным для возмещения реального ущерба, нанесенного ядерной аварией. Кроме того, не все государства имеют обязательство вступить в силу Договора о гражданской ответственности за ядерные ущерб, что увеличивает сложности в реализации ответственности за ядерный ущерб. Интересным является то, что все конвенции устанавливают пределы ответственности оператора ядерных установок. «Эти пределы вводились для того, чтобы защитить интересы организаций, осуществляющих ядерную деятельность, обезопасить их от возможных чрезвычайных убытков». Венская конвенция вводит самый низкий по сравнению с другими международными договорами предел ответственности оператора ядерной установки – 5 млн долл. США за каждый ядерный инцидент.

Кроме того, проблематичным является установление международной юрисдикции в случае ядерного ущерба. В случае ядерной аварии или инцидента, ответственность за которые возлагается на государства, возникает вопрос о том, какую юрисдикцию применять. Центром ответственности является государство, на территории которого произошла авария или инцидент, но причины или последствия могут затрагивать ряд других государств. Кроме того, назначение компетентного органа для рассмотрения дела и установления надлежащей юрисдикции может вызвать споры и противоречия между причастными государствами.

Следует отметить, что особенностью системы компенсации ядерного ущерба является то, что некоторые нормы, призванные компенсировать имущественный и неимущественный ущерб, остаются только на бумаге, не находя для себя практического применения. Например, в целях компенсации потерь, связанных с переселением из загрязненных районов, государство гарантировало пострадавшим право на получение временной беспроцентной ссуды на приобретение жилья, причем погашение ссуды должно осуществляться за счет средств федерального бюджета. В то же время материально-правовой механизм реализации этой нормы отсутствует, а необходимые средства не прописаны в законе.

Также стоит отметить проблему международного сотрудничества в области предотвращения ядерных аварий и минимизации их последствий. Недостаточное сотрудничество и обмен информацией между государствами может привести к увеличению риска возникновения ядерных аварий и затруднить процесс возмещения ущерба.

Наконец, одной из главных проблем является отсутствие международного органа, который бы регулировал вопросы ответственности за ядерный ущерб. В настоящее

время отсутствует специализированная международная организация или суд, который мог бы рассматривать дела по ядерному ущербу и решать споры. В случае возникновения спора или конфликта, странам приходится искать решения на договорной основе или обращаться к соответствующим международным органам, таким как Международный Суд.

В результате перечисленные проблемы свидетельствуют о значительных трудностях внедрения системы ответственности за ядерный ущерб. Российское государство и законодательство не готовы к решению проблемы компенсации ущерба от ядерных аварий.

Нерешенным так же остается и вопрос о публичной ответственности за ядерный ущерб. Этот вид ответственности подразумевает под собой ответственность государства за совершение им того или иного противоправного деяния, в результате которого наступили негативные последствия для других государств. Необходимость разработки и принятия актуального международного нормативно-правового акта, который бы регулировал ответственности за причинения ядерного ущерба остается острой до настоящего момента. Также важно продвигать международное сотрудничество в области предотвращения ядерных аварий и минимизации их последствий, чтобы снизить риски для человечества и окружающей среды. В случае ликвидации названных пробелов в законодательстве, касающихся международно-правового регулирования отношений, связанных с безвредным использованием атомных установок, будет значительно повышены гарантии ядерной безопасности.

Таким образом, международно-правовая ответственность за ядерный ущерб является важным аспектом в области ядерной безопасности и имеет целью обеспечить гарантии безопасного использования ядерных технологий и защиту интересов государств и человечества в целом. В современном обществе остается нерешенным вопрос о регулировании ответственности за ядерный ущерб. Ему предстоит пройти путь совершенствования и развития, прежде чем эта проблема будет считаться решенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский М. М. Современное международное частное право в России и Евросоюзе: монография. / Под ред. А. Г. Лисицына-Светланова. – М., 2013. – Кн. 1. С. 110.
2. Грищенко А. И. Атомное законодательство как составная часть энергетического законодательства // Предпринимательское право [Электронный ресурс]. – М., 2013. – № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Малинин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности: Юрид. лит., – М., 1995. – С. 230.
4. Нормативно-правовое регулирование в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / В.В. Алексашина, Ю.М. Пирогов, В.Н. Седых и др. // Бюллетень строительной техники: БСТ. – М., 2010. – № 3. – С. 32-36.
5. Копылов М.Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран (международно-правовые вопросы): Экон. [б.и.] – М, 2000. – С. 388.
6. Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов / [Электронный ресурс]. – Вена. 12.09.1997 // Международное агентство по атомной энергии.

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF LIABILITY FOR NUCLEAR DAMAGE

Annotation. This paper analyzes the provisions on nuclear damage, the channeling of liability to the operator of a nuclear installation, the principles and limits of liability, the limitation period and the distribution of jurisdiction. The relevance of this topic lies in the fact that the issue of compensation for damage caused by accidents at nuclear installations is currently not sufficiently developed.

Keywords: nuclear damage, environmental safety, nuclear installation, liability for damage, international liability regime, Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage of 1963, 1997 Protocol to the Convention on Civil Liability for Nuclear Damage.

Kravchenko O.

Scientific adviser: Kharzhevskaya T., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: olga88852@gmail.com

УДК 341.9

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПРИНЦИПОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВ

Ларина Е. Д.

*Научный руководитель: Гончаренко А. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Рассматривается право народов на самоопределение как один из основополагающих принципов современного международного права. Исследуются и анализируются вопросы реализации принципа права народов на самоопределение, а также проблема преодоления коллизий принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств. Указывается, что правовым основанием создания нового государства является реализация народом своего права на самоопределение. Осуществление права народов на самоопределение может вести к нарушению территориальной целостности государств. Конкретизируется, что в случае нарушения принципа всеобщего уважения прав и свобод человека со стороны государства осуществление права народов на самоопределение может быть правомерным основанием для создания собственного независимого государства.

Ключевые слова: принципы международного права, территориальная целостность государства, право народов на самоопределение, суверенитет, сецессия, правомерность самоопределения, всенародное волеизъявление, референдум.

Каждый народ вправе реализовывать свое экономическое и культурное развитие без вмешательства извне, независимо предопределять свой общественно-политический статус, а также свободно определять форму своего государственного существования, как в виде независимого государства, так и в составе другого, что выражается в одном из основных принципов международного права – праве народов на самоопределение, которое признано и закреплено в пункте 2 статьи 1, а также в пункте 1 статьи 55 Устава ООН (с 1945 года) [1].

О закреплении права народа беспрепятственно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие значится в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. части 1 ст. 1, согласно которому «все народы имеют право на самоопределение» [2, с. 44].

Становление права народов на самоопределение началось в конце XVIII века. Тогда папские Анклавы были присоединены к Франции по решению народа. Это был первый случай в истории человечества. Официально право народа на самоопределение было признано и закреплено в 1945 году в Уставе ООН.

Ярким примером реализации права народов на самоопределение путем выхода из состава государства или какой-либо его части является сецессия, предусмотренная Конституцией СССР 1936 г., где в ст. 17 было закреплено положение о том, что «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» [3].

Следует отметить, что подобное отделение приводит к конфликту принципа самоопределения народов и принципа международного права о территориальной целостности государств, так как новое государство формируется вследствие выделения

части территории от первоначально существовавшего государства и изменения границ его территории.

Наиболее эффективно право на внутреннее самоопределение может быть реализовано в автономном государственном образовании, в случае предоставления независимости населению какой-либо территориальной единицы в пределах существующего государства. Подобная форма реализации права на внутреннее самоопределение дает возможность защитить права лиц, присущих определенной группе населения, сберечь этнические особенности такой группы, обеспечивает этой группе право на участие в государственном управлении на своей территории, а также возможность создавать местные аппараты власти.

Таким образом, исходя из Декларации о принципах международного права 1970 года, методами осуществления права народов на самоопределение являются: создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к суверенному государству или объединение с ним и установление любого иного политического статуса, который определяется самим народом [4].

По мнению ряда ученых и политиков, внешнее самоопределение народа может считаться законным в случае, когда руководство определенной страны делает невозможным внутреннее самоопределение [5, с. 32].

Для того чтобы реализация права народа на самоопределение была возможна, необходимо чтобы нормами международного права были сформулированы аспекты или основания определения законности подобных требований народов на самоопределение. В качестве соответствующих оснований для разработки правомерных критериев для реализации права на самоопределение могут быть: всенародное волеизъявление (например, путём проведения референдума), историческое право народов, нетерпимость проживания какого-то народа или этнической общности под управлением государства, на территории которого они проживают, и этническую структуру населения.

Следует отметить, что в науке международного права выделяют три основных подхода при рассмотрении правовых вопросов реализации права народов на самоопределение и корреляцию такого права с принципом территориальной целостности государств:

- 1) принцип территориальной целостности, имеющий приоритет над принципом самоопределения народов;
- 2) принцип самоопределения народов, имеющий приоритет над принципом территориальной целостности;
- 3) оба принципа имеют равную юридическую силу [6].

Впервые обязанность государств «...уважать и сохранять против всякого внешнего вторжения территориальную целостность...» была провозглашена в Уставе Лиги Наций (ст. 10) [7].

В отличие от Устава Лиги Наций, Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 г. закрепил несколько иной принцип, а именно принцип территориальной неприкосновенности в виде обязанности государств «воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства» (ч. 4 ст. 2).

В качестве самостоятельного принцип территориальной целостности государств был выделен в Декларации 1970 г. «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» [4]. В соответствии с положениями данного международного акта, территория государства является неприкосновенной от посягательств со стороны иных государств путём использования военной силы либо угрозы силой.

Российской правовой доктрине хорошо известны как принцип территориальной целостности, так и принцип территориальной неприкосновенности.

Достаточно часто правовым основанием создания нового государства является реализация принципа права народов на самоопределение. В конце XX столетия примером формирования новых территориальных образований стало формирование новых государств после распада Советского Союза. Данные государственные образования были созданы в пределах линий уже существующих административных границ, однако, к сожалению, не всегда принимались во внимание этнические особенности народов, живущих на таких территориях. Также еще одним примером создания новых государств на основе реализации принципа самоопределения народов, стало образование Чехии и Словакии на территории Чехословакии.

Стоит отметить, что принцип права народов на самоопределение также закреплен и во внутригосударственном праве. Так статьей 5 Конституции Российской Федерации зафиксировано равноправие субъектов Российской Федерации, а в ч. 3 ст. 5 Конституции закреплено положение о «равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» [8]. Данная норма означает, что самоопределение народов России осуществляется путем внутреннего самоопределения и возможно исключительно в пределах государственных границ. Конституцией Российской Федерации не предусмотрено право выхода субъектов из ее состава.

Законные гарантии на реализацию права народов на самоопределение в Российской Федерации зафиксированы и Постановлением Конституционного Суда РСФСР № П-РЗ-1 от 13 марта 1992 г. и предусматривают осуществление такого права в различных национально-государственных и национально-культурных формах. Конституционный Суд исходил из того, что международное право призывает к соблюдению принципа территориальной целостности и принципа соблюдения прав человека, при этом не отрицал права народа на самоопределение, осуществляемого путем легитимного волеизъявления. Конституционным Судом было обращено внимание на то, что международные документы определяют неприемлемость применения ссылок на принцип самоопределения ради подрыва единства государства и национального единства [9]. В результате, позиция Конституционного Суда только лишь укрепила принцип территориальной целостности государства и права народов на внутреннее самоопределение.

Правовой подход, устанавливающий равенство двух принципов, обладающих одинаковой юридической силой, выражается в положениях Декларации о принципах международного права 1970 года. Декларацией установлено, что принципы международного права взаимосвязаны и не следует рассматривать их в отрыве друг от друга - «При истолковании и применении изложенных выше принципов, последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов». При этом в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. указывается, что «все изложенные принципы имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других» [10].

Таким образом, в международном праве не установлено приоритетное значение одних принципов по отношению к другим.

Реализация принципа самоопределения народов невозможна без реализации основополагающего принципа всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека. Примером реализации этого принципа является выражение жителей регионов Донецкой и Луганской областей на получение автономного статуса в 2014 году и последующего отсоединения от Украины в пределах территориальных границ данных областей.

Первопричины подобных действий были предопределены итогами регионального референдума, проводимого 27 марта 1994 года в Донецкой и Луганской областях одновременно с выборами в Верховную раду Украины.

Тогда на голосование были вынесены следующие вопросы:

Согласны ли вы с тем, чтобы Конституция Украины закрепила федеративно-земельное устройство Украины?

Согласны ли вы с тем, чтобы Конституция Украины закрепила функционирование русского языка в качестве государственного языка Украины наряду с государственным украинским языком?

Согласны ли вы с тем, чтобы на территории Донецкой (Луганской) области языком работы, делопроизводства и документации, а также образования и науки был русский язык наряду с украинским?

Вы за подписание Устава СНГ, полноправное участие Украины в экономическом союзе, в межпарламентской ассамблее государств СНГ? [11].

Значимыми показателями проведения референдума почти тридцатилетней давности стала не только высокая явка (в Донецкой области 72%, в Луганской области 75 %), но и сам результат – больше 90% респондентов в двух областях проголосовали за сближение с Россией и странами СНГ и за закрепление русского языка в качестве государственного.

Следовательно, не удивительно, что в 2014 году народ Донбасса, исходя из конкретной исторической и военно-политической ситуации, сформировавшейся на тот момент, принял решение о дистанцировании от Украины и создании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, следуя принципу самоопределения народов и наций, с учетом принципа всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека.

Украина как государство в 2014 года уже не могла, да и не хотела ни обеспечить, ни гарантировать всемирно общепризнанные права и свободы человека (право на жизнь, неприкосновенность личности, жилище, труд, собственность и т.д.) жителям двух областей и в дальнейшем преднамеренно шла на их массовое и грубое нарушение. На протяжении 9 лет украинское государство систематически осуществляло политику геноцида и террора против значительного количества собственного народа – жителей Донбасса.

Как показала международная практика в государствах переходного типа, находящихся в состоянии внутреннего вооруженного конфликта, принцип самоопределения народов и принцип всеобщего уважения прав и свобод человека могут главенствовать и быть системообразующими над принципом территориальной целостности и принципом нерушимости границ.

Таким образом, самоопределившиеся народы могут претендовать на международное признание в той или иной общепризнанной форме, если они, исходя из конкретных ситуаций, в том числе находясь под жестким давлением государства, частью которого они являются, вынуждены создавать собственное государство, которое сумеет защитить и гарантировать своим гражданам безусловные права и свободы человека.

Население Донбасса сумело реализовать свое право на самоопределение, проведя референдум весной 2014 года и самостоятельно определив как свой политико-правовой статус, так и свое экономическое, социальное, культурное и духовное развитие. Финальным аккордом в вопросе реализации права на самоопределение народа Донбасса, стало закрепление на законодательном уровне факта вхождения в состав Российской Федерации и образования новых субъектов – Донецкой Народной Республики в соответствии с Федеральным конституционным законом от 04 октября 2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» и Луганской Народной Республики в соответствии с Федеральным конституционным законом от 04 октября 2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую

Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики».

В итоге неизбежно международная теория следует за международной практикой и доминирование таких принципов международного права, как принцип самоопределения народов и принцип всеобщего уважения прав и свобод человека, реально отображает новые реалии современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 27.11.2023).
2. Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. И вступ. ст. В.А. Карташкина, Е.А. Лукашевой. – М.: Норма: Инфра-М, 1998. – 784 с.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles (дата обращения: 27.11.2023).
5. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации на постсоветском пространстве: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2010. – 456 с.
6. Мережко А. Равноправие и самоопределение народов в контексте проблемы «непризнанных» государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/article/941589?ysclid=lph112eh1j407884958> (дата обращения: 27.11.2023).
7. Устав Лиги Наций: принят 28 июля 1919 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/44984539/> (дата обращения: 30.11.2023).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.11.2023).
9. Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13.03.1992 № П-РЗ-1 «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан», Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 года «О референдуме Республики Татарстан», Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=5280&ysclid=lph8a96p96931462764#N CMrpwTriAraAkFK> (дата обращения: 27.11.2023).
10. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901862> (дата обращения: 30.11.2023).
11. Референдум в Донецкой и Луганской областях 1994 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mikle1.livejournal.com/12262133.html?ysclid=lph8i9gibm189731453> (дата обращения: 27.11.2023).

LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION AND ITS CORRELATION WITH THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY OF STATES

Annotation. The right of peoples to self-determination is considered as one of the fundamental principles of modern international law. The issues of the implementation of the principle of the right of peoples to self-determination, as well as the problem of overcoming conflicts between the principles of self-determination of peoples and the territorial integrity of States are investigated and analyzed. It is indicated that the legal basis for the creation of a new state is the realization by the people of their right to self-determination. The exercise of the right of peoples to self-determination may lead to a violation of the territorial integrity of States. It is specified that in case of violation of the principle of universal respect for human rights and freedoms by the State, the exercise of the right of peoples to self-determination may be a legitimate basis for creating their own independent State.

Keywords: principles of international law, territorial integrity of the State, the right of peoples to self-determination, sovereignty, secession, legality of self-determination, popular expression of will, referendum.

Larina E.

Scientific adviser: Goncharenko A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: slender1401@mail.ru

УДК 34.096

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗАМЕНЫ ЛИЦА (ДИПФЕЙК)

Лисицын М. А.

*Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается технология замены лица дипфейк, раскрывается её сущность, положительные и отрицательные черты, а также её опасность для настоящего и будущего. Проводится правовой анализ дипфейка с точки зрения российского законодательства, судебной практики и доктрины, освещается законотворческая практика нашей и других стран в данной сфере, поднимается вопрос о необходимости интенсификации и стабилизации нормотворческой деятельности в соответствующем направлении в связи с недостаточной подготовленностью российского законодательства к новой технологии.

Ключевые слова: дипфейк, правовое регулирование дипфейк, новые технологии.

Технологии современности удивительны, невероятно разнообразны, порой настолько быстро развивающиеся, что даже современные учёные и правоведы ведут дискуссии и споры по поводу них. Не исключением является и искусственный интеллект, который в последние годы очень стремительно прогрессирует в самых различных кондициях. В современном обществе искусственный интеллект используется в разных целях: начиная от роботизации и, например, машинного обучения, заканчивая дипфейками, о которых далее пойдёт речь.

Дипфейк (англ. deepfake от deep learning «глубинное обучение» + fake «подделка»). Буквально с английского слово переводится как «глубокая подделка») – методика синтеза изображения или голоса, основанная на искусственном интеллекте. В 2014 году технология впервые была разработана студентом Стэнфордского университета. Данная методика используется для соединения и наложения существующих изображений и видео на исходные изображения или видеоролики. В основном для подобных целей используют генеративно-состязательные нейросети (GAN). Их суть в свою очередь состоит в следующем: разделим целый алгоритм на две условные части. В таком случае генеративная часть программы отвечает за обучение ИИ (искусственного интеллекта) на основе фото и видео человека, состязательная – сравнивает настоящее изображение с подменным до того момента, пока последняя не начнёт их путать. Крайне удивительно, но факт, что алгоритм в представленном случае работает по принципу состязания (соревнования), от чего и идёт его название. Подобная налаженная система позволяет наиболее точно и результативно обрабатывать материалы видеороликов и изображений, из-за чего конечный продукт деятельности искусственного интеллекта выглядит довольно реалистично.

Учитывая вышесказанное, необходимо понимать, где возможно применение данной технологии, может ли она быть полезна человеку или способна лишь причинять вред. Как известно, дипфейк всё ещё находится на этапе развития, однако сферы, в которых технология может применяться, находятся уже сейчас. Сфера образования, например, последние годы существенно наращивает интерактивно-цифровую составляющую. Дипфейк в свою очередь открывает широкие возможности, ведь с

помощью него учебный процесс можно многократно усовершенствовать. Различных знаменитых личностей, представленных современной историей, давно нет в живых, от них остались лишь изображения, дошедшие к нам сквозь года. Гораздо интереснее обстоит бы дело, если была бы возможность «оживить» эти изображения. Такая возможность у современной науки появилась благодаря вышеназванной технологии. Теперь правители, военачальники, культурные деятели, представители науки, писатели и поэты прошлого могут «ожить» и принести пользу снова. В скором времени, поэты «золотого века» смогут «лично» декламировать свои только что сочиненные стихи. Аналогичная ситуация имеет место и в киноиндустрии, ведь современные технологии не позволят памяти ушедших актёров «погибнуть». Примером подобного применения дипфейка является деятельность художника из Бразилии Хидерли Диао. На основании исторических портретов, статуй и скульптур он создаёт с помощью нейросети изображения современных людей. Сейчас на странице автора можно найти десятки различных изображений, где представлены знаменитые исторические личности и даже мультипликационные персонажи. Художник оформляет фотографии максимально приближенно к современным реалиям. Древние учёные, правители и полководцы выглядят так, будто это самые обычные люди, которых можно встретить сегодня на улице. Для своей работы Хидерли Диао выбирает в интернете портреты людей, внешне похожих на историческую личность. Затем фотография совмещается с изображением исторического персонажа путём наложения их друг на друга.

Таким образом, полезные свойства нейросетей очевидны, однако всё следует рассматривать с разных сторон и ракурсов. Обратим внимание на то, что у дипфейка помимо светлой стороны есть также и тёмная. Цифровые сервисы, нанизанные на глобальную сеть Интернет, в последние годы превратились в мощный инструмент воздействия на сознание человека с целью формирования определенных поведенческих паттернов, политических, религиозных и идеологических воззрений [1]. Речь идет о ведении прокси-войны руками и человеческими ресурсами противника на его же территории. В таких войнах дипфейки начинают играть одну из ведущих ролей за счет своего уже доказанного серьезного эффекта по формированию общественного мнения. Весьма острой и пока еще нерешенной остается проблема распространения модифицированного аудиовизуального контента в СМИ и Интернете, порождающего феномен постправды. Фальсифицированные высказывания политиков и знаменитых личностей могут оказывать весомое влияние на мнение общества, формируя неверное понимание ситуации, которое приводит к плачевным последствиям.

Ещё одной уязвимостью, которой можно воспользоваться с помощью технологии дипфейк, является банковская система. Относительно недавно банки с целью усовершенствования системы безопасности начали использовать биометрию своих клиентов в сфере идентификации личности. Создав видео с одним из клиентов банка, используя его биометрические данные, мошенники смогут завладеть его средствами. Учитывая человеческий фактор, ведь именно сотрудники банки проводят идентификацию, можно говорить о потенциальной опасности со стороны столь безобидной и полезной технологии, какой она кажется на первый взгляд. Так, например, совершенно справедливы опасения М. А. Желудкова: «Подобные технологии в условиях удалённого доступа могут быть использованы для оформления подложных товарно-денежных операций, изменения доказательств по реальным уголовным делам. Если сегодня такие программы пока ещё недостаточно совершенны, то пройдет небольшой промежуток времени, и технология дипфейков с открытым кодом создаст серьёзные трудности в идентификации аудио и видеoinформации в интернет-пространстве» [2, с. 67].

Таким образом, проанализировав положительные и отрицательные черты технологии, закономерно возникает вопрос следующего характера: возможно ли распознать «подделку» и обезопасить себя от потенциальной опасности? С достаточной

уверенностью хочется обратить внимание, что среднестатистический человек не в силах без подробного анализа определить, является ли видеоролик или изображение поддельным. Если при создании «подделки» использовалось оборудование с достаточным потенциалом производительности, человеческий глаз не заметит подвоха. Несмотря на это, технологии, позволяющие защититься от деятельности искусственного интеллекта, есть. Новый сервис AI or Not может распознать сгенерированные изображения по незаметным обычному глазу деталям, причем делает это с точностью выше 90%. Примечательно, что новый сервис не просто определяет, что изображение сгенерировано искусственно, но и устанавливает «авторство»: умеет определять какой именно нейросети принадлежит работа. Для этого алгоритмы используют комплексный анализ: проверяют наличие артефактов, реалистичность переходов яркости и контраста в деталях и так далее. В зависимости от использованной нейросети достоверность распознавания AI or Not составляет до 97% [3]. Логично, что с учетом невероятных темпов развития нейросетей рано или поздно встанет вопрос фильтрации искусственно созданных изображений, и такой сервис может пригодиться во всех вышеупомянутых сферах. В дополнение к этому разработан метод нанесения цифрового «водяного знака» в случае обнаружения скрытых следов модификации графического контента. Однако этот метод совсем не распространён, так как требует своего внедрения во многие популярные цифровые платформы, на что последние вряд ли станут давать позволение до тех пор, пока данная мера не обретет обязательные юридические рамки.

Несмотря на позитивные качества технологии, в первую очередь стоит рассматривать её с отрицательной стороны с целью исключения негативного влияния её деятельности на человека и общество в целом. Учитывая это, имеется острая необходимость осветить правовое регулирование дипфейка. Основная проблема на сегодняшний день заключается в том, что сфера искусственного интеллекта слабо охраняется и регулируется законом. Ответственность за распространение и использование технологий ИИ с неправомерными целями предусмотрена пока что только в некоторых странах. Вероятнее всего, дипфейк в законодательстве Российской Федерации стоит рассматривать через призму производного произведения, но в таком случае появляется закономерный вопрос: можно ли считать результат работы искусственного интеллекта производным произведением?

Для начала рассмотрим теоретическую возможность признания дипфейка производным произведением, поскольку это влечёт за собой важные правовые последствия [4]. В таком случае, во-первых, сам факт создания дипфейка не будет являться нарушением исключительного права автора оригинального произведения, автор производного произведения приобретает субъективные права независимо от наличия или отсутствия санкции правообладателя. Эта позиция косвенно закреплена в п. 3 ст. 1260 ГК РФ [5] и непосредственно выводится из неё как судебной практикой, а именно абзацем 4 пункта 88 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6], так и доктриной. Во-вторых, логическим продолжением первого последствия является вывод, что нарушением исключительного права считается несанкционированное осуществление своих прав автором производного произведения. В таком случае автор дипфейка будет нести ответственность не за факт создания последнего, а, например, за факт обнародования или иного использования. Однако автор дипфейка может избежать ответственности, если им будет доказано наличие у дипфейка признаков пародии или карикатуры (п. 4 ст. 1274 ГК РФ). При этом важно учитывать положение п. 99 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором указано, что в случае, если пародия или карикатура порочат честь, достоинство или деловую репутацию автора оригинального произведения, он вправе

использовать различные способы защиты. И вот здесь начинается субъективная оценка каждой пародии. Если владельцу лица не понравится, что его внешность где-то используется и ему покажется, что это каким-то образом порочит его честь и достоинство, то он имеет право на защиту.

Теперь рассмотрим иные обстоятельства: что, если дипфейк не является произведением вовсе. Основным аргументом, подтверждающим правильность этого, является довод против объективности результатов деятельности искусственного интеллекта, к которым относятся дипфейки. Известно, что автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано (ст. 1257 ГК РФ). Так, если объект создается без использования творческого труда человека, он не может быть наделён авторско-правовой защитой, что делает его общественным достоянием. В таком случае по российскому позитивному праву дипфейк, не являясь самостоятельным произведением, представляет собой изменение исходного произведения. В связи с этим снова возникает вопрос о наличии или отсутствии согласия автора изменяемого произведения на такие действия. Если согласие не было получено, создание дипфейка может быть признано нарушением личного неимущественного права автора на неприкосновенность произведения. По крайней мере, такой вывод можно сделать из абзаца 2 пункта 87 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором сказано, что право на неприкосновенность произведения (абзац первый пункта 1 статьи 1266 ГК РФ) касается таких изменений произведения, которые не связаны с созданием нового произведения на основе имеющегося. Соответственно в таком случае создатель дипфейка будет нести ответственность перед автором за сам факт его создания.

На этот счёт уже имеются некоторые судебные решения. Представляем дело арбитражного суда города Москвы от 30.11.2023 № А40-200471/23-27-1448 [7]. Компания «Рефейс технолоджис» заказала в фирме создание рекламного видеоролика с использованием изображения актера Киану Ривза, после чего разместила ролик в соцсетях с данными о рекламодателе. Ролик понравился организации «Бизнес-аналитика», она решила его использовать. Заказчик ролика «Рефейс технолоджис» обратился в суд с иском к организации «Бизнес-аналитика» о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на видеоролик в размере 500 000 рублей. Ответчик возражал, ссылаясь на то, что у Рефейс технолоджис нет прав на видео, поскольку оно создано нейросетью. Суд встал на сторону истца, а требования удовлетворил в полном объеме. Доводы ответчика о том, что созданный видеоролик не является объектом авторского права по причине использования технологии дипфейк, отклоняются судом, поскольку в данном случае эта технология – дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, а не способ их создания. Тот факт, что моушн-дизайнер осуществил технический монтаж исходных материалов видеоролика посредством технологии дипфейк сам по себе не свидетельствует о том, что видеоролик доступен для свободного использования (без согласия правообладателя), поскольку дизайнер осуществил личный творческий вклад в создание видеоролика. Так, это решение суда подтверждает то, что было сказано ранее, а именно то, что творческий вклад человека в работу, созданную с применением работы дипфейк, делает её результат производным произведением.

Сейчас вопрос о том, кому принадлежат права на созданные с помощью искусственного интеллекта произведения, все еще не до конца ясен. Однако решение арбитражного суда подтверждает мнение многих юристов, что права на такой объект принадлежат пользователю, который его создал, считает директор по маркетингу Just AI Ю. Рьжих [8]. При этом другие эксперты полагают, что такое авторское право может как принадлежать непосредственному разработчику ИИ, так и вообще не подлежать охране.

Таким образом, на данный момент нельзя говорить о сформированном законодательном регулировании дипфейка в нашей стране. Данная сфера, как показывает практика, регулируется на основе аналогии права, судебных решений, а также научной доктрины, исходящей от светлых умов современных учёных. Ясным становится тот факт, что уже сейчас есть острая необходимость направленности нормотворческой деятельности в сторону законодательного регулирования дипфейка. На данный момент времени лишь локальной работы в этом направлении будет достаточно, но, учитывая тенденции развития современных технологий и небезопасность столь быстрого усовершенствования дипфейка в рамках настоящей законодательной базы, есть вероятность, что в скором времени речь пойдёт о международных актах, которые будут поднимать вопрос всемирной важности, касающиеся относительно новой технологии, если последняя выйдет из-под контроля.

Мы предлагаем обратить внимание на законодательную практику других стран в данной сфере, которая уже имеется. Например, в августе 2023 года в ЕС был принят Закон о цифровых услугах (DSA) [9], который устанавливает ответственность за дипфейки. В Китае же был принят так называемый «Закон о дипфейках» [10] (Постановление о порядке осуществления деятельности по управлению информационными интернет-услугами, использующими технологии глубокого синтеза), согласно которому за публикацию дипфейков без надлежащего указания на то, что картинка или видеоролик были созданы с использованием технологий ИИ, вводится уголовная ответственность. Таким образом, другие страны, осознавая важность правового регулирования данной сферы, уже создают некоторую законодательную базу и нормотворческий «фундамент». Стоит отметить, что наша страна не стоит в стороне, а также занимается данным вопросом. Так, 23 января 2024 г. Государственной Думой РФ в I чтении приняты законопроекты, которые усиливают административную и уголовную ответственность за утечки персональных данных. Первый законопроект [11] устанавливает оборотные штрафы до 3% для компаний, допустивших утечку персональных данных. Второй законопроект [12] предлагает ввести уголовную ответственность за использование, передачу, сбор и хранение персональных данных, полученных незаконным путем, и за создание информационных ресурсов, их распространяющих. За создание сайта с такими сведениями грозит лишение свободы до пяти лет и штраф до 750 000 руб. При этом ко второму чтению депутаты предлагают [13] дополнить законопроекты положениями о дипфейках. Ответственность предлагают ввести за несанкционированное использование голоса и изображения людей в целях мошенничества и дискредитации, в том числе, с применением технологий искусственного интеллекта.

Подводя итоги, хочется сказать, что порой государство и общество не может угнаться за современными технологиями, упуская их из вида. Дипфейк – полезная, но вместе с тем очень опасная технология в неправильных руках, на которую необходимо обратить особое внимание уже сейчас, чтобы завтра не столкнуться с последствиями рассеянности. Благодаря научным работам, мнениям видных деятелей и другим простым гражданам, которым не безразличен данный вопрос, законотворческие органы начали обращать внимание на технологию, осознавать её опасность и подготавливать соответствующее правовое регулирование. Несмотря на это, вышеназванные законопроекты ещё не вступили в силу и нет гарантии на то, что в будущем вступят. Именно поэтому в сегодняшней работе мы уделяем особое внимание негативной стороне дипфейка, чтобы дать современной проблеме общественный толчок, который в свою очередь имеет первоочередную задачу – донести до представителей власти, что правовую деятельность в данном направлении нужно активно продвигать и не останавливаться на достигнутом. Учитывая всё вышесказанное в своей совокупности и взаимосвязи, мы настаиваем на изучении дипфейка и связанного с ним искусственного

интеллекта с максимально возможным вниманием уже сейчас, на моменте его непикового развития, чтобы суметь предотвратить возможные нежелательные последствия его деятельности уже завтра, а послезавтра не стать его жертвой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Капитанов, Юрий Линдре. Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу? / Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu> (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
2. Желудков М.А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды / М.А. Желудков // *Lex russica* (Русский закон). – 2021. – №4. – С. 66-67.
3. Никита Харчевников. Новый сервис может выявлять картинки от ИИ / М. Видео [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvideo.ru/blog/korotko/novuj-servis-mozhet-vyuyavit-kartinki-ot-ii> (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
4. Кастерин Н.А. Нарушение авторских прав созданием дипфейков / zakon.ru (закон.ру) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2023/5/5/narushenie_avtorskih_prav_sozdaniem_dipfeykov (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18 декабря 2006 года N 230-ФЗ (с изменениями на 24.07.2023 N 351-ФЗ, редакция, действующая с 1 октября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
6. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 7. Июль 2019.
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.11.2023 по делу N А40-200471/23-27-1448 // Банк решений арбитражных судов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/8dedc372-21f6-4751-ab3c-8a320fe435ce/A40-200471-2023_20231130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
8. Роман Рожков, Владислав Новый. Знакомые все лица: суд взыскал компенсацию за использование чужого видео с дипфейком / НОВОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ, ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ, ВЕЩАНИЯ И ИТ (COMNEWS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/230574/2023-12-07/2023-w49/1009/znakomye-vse-lica-sud-vzyskal-kompensaciju-za-ispolzovanie-chuzhogo-video-dipfeykom> (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
9. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance) // EUR-Lex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R1925> (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
10. О порядке осуществления деятельности по управлению информационными интернет-услугами, использующими технологии глубокого синтеза: Постановление администрации киберпространства Китая от 25.11.2022 // Государственная канцелярия интернет-информации КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
11. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Законопроект от 04.12.2023 № 502104-8 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8#bh_histras (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Законопроект от 04.12.2023 № 502113-8 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.
13. Дмитрий Литвинов. Хинштейн сообщил о подготовке законопроекта против дипфейков / Парламентская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/khinshiteyn-soobshhil-o-podgotovke-zakonoproekta-protiv-dipfeykov.html> (дата обращения: 02.02.2024). – Загл. с экрана.

LEGAL REGULATION OF FACE REPLACEMENT TECHNOLOGY (DEEPFAKE)

Annotation. This paper examines deepfake face replacement technology, reveals its essence, positive and negative features, as well as its danger for the present and future. A legal analysis of deepfake is carried out from the point of view of Russian legislation, judicial practice and doctrine, the legislative practice of our and other countries in this area is highlighted, the question is raised about the need to intensify and stabilize rule-making activities in the appropriate direction due to the insufficient preparedness of Russian legislation for the new technology.

Keywords: deepfake, legal regulation of deepfake, new technologies.

Lisitsyn M.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: lisitsyn.michail.study@gmail.com

УДК 341.1/8

ПРИНЦИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Луцык А.В.

*Научный руководитель: Гончаренко А. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются важные принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов как ключевые элементы обеспечения международной безопасности. Особое внимание уделяется их влиянию на геополитическую стабильность, региональные конфликты и миротворческие усилия международного сообщества. Анализируются практические примеры и последствия нарушения или соблюдения данных принципов, а также предлагаются рекомендации по их соблюдению с целью обеспечения мирного сосуществования на мировой арене.

Ключевые слова: территориальная целостность, самоопределение, международные конфликты, безопасность, суверенитет.

Вопросы территориальной целостности государств и самоопределения народов имеют огромное значение для обеспечения международной безопасности и правопорядка. Они являются основополагающими принципами международного права, определяющими суверенитет и равноправие государств, а также самоопределение народов как важный инструмент обеспечения их прав и свобод. В данном контексте необходимо рассмотреть, как эти принципы взаимодействуют друг с другом и как их реализация влияет на международные отношения и стабильность международного сообщества.

Понятие «территориальная целостность государства» не имеет четкого определения в международных правовых актах. Однако ученые обычно связывают это понятие с обеспечением безопасности государства, выражающейся в сохранении целостности территории, на которую распространяется суверенитет государства. Территориальная целостность определяется способностью государства защищать свою территорию в соответствии с международным правом, противодействуя внешним и внутренним угрозам изменения этой территории [1, с. 76].

Так, территориальная целостность государства может быть представлена как обеспеченная общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами и правовыми средствами государства, которые гарантируют неприкосновенность и нераздельность государственной территории и границ, установленных исторически и находящихся под государственным суверенитетом.

Законодательство внутри страны должно включать в себя правила, которые определяют устройство территорий, статус административно-территориальных единиц, отношения между центром и регионами (субъектами), процедуру создания новых субъектов, процедуру выхода субъекта из состава федерации, а также полномочия должностных лиц по решению территориальных вопросов и другие вопросы.

Из этого следует, что только законодательство государства должно определять статус своих территорий, процедуру выхода из состава государства, а также все аспекты, связанные с этим процессом до его реализации, такие как период перехода для разрешения вопросов населения, изменения и расчеты в финансовой и налоговой сферах, изменения в промышленности, транспорте, архивном деле, завершение договорных обязательств и другие вопросы. Из-за отсутствия таких законодательных актов и невыполнения установленного порядка события происходят неорганизованно, что влечет за собой потерю государством значительных ресурсов и документов, что впоследствии отражается на населении и территориях.

В свою очередь, исторически борьба народов за свое право на самоопределение часто приводила к конфликтам, которые заканчивались распадом государств, гражданскими войнами и человеческими жертвами. Под лозунгами самоопределения зачастую защищались интересы политических элит. Этот процесс неоднократно нарушал территориальную целостность государств, но также позволял народам обрести реальную свободу. Принцип равноправия и самоопределения народов имеет огромное значение с точки зрения международного права, наряду с территориальной целостностью государств. В связи с этим, изучение их в системной взаимосвязи и вопрос об их историческом формировании и роли в обеспечении международной безопасности и правопорядка являются важными.

В контексте воссоединения Крыма с Россией, осуществленного с использованием права на самоопределение, этот вопрос приобрел особое значение в России. Часто сравнивали ситуацию с Косово [2, с. 353].

Принцип равноправия и самоопределения народов был изначально сформирован как юридическое основание для борьбы против колониального господства, что часто отмечается в современной научной литературе. Однако утверждение, что этот принцип имеет исключительно антиколониальное значение, на наш взгляд, недостаточно обосновано.

Исходный принцип предполагал, что каждая нация должна иметь свое собственное государство. Однако возникают многочисленные проблемы: во-первых, различные подходы к определению термина «нация», во-вторых, если каждая нация будет стремиться к созданию своего государства, это приведет к образованию большого числа мелких государств, и, в-третьих, не ясно, есть ли возможность для одной нации создать несколько государств [3, с. 217].

В настоящее время, строгое следование этому принципу может привести к серьезным негативным последствиям и сделать существование государств, включая Россию, невозможным. Авторы отмечают, что «право на самоопределение» не означает право на отделение. Польские авторы Чаплинский и Вырозумска подчеркивают, что самоопределение может осуществляться не только путем создания суверенных государств, но и через федеративные структуры, подобные Российской Федерации. Тем не менее, надо отметить, что сепаратизм в настоящее время не является актуальной проблемой для Польши.

Так, в сборнике о государственном суверенитете против права наций на самоопределение, опубликованном в 2011 году, уже в названии видна противопоставленность исследуемых принципов, что является типичным выражением проблемы в международном праве. Однако мы считаем, что в контексте международного права более уместно говорить о взаимодействии и дополнении этих принципов, а не о их противостоянии или подчинении. Также, вызывает дискуссию соотношение государственного суверенитета и права наций на самоопределение.

Принцип самоопределения народов был включен в проект Устава ООН в 1945 году на Конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Следует отметить, что именно Советский Союз и его делегация настоятельно отстаивали этот принцип,

несмотря на сопротивление. Можно предположить, что СССР при этом действовал с целью противодействия колониальным стремлениям, а не сознавал значение этого принципа для собственного будущего распада.

Как уже отмечалось выше, вопрос определения субъекта права на самоопределение остается предметом споров. По мнению А. Эйде, члена Подкомиссии ООН по защите прав человека, термин «народ» в данном контексте означает всё население, проживающее на независимой или оккупированной территории.

Исследование проблемы соотношения принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов приобретает особую актуальность в контексте их роли в обеспечении международной безопасности и правопорядка. История распада нескольких государств подчеркивает эту актуальность.

До начала XX века в международном праве не существовал запрет на захват территории другого государства. Более того, территории государств часто подвергались нападениям и делились без учета мнения их населения. То же прежнее международное право признавало право на войну в качестве средства разрешения территориальных конфликтов, и государства сами обеспечивали территориальную целостность, практически не обращаясь к международному праву.

В октябре 1917 года, советское правительство призвало отказаться от аннексий, включенных в Декрет о мире. Одиннадцать лет спустя, в 1928 году, был подписан Парижский договор о нежелании использовать войну в качестве средства национальной политики (Пакт Бриана-Келлога).

Устав ООН сильно повлиял на установление принципа территориальной целостности государств, хотя сам принцип не был явно закреплен в Уставе. Однако, согласно пункту 4 статьи 2 Устава, все члены ООН обязуются не угрожать или применять силу в своих международных отношениях ни в отношении территориальной неприкосновенности (целостности) других государств, ни в любой другой форме, несовместимой с целями ООН. Приверженцы точки зрения, согласно которой принцип равноправия и самоопределения имеет приоритет перед принципом территориальной целостности, часто указывают на отсутствие прямого закрепления этого принципа. Наша позиция по данному вопросу заключается в том, что ни один принцип не подчиняется другому [4].

Таким образом, исследование роли создания принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов в обеспечении международной безопасности и правопорядка привело нас к следующим выводам:

Происхождение этих принципов уходит своими корнями в историю, начиная с работы мыслителей античности и периода Просвещения. Начиная с середины XIX века и до конца XX века, принцип самоопределения народов активно использовался в борьбе против колониализма. Одновременно началось толкование принципа самоопределения, связывая его с внутренним и внешним суверенитетом, то есть с реализацией через автономию или создание независимого государства. От последнего варианта с конца XX века часто отказываются, рассматривая его как сепаратизм, что вызывает споры. В международном праве вопрос о соотношении этих принципов и преобладании одного над другим до сих пор не имеет однозначного ответа.

В настоящее время существует точка зрения, которая гласит, что споры, связанные с территориальным самоопределением, не могут быть решены из-за отсутствия единой интерпретации и механизма применения принципов международного права. Приверженцы этой точки зрения утверждают, что политические усилия являются единственным способом урегулирования этих споров. Они указывают на примеры различных истолкований принципов (например, в случае Косово, Крыма, Абхазии и Южной Осетии) или на длительные территориальные конфликты (например, в Приднестровье, Северном Кипре, Нагорном Карабахе) [5, с. 144].

Любое произвольное толкование принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов представляет собой значительную угрозу для международной безопасности и правопорядка, поскольку оно может использоваться для оправдания сепаратизма (как, например, в Чеченской Республике), нарушения территориальной целостности государств (как на Кипре), разделения на небольшие квази-государства (как в случае с Косово), вмешательства во внутренние дела государств (как произошло в бывшей Югославии) или поражение национального суверенитета.

В международном праве не существует универсального и признанного всеми подхода к интерпретации данных принципов. Вместо этого существует множество интерпретаций, которые обусловлены политическими мотивами и адаптированы под конкретные ситуации. Сама формулировка принципов в различных документах часто ведет к множеству трудностей в их применении.

Устав ООН запрещает изменение территории с применением силы или угрозы ею (статья 2, пункт 4), но одновременно допускает такие действия в случае осуществления права народов и наций на самоопределение, не предоставляя четких критериев для определения легитимности или нелегитимности таких действий.

В свете вышесказанного, чрезвычайно актуальной становится необходимость определения оптимальных теоретических моделей реализации права народов на государственность, при сохранении целостности государственных территорий.

Анализ сепаратистских явлений с точки зрения международного права позволил нам сделать следующие выводы:

- сепаратизм является одной из основных угроз территориальной целостности государств и является определенным нарушением принципов международного права;
- предшествующие сепаратизму неудачные попытки разрешения проблем самоопределения основаны на международном праве и национальном законодательстве;
- в отличие от борьбы за самоопределение на основе международного права, сепаратизм всегда сопровождается грубыми нарушениями прав и свобод человека и гражданина [6, с. 149].

Сепаратистские движения часто удовлетворяются предоставлением определенной группе автономии.

Очевидно, что изменение политической структуры большинства стран мира в соответствии с этническими группами не приведет к хорошим результатам. Для решения этой проблемы необходимо разработать четкие международно-правовые нормы, учитывающие следующие аспекты:

1. Важно определить, каким образом следует совмещать принципы территориальной целостности государств и право народов на самоопределение.
2. Необходимо установить условия, при которых разрешается отделение территории от государства, а также условия для создания автономии в составе государства или федеративного образования.
3. Следует определить, какие действия могут рассматриваться как грубое нарушение упомянутых принципов и какие международно-правовые последствия могут возникнуть в результате этих нарушений.
4. Важно также определить, в какой степени допустимо вмешательство других государств и международных организаций в вопросы самоопределения народов.

В качестве примера перехода части территории одного государства к другому с помощью процесса самоопределения можно привести события, произошедшие в 1944 году, когда территория Западной Украины, ранее входившая в состав Чехословацкой республики как автономная единица, была присоединена к Украинской ССР и, соответственно, к СССР. Этот переход был подтвержден советско-чехословацким

договором, подписанным 29 июня 1945 года, в ответ на желание населения этой территории, выраженное в Манифесте Первого Мукачевского съезда народных комитетов, проведенного 26 ноября 1944 года. Необходимо при этом упомянуть, что Конституция СССР утвердила советско-польскую границу на основе волеизъявления населения Западной Украины и Западной Белоруссии, выраженного в плебисците 1939 года, по результатам которого эти области были воссоединены с Украиной и Белоруссией. В настоящее время существует движение за автономию Закарпатья [7, с. 16].

Тогда как, относительно «неколониального контекста» стоит упомянуть события, связанные с отделением Панамы от Колумбии и формированием независимого государства. Восстания панамцев, произошедшие в 1885, 1895, 1899, 1900 и 1901 годах, привели к объявлению независимости Панамы. Несмотря на то, что в настоящее время США выступают против «балканизации» и «сепаратизма», они активно поддерживали стремление панамцев к независимости. В частности, 2 ноября 1902 года США направили военные корабли к Панамскому перешейку для изоляции колумбийских войск и провозглашения политической независимости Панамы на следующий день.

В качестве примера решения проблемы соотношения исследуемых принципов можно привести автономию Аландских островов в составе Финляндии. Аландским островам гарантирована их территориальная целостность, у них есть свой парламент и правительство с гарантированной компетенцией, а их граждане имеют свое гражданство, хотя автоматически также становятся гражданами Финляндии. Однако президент Финляндии имеет право вето в отношении законов, принятых на Аландских островах. Закон об автономии Аландов принимается финским парламентом двумя третями голосов и одобряется таким же большинством в аландском парламенте.

На основании вышеизложенного, изучение проблем соотношения, взаимодействия и реализации принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на примере конкретных политико-правовых ситуаций позволяет выработать оптимальные доктринальные и практические модели.

Принципы территориальной целостности государств взаимосвязаны и имеют равное значение, не подчиняются друг другу и взаимно влияют друг на друга. Этот принцип необходимо закрепить в универсальном международном договоре, поддержанном соответствующей доктриной.

Подавление стремления к самоопределению, если оно выражается в рамках законных форм, является вредным и непродуктивным. Однако это не означает, что приемлемым является подход «столько наций, столько государств». Более оптимальной моделью является предоставление автономии или образование субъекта федерации в соответствии с международным правом и национальным законодательством. При этом необходимо:

- учитывать интересы народов соответствующего государства в целом;
- проводить референдум;
- отсутствие незаконного внешнего давления;
- решать все спорные вопросы.

Защита прав самоопределяющихся народов не может оправдать применение силовых мер в отношении государств (Северный Кипр, Нагорный Карабах, Косово). Такие меры предполагают соответствующий ответ со стороны государств, в отношении которых они применяются, и могут быть рассмотрены как акты агрессии.

Безусловно, международный статус государства зависит от его устойчивого развития в различных областях, уважения культуры со стороны других стран и способности проявлять гуманный подход к международным проблемам.

Государство должно иметь возможность контролировать ситуации, возникающие в политической, экономической, культурной, экологической и других сферах, обладать

достаточными ресурсами для своевременного выявления и устранения негативных проявлений. Также оно должно обеспечивать равномерное развитие своих территорий и населения, реализовывать программы для развития отдаленных регионов. Государство также должно умело корректировать политическую систему, противодействовать распространению сепаратистских настроений и разрешать возникающие противоречия.

В заключении необходимо отметить, что принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов играют важную роль в обеспечении международной безопасности и правопорядка. Поддержание уважения к территориальной целостности государств и права народов на самоопределение способствует укреплению мирных отношений между государствами и предотвращению конфликтов. Основанные на этих принципах международные отношения способствуют установлению справедливого мирового порядка и содействуют устойчивому развитию общества. Реализация этих принципов требует взаимопонимания, уважения культурных особенностей и диалога между государствами и народами в целях достижения гармонии и сотрудничества в мировом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Принципы нерушимости границ и территориальной целостности государств // Заключительный акт СБСЕ (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Действующее международное право: в 3 т. М., 1999. Т. 1. – С. 73-79.
2. Коваленко К.О., Чуракова Е.В. Право наций на самоопределение на примере воссоединения Крыма с Россией // В сборнике: Актуальные проблемы международного права и международных отношений. Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития Москва, 2017. – С. 352-356.
3. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 457 с.
4. Раздел I. Понятие международного права, его сущность и роль в международных отношениях, политике и дипломатии. 1. Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (дата обращения: 13.02.2024).
5. Парашевина Е.А., Карасёва Е.М. Право наций на самоопределение на примере воссоединения Крыма и России // Инновационная наука. 2016. № 4-4. – С. 143-146.
6. Юлия Г.С. Принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов и их роль в обеспечении международной безопасности и международного правопорядка. Вестник Московского университета МВД России, №4, 2018. – С. 147-152.
7. Идаятов А.К. Трансформация роли мирных способов разрешения международных конфликтов в условиях информационного общества // Международное публичное и частное право. 2013. № 2. – С. 14-16.

THE PRINCIPLES OF TERRITORIAL INTEGRITY OF THE STATE AND SELF-DETERMINATION OF PEOPLES AND THEIR IMPORTANCE IN ENSURING INTERNATIONAL SECURITY

Annotation. In this article the author considers the important principles of territorial integrity of the state and self-determination of peoples as key elements of ensuring international security. Special attention is paid to their influence on geopolitical stability, regional conflicts and peacekeeping efforts of the international community. Practical examples and consequences of violation or observance of these principles are analysed, and recommendations for their observance are offered in order to ensure peaceful coexistence on the world arena.

Keywords: territorial integrity, self-determination, international conflicts, security, sovereignty.

Lutsyk A.

Scientific adviser: Goncharenko A., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: rtemplut14@gmail.com

УДК 347.27

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Лысак Е. М.

*Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФГБОУ ВПО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе рассмотрены все аспекты обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество, включая процедуры и сроки, права и обязанности кредитора и должника, а также права третьих лиц. Обращение взыскания на заложенное недвижимое имущество является одной из возможных мер принудительного исполнения требований кредитора, однако эффективность этой процедуры зависит от многих факторов, а сама процедура может быть достаточно длительной и сложной. Предложены обоснованные дополнения в законодательство, которые помогут установить четкие рамки и защитить права всех участников данного процесса.

Ключевые слова: недвижимое имущество, ипотека, взыскание, нарушение прав, кредитор.

Залог недвижимости является основным применяемым методом обеспечения исполнения обязательств по договору залога недвижимого имущества (ипотеки). Актуальность темы обуславливается не только значимостью залога недвижимости как метода обеспечения исполнения обязательств, но и необходимостью развития эффективных альтернативных способов взыскания задолженности, которые позволят участникам договора залога более эффективно решать проблемы неисполнения обязательств и защищать свои интересы.

В современном мире договор ипотеки (залог недвижимости) является одним из наиболее важных правовых инструментов, который позволяет минимизировать правовые риски участникам правовых отношений, начиная с финансирования ипотечного строительства жилья до обеспечения кредитных сделок.

Согласно ст.1 Федерального закона от 16.07.1998 N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон «Об ипотеке») [1] одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом.

Следует отметить, что за изъятиями, установленными федеральным законом, закрепляется гарантия – соблюдение прав других кредиторов залогодателя, что также является справедливым и обеспечивает баланс интересов сторон. В целом, данный закон обеспечивает стабильность и устойчивость системы ипотечного кредитования, защищает интересы залогодержателя и устанавливает четкие правила для взаимодействия между сторонами.

Е.А. Ходюк отмечает, что институт взыскания имущества имеет длительный исторический генезис и свое начало берет с 1864 года, когда он был введен в ходе судебной реформы, а причиной его введения стала необходимость защиты прав субъектов, выступающих кредиторами, а также их законных интересов [2, с. 198].

Институт взыскания имущества имеет не только историческое, но также и практическое значение. В современном обществе существуют различные способы осуществления взыскания имущества: от ареста имущества должника и принудительной реализации его активов до различных альтернативных способов, таких как применение санкций и ограничений.

Стремление обеспечить справедливость и защитить интересы стороны, страдающей от несоблюдения долговых обязательств, является главной задачей

института взыскания имущества. Он составляет важную часть правового механизма и способствует поддержанию правопорядка в обществе.

Значение данной процедуры состоит в том, что она способствует повышению эффективности исполнительного производства и предоставляет гарантию исполнения обязательств со стороны должника. В случае, если должник не может или не хочет погасить задолженность, обращение взыскания на заложенное недвижимое имущество становится необходимым инструментом для защиты интересов кредитора.

Основной целью института взыскания имущества является обеспечение исполнения обязательств злостными должниками, которые по своей воле или из-за отсутствия средств не исполняют свои обязательства. Благодаря этому институту кредиторы имеют возможность защитить свои права и интересы, а также получить возмещение ущерба, причиненного нарушением договорных обязательств.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, применяется процедура обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество в случаях, когда должник не исполнил обязательства перед кредитором.

Заложенное недвижимое имущество – это недвижимость, которая служит гарантией выполнения обязательств перед кредиторами (земельный участок, дом, квартира или коммерческое помещение).

Обращение взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке, регламентируется главой IX Закона «Об ипотеке». В соответствии с абз.1 ч.1 ст.50 Закона «Об ипотеке», залогодержатель вправе обратиться взыскание на имущество, заложенное по договору об ипотеке, для удовлетворения за счет этого имущества названных в статье 3 настоящего Федерального закона требований, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обеспеченного ипотекой обязательства, в частности неуплатой или несвоевременной уплатой суммы долга полностью или в части, если договором не предусмотрено иное

Данное положение закона является разумным и обоснованным в контексте защиты интересов залогодержателя, поскольку ипотека является способом обеспечения исполнения договорного обязательства, и в случае неплатежеспособности залогодателя, залогодержателю необходимо иметь возможность взыскать свои средства или иное возмещение ущерба. Однако, следует отметить, что данное положение содержит потенциальные риски для залогодателя, например, в случае неправомерного обращения залогодержателя к имуществу залогодателя или несправедливого определения стоимости имущества при его реализации.

Согласно абз.2 ч.1 указанной статьи, залогодержатель вправе обратиться взыскание на имущество, заложенное по договору об ипотеке, для удовлетворения за счет этого имущества требований, указанных в настоящем пункте и вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обеспеченного ипотекой обязательства должником, в отношении которого введены процедуры, применяемые в деле о банкротстве.

Залогодержателю разрешается использовать имущество в качестве гарантии выполнения обязательств, снижая риски, связанные с неполнотой или недобросовестным исполнением должником своих обязательств. Однако стоит учитывать, что введение процедур, применяемых в ходе разбирательства дел о банкротстве, может повлиять на этот процесс. В комментарии к Закону «Об ипотеке» С.П. Гришаев справедливо указывает, что суть ипотеки как обеспечительного обязательства заключается в том, что кредитор-залогодержатель имеет право на преимущественное удовлетворение из стоимости заложенного имущества в случае невыполнения или неправильного исполнения должником обязательства, если договором не предусмотрено иное [3].

Законодатель выделяет два основных порядка взыскания заложенного недвижимого имущества:

1. Внесудебный. Согласно ч.1 ст. 349 ГК РФ [4] обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется по решению суда, если соглашением залогодателя и залогодержателя не предусмотрен внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество. Внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество является добровольным соглашением сторон и не требует участия суда.

Нотариальное заверение соглашения между залогодателем и залогодержателем о возможности обращения взыскания на заложенное имущество является существенным этапом в создании законной и надежной сделки.. Необходимо учесть, что нотариальное заверение соглашения залогодателя и залогодержателя о возможности обращения взыскания на заложенное имущество может быть произведено только в случае, если основной договор не был исполнен или его исполнение было ненадлежащим. Кроме того, такое соглашение может быть заключено только при наличии весомых и обоснованных оснований для взыскания на заложенное имущество. Нотариальное заверение данного соглашения придает ему официальный и законный статус, что обеспечивает его юридическую силу и возможность обратиться к суду в случае его нарушения.

2. Судебный. Взыскание по требованиям залогодержателя обращается на имущество, заложенное по договору об ипотеке, по решению суда. При судебном порядке действуют правила гражданского процессуального законодательства, дела рассматриваются в порядке искового производства.

А. Г. Григорьева в своей научной работе подчеркивает, что при нарушении залогодателем правил об отчуждении предмета ипотеки законодатель наделяет залогодержателя правом либо обратиться в суд с требованием признания сделки об отчуждении предмета ипотеки недействительной и применения последствий недействительности сделки, либо потребовать досрочного исполнения обеспеченного ипотекой обязательства и обратиться взыскание на заложенное имущество независимо от того, кому оно принадлежит [5, с. 124].

Оба порядка взыскания заложенного недвижимого имущества предусмотрены законодательством и нацелены на защиту интересов кредиторов в случае невыполнения должником своих обязательств.

Согласно п.30 Постановления ВС РФ от 27.06.2023 года № 23 «О применении судами правил о залоге вещей», по общему правилу, залог обеспечивает требование в том объеме, какой оно имеет к моменту удовлетворения, включая суммы основного долга, процентов за пользование денежными средствами, неустоек, в том числе процентов, предусмотренных статьей 395 ГК РФ, убытков, причиненных просрочкой исполнения обязательства, обеспеченного залогом, а также возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога и расходов, связанных с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией [6].

Соответственно общий объем требования, подлежащего обеспечению залогом, включает следующие составляющие:

- суммы основного долга – это сама сумма денежных средств или другого имущества, которую залогодатель должен вернуть залогодержателю по договору;
- проценты за пользование денежными средствами – это сумма, которую залогодатель обязан уплатить залогодержателю за использование залоговых средств;
- неустойки – это штрафные санкции, которые залогодатель обязан уплатить в случае нарушения своих обязательств по договору залога;
- проценты, установленные статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации – это проценты, которые начисляются на сумму задолженности в случае просрочки ее погашения;
- убытки, причиненные просрочкой исполнения обязательства, обеспеченного

залогом – это дополнительные убытки, понесенные залогодержателем вследствие невыполнения или задержки в выполнении обязательств залогодателем;

– возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога – это расходы, понесенные залогодержателем на обеспечение сохранности и содержание предмета залога;

– расходы, связанные с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией – это расходы по осуществлению процедуры взыскания на имущество залогодателя с целью удовлетворения требования залогодержателя.

Таким образом, постановление определяет, что залог обеспечивает все указанные составляющие требования в полном объеме, чтобы гарантировать возмещение всех возможных потерь и ущерба залогодержателю в случае невыполнения обязательств залогодателем.

По мнению М.А. Жакиянова, если ипотека обеспечивает исполнение кредитного договора или договора займа с условием выплаты процентов, то нужно иметь в виду, что при обращении взыскания на заложенную недвижимость залогодержатель будет вправе требовать удовлетворения за счет стоимости этого имущества и сумму причитающихся ему процентов за пользование кредитом (заемными средствами) [7, с. 185]. При обращении взыскания на заложенную недвижимость, залогодержатель может потребовать погашения задолженности по основному долгу, а также процентов за использование заемных средств, неустойки и убытков, вызванных просрочкой исполнения обязательства, обеспеченного залогом. Необходимо отметить, что залогодатель также обязан возместить залогодержателю расходы, связанные с содержанием предмета залога, а также расходы, связанные с взысканием на предмет залога и его реализацией.

Особенности реализации заложенного недвижимого имущества включают оценку и последующую продажу объекта. При обращении взыскания на заложенное имущество, необходимо провести оценку его стоимости для определения цены, по которой будет осуществляться продажа. Оценка заложенного недвижимого имущества производится компетентными экспертами с учетом различных факторов, таких как его состояние, местоположение, рыночная конъюнктура и другие, что позволяет определить реальную стоимость объекта и установить минимальную цену для проведения торгов.

Одним из ключевых аспектов реализации заложенного недвижимого имущества является эффективное взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, включая банки, оценщиков, потенциальных покупателей. Особенности каждого этапа, начиная с оценки и заканчивая продажей объекта, должны быть учтены для достижения наилучших результатов и максимизации прибыли от сделки.

Следует обратить особое внимание на запрет обращения взыскания на единственное жилье должника-гражданина и земельные участки, на которых такое жилье расположено. Согласно ст. 79 Федерального закона «Об исполнительном производстве» обращение взыскания на имущество невозможно, если в его отношении это запрещено федеральным законом [8]. Важно учитывать, что запрещено принудительное изъятие жилья у граждан, за исключением случаев, предусмотренных законодательством, это обеспечивает гражданам стабильность и защиту их жилищных прав, позволяет им иметь возможность жить и проживать в своем единственном жилье, не беспокоясь о возможной потере имущества.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года N 11-П определяется, что положения Гражданского процессуального кодекса РФ и Закона «Об ипотеке», которые предусматривают возможность изъятия имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении имущества, являющегося предметом ипотеки, не содержат неопределенностей и служат реализации баланса прав и законных

интересов кредиторов и должников, соответствуя предписаниям Конституции Российской Федерации [9].

Конституционный суд также указал на то, что исполнительский иммунитет должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения. То есть жилое помещение, которое является предметом иммунитета, должно обеспечивать жилищные потребности граждан и их семей, сохранять и предоставлять возможность для нормального проживания и осуществления других прав граждан.

Согласно пункту 52 Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 года № 23 «О применении судами правил о залоге вещей», нельзя обращать взыскание на предмет залога, если нарушение должником является незначительным и требования залогодержателя несоразмерны стоимости заложенной вещи.

Отказ в обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество допускается только в случае отсутствия основания для обращения взыскания и при крайне незначительном нарушении со стороны должника, а также явной несоразмерности требований залогодержателя стоимости заложенного имущества.

Отказ в обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество может дать должнику дополнительное время для исполнения своих обязательств или возможность урегулировать дело в добровольном порядке. Важно отметить, что отказ в обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не означает полное освобождение должника от обязательств перед кредитором. Долг существует, поэтому должник должен принять все меры для его исполнения. Однако, данный отказ может предоставить сторонам временное дыхание и возможность поиска альтернативных способов решения проблемы.

В целом, отказ в обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество является юридическим инструментом, который дает возможность должнику и кредитору урегулировать конфликт в добровольном порядке. Это позволяет сторонам сохранить и укрепить взаимоотношения, и в некоторых случаях, способствует сохранению и восстановлению финансовой устойчивости должника.

Основание для применения взыскания возникает в случае невыполнения или ненадлежащего исполнения обязательств должником и предусматривает переход права собственности или иного вещного права на имущество к залогодержателю. Если отсутствует законное основание для взыскания, может быть принят отказ в его применении. Незначительные нарушения со стороны должника, совершенные в рамках обязательственных отношений по договору, могут также быть учтены при рассмотрении обращения взыскания. Кроме того, отказ в применении взыскания может быть обоснован на основе принципа пропорциональности.

Если нарушение должника является незначительным, то с целью обеспечения справедливости и разумности взыскания может быть отклонено. Кроме того, требования залогодержателя должны быть пропорциональны стоимости заложенного имущества. Если требования залогодержателя явно превышают стоимость заложенного имущества, то отказ в обращении взыскания может быть оправдан.

Однако, следует заметить, что данная формулировка не содержит в себе чёткого критерия определения незначительности нарушений со стороны должника и непропорциональности размера требований залогодержателя к стоимости заложенного имущества, что может привести к несправедливости как для залогодателя, так и для залогодержателя. С одной стороны, должник может свободно нарушать свои обязательства, зная, что его залог не может быть использован для удовлетворения требований залогодержателя, если нарушение считается незначительным, а с другой

стороны, залогодержатель может оказаться в невыгодном положении, если размер его требований значительно превышает стоимость заложенной вещи, но он не имеет возможности обратиться к предмету залога. Иными словами, объектом данной проблемы является неопределенность и отсутствие четких критериев определения незначительности нарушений со стороны должника в обязательственных отношениях, связанных с залогом.

С учетом вышеизложенного, для решения указанной проблемы, предлагается внести дополнения в статью 54.1 Закона «Об ипотеке», а именно ч.1.1., которая определит незначительность нарушений должником обязательств в обеспечиваемом залогом договоре:

1.1. Незначительные нарушения должны четко быть определены сторонами договора залога недвижимого имущества, в случае которых нарушений кредитор не имеет права расторгнуть договор залога и требовать возврата заложенного имущества:

а) Установленный сторонами размер задержки или неполной оплаты процентов по займу. Должник и кредитор должны поместить в договор залога явно определенные критерии, указывающие на размер задержки или неполной оплаты процентов по займу, при превышении которых кредитор будет иметь право расторгнуть договор залога.

б) Единичные случаи несвоевременной уплаты страховых взносов по страхованию имущества, обеспечиваемого залогом, при условии, что сумма задолженности не превышает определенного в договоре размера. Такой подход обеспечивает защиту интересов кредитора в случае единичных, незначительных нарушений должником, не превышающих установленный договором размер задолженности.

в) Другие допустимые сторонами незначительные нарушения, указанные в договоре залога, если законом не установлено иное. Должник и кредитор с учетом своих обстоятельств и интересов могут определить дополнительные незначительные нарушения, которые не противоречат законодательству.

Предлагаемые дополнения в статью 54.1 Закона «Об ипотеке», часть 1.1, помогут добиться ясности и справедливости при регулировании нарушений в обеспечиваемых залогом договорах. Четкое определение незначительных нарушений, которые не дают оснований для расторжения договора залога и требования возврата заложенного имущества, способствует стабильности и надежности в сфере ипотечного кредитования. Предложенные изменения помогут установить четкие рамки и защитить права всех участников данного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3400.
2. Ходюк Е.А. Особенности обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2022. – С. 197-202.
3. Гришаев С.П. Комментарий к Закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zonazakona.ru/law/comments/art/491/>
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Григорьева А.Г. Особенности прав и обязанностей сторон по договору об ипотеке // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 1. – С. 123 -129.
6. Постановление Пленума ВС РФ № 23 от 27.06.2023 г. «О применении судами правил о залоге вещей» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/own/32601/>
7. Жакиянов М.А. Ипотека как залог недвижимого имущества. // Синергия Наук. – 2023. – № 80. – С. 183-192.
8. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 октября 2007. – № 41. – Ст. 4849.

9. Постановление КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129823/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

FEATURES OF FORECLOSURE ON MORTGAGED REAL ESTATE

Annotation. The paper considers all aspects of foreclosure on mortgaged real estate, including procedures and deadlines, the rights and obligations of the creditor and debtor, as well as the rights of third parties. Foreclosure on mortgaged real estate is one of the possible measures to enforce the creditor's claims, however, the effectiveness of this procedure depends on many factors, and the procedure itself can be quite lengthy and complex. Reasonable amendments to the legislation have been proposed that will help establish a clear framework and protect the rights of all participants in this process.

Keywords: real estate, mortgage, foreclosure, violation of rights, creditors.

Lysak E.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: lisak_em_2003@mail.ru

УДК 343.988

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕРТВЫ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ

Макарова К.

*Научный руководитель: Тимошенко Н. А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема виктимологической характеристики жертв семейно-бытового насилия, а также проводится анализ путей классификации форм виктимного поведения жертв таких преступлений. Авторы исследовали результаты отечественных и зарубежных исследований, статистические данные о количестве преступлений, совершаемых в семье, проанализировали наиболее распространённые подходы к типологии виктимного поведения жертв семейно-бытовых преступлений. При проведении исследования использовались формально-юридический, структурно-функциональный и общелогические методы, что позволило комплексно изучить рассматриваемую проблему. Из представленной информации делается ряд выводов, в том числе о распространении этого рода преступлений в российском обществе и о несовершенстве существующих подходов к классификации форм виктимного поведения жертв семейно-бытовых преступлений.

Ключевые слова: домашнее насилие, виктимность, виктимологическая характеристика, типология жертв, типология.

Введение. Одно из важнейших направлений социальной политики – обеспечение безопасности и сохранности семьи. В отечественной криминологии семья рассматривается как малая социальная группа, которая является носителем социальных, культурных и моральных ценностей.

Анализ поведения жертв домашнего насилия и их психологических особенностей в сфере семейных отношений значительно увеличивает возможности предотвращения подобных преступлений.

Основная часть. По данным отечественных исследователей [1, с. 4; 2, с. 69], примерно 40% тяжких преступлений насильственного характера совершается в семейно-бытовой сфере. Согласно социологическим исследованиям, это негативное явление имеет широкое распространение. К примеру, по исследованию, проведенному в 2019 году, почти четверть россиян, опрошенных в рамках исследования, заявили, что

они знают о случаях применения физической силы в семьях своих знакомых. Примерно 7 % респондентов сообщили, что они были свидетелями домашнего насилия в семье родителей, а 5% практикует или является объектом насилия [3].

Несмотря на то, что семейное насилие широко распространено в российском обществе, мы считаем, что понятие семейно-бытового насилия, также известное как домашнее или семейное насилие, не получило достаточного научного и правового признания и осмысления.

Исходя из анализа научных работ, под семейно-бытовым преступлением следует понимать – уголовно-наказуемые общественно опасные деяния (действие или бездействие), причинившие физические, психологические, моральные, сексуальные и (или) экономические страдания лицу в сфере семейно-бытовых отношений, в частности виновным, связанным с потерпевшим семейными, родственными, соседскими или дружескими отношениями.

Ещё меньше внимания уделено исследованиям систематизации виктимологических характеристик жертв семейно-бытовых преступлений.

Для начала стоит отметить, что под термином «виктимностью» принято понимать повышенную способность человека в силу некоторых качеств (духовных, физических и профессиональных) становиться при определенных обстоятельствах жертвой преступления. Отсюда виктимное поведение – такое поведение лица, которое приводит к тому, что он с большей вероятностью будет жертвой определённой категории преступлений.

Одну из наиболее распространённых на данный момент типологию виктимного поведения жертв семейно-бытового насилия, предложил доктор юридических наук, профессор Ривманом Д. В. Он разделяет виктимное поведение на категории в зависимости от характера и личностных качеств человека, которые определяют их поведение в конкретных ситуациях:

- Агрессивный тип. Предполагает конфликтность жертвы, которая провоцирует агрессивное поведение преступника. Для потерпевших этой категории свойственно намеренное создание конфликтной ситуации в результате которой они становятся жертвами.

- Активный тип. Поведение жертвы не конфликтно, при этом она сама создаёт конфликтную ситуацию. К потерпевшим этого типа относятся лица, поведение которых не агрессивно и не конфликтно, но в конечном счете приводит к причинению вреда им самим.

- Инициативный тип. В этом случае жертва проявляет неконфликтное поведение, но её активность (разговорчивость, желание давать советы, быть полезной и нужной) может вызвать агрессию у преступника.

- Пассивный тип. Лицо, которое не противостоит преступнику из-за своего возраста, физической слабости, беспомощности, трусости и т.д.

- Некритический тип. Характеризуется недалёковидностью и неспособностью адекватно оценить обстановку. Недостаточная критичность может проявляться как в результате отрицательных личностных черт (жадность, эгоизм и другие), так и положительных (щедрость, доброта, отзывчивость, смелость и другие).

- Нейтральный тип. предполагает поведение, которое не вызывало преступные действия и не способствовало им в той мере, в какой это зависело от потерпевшего [4, с. 62-68].

Данная классификация охватывает основные, но далеко не все формы виктимного поведения. Потому некоторые учёные продолжают разработку классификации Ривмана и дополняют её новыми категориями, так кандидат юридических наук Савельев А. И. предлагает дополнить данную классификацию ещё одним типом – «непредсказуемые» жертвы, Они в целом ведут себя нейтрально или

даже дружелюбно, но если кто-то попытается совершить против них преступные действия, они готовы активно к неожиданно активному сопротивлению, и причинению вреда агрессору [5, с. 64].

Доктор юридических наук, профессор Артемьев Н. С. выделяет тип мешающей жертвы. В данном случае, главной причиной виктимизации жертв семейно-бытовых преступлений, которую мы выделяем, является сам факт существования потерпевшего либо его поведение. Даже если оно безусловно с точки зрения права и морали, оно может стать препятствием для удовлетворения субъективных потребностей преступника.

Помимо этого он выделяет такие подтипы агрессивной жертвы как провоцирующая, которая характеризуется поведением, направленным на создание конфликтной ситуации. Которая, в зависимости от того, от пути и средств достижения результата, подразделяются на:

1. Аморальные жертвы. Провоцирующее поведение выражающееся в антиобщественной направленностью и морально-бытовой распущенности.

2. Скандальная жертва. В этом случае систематические нарекания, нравоучения, и проявления недовольства между потенциальным преступником и жертвой становятся катализатором преступного поведения [6].

Со своей стороны считаем необходимым отметить, что если оригинальная классификация Ривмана не охватывала некоторые формы виктимного поведения, то предложенные иными авторами дополнения, зачастую делают её перегруженной, более того некоторые из подобных форм поведения в части или полностью дублируют уже выделенные, так тип «скандальных жертв», выделенный Артемьевым как подвид «агрессивного» типа, полностью поглощается «инициативным» типом присутствующем в оригинальной классификации. Решить это противоречие, на наш взгляд, может выделение «комбинированного» или же «смешанного» типа виктимного поведения, при котором жертва совмещает черты, присущие нескольким основным типам.

Также, на наш взгляд, заслуживает внимания весьма удачная в части практического применения, классификация потерпевших, предложенная доктором юридических наук, доцентом, Майоровым А. В. Данная типология предполагает учёт квалифицирующих признаков отдельных статей уголовного законодательства Российской Федерации, с целью выявления личностных особенностей потенциальных жертв преступлений и в дальнейшем осуществления виктимологической профилактики. В числе признаков указываются:

- Возраст. В некоторых статьях законодатель определяет охрану прав несовершеннолетних лиц и лиц пожилого возраста в качестве квалифицирующего признака состава преступления.

- Физиологическое состояние. Такие как беспомощное состояние лица, беременность, болезнь.

- Психологическое состояние.

- Признаки, характеризующих поведение потерпевшего в Уголовном кодексе Российской Федерации различаются положительные, или правомерные; отрицательное, или не правомерное, аморальное поведение; согласие потерпевшего и так далее [7, с. 58-59].

Заключение. Таким образом мы можем сделать ряд выводов. Так виктимное поведение жертвы семейно-бытовых преступлений представляет собой сложный и многоаспектный феномен, который требует серьёзного изучения и понимания. Это усложняется широким распространением и латентностью этого рода преступлений. Более того жертвы подобных преступлений зачастую осознано или случайно своим поведением повышают вероятность стать жертвами преступлений.

Характеристика и типология виктимного поведения позволяют выделить различные модели поведения, которые при определённых обстоятельствах повышают вероятность стать жертвой семейно-бытовых преступлений. Таким образом, понимание особенностей виктимного поведения жертв семейно-бытовых преступлений является важным для предупреждения преступлений подобного типа, так как позволит проводить профилактическую работу, направленную на предотвращение семейно-бытовых преступлений и создание безопасной среды для всех членов общества.

Однако существующие подходы к классификации форм виктимного поведения жертв семейно-бытовых преступлений имеют ряд проблем. Так некоторые классификации не учитывают определённые типы поведения, из-за чего классификации подвергаются постоянным дополнениями и изменениям со стороны других учёных. С другой стороны подобное расширение и дополнение классификаций приводит к тому что выделяются типы и виды виктимного поведения жертв семейно-бытовых преступлений, которые дублируют уже существующие. Более того ни одна из рассмотренных классификаций не указывает на возможность «комбинированного» типа виктимного поведения, когда жертва совмещает черты присущие нескольким основным типам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильяшенко, А. Н. Противодействие насильственной преступности в семье уголовно-правовые и криминологические аспекты / А. Н. Ильяшенко. – Москва : Профобразование, 2003. – 408 с. – EDN TRPBCP.
2. Ханова, З. Р. Общий анализ преступлений против несовершеннолетних / З. Р. Ханова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 69-70. – EDN TRJVBR.
3. Левада-центр : Домашнее насилие. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/13/domashnee-nasilie/> (дата обращения: 21.02.2024)
4. Ривман Д. В., Криминальная виктимология : Жертвы преступлений. Мошенничество. Хулиганство. Кражи. Разбой / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с. : табл.; 22 см. – (Учебник для вузов); ISBN 5-318-00688-4
5. Савельев, А. И. Несовершеннолетние жертвы преступлений как объект виктимологического исследования / А. И. Савельев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 1(48). – С. 61-65. – EDN PFRCJB.
6. Артемьев, Н. С. Вопросы типологии жертв преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений / Н. С. Артемьев, Е. Г. Полищук // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2007. – № 4(17). – С. 82-90. – EDN NXMCRH.
7. Майоров А. В., Виктимологическая модель противодействия преступности [Текст] : монография / А. В. Майоров. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 223 с.

VICTIMIZED BEHAVIOR OF A VICTIM OF DOMESTIC CRIMES: CHARACTERISTICS AND TYPOLOGY

Annotation. This article discusses the victimological characteristics of domestic violence victims and analyzes ways to categorize forms of victim behavior in such cases. The authors examine the results of both domestic and international studies, as well as statistical data on crime incidence. They analyze the most common approaches to typology in relation to victim behavior. During the research process, formal legal and general logical techniques were employed, allowing for a comprehensive examination of the issue under investigation. Based on the information provided, several conclusions have been drawn, including regarding the prevalence of this type of crime within Russian society and the limitations of current approaches to classifying victim behavior in domestic incidents.

Keywords: domestic violence, victimization, victimological characteristics, typology of victims, typology.

Makarova. K.

Scientific adviser: Timoshenko N., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: ms.katerina.makarova@mail.ru

УДК 346.21

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЛДИНГОВ КАК СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Малышко Н.А.

*Научный руководитель: Смирнова Е. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье сделан акцент на существующие недостатки правового регулирования организации и деятельности холдингов в Российской Федерации. Раскрывается сущность и различия понятий «холдинг» и «холдинговая компания», анализируется ряд нормативных правовых актов, касающихся регулирования холдингов как субъектов предпринимательской деятельности, а также судебная практика по этому вопросу. В данной работе использовались такие методы исследования, как логический метод, метод сравнительного правоведения, контент-анализ. Автором были представлены уточненные определения холдинга и холдинговой компании, аргументирована целесообразность принятия закона о холдингах.

Ключевые слова: холдинг, холдинговая компания, дочерняя компания, субъект предпринимательской деятельности.

С развитием рыночной экономики хозяйствующие субъекты всё чаще вступают между собой в экономические связи и образуют холдинги с целью привлечения инвесторов, разделения рисков, приобретения или продажи части бизнеса. В настоящее время в Российской Федерации осуществляют предпринимательскую деятельность большое количество холдингов, однако должное правовое регулирование деятельности холдингов отсутствует. Рассмотрим правовой статус холдингов как субъектов предпринимательской деятельности.

Для начала необходимо обратить внимание на то, что существуют понятия «холдинг» и «холдинговая компания», которые не являются тождественными. Определение холдинговой компании дано в п.1.1 Временного положения о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества, которое было утверждено Указом Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 (далее – Временное положение о холдинговых компаниях). В соответствии с данным Положением холдинговой компанией признается предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий, являющихся дочерними по отношению к холдинговой компании. При этом в п.1.3 Временного положения о холдинговых компаниях отмечено, что холдинговые компании и их дочерние предприятия создаются в форме акционерных обществ открытого типа [1]. Следовательно, наблюдается конкуренция приведенных юридических норм, которая влечет за собой некую неопределенность относительно организационно-правовой формы холдинговой компании. Следует отметить, что Временное положение о холдинговых компаниях распространяет свое действие только на те холдинговые компании, которые были созданы в результате приватизации государственных предприятий, и регламентирует правовой режим холдинговых компаний, создаваемых и управляемых государством. В других нормативных правовых актах Российской Федерации не раскрывается сущность холдинговой компании.

Законодатель попытался определить содержание понятия «холдинг» в части 1 статьи 2 проекта Федерального закона «О холдингах» (Законопроект № 99049555-2), в соответствии с которой холдинг является совокупностью двух и более юридических лиц (участников холдинга), связанных между собой отношениями по управлению одним из участников (головной компанией) деятельностью других участников холдинга на основе права головной компании определять принимаемые ими решения.

Термин «холдинговая компания» в тексте законопроекта не упоминается, но в ч.2 ст. 2 проекта закона используется понятие «головная организация», под которой подразумевается хозяйственное общество или товарищество, имеющее преобладающее участие в уставном капитале другого хозяйственного общества (участника холдинга), то есть владеющее акциями (долями) в размере, позволяющем определять любые решения, принимаемые указанным участником холдинга [2]. Однако данный проект Федерального закона был отклонен ввиду большого количества абстрактных и неясных положений, применение которых было бы затруднено. К тому же законопроект № 99049555-2 не регламентирует некоторые важные вопросы: корпоративное управление и корпоративный контроль в холдинге, взаимоотношения холдингов с антимонопольными и налоговыми органами.

Стоит сказать, что в 2021 году в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона № 1256483-7 «О финансовых группах и финансовых холдингах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который после рассмотрения в первом чтении был снят с рассмотрения в связи с его отзывом автором законодательной инициативы.

В статье 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» говорится о банковском холдинге, которым признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц (участников банковского холдинга), включающее хотя бы одну кредитную организацию, находящуюся под контролем одного юридического лица, не являющегося кредитной организацией (головной организации банковского холдинга), а также иные юридические лица, находящиеся под контролем либо значительным влиянием головной организации [3].

Определение дочернего общества закреплено в ч.1 ст. 67.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), согласно которой хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное товарищество или общество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом [4].

Из приведенных определений, можно сделать вывод, что под холдинговой компанией следует понимать головную (материнскую) организацию, которая имеет преобладающее участие в уставном капитале других юридических лиц (дочерних компаний) и в результате этого контролирует и оказывает прямо или косвенно (через третье лицо) существенное влияние на решения, принимаемые органами управления дочерних компаний. Основной задачей холдинговой компании является обеспечение эффективного вертикально интегрированного управления подчиненными организациями, входящими в ее состав, с целью увеличения прибыли компании и минимизации затрат на осуществление хозяйственной деятельности.

В качестве примера российской холдинговой компании можно привести АО «Газпром-медиа холдинг», которое управляет медийными активами группы «Газпром» в различных сегментах медиарынка (телевидение, пресса, кинопроизводство и др.). Головной структурой (холдинговой компанией) группы ВТБ является ПАО «Банк ВТБ». В состав группы ВТБ входят дочерние и международные банки (ЗАО «Банк ВТБ (Беларусь)», АО «Банк ВТБ (Грузия)», Vanco VTB Africa и другие), иные финансовые организации (АО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО «ВТБ Форекс», ООО «ВТБ Пенсионный администратор», ООО «ВТБ ДЦ») и прочие активы (ООО «ВТБ Факторинг», АО «ВТБ Лизинг», ООО «ВТБ Недвижимость» и др.).

Холдинг представляет собой единый производственно-хозяйственный комплекс, включающий в себя группу организаций (участников) и основанный на отношениях экономической субординации, в результате которой участники, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности

подчиняются одной из организаций группы – холдинговой компании (головной организации). Судебная практика подтверждает, что холдинг является группой юридических лиц. К примеру, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.12.2020 № Ф04-427/2019 по делу № А46-10789/2016 указывается, что когда деятельность коммерческой организации оптимизирована надлежащим образом, возможностью легального увеличения прибыли является минимизация затрат на осуществление хозяйственной деятельности, которая достигается привлечением новых контрагентов с более выгодными экономическими условиями взаимодействия либо созданием заинтересованными лицами собственного юридического лица для этих же целей. Путем использования последнего способа формируются условно самостоятельные холдинги группы компаний, потенциально способные осуществлять свою основную деятельность при минимальном количестве затрат получая максимальные дивиденды [5].

Ярким примером холдинга в Российской Федерации является группа компаний Rambler&Co, в состав которой входит онлайн-кинотеатр Okko, сеть кинотеатров «Синема Парк» и «Формула Кино», интернет-портал Rambler, сайт Afisha, интернет-издания Lenta.ru и Gazeta.ru и ряд других компаний в области технологий, медиа и электронной коммерции. Головной организацией медиахолдинга Rambler&Co выступает ООО «СберИнтертеймент». Также холдингом можно назвать сеть магазинов «Магнит»: магазины у дома «Магнит» и «Дикси», супермаркеты «Магнит Семейный», суперсторы «Магнит Экстра», магазины «Магнит Косметик», аптеки «Магнит Аптека», дискаунтеры «Моя Цена», магазины «Магнит Сити», киоски «МагнитGO». Головной организацией является ПАО «Магнит», которая к тому же управляет несколькими предприятиями по выращиванию овощей, производству бакалеи и кондитерских изделий (например, компании «Кубанский комбинат хлебопродуктов» и «Кондитер Кубани»), тепличным и грибным комплексами (ООО «ТК «Зеленая линия»), распределительными центрами.

Причины создания холдинговой структуры могут быть следующие: 1) привлечение инвесторов; 2) осуществление деятельности на территории нескольких стран или городов, что вызывает необходимость создания отдельных юридических лиц; 3) сохранение интеллектуальной собственности или активов и отделение их от операционного бизнеса, чтобы защитить от возможных претензий со стороны контрагентов и налоговых органов; 4) налоговая оптимизация (применение упрощенной системы налогообложения организациями, входящими в состав холдинга).

Достаточно часто холдинги создаются с целью оптимизации налогов, однако здесь важно учитывать, что уменьшение налоговых платежей не может быть единственной причиной создания холдинга. В случае, если по результатам выездной налоговой проверки будет установлено, что организация искусственно разделила бизнес на отдельные компании, чтобы не платить некоторые налоги, то налоговый орган доначислит эти налоги и обяжет уплатить штраф. К тому же, за незаконное дробление бизнеса исключительно с целью уклонения от уплаты налогов руководителя компании могут привлечь к уголовной ответственности по ст. 199 Уголовного кодекса РФ. Таким образом, чтобы законно экономить на налогах, для создания холдинговой структуры необходимы дополнительные обоснования (к примеру, регистрация отдельного юридического лица для того, чтобы вывести на рынок новый продукт или для выпуска продукции компании под брендом инвестора).

Следует отметить, что Гражданский кодекс РФ не содержит такое понятие, как «холдинг» и не рассматривает его в качестве отдельной организационно-правовой формы юридического лица. Из указанного следует, что холдинг не является юридическим лицом, поскольку согласно ч.2 ст. 48 ГК РФ юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из

организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом РФ. При этом холдинговая (головная) компания и дочерние компании являются юридическими лицами. Дочерние компании обладают формальной юридической самостоятельностью – они ведут все сделки от своего имени, однако решения по основным вопросам принимает головная организация. Следовательно, создание группы компаний (холдинга) не оформляется юридически через регистрацию в ЕГРЮЛ, а фиксируется внутренними документами (соглашениями о сотрудничестве между компаниями).

Холдинг как форма предпринимательского объединения может выступать субъектом отдельных правоотношений и обладать хозяйственной правосубъектностью. Согласно ст. 4 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» объединения юридических лиц, не имеющие статуса юридического лица, могут быть инвесторами, то есть холдинги могут выступать субъектами инвестиционной деятельности [6]. В отношениях, регулируемых антимонопольным законодательством, холдинг признается группой лиц.

Необходимо обратить внимание на противоречивую практику Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС РФ). В письме ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285 указывается, что деятельность, осуществляемая только в виде инвестиций и финансирования компаний группы (холдинга) или взаимозависимых, аффилированных компаний, не свидетельствует об осуществлении самостоятельной предпринимательской деятельности [7]. Иными словами, ФНС отмечает, что деятельность холдинга не является предпринимательской. В другом письме ФНС России от 08.08.2019 № ЕД-4-13/15696@ говорится о том, что деятельность, осуществляемая преимущественно в виде инвестиций и финансирования компаний группы (холдинга) или взаимозависимых, аффилированных компаний, сама по себе не свидетельствует об отсутствии самостоятельной предпринимательской деятельности [8]. Из данного письма следует, что холдинг осуществляет предпринимательскую деятельность, следовательно, является субъектом предпринимательской деятельности. Поскольку в указанных письмах обнаружены прямо противоположные подходы к предпринимательской деятельности холдинга, необходимо руководствоваться положениями письма ФНС России от 08.08.2019 г. как принятого позднее. Однако даже несмотря на то, что в письме от 08.08.2019 г. ФНС признала деятельность холдингов в качестве предпринимательской, у налоговых органов все равно имеются претензии к холдингам и суды часто встают на сторону налоговых органов. К примеру, в деле АО «Чукотской горно-геологической компании» (АО «ЧГГК») холдинговой компании Kupol Ventures Limited (Нидерланды), являющейся акционером АО «ЧГГК», было отказано в льготах (налог на дивиденды по ставке 5%) по соглашению между Правительством РФ и Правительством Королевства Нидерландов об избежании двойного налогообложения, поскольку суды не признали самостоятельную правосубъектность Kupol Ventures Limited (Нидерланды) для целей налогообложения только по причине ее вхождения в международную группу компаний Kinross и фактическом отождествлении деятельности дочерних компаний с деятельностью материнской компании холдинга – Kinross Gold Corporation (Канада). Был сделан вывод что Kupol Ventures Limited (Нидерланды) является кондуитной (промежуточной) компанией, несмотря на то, что эта компания самостоятельно осуществляла обширную инвестиционную и финансовую деятельность в международном масштабе, а именно осуществляла инвестиции в рудник «Купол» (Россия), в рудник «Гасиаст» (Мавритания), в рудник «Паракату» (Бразилия); предоставила заемное финансирование в адрес Kinross Gold USA Inc., в адрес Bema Resources Management (USA); приобретала контрольные пакеты акций Kinross Brazil

Minegaso (Бразилия), KG Africa B.V. (Нидерланды) и т.д. В итоге суды вынесли решение в пользу налогового органа, который посчитал, что фактическим получателем дивидендов является материнская компания Kinross Gold Corporation (Канада), поэтому необходимо применять 10% ставку налога по соглашению между Правительством РФ и Правительством Канады [9].

Холдинги могут быть созданы следующими способами: 1) на основе различных гражданско-правовых договоров (договор доверительного управления имуществом, о совместной деятельности, залога имущества или франчайзинга); 2) при реорганизации предприятий в форме выделения или путем учреждения дочерних организаций; 3) вследствие приобретения и концентрации пакетов акций (долей участия) в уставных капиталах хозяйственных обществ; 4) в результате приватизации государственных предприятий. При этом Временное положение о холдинговых компаниях закрепляет перечень ограничений на создание холдинговых компаний. Запрещается создавать холдинговые компании, если это может привести к монополизации производства каких-либо видов продукции (работ, услуг). Не допускается создание холдинговых компаний в следующих сферах: торговля товарами производственно-технического назначения и потребительскими товарами; сельскохозяйственное производство, переработка сельскохозяйственной продукции и производственно-техническое обеспечение сельского хозяйства; общественное питание и бытовое обслуживание населения; транспорт (за исключением железнодорожного, трубопроводного транспорта и предприятий, осуществляющих исключительно международные перевозки). Не разрешается создавать холдинговую компанию, владеющую контрольными пакетами акций предприятий, совокупная доля которых на федеральном или местном рынке определенной группы однородных или взаимозаменяемых продуктов составляет более 35%, либо предприятий, которые в совокупности реализуют третьим лицам более 35% общего объема однородных или взаимозаменяемых продуктов.

Необходимо отметить, что в законодательстве РФ не конкретизирован вопрос об ответственности холдинговой компании по долгам дочерних организаций. Если руководствоваться общими положениями гражданского законодательства, то холдинговая компания как участник хозяйственного общества несет риск убытков, связанных с деятельностью общества, только в пределах стоимости внесенных ею вкладов, то есть ответственность ограничена стоимостью принадлежащих холдинговой компании акций (долей). При этом ч.2 ст. 67.3 ГК РФ закрепляет солидарную ответственность головной и дочерней компаний по сделкам, заключенным последней во исполнение указаний или с согласия основного хозяйственного товарищества или общества, за исключением случаев голосования холдинговой компании по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего или основного общества. Форма предоставления согласия головной компании на заключение сделки дочерней организацией не определена. Холдинговая компания несет субсидиарную ответственность по долгам дочерней организации, если виновна в ее несостоятельности (банкротстве).

Таким образом, правовое регулирование холдингов в Российской Федерации является несовершенным: отсутствует легальное определение холдинга, не урегулированы взаимоотношения холдингов с антимонопольными и налоговыми органами, не конкретизирован вопрос об ответственности холдинговой компании по долгам дочерних организаций и другое. В законодательной базе РФ существует только отдельные нормативные правовые акты, которые определяют правовой режим холдингов, созданных в процессе приватизации государственных предприятий,

банковских холдингов и др. При этом в данных актах нередко подменяются понятия холдинга и холдинговой компании. Развитие предпринимательства, в том числе увеличение количества холдингов, должно влечь за собой и развитие правового регулирования в этой сфере. Однако на данный момент в Российской Федерации до сих пор не принят закон о холдингах, который бы регламентировал общие положения организации и деятельности таких производственно-хозяйственных комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий (вместе с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества»): Указ Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 (ред. от 26.03.2003, с изм. от 30.06.2012) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «ГАРАНТ»: <https://base.garant.ru/10105317/> (дата обращения: 29.11.2023).
2. О холдингах: Проект федерального закона № 99049555-2 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «ГАРАНТ»: <https://base.garant.ru/3111415/> (дата обращения: 29.11.2023).
3. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 04.08.2023) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «ГАРАНТ»: <https://base.garant.ru/10105800/> (дата обращения: 29.11.2023).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «ГАРАНТ»: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 30.11.2023).
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.12.2020 № Ф04-427/2019 по делу № А46-10789/2016 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=171233#zmheNxTSMOSALV01> (дата обращения: 01.12.2023).
6. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «ГАРАНТ»: <https://base.garant.ru/12114699/> (дата обращения: 04.12.2023).
7. О практике рассмотрения споров по применению концепции лица, имеющего фактическое право на доход (бенефициарного собственника): Письмо ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299239/ (дата обращения: 06.12.2023).
8. О фактическом праве холдинговых компаний на доход от источников в Российской Федерации: Письмо ФНС России от 08.08.2019 № ЕД-4-13/15696@ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331459/ (дата обращения: 06.12.2023).
9. Решение арбитражного суда города Москвы от 13 февраля 2020 г. по делу № А40-282232/19-140-7336 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: «Картотека арбитражных дел»: <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A40-282232/2019> (дата обращения: 07.12.2023).

LEGAL REGULATION OF HOLDINGS AS BUSINESS ENTITIES

Annotation. The article focuses on the existing shortcomings of the legal regulation of the organization and activities of holdings in the Russian Federation. The essence and differences of the concepts of «holding» and «holding company» are revealed, a number of regulatory legal acts concerning the regulation of holdings as business entities, as well as judicial practice on this issue, are analyzed. In this work, such research methods as the logical method, the method of comparative law, and content analysis were used. The author presented the clarified definitions of the holding company and the holding company, argued the expediency of adopting a law on holdings.

Keywords: holding company, holding company, subsidiary, business entity.

Malyshko N.

Scientific adviser: Smirnova E., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: natahamal2003@gmail.com

УДК 343.7

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАДЕ

Масальский И.А.

*Научный руководитель: Барбашова Н. В., д-р юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье проводится анализ нормативного регулирования законодательства в сфере недропользования и практики привлечения к ответственности за нарушение законодательства о недрах в Российской Федерации и Канаде. В современном мире внимание к сфере недропользования продолжает усиливаться. В Российской Федерации происходит постоянное реформирование данной отрасли, ужесточается контроль и надзор за природными ресурсами, и издаётся большое количество нормативных актов, регулирующих сферу недропользования. В то время как канадское законодательство на протяжении многих лет регулирует эту отрасль всего двумя нормативными актами. При проведении исследования использовались формально-юридический, структурно-функциональный и исторический методы, что позволило комплексно изучить законодательство рассматриваемых стран и проанализировать достоинства и недостатки каждого подхода.

Ключевые слова: административное право, недропользование, ответственность, законодательство о недрах, международные отношения.

Введение. Недропользование является одним из ключевых видов экономической деятельности, обеспечивающих устойчивое развитие многих стран. Эффективное регулирование ответственности в данной сфере обеспечивает рациональное использование природных ресурсов, а также защиту прав и законных интересов всех участников правоотношений [1, с. 293]. Российская Федерация и Канада имеют разные правовые системы и подходы к регулированию ответственности в сфере недропользования. В данной статье мы рассмотрим особенности привлечения к административной ответственности в сфере недропользования в России и Канаде, проведя сравнительно-правовой анализ этих практик.

Основная часть. Россию и Канаду объединяют три основных общих признака: федеративное устройство, климат и значительные запасы природных ресурсов. Эти обстоятельства делают вполне логичным и в некотором роде неизбежным сравнение правового режима недропользования этих стран. Существует множество исследований, посвящённых изучению регулирования недропользования, между тем вопрос административной ответственности при нарушениях в сфере недропользования в Российской Федерации и Канаде является менее освещённым вопросом.

В Российской Федерации правовое регулирование в сфере недропользования осуществляется более чем 180 нормативными правовыми актами, из них: Конституция Российской Федерации, 18 законов, федеральных законов и кодексов, 5 Указов Президента РФ, 45 актов Правительства РФ, 69 Приказов Минприроды России; в том числе значительное количество Распоряжений Минприроды России, приказов Роснедр, Административных регламентов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций, приказов иных органов госвласти.

Канадское правовое регулирование недропользования, в свою очередь, основано на Конституции Канады, состоящей из нескольких правовых актов, в основу которой положен Конституционный акт 1867 года – Акт «О британской Северной Америке», в дальнейшем дополненный Актом о Канаде 1982 года, а также законами, соглашениями и неоформленными традициями. Помимо этого, отношения недропользования регулируются актами парламента, при этом правовой режим формируется не исключительно центральными органами государственной власти, но и региональными

ввиду обладания автономией различной степени, при этом более совершенное законодательное регулирование рассматриваемой сферы принадлежит провинциям.

Несмотря на всю кажущуюся сложность де-факто использование недр федеральных земель в Канаде регулируется двумя законами: Законом о нефтегазовых ресурсах Канады (Canadian Petroleum Resources Act), 1985 г., который регламентирует геологоразведку и бурение, добычу, переработку и транспортировку углеводородов [2]; Законом о добыче и сохранении нефти и газа (Oil and Gas Production and Conservation Act), 1985 г. который определяет порядок добычи и резервирования углеводородов[3]. Помимо этого существуют принятые во исполнение этих законов подзаконные акты исполнительной власти. Нефтяное законодательство Канады привлекает внимание по следующим причинам. Канада является одним из ведущих мировых производителей нефти, а по доказанным запасам углеводородов занимает второе место в мире после Саудовской Аравии. Канада является крупнейшим федеративным государством, расположенным в сходных географо-климатических условиях, где принято специальное нефтяное законодательство, причем основанное на лицензионной модели предоставления права доступа к освоению шельфовых месторождений углеводородного сырья.

Законодательство о недрах более всего развито в канадских провинциях, обладающих существенными запасами полезных ископаемых (Альберта, Британская Колумбия, Саскачеван). В статье 92 А (1) Конституционного акта Канады 1867 года регулирование отношений по проведению поисково-разведочных работ, добыче полезных ископаемых и управлению в этой области в провинциях отнесено к их ведению (за исключением Северо-Западных территорий и Юкона). Несмотря на то, что к исключительному ведению федерального правительства отнесено управление ресурсами её континентального шельфа, в 1985 году между ним и правительствами провинций Ньюфаундленд и Лабрадор было заключено Атлантическое соглашение по управлению ресурсами нефти и газа в прибрежной зоне и распределению доходов. В соглашении признано за указанными провинциями «первоочередное право на доходы от эксплуатации ресурсов нефти в их прибрежной зоне, что отвечает требованию сохранения сильной и единой Канады». Аналогичное соглашение заключено между Канадой и Новой Шотландией.

Многие страны, такие как Австралия, Норвегия и Китайская Народная Республика, позаимствовали некоторые элементы канадской модели регулирования недропользования. Даже депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации неоднократно поднимают вопрос о рецепции канадской модели правового регулирования геологоразведки, организации юниорских компаний, захвата частного капитала в освоении недр земли.

Причиной этого является то, что канадская система общего права хорошо адаптирована к современным условиям и содержит комплекс нормативных правовых актов, которые сами по себе мало свойственны системе общего права, призванных регулировать отношения недропользования. Юридическая модель недропользования Канады эффективна, она способствует увеличению задействованных в экономике источников полезных ископаемых ресурсов, а также акваторий. Это подтверждается в том числе рядом российских научных исследований, посвящённых изучению правового регулирования освоения недр Канадой [4, 5].

Положение о земельных ресурсах для нефтегазовой отрасли Канады предусматривает чёткий регламентированный порядок недропользования, а также ответственность каждого недропользователя.

Что же касается обязательных процедур разрешения законодательных или иных споров, применимых к нефтегазовому сектору, включая процедуры, применяемые в контексте споров между:

- 1) соответствующим государственным органом или регулирующим органом и участниками в отношении нефти и разработка природного газа;
- 2) соответствующим государственным органом или регулирующим органом владельцами или пользователями транспортных трубопроводов и связанной с ними инфраструктуры в отношении транспортировки, переработки или хранения природного газа;
- 3) соответствующим государственным органом или регулирующим органом и владельцами или пользователями нефтяной инфраструктуры;
- 4) соответствующим государственным органом или регулирующим органом и владельцами или пользователями распределительных сетей в отношении распределения и передачи природного газа.

Канада не налагает никаких обязательных процедур разрешения законодательных или иных споров в своём нефтегазовом секторе, за исключением споров, связанных с оплатой сборов и тарифами на регулируемых нефте- и газопроводах, которые должны рассматриваться специально уполномоченными административными органами.

Участники нефтегазовой отрасли Канады, как правило, прямо уведомляют суды провинции, наиболее тесно связанные со сторонами или предметом сделки, услуг или операции о возникшем споре, который зачастую, по согласию участников, разрежается через обязывающий арбитраж, в том числе в соответствии с учётом различных провинциальных арбитражных актов и арбитражных правил учреждений. В целом также не существует препятствий частным предприятиям, предъявлять иски против государственных регулирующих органов в местные суды, если такие иски обоснованы.

Поскольку объекты по добыче и транспортировке природного газа и нефти в Канаде обычно не принадлежат федеральному или провинциальному правительству, а находятся в руках частных корпораций, эти положения имеют ограниченное применение. Кроме того, все канадские провинции и федеральное правительство приняли законы, позволяющие возлагать на правительство гражданскую ответственность. Администрирование эксплуатации недр земли затрагивает не только деятельность органов управления природопользованием в целом, но и осуществление функций, а также полномочий министерствами, агентствами, комитетами, советами, комиссиями, департаментами и службами в области энергетики и другими.

Ответственность федеральных, провинциальных и муниципальных органов власти, при этом должно рассматриваться отдельно в свете применимых законов, которые могут ограничивать ответственность муниципальных корпораций или устанавливать для истцов особые условия.

Совсем иначе обстоят дела, связанные с применением мер разрешения споров в сфере недропользования в Российской Федерации.

Так как большая часть недропользователей в Российской Федерации является или государственными предприятиями или тесно аффилированы с ними, разрешение споров в данной сфере зачастую сводится к привлечению виновных лиц к различным видам юридической ответственности, что сопровождается определенными проблемами, наиболее распространённым видом которой является административная ответственность.

Так в Российской Федерации законодательством установлена система штрафов, предусмотренная Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (Далее – КоАП). По нашему мнению, размер штрафов предусмотренных отечественным законодательством не покрывает того ущерба, который может быть причинён такими действиями как уничтожение или повреждение маркшейдерских знаков (ст. 7.2 КоАП РФ); пользование недрами без лицензии на указанную деятельность либо с нарушением условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами (ст. 7.3 КоАП РФ); самовольная застройка площадей залегания

полезных ископаемых (ст. 7.4 КоАП РФ); самовольная переуступка права пользования недрами (ст. 7.10 КоАП РФ); нарушение требований по охране недр и гидроминеральных ресурсов, которое может вызвать загрязнение недр и гидроминеральных ресурсов либо привести месторождение полезных ископаемых и гидроминеральных ресурсов в состояние, непригодное для разработки (ст. 8.9 КоАП РФ); нарушение правил и требований проведения работ по геологическому изучению недр, могущее привести или приведшее к недостоверной оценке разведанных запасов полезных ископаемых либо условий для строительства и эксплуатации предприятий по добыче полезных ископаемых (ст. 8.11 КоАП РФ); невыполнение или несвоевременное выполнение обязанностей по рекультивации земель при разработке месторождений полезных ископаемых, включая общераспространённые полезные ископаемые (ст. 8.7 КоАП РФ) [6].

Заключение. Таким образом, несмотря на большое количество принятых законодательных актов, у недропользователей возникают трудности на всех этапах использования недр, и существующие меры ответственности в Российской Федерации не являются эффективными. Мы считаем, что законодателю стоит обратить внимание на модель правовой системы Канады в этой области, провести анализ возможности адаптации и внедрения её норм и правил на территории Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Н.В. Экологическое право. Учебник для специалитета.–Москва: ИНФРА-М, 2022.- 538 с.
2. Закон о нефтегазовых ресурсах Канады (Canadian Petroleum Resources Act), 1985 г. / Электронный ресурс: URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-8.5/index.html> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Закон о добыче и сохранении нефти и газа (Oil and Gas Production and Conservation Act), 1985 г. / Электронный ресурс: URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-7/> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Манин Я.В. Правовой режим управления недропользованием в Канаде // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 38-47.
5. Моргунов Е.В. Управление недропользованием в Канаде // 2014. № 3. С. 121-131.
6. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.02.2024).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LEGAL LIABILITY IN THE FIELD OF SUBSOIL USE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CANADA

Annotation. This article analyzes the regulatory regulation of legislation in the field of subsoil use and the practice of bringing to justice for violations of subsoil legislation in the Russian Federation and Canada. In the modern world, attention to the field of subsoil use continues to increase. In the Russian Federation, the industry is constantly being reformed, control and supervision of natural resources are being tightened, and a large number of regulatory acts regulating the sphere of subsurface use are being issued. While Canadian law has regulated this industry for many years with only two regulations. The study used formal legal, structural-functional and historical methods, which made it possible to comprehensively study the legislation of the countries under consideration and analyze the advantages and disadvantages of each approach.

Keywords: administrative law, subsoil use, responsibility, legislation on subsoil, international relations.

Masalsky I.

Scientific adviser: Barbashova N., Doctor of Law, Professor

Donetsk State University

E-mail: igor-masalsky@rambler.ru

УДК 331.5-053.6

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

*Медведева А.Э.**Научный руководитель: Максименко О. Б., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье раскрывается криминологическая характеристика личности преступников, совершающих преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности – это деяния, посягающие на честь и достоинство человека и нравственность половых отношений. Личность лиц, совершающих половые преступления имеет свои специфические черты, обусловленные рядом факторов биологического, социального, нравственно-психологического, гражданско-правового характера. Они образуют качественно иной тип личности, отличающийся от личности др. категорий преступников по отдельным своим свойствам. В данной статье раскрыты черты личности преступников рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода личности, изнасилование, личность, насильственные действия.

В сложной структуре зарегистрированной преступности особое место занимают уголовно наказуемые деяния сексуального характера, направленные на общественные отношения против половой неприкосновенности и половой свободы личности, нарушающие нормальный уклад сложившихся отношений в обществе, нравственное и физическое развитие несовершеннолетних. В структуре преступлений против личности подобные преступления занимают примерно 8%, а в структуре преступности в целом не превышают 4%, тем не менее их количество остается недопустимо высоким. Вызывает тревогу факт, что все чаще жертвами преступлений становятся несовершеннолетние: количество зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в 2016 г. составило 12,3 тыс., в 2017 г. – 12,5 тыс. (+9,2%), в 2018 г. – 13,3 тыс., в 2019 г. – 14,8 тыс. (+4,3%). Всего за период с 2013 г. количество зарегистрированных преступлений в отношении несовершеннолетних выросло на 40%[1].

Исходя из сведений судебной статистики Российской Федерации можно увидеть, что с 2021 года по 2022 год количество лиц, осужденных по ст. 132-135 УК РФ увеличилось на 701 (рис. 1).

Год	Показатель	Рассмотрено дел	Кол-во лиц по делам	Осуждено	Доля осужденных	Оправдано	Доля оправданных	Прекращено по реабил. основаниям	В особом порядке	Доля осужденных в особом порядке
2021	Изнасилование (ст. 131 УК РФ)	1 967	2 023	1 810	89.0	15	0.0	1	5	0.0
2021	Иные посягательства против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 132-135 УК РФ)	7 545	7 727	6 023	77.0	32	0.0	4	1 473	24.0
2022	Изнасилование (ст. 131 УК РФ)	2 159	2 169	1 883	86.0	14	0.0	0	3	0.0
2022	Иные посягательства против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 132-135 УК РФ)	8 224	8 324	6 724	80.0	33	0.0	5	1 385	20.0

Рисунок 1 – Судебная статистика РФ за 2021-2022гг.

Стоит отметить, что преступные деяния приобретают длящийся характер, т.е. жертва может не понимать характер совершаемых деяний, бояться огласки произошедшего и находиться в зависимом положении по отношению к преступнику.

С каждым годом увеличивается число зарегистрированных преступлений, как было сказано ранее, по факту насильственных действий против половой неприкосновенности и свободы личности. Особенно стоит отметить, что под число жертв всё чаще попадают несовершеннолетние лица. Как известно, у несовершеннолетних не сформирована в достаточной степени психическая устойчивость. В наше время особенно легко при помощи Интернета и социальных сетей повлиять на подростков. Преступник, желая получить результат, привлекает жертву порнографическим контентом, оказывая психологическое воздействие и побуждая к совершению сексуальных действий. Подобные манипуляции рушат психику несформировавшейся личности.

Определенные шаги на ограничение подобных действий сделаны путем внесения изменений в ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2].

На оператора социальных сетей сейчас возлагаются обязанности проводить мониторинг и не допускать распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера.

Учёный Ю.В. Кадонцев на основе предшествующего совершению изнасилования поведения жертвы, выделил следующие виды потерпевших:

- 1) нейтральные (как правило, не знают насильника и не могут предвидеть нападение);
- 2) легкомысленные (личность преступника им известна либо они с лёгкостью знакомятся с неизвестным лицом);
- 3) жертвы с виктимным поведением (проводящие свободное время среди малоизвестных людей, распивающие вместе с ними спиртные напитки, провоцирующие своим поведением на совершение изнасилования)[3].

Поведение жертвы может иметь ключевое значение для наличия субъективной стороны изнасилования – от её согласия или несогласия будет зависеть, является ли она потерпевшей от изнасилования. Однако в различных ситуациях установить факт проявления согласия очень сложно, учитывая то, что каждая потерпевшая по-своему проявляет несогласие, которое может быть выражено неявно или даже невербальным способом. Такие особенности поведения могут привести к фактической ошибке со стороны насильника, воспринимающего несогласие и сопротивление как мнимое[4].

Стоит отметить мнение Чугуевой Е.А., которая пишет: «Провокация со стороны потерпевшей зачастую проявляется и во внешнем виде, когда жертва одевает излишне открытую одежду, обнажающую её тело и подчёркивающую её фигуру, что возбуждает насильников и толкает их на совершение изнасилования». Однако по нашему мнению данный фактор не должен влиять на психику, и быть причиной к побуждению совершить насильственные действия. Каждый человек вправе сам решать, что ему надеть, и такие лица, готовые совершить насильственные действия по отношению к жертве, должны контролировать себя, и не должны в свое оправдание упоминать тот факт, что его спровоцировали.

По данным исследования большинства лиц, большинство данных преступлений совершается лицами мужского пола. Их доля составляет 95%. Случаи же совершения таких преступлений лицами женского пола довольно редки. Их доля составляет всего 5%. Представляется, что причина количественного различия между преступниками обоих полов необходимо искать не в более высокой нравственности и большой

сознательности женщин. Так, из 2626 осужденных, количество женщин составило 43 человека.

По этому поводу В.Н. Кудрявцев писал: «Биологическое развитие полов настолько опосредовано социальными факторами, что именно этим последним и принадлежит ведущая роль в различном формировании мужчин и женщин» [5].

Значительно влияющим на преступное поведение фактором является возраст. Наиболее высокая преступность совершается лицами с 18-49 лет. Редко встречаются преступники в возрасте 50 и более лет, однако это не говорит о том, что их совсем нет, точно так же как и возраст 14-15 лет.

Например, преступление, предусмотренное ст. 134 УК совершает молодежь в возрасте от 16 до 18 лет – 38%, от 18 до 25 лет совершает 33%, от 25 до 30 лет – 16%, от 30 до 40 лет – 9%, от 40 до 50 лет – 3%, от 50 до 65 лет – 1% [6].

Часто такие преступления совершаются в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Ранее судимые лица совершают изнасилования реже, чем несудимыми лицами. Рецидивистами совершаются чаще убийства. У преступников, совершающих насилие, отмечаются негативные привычки в поведении, такие как пьянство, мелкое хулиганство.

Преступникам, совершающим преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, присущи следующие характеристики их личности:

- грубость, агрессия, жестокость, потребительское отношение к обществу;
- примитивное восприятие взаимоотношений между мужчиной и женщиной;
- неуважение к женщинам;
- распущенность, которая насильниками признается как достоинство [7].

Основными детерминантами совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности можно назвать следующие обстоятельства:

1. Недостатки нравственно-полового воспитания личности. Семья первый и самый важный институт воспитания и развития личности. Именно в ней у человека закладываются фундамент моральных и нравственных устоев, традиций и поведения в обществе. Безнадзорность подростков в период полового созревания, развращающее влияние со стороны старших по возрасту оказывают исключительно отрицательное влияние.

2. Сексуальные отклонения. Наследственные причины и различные гормональные отклонения, которые не вписываются в круг общепринятого сексуального восприятия в мире, расстройства психики, совершение сексуального контакта в присутствии детей, беспорядочные половые связи становятся причинами нарушения уголовного законодательства.

3. Алкоголизация населения. Согласно статистике, треть преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности совершается в состоянии алкогольного опьянения. Данная проблема тесно связана с криминогенной ролью спиртных напитков в целом.

4. Самоутверждение виновного. Самоутверждение может иметь две формы: когда виновный старается показать себя решительным, не выглядеть «ущербным» в глазах своих сообщников, пытается завоевать авторитет в своем окружении, если же преступление совершает одно лицо, виновный стремиться доминировать над женщиной и утвердить себя в мужском статусе.

5. Виктимное поведение жертвы. Легкомысленное поведение жертвы, создание благоприятной обстановки для половых действий виновного (согласие жертвы на предложение зайти в гости, покататься на машине, знакомство на улицах с подозрительными личностями, поход с ними на вечеринку в незнакомое место) оказывает решающее воздействие на его сексуальные желания. Выбор плохо освещенных и безлюдных маршрутов передвижения, отсутствие патрулирования в

таких местах, создают благоприятные условия и облегчают совершение преступных действий.

6. Неконтролируемая миграция. Ежегодно в нашу страну прибывает значительное количество лиц из стран «ближнего» зарубежья, имеющих особые этнические и психологические нормы сексуального поведения, являющиеся сдерживающим элементом в стране их происхождения и провоцирующими в стране пребывания.

7. Распространение порнобизнеса и проституции. Негативные социальные явления, направленные на разрушение моральных устоев и нравственности общества, наносят огромный вред общественной нравственности, особенно воспитанию подрастающего поколения [8].

Обращаясь к проблемам в воспитании, здесь можно выделить, что на формирование личности прежде всего влияет семья и взаимоотношения в семье. На психику сказывается развод родителей, ссоры, скандалы, отрицательно влияющие на нравственное воспитание детей, поскольку эти факты травмируют их и ведет к снижению эффекта традиционных форм социального контроля в семье.

По данным специальных исследований, дети из разведенных семей более подвержены негативному воздействию и имеют искаженное представление о сексуальных ролях. Каждый год около полутора миллионов несовершеннолетних в Российской Федерации сталкиваются с разводом своих родителей. Система воспитания и образования, которая переживает значительные изменения, играет ключевую роль в воспитании молодого поколения. Школа, в тесном взаимодействии с другими институтами социального воспитания, должна обеспечить необходимый для общества уровень образования, ценностей, этики и культуры.

Школа в определенном смысле – своеобразный слепок общества. Поэтому она, как и общество в целом, продолжает пребывать в состоянии кризиса [9].

Большим пробелом в работе школы является отсутствие должного полового просвещения и воспитания, необходимость которого для подрастающего поколения теперь повсеместно признана.

В последние годы вопросы полового воспитания молодежи стали предметом широкого обсуждения в печати. Однако следует признать, что половое воспитание у нас в стране фактически еще отсутствует.

Профессор В.Н. Колбановский, пишущий о половом воспитании, вынужден признать, что «педагогическая и медицинская науки не располагают достаточным научным материалом, который позволил бы выработать обоснованные научные рекомендации» [10].

А Г. Сегал отмечает: «Проблема полового воспитания, без сомнения, является одной из жгучих проблем нашей общественности. Между тем, в этой области до сих пор не выработано ничего определенного» [11].

Таким образом, наиболее криминально активными при совершении рассматриваемых преступлений являются лица в возрасте до восемнадцати лет, не исповедующие нравственных ценностей, с отставанием от соответствующих показателей образовательного уровня населения страны и низкой степенью культуры, злоупотребляющие спиртными напитками и наркотическими средствами, а также ведущие антиобщественный образ жизни.

Рассмотрев различные мнения и проведя криминологическую характеристику личности преступников, совершающих преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности мы можем сделать следующие выводы.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности являются распространенными и могут нанести ущерб как физическому, так и психическому здоровью. Из-за этого борьба с такими преступлениями всегда была приоритетом как

на международном, так и национальном уровне. Уголовная ответственность за эти преступления предусмотрена в Уголовном кодексе Российской Федерации. Каждое преступление имеет свои особенности и относится к определенным общественно опасным преступлениям.

Зачастую лица, которые совершают преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности имеют психические расстройства, которые формируются еще с раннего возраста.

Недостатки нравственно-полового воспитания личности преобладают в нашей жизни. Зачастую рушится психика именно в детстве – подростковом возрасте, когда будущие преступники утрачивают мораль и ценности жизни. Происходит асоциализация, недостаток воспитательного процесса в учебных учреждениях, ведущих работу с несовершеннолетними. Недостаток внимания, неспособность приспособиться к обществу приводит к тому, что подростки попадают в неправильные компании, где их личность формируется уже совершенно по-другому – несвойственно обществу и моральным принципам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончарова М.В., Бабаев М.М., Шиян В.И. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020.
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Крылова А.Б. Личность потерпевшей от изнасилования // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты: сборник статей по материалам международной студенческой научно-практической конференции / под ред. С.А. Полякова, М.А. Михайлова, Е.А. Ануфриевой, Т.В. Омельченко. 2017. С. 129
4. Стоянович З. Субъективная сторона изнасилования и сопротивление жертвы // Уголовное право. 2014. № 5. С. 143.
5. Кудрявцев В.Н. Социальная обусловленность преступного поведения и роль биологических факторов // Соц. законность. 1967. № 67. С. 48.
6. Верин В.П. Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1994. С. 19.
7. Криминологическая характеристика личности преступника в насильственных преступлениях против половой неприкосновенности. Разъясняет аппарат прокуратуры области // [Электронный ресурс] https://midural.ru/normative_documents/100615/100629/page5/document132319/
8. Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Криминологический журнал. 2021;(1):43–47.
9. Мудрик А.В. О воспитании старшеклассников: Книга для классных руководителей. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1981. С. 30
10. Колбановский В.Н. О половом воспитании подрастающего поколения // Сов. педагогика. 1964. № 3. С. 19
11. Сегал Г. К проблеме половой преступности: Правонарушения в области сексуальных отношений / Под ред. Е.К. Краснушкина и др. М., 1927. С. 7.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF CRIMINALS WHO COMMIT CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE INDIVIDUAL

Annotation. This article reveals the criminological characteristics of the personality of criminals who commit crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. Crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual are acts that infringe on the honor and dignity of a person and the morality of sexual relations. The personality of persons who commit sexual crimes has its own specific features due to a number of factors of a biological, social, moral, psychological, and civil nature. They form a qualitatively different type of personality, different from the personality of others. categories of criminals according to their individual properties. This article reveals the personality traits of the perpetrators of the crime in question.

Keywords: sexual integrity, sexual freedom of the individual, rape, personality, violent actions.

Medvedeva A.

Scientific adviser: Maksimenko O., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: turchinovich3112@gmail.com

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Михайлов Я.А.

*Научный руководитель: Сынова Е. М., д-р юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье исследуются и анализируются вопросы, связанные с соотношением вины и субъективной стороны административного правонарушения, а также возможностью совершения административного правонарушения с двумя формами вины. Для проведения исследования использовались формально-юридический, структурно-функциональный и аналитический методы, что позволило комплексно изучить рассматриваемые вопросы. В ходе исследования было выяснено, что в доктрине права существуют два основных подхода к соотношению этих понятий: первый подход утверждает их тождественность, а второй – отрицает. Автор работы придерживается последнего подхода и считает, что понятие субъективной стороны административного правонарушения более широкое, чем понятие вины. Также автор полагает, что совершение административного правонарушения с двумя формами вины невозможно.

Ключевые слова: административное правонарушение, субъективная сторона, вина, факультативные признаки, формы вины.

Введение. Вопрос соотношения вины и субъективной стороны административного правонарушения является одним из ключевых вопросов в современной юриспруденции. Эта проблема касается того, каким образом учитывать намерение или неосторожность лица, совершившего административное правонарушение, при определении степени его вины и, соответственно, при назначении административного наказания. Данный вопрос имеет важное практическое значение, поскольку от его решения зависит справедливость назначенного наказания и защита законных интересов граждан и общества. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты этой проблемы и попытаемся найти оптимальное соотношение между виной и субъективной стороной административного правонарушения.

Основная часть. Правонарушение – это сложный общественный феномен, который включает в себя лицо, совершившее правонарушение (субъект), правоотношения, которые были нарушены (объект), внешние деяние (объективную сторону) и внутреннюю психическую деятельность человека (субъективную сторону)[2].

Согласно доктрине права, субъективная сторона, должна пониматься как психическая деятельность лица, прямо связанная с его совершением. В соответствии с этим, субъективная сторона в целом представляет собой внутреннюю суть правонарушения.

Психологическая деятельность человека, совершающего преступление, состоит из совокупности признаков: вины (выражающейся в форме умысла или неосторожности), мотивации, цели и эмоций.

Эти признаки определяют психологическую деятельность лица, прямо связанную с совершением преступления, и вместе составляют содержание субъективной стороны совершаемого правонарушения [3].

Для того чтобы признать субъективную сторону правонарушения обязательной частью состава правонарушения, не обязательно наличие всех указанных выше признаков. Обязательным признаком является только вина, которая должна быть установлена в каждом отдельном случае правонарушения. Мотив, цель и эмоции, в свою очередь, не являются обязательными; они имеют факультативный характер и их обязательность определяется включением в описание состава правонарушения.

Отметим, что в рамках административного права одним из самых значимых и обсуждаемых направлений является изучение субъективной стороны правонарушения.

Субъективная сторона играет ключевую роль в установлении административной ответственности, поскольку отсутствие субъективной стороны правонарушения абсолютно и однозначно означает отсутствие самого правонарушения. Именно поэтому проблема соотношения вины и субъективной стороны правонарушения является одной из наиболее значимых в доктрине и практике правоприменения.

Эта тема вызывает активные дискуссии. Многие учёные, изучающие понятия субъективной стороны правонарушения и вины, спорят о том, как они соотносятся друг с другом, разумеется, в ходе данных споров, были выработаны различные подходы. Однако, анализ литературы нам выделить две основные точки зрения на соотношение данных понятий:

- они идентичны, т.е. субъективная сторона сводится к вине и данные категории рассматриваются как синонимичные [4];

- не совпадают.

Мы также придерживаемся мнения, что рассматриваемые категории не совпадают, поскольку субъективная сторона правонарушения является более сложным и многоаспектным правовым явлением. Она включает в себя не только вину, но и другие психические процессы, такие как мотив и цель совершения правонарушения.

Субъективная сторона нарушения закона представляет собой совокупность взаимосвязанных признаков, отражающих внутреннее отношение лица к совершаемому нарушению. Этот аспект имеет важное значение для законодательной и правоприменительной деятельности, так как непосредственно влияет на разграничение и индивидуализацию административной ответственности и наказания.

Субъективная сторона является особой частью правонарушения, определяющей интеллектуально-волевую связь, возникающую между субъектом и объектом. Как уже отмечалось ранее, в психической деятельности лица, совершающего правонарушение, присутствуют и другие элементы, которые необходимо учитывать, чтобы не сводить субъективную сторону правонарушения только к вине.

Форма вины определяется с помощью формул, которые учитывают разное соотношение интеллектуальных и волевых процессов. Отдельные из которых, получившие закрепление в действующем законодательстве, соотносясь с эмоциональными аспектами, различными целями и мотивами совершения преступления, определяя особенности личного отношения человека к совершенному преступлению в целом.

Для более полного раскрытия темы обратимся к ст. 2.2 КоАП РФ. В этой статье предусмотрена возможность совершения административного правонарушения как умышленно, так и по неосторожности, что закрепляет две основные формы вины с точки зрения законодательства [5].

Принимая во внимание особенности административных правонарушений как противоправных действий, можно утверждать, что умысел является основной формой вины при их совершении, независимо от того, выражен ли он прямо или косвенно.

Когда рассматривается умысел как основание вины в административном правонарушении, важно рассмотреть соотношение интеллектуальной и волевой составляющей. Эти отношения хорошо изучены в научной сфере административного права и считаются устоявшимися.

Совершение умышленного правонарушения подразумевает, что человек осознает противоправность своих действий и их возможные общественно-опасные последствия. Прямой умысел означает, что лицо желает этих последствий, а косвенный умысел – что лицо не желает их, но допускает возможность или относится к ним безразлично. Форма умысла не влияет на квалификацию правонарушения.

В соответствии с наступлением общественно-опасных последствий все нарушения, предусмотренные КоАП РФ, делятся на формальные и материальные. При разработке действующего КоАП РФ и внесении изменений законодатель включил в него множество составов правонарушений, имеющих формальный характер. Представляется логичным, что умышленно совершаются административные правонарушения обоих видов.

Однако согласно одной из теорий, разработанных в области административного права, административные правонарушения, которые имеют только формальный характер (так называемые формальные правонарушения), могут быть совершены только с прямым умыслом. Согласно этой теории, совершение таких правонарушений с другими формами вины невозможно. Кроме того, при совершении административных правонарушений формального характера, важно, чтобы было соотношение между пониманием ситуации и желанием совершить действие[6, с. 185–195].

Таким образом, неосторожность в административных правонарушениях – это вид вины, когда лицо не осознает противоправность своего поведения.

Из-за своих особенностей неосторожная форма вины является одной из самых обсуждаемых тем в области административного права. Например, возникает множество споров о том, можно ли признать административным правонарушением действие, совершенное по неосторожности. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой действие, совершенное по неосторожности (небрежно или легкомысленно), может быть признано административным правонарушением, если КоАП РФ или закон субъекта РФ об административных правонарушениях предусматривает такую возможность.

К примеру, в ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ закреплено положение согласно которому деяние «повлекшее по неосторожности причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего», является наказуемым[5].

Анализируемая форма вины определяется отношением лица к последствиям совершенного правонарушения, что показывает возможность совершения с небрежной формой вины только правонарушений, в результате которых наступают общественно-опасные последствия, то есть правонарушений с материальным составом. Согласно закону, само деяние, совершенное по неосторожности, выходит за пределы предмета правовой оценки.

Следующим предметом дискуссии является возможность совершения административного правонарушения с двумя формами вины. Некоторые авторы, включая тех, кто пишет комментарии к КоАП РФ, считают, что это возможно[1].

Мы считаем, что данная позиция была сформирована под воздействием некоторых норм КоАП РФ в которых законодатель закрепил возможность совершения административного правонарушения альтернативными способами, например, ст. 19.16 КоАП РФ, которая содержит указание на обе формы вины[5].

На наш взгляд, позиция, согласно которой административное правонарушение может быть совершено с двумя формами вины, является неправильной, так как не соответствует «букве закона». Применение этой позиции может привести к негативным последствиям, так как будет возможно применение норм, не содержащих явного указания на субъективное отношение виновного к последствиям совершенного административного правонарушения.

Заключение. Таким образом, подводя итог вышеизложенному, отметим, что вина – значение которого заключается в определении психологического отношения

лица к совершаемому деянию и его последствиям через установление формы вины (умысла или неосторожности).

Рассматривая вопрос соотношения категорий «вина» и «субъективная сторона преступления» мы придерживаемся позиции согласно которой рассматриваемые категории не совпадают, так как субъективная сторона правонарушения – это более широкое правовое явление, включающее не только вину, но и другие психические процессы.

В тоже время на наш взгляд, позиция, согласно которой административное правонарушение может быть совершено с двумя формами вины, является неправильной, так как не соответствует «букве закона», так как будет возможно применение норм, не содержащих явного указания на субъективное отношение виновного к последствиям совершенного административного правонарушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеев А. В., Немова Е. Н. Вина юридических лиц и особенности её доказывания // Вестник ВУиТ. 2019. №4. С. 53–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vina-yuridicheskikh-lits-i-osobennosti-ee-dokazyvaniya> (дата обращения: 08.02.2024).
2. Петраш, А. В. Субъективная сторона правоприменения / А. В. Петраш // Крымский Академический вестник. – 2021. – № 17. – С. 173-179. – EDN BQKBLT
3. Федосенко Д. А. Субъективная сторона правонарушения // Интернаука. 2021. № 9-1 (185). С. 95–98.
4. Типикина Е. В., Тихонова О. Ю. К вопросу о субъективной стороне правонарушения // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 2-1. С. 202–208.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 05.08.2023).
6. Синицина, С. В. Субъективная сторона административного правонарушения / С. В. Синицина // Российская государственность и правовая система в XXI веке: тенденции, противоречия и перспективы развития : Межрегиональная научно-практическая конференция учёных, аспирантов, студентов и практиков, Астрахань, 26 мая 2017 года / Астраханский государственный технический университет. – Астрахань: Астраханский государственный технический университет, 2017. – С. 185-193. – EDN YOCXAY.

ACTUAL PROBLEMS OF THE SUBJECTIVE SIDE OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

Annotation. This article examines and analyzes issues related to the ratio of guilt and the subjective side of an administrative offense, as well as the possibility of committing an administrative offense with two forms of guilt. Formal-legal, structural-functional and analytical methods were used to conduct the study, which made it possible to comprehensively study the issues under consideration. In the course of the study, it was found out that in the doctrine of law there are two main approaches to the relationship of these concepts: the first approach asserts their identity, and the second one denies. The author of the work adheres to the latter approach and believes that the concept of the subjective side of an administrative offense is broader than the concept of guilt. The author also believes that it is impossible to commit an administrative offense with two forms of guilt.

Keywords: administrative offense, subjective side, guilt, optional signs, forms of guilt.

Mikhailov Ya.

Scientific adviser: Synkova E., Doctor of Law, Professor
Donetsk State University
E-mail: yara-200@mail.ru

УДК 343.9

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В XXI ВЕКЕ – ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Мноев В.В.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена всестороннему анализу угроз и рисков терроризма, связанного с развертыванием биологических лабораторий и разработкой биологического оружия. При написании работы были использованы следующие методы исследования: абстрагирования; анализа; синтеза; обобщения; исторический; статистический. Был сделан вывод о том, что современная законодательная база в сфере борьбы с биотерроризмом нуждается в совершенствовании. Предлагается определенный комплекс мер противодействия явлениям биотерроризма, а также раскрывается его понятие, причины и признаки.

Ключевые слова: биотерроризм, биологическое оружие, биологическая лаборатория.

Вступление. XXI век – это время стремительного развития технологий, в том числе и в сфере микробиологии. Биологический терроризм, как одна из форм реализации результатов научных исследований, является довольно острой и актуальной проблемой в современном мире. На опасность биологического терроризма указывают те обстоятельства, что полученные исследовательские данные могут использоваться для создания биологического оружия и, как следствие, совершения актов биотерроризма. С учетом этого, была принята Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении в 1975 г. Биологические теракты направлены против общественной безопасности, причиняют значительный ущерб гражданам, экономике и стабильности общества. По данным МВД России, в январе – декабре 2023 года зарегистрировано 2382 преступления террористического характера, что на 6,7% больше, чем в 2022 году. Из чего следует, что вопросы определения понятия, причин и признаков биотерроризма, а также мер противодействия приобретают особую актуальность.

Изучению проблемы биотерроризма как явления антисоциальной направленности посвятили свои работы многие исследователи, в числе которых: Бураева Л.А. и Дадова З.И., раскрывшие понятие биотерроризма, его сущность и проявления; Лобзин Ю.В. и Лукин Е.П., сравнившие явления биологического терроризма прошлого и современности; Берладин Ю.В. и И.К. Харичкин, рассмотревшие США как основной источник биологической опасности. Однако, несмотря на их значительный научный и практический вклад в данной сфере, проблема противодействия явлениям биологического терроризма остается открытой.

Таким образом цель исследования – всесторонний анализ вопросов относительно понятия биотерроризма в современном обществе, его признаков, причин появления, распространения и мер противодействия.

Основная часть. Использование биологического оружия было известно еще в древние времена. Первым масштабным актом биотерроризма многие исследователи считают атаки бубонной чумой в XIV веке. Именно тогда, в 1346 г., по приказу хана Золотой Орды Тохтамыша в колодцы и другие источники воды в осажденной геноузской крепости в Крыму с целью её последующего захвата сбрасывались трупы людей и животных, погибших от бубонной чумы. Результатом указанных действий стало стремительное последующее распространение чумы по всей Европе, которая унесла жизни 25 млн. человек.

Свое нынешнее развитие биологический терроризм получил относительно недавно – применительно к началу XX века, когда, даже в наиболее развитых на тот

момент странах, население все еще испытывало страх перед инфекционными заболеваниями. Развитие микробиологии, сопровождавшееся ростом числа специалистов в этой области, создало риск вовлечения некоторых из них в состав террористических организаций, применяющих в своей деятельности результаты научных исследований. Позднее, начиная с 1930-х годов, постоянный поиск новых методов ведения боевых действий, в процессе Первой мировой войны, привел к запуску программ по созданию полноценного бактериологического (биологического) оружия в нескольких крупных государствах. Целью этих программ было разработать эффективное биологическое оружие, пригодное для широкого использования вооруженными силами и массового поражения.

Как утверждают многие исследователи, случай убийства болгарского диссидента Г. Маркова в Лондоне в 1978 году является единственным относительно достоверным актом биотерроризма, в котором предполагается участие государственных органов и должностных лиц, а также управляемых ими частных лиц. Преступник, которого считали подозреваемым в работе на болгарские спецслужбы, использовал специальное устройство, скрытое в обычном зонтике, чтобы ввести потерпевшему капсулу с рицином. Однако, несмотря на все усилия, доказать этот факт в судебном порядке не удалось, и, в конце концов, расследование в Болгарии было в 2013 году из-за истечения срока давности. [1, с. 1].

Что же касается доказанных или предполагаемых актов биотерроризма со стороны террористических групп, организаций и террористов-одиночек, то за период, истекший с момента подписания и вступления в силу Конвенции о биологическом оружии, такие случаи были замечены неоднократно. В числе таких инцидентов: распространение споров сибирской язвы в США в 2001 году, жертвами которого стали 27 человек, 5 из которых погибли; Многочисленные атаки секты «Аум Синрикё» в Японии в 1995 году с применением отравляющих газов, повлекшие за собой смерть по меньшей мере 20 человек и поражение свыше 1000 человек и др.

На данный момент основным актом, оказывающим влияние на противодействие явлениям биологического терроризма, является Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, подписанная в 1975 г., которая запрещает для стран-подписантов изготовление и применение микробиологических или других биологических агентов или токсинов, а также оружия, оборудование или средств доставки, предназначенных для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах [2, с. 1]. Однако данная Конвенция оставила без рассмотрения ряд важных положений: во-первых, в ней не содержится единого, общепризнанного для стран подписантов определения понятия биотерроризма; во-вторых, она не предусматривает всех тех природных или искусственно созданных биологических агентов (бактерий, вирусов, простейших, паразитов, грибков, которые могут быть целенаправленно использованы в качестве оружия в биотерроризме или биологической войне), токсинов или их компонентов, существующих на данный момент и производимых не только в мирных целях; в Конвенции нет указания на запрещение экспериментов, связанных с выбросом в открытую атмосферу патогенов (микроорганизмов, способных вызывать болезненное состояние другого существа) или токсинов, вредных для людей, животных или растений, которые не предназначены для профилактики, защиты или других мирных целей.

Таким образом, несмотря на продолжительную историю и значительную общественную опасность биологического терроризма, понятие данного явления до сих пор не регламентировано на законодательном уровне. На это указывает то, что единое определение биотерроризма отсутствует как в Уголовном кодексе Российской

Федерации, так и в ином федеральном или международном законодательстве. В связи с этим целесообразным представляется рассмотрение различных точек зрения ученых относительно данного вопроса.

По мнению П. Н. Кобеца, «биотерроризм – это разновидность терроризма, заключающегося в преднамеренном и скрытом применении биологических и токсических компонентов биологического оружия в целях причинения вреда либо уничтожения людских, продовольственных или сельскохозяйственных ресурсов» [3, с. 30].

Как считает М.П. Требин, «биотерроризм – умышленное применение отдельными лицами, террористическими группами или организациями биологических средств поражения людей, сельскохозяйственных животных и культурных растений с целью уничтожения или вывода из строя людей, нанесения больших экономических потерь стране, навязывания определенной линии поведения в решении внутренних и внешних споров» [4, с. 34].

В трудах Ю.В. Лобзина биотерроризм рассматривается как одна из разновидностей терроризма, которая направлена на осуществление по конкретному адресу угрозы преднамеренного, сознательного и целенаправленного применения патогенных микроорганизмов, вместо иных средств поражения, используемых при совершении «традиционных» террористических актов [5, с. 12].

Рассмотрев различные определения понятия «биотерроризм», приходим к выводу, что данный вид терроризма обладает следующими признаками: умышленная форма вины; использование биологических агентов (бактерий, вирусов, ядов и др. биологически опасных веществ); субъектом выступает террорист-одиночка, группа лиц, террористические организации или государство; высокая латентность преступления, проявляющаяся в замедленном действии биологической террористической атаки; нанесение значительного ущерба людям, сельскохозяйственным животным, культурным растениям, окружающей среде, экономике страны; достижение каких-либо «псевдолегитимных» целей – политических или идеологических.

С учетом вышеизложенного, предлагаем авторское определение данного понятия: «биотерроризм – это вид терроризма, суть которого заключается в умышленном использовании биологических агентов, таких как бактерии, вирусы яды и др., в качестве оружия для нанесения значительного ущерба людям, сельскохозяйственным животным и культурным растениям, нанесения убытков экономике страны, а также достижения каких-либо политических или идеологических целей».

Общественная опасность биотерроризма обусловлена, прежде всего, сложно контролируемой зоной распространения биологического оружия, ввиду того, что его компонентами являются быстро размножающиеся живые микроорганизмы. Как следствие, латентный период использования такого оружия может быть длительным, а последствия от его ущерба – трудно компенсируемыми из-за того, что явления биотерроризма направлены на поражение окружающей среды, экономики страны, а также жизни и здоровья неопределенного круга лиц.

Значительная опасность биологического терроризма, а также стремительное развитие биотехнологий обуславливают необходимость рассмотрения причинного комплекса биотерроризма.

Как указывают в своей работе Л.А. Буряева и З. И. Дадова, к основным причинам биологического терроризма, активно развивающегося с XX века, следует отнести: стремительное развитие естественных наук, в том числе микробиологии и медицины; рост общего количества и профессионального уровня специалистов в указанных областях науки; открытость научной информации для различных слоев населения [6, с. 135].

Исследователи указывают на то, что в скором будущем достигнутый научно-методический прогресс в области медицины и микробиологии может быть использован для изготовления мощного биологического оружия, направленного на достижение каких-либо военных целей, в том числе террористических. Так, сегодня большинство материалов, требующихся для получения биологических агентов, находятся практически в открытом доступе, по крайней мере, их можно приобрести вполне легальным путем.

Причины совершения актов биотерроризма целесообразно классифицировать на: социально-экономические, внутригосударственные, политические, социально-психологические, религиозные и экологические. Росту же атак биотерроризма во многом способствуют: идеологические мотивы, стремление изменить культуру, материальная заинтересованность, желание навредить экономике страны, а также недостаточная осторожность и осведомленность в процессе изучения биологических объектов.

Исследования показали, что биологические лаборатории, играющие важную роль в научном прогрессе, медицине и различных промышленных отраслях чаще всего являются одним из источников распространения различных вирусов и штаммов. Они предоставляют ученым и специалистам возможность проводить разнообразные эксперименты и анализы для понимания и изучения биологических процессов.

Показательным примером являются действия Соединенных Штатов Америки. Под руководством Министерства обороны США созданные биологические лаборатории, с целью уклонения от возможных международных проверок, переводились под юрисдикцию различных европейских государств и интегрировались в их местные системы здравоохранения. При этом отмечалось, что действия данного государства по созданию лабораторий были направлены исключительно на совершенствование военно-биологической программы страны. Хотя в действительности полагаем, что деятельность биологических лабораторий, находящихся под влиянием США, скорее направлена на разжигание национальной ненависти, что подтверждают террористические и военные направления исследований большинства таких биологических лабораторий.

На сегодняшний день, как указывают Ю. В. Берладир, И. К. Харичкин, вблизи границ России функционируют биологические лаборатории, которые либо финансировались, либо финансируются и по сей день Пентагоном США (Минобороны США): в Казахстане, Азербайджане, Армении, Грузии, Туркмении, Ираке, Пакистане, Турции, Афганистане [7, с. 14].

В Казахстане, на основе соглашения между Министерством энергетики Республики Казахстан и Министерством обороны США, была создана «Центральная референс-лаборатория». Основными функциями этого центра являются хранение штаммов и проведение исследований с коллекциями возбудителей особо опасных заболеваний, включая чуму, сибирскую язву и различные виды холеры.

В Грузии существует биологическая лабораторная сеть, известная как «Центр Лугара», которая была открыта при поддержке Пентагона США в 2011 году. Как указывают Герасимов А. Н., Зюзин С. Г., Соловьев А. И., имеются доказательства производства продукции двойного назначения в этом центре, включая устройство для распыления зараженных насекомых. К примеру, в 2007 году в Грузии случилось массовое заболевание людей лейшманиозом – смертельно опасной болезнью, вызываемой паразитами лейшманиями. Главными переносчиками этого заболевания оказались москиты, за которыми было замечено весьма противоестественное поведение. Они предпочитали обосновываться в ваннах, туалетах и канализационных стоках, и, к тому же, стали устойчивыми к минусовым температурам. Это позволяло им выживать в условиях города на протяжении целого года. [8, с. 1].

Кроме того, следует отметить, что деятельность Пентагона США в развертывании биологических лабораторий простирается, в частности, на Украину, где было размещено 11 биологических лабораторий, занимающихся исследованиями и разработками с особо опасными биологическими организмами. [8, с. 1].

Развитие микробиологии, биотехнологий, генной инженерии при содействии США, представляет значительную угрозу, в первую очередь, для Российской Федерации. Ю. А. Бобылев указывает, что военная биология в США кратно опережает Россию по развитию и финансированию. Исследователь указывает на то, что Соединенные Штаты добились стратегического и тактического преимущества по уровню биологического оружия и защиты от него [9, с. 858].

Нельзя также не отметить, что стремительное развитие биологических лабораторий прямо пропорционально росту атак биотерроризма. Разглашение результатов микробиологических исследований, утечка биоматериалов, различных штаммов и вирусов – все это подтверждает, что работа многих биологических лабораторий положительно сказывается на динамике роста биологических террористических атак.

В конечном итоге, учитывая вышеизложенное, считаем целесообразным использование следующих мер для борьбы с биотерроризмом:

- введение в сферу международно-правового регулирования единого понятия биотерроризма;
- утверждение федерального законодательства РФ, направленного на установление правил лицензирования и оборота как внутри, так и за пределами государства биоагентов, токсинов, оборудования или средств доставки таких веществ;
- установление категорий лиц, имеющих право на владение либо приобретение особо опасных биоагентов;
- предотвращение, в том числе на потенциально опасных биологических объектах, аварий, террористических актов, диверсий, осуществляемых с применением патогенов.

Выводы. Таким образом, внезапное появление атак биотерроризма, неизвестность количества поражающих определенную территорию микроорганизмов, а также серьезные последствия, указывают на то, что биотерроризм в XXI веке представляет собой значительную мировую угрозу, в связи с чем является больше реальностью, нежели вымыслом. Кроме того, данные обстоятельства указывают на необходимость дальнейшей разработки и проведения эффективных мер по противодействию биотерроризму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лягушкина Л. А был ли зонтик? В Болгарии закрыли одно из самых загадочных дел времен «холодной войны». [Электронный ресурс] // LENTA.RU. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2013/09/13/umbrella/>, свободный (дата обращения: 02.03.2024).
2. О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении: Конвенция [Одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи 16.12.1971] Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». Источник: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacwear.shtml.
3. Кобец П.Н. Особенности феномена биотерроризма в условиях XXI столетия и меры противодействия // Научный портал МВД России. 2021. №1 (53). С. 25-33.
4. Саранкина Ю.А. Биологический терроризм: понятие, сущность и основные направления противодействия // Крымский научный вестник. 2016. №1. С. 30-44.
5. Лобзин Ю.В. Биотерроризм в ряду биологических угроз: прошлое и настоящее // Ю.В. Лобзин, Е. П. Лукин, П.Е. Лукин, А.Н. Усков // Медицина экстремальных ситуаций. 2018. №20 (1). С. 8-21.
6. Бураева Л.А., Дадова З.И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2020. №2. С. 134-136.
7. Берладир Ю. В., Харичкин И. К. Биотерроризм: реальность или миф? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. №4 (849). С. 9-16.

8. Биооружие США: Раскрыты Данные секретных лабораторий на Украине. [Электронный ресурс] // Первый русский Царьград. Режим доступа: https://tsargrad.tv/investigations/biooruzhie-ssha-raskryty-dannye-sekretnyh-laboratorij-na-ukraine_510135, свободный (дата обращения: 02.03.2024).
9. Бобылов Ю. А. Военно-биологические аспекты обеспечения безопасности населения России // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2021. № 3. Т. 16. С. 856–875.

BIOLOGICAL TERRORISM IN THE XXI CENTURY – FICTION OR REALITY?

Abstract: This article is devoted to a comprehensive analysis of the threats and risks of terrorism associated with the deployment of biological laboratories and the development of biological weapons. When writing the work, the following research methods were used: abstraction; analysis; synthesis; generalization; historical; statistical. It was concluded that the modern legislative framework in the field of combating bioterrorism needs to be improved. A certain set of measures to counteract the phenomena of bioterrorism is proposed, as well as its concept, causes and signs are revealed.

Keywords: bioterrorism, biological weapons, biological laboratory.

Mnoev V.

Scientific adviser: Karpenko L., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: vladislavmnoev@gmail.com

УДК 336.146

ОСОБЕННОСТИ КАЗНАЧЕЙСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Мороз Д. С.

*Научный руководитель: Цыба Е. В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе охарактеризована история развития бюджетного процесса в мировой юридической практике, а также рассмотрена сущность исполнения бюджета в целом и выявлены особенности системы кассового исполнения бюджета в зарубежных странах. Проведен анализ осуществления такой стадии бюджетного процесса как исполнение бюджета в ряде зарубежных государств.

Ключевые слова: бюджетный процесс, стадия исполнения бюджета, казначейское исполнение бюджета, Казначейство, исполнение бюджета в зарубежных странах.

Введение. В современном мире финансовая составляющая является главной для полноценного существования и функционирования всего мирового сообщества, а также каждого субъекта международного права в частности. Каждое суверенное государство обладает монопольным правом формирования государственного бюджета – это один из обособляющих признаков государства. В ходе бюджетного процесса аккумулируются денежные средства и распределяются на финансирование определенных сфер. Значение бюджета для страны и общества велико: бюджет, формируемый за счет налогов и других различных платежей, обеспечивает жизнедеятельность механизма и выполнение публичных задач государства.

Необходимость бюджета как правовой категории подчеркивается его многовековой историей. Еще в эпоху Античности, когда на карте мира властвовали две державы – Древняя Греция и Древний Рим, взымались налоги и формировался бюджет для государственных и общественных нужд.

В целом, родиной бюджета является Англия. Именно в Англии впервые сформировалось бюджетное право. Как отмечает Д. Л. Комягин, начало бюджетному праву парламента в Англии было положено во времена правления Карла I, после

принятия в 1628 году Петиции о правах. Данным документом было подтверждено древнее право общин о субсидиях короне: всякий прямой налог, проведенный без санкции парламента, незаконен. Также была поставлена преграда для взимания экстраординарных налогов под видом займов [1, с. 59-60]. При этом основным шагом в процессе развития бюджетного права стал документ – Билль о правах 1689 года.

Следует отметить, что термин «бюджет» имеет английское происхождение, что еще раз доказывает, что именно на территории Англии зародилось бюджетное право. Дефиниция «бюджет» переводилась и означала мешок. Когда палата общин в Англии в XVI-XVII вв. утверждала субсидию королю, то перед окончанием заседания канцлер казначейства (министр финансов) открывал портфель, в котором хранилась бумага с законопроектом – «открытие бюджета». Позже название портфеля было перенесено на документ. С конца XVII в. бюджетом стал называться и тот документ, который заключал в себе утверждаемый парламентом план доходов и расходов государства [2, с. 243]. Также бюджетом именовали речь лорда-канцлера казначейства о государственных доходах и расходах, с которой стартовал бюджетный процесс.

Сегодня невозможно представить государство, существующее без бюджета, он необходим для удовлетворения общественных потребностей. Формирование и развитие бюджетной системы содействовало государственному строительству любой страны.

Теоретической базой исследования послужили работы известных ученых-правоведов, исследовавших бюджетное право, таких как Егорова Ю. А., Зверев А. В., Комягин Д. Л., Махонина М. И., Пучкова А. М., Рассыльников И. А., Саранцев В. Н., Сартанова Н. Т., Сафина А. Д., Сибагатулина Л. М., Солдатов И. Е., Трофимов А. А.

Целью статьи является выявление особенностей казначейского исполнения бюджета в некоторых зарубежных странах.

Основная часть. Совокупность бюджетов различных уровней, автономных учреждений, фондов, предусмотренных законодательством, основанных на экономических отношениях, составляют бюджетную систему государства. Бюджетная система реализуется в рамках определенной управленческой деятельности государственных и муниципальных органов власти и иных участников, которая именуется бюджетным процессом.

Бюджетный процесс – это урегулированная нормами права деятельность специальных субъектов, в ходе которой реализуются несколько этапов, связанные с составлением, рассмотрением и утверждением проекта бюджета, его исполнением и последующим контролем, а также с составлением бюджетной отчетности. Бюджетный процесс характеризуется как сложная и многоаспектная деятельность, имеет сложную структуру. Бюджетный процесс может отличаться, например, в зависимости от формы административно-территориального устройства страны. То есть, в каждом государстве бюджетный процесс имеет свои особенности.

Например, бюджетный процесс в России имеет многоуровневое деление и сложный технологический процесс реализации. В бюджетную систему входят: федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов страны, бюджеты субъектов и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов, местные бюджеты [3, с. 1675].

Бюджетный процесс реализуется последовательно в течение бюджетного периода и разделяется на стадии, которые взаимосвязаны между собой, что определяет целостный характер бюджетного процесса. К стадиям относятся: составление проекта закона (решения) о бюджете; рассмотрение и утверждение; исполнение бюджета; контроль за исполнением.

Каждая стадия важна для эффективности бюджетного процесса и является необходимым элементом целостной системы. В ходе бюджетного процесса на каждом этапе участвует множество различных органов власти и должностных лиц, что

обеспечивает принципы справедливости, эффективности, своевременности, гласности и публичности. Для бюджетного процесса характерен длительный временной отрезок, а также ежегодность его осуществления.

Третьим этапом бюджетного процесса является исполнение бюджета. Этот этап является громоздким и объемным, поскольку в нем задействованы не только органы власти, но и бюджетополучатели. В рамках этой стадии бюджет претворяется в жизнь, приобретая материальное содержание.

Указанную стадию можно рассматривать с правовой и экономической точки зрения. В юридическом смысле, исполнение бюджета – это процесс, в рамках которого обеспечивается в установленные сроки и в полном объеме поступление доходов в целом и по каждому источнику доходов бюджета, осуществляется максимально полное финансирование бюджетных, автономных и казенных учреждений в пределах сумм, утвержденных бюджетом и в рамках финансового года и планового периода [4, с. 360]. С экономической точки зрения, исполнение бюджета – это глобальное экономическое и финансовое явление, охватывающее деятельность органов власти в рамках исполнения бюджета, а также процесс составления и утверждения финансовой бухгалтерской отчетности об исполнении бюджета [5, с. 12].

Таким образом, исполнение бюджета носит комплексный характер – оно отображает состояние экономики государства и непосредственно связано с финансовыми и экономическими институтами общества. При этом данная стадия, как и весь бюджетный процесс, – это деятельность, регламентированная нормами права и проходящая в строго установленных рамках.

Необходимо отметить, что осуществление данной стадии в зарубежных государствах отличается по сути и субъектам исполнения. Также на отличительные особенности исполнения бюджета в том или ином государстве влияет принадлежность государства к унитарной или федеративной форме территориального устройства.

В целом, в мировой практике существует три системы исполнения бюджета: казначейская, банковская, смешанная. Суть казначейской системы сводится к тому, что исполнение бюджета возлагается на специальные органы – казначейства. Часто такими органами выступают казначейские кассы. В рамках банковской системы кассовое исполнение бюджета осуществляется Центральным банком. Совокупность элементов из указанных систем образуют смешанную модель.

Следует отметить, что именно казначейская система характерна для большинства стран мира. Популярность указанной системы и ее внедрение в правовое поле государства обусловлена преимуществами казначейского исполнения бюджета. К ним следует отнести – сохранность бюджетных средств, доступность информации о доходах и расходах, наличие качественных механизмов контроля и другие.

Казначейская система исполнения бюджета связана в первую очередь с деятельностью казначейств. Сам термин «казначейство» произошел от понятия «казна» и впервые был употреблен в 1328 году. Рассматривая сущность понятия «казна», многие авторы – составители этимологических словарей (например, А. В. Семенов), писали, что данное слово было заимствовано от татарских народов и означает «сокровищница». Казна – это хранилище денег, драгоценностей и иных материальных ценностей ханов, царей, князей, монастырей [6, с. 205]. То есть, казначейство с раннего периода своего возникновения отождествлялась с казной, деньгами, ценностями.

В целом, казначейство – это структурное подразделение министерства финансов либо иного государственного органа, которое призвано управлять финансами страны. Главная задача казначейств – исполнение бюджета.

По мнению В. Н. Саранцева, исполнение бюджета казначейством – это деятельность специального органа исполнительной власти по управлению бюджетными средствами в текущем финансовом периоде через систему учета

движения денежных средств на едином счете, систему контроля за доведением бюджетных ассигнований до бюджетополучателей и расходованием бюджетных средств [7, с. 16].

Следует отметить, что характерной особенностью такой системы, в отличие от банковской системы, является то, что казначейство контролирует как доходный, так и расходный поток денежных средств на одном счете. Также банковская система отличается от казначейской тем, что счета открыты в коммерческих банках, финансирование является авансовым, финансовый контроль осуществляется после окончания отчетного периода и другие.

Для определения особенностей казначейской системы исполнения бюджета следует рассмотреть специфику бюджетного процесса зарубежных стран. Во многих европейских государствах господствует именно данная модель исполнения бюджета.

Франция – один из главных примеров использования рассматриваемой системы. Бюджетная реформа в этом государстве была начата в 2001 году и связывалась, прежде всего, с разработкой и принятием фундаментального правового документа – Органический закон о финансовом законодательстве, который по статусу можно приравнять к кодексу.

Исполнение французского бюджета выпадает на третью стадию бюджетного процесса и длится годичный период – финансовый (бюджетный) год (совпадает с календарным). Кассовое исполнение бюджета происходит через казначейскую систему. Общее руководство по исполнению бюджета возложено на Министерство экономики и финансов [8, с. 47].

По форме административно-территориального устройства Франция – унитарное государство, что предопределяет двухкомпонентность бюджетной системы – государственные и местные налоги. Во Франции реализована двухуровневая модель казначейского исполнения бюджета и осуществляется подразделениями Государственного казначейства и агентством «Франс-трезор» – отдельный департамент Министерства и подчиненный непосредственно министру.

Сеть Государственного казначейства Франции осуществляет консолидацию средств бюджетов государства и его административно-территориальных единиц, казенных предприятий, а также средств по учету внебюджетной деятельности на едином доходно-расходном казначейском счете, на котором отражаются движения денежных средств государства и его корреспондентов [9, с. 259].

Интересной представляется система исполнения бюджета в Германии. Также необходимо сказать, что опыт Германии был положен в основу организации российской казначейской системы, поскольку оба государства – федерации.

Главная роль на стадии исполнения отведена Правительству и соответствующим министерствам. В течение года утвержденный бюджет исполняется каждым ведомством отдельно на основании соответствующих парламентских решений и издаваемых министерством финансов директивных указаний [10, с. 32]. Федеральный банк содержит кассы Федерации и земель. Функции кассового исполнения бюджета осуществляются федеральными кассами, имеющими территориальную подчиненность во главе с Главной федеральной кассой, входящей в состав Федерального ведомства по финансам.

В некоторых странах существуют казначейства, но их функции существенно отличаются от традиционно принятых полномочий в России. Например, в Канаде также существует казначейский орган – Совет казначейства. Однако в его функции входят те, что несвойственны казначейству в России. Например, Совет казначейства разрабатывает политику государственного управления, отвечает за вопросы контроля над деятельностью федеральных ведомств, получает и анализирует ежегодную отчетность федеральных ведомств, рассматривает проекты бюджетов федеральных ведомств.

Подобная ситуация сложилась и в Италии. В Министерстве экономики и финансов наряду с иными департаментами был образован Департамент казначейства. Однако в его компетенцию входят вопросы, связанные с планированием бюджетной политики; управлением государственным долгом совместно с Центральным банком Италии; международными отношениями и другие [11, с. 96].

В мировой бюджетной практике складываются различные механизмы исполнения бюджета. Специфика государственного управления и исторические особенности развития страны также влияют на формирование бюджетного права в современном мире.

В Великобритании – родине бюджета – стадия исполнения связана с работой Банка Англии и поэтому часто относится к банковской системе. Однако в стране имеется и казначейский орган.

В соответствии со ст. 2 Акта 1866 г. в Великобритании в бюджетном процессе участвуют главные и обычные распорядители бюджетных средств: главные распорядители получают суммы непосредственно со счета Казначая в Банке Англии, а обычные распорядители получают средства путем авансовых платежей от главных распорядителей.

В соответствии со ст. 11 Акта 1866 года был введен единый счет Казначейства в Банке Англии, по которому отражаются все операции с бюджетными доходами и расходами. Также в Банке Англии открываются счета всех главных распорядителей бюджетных средств. За Казначейством сохраняются полномочия по ограничению выплат с единого счета Казначейства [12, с. 98].

В странах Востока также можно обнаружить внедрение казначейской системы исполнения бюджета. Например, в Китае данная модель была введена путем принятия пилотного проекта – характерная особенность законодательного процесса республики. Ее суть состоит в том, что нововведения первоначально действуют в определенной части – на отдельной территории, в ведомствах или секторах экономики.

Делами Центрального казначейства должен управлять Народный банк КНР. Управление делами местных казначейств осуществляется согласно соответствующим положениям Госсовета. Казначейства разных уровней на основе государственных положений руководят сбором, распределением, сохранением и оборотом бюджетных доходов и осуществлением бюджетных расходов [13, с. 562].

Казначейская система исполнения бюджета действует во многих странах СНГ. Например, в 1993 г. была создана казначейская система исполнения бюджета. В связи с этим были учреждены Главное государственное казначейство Министерства финансов и территориальные органы государственного казначейства.

Выводы. Таким образом, исполнение бюджета – одна из стадий бюджетного процесса, в ходе которой происходит получение бюджетных средств и осуществление предусмотренных расходов. Основная цель бюджета в целом сводится к полному исполнению бюджета в соответствии с принятым законом.

Существуют различные системы исполнения бюджета, однако наиболее популярной является казначейская система. Главная ее особенность – рассматриваемая стадия бюджетного процесса происходит в рамках деятельности специального структурного подразделения – казначейства.

Казначейская система распространена в странах Европы. Во Франции исполнение бюджета происходит в рамках работы Государственного казначейства и агентством «Франс-трезор», которые подчинены Министерству экономики и финансов. В Германии главная роль на стадии исполнения бюджета отведена Правительству и соответствующим министерствам. Помимо этого, большую роль играют кассы Федерации и земель. Было также выяснено, что опыт Германии был заимствован в процессе государственного строительства российской казначейской системы.

В европейской бюджетной практике встречаются случаи, когда казначейский орган существует, но его функции заметно отличаются от традиционных. Например, Совет казначейства в Канаде разрабатывает политику государственного управления, отвечает за вопросы контроля над деятельностью федеральных ведомств, получает и анализирует ежегодную отчетность федеральных ведомств, рассматривает проекты бюджетов федеральных ведомств. В Италии Департамент казначейства рассматривает вопросы, связанные с планированием бюджетной политики, управлением государственным долгом, международными отношениями и другие

В Великобритании стадия исполнения связана с работой Банка Англии, при этом действует и казначейский орган. Особенностью исполнения бюджета здесь является совмещения работы двух структур – банковской и казначейской, а также правовая база, которая сложилась двести лет назад и почти не претерпевала изменения на современном этапе развития страны.

На Востоке данная система развивается в Китае. Первоначально проект по внедрению казначейской системы исполнения бюджета реализовывался в определенной части – на отдельной территории. Сегодня действует по всей республике. Центральное казначейство подчиняется Народному банку КНР, на разных уровнях действует система территориальных казначейств.

Также рассматриваемая система исполнения бюджета присутствует на территории постсоветского пространства. Например, в Беларуси она реализуется в ходе деятельности Главного государственного казначейства, которое подчиняется Министерству финансов и целому ряду территориальных казначейских органов.

Таким образом, в каждом государстве данная система имеет свои особенности. Специфика исполнения бюджета зависит от законодательной базы, исторических особенностей развития государственной системы, от формы административно-территориального устройства страны – федерации или унитарного государства.

В целом, популяризация и существование казначейской системы исполнения бюджета во многих странах подтверждает ее эффективность и действенность в системе бюджетного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комягин Д. Л. «Бюджетное право» парламента: возникновение и эволюция // Новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 54-96.
2. Сibaгатулина Л. М., Федотова Г. В. История теории бюджета // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2015. – № 2 (7). – С. 243-245.
3. Сафина А.Д. Бюджетный процесс: содержание и принципы построения // Форум молодых ученых. – 2017. – № 12 (16). – С. 1673-1679.
4. Солдатов И. Е. Понятие и развитие института исполнения бюджета в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2022. – № 23 (418). – С. 360-364.
5. Организация исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Особенности исполнения бюджета города Москвы: учебное пособие / А. А. Шестемиров; Моск. гор. ун-т упр. Правительства Москвы. – Москва: МГУУ Правительства Москвы, 2018. – 108 с.
6. Пучкова А. М. Корпоративное казначейство: понятие, функции и роль в системе управления финансовыми потоками компании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 5. – С. 205-207.
7. Саранцев В. Н. Казначейская система исполнения бюджетов: организационная модель и перспективы // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2016. – № 3 (18). – С. 15-20.
8. Сартанова Н. Т. Финансы зарубежных государств. Учебное пособие / Н.Т. Сартанова. – Костанай: КГУ им. А.Байтурсынова, 2017. – 172 с.
9. Егорова Ю. А. Модели организации казначейской системы исполнения бюджета в зарубежных странах // Вестник БГУ. – 2012. – № 3 (2). – С. 258-262.
10. Зверев А. В. Современное состояние бюджетного процесса в ФРГ // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2010. – № 1. – С. 31-39.

11. Махонина М. И. Казначейская система исполнения бюджета в Российской Федерации: опыт зарубежных стран // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 4 (050). – С. 95-99.
12. Рассылников И. А. Основы правового регулирования бюджетной деятельности в Великобритании // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 1. – С. 95-102.
13. Трофимов А. А. Эволюция бюджетного законодательства Китая // Правоведение. – 2018. – № 3. – С. 541-569.

FEATURES OF TREASURY BUDGET EXECUTION IN FOREIGN COUNTRIES

Annotation. This paper describes the history of the development of the budget process in world legal practice, as well as examines the essence of budget execution in general and identifies the features of the cash budget execution system in foreign countries. The analysis of the implementation of such a stage of the budget process as budget execution in foreign countries is carried out.

Keywords: budget process, budget execution stage, treasury budget execution, Treasury, budget execution in foreign countries.

Moroz D.

Scientific adviser: Tsyba E., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: dahka2200@mail.ru

УДК 340.5

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Мостовая Т. С.

*Научный руководитель: Максименко О. Б., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе рассматривается вопрос уголовной ответственности за самоубийство и покушение на него в различных странах мира. Автор анализирует исторические и современные законодательные акты, религиозные взгляды и влияние на уголовную политику. Особое внимание уделяется различиям в подходах к уголовной ответственности за доведение до самоубийства в зарубежных странах. Автор также отмечает изменения в законодательстве некоторых стран, исключающие уголовную ответственность за самоубийство. В заключении подчеркивается важность изучения зарубежного опыта для совершенствования национального уголовного законодательства в данной области.

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, доведение до покушения на самоубийство, уголовное законодательство, опыт зарубежных стран.

Введение. основополагающим принципом гуманистической деятельности общества и государства является защита права на жизнь каждого человека. Государство должно гарантировать его реализацию путем создания правового механизма. Одним из видов преступлений, противоречащих праву на жизнь, является доведение до самоубийства, предусмотренное нормами отечественного и зарубежного законодательства.

Основная часть. Желание человека лишить себя жизни является неприемлемым для общества, религии и государства. Ведущие мировые религии, такие как христианство, ислам и иудаизм, считают самоубийство греховным и аморальным, запрещая его как противоречащее богу деяние. Влияние христианства и ислама на средневековую эпоху привело к тому, что самоубийство классифицировалось как тяжкое преступление в законодательствах многих государств.

В большинстве современных стран мира уголовная ответственность за самоубийство или покушение на него исключена.

Так, в Великобритании уголовная ответственность за самоубийство и покушение на него была отменена в 1961 году Законом о самоубийстве (Suicide Act). Ранее эти действия рассматривались как тяжкое убийство [1, с.17].

Как справедливо отмечает В.С. Ефремов, за период с 1941 по 1955 год в Англии было привлечено к уголовной ответственности 44 956 человек, покушавшихся на самоубийство, из которых только 346 были оправданы, а 308 были приговорены к различным срокам лишения свободы [2, с.64].

В ст. 309 Уголовного кодекса Индии 1860 года устанавливается уголовная ответственность за попытку самоубийства, однако эта статья не применяется к виновным лицам [3, с.5]. Это связано с принятием 7 апреля 2017 года Закона о психиатрической помощи (психическом здоровье) в Индии [4], существенно ограничивающим применение указанной нормы. Согласно ст. 115 Уголовного кодекса Индии, любое лицо, пытающееся покончить жизнь самоубийством, считается испытывающим сильный стресс и не подлежит суду и наказанию, если не доказано обратное.

Однако это не означает полную отмену ст.309 Уголовного кодекса Индии, поскольку, как отмечают некоторые авторы, несмотря на распространенное мнение об ее упразднении, данная правовая норма продолжает существовать и часто применяется неправомерно. Так, она используется, когда лицо, находящееся в правительственном учреждении, угрожает совершить самоубийство, чтобы оказать несправедливое давление или шантажировать [5, с.298].

В Республике Сингапур, согласно Закону от 6 мая 2019 года о реформе уголовного законодательства, вступившему в силу 1 января 2020 года, ст. 309 Уголовного кодекса, которая регулировала ответственность за попытку самоубийства, была исключена [6]. То же самое произошло и в Объединенных Арабских Эмиратах, где в ноябре 2020 года внесены поправки в Уголовный кодекс, декриминализирующие попытку самоубийства.

Однако, стоит отметить, что в уголовных кодексах некоторых стран до сих пор сохраняется уголовная ответственность за покушение на самоубийство. Так, в Уголовном кодексе Бангладеш от 1860 года – ст. 309, Пакистана от 1860 года – ст. 325 и Южного Судана от 2008 года – ст. 215, – предусмотрены наказания в виде тюремного заключения сроком до одного года, штрафа или их комбинации за покушение на самоубийство.

В уголовном законодательстве Соединенных Штатов Америки отсутствует прямая ответственность за покушение на собственную жизнь. Однако, в редких случаях такие действия могут привести к осуждению в судебной практике. Так, в феврале 2018 года в штате Мэриленд был осужден 56-летний мужчина за попытку самоубийства. Хотя в этом штате все еще используется английское общее право, он был признан виновным в окружном суде и приговорен к трем годам условного заключения с испытательным сроком [7].

Для улучшения отечественной правоприменительной деятельности важно изучение зарубежного опыта уголовно-правового регулирования ответственности за доведение до самоубийства или покушение на него.

На сегодняшний день страны могут быть разделены на две категории:

- 1) в которых действия третьих лиц, побуждающих к самоубийству, не являются преступными (Австралия, Китай, Швеция и др.);
- 2) и те, где такие деяния считаются преступлением (Австралия, Бразилия, Соединенные Штаты Америки и др.).

М.В. Талан, А.Е. Шалагин, А.Д. Идиятуллов утверждают, что существует более 160 стран, в законодательстве которых содержатся нормы об ответственности за преступную причастность к самоубийству другого лица [8, с.1078-1098].

В зарубежном законодательстве, устанавливающем уголовную ответственность за преступную причастность к самоубийству, можно выделить несколько видов деяний:

- 1) подстрекательство к самоубийству,
- 2) помощь в самоубийстве,
- 3) склонение к самоубийству,
- 4) одобрение самоубийства;
- 5) доведение до самоубийства.

Некоторые исследователи считают, что доведение до самоубийства можно рассматривать как форму склонения и содействия самоубийству. В некоторых странах (например, Королевство Таиланд) доведение до самоубийства рассматривается как преступление и включается в состав склонения и содействия самоубийству.

Ответственность за «доведение до самоубийства» установлена и уголовными законами стран Содружества Независимых Государств, использовавших Модельный Уголовный кодекс 1996 года при разработке национального уголовного законодательства.

Многие уголовные законы постсоветских республик не определяют степень вины при доведении до самоубийства, за исключением Республики Армения, где установлены косвенный умысел и неосторожность, а также Кыргызской Республики, в которой установлены прямой умысел и неосторожность.

В уголовных кодексах постсоветских республик, за исключением Литвы, Кыргызской Республики и Молдовы, объективная сторона преступления определена как доведение до самоубийства или покушение на него. Однако, в разных странах существуют различия в способах доведения и криминализации данного преступления [9, с.142].

В Туркменистане, Литовской Республике и Республике Молдова существуют различные способы доведения до самоубийства.

Китайская Народная Республика, Корея и Королевство Швеция не криминализируют действия третьих лиц, побуждающих к самоубийству, в то время как другие страны (Российская Федерация, страны Содружества Независимых Государств, Соединенные Штаты Америки, Австралия, Бразилия, Швейцарская Конфедерация и др.) считают такие действия преступными.

Таким образом, страны разделяются на те, где действия, побуждающие к самоубийству, не являются преступлением, и те, где они признаются преступлением.

В большинстве зарубежных стран склонение к самоубийству или содействие в нем являются уголовно наказуемыми, но доведение до самоубийства криминализовано только в некоторых государствах.

На основании вышеизложенного можно заключить следующее.

Судебное уложение 1497 года включало запись об убийстве и определявшее различные виды убийств, включая самоубийство.

При царствовании Петра I Алексеевича в 1715 году были приняты Воинские Артикулы, которые ужесточили наказание для самоубийцы, предусматривая унижающую процедуру похорон.

В УК РСФСР 1922 года преступления против жизни, включая убийство, занимали первое место в пятой главе.

УК РСФСР 1960 года включал ответственность за доведение до самоубийства.

На сегодняшний день ст.110 УК РФ устанавливает ответственность за доведение любого лица до самоубийства, включая угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего как способы совершения преступления.

Влияние религии на законодательство привело к тому, что в многих странах доведение до самоубийства классифицируется как тяжкое преступление.

Однако, с течением времени государства пересматривают свои подходы к уголовной ответственности за совершение данного деяния. Так, в Великобритании и Республике Сингапур уголовная ответственность за доведение до самоубийства или покушение на него была исключена из законодательства. Это свидетельствует о изменении восприятия общества и государства по отношению к этой проблеме.

В то же время, в Республике Бангладеш, Исламской Республике Пакистан и Южном Судане уголовная ответственность за покушение на доведение лица до самоубийства все еще существует и предусматривает наказания в виде тюремного заключения или штрафа.

Следует отметить, что некоторые страны также устанавливают уголовную ответственность за деяния, связанные с самоубийством: подстрекательство, помощь и склонение к совершению самоубийства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никифоров А.С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве : Комментарий. – М. : ЮрИнфоР, 2000. – 59 с.
2. Ефремов В.С. Основы суицидологии. – СПб. : Диалект, 2004 (Акад. тип. Наука РАН). – 480 с.
3. Rajeev R., Saurabh K., Raman D., Anju D., Rajesh S. (De-) criminalization of attempted suicide in India: A review / R. Rajeev, K. Saurabh, D. Raman, D. Anju, S. Rajesh. – *Industrial psychiatry journal*, 2014. – 4-9 p.
4. О психическом здоровье: Закон Индии № 10 от 2017 года [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Mental_Healthcare_Act,_2017 (дата обращения: 02.01.2024).
5. Karahda, A. Decriminalising Suicide and Indian Scenario / A. Karahda. – *International Journal Sciences Research*, 2023. – 298-301 pp.
6. Criminal Law Reform Act: Singapore Act 15 of 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/r/natlex/fe/home> (дата обращения: 02.01.2024).
7. Maryland man convicted of rare attempted suicide charge [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.427cd490-65945311 (дата обращения: 02.01.2024).
8. Талан, М. В., Шалагин, А. Е., Идиятуллов, А. Д. Правовая регламентация ответственности за посягательства, связанные с побуждением к самоубийству: отечественный и зарубежный опыт. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2022. № 13(4). С. 1078-1098.
9. Малетина М.А. Преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран СНГ и Балтии // *Уголовная юстиция*. – 2018. – №11. – С.141-144.

CRIMINAL LIABILITY FOR INCITEMENT TO SUICIDE UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The paper examines the issue of criminal liability for suicide and attempted suicide in various countries of the world. The author analyzes historical and modern legislative acts, religious views and the impact on criminal policy. Special attention is paid to the differences in approaches to criminal liability for suicide in foreign countries. The author also notes changes in the legislation of some countries that exclude criminal liability for suicide. In conclusion, the importance of studying foreign experience for improving national criminal legislation in this area is emphasized.

Keywords: suicide, incitement to suicide, incitement to attempted suicide, criminal law, experience of foreign countries.

Mostovaya T.

Scientific adviser: Maksimenko O., Senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: tromanova103@gmail.com

УДК 347.252.3

ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Николаева Ю. Н.

*Научный руководитель: Олейникова А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассмотрено понятие договора аренды земельного участка как одного из наиболее распространенного в настоящее время, а также исследована его правовая природа, установлены существенные условия заключения договора.

Ключевые слова: аренда, земельный участок, договор, арендатор, арендодатель, арендные отношения.

Договорное право имеет длительную историю использования в гражданском обороте. С помощью правовых конструкций, оно обеспечивает возможность заключения сделок и осуществления большинства гражданских прав. Земля играет важную роль в правовых отношениях, которая рассматривается в качестве недвижимого имущества и природного объекта. Включение земельных участков в гражданский оборот не умаляет их значения как природных объектов и территорий, где находятся иные природные объекты и места проживания людей. Поэтому земельные участки не могут быть рассмотрены как обычное имущество, к примеру, такое же, как здания, сооружения и другие вещи, созданные человеком собственными руками.

Согласно статье 9 Конституции Российской Федерации, земля охраняется и используется в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на этой территории. Земля может находиться в государственной, муниципальной, частной и других формах собственности [1].

Согласно Земельному кодексу Российской Федерации, [2] земельные участки могут быть предоставлены физическим лицам и юридическим лицам несколькими способами. Это может быть постоянное (бессрочное) пользование государственной или муниципальной собственности, заключение договора безвозмездного пользования, передача в собственность или заключение договора аренды на временное пользование.

Однако приобретение земельного участка или недвижимости в настоящее время является сложной задачей из-за высоких цен на рынке земли в России. К тому же, немногие могут получить право на постоянное или безвозмездное пользование землей. Поэтому физические и юридические лица, которым необходимо приобрести земельный участок, предпочитают заключать договор аренды.

Существуют различные определения понятия «аренда» в юридической литературе. Иванова А.И. в своих исследованиях определяет, что понятие «аренда» используется в самом широком смысле. Под «арендой» понимается предоставление имущества его собственникам для временного использования другим лицам на основе договорных условий и за плату [3, с. 197]. Хабибуллина А.А. и Балашов Е.В. представляют другое определение понятия «аренда». Согласно их мнению: «...аренда» – это экономический процесс, при котором имущество передается арендатору за определенную плату на определенный период времени после урегулирования всех деталей с обеих сторон. В результате собственник получает доход от сдачи имущества в аренду, а арендатор получает право пользоваться этим имуществом...» [4, с. 82].

Статьей 606 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26.01.1996 г. N 14-ФЗ [5] устанавливается, что по договору аренды арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату на определенный срок, чтобы оно находилось под его временным владением и использованием, или только временным использованием. Плоды,

продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендуемого имущества согласно договору, являются его собственностью.

Регулирование арендных отношений, связанных с земельным участком, осуществляется путем заключения договора аренды в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации с учетом особенностей, предусмотренных Земельным кодексом Российской Федерации.

Гражданский кодекс Российской Федерации содержит общие правила, которые устанавливают требования к договору аренды земельного участка, сторонам и их правами и обязанностям, существенным условиям заключения договора. Земельный кодекс Российской Федерации устанавливает специальные особенности аренды земельного участка. Кроме того, специальные федеральные законы Российской Федерации, например, о договорах аренды земель сельскохозяйственного назначения, могут содержать отдельные особенности регулирования аренды земельных участков.

Аренда земли является отдельным и сложным правовым институтом, который регулируется различными нормами права. Понятие «аренда земли» может быть исследовано с учетом ее определенных характеристик, которые позволяют считать ее индивидуально-определенным объектом.

Земельный участок является основным объектом арендных отношений. Он представляет собой определенную часть поверхности земной коры, которая имеет свои границы, местоположение и привязанные к ней объекты. Заключение договора аренды осуществляется путем предоставления неиспользуемых земельных участков для использования на условиях срочности и платы.

Если обратиться к Гражданскому кодексу Российской Федерации, то можно сказать, что в договоре аренды обязательно должны быть указаны данные, которые позволят однозначно идентифицировать земельный участок, передаваемый в аренду. Если эти данные отсутствуют, то условие о земельном участке, который должен быть передан в аренду, считается не согласованным сторонами, и такой договор считается незаключенным. Исследователи Токарева К. Г. и Нагимова А. П. отмечают, что для правового регулирования договора аренды земельного участка необходимо обратить внимание на то, что только после государственного кадастрового учета земельный участок получает характеристики, которые позволяют однозначно выделить его из других и провести качественную и экономическую оценку. Государственный кадастровый учет сопровождается присвоением каждому земельному участку кадастрового номера. Поэтому земельный участок может быть передан в аренду только после прохождения государственного кадастрового учета [6, с. 27].

При подписании договора аренды земельного участка, права на этот участок временно передаются от собственника к арендатору с определенными условиями оплаты. Договор аренды может быть классифицирован как соглашение, которое требует согласия обеих сторон, а также формальный, если он заключается на срок более года. Согласно статье 433 Гражданского кодекса Российской Федерации, такой договор считается заключенным только после государственной регистрации.

В соответствии со статьей 609 Гражданского кодекса Российской Федерации, для заключения договора аренды в письменной форме требуется участие юридического лица как минимум одной из сторон. Кроме того, в зависимости от срока аренды выделяют два вида договоров: краткосрочный и долгосрочный.

Глушко О.А. и Гришко Л.А. провели анализ законодательства Российской Федерации, которое регулирует сроки заключения договоров аренды земельных участков. Они отметили, что краткосрочный договор аренды имеет продолжительность до 5 лет, и после истечения срока может быть прекращен или продлен по соглашению сторон. Особенностью краткосрочной аренды является то, что она не требует обязательной регистрации в Федеральной службе государственной регистрации,

кадастра, картографии, а также оплаты государственной пошлины, сбора необходимых документов или ожидания рассмотрения дела. Стороны могут заключить договор на основе согласованных условий и подписать его.

Долгосрочная аренда предполагает срок от 5 до 49 лет. Для вступления договора аренды в силу, он должен быть зарегистрирован в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра, картографии и подтвержден соответствующими документами в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [7, с. 90].

В договоре аренды земельного участка важным условием является определение размера арендной платы. Это требование основано на положениях Гражданского кодекса РФ (часть 1 статьи 424 и части 1, 2 статьи 614), которые предусматривают, что условия и сроки внесения арендной платы определяются договором. В случае, если такие условия не указаны, применяются порядок, условия и сроки, используемые при аренде аналогичного имущества в сравнимых обстоятельствах.

В научной работе Никитина А.А. [8, с. 347-348] были представлены основные черты договора аренды земельного участка, с которыми нельзя не согласиться. Таковыми являются:

1. Арендодатель предоставляет арендатору земельный участок на определенный период за определенную плату. Арендатор обязан использовать участок в соответствии с его назначением. Все доходы, продукция или плоды, полученные с участка, принадлежат арендатору.

2. Арендатор должен выплачивать арендную плату за использование участка. Размер и сроки платежей оговариваются в договоре аренды.

3. Арендаторами могут быть как физические, так и юридические лица, включая иностранных граждан и лиц без гражданства (за исключением определенных случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации).

4. Арендодателем может быть только собственник земельного участка, но также может быть уполномоченное лицо или субарендодатель.

5. Объектом аренды является земельный участок с четко определенными характеристиками.

6. Договор аренды земельного участка должен быть зарегистрирован, за исключением соглашений на срок до года.

7. Срок договора определяет необходимость государственной регистрации.

В действующем законодательстве Российской Федерации существуют неточность формулировок и определений, отсутствие норм права, которые регулируют аренду земельного участка.

Проводя анализ действующего гражданского и земельного законодательства Российской Федерации, можно выявить такую проблему как коллизии норм Земельного кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с п. 5 и п. 6 ст. 22 Земельного кодекса Российской Федерации, арендатор имеет право передать земельный участок в субаренду или залог, а также внести арендные права в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества в течение срока договора без согласия арендодателя, но обязан уведомить его об этом. В то время, как п. 2 ст. 615 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет, что арендатор может сдавать имущество в субаренду только с согласия арендодателя. Следовательно, нормы земельного и гражданского законодательства противоречат друг другу, поэтому требуется урегулировать их соответствие для устранения данной коллизии [9, с. 117].

Так же одной из существенных проблем, связанной с арендой земельного участка, является отсутствие в Земельном кодексе Российской Федерации норм, устанавливающих предельный срок заключения договора аренды земельного участка.

Однако, имеются исключения, которые регламентированы в ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и ст. 72 ЛК РФ, закрепляющие предельный срок аренды земельного участка на 49 лет. Следовательно, предлагается внесение в Земельный кодекс Российской Федерации нормы, которая определяла предельный срок аренды земельного участка, составляющий 49 лет.

Не менее важной проблемой является и условия об размере арендной платы. При определении размера аренды земельного участка учитываются различные факторы, включая размер участка, его кадастровая оценка и расположение. Необходимым является установление максимального размера арендной платы органами государственной власти. Это позволит им оказывать влияние на хозяйственную деятельность собственников земельных участков. Предпочтительной формой арендной платы должна стать смешанная, когда арендатор платит частично деньгами, а частично в натуральной форме. Таким образом, учитываются ограничения для защиты прав сторон договора и регулирования государственных интересов в области использования и охраны земель.

Согласно этому, заключение договора аренды земельного участка является самым распространенным способом использования земли, при котором обе стороны получают выгоду: арендодатель получает плату за предоставление земли, а арендатор получает земельный участок для различных целей использования, однако в рамках предназначения земли. Следует отметить, что правильное оформление и заключение юридически обоснованного договора аренды земельного участка имеет большое значение, поскольку это предотвратит возникновение споров, связанных с землей в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – N 44. – ст. 15.
3. Иванова А.И. К вопросу о правовой природе договора аренды земельного участка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – N 5-3. – С. 82-85.
4. Хабибуллина А.А., Балашов Е.В. Аренда земельного участка // В сборнике: Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 ч. – 2018. – С. 197-200.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации N 51-ФЗ от 30. 11. 1994 (ред. по сост. на 24.07.2023) / Официальный сайт СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
6. Токарева К. Г., Нагимова А. П. Понятие, признаки и условия договора аренды земельных участков //Тенденции развития науки и образования. – 2017. – N 29-1. – С. 27-29.
7. Глушко О. А., Гришко Л. А. Аренда как вид пользования земельными участками и споры, возникающие при ее использовании //Наука молодых-будущее России. – 2017. – С. 90-94.
8. Никитин А. А. Договор аренды земельного участка // Перспективы развития науки и образования. – 2018. – С. 346-349.
9. Инжиева Б. Б. Актуальные проблемы аренды земельных участков как объектов недвижимости в Российской Федерации //Legal Concept. – 2022. – Т. 21. – N 1. – С. 115-121.

CONCEPT OF A LEASE AGREEMENT FOR A LAND PLOT

Annotation. This work considers the concept of a land plot lease agreement as one of the most common at present, and also investigates its legal nature, establishes the essential conditions for the conclusion of the agreement.

Keywords: lease, land plot, contract, lessee, landlord, lease relations.

Nikolaeva Y.

Scientific adviser: Oleinikova A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: nulia039@gmail.com

УДК 343.14

ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Новикова И. А.

*Научный руководитель: Гулина С. Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе на основе положений законодательства Российской Федерации, точек зрения ученых-правоведов рассматривается вопрос о понятии доказательств в уголовном процессе, а также такой малоизученный этап работы с доказательствами как их использование. Автором отмечаются конкретные предложения, которые будут решать указанные в работе проблемы. Делается вывод о том, что наиболее точное определение понятия «доказательства в уголовном процессе» приводит доктор юридических наук – С.А. Шейфер, а использование доказательств представляет собой целенаправленную деятельность, которая зависит от определённых закономерностей.

Ключевые слова: понятие доказательств, уголовный процесс, этапы работы с доказательствами, использование доказательств.

Актуальность темы данной научной статьи заключается в том, что анализируя формулировку статьи 74 УПК РФ выясняется, что в современном кодексе понятие «доказательство» понимается в рамках информационной концепции, а также в том, что сегодня среди учёных до сих пор не утихают дискуссии о том, стоит ли выделять использование в качестве отдельного элемента процесса доказывания.

Прежде всего стоит отметить, что в отношении доказательств Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит так называемое легальное определение, согласно которому доказательствами являются данные, на основании которых следственные органы, органы прокуратуры, а также суд оценивают обстоятельства, подлежащие доказыванию, имеются ли они, существуют ли иные важные обстоятельства для рассматриваемого дела (статья 74 УПК РФ) [1].

С одной стороны, законодатель подразумевает под доказательствами сведения, а с другой – процессуальные способы получения этих сведений, к которым относятся показания подозреваемого, показания обвиняемого, показания потерпевшего, показания свидетеля, заключение специалиста и эксперта, вещественные доказательства, а также протоколы следственных и судебных действий.

Далее считаем необходимым рассмотреть мнения отечественных учёных-правоведов по вопросу о понятии доказательств в уголовном процессе.

Итак, доктор юридических наук – В.А. Лазарева в целом рассматривает доказательства сразу с позиции трёх точек зрения:

- 1) как любые сведения, на основе которых субъекты уголовного процесса устанавливают обстоятельства, имеющие значение для дела;
- 2) как достоверные сведения (факты), обосновывающие обвинительный приговор;
- 3) как показания свидетеля, потерпевшего, заключения эксперта и специалиста, протоколы следственных действий и судебного заседания.

Другой учёный, в частности, В.С. Балакшин полагает, что понятие «доказательства в уголовном процессе» представляет собой знаково-информационную систему, которая состоит из любых фактических данных, источников этих данных, а также способов и порядка их собирания, закрепления и проверки, осуществляемых с соблюдением предусмотренных в законе требований уполномоченными на то органами и должностными лицами.

А.П. Рыжаков понимает рассматриваемое нами понятие в контексте образующих его признаков, к которым относит:

- а) наличие в доказательствах сведений;
- б) под сведениями подразумевается информация об обстоятельствах, имеющих значение для дела;
- в) сведения должны быть «собраны» на предусмотренный законом источник;
- г) под сведениями понимается содержание доказательства – информация о расследуемом (рассматриваемом и разрешаемом) происшествии.

Такие правоведы как Л.Д. Кокорев и С.А. Альперт под дефиницией «доказательства» имеют ввиду единство фактов и различных сведений.

А в противовес им например В.Д. Очередин видит в термине «доказательства» абсолютно любые факты.

Таким образом, мы полагаем, что наиболее точное определение понятия «доказательства в уголовном процессе» приводит доктор юридических наук – С. А. Шейфер, который говорит нам о том, что на основе УПК РФ, доказательства можно определить как сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму – в форму показаний, заключений и иные формы [2, с. 145].

Теперь перейдём к вопросу об использовании доказательств. Использование доказательств представляет собой заключительный этап работы с доказательствами: после их собирания, исследования и оценки субъект доказывания оперирует ими, решает с их помощью те или иные задачи доказывания. Однако, сегодня среди учёных до сих пор не утихают дискуссии о том, стоит ли выделять использование в качестве отдельного элемента процесса доказывания. Именно поэтому нам представляется необходимым рассмотреть мнения правоведов относительно данного спора.

Прежде всего стоит отметить, что вопрос использования доказательств не оставлял думы исследователей начиная уже со времён конца XIX – начала XX веков. Итак, по мнению такого отечественного учёного-правоведа как Н.А. Селиванов, использование доказательств представляет собой процесс, включающий их собирание, исследование и оценку [3, с. 190].

В свою очередь иной исследователь, а именно М.С. Строгович, полагает, что использование доказательств просто производится в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. С другой стороны, специалист в области уголовного права и процесса М. В. Духовской под использованием доказательств подразумевает всю деятельность по собиранию доказательств.

К веренице мнений присоединяется также точка зрения известнейшей учёной-правоведа Н.Ф. Кузнецовой, которая говорит о том, что доказывание состоит не только из собирания, проверки и оценки доказательств, но также и из их использования при установлении обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, а также при обосновании вытекающих из них выводов.

Мы склонны согласиться именно с позицией Кузнецовой, поскольку действительно, для полноты, всесторонности, обоснованности и объективности рассмотрения и разрешения уголовного дела мало только собрать, проверить и оценить доказательства. Их необходимо также и использовать, то есть применить, например, для производства определённых следственных действий.

Использование доказательств и есть оперирование ими, применение в определенных целях – промежуточных или конечных. Можно сказать, что использование доказательств – это непосредственно процесс доказывания, поскольку сами по себе доказательства, не использованные для подтверждения или опровержения какого-либо тезиса доказывания, остаются за рамками этого процесса и, как не востребуемые, могут вообще впоследствии по делу не фигурировать [4, с. 50].

Прежде всего, при определении уголовно-процессуального смысла использования доказательств в уголовном процессе, необходимо отметить, что он, безусловно, заключается в установлении наличия или отсутствия обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Такой подход хотя и основан на положениях части 1 статьи 74 УПК РФ, однако не учитывает равнозначное указанному значению использования доказательств по уголовным делам, которое заключается не только в установлении события преступления, виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица и других обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, но и в обосновании оснований принятия тех или иных процессуальных решений. Все принимаемые по уголовному делу процессуальные решения являются законными и обоснованными тогда и только тогда, когда их основания подтверждены совокупностью собранных по делу доказательств. Принятие любых процессуальных решений по уголовным делам без обоснования их оснований собранными доказательствами делает такие решения немотивированными, что влечет нарушение принципа законности производства по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ).

Целями использования доказательств служат:

- а) проверка: версий, иных доказательств, ориентирующей и розыскной информации на предмет ее оценки;
- б) обоснование: принимаемых решений, обвинительного заключения;
- в) моделирование: следственной ситуации, механизма преступления, психологического портрета и внешности преступника;
- г) получение новых доказательств, новой оперативной и розыскной информации;
- д) формирование комплексов доказательств;
- е) демонстрация доказательств участникам процесса на предмет: устранения существующих противоречий между доказательствами, изобличения в даче ложных показаний и получения новых доказательств, убеждения в бессмысленности противодействия расследованию, преодоления круговой поруки соучастников.

Ярким примером цели использования доказательств по уголовному делу в качестве обоснования оснований для принятия процессуальных решений служит основное решение, принимаемое в стадии предварительного расследования в форме предварительного следствия, а в исключительных случаях и дознания, – решение о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Принимается решение о привлечении в качестве обвиняемого после того, как по делу собрано достаточное количество доказательств, дающих основание для утверждения о совершении конкретным лицом преступления (ч. 1 ст. 171, п. 22 ст. 5 УПК РФ). Необходимо учитывать, что целями использования доказательств в уголовном процессе являются:

- 1) установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ);
- 2) обоснование оснований принятия тех или иных процессуальных решений [5, с. 72].

Интересным моментом, который хотелось бы отметить, является выведенная, хотя наверное уже и позабытая, профессором уголовного права Леонидом Евстафьевичем Владимировым схема того самого этапа работы с доказательствами –

использования доказательств. Согласно данной схеме, при использовании доказательств в уголовном судопроизводстве необходимо:

- 1) избегать навязчивых мыслей о виновности лица вплоть до того момента, пока не подтвердятся факты, не оставляющие сомнения в виновности конкретного лица;
- 2) при работе со сложными уголовными делами необходимо разделять их на части, в результате чего наиболее трудные моменты возможно будет рассмотреть в отдельности;
- 3) необходимо начинать доказывание с наиболее простых элементов для того чтобы сохранить последовательную связь между фактами;
- 4) требуется исчерпывающее изучение всех имеющихся в деле фактов [6, с. 39].

Да, возможно вышеприведённая схема на первый взгляд не совсем понятна для понимания, но существует вероятность того, что она станет понятна непосредственно в процессе правоприменительной практики.

В конце концов, мы приходим к выводу о том, что наиболее точное определение понятия «доказательства в уголовном процессе» приводит доктор юридических наук С.А. Шейфер, который говорит нам о том, что на основе УПК РФ, доказательства можно определить как сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму – в форму показаний, заключений и иные формы. Также мы делаем вывод о том, что использование доказательств представляет собой целенаправленную деятельность, которая зависит от определённых закономерностей. И в первую очередь эти закономерности подчинены аналитическому мышлению.

Использование доказательств в процессуальных решениях по уголовным делам должно представлять собой такое действие, при котором собранные, проверенные и оцененные доказательства отражаются в соответствующих актах с целью обосновать выводы об установлении наличия или отсутствия фактических обстоятельств уголовного дела. Непременным условием указанного использования доказательств в процессуальных решениях является признание допустимых, относимых и достоверных доказательств достаточными. Поскольку только посредством совокупности достаточных доказательств можно сделать вывод о наличии или отсутствии обстоятельств, являющихся основаниями процессуальных решений по уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
2. Бальшутаев Т.Т. К вопросу о понятии доказательств в уголовном процессе / Т.Т. Бальшутаев // Актуальные проблемы функционирования и развития государства и права на современном этапе. – 2021. – С. 145-150.
3. Меретуков А.Г. Условие использования доказательств в процессуальных решениях по уголовным делам / А.Г. Меретуков // Общество и право. – 2019. – С.187-191.
4. Устинова А.В. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / А.В. Устинова. – М.: Проспект, 2020. – 128 с
5. Воскобойник И.О. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе / И. О. Воскобойник, М.Г. Гайдышева // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – № 2. – С. 70-76.
6. Ражабов Б.А. Доказывание в уголовном процессе / Б.А. Ражабов // Проблемы Науки. – 2019. – № 3 (136). – С. 38-41.

THE CONCEPT OF EVIDENCE AND ITS USE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. In this work, based on the provisions of the legislation of the Russian Federation, the points of view of legal scholars, the issue of the concept of evidence in criminal proceedings is considered, as well as such a little-studied stage of working with evidence as their use. The author notes specific proposals that will solve the

problems indicated in the work. It is concluded that the most accurate definition of the concept of «evidence in criminal proceedings» is given by the Doctor of Law – S.A. Shafer, and the use of evidence is a purposeful activity that depends on certain patterns.

Keywords: the concept of evidence, criminal procedure, stages of work with evidence, use of evidence, criminal proceedings.

Novikova I.

Scientific adviser: Gulina S., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: erena747@gmail.com

УДК 331.5-053.6

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Новосёлова М. С.

*Научный руководитель: Олейникова А.В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается аспект ответственности по договору строительного подряда. Были определены случаи возникновения гражданско-правовой ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также судебной практики. Предприняты попытки освятить существующие проблемы правового регулирования ответственности сторон договора строительного подряда, а также возможные действия для их решения.

Ключевые слова: ответственность, договор, подряд, заказчик, неустойка.

Надлежащее исполнение собственных обязанностей участниками договорных обязательств необходимо для того, чтобы гражданский оборот мог развиваться. В ситуации, когда подобные обязанности нарушаются это приводит к причинению вреда в первую очередь кредитору, и следом за этим, естественно, происходит нарушение общего функционирования гражданского оборота, что приводит к тому, что общество страдает в целом. Для того, чтобы устранить любое последствие факта неисполнения или же исполнение ненадлежащим характером обязательств, функционирует такое понятие как договорная гражданско-правовая ответственность.

Договорная ответственность как объект научного познания имеет свои специфические черты и сущностные характеристики, которые делают ее интересным и важным предметом исследования в рамках научного сообщества. Ее изучение позволяет более глубоко понять причины и последствия нарушения договорных обязательств, а также разработать эффективные механизмы и инструменты для защиты прав и интересов участников договора.

Договорная ответственность является одним из способов экономического регулирования правоотношений, поскольку выполняет функцию имущественного воздействия на правонарушителей.

Гражданско-правовые отношения субъектов предпринимательской деятельности, которые занимаются строительством, регламентированы большим количеством норм, в числе которых существенная роль отводится договору строительного подряда. В реалиях сегодняшнего дня данный вид контракта рассматривается как основной источник согласования условий в формате строительной кооперации на всей территории Российской Федерации.

Целью работы является исследование ответственности сторон по договору строительного подряда, установление ключевых проблем правового регулирования, а

также поиск путей их решения, которые можно выделить в качестве отдельных направлений развития данного гражданско-правового соглашения.

Подрядные правоотношения берут свое начало со времен римского права, когда эти договорные обязательства рассматривались во многих аспектах: как разновидность договора аренды вещей, так и разновидность договора на оказание работ и услуг. Поскольку в то время почти вся работа была трудновыполнимой и основное их выполнение осуществлялось, как правило, рабским трудом, выполняемая ими работа считалась договором найма вещей. Но в тех случаях, когда подрядчиком был свободный римский гражданин, тогда такого рода сделка уже была договором подряда. Принимая это во внимание, юристы отмечают, что разница между последними заключается в том, что по договору всегда достигался определенный экономический результат (*opus*), который отсутствовал в договоре найма услуг [1].

По этой причине со времен римского права договор понимался как одно из самостоятельных соглашений гражданского права. Важной особенностью является достижение экономического эффекта благодаря трудовым усилиям подрядчика, что позволяет отличить договор подряда от договора найма или оказания услуг.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], а именно статья 740 дает понятие договора строительного подряда. В соответствии с данной статьей согласно договору подряда заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену, а подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы.

Наиболее важным и актуальным для договора строительного подряда является вопрос об ответственности сторон. Как было отмечено, ответственность по договору подряда может наступить как для заказчика, так и для подрядчика. Представляется разумным рассмотреть для начала ответственность подрядчика. ГК РФ ужесточает ответственность подрядной организации за качество выполненных работ. Согласно ст. 754 ГК РФ, подрядчик несет ответственность перед заказчиком за нарушение строительных норм и правил, за качество предоставленного материала и оборудования, а также за любые отклонения от условий договора и технической документации. Не выполнение производственных показателей объекта и других характеристик, указанных в документации, также приведет к ответственности для подрядчика. Кроме того, подрядчик будет нести ответственность за снижение надежности, прочности и устойчивости объекта и его частей [2].

Интересно, что в этой статье нет никаких специальных мер ответственности, и поэтому можно сделать вывод, что этот вопрос будет рассматриваться с помощью общих правил о подряде. Ст. 723 ГК РФ устанавливает ответственность за некачественное выполнение работ, которая может проявляться в бесплатном устранении дефектов в разумные сроки, пропорциональном снижении установленной цены за работу или возмещении затрат на устранение недочетов.

Заказчик имеет полное право требовать от подрядчика оперативного устранения выявленных недостатков, а также пропорционального снижения стоимости работ. В случае необходимости, заказчик может потребовать возмещения расходов, связанных с устранением недостатков за свой счёт. Так, например, по судебному разбирательству по вопросу возмещения вреда, причиненного в результате нарушения обязательств подрядчиком в порядке регресса стороны, заключили договор на выполнение работ по капитальному ремонту многоквартирного дома. В результате ненадлежащего выполнения своих обязательств при выполнении работ по ремонту, произошло протекание крыши, а это привело к тому, что квартиру затопило. В результате проверки суд установил факт ущерба, вызванного протеканием кровли, и принял решение в пользу потерпевшего. [3].

Зачастую заказчики используют удержание суммы оплаты за выполнение работы по договору подряда. В цивилистике, а также судебной практике такой способ известен как гарантийное удержание части оплаты выполненных работ. Как правило, после устройства подрядчиком обнаруженных недостатков данное удержание прекращается.

Помимо этого, подрядчик может понести ответственность за нарушение требований техники безопасности, причинения вреда жизни и здоровью, имуществу и др.

При проведении строительных работ могут появиться форс-мажорные обстоятельства, т.е. обстоятельства непреодолимой силы, которые не зависят от воли лица. Например, стихийные бедствия, природные катаклизмы, военные действия в месте нахождения объекта и др. В данном случае стороны освобождаются от ответственности за абсолютное или частичное неисполнение своих обязательств, а срок их исполнения продлевается соразмерно сроку, в течение которого действуют такие обстоятельства и их последствия. При этом, не освобождается от ответственности лицо, которое вовремя не известило о наступлении указанных обстоятельств. Данное правило подтверждается судебной практикой [4].

При соблюдении требований, которые установлены ч.1 ст.713 ГК РФ, подрядчик также должен использовать экономно и расчетливо материал, который был предоставлен заказчиком. Затем, когда работы будут окончены, подрядчик обязан доставить заказчику отчет о том, сколько материалов было израсходовано. Также, подрядчик должен вернуть остатки материалов, либо, при согласии заказчика, понизить стоимость работы с учетом оставшегося материала.

Требование о необходимости в предоставлении отчета, ложится на плечи подрядчика вне зависимости был ли им использован весь данный материал или в результате работы остались его остатки. Вместе с тем, норма ст.713 ГК РФ в её настоящем изложении учитывает потребность в предоставлении такого отчета исключительно после завершения всех работ, которые предусмотрены договором подряда [5].

Помимо этого, ст. 329 ГК РФ предусмотрено, что исполнение обязательств по договору подряда может обеспечиваться и независимой гарантией. Данная гарантия призвана обеспечить соответствующее исполнение подрядчиком (принципалом) его обязательств перед заказчиком (бенефициаром). Впрочем, подрядчики чаще всего не исполняют обязанность по предоставлению независимой гарантии.

Так, ВС РФ рассмотрел дело № А11-352/2015, суть которого заключалась в том, что заказчик принял все выполненные работы подрядчика без возражений, но отказался оплачивать их, что послужило основанием для судебного взыскания задолженности. В ходе рассмотрения дела суд установил, что в договоре между сторонами было оговорено условие о предоставлении подрядчиком ряда банковских гарантий, включая банковскую гарантию на срок гарантийного обязательства заказчика по оплате выполненных работ. Подрядчик не выполнил это условие, считая, что принятие работ заказчиком уже является достаточным основанием для требования оплаты. Суды первой инстанции и арбитражный суд удовлетворили иск. Они отметили, что ключевым элементом отношений подряда является результат выполненных работ, который должен быть оплачен заказчиком, в качестве подтверждения данной позиции. [7].

Заказчикам в ходе согласования условий подряда или других соглашений о выполнении работ надлежит подходить к формулировкам положений о предоставлении независимой гарантии с должной внимательностью. В частности, рекомендовано четко фиксировать связь возникновения обязанности заказчика по плате произведенных работ с фактом предоставления подрядчиком независимой гарантии на гарантийный срок эксплуатации итога работ. Кроме того, следует в договорном порядке особо предусматривать неустойку за просрочку предоставления таких гарантий в случае

использования, например, независимой гарантии возврата авансовых платежей или независимой гарантии должного исполнения условий договора.

Одной из форм ответственности за нарушение договора подрядчиком является право заказчика потребовать досрочного расторжения договора и взыскания убытков с подрядчика в случаях, когда подрядчик не приступает к выполнению работы в срок или выполняет ее недостаточно быстро, что приводит к невозможности завершить работу к установленному сроку. Заказчик может установить подрядчику срок для устранения недочетов, выявленных в процессе выполнения работы, и в случае их невыполнения иметь право на расторжение договора или требование компенсации убытков, а также возможность поручить исправление работ третьему лицу за счет подрядчика (ст. 715 ГК).

Что касается ответственности заказчика, то она основана на общих правилах о гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Заказчик также несет ответственность за предоставление необходимых документов, информации и ресурсов для выполнения работ, а также за контроль за качеством и соответствием работ выполненным требованиям и спецификациям. Он также должен соблюдать все договорные обязательства и сотрудничать с исполнителем для успешного выполнения работ. Не следует забывать о том, что главной обязанностью заказчика является оплата результата выполненных работ. А задержка в выполнении строительных работ, в свою очередь, влечет оплату процентов в связи с незаконным удержанием чужих денежных средств (ст. 395 ГК).

Таким образом, в настоящее время законодательство Российской Федерации в сфере правового регулирования гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств по оговору строительного подряда является достаточно развитым и детально регламентировано ГК РФ, а также другими нормативными актами.

Однако в связи с изменениями в экономической и социальной сферах, а также появлением новых видов договоров, возможно потребуется дальнейшее усовершенствование законодательства в данной области.

При этом важно учитывать не только международный опыт и передовые практики в данной сфере, но и обеспечить баланс интересов между участниками гражданского оборота и защиту их прав при нарушении договорных обязательств.

Возникшие обстоятельства или иной коммерческий интерес, а также отсутствие жестких санкций в договоре или законе могут стать условиями для допущения стороной возможного нарушения договорного обязательства. Конечно, неисполнение или ненадлежащее исполнение одной стороной договора своих обязательств влечет негативные последствия для пострадавшей стороны. Законом предусмотрен ряд мер гражданско-правовой ответственности, направленных на минимизацию таких негативных последствий нарушения. Такие меры стороны также вправе установить в договоре на свое усмотрение с учетом разумности. Применение мер гражданско-правовой ответственности, прежде всего, направлено на компенсацию потерь пострадавшей стороны, а также являться превентивной мерой для предупреждения возможных нарушений. При этом остается дискуссионным вопрос, насколько предусмотренные законом и договором меры обеспечивают заинтересованность сторон в надлежащем исполнении обязательства, и не требуется ли более жесткое регулирование со стороны государства при недобросовестном неисполнении договора.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что ответственность сторон по договору строительного подряда может быть вызвана различными причинами, которые не обязательно связаны с невыполнением работ в установленные сроки или с неправильной оплатой работ. Данная тема является достаточно комплексной, и охватить все аспекты ответственности сторон в одном исследовании невозможно. Однако, мы предприняли усилия для того, чтобы осветить как имеющиеся проблемы,

так и потенциальные пути их решения. Наш анализ поможет сторонам четко определить их обязанности и избежать возможных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джамалутдинов, Д.И. Историко-правовые аспекты зарождения и становления основ нормативного регулирования договора подряда в России / Д.И. Джамалутдинов // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 10. – С. 23 – 35.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 21 октября 1994 года №51-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.02.2024).
3. Пикин В.Г. Актуальные вопросы реализации норм о гражданско-правовой ответственности подрядчика / В.Г. Пикин // Экономика и право: анализ тенденций и перспектив развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч. Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. С. 126-127.
4. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 20.01.2014 по делу №А43-8218/2013 Требование: о взыскании убытков в порядке регресса. Обстоятельства: Стороны заключили договор на выполнение работ по капитальному ремонту многоквартирного дома. На стадии выполнения ремонтных работ ответчиком (подрядчиком) в результате ненадлежащего исполнения им обязанностей по договору произошло протекание кровли, что привело к проливу квартиры. Истец (заказчик) компенсировал собственнику данной квартиры ущерб, причиненный в результате пролития. Решение: Требование удовлетворено, поскольку доказано, что истец понес убытки по вине ответчика, допустившего протекание кровли дома. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=63193#puA0NaTQx Z6zAWQ2/> (дата обращения: 17.02.2024).
5. Вовченко М. Б. Ответственность сторон за нарушение договора строительного подряда / М. Б. Вовченко // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 166.
6. Тен, В. Н. Ответственность подрядчика за нарушение сроков по договору подряда / В. Н. Тен // Право и правопорядок: приоритетные направления развития : сборник научных трудов. – Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. – С. 311-314.
7. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2015 по делу N А11-352/2015 По делу о взыскании задолженности по оплате выполненных работ. СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS001&n=52996#D5LwMaTCy1QJSUQv/> (дата обращения: 17.02.2024).

ON THE ISSUE OF CIVIL LIABILITY UNDER THE CONSTRUCTION CONTRACT

Annotation. In this paper, the aspect of responsibility under the construction contract is considered. Cases of civil liability arising in accordance with the legislation of the Russian Federation, as well as judicial practice, were identified. Attempts have been made to highlight the existing problems of legal regulation of the liability of the parties to the construction contract, as well as possible actions to solve them.

Keywords: liability, contract, contractor, customer, penalty

Novoselova M.

Scientific adviser: Oleinikova A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: novoseelova-m@mail.ru

УДК 347.62

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА

Оленников В. С.

*Научный руководитель: Борухова М. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе представлен анализ института брачного договора, в том числе его содержание, особенности и проблемы с учетом современного правового регулирования. В ходе исследования была проанализирована законодательная база, а также рассмотрены научные труды ученых-правоведов.

Ключевые слова: брачный договор, заключение брачного договора, содержание брачного договора, особенности брачного договора.

Имущество и связанные с ним права и обязанности являются неотъемлемой частью гражданского права. Одной из главных проблем отрасли гражданского права выступают имущественные споры. Немаловажную часть имущественных споров занимают прения, касающиеся раздела имущества при расторжении брака. Гражданское и семейное законодательство предусматривает порядок разрешения таких споров, однако из-за их многообразия и особенностей возникают случаи, которые требуют отдельной регламентации. Такая гражданско-правовая конструкция как брачный договор во многом позволяет решать и даже предупреждать возникающие прецеденты. Однако в отечественной практике брачный договор не встретил свою популярность. Это связано с рядом проблем, в том числе с юридической неграмотностью населения. Изучению института брачного договора посвящено данное исследование.

По сравнению с многими другими гражданско-правовыми институтами в Российской Федерации (далее – РФ) брачный договор является новшеством, ведь юридически он появился только в конце двадцатого века. С этим непосредственно связаны такие причины непопулярности данного института, как незнание о его существовании либо непонимание содержания норм законодательства, касающихся брачного договора; его практическое неприменение и отторжение населением, базируясь на морально-этических предубеждениях; пренебрежение гражданами значимости брачного договора, в том числе из-за неосведомленности о его существовании. Именно исследование понятия, содержания и нормативных особенностей брачного договора должны способствовать решению данных проблем.

Институт брачного договора можно считать производным от института собственности. Имущество выступает «ядром» брачного договора, поскольку регулирует имущественные правоотношения между супругами. Кроме того, брачный договор нацелен на разрешение имущественных споров между ними. Связь между двумя институтами можно наблюдать и в определении данного термина, которое является неоднородным.

Законодательная трактовка понятия «брачный договор» содержится в ст. 40 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). «Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения» [1]. Настоящее определение устанавливает то, какое правоотношение возникает, и кто является его субъектами. Ввиду того, что предметом такого правоотношения всегда выступают имущество и связанные с ним права, следовательно все отношения, которые функционируют в рамках брачного договора являются

имущественными. Также без внимания не остались и субъекты таких правоотношений, которыми могут выступать только супруги или лица, вступающие в брак.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в гораздо меньшей мере регламентирует институт брачного договора. Так, в ГК РФ термин «брачный договор» содержится более сжато, это, в частности, усматривается в ст.256 ГК РФ [2]. Из положения настоящей статьи исходит абстрактная формулировка, что брачный договор – это договор, регламентирующий иной режим имущества супругов в браке. Таким образом, гражданское законодательство не определяет ни сами правоотношения, ни раскрывает субъектов, отчего изучение исключительно данной нормы не дает полного понимания о данном институте.

Определение брачного договора рассматривается учеными-правоведами и с другой стороны. Например, доктор юридических наук Гонгало Б. М. указывает на то, что такой договор является сделкой, а именно гражданско-правовой сделкой, но при этом он содержит многие аспекты, которые регулируются семейным правом [3].

Однако наиболее содержательное описание брачного договора привела кандидат юридических наук Максимович Л. Б. Она подразумевает под брачным договором следующее понятие: «Брачный договор как гражданско-правовой инструмент представляет собой особую разновидность гражданско-правовых соглашений безвозмездного типа, предназначенную для установления режима совместной, долевой или раздельной собственности в отношении имущества, принадлежащего супругам, определения порядка раздела ими имущества в период брака или в случае его расторжения, а также регулирования на безвозмездной основе иных имущественных отношений между супругами»[4].

Важную роль в восприятии значимости брачного договора занимает и его цель. Однако законодатель не предусмотрел ее закрепление, отчего очерчивание самой цели возлагается на научную сферу. Так, одни ученые-юристы определяют целью брачного соглашения в России – урегулирование и согласование имущественных вопросов между супругами.

Однако, существуют и иные трактовки. Так, другие правоведа считают, что брачный договор заключают с целью обезопасить свои права на имущество и защитить их от притязания других лиц. Иначе выделяет главную цель брачного договора профессор семейного права Антокольская М.В. Она описывает ее следующим образом: «Основная правовая цель брачного договора – определение правового режима имущества супругов и их иных имущественных взаимоотношений на будущее время» [5]. Из этого можно понять, что цель брачного договора заключается в обеспечении безопасности имущества и имущественных прав супругов, которая также может предусматриваться на будущий период, а также в предупреждении возможных имущественных споров при расторжении брака.

В брачном договоре имеется ряд общих признаков, которые также относятся к любым другим гражданско-правовым договорам. Например, самым значимым является то, что это соглашение двух лиц об установлении гражданских прав и обязанностей. Также брачный договор подписывается в соответствии с принципом свободы заключения договоров, а соответственно абсолютно недопустимо применение насилия или обмана при его составлении. Еще одним сходством выступает нормативная база, ведь любой гражданско-правовой договор должен соответствовать гражданскому законодательству. При этом данное сходство отражает действительность лишь частично. Это выражается в том, что брачный договор также регламентируется и семейным законодательством. Так брачный договор имеет и особые черты, отличающие его по тем или иным аспектам от обычных гражданско-правовых сделок.

Прежде всего отмечается, что брачный договор обладает регламентированным субъектным составом, который установлен законодательством. Статья 40 СК РФ

гласит, что брачный договор может быть заключен между лицами, вступающими в брак, или лицами, уже состоящими в брачном союзе. В ст. 256 ГК РФ при этом, указаны только супруги без упоминания лиц, намеревающихся вступить в брак. Таким образом, по законодательству субъектами такого договора могут быть только два физических разнополых лица, муж и жена или будущие супруги.

Следующей отличительной чертой данного вида договора является его форма. Брачный договор подлежит заключению только в письменной форме путем составления определенного документа, который подписывается обеими сторонами. Существенным при этом, является то, что такой договор должен быть обязательно удостоверен нотариусом по определенной процедуре. Брачный договор считается законным только при удостоверении его нотариусом согласно установленному законом порядку [1].

Кроме того, брачный договор отличается и тем, что регулирует только имущественные правоотношения. В нем могут быть указаны права и обязанности, связанные с конкретным имуществом или имуществом в общем смысле, но никак не связанные с неимущественными отношениями. Кроме того, договор может содержать положения касательно любого имущества супругов, то есть относиться как к уже имеющемуся имуществу, так и к будущему.

Еще одним признаком брачного договора выступает условие относительно времени его заключения. Так, в СК РФ предусмотрено, что составление брачного договора возможно как перед регистрацией заключения брака в государственном органе, так и в любое время после такой регистрации [1]. Однако важно, что заключение брачного договора недопустимо после расторжения брака. В ином случае будет нарушаться субъектный состав договора, ведь такие граждане уже не будут считаться супругами или лицами, намеренными вступить между собой в брак.

Также брачный договор не может ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, например ограничивать его правоспособность или дееспособность. К тому же договор должен соответствовать основным началам семейного законодательства.

Важным условием брачного договора является и то, что он действует только в рамках законного брака. В соответствии с семейным законодательством, допускается брачный союз, который был заключен только в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС). Однако это не единственная особенность вступления договора в силу. Также в семейном законодательстве предусмотрен дуальный характер вступления в законную силу брачного договора. Он выражается в следующем: если стороны уже являются супругами, тогда дата вступления в силу определяется датой нотариального удостоверения брачного договора; если стороны еще не вступили в брак, но намереваются это сделать, тогда брачный договор вступает в силу со дня регистрации их брака в органах ЗАГС. Иных случаев и условий обретения брачным соглашением своей юридической силы законодательством не предусмотрено.

Несмотря на то, что такой договор обязательно должен быть удостоверен нотариусом, стороны вправе вносить в него изменения или даже требовать его расторжения. В настоящий момент для этого законодательством предусмотрены обоюдное соглашение супругов или требование, предъявленное одним из них. В последнем случае сторона такого договора обращается в суд. В случаях, когда брачный договор ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, по требованию одного из супругов суд может признать его недействительным.

Согласно ст.43 СК РФ, действие брачного договора должно прекратиться с момента расторжения брака, хотя не все обязательства, предусмотренные договором, также прекращают свое действие [1]. Брачный договор может содержать такие обязанности, которые предусмотрены на период после прекращения брака. Это

является его одной из самых важных особенностей, благодаря чему такой договор способен предотвращать споры при разделе имущества супругов.

Таким образом, брачный договор имеет особенное содержание, отличное от обычных гражданско-правовых договоров. Изучение его особенностей позволяет отметить немаловажную значимость брачного договора в рамках предотвращения между супругами судебных прений, относящихся к их имуществу и имущественным правам.

Однако помимо основного содержания брачного соглашения важную часть в изучении данной темы занимает и нормативное регулирование самого договора. Институт брачного договора был закреплён в законодательстве относительно недавно. Бесспорной базой для появления данного правового новшества в российском обществе выступало правовое признание частной собственности, которое последовало после распада СССР. «С развитием отношений частной собственности появились семьи, владеющие значительными доходами, и вопрос о разделе общего имущества при разводах вставал все более остро» [6].

Брачный договор нашел свою регламентацию в кодифицированных нормативных правовых актах. В настоящее время положения, касающиеся брачного договора закреплены в ст.256 ГК РФ, в гл.8 СК РФ и, с точки зрения правовой природы сделок, в гл. 9 и 27 ГК РФ.

Из положений ст.256 ГК РФ становится ясно, что изначально брачный договор предусматривался заменяющей альтернативой законодательной нормы, которая должна была устанавливать правила отношений с имуществом в брачном союзе. Это можно наблюдать на конкретных примерах:

а) «Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества»;

б) «Имущество каждого из супругов может быть признано судом их совместной собственностью, если будет установлено, что в течение брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества. Настоящее правило не применяется, если брачным договором между супругами предусмотрено иное»;

в) «В случае смерти одного из супругов пережившему супругу принадлежит доля в праве на общее имущество супругов, равная одной второй, если иной размер доли не был определен брачным договором».

Многие ученые-юристы утверждают, что применение брачного договора в России законодательно возникло еще 21 октября 1994 года в ГК РФ (части первой). Однако в изначальной формулировке статья 256 не содержала понятия «брачный договор», настоящие положения данной статьи возникли лишь с принятием ФЗ от 19.07.2018 N 217-ФЗ. Из-за этого некоторые праведы считают неверным ассоциировать «возникновение брачного договора» в нашей стране с появлением Гражданского кодекса.

Настоящая возможность заключения брачных договоров появилась с введением с 1 марта 1996 года Семейного кодекса Российской Федерации. Статья 40 определяет понятие брачного договора, статья 41 регламентирует процесс его заключения, статья 42 трактует содержательную часть договора, в статьях 43 и 44 предусмотрены процедуры изменения, расторжения и признания недействительным брачного договора.

Учитывая п.50 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», то становится ясно, что брачный договор является сделкой и он также должен подходить под регламентацию правовых норм из гл.9 Гражданского кодекса [7].

Таким образом, в России институт брачного договора регламентирован гражданским и семейным законодательством. Несмотря на широкий перечень правовых источников, весь объем такой регламентации, по большей части, складывается в нескольких статьях СК РФ. Такое регулирование вопроса нельзя назвать совершенным, и оно требует дальнейшего развития. Для улучшения отечественного законодательства в сфере брачных договоренностей необходимо основываться на имеющейся судебной практике, менталитете населения и зарубежном опыте.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующие выводы. Брачный договор является неоднородной системой и содержит в себе множество отличительных аспектов. Целью брачного соглашения является урегулирование и согласование имущественных вопросов между супругами. Брачный договор имеет важное значение в сфере гражданского и семейного права. Правовые нормы, регулирующие институт брачного договора, относятся и к гражданскому, и к семейному законодательству. Развитие института брачного договора в нашей стране однозначно способствует разрешению проблемы имущественных споров, связанных с разделом имущества супругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения 19.02.2024)
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=lm4f4blue811090440 (Дата обращения 19.02.2024)
3. Гонгало Б. М. Настольная книга нотариус: учеб. – метод. пособие. М., 2003 С.13.
4. Максимович, Л. Б. Брачный договор в российском праве : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03 / Максимович Любовь Борисовна ;
5. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М. 2003. С.156.
6. Левушкин А.Н. История возникновения и развития института брачного договора в России // Семейное и жилищное право. 2012. № 5.С.36.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lt6zonwul1a942513364 (Дата обращения 19.02.2024)

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF A MARRIAGE CONTRACT

Annotation. This article presents the institution of the marriage contract, including its content, features and problems, taking into account the modern regulation of the issue and the attitude of the population to this institution of family law. In the course of the study, the legislative framework was analyzed, as well as the scientific works of legal scholars were considered.

Keywords: the marriage contract, the conclusion of the marriage contract, the content of the marriage contract, the features of the marriage contract.

Olennikov V.

Scientific supervisor: Borukhova M., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: vladikfe162004@gmail.com

УДК 349.6

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Петренко М. А.

*Научный руководитель: Семькина Л. А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности прокурорского надзора в сфере исполнения законов об окружающей среде. Установлены основные цели и задачи органов прокуратуры, решение которых способствует полному и своевременному выявлению правонарушений и предотвращению их возникновения в будущем для сохранения окружающей среды.

Ключевые слова: окружающая среда, экология, прокуратура, прокурорский надзор.

Окружающая среда – это широкий спектр аспектов, связанных с природными условиями и экологическим состоянием определенной территории. Она представляет собой сочетание многих факторов, начиная от климатических и ландшафтных особенностей и заканчивая состоянием флоры и фауны. Важно отметить, что окружающая среда играет ключевую роль в устойчивом развитии общества, поскольку ее сохранение и защита являются неотъемлемой частью устойчивости нашей планеты и нашей будущей экологии.

С целью предупреждения правонарушений в сфере охраны окружающей среды и их пресечение, а также привлечение к ответственности виновных лиц в Российской Федерации разработаны и действуют законы в указанной сфере.

Современная Россия придает большое значение охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, рассматривая их как ключевые аспекты внутренней политики.

Это подтверждается фундаментальным законом страны – Конституцией Российской Федерации, которая гарантирует всем гражданам основные экологические права, включая право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и возможность взыскания компенсации за ущерб, причиненный здоровью или имуществу вследствие экологических правонарушений. [1]

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года определяет основы государственной политики в этой области. Он стремится достичь балансировки социально-экономических задач, сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления законности и правопорядка, а также обеспечения экологической безопасности. [2]

Сокращение продолжительности жизни россиян, рост заболеваемости населения, в том числе и в результате загрязнения окружающей среды, коммерциализация медицинских услуг и их недоступность для бедной части населения делает особо актуальным надзор за исполнением законодательства о здравоохранении и об охране окружающей природной среды. [3]

В целях реализации конституционных положений и федерального закона «Об охране окружающей среды», а также для усовершенствования организации прокурорского надзора, Генеральная прокуратура Российской Федерации 15 апреля 2021 года подписала приказ № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». [4] Одним из основных и актуальных направлений деятельности прокурорской системы стал надзор за соблюдением законов в области охраны окружающей среды. Такой надзор должен осуществляться комплексно и прозрачно, с максимальным привлечением гражданского

общества к данному процессу. Данный приказ определяет новые направления прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды.

Важно отметить некоторые задачи, предусмотренные указанным приказом, в рамках надзора прокуроров в сфере охраны и защиты окружающей среды, выполнение, которых окажет успешное влияние на правоотношения в этой сфере:

- при организации проверок вследствие стихийных бедствий или других чрезвычайных ситуаций и аварий, оказывающих существенное негативное влияние на окружающую среду, прокуроры должны лично участвовать в обеспечении эффективности, объективности и достоверности этих проверок;

- информировать соответствующие государственные органы о наиболее серьезных проблемах, связанных с охраной окружающей среды и природопользования;

- систематическое информирование общественности о состоянии законности в данной области и результатах работы прокуратуры;

- обеспечивать полное и своевременное исполнение полномочий, функций и обязанностей соответствующими государственными органами, их должностными лицами, коммерческими и некоммерческими организациями в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов;

- особое внимание должно быть уделено исполнению обязательств, связанных с предъявлением исков о возмещении ущерба окружающей среде и взыскании платы за использование природных ресурсов;

- необходимо пресекать нарушения законодательства и незаконное использование природных ресурсов, а также возмещать ущерб, причиненный окружающей среде, путем принятия мер прокурорского реагирования, включая судебный порядок;

- особое внимание следует уделять выявлению всех признаков коррупции, в том числе злоупотребления должностными лицами органов, ответственных за экологию, охрану окружающей среды и природопользование;

- необходимо поддерживать актуальную информацию о всех объектах (предприятиях), которые оказывают негативное воздействие на окружающую среду, и особое внимание следует уделить реализации ими снижения уровня негативного воздействия на окружающую среду путем внедрения наилучших доступных технологий и создания систем автоматического контроля выбросов загрязняющих веществ и (или) их жидкостей;

- стремиться гарантировать соблюдение экологически приемлемой практики обращения с отходами государственными органами, органами местного самоуправления и надзорными органами во избежание неблагоприятного воздействия на здоровье человека и окружающую среду;

- при осуществлении надзора за исполнением законодательства о промышленной безопасности и безопасности гидротехнических сооружений обращать внимание на наличие необходимых разрешительных документов, соблюдение требований законодательства при строительстве, эксплуатации, техническом обслуживании и ликвидации этих объектов, своевременность диагностики, ремонта и реконструкции, возмещение ущерба, причиненного окружающей среде и населению в результате аварий и инцидентов;

- военные прокуроры играют важную роль в обеспечении экологической безопасности во время проведения военных учений и полевых выходов. Они должны тщательно проверять законность при соблюдении военными органами требований по охране окружающей среды. Особое внимание следует уделять защите плодородных слоев почвы от повреждения при строительстве временных дорог, других сооружений и путей сообщения. Также важно сохранять лесные насаждения и предотвращать ущерб окружающей среде при использовании вооружения, военной техники и специального оборудования, включая предотвращение загрязнения земель

нефтепродуктами. Особое значение имеет устранение большего количества нарушений законодательства в сфере утилизации отходов при размещении войск вне мест постоянной дислокации. Военные прокуроры должны гарантировать, что все отходы утилизируются в соответствии с законодательством, чтобы предотвратить негативное воздействие на окружающую среду. В целях обеспечения экологической безопасности, военные прокуроры должны тщательно контролировать соблюдение всех требований и предписаний, связанных с охраной окружающей среды. Это важный аспект военных действий, который необходимо учитывать при планировании и проведении военных мероприятий. Это особенно актуально для нашего региона, где в настоящее время проводится специальная военная операция.

В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» [5] надзор за исполнением законов об охране окружающей среды обеспечивают как территориальными прокуратурами, так и специализированными природоохранными прокуратурами. Необходимость создания самостоятельного вида прокуратуры заключается в повышении эффективности прокурорской деятельности в конкретных сферах правоотношений, позволяющей максимально сосредоточиться на вопросах, связанных с незаконными действиями в сфере охраны окружающей среды, тем самым повышая эффективность и результативность работы органов прокуратуры в целом. Таким образом, природоохранная прокуратура отвечает за охрану и защиту окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов и соблюдение экологического законодательства.

Созданные надзорные структуры обеспечивают систематическую и эффективную работу, концентрируют внимание на наиболее важных экологических проблемах и целенаправленно и последовательно добиваются их решения со стороны государственных и местных органов власти. Как правило, экологические преступления одновременно затрагивают права большого количества людей, иногда всего населения определенной территории.

Нарушения экологического законодательства являются серьезной проблемой, которая может привести к негативным последствиям для окружающей среды и здоровья людей. Для того чтобы эффективно бороться с этими нарушениями, необходимо иметь достоверную информацию о них. Источниками такой информации являются различные организации, в первую очередь – органы контроля и надзора в рассматриваемой сфере.

Вопросами, касающимися защиты экологии и охраны окружающей среды, а также соблюдения требований законодательства в этих сферах относятся к компетенции органов, которые подведомственны Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации. К ним относятся: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Федеральное агентство водных ресурсов, Федеральное агентство лесного хозяйства, Федеральное агентство по недропользованию и их территориальные органы.

Данные органы имеют важную роль в обеспечении соблюдения экологического законодательства. Они осуществляют постоянный мониторинг за деятельностью предприятий и организаций, которые могут нанести вред окружающей среде. В случае выявления нарушений, они принимают меры по пресечению и устранению этих нарушений.

Кроме того, информация о нарушениях экологического законодательства может быть получена из других организаций, таких как экологические общественные организации, научные институты, экспертные организации и т.д. Они также

занимаются сбором и анализом данных о состоянии окружающей среды и выявлением нарушений законодательства. Важно отметить, что каждый гражданин также может стать источником информации о нарушениях экологического законодательства.

Таким образом, для эффективной борьбы с нарушениями экологического законодательства необходимо использовать все доступные источники информации. Органы контроля и надзора, общественные организации, научные институты и граждане – все они могут внести свой вклад в сохранение окружающей среды и предотвращение нарушений законодательства.

При выявлении нарушений законодательства, органам прокуратуры необходимо проводить тщательное и всестороннее расследование каждого конкретного случая. Это позволит выявить причины нарушений и установить обстоятельства, которые способствовали их совершению.

Прокурорские проверки в органах контроля и надзора по охране окружающей среды должны не только способствовать укреплению законности и совершенствованию их деятельности, но и улучшению взаимодействия прокуроров с ними. Они должны также служить средством оказания правовой и методической помощи работникам этих органов.

Для дальнейшей активизации и совершенствования прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере окружающей среды необходимо принять меры по повышению эффективности работы данных органов. Это может быть достигнуто путем улучшения квалификации их сотрудников, внедрения новых технологий и методов работы, а также усиления контроля со стороны прокуратуры.

Активное взаимодействие прокуроров с органами контроля и надзора позволит не только выявлять нарушения законодательства, но и предотвращать их возникновение в будущем. Это способствует сохранению окружающей природной среды и обеспечению ее благополучного состояния для будущих поколений. Таким образом, прокурорские проверки в этих органах являются важным инструментом для защиты окружающей среды и соблюдения законности в данной сфере.

На основании вышеизложенного, цели и задачи прокурорского надзора в сфере исполнения законов об охране окружающей среды состоят не только в том, чтобы выявлять и пресекать нарушения законодательства, но прежде всего в том, чтобы заставить компетентные органы и их должностных лиц правильно и строго исполнять закон, создавать необходимые условия для выполнения хозяйствующими субъектами экологических требований, полно и своевременно выявлять экологические правонарушения, привлекать нарушителей к ответственности и обеспечивать принятие исчерпывающих мер для возмещение любого ущерба, который наносится окружающей среде.

Только совместными усилиями мы сможем обеспечить сохранение природных ресурсов и защитить окружающую среду для будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. [Электронный ресурс] Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Прокурорский надзор: Учебник / Винокуров Ю.Е. и др.; под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. – М.: Высшее образование, 2005. – с. 187.
4. Приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 15.04.2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

5. Приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 07.05.2008 г. (ред. от 11.09.2023) № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур». [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

THE GOALS AND OBJECTIVES OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE FIELD OF ENFORCEMENT OF LAWS ON ENVIRONMENTAL PROTECTION

Annotation. The article examines the features of prosecutorial supervision in the field of enforcement of environmental laws. The main goals and objectives of the prosecutor's office have been established, the solution of which contributes to the full and timely detection of offenses and the prevention of their occurrence in the future in order to preserve the environment.

Keywords: environment, ecology, prosecutor's office, prosecutor's supervision.

Petrenko M.

Scientific adviser: Semykina L., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: maks_petrenko_1988@bk.ru

УДК 340

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Пушкарёва Д. В.

*Научный руководитель: Семькина Л. А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье проводится анализ института освобождения от уголовной ответственности, который является одним из ключевых элементов уголовно-правовой системы. Исследование охватывает различные аспекты применения данного института: его правовые основания, условия и последствия. Авторы статьи рассматривают как общетеоретические вопросы, так и практическое применение механизмов освобождения от уголовной ответственности, анализируя законодательные изменения и судебную практику. Особое внимание уделяется категориям лиц, которые могут быть освобождены от ответственности, и критериям, которым они должны соответствовать. Рассматриваются также вопросы взаимодействия данного института с другими нормами уголовного права, его влияния на общую эффективность правоприменения и правовое регулирование процесса освобождения от ответственности. В заключение статьи авторы формулируют рекомендации по совершенствованию нормативной базы и практики применения института освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от ответственности, уголовно-правовая система, законодательные изменения, судебная практика, правоприменение, нормативная база, критерии освобождения, правовое регулирование, эффективность правосудия.

Институт освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации представляет собой сложную правовую конструкцию, которая включена в уголовно-правовую систему с целью обеспечения справедливости и гуманизма в процессе применения уголовного законодательства. Этот институт предусматривает возможность не применять уголовное наказание к лицу, которое совершило преступление, в случае если за время, прошедшее после совершения преступления, это лицо доказало свою исправность или если обстоятельства дела изменились настолько, что применение уголовной ответственности нецелесообразно.

Институт освобождения от ответственности важен для достижения баланса между необходимостью наказания и возможностью исправления. Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает несколько оснований для освобождения от уголовной ответственности, которые включают деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, добровольное

возмещение ущерба, назначение судебного штрафа, истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, а также применение к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия [1].

В Особенной части УК РФ ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за конкретное деяние, содержит также основания освобождения от уголовной ответственности за совершение этого конкретного преступления.

Регулирование данного института требует тонкого подхода и постоянного анализа судебной практики, чтобы исключить возможность злоупотребления и обеспечить равное и справедливое применение закона. Современная российская уголовно-правовая наука и практика ставят задачу точного определения обстоятельств, при которых лицо может быть освобождено от ответственности, что требует учета множества факторов: характера и степени общественной опасности совершенного деяния, личности виновного, степени исправления и многих других нюансов.

Суды, применяя положения об освобождении от уголовной ответственности, должны строго следовать принципам законности, справедливости и обоснованности. Решения по освобождению от уголовной ответственности должны быть мотивированы и обоснованы, чтобы исключить возможность их произвольного или необоснованного применения.

Важность института освобождения от уголовной ответственности в РФ обусловлена стремлением государства к гуманизации уголовного права, признанием ценности личности и ее способности к исправлению. Это позволяет интегрировать лиц, совершивших проступки, обратно в общество, давая им шанс на второй шанс и препятствуя маргинализации. В то же время, необходим строгий контроль за применением этого института, чтобы обеспечить защиту интересов общества и поддержание авторитета закона.

Таблица 1

Институт освобождения от уголовной ответственности в РФ

Основание для освобождения	Статья УК РФ	Условия или комментарий
Совершение преступления несовершеннолетним	Статья 87	Освобождение от уголовной ответственности при наличии воспитательного воздействия без применения уголовного наказания.
Примирение с потерпевшим	Статья 76	Для преступлений небольшой и средней тяжести при условии возмещения ущерба и примирении с потерпевшим.
Деятельное раскаяние	Статья 75	Освобождение от уголовной ответственности при условиях активного способствования раскрытию или предотвращению преступления.
Истечение сроков давности	Статья 78	Освобождение от уголовной ответственности после истечения определенного времени с момента совершения преступления.
Возмещение ущерба	Статья 76.1	Возмещение причиненного ущерба в полном объеме

Институт освобождения от уголовной ответственности, таким образом, выполняет не только наказательную, но и воспитательную функцию. Институт освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации является важной частью уголовной политики, направленной на гуманизацию уголовного права и предоставление второго шанса для лиц, осознавших свою вину и проявивших активное раскаяние. Этот институт представляет собой совокупность норм уголовного закона, которые позволяют освободить лицо от уголовной ответственности при наличии определенных законом условий, способствуя тем самым его социальной реабилитации и предотвращению новых преступлений.

Функционирование данного института основывается на принципах справедливости, индивидуализации уголовной ответственности и ее применения, что предполагает необходимость учета всех обстоятельств дела, личности виновного и степени общественной опасности совершенного преступления. Освобождение от уголовной ответственности не является автоматическим; оно требует тщательного рассмотрения каждого конкретного случая с участием компетентных органов, в том числе суда, который имеет полномочия принимать решение об освобождении от ответственности на основе закона.

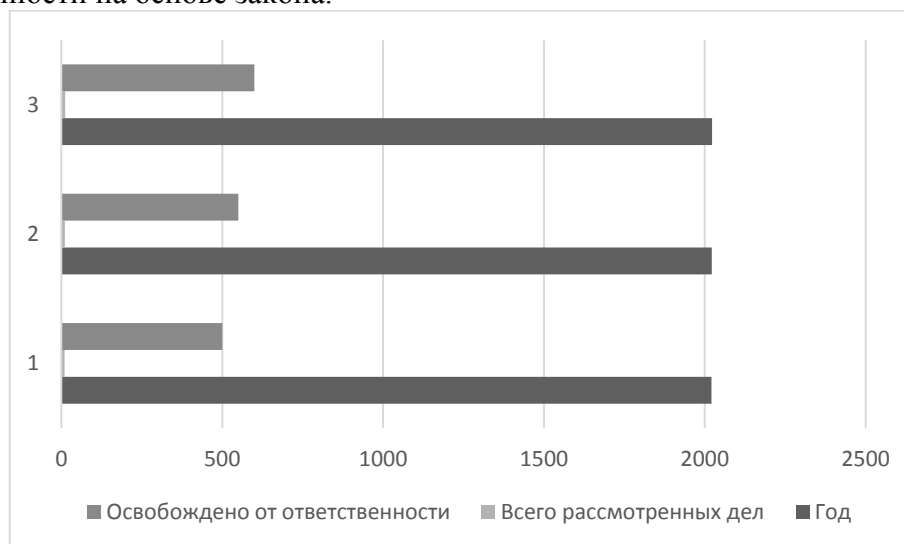

Рисунок 1 – функционирование института освобождения от уголовной ответственности

Важной чертой института является его динамичность и адаптивность к изменениям в обществе и законодательстве, что требует регулярного анализа и, при необходимости, корректировки нормативно-правовой базы в соответствии с действующими социально-экономическими условиями и уровнем преступности. Кроме того, важную роль играет правоприменительная практика, на основе которой складывается трактовка положений об освобождении от уголовной ответственности и разрабатываются рекомендации по их улучшению [3].

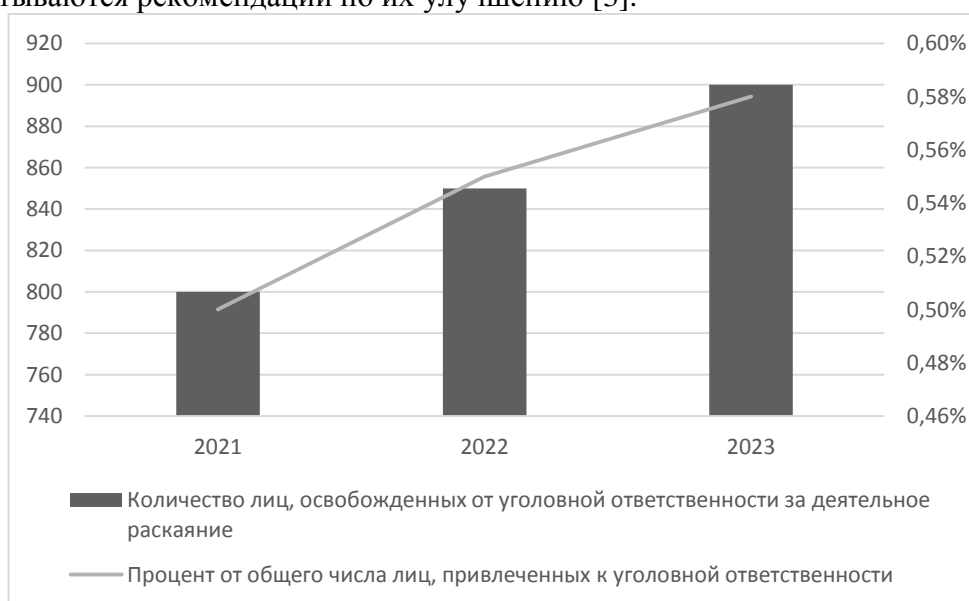

Рисунок 2 – Освобождение от уголовной ответственности по реабилитирующим обстоятельствам в связи с деятельным раскаянием

Центральной задачей в реализации института освобождения от уголовной ответственности в РФ является достижение сбалансированности между защитой прав и законных интересов граждан и необходимостью предотвращения безнаказанности преступлений. Это требует от правоохранительных органов и судебной системы высокой профессиональной подготовки и ответственности при принятии решений, а также развития механизмов контроля и обеспечения прозрачности их деятельности.

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации выполняет не только юридическую, но и социальную функцию, способствуя интеграции лиц, совершивших преступления, в общество и укреплению правопорядка, что делает его незаменимым элементом современной системы уголовного правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023)
2. Дубровина, Е. С. Проблемы совершенствования институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания в условиях гуманизации уголовного законодательства в Российской Федерации / Е. С. Дубровина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 24 (314). – С. 268-277. – URL: <https://moluch.ru/archive/314/71603/> (дата обращения: 14.02.2024).
3. Савин А. А., Мешков Д. Н. Понятие «институт освобождения от уголовной ответственности» в отечественном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-institut-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-otechestvennom-zakonodatelstve> (дата обращения: 14.02.2024).

INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Annotation. The article analyzes the institution of exemption from criminal liability, which is one of the key elements of the criminal law system. The study covers various aspects of the application of this institution: its legal foundations, conditions and consequences. The authors of the article consider both general theoretical issues and the practical application of mechanisms for exemption from criminal liability, analyzing legislative changes and judicial practice. Special attention is paid to the categories of persons who can be exempted from liability and the criteria they must meet. The issues of interaction of this institution with other norms of criminal law, its impact on the overall effectiveness of law enforcement and legal regulation of the process of exemption from liability are also considered. In conclusion, the authors formulate recommendations for improving the regulatory framework and the practice of applying the institution of exemption from criminal liability.

Keywords: criminal liability, exemption from liability, criminal law system, legislative changes, judicial practice, law enforcement, regulatory framework, criteria for exemption, legal regulation, effectiveness of justice.

Pushkareva D.

Scientific adviser: Semykina L., Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: pushkarevadarya@gmail.com

УДК 342.6

ПРОБЛЕМАТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЕЛЫ, КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рахимова В.М.

*Научный руководитель: Барбашова Н. В., д-р юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу сложившихся в институте уголовной ответственности за экологические преступления проблем. Автором рассматриваются существующие спорные моменты в его рамках: наличие в Главе 26 Уголовного Кодекса Российской Федерации подлежащих декриминализации составов, коллизии структурного построения уголовного закона и другие. В работе используются аналитический, дедуктивно-индуктивный и сравнительно-правовой методы, позволившие комплексно подойти к изучению заявленной проблематики. По итогам проделанного исследования разработаны рекомендации по улучшению юридической основы экологического правопорядка путем внесения соответствующих изменений в указанный нормативно-правовой акт.

Ключевые слова: правовой механизм, юридическая ответственность, окружающая среда, уголовный закон, общественная опасность.

Введение. На сегодняшний день, несмотря на то, что правовой механизм охраны окружающей среды прошел в своем становлении и последующем развитии большой путь, система мер юридической ответственности за посягательства на компоненты природы обилует немалым количеством пробелов и коллизий. Как отмечает О. С. Капинус, причина создавшейся ситуации видится в противоречии экономических и экологических интересов развитых государств. Обратная сторона возросшего масштаба мировой экономики заключается в ее разрушительном воздействии на окружающую природную среду. К тому же зачастую стремление получить максимальную прибыль при минимуме затрат ведет к пренебрежению элементарными требованиями экологической безопасности, экономии на установке очистных сооружений, отказу от внедрения современных технологий переработки отходов [1, с. 108].

Специалисты в области экологического права отмечают, что рост числа нарушений экологического законодательства не сопровождается адекватным ростом количества наказаний виновных лиц. Более того, значительная доля экологических правонарушений носит латентный характер. В данной ситуации возникает вопрос об эффективности норм экологического законодательства, в первую очередь относящихся к институту юридической ответственности, основной задачей которого является принудительное обеспечение исполнения субъектами экологических отношений норм экологического законодательства [2, с. 239].

При этом особое место в общей ее проблематике занимает проблематика непосредственно уголовного закона. В этой связи перед государством стоит острая необходимость существенного улучшения юридической основы экологического правопорядка, где первоочередным представляется анализ сложившихся в указанной системе проблем, а затем – разработка соответствующих рекомендаций.

Основная часть. Рассмотрим проблематику уголовной ответственности за экологические преступления дедуктивным, иерархичным (своего рода) путем.

1) Как известно, одним из основных элементов состава преступления является субъект. Однако, в отличие от правовых систем зарубежных стран, российская правовая система характеризуется одной специфической чертой: если субъектом гражданско-правового деликта или административно-правового проступка может быть как физическое, так и юридическое лицо, то в качестве субъекта преступления (в том числе – экологического) закон рассматривает лишь физическое лицо. Между тем,

огромный вес всех экологических преступлений составляют именно те общественно-опасные деяния, которые совершаются юридическими лицами. А посему проблема с невозможностью привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за экологические преступления выступает одной из самых острых в рассматриваемой нами системе, чем требует немедленного законодательного урегулирования.

В этой части наглядным примером может послужить институт уголовной ответственности юридических лиц, действующий в Латвийской Республике, которая, к слову, как и ряд других стран, с 1978 года, по рекомендации Европейского комитета по проблемам преступности Совета Европы, признала уголовную ответственность юридических лиц за экологические преступления. В свой черед, в 2005 году Уголовный закон Латвии пополнился Главой «Применяемые к юридическим лицам принудительные меры воздействия», действующей и по сей день. Так, согласно ст. 70_2 упомянутого Закона [3, с. 24], «Юридическому лицу могут быть назначены следующие принудительные меры воздействия: 1) ликвидация; 2) ограничение прав; 3) конфискация имущества; 4) денежное взыскание.». При этом, как исходит из практики латвийской судебной системы, нередко суды при вынесении приговора, признавая доказанным, что физическое лицо совершило преступление в интересах юридического лица, и последнее знало о совершении деяния, но ничего не предприняло для его предотвращения, решает вопрос о применении той или иной меры принудительного воздействия по отношению ко второму. Говоря иными словами, в Латвии к юридическому лицу применяются меры принудительного воздействия, которые, однако, уголовным наказанием не являются; причем, как важно отметить, применяются они лишь в случае осуждения физического лица, действовавшего преступным путем в интересах соответствующего юридического лица.

И именно описанная концепция, по мнению наших ведущих ученых, представляется наиболее удачной: ведь в результате ее применения удастся разьединить преступление и наказание физических лиц, и меры уголовно-правового характера для юридических лиц, являющиеся видом уголовной ответственности, но не наказанием (что очень важно).

Соответственно, если осуществить своего рода рецепцию действующей в Латвийской Республике концепции сперва в нашу правовую систему, а затем в законодательство, – именно последняя (включающая ту же ликвидацию юридического лица с учетом степени тяжести совершенного экологического преступления), на наш взгляд, поможет значительным образом повысить эффективность природоохранного механизма, ведь будет содействовать не только прекращению деятельности тех предприятий, которые наносят непоправимый вред природным экосистемам, несущих особую ценность, – но и предупреждению совершения новых преступлений иными субъектами, путем применения к ним той же конфискации имущества/денежного взыскания.

При этом в качестве самого первого шага, в рамках совершенствования уголовно-правовых норм, видится необходимым предложить изменение формулировки ст. 19 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4] на следующую:

«Уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом, а также юридическое лицо, в определенных настоящим Кодексом случаях, обладающее всеми необходимыми признаками такового».

В свою очередь, Раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» предлагаем дополнить Главой 15.3 «Меры уголовно-правового характера, применяемые к юридическим лицам», в которой установить соответствующие принудительные меры воздействия на юридическое лицо в случае совершения им преступления (в том числе экологического), а также основания и порядок их применения.

2) Несмотря на длительность существования УК РФ и сложившуюся практику его применения, следует констатировать, что часть норм об уголовной ответственности за совершение экологических преступлений не находит практической реализации: из всех статей гл. 26 УК применяются в основном те, которые предусматривают ответственность за браконьерство (ст. 256, 258, 258.1), а часть норм либо не применялись ни разу, либо применялись крайне редко. В целом УК РФ содержит 18 статей, объединенных в гл. 26, в которых прописаны 53 состава преступлений. Объектом в данном случае выступают общественные отношения в сфере обеспечения экологической безопасности, использования определенных компонентов природной среды.

Непосредственно проведенный нами анализ Главы 26 УК РФ показал, что из 18 статей 13 статей, призванных обеспечить экологическую безопасность страны, в той или иной степени содержат нормы, которые могут быть определены как «мертвые»: они либо не используются по причине различных недостатков правоприменительной практики, либо в связи с тем, что с самого начала не могли претендовать на реализацию.

В качестве примера следует в первую очередь назвать ст. 248 УК «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами» и 259 УК «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации». Как следует из материалов статистики, количество возбужденных на основании указанных составов дел в 2022 году приравнялось к нулю (к слову, стоит заметить, что такая ситуация наблюдалась с применением данных норм и ранее) [5].

В то же время, нарушение системности построения Особенной части УК РФ проявляется в наличии и таких составов, которые, учитывая видовой объект преступления, подлежат переносу из одной Главы в другую, а в нашем случае – из других Глав/Разделов как раз в Главу 26 УК РФ.

Так, в 2014 г. уголовное законодательство было дополнено ст. 191.1 «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины»; и несмотря на то, что это деяние является предикатным по отношению к преступному деянию, предусмотренному ст. 260 УК «Незаконная рубка лесных насаждений», и причиняет вред прежде всего экологическим отношениям, оно помещено в гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности».

Однако насколько это правильно и объективно, с учетом того, что предметом предусмотренного ст. 191.1 преступления, согласно п. 2 Комментария к данной статье [6], выступает заведомо незаконно заготовленная древесина (заготовленная без заключения договоров аренды лесных участков, или договоров купли-продажи лесных насаждений (допускаемых в исключительных случаях) / в объеме, превышающем расчетную лесосеку (допустимый объем изъятия древесины) / с нарушением возрастов рубок (возраст спелых древостоев, устанавливаемый для назначения их в рубку) / в отношении видов (пород) деревьев или кустарников, заготовка древесины которых не допускается), – т.е. имеет место посягательство на общественные отношения по рациональному природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности? (В этой части, к слову, стоит вспомнить, что по смыслу системы Уголовного закона основной непосредственный объект каждого из преступлений, отнесенных к соответствующей главе, должен лежать в плоскости видового объекта.)

Отдельного внимания требует ст. 226.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за контрабанду через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с

государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС ряда объектов, среди которых законодателем вписаны и особо ценные дикие животные, водные биологические ресурсы, растения и грибы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемые международными договорами Российской Федерации, их части и дериваты (производные).

Возникает вопрос: целесообразно ли объекты, которые должны охраняться нормами как раз Главы 26, помещены в Главу 24 «Преступления против общественной безопасности»? На наш взгляд, нет.

Как указывает Н.В. Барбашова, особенностью включенных в Главу 26 норм экологического содержания является отсутствие в них положений, предполагающих умышленное совершение преступления с целью устрашения населения или воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, что не позволяет квалифицировать содержащиеся в них составы экологических преступлений как террористические акты. Указанное обстоятельство существенно ограничивает возможности правоохранительных органов в противодействии совершению террористических актов, осуществляемых умышленно с целью совершения действий, которые могут негативно повлиять на состояние окружающей среды и нанести вред здоровью и самой жизни человека [7, с. 599].

Следовательно, Глава об экологических преступлениях нуждается в реанимации ряда норм, посредством осуществления следующих действий:

– декриминализации составов, предусмотренных ст. 248 и 259 УК РФ, которые, ввиду отсутствия фактов их нарушения либо их единичности, в современном уголовном законодательстве являются неработающими, а следовательно – в их наличии необходимости нет.

Конечно, нельзя не отметить того, что отмена действующих норм – это, безусловно, кардинальный шаг, в связи с чем всегда следует помнить одну фундаментальную догму: «фильтрация» Уголовного закона возможна и путем «перевода» тех или иных деяний в административно-правовую/гражданско-правовую юрисдикцию. Однако в случае с указанными составами перевод их в разряд административно-правовых/гражданско-правовых деликтов вряд ли можно считать обоснованным: ведь изменять то, что не применяется, не всегда имеет смысл. И в этой части следует согласиться с точкой зрения А. В. Иванчина: «Эффективность применения правовой нормы, конечно же, зависит от законодательной техники, от того, насколько искусно отработаны содержание и форма данной нормы. Однако крайне принципиальное значение имеет, как представляется, и правильное определение сущности правовой нормы, достижение соответствия законодательной воли объективным реалиям. Уголовно-правовые предписания, не обусловленные социально, являются мертворожденными. Следовательно, вполне мыслимо создание совершенного с точки зрения законодательной техники права, но не работающего на практике».

– включения в Главу 26 УК РФ ст. 191.1 «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины»;

– введения в Главу 26 УК РФ нормы «Контрабанда особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов (производных)».

3) Одним из самых острых «дефектов» в системе уголовно-правовой охраны природной среды выступает недооценка законодателем степени общественной опасности преступных деяний, что, в свой черед, вытекает из недопонимания катастрофических, зачастую невозполнимых последствий. Говоря иными словами, несмотря на то, что в идеале нарушения закона должны влечь применение мер

наказания, адекватных опасности, вреду данных нарушений, – на практике, применительно к анализируемой нами Главе, складывается совершенно иная ситуация: из 53 составов преступлений, содержащихся в Главе 26 УК РФ, большинство составляют деяния, которые, в соответствии со ст. 15 УК РФ, относятся к категории преступлений небольшой и средней тяжести (что, в свою очередь, нередко ограничивает возможности полномасштабного проведения всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий); за совершенно разные по общественной опасности деяния применяются одни и те же виды наказаний. По итогу, подавляющее большинство лиц, виновных в совершении экологических преступлений, осуждается к таким мерам наказания, которые вряд ли могут обеспечить сдерживание преступности в государстве.

Как показывает анализ все той же Главы, санкции составляющих ее составов достаточно разнообразны, они содержат практически все виды наказаний, кроме пожизненного лишения свободы и смертной казни; казалось бы, это должно обеспечивать назначение справедливого уголовного наказания с учетом личности виновного. Однако, как верно указывает Н. А. Лопашенко, «в некоторых случаях вариативность из блага превращается в свою противоположность... коррупционная составляющая таких санкций высока, поскольку создает искусственные стимулы и для виновных, и для судей в назначении более мягкого из этого списка наказания, при этом в полном соответствии с законом» [8, с. 337].

В итоге, выливается сложившаяся картина в следующее:

1) среди всех наказаний за совершение экологических преступлений преобладает штраф, считающийся – как нельзя не отметить – наиболее мягким видом санкций, что, в свою очередь, вряд ли, на наш взгляд, способствует не только реализации одного из принципов уголовного закона (принципа справедливости), но и полному применению природоохранного механизма.

2) в то же время, из всех содержащихся в Главе 26 составов семь не предусматривают санкцию в виде лишения свободы. Между тем, в них отражены достаточно серьезные деяния:

– в ч. 1 ст. 254 УК, устанавливающей ответственность за отравление, загрязнение или иную порчу, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде, санкция не предполагает лишения свободы;

– в ст. 257 УК, предусматривающей ответственность за нарушение правил охраны водных биологических ресурсов, повлекших массовую гибель рыбы или других водных биологических ресурсов, уничтожение в значительных размерах кормовых запасов либо иные тяжкие последствия, наказания в виде лишения свободы также не содержится.

3) наблюдается разбалансированность санкций, их явное несоответствие различным категориям преступлений [9, с. 48]:

– так, в ст. 246 и 249 УК содержатся одинаковые наказания в виде штрафа до ста двадцати тысяч рублей; однако если в первом случае деяние отнесено к преступлениям средней тяжести, во втором случае мы имеем дело с преступлением небольшой тяжести;

– за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 247 УК и относящегося к категории преступлений небольшой тяжести, предусмотрен штраф до двухсот тысяч рублей, в то время как в случае с преступлением, предусмотренным в ст. 246 УК и относящимся к категории преступлений средней тяжести, имеет место штраф до ста двадцати тысяч рублей.

4) в некоторых нормах гл. 26 УК отсутствуют низшие пределы наказания в виде лишения свободы: так, санкция ч. 3 ст. 252 УК предусматривает лишь наивысший предел – «деяния...наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо

лишением свободы на тот же срок.». Однако такое построение санкций уголовно-правовых норм вряд ли можно считать обоснованным, ведь суд может назначить наказание в диапазоне и от двух месяцев до пяти лет, что не есть целесообразным.

В итоге сложившиеся противоречия становится причиной «размытости» судебных решений, ведь четкое указание на конкретные нормы, которые были нарушены подсудимым, в таком случае затруднительно; вместо этого делается ссылка на несоблюдение виновным своей должностной инструкции либо общих норм, содержащихся в ранее упомянутом Законе «Об охране окружающей среды».

Следовательно, с учетом того, что зачастую именно адекватность санкций является одним из главных факторов, влияющим на общественное сознание и способствующим предупреждению преступлений, очень важным шагом мы считаем систематическое реформирование карательных мер Уголовного закона. В этой части все существующие противоречия и пробелы должны быть, на наш взгляд, устранены с помощью следующих действий:

- введения в ст. 15 УК РФ дополнений (путем закрепления соответствующих формулировок в каждой из частей данной нормы), которые, помимо срока лишения свободы, устанавливали бы соответствие сроков обязательных, принудительных, исправительных работ, других видов наказаний каждой из категорий преступлений;

- повышения штрафов в соответствии с тяжестью совершенного преступления, дабы назначаемое виновному судебное взыскание несло в себе не только карательную, но и объективную компенсационную роль;

- внесения коррективов в санкции ряда статей с целью обеспечения соответствия наказания – общественной опасности преступления в каждом конкретном случае (ст. 246, 247 УК РФ и др.);

- закрепления в санкциях ряда статей наказания в виде лишения свободы, с целью обеспечения назначения справедливого, объективного наказания и предупреждения совершения в последующем подобных деяний (ст. 254, 257 УК РФ);

- установления низших и высших пределов наказания в санкциях соответствующих статей, с целью обеспечения вынесения судом обоснованного решения (ст. 252 и др.);

- дополнение ст. 246–252, 254 УК РФ частями, предполагающими уголовную ответственность за умышленное негативное воздействие на соответствующие природные объекты с целью создания угрозы безопасности населения или воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

При этом в процессе реализации указанных рекомендаций хотелось бы предложить законодателю взять в качестве примера практику международных организаций и стран: к примеру, Директиву Европейского парламента и Совета 2008/99/ЕС от 19 ноября 2008 г. «Об уголовно-правовой охране окружающей среды» [10], устанавливающую уголовное наказания за нанесение серьезного вреда объектам природы и здоровью человека на территории Европейских стран.

Кроме того, хотелось бы вынести на рассмотрение вопрос включения в систему наказаний таких видов, не связанных с изоляцией от общества, как ссылка и высылка: их особая актуальность обуславливается тем, что многие из экологических преступлений совершаются в определенной географической местности (к примеру, различные виды браконьерства, предусмотренные составами ст. 256, 258, 258.1); следовательно, как раз исключение виновных из мест, богатых природными ресурсами, возымеют, на наш взгляд, значительный предупредительный эффект, лишив указанных лиц возможности совершения соответствующих преступлений.

Заключение. Современный правовой природоохранный механизм в части установления норм юридической ответственности за совершаемые экологические посягательства характеризуется рядом пробелов и коллизий, среди которых особое

место занимает проблематика Уголовного закона. Учитывая то, что обеспечение экологического правопорядка и благосостояния в целом относится к ряду первоначальных задач любого государства (Российской Федерации в частности), выдвижение идей, рассмотрение возможных путей совершенствования сложившейся на сегодня системы юридической ответственности за экологические преступления – это как раз та парадигма, которая должна стать центром внимания нашего законодателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капинус О.С. Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 107-112.
2. Барбашова Н.В. Экологическое право. Учебник для специалитета.–Москва: ИНФРА-М, 2022.- 538 с.
3. Уголовный закон Латвии: Закон, принятый Сеймом 17 июня 1998 года и обнародованный Президентом государства 8 июля 1998 года (с изменениями, внесенными по состоянию на 21 апреля 2016 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf> (дата обращения: 03.02.2024). – Загл. с экрана.
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации: последняя редакция с Комментариями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ugolkod.ru/> (дата обращения: 03.02.2024). – Загл. с экрана.
5. Уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании по статьям УК // Официальный сайт судебной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn---7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 03.02.2024). – Загл. с экрана.
6. Узденова М.Н. Хранение, перевозка и переработка как формы незаконного оборота древесины (ст. 191. 1 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). С. 221-226.
7. Барбашова Н.В. Особенности уголовной ответственности за экологический терроризм. Научные труды РАЮН. Выпуск 23.– М.: Издательская группа «Юрист», 2023, С. 596-600.
8. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 526 с.
9. Милуков С.Ф., Кузнецова Н. И. Современные тенденции развития уголовно-экологической политики // Научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 42-52.
10. Директива Европейского парламента и Совета 2008/99/ЕС от 19 ноября 2008 г. «Об уголовно-правовой охране окружающей среды» // Справочно-поисковая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2567903/> (дата обращения: 03.02.2024). – Загл. с экрана.

THE PROBLEM OF CRIMINAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL CRIMES: GAPS, CONFLICTS AND WAYS TO OVERCOME THEM

Annotation. This article is devoted to the issue of the problems that have developed in the Institute of criminal responsibility for environmental crimes. The author examines the existing controversial issues within its framework: the presence of constitutions subject to decriminalization in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, conflicts in the structural construction of the criminal law, and others. The work uses analytical, deductive-inductive and comparative legal methods, which allowed a comprehensive approach to the study of the stated problems. Based on the results of the study, recommendations have been developed to improve the legal basis of environmental law and order by making appropriate changes to the specified normative legal act.

Keywords: legal mechanism, legal responsibility, environment, criminal law, public danger.

Rakhimova V.

Scientific adviser: Barbashova N., Doctor of Law, Professor

Donetsk State University

E-mail: victoria.rahimova2001@mail.ru

УДК 343.102

ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Руденко В. П.

*Научный руководитель: Гулина С. Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе на основе положений законодательства Российской Федерации, точек зрения ученых-правоведов рассматриваются актуальные проблемные вопросы, которые имеют место при осуществлении надзора прокурора за соблюдением законности на стадии предварительного расследования. Возникновению рассмотренных в работе проблем предшествовало реформирование правового статуса прокурора в уголовном процессе. Автором отмечаются конкретные предложения, которые будут решать указанные в работе проблемы. Делается вывод о том, что сегодня имеется обширный массив нерешенных проблем, а их разрешение будет напрямую влиять на качество прокурорского надзора на досудебной уголовно-процессуальной стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурорский надзор, уголовный процесс, стадия предварительного расследования, требование прокурора, органы предварительного расследования.

В статье 2 действующей Конституции Российской Федерации закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита этих прав и свобод – это обязанность государства [1]. На сегодняшний день можно обнаружить, что деятельность органов предварительного расследования сопровождается увеличением случаев, которые связаны с нарушением прав и свобод многих участников уголовного судопроизводства. Поэтому в современности большую значимость стал приобретать прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия в досудебном производстве. Нужно обратить внимание и на то, что в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») закрепляется обязанность прокуроров осуществлять данный вид надзора ввиду её прямой регламентации в главе 3 данного закона.

Цель настоящего исследования: анализ, а также обозначение решений проблемных вопросов надзора прокурора за соблюдением законности на стадии предварительного расследования, применяя законодательство Российской Федерации и анализируя точки зрения ученых-правоведов в исследуемой области прокурорского надзора.

Актуальность темы данного научной статьи заключается в том, что качество осуществления прокурорского надзора напрямую имеет влияние на борьбу с преступностью в современном обществе. Благодаря данной деятельности прокуроров осуществляется основное назначение уголовного процесса, согласно ст. 6 УПК РФ, – это защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод [2]. Приведённый тезис подтверждает и статья 31 ФЗ «О прокуратуре РФ», которая закрепляет полномочие Генеральной прокуратуры РФ по ведению состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора [3]. Однако данное направление правового регулирования содержит определённый ряд проблемных вопросов, что также предопределяет актуальность темы данного исследования.

Теперь непосредственно рассмотрим проблемы прокурорского надзора на данной стадии уголовного процесса. Первой их них необходимо признать то, что при осуществлении уголовного преследования прокурор не может прекратить уголовное дело, которое, по его мнению, было возбуждено незаконно. Чтобы осуществить данное процессуальное действие, прокурору необходимо обращаться к руководителю

следственного органа, если оно подведомственно следователю, что является сложной процедурой. Поэтому мы считаем необходимым закрепить в ст. 37 УПК РФ правомочие прокурора прекращать уголовное дело, являющееся незаконным и необоснованным.

Вторая проблема будет затрагивать применение должностными лицами такой меры процессуального принуждения, как заключение под стражу. Данное ходатайство, согласно действующего УПК РФ, вправе возбуждать лишь следователь и дознаватель перед судом, предварительно согласовав возможность применения данной меры с руководителем следственного органа или с прокурором. Прокурор же никакой роли в данном процессе не играет, хотя целесообразно, чтобы он мог также возбуждать ходатайство о применении в отношении обвиняемого данной меры пресечения.

Необходимо отметить, что все упомянутые проблемы собираются «как снежный ком» с того момента, когда Федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре РФ» было исключено полномочие прокурора по возбуждению уголовного дела. Ранее в нашем исследовании эта проблема обозначалась, указана необходимость расширить полномочия прокурора, а именно вернуть полномочие о возбуждении уголовного дела путем внесения изменений в ст. 37 УПК РФ [4, с. 217], и это должно автоматически разрешить многие проблемы надзорной деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам.

Эти реформы в пользу исключения правомочий прокурора были направлены на то, чтобы деятельность данного должностного лица имела лишь надзорную функцию, при этом обеспечивала законность уголовного процесса, не имела заинтересованности в исходе уголовного дела, однако это также влияет на качество осуществления надзора.

Следует отметить третью проблему – это закрепление в уголовно-процессуальном законе такого акта прокурорского реагирования как требование. Стоит отметить, что этот акт является самой распространённой формой реагирования прокурора на выявленные нарушения федерального законодательства. Его назначение заключается в том, чтобы устранить определенные нарушения закона, которые допускались при производстве конкретного уголовного дела, однако ни в УПК РФ, ни в ФЗ «О прокуратуре РФ» не регламентируется ни его форма, ни содержание, ни процедура исполнения. Данная проблема подлежит разрешению путем внесения соответствующих изменений в законодательство, однако стоит отметить, что действующим УПК РФ в п. 3 ч. 2 ст. 37 закреплено лишь полномочие прокурора требовать от органов дознания и следствия устранения нарушений закона, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия. Регламентация данного акта реагирования будет способствовать осуществлению правомерного и качественного прокурорского надзора.

Четвертая проблема будет затрагивать обвинительный процесс, в котором прокурор, мы считаем, по сути не играет никакой роли. Согласно УПК РФ, он не имеет полномочий по изменению обвинения на менее тяжкое, исключать из него отдельные пункты. Однако, исходя из смысла ч. 3 ст. 37 УПК РФ, в дальнейшем, в ходе судебного производства по уголовному делу, прокурору всё же придется поддерживать это государственное обвинение [2]. Но так как это должностное лицо обладает полномочием в ходе досудебного производства утверждать обвинение, данное действие он может осуществить лишь в том случае, «если будет убежден, что выводы следователя (дознателя) соответствуют установленным в ходе расследования обстоятельствам, что квалификация содеянного верна, доказательственная база собрана в полном объеме... проверяя уголовное дело, находящееся у прокурора, последний обязан оценить насколько всесторонне, полно и объективно проведено расследование, доказательственные факты, верность квалификации деяния» [5, с. 115]. В противном же случае, уголовное дело возвращается прокурором на дополнительное расследование.

Возвращение уголовного дела на дополнительное расследование во многом связано с такими причинами: неверная формулировка обвинения, неправильная квалификация деяния, некачественное и несвоевременное производство следственных действий, неправильное оформление сведений доказательственного характера. Поэтому, мы считаем, что целесообразно было бы закрепить возможность принимать участие прокурору в составлении обвинительного заключения, чтобы облегчить процедуру производства предварительного расследования и осуществления надзора.

Предыдущий тезис также обосновывается тем, что при возврате уголовного дела и при вынесении постановления прокурором о нарушениях, которые необходимо устранить, его указания выполняются не качественно из-за многих причин. Поэтому это уголовное дело должно возвращаться до тех пор, пока указания должностного лица – прокурора – не будут выполнены в полном объеме поднадзорными субъектами.

Следующая проблема будет затрагивать предмет прокурорского надзора, который, как можно заметить из формулировок как УПК РФ, так и ФЗ «О прокуратуре РФ», несколько различен. При обращении к положениям УПК РФ, можно заметить, что прокурор – это лицо, которое осуществляет надзор по отношению к органам предварительного расследования. В положениях ст. 29 ФЗ «О прокуратуре РФ» предмет надзора составляет соблюдение прав и свобод человека и гражданина, соблюдение порядка проведения расследования, законность решений органов предварительного расследования. Мы считаем, что данная проблема является существенной и создаёт неопределённость при идентификации предмета и пределов прокурорского надзора.

К тому же важно отметить, что отмеченный проблемный вопрос вызывает многие дискуссии среди учёных-правоведов, при этом нечеткое и размытое понимание предмета в правоприменительной деятельности может повлечь нарушение прав участников уголовного судопроизводства, а именно органов дознания и предварительного следствия ввиду выхождения за пределы надзорных полномочий прокурором. Следовательно, имеет смысл разрешить эту проблему для обеспечения законности и эффективности осуществления прокурорского надзора в рассматриваемом направлении.

Чтобы решить данную проблему, необходимо внести соответствующие изменения в тот или иной законодательный акт. Однако мы склонны согласиться с точкой зрения Набиуллина Д.Ш. и Гончарова Д.Ю., которые в своей научной статье также отмечают данную проблему и предлагают внести изменения не в ФЗ «О прокуратуре РФ», а в действующий УПК РФ. По их мнению, закон о прокуратуре более содержательно излагает предмет надзора прокурора, здесь более четко выделяется специфика надзорной функции, осуществляемой органами прокуратуры, поэтому целесообразнее привести ст. 37 УПК РФ в аспекте данного вопроса в соответствии с положениями закона о прокуратуре, который верно определяет понятие предмета надзора [6, с. 25].

Заключительной проблемой, которая будет рассмотрена в данном исследовании, является порядок осуществления надзора прокурора за соблюдением конституционных прав граждан при осуществлении предварительного расследования. Эта проблема возникает, например, при проверке материалов дела, которые поступили прокурору с обвинительным заключением. Здесь прокурорскому работнику необходимо проверять исполнение требований УПК РФ об уведомлении участников уголовного процесса о завершении процессуальной стадии предварительного расследования, о соблюдении права на ознакомление с материалами уголовного дела, на рассмотрение и разрешение ходатайств. Поэтому этим должностным лицам следует внимательно проверять законность процессуальных действий участников судопроизводства и соблюдение конституционных прав граждан, которые стали субъектами уголовного процесса.

Данная проблема указывает на реализацию полномочия прокурора ознакомиться с материалами уголовного дела, которое находится в производстве соответствующих должностных лиц. Однако, мы считаем, что данного правомочия недостаточно для своевременного обнаружения нарушений федерального закона. Это лишний раз говорит о необходимости возврата полномочий прокурорскому работнику, регламентирующих процессуальное участие должностного лица в области уголовного преследования.

Подводя итог данной работы, необходимо сделать вывод о том, что существует достаточное количество проблем, которые будут решаться путем внесения изменений в действующее законодательство РФ. Так как мы придерживаемся позиции, в которой прокурор будет значимой фигурой в уголовном процессе, ему необходимо вернуть полномочия по прекращению уголовного дела, обеспечить возможность применения мер процессуального принуждения, а также участия в обвинительном процессе. Все эти изменения, по нашему мнению, будут влиять на качество прокурорского надзора на уголовно-процессуальной стадии предварительного расследования. Но стоит отметить, что полномочие по проверке законности и обоснованности решений уголовного дела является приоритетным направлением прокурорского надзора, так как это определяет движение самого уголовного дела. Также необходимо признать, что правовой статус прокурора подлежал реформированию множество раз. Однако мы считаем, что расширение полномочий прокурора будет напрямую способствовать повышению эффективности расследования, уровня ответственности сотрудников, своевременного и качественного осуществления прокурорского надзора, что в конечном счете будет укреплять законность на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и являться следствием процесса борьбы с преступностью в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 05.10.2022 № 5-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 05.10.2022, № 31.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. от 11.06.2022 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Руденко В.П., Гулина С.Н. К вопросу о проблемном аспекте прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации / В.П. Руденко, С.Н. Гулина // Актуальные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики, Донецк, ДонНУ. – 2022. – С. 214-218.
5. Горкина, Е. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора на стадии предварительного расследования / Е. В. Горкина, Е. В. Токарева // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития, Санкт-Петербург. – 2020. – С. 113-117.
6. Набиуллин, Д. Ш. Некоторые проблемы осуществления надзорных полномочий прокурором в стадии предварительного расследования / Д. Ш. Набиуллин, Д. Ю. Гончаров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 24-28.

PROBLEM ASPECT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH THE LAW AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Annotation. In this work, based on the provisions of the legislation of the Russian Federation and the points of view of legal scholars, current problematic issues that arise during the prosecutor's supervision of compliance with the law at the stage of preliminary investigation are considered. The emergence of the problems discussed in the work was preceded by the reform of the legal status of the prosecutor in criminal proceedings. The author notes specific proposals that will solve the problems mentioned in the work. It is concluded that today there is a vast array of unresolved problems, and their resolution will directly affect the quality of prosecutorial supervision at the pre-trial criminal procedural stage of the preliminary investigation.

Keywords: prosecutorial supervision, criminal process, stage of preliminary investigation, prosecutor's requirement, subject of supervision.

Rudenko V.

Scientific adviser: Gulina S., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: rvp.03@mail.ru

УДК 331.5-053.6

ИНСТИТУТ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В РОССИИ

Руденко В. И.

***Научный руководитель: Дорошева Е. Н., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»***

Аннотация. В данной работе рассматриваются некоторые особенности наследования выморочного имущества в Российской Федерации. Выявлены и проанализированы возможные причины рассмотренных практических вопросов. Предлагаются рекомендации по усовершенствованию законодательства по исследуемой теме. Также подчеркивается актуальность издания специального закона, который в полной мере урегулирует вопросы, касающиеся выморочного имущества.

Ключевые слова: наследование, выморочное имущество, государство, бесхозное имущество, право.

Наследование является одним из основных устойчивых институтов гражданского права, в основу которого заложены положения Конституции России, которые гарантируют право наследования. Ученые-цивилисты Додонов В.Н., Ермаков В.Д. и Крылова М.А. отмечают, что наследование – переход прав и обязанностей умершего (наследодателя) к его наследникам [1].

Выморочным имуществом (лат. bona vacantia, нем. erblose Güter, англ. escheated property) является категория наследуемого имущества, на которое в силу определенных обстоятельств не претендуют или не могут претендовать или отказываются от получения наследники умершего. Исторически институт выморочного имущества является неотъемлемой частью наследственного права множества государств. Первые упоминания о такой практике берут начало в Древнем Риме, а в настоящее время институт наследования выморочного имущества применяется в большинстве стран [2]. Правовое и социальное значение наследования выморочного имущества велико, поскольку целью данного института является эффективное использование имущества, обеспечение его сохранности и предотвращение признания имущества бесхозным.

В Российской Федерации существует ряд особенностей и ограничений, которые могут затруднять передачу такого имущества по наследству. Необходимость изучения этих проблем и поиска путей их решения становится все более актуальным в свете изменяющихся законодательных требований.

К основным проблемам в сфере наследования выморочного имущества можно отнести отсутствие четкого определения выморочного имущества в законодательстве Российской Федерации. Статья 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) устанавливает лишь признаки выморочного имущества [3]. Это влияет на возможность его правильной классификации при наследовании и может вызывать споры между наследниками. Кроме того, существуют ограничения на передачу некоторых видов выморочного имущества, таких как предметы культурного значения или имущество, связанное с деятельностью определенных отраслей экономики.

Содержательная характеристика выморочного имущества, несмотря на всю нормативную определенность в гражданском праве, несет в себе некоторую двойственность, являющуюся следствием различных концептуальных подходов к сути этого явления. Безусловно, с одной стороны, многочисленные дискуссии позволили

достичь значительной ясности в понимании правовой природы выморочности. С другой стороны, периодически дополняемое новыми сюжетами законодательство отражает все еще сохраняющуюся потребность в более глубоком и всестороннем понимании института выморочного имущества и механизма управления им.

В связи с универсальностью наследственного правопреемства, в качестве выморочного имущества государству могут перейти, например, и обязательства наследодателя перед третьими лицами, тогда как бесхозной в Российской Федерации (далее – РФ) по действующему законодательству может быть только вещь как объект материального мира.

С бесхозным имуществом проблемные вопросы часто возникают в следствии того, что местные власти не работают с ним должным образом и не уделяют должного внимания. Они могут не ставить объекты на учет и не заниматься их содержанием, растягивая эти процессы во времени практически до неограниченности. Это объясняется тем, что не все обязанности органов местного самоуправления относительно бесхозных объектов четко определены в нормативно-правовых актах. Может возникнуть и обратная ситуация в случае, если муниципалитет пытается получить в собственность имущество, которое уже имеет своего владельца.

Также немалое количество споров по поводу бесхозного имущества вытекает из-за наличия тонкой грани между фактической бесхозностью имущества и переходом права собственности в пользу государства или иного собственника.

Юридические аспекты наследования выморочного имущества в РФ являются одной из основных проблем, с которыми сталкиваются наследники. Выморочное имущество, такое как долги и обязательства перед третьими лицами, может значительно осложнить процесс наследования и создать непредвиденные финансовые обязательства для наследников.

Одной из причин данной проблемы является отсутствие четкого регулирования правил наследования выморочного имущества в законодательстве. Наследники могут быть неосведомлены о существующих долгах или обязательствах умершего, что может привести к несправедливому распределению имущества или возникновению юридических споров.

В связи с указанными особенностями существует необходимость самостоятельной процедуры регулирования вопросов учета, оценки и реализации именно выморочного имущества, а также автором предлагается юридически закрепить статус бесхозного имущества. Для решения данной проблемы необходимо разработать более подробные и понятные правила наследования выморочного имущества. Законодатели должны предусмотреть обязательность предоставления информации о долгах и обязательствах умершего со стороны исполнителей завещания или нотариуса. Также необходимо создание единой базы данных, в которой бы хранилась информация о задолженностях наследодателя.

Проблема определения статуса государства как участника общественных отношений, возникающих в ходе наследования, также является одной из актуальных в теории и практике современного гражданского права [4]. Так гражданское право устанавливает государство одним из участников наследственных правоотношений. Российская Федерация, как публично-правовое образование, имеет право наследования, но при этом правовой статус государства отличается от правового статуса наследника какой-либо очереди. Поэтому стоит говорить об особом статусе выморочного имущества, который приобретает лишь при соблюдении законодательно установленных условий и об особом положении государства, которое наследует указанное имущества [5].

Также можно отметить, что представляется целесообразным установление порядка перехода выморочного имущества к Российской Федерации, срока принятия

выморочного имущества и возможности отказа от него. Если государство пропускает срок или отказывается принять выморочное имущество, то должно возникнуть право перевести его в категорию бесхозяйного для дальнейшего определения его юридической судьбы.

В работе предлагается необходимость законодательного урегулирования вопросов перехода отдельных видов имущества к Российской Федерации, включая права, связанные с участием в хозяйственных товариществах и производственных кооперативах, потребительских кооперативах, имущества членов крестьянского (фермерского) хозяйства, земельных участков, в том числе тех, которые принадлежат наследодателю на праве пожизненного наследуемого владения, предприятий, авторских и смежных прав.

Сложность продажи или использования выморочного имущества является одной из практических проблем в связи с его специфичностью или непопулярностью. Наследникам может быть проблематично найти покупателя для такого имущества или использовать его в целях получения дохода.

Для решения этих вопросов необходимо проводить более тщательную работу по документированию выморочного имущества, облегчить процедуру налогообложения при его наследовании. Кроме того, государство может предоставлять поддержку и содействие в продаже или использовании такого имущества, например, через создание специальных программ или фондов.

В настоящее время правовое регулирование института наследования выморочного имущества имеет недостаточно полную правовую регламентацию, что, соответственно, может привести к большому числу противоречий и судебных споров. Эти вопросы требуют уточнения для обеспечения справедливого единообразия в практике определения дальнейшей юридической судьбы выморочного имущества, а также исключения противоправного завладения имуществом и пресечения таких действий, которые могут привести к бесхозяйности имущества [6].

Вопросы, связанные с наследованием выморочного имущества, должны содержаться в специальном Проекте закона РФ «О наследовании вымороченного имущества», который должен включать в себя:

- понятие выморочного имущества, а не только его признаки;
- определение сущности перехода выморочного имущества государству и муниципальным образованиям;
- срок для принятия наследства наследниками и срок для принятия наследства государством как выморочного (время, когда наследство можно считать выморочным);
- четкое описание случаев, когда имущество (полностью или частично) является выморочным;
- порядок учета, перехода, оценки и реализации такого имущества;
- регламентацию механизма оплаты долгов наследодателя за счет выморочного имущества;
- четкое определение случаев возможного возврата имущества, учтенного в качестве выморочного иным наследникам;
- определение компенсации при невозможности возврата имущества в натуре;
- урегулированный на основе норм международного права порядок наследования движимого и недвижимого выморочного имущества, а также ряд других вопросов;
- меры, предотвращающие злоупотребления в области наследования выморочного имущества, формы ответственности за нарушение закона;
- особенности наследования государством в качестве выморочного имущества отдельных категорий имущества, имеющих определенную специфику, в особенности это относится к наследованию объектов недвижимости (земельные участки,

предприятия, жилые дома, квартиры и т.д.), акций и долей в капитале общества, оружия, неимущественных права и прочих видов имущества, для которых законодателем установлен особый режим регулирования и охраны;

–вариант пропуска срока и отказа Российской Федерации от принятия выморочного имущества;

–право осуществить перевод выморочного имущества в категорию бесхозного для определения его последующей юридической судьбы и др.

При определении объема наследственной массы необходимо учитывать культурную и иную ценность и назначение имущественных объектов при передаче выморочного имущества из государственной собственности в собственность муниципальных образований. Также необходимо учитывать общие принципы и начала разделения государственной собственности и собственности муниципальных образований. Регулирование этих вопросов требует учета особенностей установленного законодательством правового режима отдельных видов имущества, условий и порядка реализации объектов, входящих в состав выморочного имущества и т.д.

Также важно проводить информационную работу среди граждан, чтобы они осознавали свои права и обязанности при наследовании такого имущества. Проведение специальных семинаров и консультаций по темам проблем наследования выморочного имущества и возможных путях их решения поможет гражданам разобраться в сложностях процесса наследования и принять обоснованные решения. Кроме того, стоит усилить контроль со стороны государства за соблюдением законодательных требований в этой области. В результате этих усилий можно будет решить некоторые проблемы, связанные с наследованием выморочного имущества в РФ и обеспечить более справедливое распределение такого имущества между наследниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Додонов В.Н. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова – М.: ИНФРА-М. – 2001. – 790 с.
2. Демичев А.А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – №1 (25). – С. 88-92.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. – 03.12.2001. – № 49. – ст. 4552.
4. Гайбатова К.Д., Султанова М.Б. Особенности наследования выморочного имущества // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2016. – №3. – С. 91-93.
5. Болотникова Л.С. Коллизионные проблемы регулирования наследования выморочного имущества в международном частном праве // Вопросы российской юстиции. – 2019. – №4. – С. 117-123.
6. Логвин Р.Б. Государство как субъект наследственного права // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – С. 13-16.

INSTITUTE OF INHERITANCE OF ESCAPE IN RUSSIA

Annotation. This paper examines some of the features of inheritance of escheated property in the Russian Federation. Possible causes of the considered practical issues are identified and analyzed. Recommendations are offered for improving legislation on the topic under study. The relevance of issuing a special law that will fully regulate issues related to escheated property is also emphasized.

Keywords: inheritance, escheated property, state, ownerless property, law.

Rudenko V.

Scientific supervisor: Dorosheva E., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University

E-mail: vladarudenko2001@yandex.ru

УДК 347.440

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Савич Е. О.

*Научный руководитель: Олейникова А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В рамках исследования приводятся доктринальные мнения насчёт определения смарт-контрактов. Помимо этого, принимается во внимание применение зарубежных положений о правовой природе смарт-контракта. Автором предложено собственное определение смарт-контракта. Методологическую основу исследования составили такие общенаучные методы, как анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция. В результате было установлено, что особенность смарт-контракта заключается в том, что воля субъекта выражается с помощью специальных технических средств в виде программного кода, при этом волеизъявление на заключение договора одновременно означает волеизъявление на его исполнение при наступлении определенных условиями договора обстоятельств. По итогам исследования была отмечена необходимость поправок, которые могли бы восполнить образовавшиеся в действующем законодательстве пробелы в отношении смарт-контрактов.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, цифровизация, программный код

Регулирование имущественных отношений через смарт-контракты является важной темой для исследования, поскольку в современном мире прослеживается тенденция к активной цифровизации данной сферы. Смарт-контракты, основанные на технологии блокчейн, в зарубежных странах представляют собой новый способ заключения и исполнения договорных обязательств. Смарт-контракты могут существенно повысить эффективность и надежность коммерческих сделок за счет автоматизации исполнения условий договора и минимизации роли человеческого фактора. Вместе с этим, на текущий момент в российском законодательстве отсутствуют четкие нормы, регулирующие использование смарт-контрактов, что создает правовую неопределенность для участников рынка.

Обращение к научной литературе по изучению современных тенденций и опыта зарубежных стран указывает на то, что в настоящее время исследователя фокусируют внимание на различные сферы применения договоров в регулировании имущественных отношений. Исследования проводятся предметно, относительно конкретного вида договоров. Например, в публикации В.В. Моспан внимание фокусируется на договоре аренды земельных участков по законодательству Российской Федерации и европейских стран [1, с. 224], в работе Е.В. Осадчей осуществляется сравнительный анализ правового регулирования договора банковского вклада в России и зарубежных странах [2, с. 138].

Однако наиболее релевантной темой для изучения являются аспекты трансформации правовой природы гражданско-правовых соглашений ввиду повсеместной тенденции цифровизации и информатизации гражданского права. Одним из наиболее заметных проявлений цифровизации в области договорных правоотношений является появление смарт-контрактов (от англ. «smart» – умный, «contract» – контракт, договор). Вопросы изучения данного феномена посвящено множество работ, причём многие из них фокусируют внимание на анализ зарубежной практики правового регулирования.

Основная цель данной работы – обобщить и систематизировать опыт зарубежных стран в правовом регулировании имущественных отношений посредством смарт-контрактов с позиции современной тенденции цифровизации.

Прежде всего, следует отметить, что в Российской Федерации данный процесс имеет нормативную правовую основу, заложен в фундамент государственной политики долгосрочного, стратегического развития, что подтверждается Указом Президента

Российской Федерации от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [3].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [4], сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Одной из задач программы является создание системы правового регулирования цифровой экономики, для чего создан федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», предусматривающий разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики в различных сферах. Одним из ключевых аспектов адаптации гражданского права к современным реалиям цифровизации стало включение в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) понятия «цифровые права» как объекта гражданских прав [5].

Рассматривая новацию смарт-контракта в сфере регулирования имущественных отношений через гражданско-правовые отношения, следует отметить, что в настоящее время в ГК РФ и иных законах отсутствует такое понятие, ведётся активная дискуссия об определении правовой природы смарт-контрактов и форме их закрепления в российском законодательстве. В доктрине гражданского права также присутствует неоднозначная позиция учёных о сути данного феномена. Например, в публикации М. А. Шапиро предпринимается попытка описать правовую природу смарт-контракта, описывается концепция его сущности и интерпретируется как: «...компьютерный код, адаптирующийся под определенные потребности и обстоятельства участников сделки и в том числе в случаях, связанных с исполнением принятых обязательств, заключения договора» [6, с. 448].

В другой работе О. В. Гриднева, Д. А. Шаповалов, П. В. Настюк, авторы полагают, что смарт-контракт – это договор, заключенный на небумажном носителе для автоматического выполнения прямо определенных действий при наступлении соответствующих обстоятельств, предусмотренных договором. Такая юридическая конструкция может быть размещена на сайте в сети «Интернет» в виде публичной оферты» [7, с.18].

В докладе Центрального банка Российской Федерации по развитию рынка цифровых активов в Российской Федерации, опубликованного осенью 2022 г. под смарт-контрактом понимается «программный код (алгоритм), согласно которому в распределенном реестре устанавливаются права и обязанности сторон, обстоятельства договорных отношений, а также дальнейшее автоматическое выполнение» [8].

Анализируя изложенное следует отметить, что смарт-контракты – это программы, которые автоматически выполняют условия договора, как только они выполняются. Это может значительно упростить процесс выполнения и исполнения договоров, а также уменьшить вероятность споров и конфликтов.

В зарубежных странах по-разному регулируются аспекты регулирования имущественных отношений посредством смарт-контрактов.

Впервые идею о смарт-контракте предложил в 1994 г. предложил американский учёный в области информатики, криптографии Н. Сабо. Как утверждал исследователь, смарт-контракт можно определить как компьютеризированный транзакционный протокол, который исполняет условия контракта, минимизируя при этом необходимость посредничества и снижая связанные с этим издержки. В своей концепции Н. Сабо выдвинул амбициозную идею о том, что смарт-контракты могут освободить общество от зависимости от посредников, к которым относятся банки, страховые компании и другие организации, играющие ключевую роль в исполнении и обеспечении обязательств.

Для иллюстрации работы смарт-контрактов Н. Сабо использовал аналогию с торговым автоматом. После того как покупатель выполнил обязательство (в данном случае, внес деньги), сделка автоматически заключается без участия третьих лиц: покупатель получает выбранный товар, а продавец – оплату. Этот пример наглядно демонстрирует основной принцип работы смарт-контрактов.

Исследователи, ранее занимавшиеся изучением правовой природы смарт-контрактов, замечают, что в его основе заложена технология блокчейн (англ. «blockchain», «block» – блок, «chain» – цепь) – это распределенная база данных, состоящая из «цепочки блоков», устройства хранения блоков не подключены к общему серверу, база данных позволяет контролировать достоверность транзакций без надзора каких-либо финансовых регуляторов. Каждый блок содержит информацию о предыдущем блоке, что обеспечивает надежность и целостность данных. Технология блокчейн позволяет участникам сети достигать консенсуса без необходимости центрального управления. Блокчейн обеспечивает надежность и прозрачность смарт-контрактов, что делает их более эффективными и безопасными.

Ввиду американского происхождения концепции смарт-контракта, развитие его правового регулирования получило, прежде всего, в США. Тем не менее, в США на федеральном уровне нет единого Акта, четко определяющего статус смарт-контрактов. Однако Акт об электронных подписях в глобальной и национальной торговле 2000 г. (Electronic Signatures in Global and National Commerce Act) может обеспечить определенный юридический вес для применения смарт-контрактов в соответствии с действующим законодательством [9]. На уровне штатов Комиссия по единообразному законодательству издала Единый Акт об электронных транзакциях (Uniform Electronic Transactions Act – UETA) в 1999 г., который с тех пор был принят 47 штатами [10].

В ст. 12 UETA указано, что: «записи или подписи не может быть отказано в юридической силе или возможности приведения в исполнение только потому, что они в электронной форме» и что «контракту не может быть отказано в юридической силе или возможности приведения в исполнение только потому, что при его формировании использовалась электронная запись».

Следует отметить, что штат Аризона является единственным, который принял закон, прямо одобряющий смарт-контракты, что подтверждается законом штата Аризона №НВ 2417. В данном законе присутствует следующее определение искомой категории: «управляемая событиями программа с состоянием, которая работает в распределенной, децентрализованной, общей и реплицируемой бухгалтерской книге и которая может осуществлять хранение и передачу активов в этой бухгалтерской книге» [11].

Важно отметить, что в Великобритании прослеживается подход, согласно которому смарт-контракты напрямую идентифицируются как гражданско-правовые соглашения. Так, 14 декабря 2017 г. Комиссия по совершенствованию законодательства Великобритании (Law Commission) опубликовала XIII Программу правовой реформы. В данной Программе смарт-контракты определяются как самоисполнимые договоры, записанные с помощью компьютерного кода. Программа указывает на необходимость анализа действующей системы правовых норм и удостоверения того, что действующее правовое регулирование содействует использованию смарт-контрактов. В то же время в данном акте сформулирован ряд вопросов, которые требуют своего решения в связи с применением смарт-контрактов. В частности, отсутствие возможности удаления или изменения данных, записанных в блокчейн-коде, препятствует, например, исправлению несправедливых договорных условий обычным способом (п. 2.38—2.39 Программы) [12].

Учитывая, что смарт-контракт предполагает необходимость достижения между его сторонами соглашения, представляет интерес вопрос об особенностях применения

к ним положений гражданского законодательства, регулирующего оферту и акцепт. А. И. Савельев в этой связи отмечает, что оферта и акцепт при использовании смарт-контракта могут быть выражены:

1) в письменном договоре, который стороны заключают на входе в блокчейн и в котором согласовываются, в частности, условия будущих смарт-контрактов или порядок их определения. В данном случае может быть применена конструкция рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ);

2) в форме click-wrap – соглашения, условия которого изложены в электронной форме и принимаются кликом (щелчком мыши) в поле «Я согласен» [13, с. 94].

Необходимо отметить, что применительно к click-wrap-соглашениям в сфере программного обеспечения, заключаемым в порядке п. 3 ст. 1286 ГК РФ, неприменимы требования п. 2-6 ст. 1235 ГК РФ о существенных условиях для лицензионных соглашений. С учетом данных разъяснений в большинстве случаев предложение принять условия click-wrap-соглашений соответствует признакам публичной оферты, когда из него усматривается воля правообладателя считать себя связанным его условиями в случае их принятия другой стороной. Акцепт в таком случае выражается посредством совершения конклюдентных действий (п. 3 ст. 438 ГК РФ).

Заключение смарт-контрактов может осуществляться посредством принятия клиентом общих условий заключения сделок, то есть стандартных условий, разработанных контрагентом. В данном случае используется модель договора присоединения (ст. 428 ГК РФ). В связи с этим сторона, разработавшая данные стандартные условия, должна обеспечить их доступность на сайте. Содержание таких условий должно быть выражено в формулировках, не допускающих различное толкование, исключающих неопределенность.

Проблемой интеграции зарубежного опыта регулирования имущественных правоотношений посредством рассматриваемой новации прослеживается в форме установления дополнения к основному договору в части оплаты работ, услуг или товаров. Подобная отрицательная тенденция частично нашло свое отражение в судебной практике.

Так, в Постановлении Одиннадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 02 февраля 2023 года по делу №А55-7445/2022 доводы истца о том, что заключенное между сторонами соглашение на основе технологии смарт-контракта является по своей природе договором купли-продажи транспортного средства и соответственно предусмотрен односторонний отказ от исполнения обязательств суд посчитал необоснованными, согласившись с решением суда первой инстанции, который отказал истцу в удовлетворении требований на основании того, что истец в качестве подтверждения своих доводов приобщил недостоверные документы, которые не могут подтвердить факт заключения сторонами соглашения, а также сославшись на отсутствие волеизъявления со стороны ответчика на заключение соглашения [14]. Помимо указанных практических проблем использования смарт-контрактов в гражданском обороте, к иным проблемам следует отнести следующее: отсутствие должного правового регулирования, сложности с пониманием кода для стороны, дефицит IT-специалистов для создания и проверки смарт-контракта.

Таким образом, обобщение и систематизация опыта зарубежных стран в правовом регулировании имущественных отношений посредством смарт-контрактов позволило установить, что сегодня в российском законодательстве присутствует тенденция к активной цифровизации гражданского права, что обусловлено появлением сегмента цифровых прав, однако отсутствует понятие смарт-контрактов в ГК РФ. По итогам анализа и синтеза научных подходов и зарубежной практики было определено, что смарт-контракт – это письменная (электронная) форма договора, особенность которой заключается в том, что воля субъекта выражается с помощью специальных

технических средств в виде программного кода, при этом волеизъявление на заключение договора одновременно означает волеизъявление на его исполнение при наступлении определенных условиями договора обстоятельств. В целях обеспечения надлежащего правового регулирования смарт-контрактов в ГК РФ следует отметить, что их правовая природа должна основываться на положениях в ст. ст. 426, 428, 429, 429.1, 429.2, 429.3 ГК РФ. Решение проблем правового закрепления смарт-контрактов может быть также решена посредством закрепления соответствующего определения в главе 9 ГК РФ, отмены законодательного запрета на использование цифровой валюты в качестве средства платежа по смарт-контракту, идентификации технологии распределенного реестра и цифровой валюты в качестве объектов гражданского права. Это позволит развить новый вид гражданско-правовых соглашений, который необходим в условиях современной цифровизации. В целях более подробного и глубокого изучения возможностей совершенствования российского законодательства в изучаемой сфере требуется проведения более подробного и предметного исследования, направленного на изучение возможностей закрепления смарт-контракта как средства регулирования имущественных отношений в условиях цифровизации российского гражданского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мосьпан, В.В. Договор аренды земельных участков по законодательству Российской Федерации и европейских стран / В.В. Мосьпан // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 224-227.
2. Осадчая, Е.В. Сравнительный анализ правового регулирования договора банковского вклада по гражданскому законодательству РФ и законодательству зарубежных стран / Е.В. Осадчая // Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. – Пенза: 2020. – С. 138-141.
3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 №203 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 (ред. от 21.07.2020) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения 01.12.2023).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.10.1994 г. (ред. от 24.07.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/(дата обращения 01.12.2023).
6. Шапиро, М.А. Применение «смарт-Контракта» и его правовое регулирование / М.А. Шапиро // Столыпинский вестник. 2023. №1. С.440-448.
7. Гриднева, О. В. Статус смарт-контракта с позиции доктрины российского и международного права / О. В. Гриднева, Д. А. Шаповалов, П. В. Настюк // Юридическая наука. – 2022. – № 3. – С. 12-18.
8. Доклад по развитию рынка цифровых активов в Российской Федерации (ноябрь 2022 года), подготовленный Центральным Банком России // Официальный сайт Центрального банка России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf (дата обращения: 01.12.2023).
9. Акт об электронных подписях в глобальной и национальной торговле от 30 июня 2000 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ229/pdf/PLAW-106publ229.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
10. Единый Акт об электронных транзакциях от 14 февраля 1999 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-21?CommunityKey=2c04b76c-2b7d-4399-977e-d5876ba7e034&tab=librarydocuments> (дата обращения: 01.12.2023).
11. О внесении изменений внесении изменений в раздел 44-7003 пересмотренного устава штата Аризона; путем добавления статьи 5; касающейся электронных транзакций: Закон штата Аризона №HB 2417 от 29.03.2017 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/2017> (дата обращения: 01.12.2023).
12. Тринадцатая программа правовой реформы. Закон № 377 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/668113/13th-Programme-of-Law-Reform.pdf.
13. Савельев, А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А.И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.

14. Постановление Одиннадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 02 февраля 2023 года по делу №А55-7445/2022[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/beVQQZoff5LX/>

LEGAL REGULATION OF SMART CONTRACTS

Annotation. The study provides doctrinal opinions on the definition of smart contracts. In addition, the application of foreign provisions on the legal nature of a smart contract is taken into account. The author has proposed his own definition of a smart contract. The methodological basis of the research is based on such general scientific methods as analysis, synthesis, comparison, induction, deduction. As a result, it was found that the peculiarity of a smart contract is that the will of the subject is expressed using special technical means in the form of a program code, while expressing the will to conclude a contract simultaneously means expressing the will to execute it upon the occurrence of circumstances determined by the terms of the contract. According to the results of the study, the need for amendments that could fill the gaps in the current legislation regarding smart contracts was noted.

Keywords: smart contract, blockchain, digitalization, program code

Savich E.

Scientific adviser: Oleinikova A., Senior Lecture

Donetsk State University

E-mail: liza.savich@list.ru

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРАВОВАЯ ОСНОВА, ПРОБЛЕМАТИКА, РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА

Савкова С. С.

*Научный руководитель: Хань Г. А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. С использованием теоретического и практического подхода данная статья исследует проблемы, возникающие при допросе несовершеннолетних лиц. Авторы выявляют типовые ситуации, которые могут возникнуть в процессе допроса, и предлагают анализ проблем, а также рекомендации по организации подготовительных мероприятий и самого допроса.

Ключевые слова: допрос, тактика, метод, несовершеннолетние, педагог, психолог.

Допрос несовершеннолетнего является сложным и ответственным следственным действием, требующим особого внимания и компетенции со стороны правоохранительных органов. Несовершеннолетние подвержены воздействию внешних факторов, могут быть легко подвержены давлению и манипуляциям, что делает допрос особенно трудным процессом. Необходимо учитывать особенности психики несовершеннолетних при проведении допроса, чтобы избежать возможных негативных последствий как для самого ребенка, так и для проведения расследования в целом.

Особенности допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших делают данную тему уникальной. Нравственно-психологические особенности детей требуют особого подхода при их допросе, чтобы обеспечить защиту их прав и справедливость. В силу своеобразной психологической и социальной уязвимости несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, проведение допросов данной категории лиц сопряжено с особыми трудностями и рисками, влияющими на результативность следственных мероприятий. Недостаточное понимание законодательства и педагогических аспектов в контексте допроса несовершеннолетних может привести к ошибкам и негативным последствиям для

расследования. Необходимо обратить внимание на адаптацию методов допроса к возрастным особенностям и психологическим характеристикам детей и подростков, с целью обеспечить более эффективное взаимодействие с несовершеннолетними в рамках уголовного процесса.

Цель исследования – изучить особенности допроса с участием несовершеннолетних, включая правовую основу, проблематику исследования, а также разработать рекомендации для повышения эффективности процесса.

Допрос с несовершеннолетним лицом представляет собой комплексную и многоуровневую задачу, требующую от следователя глубоких знаний и навыков не только в области уголовного процесса, но и в криминалистике, психологии и педагогике. Следователь должен уметь применять тактику, основанную на специальных методах взаимодействия с несовершеннолетним, учитывая их социальную неустойчивость и особенности психологической развития.

Важно понимать, что несовершеннолетние лица чувствительны к окружающей обстановке, эмоционально уязвимы, и подвержены влиянию сторонних факторов, поэтому следователь должен обладать навыками работы с детьми и подростками, уметь установить доверительные отношения и обеспечить предсказуемую и безопасную среду для допроса.

Кроме того, знание педагогических принципов помогает следователю адаптировать процесс допроса к возрастным и индивидуальным особенностям несовершеннолетнего, обеспечивая правильное восприятие информации и способствуя эффективному коммуникативному взаимодействию. Все это обеспечивает более гуманный и профессиональный подход к процессу допроса несовершеннолетних, с учетом их особенностей, а также способствует сохранению доверия к правосудию и укреплению правопорядка в обществе.

Исследование практики допроса несовершеннолетних выявило ряд проблем, которые могут существенно повлиять на эффективность данного следственного действия. Во-первых, необходимо отметить, что допрос несовершеннолетних лиц требует особого подхода и соответствующих знаний о психологии развития детей и подростков. Во-вторых, отмечается, что в процессе допроса несовершеннолетнего часто допускаются ошибки, например, неуместное использование агрессивных методов допроса или недостаточное описание процесса допроса в протоколе. Третьим аспектом, который следует учитывать при допросе несовершеннолетних, является недостаточная квалификация допрашивающих лиц. Важно иметь специальное обучение и опыт работы с детьми и подростками, чтобы эффективно вести допрос и избежать возможных ошибок.

Одним из ключевых факторов эффективности допроса несовершеннолетних является правильное установление и строгое соблюдение временных рамок. Щадя психическое здоровье несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, законодатель ограничил продолжительность допроса такого лица [1]. Согласно ст. 425 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) указывает на то, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов и в общей сложности более 4 часов. В то же время статья 191 УПК РФ указывает, что при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля:

– в возрасте до 7 лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более 1 часа;

– в возрасте от 7 до 14 лет – более 1 часа, а в общей сложности – более 2 часов;
– в возрасте старше 14 лет – более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов
в день.

В процессе допроса несовершеннолетних необходимо учитывать их возрастные и психологические особенности. Как показывают исследования, несовершеннолетние имеют более ограниченные коммуникативные способности, что делает процесс допроса более сложным и требующим особого подхода.

Законодатель устанавливает альтернативу для следователя в выборе участия психолога или педагога при допросе несовершеннолетнего (ст. 191, 425 УПК РФ). Эти специалисты обладают не только профессиональными знаниями, но и опытом работы с детьми и подростками, что позволяет им более эффективно взаимодействовать с допрашиваемым и обеспечить соблюдение их прав.

Участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего преступника способствует созданию более доверительной обстановки, снижению уровня тревожности у ребенка и повышению качества получаемой информации. Кроме того, специалисты могут корректировать процесс допроса, учитывая возрастные особенности ребенка и обеспечивая его психологическое комфортное состояние.

Участие психолога в допросе несовершеннолетнего сказывается в лучшей степени, чем педагога. Психолог, участвующий в допросе несовершеннолетнего, имеет уникальную возможность установить психологический контакт не только с самим несовершеннолетним, но и с другими участниками судебного процесса. Это позволяет более глубоко понимать мотивы поведения несовершеннолетнего, его эмоциональное состояние и особенности личности.

Психологическое сопровождение несовершеннолетнего на всех этапах судебного процесса играет ключевую роль в предотвращении дальнейших преступлений и восстановлении психологического здоровья ребенка. Психолог может дать ценные рекомендации по дальнейшему обращению с несовершеннолетним и предложить специальные программы коррекции поведения.

Нередко данное «участие» носит в основном формальный характер. Из-за отсутствия четкого регулирования данного вопроса, следователи и дознаватели часто не принимают seriously участие педагогов в допросах несовершеннолетних. Однако следует отметить, что присутствие педагога на данных процедурах является необходимым и обязательным, так как их опыт и знания могут значительно помочь в проведении качественного допроса и защите прав ребенка [2, с. 455-457].

Изучение данной проблемы позволяет сделать вывод о том, что необходимо провести серьезную работу по повышению квалификации педагогов в области уголовного права. Это позволит им более осознанно и грамотно применять нормы УПК РФ при допросе несовершеннолетних и обеспечивать соблюдение их прав. Одним из способов решения данной проблемы может быть организация специальных курсов и тренингов для педагогов, на которых они смогут ознакомиться с основами уголовного права и правилами допроса. Также необходимо уделить внимание разработке методических пособий и рекомендаций по взаимодействию с несовершеннолетними на допросе.

В целом, понимание проблемы и поиск путей ее решения требует комплексного подхода со стороны образовательных учреждений, законодателей и специалистов в области уголовного права. Только таким образом можно обеспечить соблюдение прав и интересов несовершеннолетних при допросе и сделать процесс более эффективным и справедливым.

Однако в процессе работы по уголовному делу можно также столкнуться с различными проблемами, связанными с особенностями психологического и психофизического развития несовершеннолетних.

В связи с этим, становится очевидной необходимость использования комплексного подхода при общении с несовершеннолетними в рамках уголовного процесса. В зависимости от конкретной ситуации и особенностей личности несовершеннолетнего, следователь (дознатель) должен иметь возможность обращаться за помощью к специалистам, такими, как и психолог и педагог. Психологическая помощь поможет определить психологические особенности подозреваемого и правильно настроиться на общение, а педагогическая поддержка поможет создать оптимальные условия для эффективного контакта и понимания.

К сожалению, на сегодняшний день законодательство не предусматривает закрепление возможности использования одновременной помощи психолога и педагога в рамках уголовного процесса. Однако с учетом важности корректного общения с несовершеннолетними и специфики их психологического развития, необходимо рассмотреть возможность внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство с целью обеспечения более гармоничного и продуктивного взаимодействия между следователем и несовершеннолетними участниками уголовного процесса.

Возможным решением перечисленной проблемы является научное исследование и анализ роли педагога и психолога в контексте допроса несовершеннолетних лиц, а также закрепление законодательного статуса педагога и психолога в уголовно-процессуальном законе.

Для осуществления взаимодействия с несовершеннолетним, направленного на защиту психики ребенка от отрицательного влияния внешних факторов, необходимо учитывать психотравмирующий характер на психику ребенка при проведении судебно-следственных действий и создать особые благоприятные условия.

Особое место в изучении личностных особенностей несовершеннолетнего занимает определение типа его темперамента и свойства характера, что значительно упрощает установление психологического контакта с допрашиваемым, позволяет правильнее понимать особенности его поведения, дает возможность варьировать нужным образом тактические приемы допроса.

Не зря во время допроса допрашиваемый несовершеннолетний не предупреждается о даче ложных показаний по той причине, что законодатель дал возможность установления психологического контакта с допрашиваемым несовершеннолетним свидетелем, не назначив за это наказание.

Данное обстоятельство свидетельствует о проявлении заботы и защиты со стороны государства о несовершеннолетних, допрашиваемых во время проведения следственных мероприятий.

В практической деятельности, частым явлением бывает, что показания несовершеннолетних обвиняемых, подозреваемых, потерпевших и свидетелей являются основными доказательствами по уголовному делу. Необходимо отметить тот факт, что данные показания будут являться доказательством лишь тогда, когда допрос несовершеннолетнего лица, будет осуществлен с учетом всех особенностей, которые закреплены в УПК РФ.

На основании вышеизложенного, с целью соблюдения баланса интересов при расследованиях преступлений, необходимо также предусмотреть в законодательстве требование обязательной непрерывной видеофиксации производства допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Данная мера в совокупности с другими мерами, указанными выше, позволит повысить эффективность производства допроса несовершеннолетних, обеспечить соблюдение их прав, а также соблюсти баланс интересов сторон уголовного производства [3, с. 92-98].

Тщательное изучение особенностей проведения допроса с участием несовершеннолетних свидетелей представляет собой актуальную проблему,

требующую серьезных исследований. Отмечается, что важным аспектом является качественная подготовка к проведению допроса и необходимость совершенствования процесса с учетом особенностей психологического и возрастного развития детей. Нормативное закрепление статуса педагога и психолога по делам несовершеннолетних играет ключевую роль в обеспечении адекватной защиты прав детей и обеспечении справедливого рассмотрения их дел. Важно учитывать специфику обучения и воспитания детей, а также обеспечить им соответствующую психологическую поддержку в процессе участия в судебном процессе.

Таким образом, результаты проведенного анализа подчеркивают необходимость дальнейших исследований в области допроса несовершеннолетних свидетелей и разработку эффективных подходов к обеспечению их защиты и прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – Москва: Проспект, 2017. – 608 с.
2. Рогачева, В. Н. Проблемные аспекты проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого / В. Н. Рогачева, И. С. Кожич // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 455-457.
3. Лапаев И. С., Маслова М. А. Правовые основы допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых / И. С. Лапаев, М. А. Маслова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2020. – Т. 8, № 4 (32). – С. 92-98.

FEATURES OF INTERROGATION INVOLVING MINORS: LEGAL FRAMEWORK, ISSUES, RECOMMENDATIONS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE PROCESS

Annotation. Using a theoretical and practical approach, this article explores the problems that arise during the interrogation of minors. The authors identify typical situations that may arise during the interrogation process and offer an analysis of the problems, as well as recommendations for organizing preparatory activities and the interrogation itself.

Keywords: interrogation, tactics, method, minors, teacher, psychologist.

Savkova S.

Scientific adviser: Khan G., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: sonya.savkova.00@mail.ru

УДК 331.5-053.6

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Савранская Д. В.

*Научный руководитель: Максименко О. Б., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В этой статье раскрывается тема, связанная с торговлей людьми, в том числе типичная информация о личности преступника. Было подробно рассмотрено понятие «личность преступника», определены элементы криминальных характеристик преступных группировок, выделены факторы, влияющие на детерминированное поведение субъектов преступления, проанализированы личности преступников в составе организованной преступной группировки и единолично совершивших преступления, были приведены практические примеры. Новизну изучения характеристики личности преступника в разрезе торговли людьми обуславливает новый взгляд авторов на структуру, характеристики и преступные цели торговцев людьми. Также новизну подчеркивает выделение авторами рекомендаций о создании специальных правоохранительных органов и мерах по предотвращению торговли людьми.

Ключевые слова: торговля людьми, организованная преступная группировка, субъект преступления, криминогенная характеристика личности, девиантное поведение.

Торговля людьми относится к преступлению, которое берет свое начало испокон веков, при том, что всегда относилось к числу противоправных деяний, принимая различные формы. Ещё со времен римского права было известно особо тяжкое преступление, посягающее на свободу человека, и называлось – «*plagium*», которое предполагало собой похищение человека и продажу его в рабство.

Проблема стала актуальной для России с 1990-х годов, когда, после распада СССР, в силу экономических, политических и социальных обстоятельств, граждане новых независимых государств из-за бедности, отсутствия доступа к достойной работе и деградации институтов социального обеспечения привели к безрассудному поведению людей, рискованному экономическому поведению, включая согласие на эксплуатацию и рабство.

Так, актуальность данного исследования обусловлена тем, что торговля людьми – тревожный признак современного мира, поражающий достоинство и защищенность личности. Данное преступление является объективно сложным для установления причинно-следственных связей, что обуславливает проблемы в раскрытии и расследовании преступлений в сфере торговли людьми, что подчеркивает необходимость детального анализа каждого элемента состава преступления, в том числе личности преступника. Также, из-за некоторых социально-политических условий актуальность исследования личности преступника в отечественной криминологии в начале 20-го века была поставлена под сомнение, что создает необходимость сформулировать рекомендуемую систему расследования преступлений, совершенных отдельными группами преступников с объективно выраженными личностными характеристиками.

Цель исследования – определить и проанализировать психологические особенности личности преступника, представляющие собой криминологический аспект торговли людьми.

В юридической науке личность преступника является одной из ключевых тем исследований и проявляется как ряд социально отличительных характеристик, эти характеристики определяют виновника преступления, что является показателем социальной патологии человека. Без досконального изучения личности преступников невозможно понять особенности его психологических особенностей, направленность в противоправной деятельности, что влечет сложность формулирования частных юридических процедур и методов расследования.

Ганс Гросс, основатель криминалистики, еще в 1895 году указал, что при расследовании преступлений «величайшее усилие следует прилагать именно к выяснению собственно личности обвиняемого» [1].

Такие известные исследователи-криминалисты как Ф. В. Глазырин, Н. Т. Ведерников, А. В. Дулов, З. С. Зарипов, В. Н. Исаенко, В. Ф. Енгальчев, Д. В. Миронов, В. А. Образцов, А. Р. Ратинов, Е. Г. Самовичев, Н. Н. Китаев, В. Е. Коновалова, Б. Л. Корсаков, М. Г. Коршик, А. С. Кривошеев, И. Т. Кривошеин, Г. К. Курашвили, Н. С. Лейкина, А. А. Любавин, И. А. Матусевич, Д. А. Мезинов, О. Н. Сафарга-лиева, С. С. Степичев, В. Г. Танасевич, А. Н. Хоменко, Е. Е. Центров, П. П. Цветков, И. Н. Якимов, Р. С. Белкин, А. М. Кустов и др., посвятили свои исследования проблеме получения криминалистически значимой информации о личности преступников.

Поскольку личность преступника ранее изучалась лишь как структурный элемент криминалистической характеристики преступления, в работе учтены выводы таких исследователей, как Р.С. Белкина и А.М. Кустова.

Так, согласно выводам Р.С. Белкина типичная информация о личности преступника имеет важное криминалистическое значение [2]. А.М. Кустов утверждает, что личность преступника – это единое целостное явление, все стороны которого в

системе «механизма преступления» взаимосвязаны и взаимообусловлены. Криминальной личности присуща совокупность всех свойств (биологических, физических, социальных), информация о которых отображается в процессе его деятельности в виде материальных и идеальных следов [3].

Надлежащий анализ теоретического материала криминологов позволяет сделать вывод о том, что преступная деятельность преступников всегда будет ограничена социальными и правовыми явлениями и процессами, происходящими в обществе. Поэтому типичная информация о личности преступников имеет большое криминалистическое значение. При установлении фактов торговли людьми это может сузить круг лиц, которыми может быть преступник, и предоставить версию о мотиве преступления, способе совершения преступления и сокрытия преступления, а также местонахождении необходимых предметов.

Согласно юридической литературе, касающейся торговли людьми, данное преступление в большинстве случаев рассматривается как сфера организованной преступности, где стадии осуществляются несколькими лицами. Так, отмечается, что криминологами было высказано предположение, что «...преступления следуют определенным «сценариям», которые позволяют разбить их на ряд составляющих действий, независимо от личности конкретного преступника» [4]. Это в полной мере относится к торговле людьми. Ее можно описать скорее, как процесс, чем как отдельное преступление; процесс, который включает в себя различные стадии, с которыми сталкивается жертва, и на каждом этапе процесса задействованы разные люди. Первый этап включает обман, похищение или вербовку человека, а затем транспортировку и въезд жертвы в другую страну (в случае трансграничной, но не внутренней торговли людьми). Третья стадия – это стадия эксплуатации, во время которой жертва подвергается принуждению или насильственно вовлекается в сексуальную или трудовую эксплуатацию, или продается с целью извлечения органов для принудительного попрошайничества или других видов преступлений. Пеннингтон и др. ввели то, что они называют стадией «избавления от жертвы» [5]. На данном этапе снижения стоимости жертвы «устраиваются» последним владельцем. Может существовать дополнительная стадия преступного участия, которая характерна для любой крупномасштабной преступной организации: отмывание доходов от преступной деятельности и инвестирование в другие виды преступной деятельности. С точки зрения правоохранительных органов, здесь могут быть связи с другими видами уголовных преступлений, такими как незаконный оборот оружия или наркотиков [6].

Так, Кочубей А.Е. и Шеховцов Д.Н. были осуждены по п.п. «д», «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, предусматривающие ответственность за совершение купли-продажи человека, совершенные с изъятием документов, удостоверяющих личность потерпевшего. Кочубей А.Е. и Шеховцов Д.Н. с целью наживы вступили в предварительный сговор, направленный на продажу их общего знакомого Потерпевшего №1. Во исполнение своего преступного умысла, 29.08.2017 Кочубей А.Е. и Шеховцов Д.Н. обманым путем изъяли у Потерпевшего № 1 документ, удостоверяющий его личность – паспорт гражданина РФ серии 6017 №, выданный отделением № отдела УФМС России по <адрес> в <адрес><дата>, нарушив тем самым права и свободы Потерпевшего № 1, создав благоприятные условия для осуществления своего преступного умысла [7].

Криминологи, изучающие торговлю людьми и другие виды организованной преступности, дают разнообразные классификации организованных групп. Однако многие ученые сходятся на следующей структуре: организаторы – лица, организовывающие совершение преступления (нередко являются и спонсорами совершаемого преступления); вербовщики – лица, ответственные за перевозку жертвы (имеют связи в органах миграционной службы государства, паспортных столах и т.д.);

специалисты в области юриспруденции; перевозчики – так называемые курьеры, доставляющие объект преступления в необходимое место; эксплуататоры – лица, в интересах которых было совершено преступление; вспомогательный персонал (диспетчера, охранники и т.д.) [8].

Анализ судебной практики и научной литературы помогает определить наиболее распространенные черты субъектов этих преступных организаций. Так, организатор – в 60 процентах случаев мужчины; возрастная категория – 40-55 лет; лицо с высоким материальным достатком; имеет многочисленные связи в государственных органах; могут быть ране судимыми. Вербовщики – в 75 процентах случаев мужчины; возрастная категория – 30-45 лет; обладают высокой коммуникативной способностью. Специалисты в области юриспруденции – в 83 процентах случаев мужчины; возрастная категория – 30-45 лет. Перевозчики – в 90 процентах случаев мужчины; возрастная категория – 35-45 лет; склонные к насилию и проявлению агрессии лица. Эксплуататоры – в 60 процентах случаев мужчины; возрастная категория – 40-55 лет; лицо с высоким материальным достатком [9].

Организаторы, специалисты в области юриспруденции и вербовщики характеризуются высшим образованием, в то время подчиненную роль играют как люди с начальным и средним образованием.

Что касается семейного положения людей, занимающихся преступной деятельностью, то мы можем привести следующие цифры, полученные в ходе изучения судебной практики и научной литературы: среди осужденных за преступления 26,2% были холостыми, 46,4% состояли в браке (включая сожительство) и 26,2% были разведены; 1,2% у одного из правонарушителей на иждивении находились несовершеннолетние дети [10]. Эти данные не указывают на какие-либо закономерности для внешнего мира.

Однако стоит помнить, что торговля людьми иногда осуществляется одним преступником, а не группой. Согласно статистике, количество таких преступлений растет. Поэтому в контексте стремления России развивать гражданское общество, правовую систему и защиту прав человека важно провести детальный анализ криминологических характеристик отдельных преступников и людей, которые поддерживают преступления исключительно путем соучастия.

Социально-демографические характеристики включают пол, возраст, уровень образования, семейное положение, социальный статус и другие характеристики. Принимая во внимание важность социально-демографических характеристик личности преступника, тот факт, что эти данные фиксируются в уголовных делах и используются в оперативно-розыскных мероприятиях, подтверждает это [11].

На основании исследования Русиной А.А. можно сделать вывод, что подавляющее большинство людей, совершающих подобные преступления в форме личного поведения или простого сговора, являются женщинами. Лишь небольшая доля преступлений совершается мужчинами (92% составляют женщины и 8% – мужчины). Большинство из них совершаются матерями несовершеннолетних или новорожденных, которые продают их ради финансовой выгоды или чтобы избавиться от нежеланных детей. С другой стороны, мужчины, выступающие соучастниками, будут мужьями или сожителями [12].

Так, например, гражданка Айтматовой Н.В. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п.п. «б», «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ (купля-продажа несовершеннолетнего лица, заведомо для виновной находящегося в материальной и иной зависимости от нее). В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель представил доказательства того, что заключенная согласилась продать своего ребенка за 300 тысяч рублей женщине, которая участвовала в оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» в период с 4 по 9 августа 2022

года. Преступница потребовала задаток в размере 10 тысяч рублей, который был ей переведен. Запланированная встреча состоялась в торговом центре, и женщина передала ребенка и документы клиенту, от которого получила 290 тысяч рублей. После этого женщина была задержана полицией. Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга приговорил заключенного к 5 годам лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима [13].

Следующим важным фактором в социально-демографических характеристиках личности преступника является возраст. Возраст этих людей разный, но обычно им от 18 до 40 лет. Лица старше 40 лет также совершают преступление – торговлю людьми, однако их деятельность значительно снижена.

Что касается уровня образования преступников в области торговли людьми, то можно привести следующие цифры, полученные в результате анализа уголовных дел: 8% получили высшее образование, 62% получили среднее профессиональное образование и 30% получили среднее специальное образование. Примерно к таким же показателям пришли и другие исследователи [14].

Важное место в характеристиках криминологии принадлежит социальному статусу индивида, а семейное положение и род занятий рассматриваются в ее рамках. Семья играет важную роль в жизни человека и является основной единицей социального взаимодействия. В обществе семья помогает стабилизировать образ жизни. Однако в силу двух возможных причин роль семейных отношений в предупреждении преступности не всегда может быть осознана. Так, благополучная семейная обстановка снаружи, но внутренняя нестабильность, а также финансовые проблемы, такие как задолженность по кредитам, могут нести скрытое криминогенное бремя.

Таким образом, нами ранее было указано, что 92 процента единоличных преступлений в области торговли людьми совершаются женщинами, исходя из этого и дополнительного анализа судебной практики по ст.127.1 УК РФ, можно сделать вывод о том, что из этих 92 процентов у 95 процентов есть дети, зачастую в отношении которых и совершаются преступления. Данный феномен обусловлен низкими детскими пособиями, безработицей, отсутствием яслей в Российской Федерации, что затрудняет содержание и воспитание ребенка.

Следует отметить, что детей чаще всего покупают супружеские пары с высоким доходом, высокообразованные и бездетные. Они могут быть как гражданами России, так и гражданами других стран.

Чтобы лучше понять аспекты анализа в контексте криминологии, важно обратить внимание на психосоциальные характеристики индивида, включая его потребности, моральные установки, волевые аспекты и эмоциональную стойкость. Эти факторы определяют способность человека противостоять негативным внешним воздействиям.

Следует отметить мнение Русиной А.А., которая определяет, что 28% преступников из исследуемой категории испытывают или испытывали проблемы с алкогольной или наркотической зависимостью, часто ведут неэтичный образ жизни и поддерживают беспорядочные сексуальные отношения [15]. Для таких людей дети становятся обузой, и их забота о нем не является приоритетной. Их моральные принципы не соответствуют установленным стандартам. Для них главными являются их собственные потребности и мотивации, что способствует девиантному поведению, в том числе эгоистичному.

Государство объявило, что их основное внимание сосредоточено на улучшении демографической ситуации, но на самом деле они не предприняли надлежащих мер и политики для достижения этой цели. Такой подход государства стимулирует девиантное поведение людей и приводит к их организационному влиянию.

Из-за такой политики государства человек может оказаться в ситуации, когда он сталкивается с искушением совершить преступление с целью быстрого обретения материального благополучия или решения финансовых проблем. В этом случае мотивы совершения преступлений могут быть разнообразными: жадность, отсутствие желания иметь детей и даже желание обеспечить детям лучшие условия жизни. Однако при наличии высоких моральных принципов один человек не в состоянии торговать другим человеком.

Таким образом, подводя итоги исследования, необходимо отметить, что торговля людьми представляет собой одно из древнейших преступлений человечества, характеризующееся высокой степенью общественной опасности. Торговля людьми предполагает выходящее за рамки допустимых общественных и морально личных норм явление, которое является следствием девиантного поведения субъекта.

Изучение особенностей личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ, позволяет говорить о двухуровневой структуре. Так, во-первых, о субъекте, который является членом организованной преступной группировки, а во-вторых, о личности, совершившей преступление единолично.

Так, анализ двух структур субъектов, совершивших торговлю людьми, показывает их различие с криминологической точки зрения по возрасту, полу, образованию, имущественному положению. В составе группировки в основном находятся мужчины, единоличные же преступления совершают женщины. Возраст субъектов ОПГ ограничивается 30-55 годами, в то время как единоличных преступников 18-40 годами. Образование в большинстве своем высшее, в тот момент, когда у противоположной структуры не всегда имеет профессиональное.

Также, необходимо отметить существенное отличие объектов, в отношении которых каждый вид субъектов совершает преступление. Организованной группировки осуществляют торговлю людьми в отношении лиц, с которыми они не связаны брачными, семейными, кровными узами. Лица, совершающие преступления самостоятельно, как нами было отмечено, осуществляют торговлю кровными родственниками – детьми.

При организации мероприятий для предотвращения торговли людьми следует учитывать криминологические, психосоциальные и психологические характеристики субъекта, совершившего торговлю людьми. Для этого необходимо создать специальные правоохранительные структуры, которые будут направлены на выявление признаков торговли людьми. Еще одним необходимым действием будет являться создание специальной базы для сотрудничества с зарубежными правоохранительными органами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роль учения о личности преступника в трудах Г. Гросса // Актуальные проблемы государства и права в современный период: Сборник статей. Томск: Издво Томского гос. ун-та, 1996. С. 218-221.
2. Белкин Р. С. Проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 54.
3. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. С. 33.
4. R. Naylor. Towards a General Theory of Profit-Driven Crimes // British Journal of Criminology. 2003. № 43. С. 81.
5. A. Aronowitz. H. Trafficking. Human Misery: The Global Trade in Human Beings // Praeger: Westport 2009. С 15.
6. Аронович А., Тойерманн Г., Тюрюканова Е. Анализ торговли людьми как бизнесмодели: путь к более эффективному предотвращению преступления. Бюро Специального представителя и координатора ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми (пер. на рус. яз. – А.Мамаева). Вена, 2011. С. 56.
7. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области № 1-209/2018 от 11 июля 2018 г. по делу № 1-209/2018 // [Электронный ресурс] <https://sudact.ru/>
8. Русина А. А. Особенности личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» // Advanced science сборник статей X Международной научно-практической конференции. 2019. С. 153.

9. Кузнецова И. И., Пимакова О. Г. Криминологическая и психологическая характеристика личности торговца людьми // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 114–119.
10. Методика расследования торговли людьми: Учебное пособие / А.А.Хамдамов, О. А. Камалов, У. Э. Расулев и др.–Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 2015. – С. 43.
11. Коган В.М. Значение социально-демографических факторов для изучения причин преступности. В сб. Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 22. – М.: Изд-во «Юридическая литература». – 1975. С. 51.
12. Русина А. А. Особенности личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» // Advanced science сборник статей X Международной научно-практической конференции. 2019. С. 154.
13. В Екатеринбурге вынесен приговор по уголовному делу о продаже женщиной своего несовершеннолетнего сына// [Электронный ресурс] https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_66/mass-media/news?item=87304656.
14. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней: Криминологические и уголовно-правовые аспекты : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : Владивосток, – 2005. С. 117.
15. Русина А. А. Особенности личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» // Advanced science сборник статей X Международной научно-практической конференции. 2019. С. 155.

HUMAN TRAFFICKING: CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY

Annotation. This article covers a topic related to human trafficking, including typical information about the identity of the perpetrator. The concept of «criminal personality» was considered in detail, elements of criminal characteristics of criminal groups were identified, factors influencing the deterministic behavior of crime subjects were identified, the personalities of criminals as part of an organized criminal group and those who committed crimes alone were analyzed, practical examples were given.

Keywords: human trafficking, organized criminal group, subject of crime, criminogenic characteristics of personality, deviant behavior.

Savranskaya D.

Scientific adviser: Maksimenko O., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: darina_21_11_03@mail.ru

УДК 34.96

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Самарина А. А.

*Научный руководитель: Борухова М. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье проанализирован и обобщен современный гражданско-правовой статус виртуальных объектов в сети Интернет в Российской Федерации, сформулировано понятие виртуальных объектов, как предмета гражданско-правового регулирования, предложены пути совершенствования законодательства Российской Федерации, отмечены перспективы дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: гражданско-правовой статус, виртуальный объект, виртуальное имущество, сеть Интернет

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что за последние десятилетия технологический прогресс в мире ускорился, а правовое регулирование трансформирующихся на этом фоне общественных отношений осуществляется медленнее. Выбранная тема представляет значительный интерес и продиктована активным развитием цифровой экономики и ростом экономических, социальных и юридических взаимодействий в виртуальном пространстве. Вопросы правового регулирования виртуальных объектов, таких как цифровые права, криптовалюты,

игровая валюта, цифровые товары и услуги, становятся предметом дискуссий и анализа в юридическом сообществе. Необходимость определения юридических аспектов собственности, передачи прав и ответственности в сети Интернет требует разработки новых подходов и новаций в законодательстве. Сложность заключается в том, что виртуальные объекты не всегда поддаются классификации согласно традиционным категориям гражданского права.

Обращаясь к научной литературе, отмечается, что теме исследования уделено множество внимания среди учёных как науки гражданского права, так и смежных научных дисциплин. Например, в трудах цивилистов В.О. Панина [1, с. 43], К.Ю. Решетова и М.А. Николаева [2, с. 240] осуществлялся теоретический анализ, изучались характеристики и сущность виртуальных объектов, как предметов правового регулирования. В работе М. А. Иванова, А. В. Пономаренко авторы исследовали виртуальное имущество, однако фокусировали внимание именно на конкретном его виде – виртуального имущества в видеоиграх [3, с. 546]. При всём многообразии научных трудов в данной сфере, их недостатком является недостаточная комплексность и системность, применение обобщения и систематизации в синтезе актуальных проблем гражданско-правового статуса виртуальных объектов в сети Интернет.

Учитывая вышеизложенное, цель статьи – определить понятие виртуального объекта, его гражданско-правовой статус, текущее состояние правового регулирования в Российской Федерации, отметить, какие законодательные инициативы необходимы для совершенствования в современных условиях.

Основным источником регулирования гражданско-правовых отношений в сфере виртуальных объектов является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации нет прямого закрепления понятия «виртуальный объект» или «виртуальное имущество». Тем не менее, в 2019 г. были предприняты шаги к правовому регулированию отдельных аспектов цифровой экономики, например, введение понятия «цифровые права», что нашло отражение в ст. 141.1 ГК РФ [4]. Нововведения также коснулись ст. 128 ГК РФ, которая определяет, что: « К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага». Однако ГК РФ не содержит норм относительно виртуальных объектов как таковых, что создает определенную правовую неопределенность в отношении статуса виртуального имущества и его структуры.

Попытка формулирования термина виртуальный объект (имущество), предпринимались учёными. Так, например, в публикации К.Ю. Решетова под искомой категорией предлагается понимать: «нематериальные объекты, представляющие экономическую ценность, которые могут быть использованы только в виртуальном пространстве» [2, с. 241]. В свою очередь, А.С. Лузгин в своей работе отметил, что виртуальные объекты – это: «...объекты имущества, не имеющие материальной формы, которые существуют в цифровом пространстве». При этом автор выделил признаки, в частности, что виртуальные объекты не могут быть осязаемыми или визуально воспринимаемыми, но они могут быть использованы и передаваемы через сеть Интернет [5, с. 255].

Другие учёные в своём большинстве полагают, что виртуальное имущество может иметь место в игровой сфере, то есть компьютерных играх, авторы активно выделяют в своих работах термин «виртуальное игровое имущество», подобный подход прослеживается в работе Н.А. Новокшеновой, которая по ним понимает вид

цифровых прав, обладающий следующими признаками: это объект гражданского права в виде имущественного права; виртуальное имущество ограничено только рамками виртуального мира и оборотоспособность определяется не только законодательством, но и условиями лицензионного соглашения; контроль над имуществом осуществляет владелец, которым может быть, например, разработчик компьютерной игры [6, с. 375].

Конкретизируя данный аспект, следует отметить, что виртуальный объект не возникает автономно «из ничего», он является результатом интеллектуальной деятельности, соответственно на виртуальный объект также распространяются положения ст. 1225 ГК РФ. При этом, в данной норме нет упоминания о виртуальных объектах. Однако п.2 указанной статьи содержит термин «программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ)», что усматривается архаичным и требует модернизации, поскольку в данном случае не подразумевается виртуальная реальность и то, что может быть в ней создано.

Кроме того, в ст. 1233 ГК РФ закреплено, что правообладатель может распорядиться своим исключительным правом любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом. Виртуальный объект может быть элементом программного обеспечения, в том числе частью компьютерной игры (предметы, персонажи, игровая валюта, и т.п.). Все они являются результатами творческого труда и могут быть защищены авторским правом или смежными правами.

В контексте лицензионного договора, виртуальный объект рассматривается как объект авторского права, на который правообладатель предоставляет лицензию другой стороне. Лицензия может быть исключительной, предоставляющей право использования объекта только одному лицензиату и запрещающей правообладателю выдавать лицензии другим лицам, или неисключительной, когда правообладатель может выдавать лицензии множеству лицензиатов. Лицензионный договор должен четко определять условия использования виртуального объекта, включая срок действия лицензии, территорию применения, допустимые способы использования и размер лицензионных отчислений.

Анализируя вышесказанное, следует отметить, что, следуя от общего к частному виртуальный объект имеет особое пространство, детерминирующее его существование, с чем согласны учёные. Под виртуальным пространством (от лат. *virtus* – воображаемый, мнимый, кажущийся информационный образ (симулякр)) понимается созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения (зрительные, слуховые, осязательные и др.), то есть воспринимается через органы чувств. Виртуальное пространство имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие [7, с. 130]. При этом, в литературе также употребляется термин «виртуальная реальность», которая предполагает погружение пользователя в среду, которая воспринимается как реальная, хотя физически она не существует.

Основной акцент в данном случае сводится на восприятии человеком виртуального пространства. Следует согласиться с мнением М.М. Волынова, который верно отметил, что виртуальная реальность неоднородна и включает в себя несколько видов:

1. Виртуальную реальность (*virtual reality*, VR). Полное погружение пользователя в виртуальную среду с помощью специального оборудования, такого как шлемы виртуальной реальности и контроллеры движения. Здесь пользователь может взаимодействовать с виртуальными объектами, как будто они находятся в реальном пространстве.

2. Дополненную реальность (*augmented reality*, AR). Технология, которая накладывает виртуальные объекты на восприятие реального мира через устройства, такие как смартфоны или специализированные очки. Пользователь видит виртуальные элементы, взаимодействующие с реальным миром, но не погружается полностью в виртуальное пространство.

3. Смешанную реальность (mixed reality (MR)). Сочетает элементы виртуальной и дополненной реальности, позволяя пользователям взаимодействовать с виртуальными и реальными объектами в одном пространстве. Технология смешанной реальности расширяет возможности AR, добавляя большую степень интерактивности и погружения.

4. Расширенную реальность (extended Reality (XR)). Объединяет реальные и виртуальные реальности: дополненную реальность (AR), дополненную виртуальность (AV), виртуальную реальность (VR) и другие. Расширенная реальность – это спектр явлений и разработок от «полного реального» до «полного виртуального» [8, с. 795]

Следует отметить, что виртуальное пространство – более широкое понятие, оно может включать в себя не только среды виртуальной реальности, но и различные цифровые платформы, такие как веб-сайты, социальные сети, онлайн-игры, форумы и другие интерактивные среды, доступные через сеть Интернет. Виртуальное пространство не обязательно предполагает погружение и ощущение физического присутствия, оно может также быть местом, где пользователи взаимодействуют друг с другом и с цифровым контентом через свои компьютеры или мобильные устройства, иные гаджеты.

Возвращаясь к интерпретации понятия виртуального объекта, следует выделить следующие его признаки:

1. Виртуальные объекты существуют в электронной форме, в виртуальном пространстве и не имеют, и не могут иметь физического воплощения в реальном мире (признак абсолютной нематериальности).

2. Для создания, хранения, передачи и использования виртуальных объектов необходимы информационные технологии и соответствующее оборудование, такое как серверы, компьютеры и сети передачи данных и др. (признак зависимости от технологической основы).

3. Виртуальные объекты располагаются в цифровой среде, такой как сеть Интернет, и доступ к ним осуществляется посредством сетевых технологий (признак локализации в виртуальном пространстве).

4. У каждого виртуального объекта есть уникальные характеристики или идентификаторы, которые позволяют отличать один объект от другого в пределах виртуального пространства (признак идентифицируемости).

5. Виртуальные объекты могут быть объектом правового регулирования, например, пользователи могут иметь права на использование, передачу или изменение виртуальных объектов согласно установленным правилам и соглашениям (признак возможности контроля или владения собственником или другими лицами).

6. Некоторые виртуальные объекты обладают экономической ценностью и могут быть куплены, проданы или обменены на реальные деньги или другие виртуальные активы (признак возможности оценки).

Выделив вышеперечисленные признаки, следует не согласиться с мнением исследователей, рассматривающих виртуальные объекты и их гражданско-правовой статус, исключительно с точки зрения компьютерных игр, ведь под указанные выше признаки подпадают ряд других объектов. Например, криптовалюты существуют исключительно в цифровом формате и используются для осуществления транзакций в сети Интернет или веб-домены – уникальные имена в интернете, которые обеспечивают адресацию и доступ к веб-сайтам.

Судебная практика подходит к вопросу регулирования правоотношений разнообразно. Например, в деле Mail.ru Group – My.Games против Федеральной налоговой службы Российской Федерации, суд определил виртуальное игровое имущество через отношения из договора оказания платных услуг, которые способствуют организации самого игрового процесса посредством дополнительных

средств [9]. В другом судебном решении, а именно Апелляционном решении Басманного районного суда по делу № 11-43/2011, суд оставил без изменения Решение мирового суда судебного участка №352 Басманного района г. Москвы от 01.02.2011 №2-01/11, в котором виртуальное имущество мировой судья признал азартной игрой (ст. 1062 ГК РФ). Суд также установил, что: «компьютерная игра относится к многопользовательским онлайн ролевым играм, в которых большое количество игроков взаимодействуют в виртуальном мире». При этом, в своем решении суд апеллировал терминами «виртуальный мир», «виртуальный предмет», не разъясняя их правового статуса [10]. Таким образом, на данном этапе усматривается необходимым закрепить понятие виртуального пространства и виртуального объекта, в ГК РФ с целью создания основ для надлежащей правовой защиты собственников виртуальных объектов, в частности, компьютерных игр, которая в настоящее время не выработана. Предлагается дополнить ГК РФ нормой «Виртуальное пространство», следующего содержания:

«1. Виртуальное пространство – это совокупность информационных ресурсов и виртуальных объектов, представленных в компьютерных системах и сетях, включая сеть Интернет, которые обеспечивают пользователям возможность взаимодействия в рамках сгенерированной компьютерной симуляции.

2. Виртуальные объекты – это объекты, включая тексты, изображения, звуки, программы для ЭВМ, виртуальные товары, услуги и другие результаты интеллектуальной деятельности, а также имущественные права и обязанности, существующие исключительно в виртуальном пространстве.

3. Права и обязанности участников виртуального пространства определяются условиями пользования соответствующим информационным ресурсом или виртуальным объектом, в том числе лицензионными соглашениями, пользовательскими соглашениями и другими договорами, заключенными в электронной форме.

4. Гражданско-правовые отношения, возникающие в виртуальном пространстве, регулируются положениями настоящего Кодекса, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.

5. Право на виртуальные объекты признается и защищается в соответствии с законодательством Российской Федерации об интеллектуальной собственности, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

6. Использование виртуальных объектов без согласия правообладателя не допускается, за исключением случаев, установленных законом и настоящим Кодексом»

Подводя итоги, необходимо отметить, что исследование гражданско-правового статуса виртуальных объектов в сети Интернет позволило обнаружить высокую степень научной неопределенности подходов специалистов к понятию виртуальных объектов в гражданском праве, отмечено смешение таких ключевых понятий как «виртуальная реальность», «виртуальное пространство», что указывает на необходимость стандартизации правовых подходов к терминологическому аппарату.

В работе сформулирован авторский вариант проекта новой нормы ГК РФ, которая способствовала бы выделению виртуальных объектов в структуре виртуального пространства, их гражданско-правовой статус на современном этапе развития общественных отношений. Принятие такой нормы потребует дополнительного анализа и уточнения существующих норм права, а также внесение изменений в ряд смежных статей ГК РФ и других законодательных актов, учитывающих специфику правового регулирования виртуальных отношений. Необходимо также рассмотреть возможность расширения ст. 1225 ГК РФ, поскольку текущие формулировки данной нормы не отражают современной динамики развития технологий, появления устройств виртуальной реальности. Поэтому отмечается необходимость проведения дальнейших исследований по выбранной тематике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панин, В. О. Правовой режим виртуальных объектов в информационной среде / В. О. Панин // Труды по интеллектуальной собственности. – 2022. – Т. 43, № 4. – С. 43-55.
2. Решетов, К. Ю. Правовой статус виртуальных объектов в России / К. Ю. Решетов, М. А. Николаев // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2019. – № 37. – С. 240-249.
3. Иванов, М. А. Современный этап правового развития регулирования виртуального имущества в видеоиграх / М. А. Иванов, А. В. Пономаренко // Материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2023. – С. 546-554.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 01.10.2023) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 10.02.2024).
5. Лузгин, А. С. Виртуальное имущество: понятие и признаки / А. С. Лузгин // Молодой ученый. – 2023. – № 13 (460). – С. 255-256.
6. Новокшонова, Н. А. Виртуальное игровое имущество как объект гражданского права / Н. А. Новокшонова // Сборник трудов XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Челябинск: Южно-Уральский технологический университет, 2021. – С. 371-378.
7. Канина, Ю.С. Теоретико-правовое содержание и некоторые проблемы правового регулирования виртуального пространства / Ю. С. Канина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 5. – С. 130-133.
8. Волюнов, М. М. Виртуальная реальность: виды, структура, особенности, перспективы развития / М. М. Волюнов, А. А. Китов, Б. С. Горячкин // E-Scio. – 2020. – № 5(44). – С. 795-812.
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу А40-91072/2014 от 24 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/277fdd53-f30b-4de4-a282-732bc448297e/773baf5c-4c12-44c4-840e-d46d4aaf7adb/A40-91072-2014_20141124_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 10.02.2024).
10. Решение мирового суда судебного участка N 352 Басманного района г. Москвы от 01.02.2011 N 2-01/11 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-77RS0002-11-43-2011-2011-04-26-0-1/> (дата обращения 10.02.2024).

THE CIVIL STATUS OF VIRTUAL OBJECTS ON THE INTERNET

Annotation. The article summarizes, systematizes, analyzes the current civil status of virtual objects on the Internet in the Russian Federation, formulates the concept of virtual objects as a subject of civil law regulation, suggests ways to improve the legislation of the Russian Federation, and notes the prospects for further research on the topic.

Keywords: civil status, virtual object, virtual property, Internet

Samarina A.

Scientific supervisor: Borukhova M., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: ann.samarina@inbox.ru

УДК 343.326

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ И МЕРЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ НОРМ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Сапегин А. А.

*Научный руководитель: Манивлец Э. Е., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за террористический акт и меры совершенствования уголовных норм в борьбе с терроризмом. Анализируется действующее законодательство Российской Федерации в сфере противодействия терроризму, выявляются его пробелы и недостатки. Автор предлагает ряд мер по совершенствованию уголовных норм в борьбе с терроризмом, в том числе: сформулировать понятие «террористического акта» и дополнить главу 24 статьей: «Угроза совершения террористического акта».

Ключевые слова: уголовная ответственность, терроризм, санкция, лишение свободы, смертная казнь.

Терроризм является одной из наиболее актуальных и опасных угроз для безопасности современного мира. Террористические акты становятся все более частыми и масштабными, что приводит к многочисленным жертвам и разрушениям. В связи с этим возникает необходимость в эффективном противодействии терроризму.

Терроризм, представляя собой форму серьезной угрозы для человечества, налагает на государство обязанность предпринимать эффективные меры в ответ на это зловещее явление. Уголовная ответственность за террористические акты играет решающую роль в оценке опасных человеческих поступков, а также служит мощным инструментом воздействия на тех, кто совершает такие преступления. Более того, она выполняет функцию предупреждения, направленную на сдерживание потенциальных нарушителей общественного порядка.

Важно подчеркнуть, что терроризм часто коренится в социальных конфликтах, и общественное мнение может оказывать существенное влияние на восприятие этих преступлений. Государственные меры по уголовной ответственности должны учитывать не только сами преступления, но и корни их возникновения. Понимание социальных контекстов и работа с общественным мнением становятся важными аспектами борьбы с терроризмом, направленными на адресацию основных причин и создание обстановки, при которой подобные акты станут менее вероятными.

Цель исследования – проанализировать особенности уголовной ответственности за террористический акт и меры совершенствования уголовных норм в борьбе с терроризмом.

С учетом того, что терроризм часто уходит корнями в социальные противоречия, эффективные меры должны не только бороться с проявлениями самого преступления, но и предотвращать формирование почвы для его зарождения. Это включает в себя устранение или разрешение обостренных социальных противоречий, обеспечение социальной справедливости и равенства, а также создание условий для конструктивного разрешения конфликтов. Разработка государственных стратегий, направленных на устойчивое и гармоничное общество, становится важным аспектом борьбы с террористическими угрозами.

При рассмотрении санкций, предусмотренных статьей 205 УК РФ, видно, что за террористический акт могут быть применены разнообразные виды наказаний, такие как ограничение свободы на определенный срок, пожизненное заключение и лишение свободы в дополнение к основному виду наказания. Эти меры направлены на эффективное противодействие террористическим угрозам и подчеркивают серьезность таких преступлений в глазах законодателей.

Внедрение наказания в виде пожизненного лишения свободы за террористический акт предшествовало принятию Федерального Закона от 21.09.2004 г. №74-ФЗ, что вызвало противоречие с частью статьи 20 Конституции РФ. В соответствии с данной статьей, смертная казнь могла быть установлена законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления против жизни, при условии обеспечения права обвиняемого на рассмотрение дела судом с присяжными. Однако часть 1 статьи 57 УК РФ, действовавшая до принятия указанного закона, предусматривала пожизненное лишение свободы в качестве альтернативы смертной казни за особо тяжкие преступления. Таким образом, законодательство расширило норму, утверждая, что пожизненное лишение свободы может применяться за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности, что было отражено в пункте 3 статьи 205 УК РФ.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, дела о терроризме, шпионаже и других преступлениях не подлежат рассмотрению судом присяжных. Однако статья 47

Конституции РФ предоставляет обвиняемому право на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных законом. На тот момент статья 217 УПК РФ утверждала, что следователь должен разъяснить обвиняемому право подавать ходатайство о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных после знакомства с материалами дела.

Мнение Л.В. Туркаевой подчеркивает, что Конституционный Суд РФ допускает ошибку, утверждая, что право обвиняемого на рассмотрение дела присяжными заседателями не является основополагающим правом, принадлежащим каждому человеку с момента рождения. В соответствии с ее точкой зрения, поскольку право на рассмотрение дела с присяжными заседателями закреплено в Конституции РФ, оно признается конституционным и, следовательно, уголовно-процессуальные нормы не могут противоречить ему [1, с. 15]. Такое мнение отражает важность защиты конституционных прав и принципов, включая право на рассмотрение дела присяжными заседателями, как одного из ключевых элементов судебной системы. В этом контексте обсуждается вопрос о том, насколько уголовно-процессуальные нормы соответствуют конституционным принципам и гарантиям прав граждан.

В контексте терроризма можно предположить, что это одно из наиболее общественно опасных преступлений, за которое предусмотрено лишение свободы до 20 лет или пожизненное лишение. Однако отсутствие возможности рассмотрения дела судом присяжных может ограничивать конституционные права подсудимого.

В отношении оценки санкций статьи 205 УК РФ возникли различные точки зрения. М.П. Киреев выделяет четыре недостатка в законодательстве о террористических актах. Во-первых, сужение субъективной стороны преступления. В предыдущих версиях УК РФ учитывались разнообразные цели, такие как «нарушение общественной безопасности» и «устрашение населения», в то время как сейчас они ограничены «дестабилизацией деятельности органов власти или международных организаций» и «воздействием на принятие решений». М.П. Киреев предлагает восстановить более широкий спектр целей для точной квалификации.

Во-вторых, М.П. Киреев отмечает добавление цели «дестабилизация деятельности органов власти и международных организаций» в 2014 году несмотря на то, что ранее террористические акты, такие как взрывы в метро и аэропорту, не воздействовали на решения органов власти. Он предлагает внести изменения, чтобы учесть «нарушение общественной безопасности» и «устрашение населения» в субъективной стороне статьи 205 УК РФ.

В-третьих, ограниченность субъективной стороны статьи 205 УК РФ. М.П. Киреев указывает, что закон упоминает только цель «воздействие на принятие решений», исключая возможность террористов требовать от государственных или международных органов бездействия. Он предлагает расширить подход, включая такие сценарии в субъективную сторону террористического акта.

Четвертым аспектом, выделенным М.П. Киреевым, является ограниченность субъективной стороны террористического акта. В статье 205 УК РФ указывается только цель «воздействие на принятие решений», исключая возможность террористов предъявлять требования к государственным или международным органам о бездействии. М.П. Киреев полагает, что такая ограниченность может быть использована террористами для избежания наказания, и предлагает более широкий подход, который включает в себя такие сценарии в субъективную сторону террористического акта [2, с. 219].

Внесение предложенных поправок в законодательство предполагается повысить эффективность борьбы с терроризмом, учитывая особую тяжесть данного преступления. В последние годы среди юристов и политологов ведется обсуждение возможности введения смертной казни как высшей исключительной меры наказания

для террористов. Несмотря на предложения о восстановлении смертной казни, Госдума в 2015 году отклонила законопроект о ее введении. Однако некоторые рассматривают смертную казнь как справедливую меру наказания для такого тяжкого преступления, как террористический акт.

Проблема терроризма в России стала особенно актуальной, представляя собой наиболее опасное явление среди разнообразных политических, социальных и экономических проблем страны.

Мнение Д.А. Добрякова подчеркивает, что даже при наличии пожизненного заключения существует вероятность освобождения осужденных посредством амнистии, помилования, пересмотра дела или даже побега. В своем рассмотрении он выделяет, что освобождение от высшей меры наказания, такой как смертная казнь, может способствовать массовому рецидиву и увеличению числа аналогичных преступлений. Это взгляд на динамику уголовной системы, подчеркивающий важность обеспечения эффективного контроля за осужденными и применение соответствующих мер безопасности. В контексте уголовной политики обсуждается баланс между наказанием и возможностью исправления, а также роли государства в обеспечении безопасности общества при наличии различных сценариев освобождения осужденных [3, с. 224].

При анализе законодательства США отмечается, что терроризм рассматривается как федеральное преступление, и основными видами наказания являются смертная казнь, лишение свободы и штраф.

Данное мнение связано с идеей о более строгих мерах по борьбе с терроризмом, включая применение самого сурового вида наказания в виде смертной казни. Однако такие предложения часто вызывают дебаты в обществе и среди правозащитных организаций, поскольку смертная казнь является предметом этических и правовых споров.

А.Ф. Надыршина высказывает мнение, что угроза смертной казни не остановит терроризм из-за специфики преступления, включающего смертников [4, с. 104]. Соглашаясь с А.Ф. Надыршиным, можно выделить, что страх перед смертной казнью не обязательно является действенным средством для остановки террористов. Однако, чтобы оценить реальный эффект смертной казни на снижение уровня террористических актов, следует предварительно восстановить её применение. Проведение референдума среди населения о восстановлении смертной казни может предоставить представление о мнении общества относительно эффективности этого вида наказания. Учитывая опасность террористических актов, смертная казнь может рассматриваться как единственная альтернатива для наказания за столь тяжкие преступления, как терроризм.

Таким образом, уголовная ответственность за террористические акты играет ключевую роль в обеспечении безопасности общества. Необходимость постоянного совершенствования уголовных норм и законодательства находится в центре эффективной борьбы с терроризмом. Важно также учитывать общественное мнение и проводить обширные обсуждения и консультации перед внесением существенных изменений в уголовное законодательство. Только такой подход обеспечит создание эффективных и сбалансированных механизмов противодействия террористическим угрозам, защищая основные права и свободы граждан.

Исходя из изложенного, предлагается:

– часть 1 статьи 205 Уголовного кодекса РФ сформулировать следующим образом: «Террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных деяний, создающих угрозу для населения, причиняющих значительный материальный ущерб или вызывающих иные общественно опасные последствия, с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения или дестабилизации деятельности

органов власти и международных организаций, а также воздействия на принятие или воздержание от решений»;

– дополнить главу 24 статьей: «Угроза совершения террористического акта».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туркаева Л. В. Содержание конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей / Л.В. Туркаева // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – №3 (26). – С. 15-18.
2. Киреев М.П. О соотношении терроризма и преступлений террористической направленности по российскому законодательству / М.П. Киреев // Социально-политические науки. – 2018. – №5. – С. 219-222.
3. Добряков Д.А. Тенденции применения пожизненного лишения свободы / Д.А. Добряков // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2020. – № 457. – С. 221-228.
4. Надыршина А. Ф. Смертная казнь как наиболее адекватная мера наказания за терроризм // Сибирский юридический вестник. – 2003. – №2. – С. 104-105.

CRIMINAL LIABILITY FOR A TERRORIST ACT AND MEASURES TO IMPROVE CRIMINAL NORMS IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM

Annotation. The article discusses the issues of criminal liability for a terrorist act and measures to improve criminal norms in the fight against terrorism. The current legislation of the Russian Federation in the field of countering terrorism is analyzed, its gaps and shortcomings are identified. The author proposes a number of measures to improve criminal norms in the fight against terrorism, including: to formulate the concept of a «terrorist act» and to supplement chapter 24 with an article: «The threat of a terrorist act.»

Keywords: criminal liability, terrorism, sanction, imprisonment, death penalty.

Sapegin A.

Scientific adviser: Manivletz E., Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: Sapegin.2012@yandex.ru

УДК 34(37):(470+571)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Саутин Р. М.

*Научный руководитель: Косач Н. Е., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается влияние римско-византийского права на формирование современного законодательства Российской Федерации. Приводится обоснование наличия заимствований институтов византийских частно-правовых отношений в нормах российского гражданского законодательства.

Ключевые слова: римско-византийское правовое наследие, российская правовая доктрина, древнерусское право, Эклога, частно-правовые отношения, рецепция.

Византия, как олицетворение высокого уровня цивилизации и культуры, по сей день представляет интерес для современного российского законодательства. Изучение византийского права способствует пониманию исторических корней и традиций российской правовой системы. Византийское право отличалось высокой степенью развития и системности, а также сильным влиянием христианства на правовые нормы. Поэтому, изучение византийского опыта может быть полезным и в перспективном аспекте развития и усовершенствования для современной правовой системы России, основанной на христианских ценностях и устоях.

Следует также отметить, что византийское право в некоторых аспектах может быть актуально и в современном мире, например, в сфере моральных и этических норм, защиты прав и свобод человека, а также в области отношений между церковью и государством. Таким образом, изучение византийской правовой системы может помочь современному законодательству учесть исторические традиции и ценности при разработке новых законов и реформировании правовой системы.

Как справедливо отмечает Левгеева Т.Б. «...при изучении ключевых этапов становления и перспектив развития правовой системы России, необходимо опираться в первую очередь на принцип историзма» [1], который позволяет проследить основные закономерности формирования российского права с учётом условий, в которых оно происходило, а также неразрывную связь с иными событиями на том или ином историческом промежутке времени.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Вопросы изучения истории византийского права и его влияния на памятники права как древнерусского государства, так и современного российского законодательства рассматривались в трудах многих исследователей, среди которых следует отметить труды таких авторов, как: Владимирский-Буданов М.Ф., Кецба Б.И., Костогрызова Л.Ю., Крылов Н., Неволин Е.А., Сергеевич В.И., Соколов И.И., Тиктин Н.И., Чернова И. Б. и др..

Целью данного исследования выступает анализ степени влияния римско-византийского права на современное законодательство Российской Федерации.

Стоит отметить, что в настоящее время современными авторами предпринимаются попытки переосмыслить значение римско-византийского права в российской правовой теории и законодательстве, а также осветить новые аспекты данной проблематики. Как справедливо подчёркивает Чемеринская В.В., данная тема является важной и для истории, и для юриспруденции, так как она позволяет определить степень практического значения римско-византийского правового наследия отечественного законодательства [2, с. 63].

Таким образом, обращение к истории российского права, рассмотрение некоторых особенностей его развития, определение степени влияния римско-византийского права, а так же того значения, которое в нём сыграло римское частное право, актуально для современного российского законодательства.

Среди положений, представленных в научно-правовой литературы, отмечаются три основные концепции, которые явно демонстрируют влияние римско-византийского права на российское законодательство:

1) Первая точка зрения, поддерживаемая такими учеными, как С. А. Муромцев и Ф. Леонтович, а также графом М. М. Сперанским, утверждает, что российское право развивалось самостоятельно и практически не заимствовало ничего от римского права.

2) Вторая точка зрения, представленная, например, К. Д. Кавелиным, утверждает, что российское право полностью произошло из римского и византийского права.

3) Третья точка зрения, выдвинутая учеными, такими как Н. Рождественский и Н. Л. Дювернуа, предполагает, что российское право в определенные периоды истории заимствовало отдельные институты и понятия из римско-византийского права. Они признавали, что российское право не было полностью зависимо от римско-византийского, но в то же время отмечали некоторое влияние этих традиций на формирование отдельных институтов и понятий в российском праве.

Таким образом, разные точки зрения на влияние римско-византийского права на российское законодательство отражают сложность и многообразие процессов взаимодействия правовых систем в разные исторические периоды. Важно учитывать все эти аспекты при изучении истории и развития российского права.

История и влияние римского права на различные юридические системы мира весьма своеобразны и уникальны по своей природе. Стоит отметить, что в России

рецепция римского права в полном смысле этого слова, в отличие от некоторых стран Азии, Латинской Америки, а также стран Западной Европы не имела такого преобладающего значения. Такой юридический памятник как Дигесты Юстиниана, хотя и оказал определенное влияние на формирование современного гражданского права и других частноправовых отношений в России, однако никогда не были в ней действующим правом.

Как подчёркивает Гааг Л.В., «обобщив значительный эмпирический материал, современные цивилисты вполне резонно замечают, что российское гражданское право «почти никогда не использовало впрямую законодательные решения римского права (подобно тому, как это сделал известный наполеоновский Code Civil, до сих пор формально действующий во Франции)» [3]. Такой Российский историк как М. В. Владимирский-Буданов всё же отмечает о рецепции некоторых кодексов Византийского светского права, однако подчёркивает, что заимствования греческих норм русским правом не носило того всеобъемлющего и обширного характера, как в странах Западной Европы [4, с. 90-91].

В рамках современной правовой науки распространена именно третья концепция, которая особо подчёркивает влияние римско-византийского права на становление российского гражданского права, путём закрепления основных постулатов в действующем гражданском законодательстве.

В связи с этим, стоит подчеркнуть важность такого законодательного памятника истории, как Дигесты Юстиниана, которые оказали большое влияние на развитие современной российской юриспруденции, сыграли несоизмеримую роль в формировании современного гражданского права и основ иных частноправовых отношений.

К частному праву относились такие правовые нормы, которые были направлены на защиту интересов частных лиц, эти нормы являются диспозитивными и могут быть в любой момент изменены по соглашению сторон. В свою очередь, публичное же право представляло собой право, нормы которого направлены на защиту исключительно интересов государства. Данные правовые нормы являются императивными, т.е. нормами регулирования так называемых вертикальных отношений, отношений между государством с одной стороны и гражданами – с другой.

В своей работе Вернигора А.А. отметила, что «...впервые частно-правовые отношения в России были заложены в первом памятнике российского права – Русской правде. Позже частное право развивалось в Судебниках 1497 года и 1550 года, Соборном уложении 1649 года. Право собственности – это основная категория всего частного права – в Российском государстве появилась путем рецепции из права Древнего Рима. Крепостное право являлось причиной того, что на протяжении длительного времени в Российской Империи институт права собственности был в неподвижном состоянии. Когда Александр II провел реформы, то право собственности стало «общеправовой нормой» и частноправовые отношения начали развиваться» [5].

Помимо частноправовых отношений Дигесты Юстиниана позволили систематизировать законодательство в целостную систему, представляя собой структурированный свод правовых положений.

Таким образом, систематизации правовых норм Дигестов Юстиниана активизировала процесс формирования основных отраслей права, известных в современной юриспруденции:

- а) материальное право – отрасли права, которые регулируют юридическое содержание общественных отношений, устанавливая права и обязанности субъектов;
- конституционное право – такая отрасль права, которая закрепляет форму правления, государственно территориального устройства, права и обязанности граждан, избирательное право и избирательную систему, порядок формирования, функции и взаимоотношения высших органов государственной власти;

– гражданское право – отрасль права, которая регулирует имущественные отношения в обществе и связанные с ними личные неимущественные отношения;

– административное право – отрасль права, которая регулирует общественные отношения в сфере государственного управления: соблюдение правил дорожного движения, противопожарных и санитарных правил и т. д.;

– уголовное право – отрасль права, которая состоит из юридических норм, определяющих преступность и наказуемость деяний, которые могут быть опасны для общества;

– семейное право – отрасль права, которая регулирует брачно-семейные отношения: условия и порядок вступления в брак, прекращение брака, призвание его недействительным, права и обязанности супругов, родителей и детей и т. д.;

– трудовое право – отрасль права, регулирующая трудовые правоотношения работников и работодателей: заключение, изменение и расторжение трудовых договоров, рабочее время и время отдыха;

– экологическое право – отрасль права, которая регулирует отношения в сфере взаимодействия человека и общества с окружающей средой

б) процессуальное право – отрасли права, которые регулируют процедурные и организационные вопросы реализации нормы материального права;

– гражданское процессуальное право – отрасль права, которая состоит из норм, регулирующих порядок судопроизводства по гражданским делам;

– уголовное процессуальное право – отрасль права, включающая юридические нормы, которые регулируют основания и порядок производства по уголовным делам;

– арбитражный процесс – отрасль права, процесс прохождения дел в арбитражных судах;

– конституционное судопроизводство – отрасль права, судопроизводство в Конституционном суде [6, с. 397].

Интерес, в настоящее время, представляет изучение специфики современных брачно-семейных отношений с присущими им изменениями по сравнению с заложенными брачно-семейными основами древнего периода. Принципы регулирования семейных отношений того периода были закреплены в Эклоге. Анализ специальной научной литературы позволил сделать вывод о том, что исследователи, так или иначе касавшиеся проблемы заимствования византийских норм, сходились, как правило, на том, что в первую очередь «...русскими «законниками» того времени, происходившими преимущественно из церковной среды, заимствовались нормы византийского церковного права, а уж затем – светского, причем в первую очередь в сфере регулирования брачно-семейных и наследственных отношений». То есть, ключевым аспектом в установлении норм, регулирующих сферу брачно-семейных отношений служил «церковный элемент», как новое измерение человеческой жизни, который имел место в VIII столетии. Несмотря на совершенно новые представления об отношениях в брачно-семейной сфере, некоторые принципы, заложенные Эклогой, сохраняются и в настоящее время. В качестве примера можно привести принцип моногамности брака, утвержденный Эклогой согласно наставлениям христианской церкви. Влияние Эклоги отразилось также в принципах: единобрачия; добровольности брака; достижения брачного возраста как условия заключения брака; не определения крайнего старческого брачного возраста; равенства прав мужа и жены на имущество каждого из них; имущественной самостоятельности жены; общности семейного имущества; самостоятельной ответственности мужа и жены по своим обязательствам.

Таким образом, несмотря на то, что в современной интерпретации брачных отношений значительно изменилось традиционное знание прав и обязанностей мужа и жены, а также большее внимание акцентировано на психолого-эмоциональную сторону отношений, можно сказать, что некоторые идеи Эклоги сохранились и влияют на

современные брачно-семейные отношения, но при этом произошли значительные изменения в понимании и регулировании этих отношений в соответствии с современными ценностями и потребностями общества.

В современном наследственном праве сохраняются принципы, заложенные византийскими правовыми нормами наследования: приоритет родственных связей, именуемый когнатским родством, равенства прав наследников независимо от пола; очередности допуска к наследованию; преемственности между наследниками разных классов и степеней; устранения предыдущей очередью наследников, следующей; устранения от права на наследство; свободы завещательных распоряжений.

Однако, несмотря на важность изучения сохранившихся правовых памятников, существовавших норм и устоев, первостепенное значение, по-нашему мнению, приобретает выяснение роли формального права в регуляции общественных отношений, как необходимого элемента внутреннего правосознания народа, нравственных ценностей присущих той эпохи. В связи с этим ключевым аспектом, как отмечает ряд учёных, является то, что Византия внесла вклад в формирование нравственных идеалов русского народа путём христианизации Руси. Идеалы редко реализуются на практике, однако являются мощным регулятором жизни и, в первую очередь, воздействует на преобразование внутреннего, духовного мира каждого человека, что было очень важно и остаётся приоритетным и в современной действительности [7, с. 111].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному стоит указать, что римско-византийское право оказало определённое влияние на развитие российского законодательства, особенно в части гражданского права. Однако, следует отметить, что это влияние не было столь обширным и всепоглощающим, как в некоторых других странах мира. Русское право, как и современное российское законодательство всегда имело свои особенности и специфику, приспособлявая и адаптируя принимаемые нормы к развивающимся условиям и общественным отношениям. История развития российского права и его взаимосвязь с византийским правом должны представлять интерес для изучения и понимания современной правовой системы. В современном законодательном пространстве тема Византии и её правовых памятников сих пор не утихает среди академических и богословских кругов, что является позитивной тенденцией в изучении и принятии нюансов регулирования сфер человеческой деятельности. Дальнейшее изучение исторических законодательных памятников Византийской империи, а также особенностей правосознания и правовой культуры рассматриваемого периода, будет способствовать совершенствованию действующего законодательства, учитывая исторический опыт и особенности того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левгеева, Т. Б. Исторические аспекты развития правовой системы России / Т. Б. Левгеева // Новый юридический вестник. – 2019. – № 7 (14) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/9/archive/148/4650/> (дата обращения: 21.02.2024). – Загл. с экрана.
2. Черминская, В.В. Влияние Византийского права на древнерусское и российское законодательство X-XVII вв. : Опыт сравнительного анализа : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – Москва, 2003. – 186 с.
3. Гааг Л. В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье / Л.В. Гааг // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2022. №43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnesenii-rossiyskoj-pravovoy-sistemy-k-romano-germanskoj-pravovoy-semie> (дата обращения: 24.02.2024). – Загл. с экрана.
4. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
5. Вернигора, А.А. Роль Дигестов Юстиниана для современной юриспруденции / А.А. Вернигора // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-digestov-yustiniana-dlya-sovremennoy-yurisprudentsii> (дата обращения: 21.02.2024). – Загл. с экрана.

6. Баранов, П. А. Обществознание : Новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ / П.А. Баранов, А.В. Воронцов, С.В. Шевченко; под ред. П.А. Баранова. 4'е изд., перераб. и доп. – Москва: АСТ, 2018. – 478 с.
7. Чернова, И. Б. Религиозный аспект византизма и русская национальная духовность: дис. кандидат философских наук: 09.00.06 – Философия религии. Ростов-на-Дону. 2000. – 158 с.

THE ROLE AND IMPORTANCE OF BYZANTINE LAW IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. The article examines the influence of Roman-Byzantine law on the formation of modern legislation of the Russian Federation. The substantiation of the existence of borrowings of the institutions of Byzantine private law relations in the norms of Russian civil legislation is given.

Keywords: Roman-Byzantine legal heritage, Russian legal doctrine, ancient Russian law, Eclogue, private legal relations, reception.

Sautin R.

Scientific adviser: Kosach N., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: r.sautin@mail.ru

УДК 346.2

ДАРЕНИЕ ДОЛИ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Седунова Д. А.

*Научный руководитель: Смирнова Е. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В научной работе рассматривается актуальная проблема регулирования отношений участников обществ с ограниченной ответственностью, связанная с отчуждением доли или части доли уставного капитала общества посредством заключения договора дарения. Автором статьи рассматривается теоретический аспект дарения доли участником общества с ограниченной ответственностью, а также риски при заключении договора дарения, а именно случаи, когда договор дарения может считаться мнимой сделкой.

Ключевые слова: дарение, сделка, участник общества, мнимая сделка.

Общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) является наиболее популярной и гибкой организационно-правовой формой создания юридического лица. Это обусловлено тем, что в обществе может числиться от одного до пятидесяти участников, что позволяет при введении бизнеса иметь равные права и обязанности, а также официально делить прибыль.

Учредители могут столкнуться с рядом проблем при реализации своих корпоративных прав, среди них актуальной проблемой является распоряжение долей в уставном капитале.

При осуществлении продажи или дарения доли, участник общества заключает сделку. Обращаем внимание, что данное действие имеет важный юридический характер, который заключается в необходимости проверить не только законность сделки на момент её совершения, но и проанализировать основные юридические риски в долгосрочной перспективе. В связи с этим в работе будет рассмотрена не только теоретическая часть дарения доли общества с ограниченной ответственностью, но также и риски, которые возникают при дарении доли в ООО.

В соответствии с законодательством Российской Федерации владельцы доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью наделены правом распоряжаться долей в установленном законом порядке.

Согласно ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» участник общества вправе продать или осуществить отчуждение иным образом своей доли или части доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам данного общества [1]. При этом следует учитывать, что согласие других участников общества или общества на совершение такой сделки не требуется, если иное не предусмотрено уставом общества.

Приведенное положение Закона предписано учитывать судам в подп. «а» п. 12 Постановления Пленума ВС России и Пленума ВАС России от 9 декабря 1999 г. № 90/14 при разрешении споров, связанных с переходом доли (части доли) участника в уставном капитале общества к другим лицам. В Постановлении также указано, что уступка доли (части доли) участника общества иным образом, за исключением продажи, означает её обмен или дарение [2].

Рассмотрим процедуру оформления дарения доли в обществе с ограниченной ответственностью. Следует в начале выделить нюансы, которые участник общества обязан знать при осуществлении сделки, а именно:

- при заключении договора дарения доли в ООО не требуется соблюдать преимущественное право участников общества, как при сделках купли-продажи;
- законодательством предусмотрено обязательное заверение нотариусом договора дарения доли общества с ограниченной ответственностью;
- в случае дарения доли общества третьему лицу требуется согласие супруга дарителя на совершение сделки.

Исследуя вопрос научной работы, следует в начале дать определение процессу дарения. Дарение доли в первую очередь – это право участника общества, распоряжаться долей, если иное не предусмотрено уставом. В случае, если устав общества не ограничивает и не запрещает участнику свободно распоряжаться своей долей в уставном капитале общества, то в данном случае участник вправе на безвозмездной основе передать принадлежащие участнику доли одному из участников общества, близкому родственнику или третьему лицу.

Правовым основанием для дарения доли в обществе с ограниченной ответственностью является ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО).

Важно учитывать, что положения приведённых норм, могут быть изменены уставом общества, а, следовательно, участник общества, который желает совершить любые действия, связанные с распоряжением доли, должен изучить законодательную базу для совершения действия путём непротиворечащим закреплённым нормам.

Алгоритм дарения доли состоит из следующих этапов:

- изучить и выявить, что в уставе ООО нет запретов и ограничений на распоряжение долей путём её дарения;
- получить согласие супруга на сделку, а также согласие одаряемого;
- полностью оплатить долю (если не планируется дарение в размере уже оплаченной доли).
- при необходимости уведомить участников ООО о сделке способом, предусмотренным в уставе.

Статья 93 ГК РФ закрепляет императивную норму для осуществления процедуры дарения доли участника общества [3]. Дарение доли, будет иметь юридическую силу путём заключения сделки, когда одной из сторон будет выступать даритель – участник общества, и одаряемый – третье лицо или другой участник общества. Даритель вправе распоряжаться принадлежащей ему долей в случае полной её оплаты. То есть, если владелец доли общества на момент её дарения не оплатил её полную стоимость, то осуществить дарение он не имеет права.

Следующим важным моментом, при дарении доли является получение согласия дарителя и одаряемого на осуществление сделки. Также следует учитывать, нормы семейного законодательства, а именно, что если имущество находится в общей совместной собственности, то дарение допускается по согласию участников совместной собственности [4].

Из вышесказанного следует, что супругу необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга, для осуществления сделки. На основе анализа семейного и гражданского законодательства выявлено, что в случае если предметом договора дарения является движимое имущество, по общему правилу оформление согласия в письменной форме не требуется. Данное правило закреплено в п. 3 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ); ст. 130, п. 1 ст. 131 ГК РФ; п. 11 ст. 21 Закона об ООО.

Недостатком процедуры дарения доли можно считать то, что поскольку дарение является сделкой, на практике встречаются случаи, когда договор дарения доли в ООО квалифицируется, как притворная сделка договора купли-продажи. Осуществляя дарение доли у участника появляется высокий риск оспаривания сделки, как притворной, а именно – прикрывающей договор купли-продажи доли в уставном капитале.

В обоснование данного мнения следует привести п. 2 ст. 170 ГК РФ. Данная статья предусматривает, что притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе, сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила.

В соответствии с п. 87 Постановления № 25 сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, влечет общие последствия, установленные статьей 167 ГК РФ (двусторонняя реституция). В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации всё полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом [5].

Распространение преимущественного права только на случаи отчуждения доли по договору купли-продажи, создаёт благоприятную почву для злоупотребления правом со стороны участников общества.

Рассматривая данный вопрос путём анализа судебной практики, то следует отметить, что на практике широко распространены обращения в суд с исками о признании договора дарения притворной сделкой, что обусловлено прикрыванием договором возмездного отчуждения доли. То есть договор заключается с целью обойти преимущественные права другого участника на приобретение доли. Однако в силу того, что установить факт возмездности данного договора практически невозможно, суды отказывают в удовлетворении исковых требований [6].

Изучая практику, следует отметить, что существуют единичные случаи удовлетворения исковых требований. Однако данные случаи из судебной практики трудно назвать исключением из общего правила, поскольку для них характерно наличие специфических условий, которые позволяют судам вынести положительное решение.

В качестве примера можно привести ситуации, когда с иском заявлением обращается не участник общества, преимущественное право которого было нарушено, а сторона по сделке [7].

Данный пример будет проанализирован исходя из Постановления Арбитражного суда Московского округа от 24.11.2016 № Ф05-17233/2016 о признании недействительными договора дарения долей в уставном капитале, договоров по переоформлению долей в уставном капитале, применении последствий

недействительности ничтожной сделки, расторжении договора купли-продажи доли в уставном капитале, признании права на долю в уставном капитале.

Субъектами дела является Балаховский Александр Моисеевич, Босинзон Яков – истцы, которые обратились в Арбитражный суд Московской области с иском заявлением к Антипову Геннадию Владимировичу, Бурковскому Игорю Витальевичу, ООО «Красота и Солнце» о признании недействительным договора дарения 70% долей в уставном капитале ООО «Бест Клин» от 15.10.2014. То есть истец, не получив оплату за долю в размере 24 миллионов рублей, которую обещал передать Ответчику при заключении договора дарения, обратился с иском заявлением в суд.

Из дела следует, что ответчик также не отрицал тот факт, что сделка была возмездной, и пояснил следующее: из-за оформления сделки не по договору купли-продажи, а путем дарения ему была предложена существенная скидка, кроме того, договор дарения был заключен из-за простоты оформления сделки.

Выводы суда первой и апелляционной инстанций по данному делу ссылались о признании договоров дарения части доли в уставном капитале общества от 28.01.2016 по отчуждению 51% доли Бурковскому И.В. и 19% доли ООО «Красота и Солнце» ничтожными являются законными

В ходе рассмотрения дела, требование удовлетворено, поскольку договор дарения долей в уставном капитале, направленный на достижение других правовых последствий и прикрывающий иную волю всех участников сделки, является притворной сделкой.

Законодательство не запрещает участнику общества свободно распоряжаться своей долей в пределах, установленных законодательством и уставом общества, однако вследствие желания участника общества и одаряемого избежать оформления процедуры купли-продажи они могут оформить её как дарение.

Таким образом, на практике зачастую встречаются случаи, когда заключение договора дарения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является притворной сделкой договора купли-продажи такой доли. Мотивы заключения такой сделки могут быть разные. Во-первых, дарение доли в установленном законодательством порядке является более простой сделкой по оформлению и на её осуществление необходим более короткий срок, чем на оформление договора купли-продажи. Во-вторых, путем заключения договора дарения стороны могут обойти право преимущественной покупки доли. Однако, стоит учитывать, что притворная сделка может быть признана недействительной и иметь негативные юридические последствия для сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ – Дата обращения 14.02.2024 – Загл. с экрана.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 90, Пленума ВАС РФ N 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25814/ – Дата обращения 14.02.2024 – Загл. с экрана.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата обращения 14.02.2024 – Загл. с экрана.
4. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ – Дата обращения 14.02.2024 – Загл. с экрана.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ – Дата обращения 16.02.2024 – Загл. с экрана.

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.06.2015 N Ф09-12994/13 по делу N А60-13800/2013 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 24.11.2016 N Ф05-17233/2016 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

DONATION A SHARE OF A LIMITED LIABILITY COMPANY

Annotation. The scientific work addresses the actual problem of regulating the relations of participants in limited liability companies related to the alienation of a share or part of the share of the company's authorized capital through the conclusion of a donation agreement. The author of the article considers the theoretical aspect of giving a share by a member of a limited liability company, as well as the risks when concluding a gift agreement, namely cases when a gift agreement can be considered an imaginary transaction.

Keywords: donation, transaction, participant of society, imaginary transaction.

Sedunova D.

Scientific adviser: Smirnova E., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: sedunova.dasha61@gmail.com

УДК 366.54

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ САЛОНАМИ КРАСОТЫ

Селезнёва В. Р.

*Научный руководитель: Смирнова Е. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе производится анализ защиты прав потребителей при оказании услуг салонами красоты. Современные реалии показывают, что часто нарушаются права потребителей в этой области из-за недостаточной осведомленности клиентов и недобросовестных предпринимателей. В работе исследуются законодательство и судебная практика, на основании чего определяются и детально анализируются основные права и гарантии потребителей.

Ключевые слова: потребитель, исполнитель, права потребителя, услуга, законодательство.

Салоны красоты являются популярным местом для получения различных услуг, таких как парикмахерские, маникюр, педикюр, косметические процедуры и многое другое. Однако, как и в любой области, возникают ситуации, когда права потребителей нарушаются, их интересы не учитываются или они сталкиваются с некачественным обслуживанием. Это связано, прежде всего, с тем, что потребитель не всегда осведомлен о своих правах, а недобросовестные предприниматели этим пользуются.

Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать действующее законодательство и судебную практику по данному вопросу, и на основании данного анализа определить основные права и гарантии потребителей, обратившихся за оказанием услуг в салоны красоты.

Прежде всего, необходимо отметить, что услуги, предоставляемые салонами красоты, должны соответствовать требованиям законодательства, чтобы они были действительно безопасными для их жизни, а также здоровья.

Услуги салонов красоты регулируются несколькими нормативно-правовыми актами:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ.

2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей).

3. «Правила бытового обслуживания населения», утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.09.2020 г. № 1514 (далее – Правила бытового обслуживания).

4. ГОСТ Р 51142-2019 «Услуги бытовые. Услуги парикмахерских и салонов красоты. Общие технические условия» (далее – ГОСТ Р 51142-2019).

5. СП 2.1.3678-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации помещений, зданий, сооружений, оборудования и транспорта, а также условиям деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг».

Первая важная норма, которую салоны красоты обязаны соблюдать в соответствии с указанными законами, – это право потребителей на получение информации.

Согласно ст. 9 Закона о защите прав потребителей и п. 2 Правил бытового обслуживания, исполнитель обязан представить потребителю информацию о своей организации, ее местонахождении и режиме работы. Эта информация должна быть размещена на вывеске. В случае, если исполнителем является индивидуальный предприниматель, ему также обязательно предоставить информацию о государственной регистрации и наименовании зарегистрировавшего его органа [1, с. 2].

Согласно п. 3 Правил бытового обслуживания, исполнитель должен также предоставить следующую информацию об оказываемых услугах:

- перечень услуг, формы и условия их предоставления;
- сроки оказания услуг;
- данные о специалисте, выполняющем услугу, если это имеет значение для характера услуги;
- требования, обеспечивающие безопасность для потребителя и его имущества;
- образцы договоров, квитанций и других документов об оказании услуг;
- перечень категорий потребителей, имеющих право на льготы, и перечень льгот, предоставляемых в соответствии с законами Российской Федерации и другими нормативно-правовыми актами.

Эта информация должна быть удобно расположена и доступна для ознакомления потребителей.

Кроме того, исполнитель обязан иметь книгу отзывов и предложений, которую предоставляет потребителю по его требованию. Книга должна быть размещена на видном месте, например, у входа в салон красоты или на стойке администратора. Клиенту должны быть созданы все необходимые условия для внесения записи в книгу отзывов и предложений, такие как наличие ручки, стола и стула. Требование предъявить личные документы или объяснить причины жалобы запрещено. Только представители правоохранительных органов и войск Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации могут требовать предъявить удостоверение личности (статья 13 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», статья 9 Федерального закона от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации») [3, с. 4].

Второе важное требование, которое салоны красоты должны соблюдать, – это требования безопасности, устанавливаемые Правилами бытового обслуживания и ГОСТ Р 51142-2019[5].

В соответствии с пунктом 6.2 ГОСТ Р 51142-2019, при оказании парикмахерских и салонов красоты должны соблюдаться следующие требования безопасности:

- 1) Строго соблюдать срок использования материалов, указанный производителем.

2) Учитывать противопоказания и индивидуальные особенности клиента при использовании материалов и проведении технологических процессов.

3) Проверить клиента на возможность аллергических реакций на используемые материалы перед химической завивкой, окрашиванием волос, бровей и ресниц, согласно описанию технологии услуги.

4) Соблюдать нормы времени, расхода материалов и последовательность технологических операций согласно технологии услуги.

5) Проходить обязательную дезинфекцию используемых инструментов и приспособлений.

6) Регулярно проводить санитарную обработку белья, используемого для обслуживания клиентов, или использовать одноразовое белье, запрещается повторное использование одноразового белья.

7) Для достижения оптимальных результатов и учета индивидуальных особенностей клиента, температура используемой воды должна соответствовать требованиям технологии данного вида услуг. В случае отсутствия технологического описания температурных режимов воды для конкретного вида услуг, рекомендуется использовать воду, нагретую до значения не менее 38°C, но не превышающую 50°C.

8) Для обеспечения безопасности и качества услуг, запрещается применение, хранение и использование материалов, составленных по индивидуальному рецепту, которые не подтверждены документом о соответствии.

Для определенных видов услуг дополнительно устанавливаются правила, которые действуют параллельно с установленными в пункте 6.2.

Например, в соответствии с пунктом 6.3 ГОСТ Р 51142-2019, при предоставлении услуг по уходу за волосами следует соблюдать следующие требования:

1. При проведении химической завивки и окрашивания волос химическими красителями необходимо точно соблюдать состав, концентрацию и время воздействия используемых химических препаратов в соответствии с технологией конкретных видов услуг и учитывать индивидуальную структуру волос клиента. В случае отсутствия технологического описания указанных характеристик должны соблюдаться требования 6.3.2-6.3.4.

2. Массовая доля специального состава (фиксажа) при проведении химической завивки волос не должна превышать 5%.

3. Значение показателя концентрации ионов водорода (pH) препаратов для завивки волос должно быть в диапазоне от 7 до 11.

4. При окрашивании волос химическими красителями массовая доля пероксида (перекиси водорода) должна быть от 0,2% до 18,0%.

При предоставлении услуг по уходу за кожей лица и тела также следует соблюдать дополнительные требования:

1) Работники, оказывающие услуги, должны иметь специальное профессиональное образование или специальную подготовку, а также могут обладать медицинским образованием.

2) При окрашивании бровей и ресниц массовая доля перекиси водорода в препарате не должна превышать 3%. Проверку на чувствительность кожи при предоставлении этой услуги следует проводить согласно технологии данного вида услуги.

3) Маски, предназначенные для ухода за кожей лица, необходимо применять согласно инструкции по использованию препарата, учитывая тип кожи, ее чувствительность и физиологические особенности клиента.

4) Массаж лица и шеи, косметические процедуры следует проводить в строгом соответствии с инструкциями, утвержденными в установленном порядке, с учетом индивидуальных особенностей клиента.

5) При предоставлении услуг, включающих воздействие ультрафиолетовых лучей и высоких температур, необходимо иметь подтверждение отсутствия медицинских противопоказаний для их применения.

Также, согласно п. 19 Правил бытового обслуживания, при оказании парикмахерских услуг перед работой с каждым новым потребителем лицо, оказывающее услугу, обязано вымыть руки с мылом или средством, используемым в качестве мыла.

При химической завивке и окраске волос лицо, оказывающее услугу, обязано сделать потребителю биологическую пробу на чувствительность в соответствии с условиями применения и предупреждениями, указанными на этикетке или в инструкции к используемой парфюмерно-косметической продукции.

Чаще всего, салоны красоты нарушают вышеуказанные требования о безопасности оказания услуг, об этом свидетельствует большое количество судебной практики по данному вопросу.

Так, необходимо рассмотреть дело № 2-125/2020 Октябрьского районного суда г. Пензы (Пензенская область), в котором указывается, что Мхитарян М.А. решила обратиться в суд в связи с произошедшим в период с 28 сентября по 03 декабря 2018 года в салоне красоты «FashionStyle». Во время посещения этого салона Мхитарян М.А. прошла 10 процедур косметической эпиляции волос верхней губы и подбородочной области при помощи электроэпилятора. Каждая процедура сопровождалась сильным ожогом в виде покраснения и множественных ранок на лице и шее истца. После процедур ожоги начинали опухать и сохранялись до 6 дней. Когда клиентка спросила косметолога о причине покраснения лица, тот объяснил, что отеки – это естественная реакция организма и такого рода ожоги – нормальное явление при удалении жестких волос. Однако ожоги не исчезали и после процедуры оставались рубцы. Врач, к которому обратилась пострадавшая, сообщил, что рубцы не исчезнут без использования лазерной шлифовки и специальной мази.

Несмотря на то, что администрация салона вернула все деньги клиентке за проведенные процедуры, она обратилась в суд с иском о компенсации морального вреда в размере 150 000 Р, возмещения расходов на услуги юриста в размере 30 000 Р, а также уплаты потребительского штрафа. Мхитарян М.А. утверждала, что в связи с ожогами она не могла долго появляться на работе и вынуждена была выходить на улицу только с медицинской маской или только вечером.

Представители салона, объяснили, что на лице женщины не было ожогов, а только ямки от удаленных волосяных фолликулов. Эти ямки появились из-за того, что клиентка пришла на процедуру с усами и бородой, сильно напоминающими мужской рост волос. Поэтому было решено использовать электроэпилятор с максимальной мощностью. Согласно заявлению представителей салона, небольшие временные дефекты кожи после таких процедур являются нормальным явлением. Кроме того, они добавили, что кожа клиентки уже до проведения процедуры не была безупречной.

Эксперты, проведя анализ, указали, что рубцы на лице Мхитарян М.А. могли возникнуть из-за регулярного неправильного воздействия электроэпилятором на кожу. Представители салона признали, что процедура проводилась с использованием тока мощностью 20-30%, что превышает обычный уровень 16-18%. Кроме того, салон нарушил требования, допускающие проведение только восковой и механической эпиляции, а также шугаринга без лицензии. Эпиляция с применением медицинских аппаратов и лекарственных препаратов может осуществляться только медицинскими организациями.

Суд, руководствуясь положениями Закона о защите прав потребителей и ГОСТ Р 51142-2019, которые подчеркивают, что услуга должна быть безопасной для жизни и здоровья, вынес решение в пользу пострадавшей и признал моральные страдания

пострадавшей в размере 40 000 Р. Кроме того, суд взыскал в ее пользу половину этой суммы – 20 000 Р – и удовлетворил требование об оплате расходов на услуги юриста – 8000 Р [6].

Также, рассмотрим Дело № 2-52/2021 Свердловского районного суда г. Костромы (Костромская область). Жительница Костромы обратилась в салон красоты «Панда» для получения косметической услуги – «маникюр с покрытием гель-лак» за 1020 Р. Во время процедуры она почувствовала жжение и сообщила об этом мастеру, но замечание было проигнорировано. После окончания маникюра кутикула вокруг ногтя большого пальца на левой руке покраснела, а на следующий день начала появляться боль, которая постепенно усиливалась и стала нестерпимой.

Женщина вернулась в салон и попросила снять гель-лак, затем обратилась к хирургу в платную клинику. Медицинский диагноз был поставлен – «подногтевой панариций». Это гнойное воспаление, которое распространилось на сухожилия. Пациентке пришлось удалить ноготь с большого пальца, а операция и последующая реабилитация обошлись в 7770 Р.

После выписки из больницы, женщина написала претензию в салон требуя вернуть стоимость маникюра (1020 Р), возместить расходы на медицинское вмешательство (7770 Р) и компенсировать моральный ущерб в размере 20 000 Р. Однако ей было отказано. Отказ был мотивирован тем, что мастер работала в перчатках и использовала дезинфицированные инструменты, поэтому невозможно было передать инфекцию. В результате, женщина обратилась в суд.

В итоге, суд частично удовлетворил требования клиентки и взыскал с салона стоимость маникюра, компенсацию морального ущерба (20 000 Р) и потребительский штраф в половине присужденной суммы. Однако суд отказал в компенсации стоимости лечения. Всего потерпевшей было начислено 31 350 Р, поскольку по выводу суда, подногтевой панариций возник у женщины именно из-за некачественного маникюра. Во время процедуры мастер повредил кожу клиентки, что послужило причиной инфекционного заболевания [7].

Из указанных судебных дел, следует, что при некачественном оказании услуги, потребитель вправе обратиться в суд, как минимум, за возмещением морального вреда (ст. 15 Закона о защите прав потребителей).

В соответствии со ст. 29 Закона о защите прав потребителей, при обнаружении недостатков оказанной услуги потребитель вправе требовать различных мер: бесплатного устранения недостатков, снижения стоимости услуги, повторного выполнения работы без дополнительной оплаты, возмещения расходов на устранение недостатков своими или третьими лицами. Кроме того, потребитель имеет право расторгнуть договор об оказании услуги согласно ст. 32 Закона о защите прав потребителей.

Однако следует отметить, что согласно п. 4 Правил бытового обслуживания населения, договор об оказании услуг должен быть оформлен в письменной форме (через квитанцию или другой документ) и содержать определенные сведения. Исполнитель обязан выдать один экземпляр договора потребителю.

Неисполнение требований к письменной форме договора и невыдача кассового чека ограничивают возможности потребителя защитить свои права и получить компенсацию морального и материального ущерба, вызванного оказанием некачественных услуг парикмахерской.

По требованию потребителя исполнитель должен предоставить книгу отзывов и предложений, в которой потребитель может оставить претензию относительно качества услуги до обращения в суд. Это может служить доказательством предоставления услуги конкретным исполнителем в определенном салоне красоты или парикмахерской, если договор не был оформлен в письменной форме. Если досудебная

претензия не будет рассмотрена, или будет рассмотрена ненадлежащим образом, потребитель вправе обратиться в суд с исковым заявлением (ст. 3 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации) [8].

Из вышеуказанного следует, что потребитель имеет право на документ, подтверждающий факт оплаты и в целом оказании услуги.

Таким образом, защита прав потребителей при оказании услуг, предоставляемых салонами красоты, является важной задачей, чтобы обеспечить качественное и безопасное обслуживание. В современной правовой системе предусмотрены различные механизмы защиты прав потребителей, включая обращение в суд. Для поддержания доверия потребителей и стимулирования развития сферы салонов красоты, важно продолжать работу по усовершенствованию защиты и повышению качества предоставляемых услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.
2. Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 N 1514 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363382/ (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.
3. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.
4. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03.07.2016 N 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/ (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.
5. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 51142-2019 «Услуги бытовые. Услуги парикмахерских и салонов красоты. Общие технические условия» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 марта 2019 г. N 105-ст) // Информационно-правовое обеспечение «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/74059346/> (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.
6. Решение Октябрьского районного суд г. Пензы (Пензенская область) № 2-125/2020 (2-2403/2019;) ~ М-2971/2019 от 28.01.2020 // АКТОФАКТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-58RS0027-2-125-2020-2-2403-2019-m-2971-2019-2019-11-29-0-0/> (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.
7. Решение Свердловского районного суда г. Костромы (Костромская область) Дело № 2-52/2021 (2-2474/2020;) ~ М-1691/2020 от 19.01.2021 // АКТОФАКТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-44RS0001-2-52-2021-2-2474-2020-m-1691-2020-2020-05-25-0-0/> (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 13.02.2024). – Загл. с экрана.

CONSUMER PROTECTION IN THE PROVISION OF SERVICES PROVIDED BY BEAUTY SALONS

Annotation. This paper analyzes the protection of consumer rights in the provision of services by beauty salons. Modern realities show that consumer rights in this area are often violated due to insufficient awareness of customers and unscrupulous entrepreneurs. The work examines legislation and judicial practice, on the basis of which the basic rights and guarantees of consumers are determined and analyzed in detail.

Keywords: consumer, performer, consumer rights, service, legislation.

Selezneva V.

Scientific adviser: Smirnova E., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: selezneva-02@mail.ru

УДК 347.62

ИНСТИТУТ БРАКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Селянко Я. Е.

*Научный руководитель: Борухова М. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В представленной статье проанализированы актуальные проблемы правового регулирования института брака, учитывая последние тенденции в трансформации семейных отношений. Особое внимание уделяется изучению полноты нормативного регулирования, относительно понятия, признаков и условий заключения брака, с учетом судебной практики и особенностей снижения возраста, с которого возможно вступление в брак. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере, с целью обеспечить эффективную защиту интересов участников брачных отношений.

Ключевые слова: институт брака, заключение брака, условия заключения брака, способы заключения брака, брачный возраст.

В современной Российской Федерации (далее – РФ) институт брака, является одним из основных институтов семейного права и усматривается хорошо разработанным и понятным на первый взгляд. Однако на данный момент, институт брака далек от идеала, и существует целый ряд теоретических и практических вопросов, требующих решения и уточнения.

Прежде всего, стоит отметить, что в законодательстве РФ отсутствует четкое определение понятия «брак», хотя некоторые его аспекты косвенно упоминаются в отдельных правовых нормах. Некоторыми из таких аспектов являются регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС), добровольность заключения брака и равноправие супругов. Однако, основным признаком является регистрация брака в органах ЗАГС, поскольку именно этот факт подтверждает существование брака и делает его юридически действительным. Стоит отметить, что именно регистрация брака в органах ЗАГС, в свою очередь, приводит к возникновению прав и обязанностей супругов по отношению друг к другу.

На практике возникают различные толкования и споры относительно понятия и признаков брака, что требует дополнительного законодательного регулирования для устранения неоднозначностей и споров.

В современном обществе одной из ключевых дискуссионных проблем института брака является вопрос относительно легализации однополых браков, который требует четкого и однозначного решения со стороны государства. Возникают случаи, когда два человека одного пола обращаются в органы ЗАГС с запросом о регистрации брака, однако органы ЗАГС отказывают в регистрации. В обоснование отказа органы ЗАГС, косвенно указывают на положения, содержащиеся в ст.12 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), а именно, что согласие на брак дают мужчина и женщина, а также на содержание принципов семейного права, обозначенных в ст. 1 СК РФ, которые в свою очередь, указывают на добровольность союза мужчины и женщины[6].

На практике решения об отказе регистрирующих органов обжалуются неоднократно, несмотря на отказы районных судов, апелляционных, а также Верховного суда РФ, вплоть до обращения в Конституционный суд РФ с жалобой о нарушенных конституционных правах семейным законодательством РФ [1, с.90].

Стоит отметить, что вопрос признания однополых союзов на территории РФ вызывает активные дискуссии и разногласия. Так, в настоящее время многие правозащитники и сторонники признания однополых браков, такие как Алексеев Н.А., Евгений Шторн, Михаил Тумасов, обосновывают свою позицию с учетом

международных стандартов прав человека, практики Европейского суда по правам человека и принципах недискриминации граждан. Кроме того, сторонники однополых браков утверждают, что признание однополых союзов является важным шагом в обеспечении равенства и гарантированности прав граждан на международном уровне.

Однако, согласно разъяснениям Конституционного суда РФ по данному вопросу, отмечается, что международные обязательства РФ не обязывают ее признавать однополые союзы на своей территории. Суд также указал, что опыт и практика других государств не свидетельствуют о необходимости признания таких союзов в РФ вследствие ее национальной политики, приверженности на национальном уровне традиционных отношений. Следовательно, отсутствие возможности регистрации однополых союзов не оказывает влияния на уровень признания и гарантий прав и свобод заявителей в Российской Федерации [2].

В своих решениях и определениях суды Российской Федерации обращаются к статье 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], которая четко предусматривает возможность создания семьи в соответствии с национальным законодательством, регулирующим право на вступление в брак и создание семьи. Кроме того, ссылаются также на статью 9 Хартии основных прав Европейского союза от 12 декабря 2007 года [4], согласно которой, право на вступление в брак, равно как и право на создание семьи гарантируются в соответствии с национальным законодательством, регулирующим его осуществление [5].

Важно отметить, что появление и существование подобных прецедентов указывает на необходимость обратить внимание на формулировки статей СК РФ, которые определяют условия и препятствия для заключения брака. Так, в соответствии со ст. 12 СК РФ, для заключения брака необходимо соблюдение следующих условий: достижение брачного возраста, взаимное добровольное согласие мужчины и женщины. В свою очередь, ст.14 СК РФ определяет следующие обстоятельства, как препятствующие заключению брака, а именно: отсутствие другого брака, отсутствие близкого родства, дееспособность обоих лиц, вступающих в брак, а также невозможность заключения брака между усыновителем и усыновленным [6].

Законодатель в вышеупомянутых нормативных правовых актах закрепил основные требования, которые необходимо соблюдать лицам при вступлении в брак. При этом, положения вышеуказанной нормы СК РФ являются исчерпывающими и не предусматривают возможности рассмотрения других факторов как препятствий для заключения брака. Следовательно, данное обстоятельство означает, что отказ в регистрации брака по другим основаниям является недопустимым, и это подтверждается тем, что лица, желающие заключить однополый брак, не могут ссылаться на подобные основания.

Таким образом, все условия, изложенные в СК РФ, формально считаются соблюдены: оба партнера достигли необходимого возраста для заключения брака, выразили согласие на заключение брака и не имеют никаких препятствий, закрепленных в СК РФ. Однако, органы ЗАГС, отказывающие в регистрации однополых браков, могут ссылаться только на косвенное указание в статье, которое предполагает согласие на брак только между мужчиной и женщиной. Кроме того, содержание принципов семейного права, являющихся основой правового регулирования семейных отношений и указанных в статье 1 СК РФ, подразумевает добровольный союз именно мужчины и женщины.

Важно отметить, что в принципах семейного права и некоторых статьях СК РФ неявно подразумевается, что брак заключается между мужчиной и женщиной. Следовательно, усматривается целесообразным включить условие разнополости супругов как одно из обязательных условий для заключения брака. Такое изменение на законодательном уровне позволит избежать обращений граждан с целью заключения

однополовых браков и предотвратит свободное и разнообразное толкование воли законодателя на практике.

Следует обратить внимание на еще один важный аспект, а именно возможность снижения возрастного ценза для заключения брака и процедуры его осуществления. В настоящее время семейное законодательство РФ предусматривает два способа снижения возраста для заключения брака, каждый из которых имеет свои основания и определенный порядок.

Так, первый способ снижения возраста для заключения брака не требует дополнительного регулирования со стороны субъектов Российской Федерации вследствие того обстоятельства, что он указан непосредственно в СК РФ в ст.3. Так, законодатель в статье 3 СК РФ установил, что субъекты Российской Федерации имеют право самостоятельно принимать законы, регулирующие семейные правоотношения, в двух определенных случаях, а именно:

- 1) когда вопрос не урегулирован Семейным кодексом;
- 2) если согласно СК РФ, решение данного вопроса переходит в компетенцию субъекта Федерации [7, с.224].

В соответствии с пунктом 2 статьи 13 СК РФ следует, что возможно снизить возраст для заключения брака с соблюдением следующих определенных условий, а именно:

- лица, желающие вступить в брак, должны достичь 16-летнего возраста;
- наличие уважительных причин, примером является беременность, рождение ребенка, фактически сложившиеся брачные отношения, однако, возможные причины не перечислены в семейном законодательстве и устанавливаются отдельно в каждом конкретном случае;
- обращение с соответствующей просьбой в органы местного самоуправления по месту жительства будущих супругов.

Стоит отметить, что перечень уважительных причин, которые позволяют зарегистрировать брак в день подачи заявления, формируется на основе правоприменительной практики. Раскрывая уважительные причины, следует обратиться к статье 11 СК РФ, где содержится перечень особых обстоятельств, такие как: беременность, рождение ребенка, непосредственная угроза жизни одного из супругов и другие, которые непосредственно могут служить основаниями для регистрации брака в день подачи заявления.

При анализе законодательства также стоит обратить внимание на законы субъектов РФ, которые также регулируют снижение брачного возраста. Так, на основании положений Семейного кодекса РФ, а именно п. 2 ст. 13 следует, что законы субъектов РФ могут содержать перечень особых обстоятельств, которые являются основаниями для снижения брачного возраста ниже 16 лет. Так, например, в статье 3 Областного Закона Ростовской области «Об условиях и порядке регистрации брака несовершеннолетних граждан в Ростовской области» [8] указаны обстоятельства, перечень которых также является открытым и соответствует статье 11 Гражданского кодекса РФ.

Однако, в отличие от предыдущего закона, Закон Кабардино-Балкарской Республики от 17 июля 1998 г. N 9-РЗ «Об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» [9], устанавливает другие обстоятельства для снижения брачного возраста. Так, статья 2 указанного закона рассматривает особые случаи, когда беременная несовершеннолетняя находится в неблагоприятных условиях (сирота, неполная семья, неблагоприятная семейная обстановка) и, вступая в брак, улучшает условия жизни для себя и будущего ребенка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель наделил органы местного самоуправления полномочиями, на основании которых они вправе

определить, является ли причина снижения возраста для заключения брака уважительной на основании и в соответствии с открытым перечнем. Однако, важно учитывать защиту прав и интересов несовершеннолетних, а также оценку возможных последствий для них при регистрации брака, включая физическое и психическое здоровье и репродуктивную функцию. Кроме того, вышеприведенные положения указывают на «особые обстоятельства», что позволяет учитывать и менее серьезные жизненные ситуации как уважительные причины.

Как было указано выше, существует также и второй способ снижения возраста для заключения брака, который основывается на федеральном законодательстве, но требует дополнительных условий, кроме перечисленных в СК РФ. В данном случае речь идет о том, что субъекты Российской Федерации имеют возможность принимать законы, определяющие порядок и условия для заключения брака до достижения 16 лет в исключительных случаях, учитывая особые обстоятельства.

Таким образом, в случае, если субъект РФ не принял данный закон, то в регионе невозможно снизить брачный возраст ниже 16 лет. Однако, если такой закон существует, то его положения должны соответствовать требованиям и положениям федерального законодательства, а именно:

- предусматривать снижение брачного возраста до 16 лет только в исключительных случаях, а не как общее правило;
- основанием для снижения брачного возраста должно быть наличие особых обстоятельств.

В соответствии с вышеизложенным следует, что субъекты Российской Федерации имеют право на самостоятельное регулирование вопроса снижения брачного возраста, но в строгом соответствии с федеральными нормами и с учетом особых обстоятельств.

Однако, вопрос о минимальном возрасте для заключения брака уже вызывал активное обсуждение на федеральном уровне в процессе рассмотрения проекта Федерального закона № 191278–3 «О внесении изменений в статью 13 СК РФ». Так, в Пояснительной записке к проекту [10] отмечается, что практика принятия соответствующего законодательства субъектами Российской Федерации является неоднородной. Проблема заключается в том, что в некоторых случаях законы субъектов не устанавливают минимальный возраст для снижения брачного возраста, в то время как в других устанавливается нижняя граница в 14 или 15 лет.

Целью вышеуказанного законопроекта, который был представлен на обсуждение, являлось установление четкого порядка и условий, согласно которым возможно заключение брака лицами в возрасте от 14 до 16 лет. Следовательно, на наш взгляд, принятие данного законопроекта привело бы к повышению уровня правовой защиты несовершеннолетних и обеспечению единого подхода к вопросу о снижении брачного возраста на всей территории Российской Федерации. Данная законодательная инициатива была направлена на создание стабильной и справедливой системы правовых норм, регулирующих возрастные ограничения для заключения брака. Однако несмотря на то, что указанный законопроект был принят Государственной думой в третьем чтении, он был отклонен Советом Федерации вследствие спорных вопросов о включении в федеральное законодательство перечня причин для снижения брачного возраста.

В соответствии с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в Российской Федерации существует целый ряд проблем института брака, связанных с возможностью вступления в брак до достижения лицами 18-летнего возраста. В частности, отсутствие в законодательстве четкого, регламентированного на федеральном уровне, перечня возможных исключений, позволяющих снизить брачный возраст до 16 лет, а также отсутствие единой позиции на региональном уровне

относительно возможности снижения брачного возраста до уровня ниже 16 лет, при наличии соответствующего законодательства.

Кроме того, существует также пробел в правовом регулировании регистрации однополых браков вследствие отсутствия дополнительных норм, которые конкретизировали бы запрет на заключение однополых браков в Семейном кодексе РФ. Таким образом, все вышеуказанные проблемы требуют реформы семейного законодательства, которая должна учитывать все правовые последствия и включать исчерпывающий перечень возможностей снижения брачного возраста.

Необходимо подчеркнуть, что при изменении семейного законодательства необходимо придерживаться основной цели – защиты прав и интересов несовершеннолетних, которые вступают в брак до достижения совершеннолетия. При разработке нормативных актов в сфере семейных правоотношений, следует учесть все аспекты, связанные с юридическим статусом таких браков, чтобы гарантировать должную защиту прав несовершеннолетних супругов и предотвратить возможные негативные последствия для их будущего. Важно, чтобы реформы семейного законодательства включали в себя меры по предотвращению ранних браков и обеспечению доступа к образованию и поддержке для несовершеннолетних, которые оказались в такой ситуации. Только таким образом можно создать благоприятные условия для их развития и успешной адаптации в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Працко Г.С. Левицкая Е.А. Институт брака в законодательстве РФ: некоторые проблемные аспекты / Г.С. Працко, Е.А. Левицкая. – Теория и практика общественного развития. 2016. С. 90.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 12 Семейного кодекса РФ: определение Конституционного суда Российской Федерации от 16.11.2006 № 496-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66314/ (дата обращения: 01.02.2024)
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004)» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 01.02.2024)
4. Хартия основных прав Европейского союза от 07.12.2000 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=10210#ННho13UOQbYuGqf1> (дата обращения: 01.02.2024)
5. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 18.11.2013 по делу № 33–3014/2013.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.02.2024)
7. Шигонина Л.А., Иваненко Д.О. Проблемы и пути совершенствования института брака в Российской Федерации / Л.А. Шигонина, Д.О. Иваненко. – Modern Science. 2022. № 5-3. С. 224.
8. Об условиях и порядке регистрации брака несовершеннолетних граждан в Ростовской области [Электронный ресурс]: областной закон Ростовской области № 18-ЗС в ред. от 30.07.1998. URL: http://rostov.news-city.info/docs/sistemsy/dok_oeureo.htm (дата обращения: 01.12.2024)
9. Об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет: Закон Кабардино-Балкарской Республики от 17 июля 1998 г. N 9-РЗ// КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 01.02.2024)
10. О внесении изменения в статью 13 Семейного кодекса Российской Федерации: пояснит. записка к проекту федер. закона № 191278–3. // Гарант [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/50203681/> (дата обращения: 01.02.2024)

THE INSTITUTION OF MARRIAGE IN RUSSIAN LEGISLATION: SOME PROBLEMATIC ASPECTS

Annotation. The article analyzes the current problems of legal regulation of the institution of marriage, taking into account the latest trends in the transformation of family relations. Special attention is paid to the study of the completeness of regulatory regulation regarding the concept, signs and conditions of marriage, taking into account judicial practice and the peculiarities of reducing the age at which marriage is possible. The necessity of

further improvement of legal regulation in this area is substantiated in order to ensure effective protection of the interests of participants in marital relations.

Keywords: institution of marriage, marriage, conditions of marriage, methods of marriage, marriageable age.

Selyanko Y.

Scientific supervisor: Borukhova M., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: yaroslava.selyanko003@gmail.com

УДК 347.73

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Семенчук В. С.

**Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФБГОУ ВО «ДонГУ»**

Аннотация. В данной работе проведен анализ правовой природы криптовалюты с точки зрения современных гражданско-правовых институтов в РФ. Также рассматриваются основные теории правовой природы криптовалюты как объекта гражданских правоотношений, которые помогут более системно подойти к рассмотрению такого комплексного понятия как криптовалюта.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, цифровые финансовые активы, цифровое право, цифровое законодательство.

Сегодня, в эру цифровых технологий, рынок непрерывно развивается, и со временем появляются новые объекты гражданских прав, и эволюционируют, видоизменяясь, уже существующие. Деньги – это особый объект гражданских прав, они являются универсальным оборотоспособным средством. В последнее время появились такие новые объекты гражданских прав, как электронные денежные средства и криптовалюта. Некоторые авторы относят криптовалюту именно к деньгам.

Рынок криптовалют сегодня активно развивается, он стал весомой частью реальности, и игнорировать это явление уже не представляется возможным.

Поскольку на сегодняшний день остаются спорные вопросы относительно правовой природы криптовалюты, сложно недооценить, насколько малоизучена данная тема. Актуальными являются вопросы определения места криптовалюты в гражданском законодательстве, вопросы, относительно теоретических аспектов экономико-правовой природы криптовалюты. Субъекты гражданского права активно вступают в отношения по поводу данного блага, они считают криптовалюту активом и готовы вкладывать в этот актив большие суммы денег. Данный факт не может не затронуть государство, как законотворческий субъект, поскольку очень важно решить, какое место криптовалюта будет занимать в системе общественных отношений и в правоотношениях. Таким образом, все более актуальными становятся вопросы определения оптимального правового регулирования отношений, связанных с использованием криптовалют. Какова же правовая природа криптовалюты сегодня, в реалиях российской правовой системы. Можно ли криптовалюту отнести к иному имуществу в смысле ст. 128 ГК РФ или же она является обязательственным правом особого рода? Цель данной работы – рассмотреть и разрешить данные вопросы.

В настоящее время существуют вещная и обязательственная теория криптовалюты.

Те ученые, которые относят криптовалюту к обязательственному праву [1, с. 4], говорят о том, что праву каждого владельца криптовалюты корреспондируют

обязанности всех остальных участников конкретной расчетной системы, согласно исходным правилам ее функционирования.

Так, если рассматривать такую точку зрения на примере биткоина, то кредитором в таком случае будет держатель биткоина, а обязанными лицами будут майнеры/ноды. Так, требование владельца к майнерам состоит в том, чтобы транзакция была помещена в блок и записана в блокчейн. Система, в которой функционирует биткоин, основана на многостороннем договоре публичной оферты (white paper во взаимосвязи с кодом протокола). Свое согласие участники подтверждают конклюдентными действиями, а именно посредством установки «клиента» и (или) биткоин-кошелек, таким образом, они дают акцепт на этот договор. Свое согласие стороны выражают по алгоритмам, заложенным в протоколе.

Но отношения, складывающиеся по поводу криптовалюты сложно отнести к обязательственным, поскольку ни один участник, использующий криптовалюту не должен совершать в отношении какого-либо другого участника никаких действий. Так, в момент открытия владельцем своего кошелька, он не обязан совершать никаких операций, а если бы отношения были обязательственными, то такой владелец должен был бы совершить то или иное действие, например, пополнить этот кошелек.

Таким образом, содержание такого обязательственного права очень трудно определить, а конструкция, предлагаемая сторонниками обязательственной природы криптовалюты, выглядит неубедительно [2, с. 168]. К тому же конкретный субъект, к которому это право требования может быть обращено, не определен, а посредника, обеспечивающего переход криптовалют от одного владельца к другому нет, участники могут передавать цифровые валюты друг другу напрямую. Также в п.3 ст. 1 Закона № 259-ФЗ [3] сказано, что в отношении цифровой валюты (электронных данных) отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных.

Что касается отнесения криптовалюты к собственно вещам и вещному праву, то это невозможно или как минимум нерационально. Согласно ст. 128 ГК РФ, имущество может быть телесным (вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги) и бестелесным (безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права – имущественные права), бестелесное имущество этой статьей отнесено к категории «иное имущество». Криптовалюта неосвязаема и материально не выражена, поэтому отнести ее к вещам, наличным деньгам и документарным ценным бумагам нельзя. Хотя, конечно, при желании криптовалюту можно рассматривать в качестве вещи, но для этого необходимо создать определенную правовую фикцию, которая позволила бы нематериальный объект отнести к вещам, по аналогии с электрической энергией, но это было бы нерационально.

Можно согласиться с тем, что отнесение неосязаемых объектов к вещам не разумно. Это было обосновано в правовой дискуссии относительно бездокументарных ценных бумаг: «право собственности в принципе не приспособлено для того, чтобы обслуживать режим принадлежности каких-то благ, не имеющих материального выражения (на то оно и вещное право) – нематериальным благом нельзя владеть и пользоваться на манер вещи. Нет смысла говорить о праве собственности на право с точки зрения его (права) защиты, так как вещно-правовой инструментарий (виндикация, негаторный иск) не пригоден для применения к «невещам» [4, с. 32]. При этом криптовалюту можно было бы отнести к бестелесному имуществу. К иному имуществу, согласно ГК РФ относятся безналичные деньги (права требования), бездокументарные ценные бумаги (особый способ фиксации прав) и цифровые права (отнесение к которым чего-либо спорно до разработки правил информационной системы) [5, с. 90].

Группа ученых, которые относят криптовалюту к имуществу и категории «иное имущество» [6, с. 112], обосновывают свою позицию тем, что вещно-правовой режим

может распространяться на нематериальные объекты, в том случае, если они повторяют юридически релевантные характеристики материально обособленных объектов [7]. Сторонники такой позиции придерживаются модели общих вещно-правовых норм (это называется концепцией цифрового товара, хотя не все считают данный термин удачным [8, с. 138]), в рамках этой концепции используются категории, «цифровое имущество», «цифровые активы», «виртуальная собственность» [9] и т.д.

Такая позиция сегодня имеет место быть, поскольку ст. 128 ГК РФ в целом позволяет отнести криптовалюту к категории «иное имущество», не определяя ее правовую природу досконально, этим вариантом и пользуются суды в своей практике. С 2018 г. после прецедентного «дела Царькова», суды стали массово квалифицировать криптовалюту как имущество. Категория «имущество» не ограничивается правом собственности [10, с. 229], она объединяет в себе широкий перечень активов, который включает в себя и вещные права, и права требования. Сюда включаются разные имущественные массы, например, совместная собственность супругов «имущество, нажитое супругами во время брака» [11], наследственная масса «вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности», конкурсная масса в процедуре банкротства «все имущество должника», предприятие как имущественный комплекс, куда включены «земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги».

Так, «имущество» понятие собирательное, которое по сути не затрагивает природу самих объектов гражданского права. Именно поэтому видится возможным и допустимым отнесение криптовалюты к «имуществу», хотя это и не определяет ее гражданско-правовую природу, но зато это позволит включить ее в гражданский оборот. Этого будет уже достаточно хотя бы для защиты прав на криптовалюту в договорных и в деликтных спорах в силу принципа генерального деликта, установленного ст. 1064 ГК РФ [12].

Как пример в качестве обоснования этой позиции можно назвать «дело Царькова», где суд должен был рассмотреть то, законно ли включать криптовалюту физического лица-банкрота (И.И. Царькова) в конкурсную массу. В конкурсную массу включается «все имущество должника» за небольшим исключением, предусмотренным Законом «О несостоятельности (банкротстве)», и криптовалюта не является таким исключением и не поименована в этом списке [13]. В сухом остатке мы имеем то, что при обнаружении у должника криптовалюты, арбитражный управляющий обязан включить ее в конкурсную массу хотя бы по двум причинам: во-первых, она представляет ценность для кредиторов, и во-вторых, она не исключена из оборота.

Но, несмотря на это, суд первой инстанции принял решение о том, что биткоины не должны быть включены в конкурсную массу. И это решение закономерно в последующем было отменено в апелляционной инстанции. Суд апелляционной инстанции аргументировал свое решение тем, что перечень объектов гражданских прав открытый, поскольку нормы гражданского права носят диспозитивный характер, и несмотря на то, что в ГК РФ не раскрыто понятие «иное имущество», его все же возможно толковать широко, исходя из современных реалий и уровня технологий, в частности, включая в состав имущества криптовалюту. А согласно Закону «О несостоятельности (банкротстве)» [14], любое имущество должника, которое имеет экономическую ценность для кредиторов, не может быть произвольно исключено из конкурсной массы. Принадлежность же криптовалюты должнику устанавливается посредством осмотра веб-страниц, а также этот факт подтверждается тем, что должник имеет фактический доступ к своему кошельку.

Таким образом, такой подход сегодня, несмотря на то, что он не раскрывает правовую природу криптовалюты, можно считать концептуально верным, поскольку он позволяет выступать криптовалюте в гражданско-правовом обороте. Более того, даже

если просто полагаться на здравый смысл, то такой подход становится очевидным и разумным.

Есть точка зрения и о том, что криптовалюта на самом деле является денежным суррогатом, но это не верно, потому что важным критерием при отнесении того или иного явления к суррогатам является факт отсутствия легализации этого конкретного объекта в гражданском обороте. Также стоит отметить и то, что сегодня какого-либо адекватного и конкретного определения денежного суррогата в России нет на законном уровне, еще и по этой причине отнесение криптовалюты к денежным суррогатам очень сомнительно. Криптовалюта в свою очередь является законным явлением.

В данном контексте хотелось бы упомянуть мнение М.Б. Жужжалова и А. Ю. Толкачева [6, с. 114], которые изучали режим «узуальных денег» (вещей, в силу обыкновения принимаемых в качестве средства платежа). Они называют такие сделки меной, в том случае, если оба предоставления являются вещами, или же атипичной сделкой, в том случае, когда одно из предоставлений нематериально. А.И. Савельев же говорит о том, что если должник желает исполнить денежное обязательство платежным средством, не имеющим законной силы, например, криптовалютой, то в случае согласия кредитора произойдет не исполнение, а новация обязательства. В таком случае обязательство уже перестанет быть денежным [8, с. 139].

Что касается вопроса о том, может ли криптовалюта быть законным платежным средством, то ответ будет отрицательным. Правовая природа денег и криптовалюты сегодня не совпадает. Для этого вывода по меньшей мере есть следующие аргументы: так, законное платежное средство обеспечено государством и эмитируется под его контролем, а криптовалюта выпускается децентрализованно и анонимно, кроме того, она в принципе ничем не обеспечена, в том числе и принудительной силой государства. К тому же, согласно законодательству, законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации, является рубль (ст. 75 Конституции РФ; ст. 140 ГК РФ), криптовалюта же, согласно п. 3 Закона №159–ФЗ не является денежной единицей Российской Федерации и не обязательна к приему, ее цена по большей мере определяется соотношением спроса и предложения на рынке.

Как мы видим, вопрос правовой природы криптовалюты как объекта гражданских правоотношений является дискуссионным.

За последние годы криптовалюта прошла долгий путь в сознании российских юристов. Было много яростных споров между теоретиками и практиками российского права. Криптовалюта является новейшим явлением. Впервые сущность криптовалюты была определена в программном документе системы биткоин, в нем биткоины были названы электронными наличными деньгами (electronic cash). Позже Европейский центральный банк отметил, сходство криптовалют с деньгами, и отнес их к виртуальным валютам (нерегулируемым цифровым деньгам, выпускаемых и контролируемых собственным разработчиком. Такие виртуальные валюты используются и принимаются членами определенного виртуального сообщества.

Актуальность темы исследования вызвана динамикой рынка криптовалют, которая показывает, что участники экономических отношений, во-первых, считают криптовалюту активом, во-вторых, готовы вкладывать в этот актив значительные суммы денег, в-третьих, фактически используют этот актив наряду с другими своими активами. Данное положение на рынке вынуждает всех: от государств и государственных регуляторов до рядовых граждан – участвовать в дискуссии о том, какое место криптовалюта будет занимать в системе общественных отношений, а в частности, в правоотношениях.

В данной работе мы рассмотрели правовую природу криптовалюты как объекта гражданских правоотношений, и выделили следующие позиции:

1. Криптовалюту сложно отнести к обязательственно-правовому явлению, так как поскольку ни один участник, использующий криптовалюту не должен совершать в отношении какого-либо другого участника никаких действий.

2. Криптовалюту крайне нерационально относить к вещам и вещному праву, так как криптовалюта является объектом бестелесным, она неосязаема и материально не выражена.

3. Согласно ст. 128 ГК РФ, имущество может быть телесным (вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги) и бестелесным (безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права – имущественные права), бестелесное имущество этой статьей отнесено к категории «иное имущество». Исходя из этого криптовалюту можно отнести к иному имуществу. Даже несмотря на то, что данный подход не раскрывает в достаточной мере правовую природу криптовалюты, он позволяет криптовалюте участвовать в гражданских правоотношениях.

4. Криптовалюта не может быть законным платежным средством, в связи с отличием правовой природы от денег.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новоселова, Л.О. О правовой природе биткоина // Хозяйство и право. – 2017. – № 9. – С. 3–9.
2. Чурилов, А.Ю. Деньги и денежные обязательства на современном этапе развития экономики // Вестник ННГУ. – 2020. – №4. – С. 168–174.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 03.08.2020. – N 31 (часть I). – ст. 5018.
4. Бевзенко, Р.С. Объекты гражданских правоотношений: учебное пособие для студентов юридических специальностей. – М., 2010. – 57 с.
5. Егорова, М.А., Кожевина, О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №1 (110). – С. 81–91.
6. Толкачев, А.Ю., Жужалов, М.Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 9. – С. 91–135.
7. Fairfield J.A.T. Virtual Property // Boston University Law Review. 2005. Vol. 85 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=807966 (дата обращения: 01.01.2024).
8. Савельев, А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.
9. Архипов, В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22477746> (дата обращения: 01.01.2024).
10. Суханов Е. А. Вещное право: научно–познавательный очерк. – М.: Статут, 2017 г. – 560 с.
11. Семейный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. (действующая редакция по сост. на 31.07.2023 г.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/> (дата обращения 01.01.2024).
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая). Принят Государственной Думой 30 ноября 1994 № 51–ФЗ (действующая редакция по сост. на 24.07.2023 г.) // Официальный сайт Государственной Думы РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/> (дата обращения 01.01.2024).
13. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // КонсультантПлюс: справочно–поисковая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/u/usukkz7wdco3d_sa/Postanovlenie_suda_JWj.pdf (дата обращения: 01.01.2024).
14. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127–ФЗ (последняя редакция) «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 01.01.2024).

THE LEGAL NATURE OF CRYPTOCURRENCY AS AN OBJECT OF CIVIL LEGAL RELATIONS

Annotation. This paper provides an analysis of the legal nature of cryptocurrency from the point of view of modern civil law institutions in the Russian Federation. The main theories of the legal nature of cryptocurrency as an object of civil relations are also considered, which will help to approach the consideration of such a complex concept as cryptocurrency in a more systematic way.

Keywords: cryptocurrency, blockchain, digital financial assets, digital law, digital legislation.

Semenchuk V.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

Email: vldmr.semenchuk@yandex.ru

УДК 331.5-053.6

ДОГОВОРНЫЕ ФОРМЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

Сидоренко А. А.

*Научный руководитель: Липинский В. В., д-р ист.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья посвящена вопросам построения системы договоров о распоряжении исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации на основе норм части IV Гражданского кодекса Российской Федерации. Представлен обзор основных договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности. Приведены основные виды договоров согласно ГК РФ, а также несколько проблем, касающихся договоров об интеллектуальной собственности и средствах индивидуализации.

Ключевые слова: договор, интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, исключительное право, обязательство.

Актуальность темы представленной статьи объясняется растущим количеством заключаемых договоров, в рамках которых правообладатели распоряжаются исключительными правами на интеллектуальную собственность и средства индивидуализации.

В условиях стремительного развития интеллектуальных технологий и творческих открытий в России, вопросы, связанные с распоряжением исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности, становятся более актуальными. Договоры об отчуждении и лицензионные соглашения выступают в роли ключевых инструментов в этой сфере, предоставляя право для передачи и использования интеллектуальных активов. Интеллектуальная собственность приобрела большое значение, стимулируя развитие юридической науки в области интеллектуального права.

Согласно О.В. Новосельцеву, термин «интеллектуальная собственность» включает как объекты интеллектуальной собственности, так и связанные с ними имущественные права [7], что подчеркивает сложную структуру данного понятия. Согласно мнению Э.П. Гавриловой, различие между этими терминами заключается только в том, что под «интеллектуальной собственностью» понимаются именно права на результаты и средства индивидуализации, а не объекты гражданских прав [2].

Э.А. Джалилов поддерживает похожую точку зрения, акцентируя внимание не на тождестве объектов интеллектуальной деятельности и материальных вещей, а на сходстве двух видов собственности, что позволяет применять нормы вещного права [4].

В.А. Дозорцев, сравнивая исключительные права с правом собственности и другими вещными правами, приходит к другому выводу: исключительные права представляют собой отдельную группу прав, и, следовательно, он настаивает на использовании термина «исключительные права» в правовых актах, а не «интеллектуальная собственность» [5].

В соответствии со статей 1225 части 4 ГК РФ определяют интеллектуальную собственность как результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые находятся под правовой охраной.

Согласно статье 1226 ГК РФ исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности признается имущественным, включая личные неимущественные и другие права. В законодательстве исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности сравниваются с правом собственности на имущество. Несмотря на то, что имущество относится к материальным благам, а интеллектуальная собственность – к нематериальным, в современных условиях объекты творчества выступают в качестве товара [3].

Ранее действовавшее законодательство об интеллектуальных правах имело ограниченное количество норм, касающихся договоров и их обязательств, что привело к неурегулированности рынка интеллектуальных продуктов [10]. Обычно в таких случаях определялись основные аспекты договора и требования к его оформлению, однако не было четких инструкций относительно содержания, выполнения и последствий нарушения этого договора.

Договорные отношения в авторском праве являются предметом исследований И. Резепова [8]. Договорам о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами посвящены научные работы О. А. Рузаковой [9]. Эти ученые исследовали различные аспекты договорных форм распоряжения исключительными правами в соответствии с законодательством РФ.

Согласно действующей редакции ГК РФ, существуют различные виды договоров, касающихся интеллектуальной собственности и средств индивидуализации. Одним из характерных признаков обязательств, возникающих из этих соглашений, является предоставление контрагенту (пользователю) права на использование объекта исключительного права при определенных условиях, как лично, так и путем передачи этих прав другим лицам. Присутствие данного признака обосновывает выделение договоров об использовании исключительных прав в системе гражданско-правовых отношений [3].

При построении системы обязательств, Е. А. Суханов выделяет не только обязательства, при передаче имущества в собственность или в иное вещное право, но также отмечает обязательства, связанные с использованием исключительных прав и ноу-хау (в рамках интеллектуальной и промышленной собственности). К таким обязательствам относятся выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, а также обязательства, вытекающие из лицензионных договоров на использование изобретений и других объектов промышленной собственности, договоров о передаче ноу-хау, авторских договоров и договоров коммерческой концессии (франчайзинга) [10].

Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами образуют особый класс гражданско-правовых договоров. Это обусловлено особыми системными признаками и специальным законодательством, регулирующим отношения в области интеллектуальной собственности.

До вступления в силу части IV ГК РФ, научное сообщество использовало классификацию договоров в сфере интеллектуальной собственности в зависимости от типа объекта интеллектуальных прав. Однако с принятием части IV ГК РФ правовое регулирование договорных отношений, связанных с объектами интеллектуальной собственности, значительно унифицировано. В связи с этим можно считать, что представленная классификация потеряла свою актуальность и значение.

Классификация договоров об интеллектуальной собственности, предложенная в соответствии с направленностью и целью договора, основана на структуре и

содержании ГК РФ. Мы рассмотрим основные договорные формы, которые применяются при распоряжении исключительными правами:

- договоры об отчуждении исключительных прав;
- лицензионные договоры;
- договор коммерческой концессии [3].

Согласно ст. 1233 ГК РФ правообладатель может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом, в том числе путем его отчуждения по договору другому лицу или предоставления другому лицу права использования соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в установленных договором пределах (лицензионный договор).

Лицензионные договоры являются одним из ключевых инструментов в сфере интеллектуальной собственности, позволяя обладателям исключительных прав передавать их использование третьим лицам. Согласно российскому законодательству, лицензионный договор предоставляет право лицензиата использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в установленных пределах (ст. 1235, 1286, 1367, 1428, 1459, 1469, 1489 ГК РФ).

Лицензионные договоры в сфере интеллектуальной собственности обладают рядом преимуществ и недостатков с точки зрения закона [6]:

– лицензионные договоры четко определяют права и обязанности сторон, что обеспечивает защиту интересов каждой из них. Законодательство предоставляет механизмы обжалования и решения споров, которые могут возникнуть в процессе исполнения договора. Однако, некорректное оформление лицензионных договоров или несоблюдение их условий может привести к нарушению прав сторон, что может стать основанием для расторжения договора или предъявления исков о возмещении убытков.

– закон не ограничивает стороны в установлении различных условий в лицензионных договорах, таких как сроки, территориальные ограничения, виды использования и условия оплаты. Это позволяет адаптировать договоры под конкретные потребности и цели сторон. Иногда условия лицензионных договоров могут быть сформулированы недостаточно четко или однозначно, что может привести к разногласиям и спорам между сторонами.

– правовая устойчивость: лицензионные договоры, заключенные в соответствии с законом, обладают правовой устойчивостью и применимы в случае возникновения споров или несоблюдения условий договора. Законодательство защищает права сторон и обеспечивает их исполнение.

– правообладателю интеллектуальной собственности гарантируется право заключать лицензионные договоры на использование своих объектов интеллектуальной собственности, что способствует их коммерциализации и распространению. В то же время, лицензиаты могут быть ограничены в своих действиях в рамках условий договора, что может затруднить их инновационную деятельность или стратегию развития.

– стимулирование инноваций и развития: правовая защита и признание лицензионных договоров способствуют созданию благоприятной среды для инноваций и развития. Это стимулирует инвестиции в исследования и разработки, поскольку обеспечивает возможность получения прибыли от результатов интеллектуальной деятельности.

Важным аспектом лицензионных соглашений является различие между простой (неисключительной) и исключительной лицензией. Простая лицензия предоставляет лицензиату право использования объекта интеллектуальной собственности, сохраняя при этом у лицензиара возможность выдачи лицензий другим лицам. Исключительная

лицензия, в свою очередь, передает лицензиату право использования без возможности выдачи лицензий другим сторонам.

Таким образом, лицензионные договоры в сфере интеллектуальной собственности обладают рядом преимуществ с точки зрения закона, что делает их важным инструментом для защиты прав и стимулирования развития инноваций и творчества.

Договор об отчуждении исключительного права представляет собой ключевой механизм передачи полномочий от правообладателя к приобретателю (ст. 1234, 1285, 1365, 1426, 1458, 1468, 1488 ГК РФ). В соответствии со статьей 1234, 1285, 1365, 1426, 1458, 1468, 1488 ГК РФ, этот договор предоставляет правообладателю возможность передать или обязаться передать исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне – приобретателю.

Суть договора об отчуждении заключается в передаче полных прав на объект интеллектуальной собственности. Приобретатель получает исключительное право использования, распоряжения и запрещения третьим лицам использовать данный объект. Важным аспектом является четкость определения предмета договора, что включает в себя конкретный объект интеллектуальной собственности, а также условия передачи, включая возможные ограничения и обязательства сторон.

Приведем несколько примеров договоров об отчуждении прав в сфере интеллектуальной собственности:

1. Договор купли-продажи авторских прав. Этот договор заключается между автором (правообладателем) и третьим лицом, которое приобретает права на использование произведения. Например, автор книги может продать издательству права на печать и распространение своего произведения.

2. Договор передачи прав на изобретение. При создании нового изобретения его автор (изобретатель) может заключить договор с юридическим или физическим лицом о передаче прав на изобретение. Этот договор определяет условия использования изобретения, включая вознаграждение за использование прав.

3. Договор продажи товарных знаков (товарных марок). В этом договоре владелец товарного знака (товарной марки) передает свои права на использование и защиту товарного знака третьему лицу. Например, компания может продать свою товарную марку другой компании в рамках сделки о приобретении бренда.

4. Договор передачи прав на использование программного обеспечения. Этот вид договора используется при передаче прав на использование программного обеспечения от правообладателя (например, разработчика) к конечному пользователю. Обычно такие договоры содержат условия использования программы, ограничения и ответственность сторон.

5. Договор передачи прав на интеллектуальные результаты исследований. В области научных исследований и разработок может заключаться договор об отчуждении прав на интеллектуальные результаты, полученные в ходе проведения исследований. Например, университет может передать права на коммерциализацию и использование результатов научных исследований коммерческой организации.

Договор об отчуждении исключительного права считается эффективным инструментом для тех, кто стремится получить полный контроль и владение результатами интеллектуальной деятельности [11].

Договор коммерческой концессии представляет собой важный инструмент в области интеллектуальной собственности, ориентированный на развитие бизнеса. Согласно ст. 1027 ГК РФ, он регулирует передачу прав на использование результатов интеллектуальной деятельности исключительно для осуществления предпринимательской деятельности.

Договор коммерческой концессии предоставляет предпринимателю (концессионарию) право использовать объект интеллектуальной собственности, такой как технология, товарный знак, или ноу-хау, в пределах, установленных договором. Этот вид договора способствует распространению бренда и бизнес-модели.

Права и обязанности сторон. Концессионер получает право использовать объект интеллектуальной собственности в своей предпринимательской деятельности. В свою очередь, концессионодатель обязуется предоставить концессионарию необходимые знания, поддержку и контроль за соблюдением стандартов. Договор может быть согласован как на простую (неисключительную), так и на исключительную коммерческую концессию. В простом случае, концессионодатель может предоставить аналогичные права и другим предпринимателям. Вознаграждение за использование интеллектуальной собственности определяется договором, включая фиксированные суммы, проценты от выручки или другие формы оплаты. Договор коммерческой концессии может включать в себя ограничения на территорию, продолжительность и виды использования интеллектуальной собственности [11].

В Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) есть несколько проблем, касающихся договоров об интеллектуальной собственности и средствах индивидуализации. Вот некоторые из них:

1. Неполное законодательное регулирование. Некоторые аспекты интеллектуальной собственности и средств индивидуализации не имеют четкого законодательного регулирования или могут быть подвержены различной интерпретации, что может создавать правовые неопределенности для сторон договора.

2. Недостаточная защита прав и обязанностей сторон. В некоторых случаях ГК РФ может не предоставлять достаточную защиту интересов сторон договора об интеллектуальной собственности, особенно при отсутствии ясно определенных норм, касающихся конкретных видов интеллектуальной собственности или специфических ситуаций.

3. Сложности в определении стоимости интеллектуального имущества. Определение стоимости интеллектуального имущества, которое является объектом договора, может быть сложной задачей из-за его уникальности, а также отсутствия стандартизированных методов оценки.

4. Проблемы исполнения и охраны прав. Нередко возникают проблемы с исполнением договорных обязательств в области интеллектуальной собственности, а также с обеспечением и защитой прав на интеллектуальное имущество, особенно в условиях цифровой среды, где легко возможны нарушения прав через интернет.

5. Сложности с международным аспектом. Договоры об интеллектуальной собственности могут иметь международный характер, что может усложнять их исполнение из-за различий в национальных законодательствах и процедурах защиты прав в различных странах [1].

Таким образом, договорные формы распоряжения исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности играют ключевую роль в современной бизнес-среде, где инновации и технологии становятся все более ценными активами. Лицензионные договоры, договоры об отчуждении исключительного права и договоры коммерческой концессии предоставляют гибкие и эффективные механизмы для передачи и использования интеллектуальной собственности.

Важно учитывать особенности каждого вида договора, включая права и обязанности сторон, условия передачи, вознаграждение и ограничения. Четкость и взаимопонимание при заключении таких соглашений содействуют устойчивости бизнеса и защите интересов правообладателей.

Эти договоры не только регулируют правовые отношения между сторонами, но и способствуют инновационному развитию и коммерческому успеху. В свете быстрого

развития технологий и рыночных требований, грамотное использование договорных форм является стратегически важным элементом успешного управления интеллектуальной собственностью.

Надежные и прозрачные договоры способствуют созданию благоприятной среды для взаимодействия между правообладателями и предпринимателями, что в конечном итоге способствует процветанию интеллектуального потенциала и стимулирует инновационное развитие общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баттахов, П. П. К вопросу о понятии интеллектуальной собственности / П. П. Баттахов // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 86-91.
2. Гаврилов, Э. П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: законодательство и доктрина / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2018. – № 8. – С. 14-19.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. №2 230-ФЗ (с изм. от 05.12.2022 № 503-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:// pravo.gov.ru. – Загл. с экрана.
4. Джалилов, Э. А. Структура права интеллектуальной собственности как подотрасли гражданского права / Э. А. Джалилов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т. 2, №2 4. – С. 97-104.
5. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации / В. А. Дозорцев. – М.: Статут. – 2005. – 416 с.
6. Зенин, И. А. Исключительное интеллектуальное право как предмет гражданского оборота / И. А. Зенин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. -2011. – № 1. – С. 19-35.
7. Новоселова, Л. А. О соотношении положений четвертой части Гражданского Кодекса РФ с иными положениями ГК РФ / Л. А. Новоселова // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. Материалы. – 2021. – С. 73-76.
8. Резепов И. Особенности договоров в авторском праве с участием юридических лиц // Интеллектуальная собственность: авторское право и смежные права. – 2008. – № 9. – С. 9—13.
9. Рузакова О. А. Проблемы построения системы договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами // Интеллектуальная собственность: авторское право и смежные права. – 2008. – № 6. – С. 23-30.
10. Суханов Е.А., Яковлев В.Ф. Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 19.
11. Криворотов, М. М. Коммерциализация прав интеллектуальной собственности: понятие, формы, основные направления / М. М. Криворотов, Н. В. Мухаровский // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2012. – № 2. – С. 72-78.

CONTRACTUAL FORMS OF DISPOSAL OF EXCLUSIVE RIGHTS

Annotation. The article is devoted to the issues of constructing a system of agreements on the disposal of exclusive rights to the results of intellectual activity and means of individualization based on the norms of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. An overview of the main contractual relations in the field of intellectual property is presented. The main types of contracts according to the Civil Code of the Russian Federation are given, as well as several problems relating to contracts on intellectual property and means of individualization.

Keywords: contract, intellectual property, intellectual rights, exclusive right, obligation.

Sidorenko A.

Scientific adviser: Lipinsky V., Doctor of History, Professor
Donetsk State University
E-mail: sidorenko.anna.2001@gmail.com

УДК 347.627.2.033

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДОЛЕЙ ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Скрипник Е. А.

*Научный руководитель: Борухова М. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются основные аспекты определения долевой собственности супругов, включая юридические основы, а также влияние различных факторов на раздел имущества при расторжении брака. Выявлены сложности при определении долевой собственности в случае разделе имущества супругов, а также представлены способы решения данной проблемы.

Ключевые слова: долевая собственность, расторжение брака, имущество.

Определение долевой собственности супругов является одним из важных институтов семейного права, который регулирует права и обязанности супругов по отношению к имуществу, накопленному во время брака. Долевая собственность супругов предполагает разделение имущества на доли, основанные на вкладе каждого из них в приобретение и улучшение общего имущества. Вопросы установления и документирования долевой собственности супругов имеют большое значение для обеспечения справедливого раздела имущества при расторжении брака, а также для обеспечения защиты прав супругов в случае смерти одного из них.

Основная цель исследования заключается в определении наиболее эффективных и справедливых подходов к установлению долевой собственности супругов, с целью обеспечения защиты их прав и интересов в сфере имущественных правоотношений при расторжении брака.

Теоретическую основу исследования составляют труды ученых-цивилистов, таких как: Колоколова Е.О., Крашенинников П.В., Панова А.В., Слепакова А.В., Чефранова Е.А., Шахназарян К.Э.

Определение долей при разделе общего имущества супругов позволяет защитить интересы каждого из супругов, даже если они не имеют равных долей в совместно нажитом имуществе. Это особенно актуально при наличии общих детей, с целью обеспечения материального благополучия и интересов ребенка. Следует отметить, что вопрос определения долевой собственности важен для регулирования прав супругов на все приобретаемое имущество во время брака.

Исследование вопроса определения долевой собственности супругов имеет практическую значимость для усовершенствования законодательства, регулирующего брачные правоотношения. Это позволит выявить проблемные аспекты в существующих правовых нормах и предложить пути их улучшения.

Прежде чем начать исследование особенностей установления долевой собственности супругов, следует разграничить смежные на первый взгляд, понятия «общая совместная собственность» и «долевая собственность», поскольку они представляют два основных вида собственности с существенными отличиями.

Так, общая совместная собственность предполагает следующее:

– В данном случае все собственники имеют пропорциональные доли в имуществе и владеют им совместно.

– Каждый собственник имеет право продавать, передавать или обременять свою долю без согласия других участников совместной собственности.

– В случае смерти одного из собственников его доля может переходить к наследникам, которые становятся совладельцами наряду с другими участниками совместной собственности.

– Если один из собственников решает продать свою долю, то покупатель получает право совладения всем имуществом с другими собственниками.

При этом, долевая собственность имеет следующие особенности:

– Владельцами имущества являются разные лица, каждое из которых владеет определенной долей в имуществе.

– Каждый собственник имеет право свободно распоряжаться своей долей по своему усмотрению.

– Если один из собственников решает продать свою долю, то покупатель становится собственником только этой доли, а не всего имущества.

– Доля каждого собственника может быть различной и не обязательно пропорциональной.

Российская Федерация относится к группе стран, где законен режим совместной собственности на имущество, приобретенное супругами во время брака. При этом супругам разрешается самостоятельно определять свои имущественные отношения путем заключения брачного договора (соглашения). В случае расторжения брака, имущество, приобретенное во время брака, обычно делится на две равные доли между супругами. Однако, при наличии брачного договора, распределение имущества может осуществляться в соответствии с условиями, указанными в договоре (соглашении). Так, согласно ст.38 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), супруги могут разделить совместное имущество на доли по обоюдному согласию путем заключения брачного договора либо составления соглашения о разделе имущества. Брачный договор (соглашение) составляются в целях установления имущественных прав и обязанностей каждого из супругов в отношении совместного имущества. В случае заключения брачного договора (соглашения) супруги вправе самостоятельно определять доли в имуществе. Брачный договор, равно как и соглашение о разделе имущества составляются в обязательной письменной форме и удостоверяются нотариусом. Согласно ч. 1 ст. 39 СК РФ, при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами [1].

Следует отметить, что в состав совместной собственности супругов может быть включено любое имущество, в частности: недвижимые и движимые вещи, доходы от трудовой деятельности, а также пенсии и социальные пособия, денежные средства на счетах в банковских организациях, ценные бумаги и другое. Однако, не может входить в состав общей совместной собственности следующее имущество: собственность, приобретенная каждым из супругов до вступления в брак; имущество, полученное одним из супругов в наследство; имущество, которое один из супругов получил в дар в период брака; предметы личного пользования, исключительные права на результаты интеллектуальной собственности; а также денежные средства, полученные одним из супругов по государственным программам с определенной целью.

Как отмечает Е.А. Чефранова при разделе имущества, в общей собственности могут быть оставлены неделимые объекты, в связи с чем ею делается вывод о том, что определение доли каждого из супругов в праве собственности не что иное как частный случай соглашения о разделе общего имущества [2]. При этом, усматривается, что непосредственно «раздел» неделимой вещи как прекращение общности имеет место в случае выплаты одному из супругов стоимости его доли (п. 3 ст. 254 ГК РФ и абз. 2 п. 3 ст. 252 ГК РФ). Иначе это будет соглашение об определении долей в общем имуществе супругов.

В соответствие со ст. 38 СК РФ, раздел общего имущества супругов может производиться как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов, и в случае заявления кредитором требования о разделе общего имущества

супругов для обращения взыскания на долю одного из супругов в общем имуществе супругов.

Несомненно, в процессе раздела совместного имущества супругов, решающую роль играет наличие общих детей у супругов, суд исходя из интересов несовершеннолетних детей, вправе отступить от принципа равенства долей имущества, и присудить большую часть имущества лицу, который будет признан опекуном ребенка.

В судебной практике часто встречаются иски о разделе имущества между супругами, где используется принцип равного деления. Однако, статья 39 СК РФ предусматривает возможность отступления от этого принципа в случаях, когда это будет лучшим решением для несовершеннолетних детей. Как верно отмечает цивилист Панова А.В., факт нахождения ребенка на иждивении истца чаще всего недостаточен для увеличения его доли в общем имуществе, однако недобросовестные действия одного из супругов, уклоняющегося от выполнения родительских обязательств, могут убедить суд в необходимости увеличения доли для другого [3].

Между тем, показателен, следующий, не единичный пример судебной практики: заявительница является бывшей супругой и единственным родителем с несовершеннолетним сыном-инвалидом, и она претендует на равную долю при разделе жилого помещения. В судах первой и апелляционной инстанции не были учтены ее аргументы о задолженности истца по уплате алиментов, а также его полном отсутствии участия в воспитании и содержании ребенка. Только Верховный суд Российской Федерации обратил внимание на то, что после раздела жилого помещения бывшая супруга сможет приобрести только однокомнатную квартиру с недостатками, что существенно затруднит ее проживание и нормальное воспитание сына-инвалида, который находится на домашнем обучении [4].

Считаем необходимым согласиться с мнением Першиной И.В, которая также проанализировала данное судебное решение, и считает, что само по себе установление равных долей не влияет на возможность дальнейшего проживания детей, но правоприменители в большинстве случаев не учитывают последствия уже гражданско-правового характера установления долевой собственности на жилое помещение [5].

Следующая проблема определения долей супругов при расторжении брака заключается в фальсификации документов. Так, одним из распространенных видов мошенничества, связанных с разделом совместного имущества супругов, является подделка документов. Причины подобных неправомерных действий могут быть следующие, во-первых, это устранение раздела общего имущества путем создания фальшивых доказательств о том, что некоторое имущество либо не существовало, либо было приобретено третьими лицами, в основном родственниками, и поэтому не является совместно нажитым. Во-вторых, такая подделка может иметь целью уменьшение доли супруга в совместном имуществе путем занижения стоимости имущества или предъявления общих долгов супругов. Кроме того, стоит отметить, что супруги на стадии бракоразводного процесса, часто прибегают к другим способам мошенничества, таким как: предпринимают попытки продажи имущества, которое подлежит разделу, по стоимости существенно ниже рыночной, либо передают в дар это имущества третьим лицам либо используют другие притворные способы отчуждения с целью избежать его раздела. Однако суд признает такие сделки недействительными. Таким образом, сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной вследствие отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и в случаях, если доказано, что другая сторона знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки.

Шахназарян К.Э. предлагает внести следующие изменения в СК РФ для недопущения фальсификации доказательств при разделе общего имущества супругов при расторжении брака:

1. Обязательное направление запроса суда в налоговый орган, в случае, предоставления сторон фиктивных документов, подтверждающий платеж.

2. Инициатива суда по проведению судебно-товароведческой экспертизы, в целях установления реальной рыночной стоимости спорного имущества.

3. В случае сомнений одного из супругов относительно достоверности сведений о приобретенном имуществе, другой из супругов имеет право подать заявление об обеспечении иска и наложения ареста на спорное имущество [6].

Кроме того, верно по-нашему мнению, отмечают цивилисты Е.О. Колоколова, и А. В. Паулкина, что недопущению фальсификации доказательств, при разделе общего имущества при расторжении брака, также может послужить как обеспечение иска, так и наложения ареста на спорное имущество. Между тем, до наложения ареста на имущество, необходимо собрать все возможные документы, которые подтверждают факт приобретения имущества супругами до расторжения брака (документы, фотографии и др.) [7].

Считаем необходимым согласиться с вышеуказанными авторами, поскольку внесение вышеуказанных изменений в СК РФ позволит защитить права и интересы супругов при расторжении брака, сократит случаи фальсификации доказательств.

Подводя итоги, необходимо отметить, что определение правового статуса каждого из супругов играет решающую роль при определении их долей в имуществе. Для разработки универсальных методов определения долей в имуществе между супругами, учитывая специфику правоотношений, требуется разработка методологии расчета. Анализ и систематизация судебной практики по определению долей при разделе имущества супругов позволяет выявить основные тенденции и проблемы в данной области. Внесение вышеперечисленных изменений в законодательство и дальнейшее изучение данной темы поможет разработать новые подходы в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996
2. Чефранова Е.А. Сделки, заключаемые между супругами // Консультант плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>
3. Панова Алина Владиславовна Отступление от принципа равенства долей при разделе общего имущества супругов // Наука, образование и культура. 2017. №9 (24).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 41-КГ15-11.
5. Першина Ирина Викторовна. Защита имущественных интересов несовершеннолетних детей в контексте реформы института супружеской собственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №4 (60).
6. Шахназарян К.Э. Раздел имущества в семейном праве: актуальные проблемы и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2023. №5 (221).
7. Колоколова Е.О. Проблема раздела имущества супругов / Е.О. Колоколова, А.В. Паулкина // Официальный сайт Саранского кооперативного института [Электронный ресурс]. <https://saransk.ruc.su/>

ON THE QUESTION OF ESTABLISHING SHARE PROPERTY OF SPOUSES

Annotation. This scientific article examined the main aspects of establishing the shared ownership of spouses, including the legal basis, as well as the influence of various factors on the division of property during a divorce. The main difficulties in establishing shared ownership are identified, and methods for solving this problem are provided.

Keywords: shared ownership, divorce, property.

Skripnik E.

Scientific supervisor: Borukhova M., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: skripnikgor5@gmail.com

УДК 346.1

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ЗАНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Солоненко К. М.

*Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе исследована история становления и развития права на занятие предпринимательской деятельностью в России на протяжении различных исторических периодов, от Древнерусского государства до Российской Федерации. Автор, анализируя положения законодательства разных лет, отмечает, что основной целью предпринимательской деятельности в разные эпохи является получение прибыли. Также обращается внимание на важность свободы физического лица в праве на предпринимательскую деятельность, отмечая, что ограничения на данное право должны быть оправданы и установлены федеральными законами.

Ключевые слова: законодательство, право на занятие предпринимательской деятельностью, торговые отношения, лицензирование отдельных видов деятельности.

Введение. Актуальность темы заключается в том, что изучение историко-правовых аспектов права на занятие предпринимательской деятельностью позволяет понять, каким образом формировались правовые нормы, регулирующие данную сферу, какие принципы и ценности легли в основу законодательства, и какие изменения происходили в правовом поле в разные исторические периоды. Понимание исторических корней развития российской предпринимательской деятельности и опыта предыдущих поколений способствует процветанию предпринимательства и экономики современной страны.

Целью исследования является анализ становления и развития права на занятие предпринимательской деятельностью.

Проблема становления и развития права на занятие предпринимательской деятельностью в различных ее аспектах освещала в трудах таких отечественных ученых, как З. Б. Алиева, Е. А. Андрюхин, Е. Ю. Беликова, Д. А. Лукашевич, Л. А. Муравьева, Я. М. Паромов, Д. А. Попов, Х. Р. Разванов и др.

Основная часть. Предпринимательская деятельность получила начало своего развития еще во времена Древней Руси. Так, в конце IX – начале VIII веков до нашей эры древляне, поляне, северяне, дулибы, тиверцы, белые хорваты, дреговичи, половчане, кривичи, радимичи, словене, вятичи, уличи и ятвяги занимались предпринимательской деятельностью в Северном Причерноморье [1, с.4-5]. Они вступали в торговые отношения с греками, обменивая хлеб, рыбу, ткани, мед, воск, меха, изделия из драгоценных металлов и другие товары.

В периоде возникновения Древнерусского государства, княжение династии Рюриковичей характеризовалось постоянными войнами и активным участием государства в международных делах. Этот период характеризовался расширением территории, увеличением богатства и торговыми связями. Внутренняя торговая и производственная деятельность начала активно развиваться, а предпринимательскую инициативу в этой сфере проявили купцы, устанавливая торговые отношения с различными регионами, такими как Византийская империя, Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика, основываясь на своем имуществе.

Процессы определения границ государства на Древней Руси, такие как разделение на Киевское княжество, Черниговское, Новгородское и Переяславское, способствовали экономическому развитию. Основной отраслью экономики являлось сельское хозяйство. Развитие ремесел также способствовало экономическому росту древнерусского общества, а отделение ремесел от сельского хозяйства способствовало

развитию торговли и увеличению количества городов. Интенсивный торговый обмен способствовал разрушению родовой общины, вследствие чего, отмечает Д.А.Попов, центр хозяйственной жизни Древней Руси был перенесён в Новгород Великий [2, с. 163].

Множество международных торговых путей проходило через территорию Древней Руси, что способствовало развитию денежной системы. В это время формировалась система частного землевладения, иерархия господствующих классов, и происходил процесс постепенной феодальной зависимости населения от господствующих слоев.

В конце XII и в первой половине XIII века ввиду ряда внутренних факторов, изменений в мировых торговых маршрутах и монгольского нашествия возникло Галицко-Волынское княжество в составе Древнерусского государства. Данное княжество сыграло ключевую роль в развитии предпринимательской активности, став новым центром экономической жизни и продолжив дипломатические и международные предпринимательские традиции Древней Руси.

Развитие торговли способствовало формированию финансово-денежной системы, расширению кредитных операций и росту заемщиков, а также разнообразию форм предпринимательской деятельности. Во второй половине XVIII века в России начали появляться крупные централизованные мануфактуры, что способствовало формированию государственного рынка как важного элемента мировой экономической системы.

В середине XIX века в России началось свободное развитие торговли, способствовавшее расширению частного бизнеса. Появление фабрик и заводов, технологические изменения в ключевых отраслях экономики благоприятствовали росту предпринимательства. В конце XIX – начале XX века акционерное общество, отмечает Е. Ю. Беликова, стало неотъемлемой частью предпринимательской сферы в России [3]. Развитие предпринимательства в России в этот период сопровождалось высоким уровнем концентрации и монополизации производства, аналогично другим зарубежным странам.

Предпринимательская активность в деревенской, сельской местности значительно возросла. С отменой в 1861 году крепостного права сельское хозяйство стало более ориентировано на торговлю и предпринимательство. Как помещичьи, так и крестьянские хозяйства включились в товарные и денежные отношения. В деревнях и селах появился новый вид предпринимателя – хозяина, – утверждает Л.А.Муравьева [4, с. 51]. Сеть ярмарок активно развивалась, использовалась оптовая торговля по образцам и аукционы. Важную роль играли биржи, в частности Фондовый отдел Московской биржи, занимавшийся торговлей зерном [5, с.543].

Анализ нормативных документов Российской Республики (1917-1918 годы) свидетельствует о неоднозначном отношении власти периода освободительной борьбы к предпринимательству, предпринимательской деятельности и свободе человека заниматься предпринимательством. Так, в Проекте Конституции 1917 года экономические права человека и гражданина не провозглашались.

В период развития советской государственности в Союзе Советских Социалистических Республик предпринимательская деятельность считалась несовместимой с идеями социализма. Частная предпринимательская деятельность была запрещена и рассматривалась как серьезное уголовное преступление согласно Уголовному кодексу Российской Советской Федеративной Социалистической Республики различных лет [6, с.41]. В России было принято пять конституций в период советской власти, закреплявших положительные изменения в обществе и сформировавших основы государственности. Однако, право на предпринимательскую деятельность не было прописано ни в одном из этих законов, и ее осуществление считалось уголовно наказуемым деянием.

В период сталинской политики было прекращено применение Новой экономической политики (НЭП), которая способствовала развитию предпринимательства через использование хозрасчета, материальных стимулов и поощрение инициативы. Вместо этого была введена административно-командная система управления экономикой в Советском Союзе, что ограничило возможности частного предпринимательства. Несмотря на это, в конституции СССР от 1936 года упоминалось о допуске частного хозяйства для крестьян и ремесленников, но под строгим контролем государства. Исследователь предпринимательской деятельности Е. А. Андрюхин отмечает, что в этот период существовали два типа предпринимательства – официальное и незаконное, за которое предусматривались наказания. Таким образом, в советский период предпринимательство начиналось с регулирования деятельности крестьян и ремесленников.

В период сталинской политики в отношении предпринимательства был положен конец новой экономической политике. Новая экономическая политика с ее направленностью на хозяйственный расчет, материальные стимулы, развитие инициативы и энтузиазма – основных критериев предпринимательской деятельности, была заменена административно-командной системой руководства хозяйственной деятельностью в Союзе Советских Социалистических Республик.

И хотя в статье 9 Основного закона Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г указывалось, что «наряду с социалистической системой хозяйствования, которая является господствующей формой хозяйственной деятельности в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда» [7], в тоже время отечественные ученые отмечают, что в указанный период сосуществовали два типа предпринимательства – официальное и деятельность граждан, за которую предусмотрено наказание [8, с.11].

После принятия Декларации Съезда народных депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 года N 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» в Российской Федерации было законодательно закреплено право человека и гражданина на занятие предпринимательской деятельностью [9]. Это способствовало развитию народного хозяйства рыночного типа и появлению предпринимательства в условиях нового социально-экономического развития общества современной России. Для регулирования свободы предпринимательской деятельности были приняты соответствующие законы Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, зафиксировала свободу предпринимательской деятельности для каждого гражданина, при условии соблюдения законов и отсутствия их ограничений (статья 34) [10].

В соответствии с пунктом 3 статьи 49 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо имеет право заниматься определенными видами деятельности, утвержденными законом, после получения специального разрешения (лицензии) [11]. Пунктом 2 и 3 статьи 12 Федерального закона от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» установлено, что список видов хозяйственной деятельности, требующих лицензирования, и запрещенных видов деятельности определяется исключительно Федеральным Законом [12]. Это объясняется тем, что ограничения на предпринимательскую деятельность связаны с определенными видами, требующими специального разрешения (лицензии) из-за их вредного воздействия на здоровье человека, окружающую среду или угрозы для безопасности государства.

Таким образом, действующим законодательством Российской Федерации определенные виды предпринимательской деятельности ограничены, включая те,

которые связаны с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, охраной особых объектов государственной собственности и др.

Также, не допускается занятие предпринимательской деятельностью для следующих категорий граждан: военнослужащие, сотрудники органов прокуратуры, суда, государственной безопасности, внутренних дел, главы местных администраций.

Выводы. Становление и развитие права на занятие предпринимательской деятельностью проходило в несколько этапов:

а) период формирования Древнерусского государства (IX – начало XII века. Города служили центрами предпринимательской активности, где скапливались различные товары для продажи как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Центром торговых отношений считался Великий Новгород);

б) период провозглашения Российской Республики (1917-1922 годы. Начался процесс национализации частных земель. Предпринимательство было вытеснено из экономической сферы);

в) период образования Союза Советских Социалистических Республик (1922-1991 годы. Гражданам разрешалось самостоятельно создавать изделия, выполнять работы и предоставлять услуги по договоренности. Деятельность делилась на законную и запрещенную уголовным законодательством);

г) с момента образования Российской Федерации (1991 год – по сегодняшний день. Действующее законодательство Российской Федерации устанавливает определенные виды предпринимательской деятельности, требующие специального разрешения для её осуществления, а также круг физических лиц, которым запрещено заниматься предпринимательской деятельностью).

На основе проведенного анализа научных трудов и нормативно-правовых актов можно заключить, что становление и развитие права на занятие предпринимательской деятельностью – это последовательное развитие возможностей физического лица для самостоятельного осуществления различных видов предпринимательской деятельности, основной целью которой является получение прибыли. Запрет на занятие предпринимательской деятельностью может быть установлен только федеральными законами Российской Федерации. Ограничение свободы физического лица в праве на занятие предпринимательской деятельностью может быть оправдано лишь в случаях, когда такая деятельность препятствует индивидуальной свободе других лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паромов Я.М. Боспор Киммерийский и формирование торговых связей Азиатского Боспора во второй и третьей четверти VI в. До Н. Э // Боспорские исследования. – 2018. – №36. – С.3-18.
2. Попов Д.А. Генезис российской торговли: от «Русской правды» до «Соборного уложения» // Власть и управление на Востоке России. – 2018. – №4 (85). – С.161-168.
3. Беликова Е.Ю. Отечественные акционерные предприятия на рубеже XIX-XX веков / Е.Ю.Беликова // Управление экономикой: теория и практика. – 2009. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennyye-aktsionernye-predpriyatiya-na-rubezhe-xix-xx-vekov> (дата обращения: 18.02.2024). – Загл. с экрана.
4. Муравьева Л. А. Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2012. – №2 (6). – С.42-53.
5. Разванов Х.Р., Алиева З.Б. Фондовые биржи в России: XIX -начало XX в. // Экономика и социум. – 2014. – №4-4 (13). – С.540-543.
6. Лукашевич Д.А. Становление и развитие законодательства СССР о предпринимательской деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – №2. – С.38-43.
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года / Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#1> (дата обращения: 18.02.2024). – Загл. с экрана.
8. Андрюхин Е.А. Неофициальное предпринимательство в СССР в 60-80-х гг. XX в // Известия АлтГУ. – 2010. – №4-2. – С.9-12.

9. О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 года N 22-1 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39472/?ysclid=lsrqwt8xoh877246114 (дата обращения: 18.02.2024). – Загл. с экрана.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 №1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 03.07.2020. – N 31. – Ст.34.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 49.
12. О Лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., выступ. в силу с 01.01.2024) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/6a4a5b5468ba8b99831699f7d048d2a5d7710610/?ysclid=lsrrlt75s9404546335 (дата обращения: 18.02.2024). – Загл. с экрана.

THE HISTORICAL AND LEGAL ASPECT OF THE FORMATION

Annotation. The paper examines the history of the formation and development of the right to engage in entrepreneurial activity in Russia during various historical periods, from the Ancient Russian state to the Russian Federation. The author, analyzing the provisions of the legislation of different years, notes that the main purpose of entrepreneurial activity in different eras is to make a profit. Attention is also drawn to the importance of the freedom of an individual in the right to entrepreneurial activity, noting that restrictions on this right must be justified and established by federal laws.

Keywords: legislation, the right to engage in entrepreneurial activity, trade relations, licensing of certain types of activities.

Solonenko K.

Scientific adviser: Bondar A., Assistant

Donetsk State University

E-mail: Sol-kriis@mail.ru

УДК 343.73

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Солоненко К. М.

*Научный руководитель: Карпенко Л. К., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе проведен анализ зарубежного законодательства в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Рассмотрены международные правовые акты в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Исследованы отдельные нормы уголовного законодательства Болгарии, Камеруна, Малайзии, Республики Польша, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритания, Соединённых Штатах Америки, Федеративной Республики Германии, Французской Республики, Швейцарской Конфедерации и др.

Ключевые слова: законодательство зарубежных стран, легализация (отмывание) преступных доходов, международные акты, ответственность, Уголовный кодекс.

Введение. Сравнительно-правовой анализ легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, по законодательству зарубежных стран является важным в связи со значительным объемом криминальных инвестиций, проникающих в легальную экономику Российской Федерации. Однако

тенденция увеличения доли преступного капитала в экономике, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества (доходов), приобретенных преступным путем, на сегодняшний день стала ключевым направлением деятельности организованных преступных групп и сообществ, широко распространившимся на транснациональном уровне и негативно сказывающимся на экономике большинства государств мирового сообщества. Таким образом, существует ряд проблем теоретико-практического характера, имеющих важное значение в исследуемой сфере, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Уголовно-правовые основы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, рассматривались в трудах таких отечественных и зарубежных ученых, как Д.А.Ванин, О.Н.Громова, П.В.Жестеров, А.А.Меньших, К.Х.Минасян, О.А.Иасоб и др.

Основная часть. История появления законодательства, направленного на борьбу с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, связана с осознанием общественной опасности вливания в легальную экономику денежных средств, полученных в результате совершения преступлений.

Первые международные нормативные акты в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, появились в 1988 году. Одним из таких документов явилась Декларация «О предотвращении преступного использования банковской системы в целях отмывания денежных средств», принятая Базельским комитетом по банковскому надзору в декабре 1988 года [1, с.119]. Данная Декларация, в дальнейшем, послужила основой для разработки соответствующего законодательства на национальном уровне.

Другим международно-правовым актом является Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [2]. Заключенная 20 декабря 1988 года в г.Вена Конвенция обязывает присоединившиеся страны определять, выявлять, замораживать или арестовывать доходы, полученные от незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ, с целью последующей конфискации. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ также содержит положения об ответственности за легализацию или передачу собственности, скрытие или маскировку истинного характера источников доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, и подчеркивает важность применения мер конфискации.

В Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, заключенная в г. Страсбурге 8 ноября 1990 года, также определены основные принципы противодействия легализации преступных доходов [3]. Данные принципы включают: разработку законодательных мер для борьбы с отмыванием преступных доходов; уточнение определений; установление дополнительных требований к банкам, финансовым учреждениям и другим организациям, занимающимся финансовыми операциями и имуществом; обеспечение международного сотрудничества в борьбе с легализацией преступных доходов. Данная Конвенция сыграла важную роль в стимулировании разработки соответствующих уголовно-правовых мер во многих странах, которые в основном оценили эти руководящие положения положительно.

В Уголовном кодексе Российской Федерации статьи 174 и 174.1 предусматривают ответственность за: 1) легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, и 2) легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления [7].

Анализ законодательства зарубежных стран в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, целесообразно провести в зависимости от правовых систем (семей):

1. Романо-германская правовая система.

Многие государства, такие, как Австрийская Республика, Аргентинская Республика, Китайская Народная Республика, Республика Болгария, Грузия, Республика Колумбия, Республика Польша, Федеративная Республика Германия, Французская Республика и Швейцарская Конфедерация, – характеризуются законодательной детализацией составов преступлений, связанных с легализацией денежных средств или иного имущества (доходов), приобретенных преступным путем.

В законодательстве Болгарии, Республики Польши, Французской Республики конструкция основного состава преступления может являться ограничительной. Так, в Республике Польша, согласно статье 299 Уголовного кодекса [4, С.197], предметом преступления являются деньги, ценные бумаги и другое имущество, полученные в результате корыстных преступлений, исчерпывающий перечень которых приводится далее в диспозиции статьи §1 (контрабанда, фальшивомонетничество, разбой, незаконный оборот оружия и взрывчатых веществ, наркотических средств и их прекурсоров).

Статья 305 Уголовного кодекса Швейцарской Конфедерации содержит твердую норму, предусматривающую ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов [5]. Статья предусматривает наказание в виде заключения или штрафа для лица, совершающего действия, которые могут затруднить выяснение происхождения, обнаружение или изъятие имущественных ценностей, и которые, по его знанию или должным образом предполагаемому им, происходят из преступления.

Как смягчающие обстоятельства рассматриваются случаи, когда виновное лицо действует как член преступной организации, специализирующейся на легализации (отмывании) незаконно приобретенных денежных средств. Виновное лицо также подлежит уголовной ответственности в случае, если основное преступление было совершено за пределами Швейцарской Конфедерации и подлежит наказанию в соответствии с законодательством места совершения.

Статья 305 Уголовного кодекса Швейцарской Конфедерации также устанавливает ответственность за недостаток бдительности в финансовых операциях, включая принятие и хранение, помощь в размещении или передаче имущественных ценностей, принадлежащих другому лицу, без должной идентификации действительного владельца ценностей с необходимой осторожностью, требуемой обстоятельствами, особенно если такие действия совершаются в рамках профессиональной деятельности. Вторая часть данной статьи предоставляет банкирам, финансовым агентам и другим лицам право сообщать властям информацию, на основе которой они подозревают о преступном происхождении ценностей. Данная норма, принятая в 1994 году, освободила банкиров от ответственности за нарушение банковской тайны в таких обстоятельствах.

Новые нормы, закрепляющие ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества (доходов), приобретенных преступным путем, были введены в Уголовный кодекс Французской Республики [6, с.686]. Так, статья 324.1 Кодекса определяет «легализацию (отмывание)» как:

1) помощь в создании ложного оправдания происхождения имущества или доходов лицу, участвующему в преступлении или правонарушении, и получающему от этого выгоду. В первом случае обвинение должно доказать, что виновный осознавал свою помощь в отмывании доходов, полученных преступным путем;

2) помощь в операциях по размещению, сокрытию или преобразованию доходов от совершенного преступления. Во втором случае необходимо доказать, что лицо знало

о незаконном происхождении определенного имущества и помогало в их размещении, сокрытии или преобразовании.

В Уголовном кодексе Федеративной Республики Германии, отмечают О.Н.Громова и Д.А.Ванин, приведен обширный перечень противоправных деяний, включая преступления и правонарушения, предусмотренные не только Уголовным кодексом, но и другими законами [8, с.194]. Предметом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества (доходов), приобретенных незаконным путем, являются предметы, полученные в результате совершения преступлений, таких как коррупционные и налоговые преступления, незаконный оборот наркотиков и др. Закон предусматривает ответственность за сокрытие таких предметов, маскировку и создание препятствий для их выявления и изъятия.

Таким образом, новые нормы в Уголовном кодексе Французской Республики и Уголовном кодексе Федеративной Республики Германии расширяют понятие «легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем» и устанавливают ответственность за помощь в создании ложного оправдания происхождения имущества или доходов, а также в операциях по размещению, сокрытию или преобразованию доходов от совершенного преступления.

Следует отметить, что в части 5 Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии предусмотрена ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества по неосторожности, когда лицо не осознавало незаконный путь происхождения предмета преступления. В Уголовном кодексе Австрийской Республики (§ 165) также содержится аналогичная норма об ответственности за легализацию имущества, полученного преступным путем.

2. Англосаксонская (англо-американская) правовая система.

Законом Соединенного Королевства Великобритания о доходах от преступной деятельности от 2002 года установлены три основных состава преступлений, связанных с легализацией (отмываем) преступных доходов [9].

Так, лицо совершает преступление, если скрывает, маскирует, конвертирует или передает денежные средств, добытые преступным путем (раздел 327). Сокрытие или маскировка имущества, добытого преступным путем, включает в себя сокрытие его характера, источника, местоположения, распоряжения, перемещения и любых связанных с ним прав собственности (раздел 327(3)).

Содействие приобретению, хранению, использованию или контролю криминальных доходов от имени другого лица, зная или подозревая, что оно является незаконно полученным, также является преступлением (раздел 328), что аналогично разделу 3(а) Закона Малайзии о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма от 2001 года [10]. Данное положение применяется в случаях, если лицо, занимающееся отмываем денежных средств, не является главным преступником, но привлекает специалистов для совершения преступлению.

Третий состав преступления заключается в приобретении, использовании или владении имуществом, добыты преступным путем,(раздел 329) и направлен против лица, приобретающего физическое имущество у преступника.

В законодательстве Соединённых Штатах Америки применяется широкий подход при формулировании диспозиций уголовно-правовых норм в уголовном законодательстве.

Так, на федеральном уровне основными являются законы о банковской тайне, контроле за отмыванием денег и против злоупотребления наркотическими веществами [11, с.36]. Наказание за легализацию (отмывание) денежных средств, приобретенных преступным путем, закреплено в главе 95 Свода законов Соединённых Штатов Америки. Преступным деянием считается осуществление финансовой операции с имуществом, полученным от незаконной деятельности, при условии, что лицо осознает

незаконное происхождение имущества и стремится принять участие или содействовать подобной деятельности.

Закон также устанавливает наказание за перевозку, перемещение или перевод денежных средств через границу. Ответственность также предусмотрена за действия с незаконно приобретенными денежными средствами или имуществом, использовавшимся для таких целей.

Предметом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества (доходов), приобретенных преступным путем могут выступать различные материальные ценности, такие как денежные средства, чеки, ценные бумаги и платежные документы.

Процесс легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества (доходов), приобретенных преступным путем, включает в себя совершение предикатного преступления, а также помощь в его совершении и сокрытии.

3. Традиционная правовая система.

Уголовный кодекс Камеруна в разделе 11 предусматривает ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств. Так, Закон применяется к наемникам, расовой дискриминации, пиратству, торговле людьми, работоторговле, рабству, незаконному обороту наркотиков, обороту токсичных отходов, отмыванию денег, киберпреступности, коррупции и преступлениям незаконного присвоения государственной собственности, совершенным даже за пределами территории Республики Камерун [12, с.602]. Таким образом, государство имеет право осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении преступлений, которые представляют угрозу общим интересам человечества, таких как отмывание денежных средств, приобретенных преступным путем, независимо от того, кто и где совершил преступление, кто был жертвами.

Выводы. Национальные правовые системы зарубежных стран используют различные подходы при формулировке диспозиций и санкций уголовно-правовых норм. Данное объясняется как особенностями правовой идеологии и накопленным опытом юридической практики, так и определенными экономическими и политическими соображениями.

Легализация незаконно приобретенных денежных средств или иного имущества является опасной преступной деятельностью, поскольку осуществляется с прямым умыслом и специальной целью. Уголовные законы Французской Республики и Соединённых Штатов Америки включают признак «заведомости» в составе исследуемого преступления (подразумевающий, что виновное лицо заранее осознает незаконный характер источника доходов), как предусмотрено и в Уголовном кодексе Российской Федерации. Международное законодательство также требует наличия специальной цели в составе легализации незаконно приобретенных денежных средств.

Легализации преступных доходов во многих зарубежных странах определяется через понятие «сокрытие». Нормы об ответственности за такое деяние обычно включены в раздел преступлений против правосудия.

Например, в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германии ответственность за легализацию преступных доходов устанавливается в статье 261 «Отмывание денежных средств. Сокрытие незаконно полученных имущественных выгод», находящейся в разделе 21 «Сокрытие преступника и сокрытие имущества, добытого преступным путем».

В Уголовном кодексе Швейцарской конфедерации статья 305 bis «Отмывание денежных средств» расположена после статьи о сокрытии и включает ответственность за действия, направленные на сокрытие происхождения, пребывания или конфискации имущественных ценностей.

Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, является конвенционным преступлением, для которого

международно-правовыми нормами не запрещено учитывать основные положения внутреннего права. При этом, уголовно-правовые средства играют ведущую роль в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, на мировой арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минасян К.Х. Деятельность международных организаций по противодействию отмыванию преступных доходов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №4. – С.117-123.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: заключена в г. Вене 20.12.1988 года / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
3. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: заключена в г. Страсбурге 08.11.1990 года / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/document/con> (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
4. Жестеров П.В. Легализация преступных доходов: опыт уголовной репрессии в государствах-членах Европейского Союза и России // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – №4. – С.195-199.
5. Swiss Criminal Code: of 21 December 1937 / Warnathgroup [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.warnathgroup.com/> (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
6. Меньших А.А. Уголовная ответственность за отмывание денежных средств, полученных незаконным путем, по законодательству Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – №4 (53). – С.684-690.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 174, 174.1.
8. Громова О.Н., Ванин Д.А. Уголовная ответственность за легализацию преступных доходов с использованием криптовалюты: обобщение опыта Франции и ФРГ // Юридическая наука. – 2023. – №9. – С.192-196.
9. Proceeds of Crime Act 2002 / GOV.UK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cps.gov.uk/publication/proceeds-crime-act-2002> (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
10. Malaysia's Anti-Money Laundering and Anti-Terrorism Financing Act 2001 / GOV.MY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ccid.rmp.gov.my/Laws/Anti_Money_Laundering_Anti_Terrorism_Financing_Act_2001.pdf (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
11. Руководство для учреждений, оказывающих финансовые услуги: Russian, 2007 / Fincen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fincen.gov/sites/> (дата обращения: 14.02.2024). – Загл. с экрана.
12. Iacob O.A. Principles Regarding State Jurisdiction in International Law / O.A.Iacob. – University of Bucharest. – 2004. – P. 602.

LEGALIZATION (LAUNDERING) OF FUNDS OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Annotation. In this paper, an analysis of foreign legislation in the field of combating the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means is carried out. The international legal acts in the field of countering the legalization of proceeds from crime are considered. Separate norms of the criminal legislation of Bulgaria, Cameroon, Malaysia, the Republic of Poland, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain, the United States of America, the Federal Republic of Germany, the French Republic, the Swiss Confederation and others have been studied.

Keywords: legislation of foreign countries, legalization (laundering) of criminal proceeds, international acts, liability, Criminal Code.

Solonenko K.

Scientific adviser: Karpenko L., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: Sol-kriis@mail.ru

УДК 347

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РОБОТОВ, НАДЕЛЕННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Солоненко К. М.

*Научный руководитель: Борухова М. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос о правосубъектности роботов с искусственным интеллектом. Анализируются возможности признания роботов субъектами права и определения их правосубъектности. Исследуется возможность предоставления роботам статуса «электронного лица» в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ответственность, правовой статус, робот, электронное лицо.

В современном мире новые технологии играют важную роль в развитии общества и влияют на все аспекты жизни. Технологии искусственного интеллекта, Интернет вещей, облачные технологии и блокчейн имеют огромный потенциал для улучшения качества жизни, но также представляют определенные риски и вызовы.

Искусственный интеллект и робототехника становятся все более популярными и широко используемыми технологиями. Они применяются в различных сферах жизни, включая медицину, промышленность, транспорт, науку и образование.

Однако, несмотря на все преимущества современных технологий, отечественное законодательство Российской Федерации на сегодняшний день не готово к широкому использованию роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта в повседневной жизни людей, в экономике и в юридической практике.

Проблема определения правового статуса роботов, наделенных искусственным интеллектом, рассматривалась в трудах таких отечественных ученых, как: В.В.Архипов, А.А.Васильев, А.В.Габов, И.Б.Данилов, М.А.Ефремова, Ж.И.Ибрагимов, М.М.Иевлева, Т.М.Лопатина, В.Б.Наумов, И.А.Филипова, И.А.Хаванова, С.Е.Чаннов, М.Д.Шигин и др.

Цель работы – провести комплексный анализ правового регулирования статуса роботов, наделенных искусственным интеллектом.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года №1632-р, определяет необходимость создания условий для возникновения таких платформ и технологий, как: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей [1].

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года [2].

В качестве сравнительной характеристики необходимым усматривается изучение нормативной правовой базы зарубежных стран. Так, детальное внимание вопросу правового регулирования общественных отношений при использовании робототехники и искусственного интеллекта уделяется в законодательстве Японии, Германии, Соединённых Штатов Америки, Республики Корея и др.

Так, в 2015 году Правительство Японии приняло стратегию развития робототехники, предусматривавшую использование роботов в различных сферах жизни на протяжении ближайших 5 лет (до 2020 года) (Japan's Robot Strategy) [3]. Стратегия

включала в себя применение роботов для помощи пожилым людям и обеспечения безопасности в обществе.

В декабре 2017 года в Конгресс Соединённых Штатов Америки был внесен законопроект, закрепляющий определение понятия «искусственный интеллект» в законодательстве Соединённых Штатов Америки (Fundamentally Understanding The Usability and Realistic Evolution of Artificial Intelligence Act of 2017) [4].

Первые шаги к глобальному законодательному регулированию статуса роботов, наделенных искусственным интеллектом или его компонентами, были сделаны с принятием резолюции Комитетом Европейского парламента по правовым вопросам в 2017 году. В этой резолюции было предложено включить в законодательство ЕС понятие «умный робот», создать систему регистрации таких роботов и определить их правовой статус как электронного лица. Также, отмечалась возможность применения к деликатным отношениям с участием роботов двух юридических конструкций ответственности: 1) производителя за неисправности робота; 2) за вредоносные действия, согласно которым пользователь робота несёт ответственность за поведение. Однако, данный документ вызвал разногласия. По мнению А.А.Васильева и Ж. И. Ибрагимова, в данном акте подчёркивается недостаточность вышеуказанных правил в случае, если вред наступил вследствие действий робота и при отсутствие вины, причиной следственной связи действий человека и наступившего вреда [5, с.53].

Таким образом, на сегодняшний день законодательство Российской Федерации в области регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники находится на начальном этапе декларативного закрепления, в то время как в зарубежных странах существуют попытки наделения правовым статусом роботов.

Для определения правового статуса роботов, наделенных искусственным интеллектом, и установления юридических рамок в области использования и развития технологий, необходимо раскрыть сущность понятий «искусственный интеллект», «робототехника», «робот».

Так, искусственный интеллект – это область информатики, которая изучает создание умственных процессов, характерных для человека, таких как обучение, решение задач, распознавание речи, восприятие и многое другое, и реализует их в компьютерных системах [6, с.14].

Робототехника – это область, которая объединяет в себе знания и методы механики, электроники, информатики и других наук с целью проектирования, разработки, управления и применения роботов в различных сферах [7, с.281].

Робот – это машина или устройство, обладающее способностью выполнять различные задачи автономно или по команде и предназначенное для выполнения различных функций, от промышленного производства до исследований и помощи людям в повседневной жизни [8, с.219].

Необходимо отметить, что в мировом научном сообществе отсутствует единое определение вышеперечисленных понятий, что создает определенные проблемы в их толковании и использовании.

Актуальным в контексте развития технологий и искусственного интеллекта сегодня становится вопрос относительно того, являются ли роботы только объектами правовых отношений либо могут выступать и в качестве субъектов права. Можно предположить, что уровень правосубъектности роботов, наделенных искусственным интеллектом, их статус и роль должны регулироваться нормами гражданского законодательства.

Участниками регулируемых гражданским законодательством отношений, согласно ч.1 ст.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), являются граждане и юридические лица. В регулируемых гражданским законодательством отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования [9]. Поскольку закон

содержит полный перечень субъектов гражданских отношений, можно сделать вывод, что робот, наделенный искусственным интеллектом, не является субъектом общественных отношений и, следовательно, субъектом правовых отношений.

При этом, нельзя согласиться с мнением В.В.Архипова и В.Б.Наумова, утверждающих, что робот фактически может быть приравнен к имуществу [10].

ГК РФ и другие нормы гражданского законодательства Российской Федерации не содержат определения понятий «робот» и «искусственный интеллект». Поэтому, для определения правового статуса робота как субъекта правоотношений, целесообразно использовать аналогичные нормы, применяемые к объектам гражданских прав.

Следует отметить, что статус робота наиболее соответствует положению 1079 ГК РФ, в которой источником повышенной опасности является любая деятельность, при которой вероятность причинения вреда повышается вследствие невозможности полного контроля над ней со стороны человека. Также, относится деятельность по использованию, транспортировке и хранению предметов, веществ и других объектов, которые могут причинить вред и не поддаются полному контролю [11].

На данный момент существует несколько точек зрения относительно того, являются ли роботы, наделенные искусственным интеллектом, субъектами права. Понятие правосубъектности робота как потенциального участника правовых отношений представляет собой новую концепцию, поэтому важно разобраться, ли такой субъект собой совершенно новый тип субъектов.

С.Е.Чаннов в своем исследовании обосновывает необходимость признания роботов, наделенных искусственным интеллектом, субъектами общественных отношений и рассматривает их как «эквиваленты физического лица». В его труде отмечается, что роботы, наделенные искусственным интеллектом, способны совершать действия, которые сходны с человеческими, и взаимодействовать с традиционными субъектами общественных отношений [12, с.104-105].

И.Б.Данилов предлагает признать роботов, наделенных искусственным интеллектом, квази-юридическим лицом. Автор считает необходимым включить в перечень видов правосубъектности юридического лица также «киберспособность», которая означает способность быть активным участником отношений в сфере информационных технологий, заключать договоры, участвовать в социальных сетях и других интерактивных акциях. Киберспособность может проявляться не только через сделки, но и через юридические действия [13, с.13].

Учитывая, что в истории признание прав субъекта всегда было прерогативой государства, для придания роботам такого статуса необходимо изменить традиционное понимание субъектов правоотношений. В частности, видится необходимым юридически закрепить определение, признаки, момент возникновения и прекращения правосубъектности, ее содержание и элементы. Так, М.Д.Шигин и М.М.Иевлева предлагают ввести понятие «электронное лицо» в научный оборот, поскольку это связано с принципиально новым субъектом права [14, с.539].

Электронное лицо, подобно юридическому лицу, может рассматриваться как средство достижения определенной цели для своего владельца. Оба существуют и создаются исключительно в интересах своих владельцев или создателей. Робот, обладающий юридическим статусом электронного лица, не приобретает внезапно прав и обязанностей, аналогичных человеческим. Владелец робота создает юридическую фикцию, контроль над которой он способен осуществлять.

Полагаем, что концепция имеет право на существование и дальнейшее развитие. Правовой статус позволит автономным роботам иметь статус электронных лиц, ответственных за исправление любого ущерба, который они могут нанести. Возможно, электронное лицо будет применяться в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом взаимодействуют с третьими лицами независимо.

Глобальная цифровизация общественных отношений и широкое внедрение искусственного интеллекта, способного принимать автономные решения в рамках поставленных задач, приводят к необходимости пересмотра концепций правового регулирования в данной области.

В свое время концепция «юридического лица» также вызывала сомнения и критику, но сегодня она уверенно укоренилась в цивилизованной науке и нашла законодательное закрепление. Точно так же и возможность признания роботов, наделенных искусственным интеллектом, субъектами права может стать важным шагом в развитии законодательства.

Таким образом, вопрос о правосубъектности роботов тесно связан с определением их правового статуса как субъектов права, поскольку правосубъектность является неотъемлемой чертой субъекта. Несмотря на то, что обычно правосубъектность предоставляется только человеку, закон может предусматривать ее и для других субъектов. Поэтому важно рассмотреть возможность предоставления роботам статуса субъекта – электронного лица.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации показывает, что законодатель четко определяет субъектов гражданских отношений, поэтому предоставление роботам статуса электронного лица возможно только при наличии соответствующей нормы в ГК РФ либо в специальном нормативном правовом акте.

Необходимым усматривается определение понятия, содержания, объема и элементов правосубъектности роботов, наделенных искусственным интеллектом, как электронного лица, а также момента ее возникновения и прекращения, на законодательном уровне.

Ключевым значением для идентификации робота, наделенного искусственным интеллектом, как электронного лица, следует считать определение механизма его государственной регистрации.

Полагаем, что наделение роботов с искусственным интеллектом правосубъектностью не означает приобретение ими прав и обязанностей человека и не должно быть направлено на избежание ответственности другими субъектами. Подобно предприятию, которое может быть рассмотрено как целостный имущественный комплекс и субъект отношений, робот также может обладать двойным статусом в зависимости от контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. No 1632-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 28.02.2024). Загл. с экрана.
2. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/129505/>(дата обращения: 28.02.2024). Загл. с экрана.
3. New Robot Strategy: The Headquarters for Japan's Economic Revitalization [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/robot_honbun_150210EN.pdf (дата обращения: 28.02.2024). Загл. с экрана.
4. Fundamentally Understanding The Usability and Realistic Evolution of Artificial Intelligence Act of 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/115/s2217/text> (дата обращения: 28.02.2024). Загл. с экрана.
5. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в европейском Союзе // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. №1. С.50-54.
6. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 90 с.
7. Лопатина Т.М., Ефремова М.А. Правовое регулирование робототехники в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. №2 (44). С.278-283.

8. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №435. С.215-233.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. Ст.2.
10. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46-62.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // СЗ РФ. – 29.01.1996. – № 5. Ст. 1079.
12. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. №12 (145). С.94-109.
13. Данилов И.Б. Основные подходы к правовому регулированию отношений с участием роботов // Юридические исследования. 2019. №6. С.7-15.
14. Шигин М.Д., Иевлева М.М. Правовой статус электронного лица // Теория и практика современной науки. 2019. №6 (48). С.538-541.

THE LEGAL STATUS OF ROBOTS ENDOWED WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION

Annotation. In this paper, the question of the legal personality of robots with artificial intelligence is considered. The possibilities of recognizing robots as subjects of law and determining their legal personality are analyzed. The possibility of granting robots the status of an «electronic person» in accordance with the current legislation of the Russian Federation is being investigated..

Keywords: artificial intelligence, responsibility, legal status, robot, electronic person..

Solonenko K.

Scientific adviser: Borukhova M., Senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: Sol-kriis@mail.ru

УДК 341.1/8

ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА В АРКТИКЕ

Становая А. Ю.

*Научный руководитель: Гончаренко А. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье исследуются проблемы, связанные с делимитацией континентального шельфа в Арктике. Особое внимание уделено анализу территориальных претензий государств-участников, сложностям определения внешних границ континентального шельфа и возможным последствиям для региональной безопасности и окружающей среды. Представляется обзор современных международных соглашений и правовых актов, касающихся делимитации континентального шельфа, а также выдвигают рекомендации для разрешения данной проблемы на международном уровне.

Ключевые слова: Арктика, континентальный шельф, притязания государств приарктический режим, добыча ресурсов.

В мире современной геополитики, проблема делимитации континентального шельфа в Арктике становится все более актуальной, но, тем не менее, спорной. В условиях расширения экономической деятельности в этом регионе, страны активно спорят о правах на добычу природных ресурсов, обустройство морских маршрутов и сохранение окружающей среды. В данном контексте возникают серьезные проблемы, связанные с определением границ континентального шельфа, что создает особую необходимость в поиске сбалансированных и устойчивых решений.

В последние годы Арктика привлекла значительное внимание мирового сообщества, превратившись из региона, интерес к которому проявляли в основном

только восемь прибрежных государств, в регион, обладающий политическим значением. Снижение арктического льда открывает Северо-Западный проход, что будет иметь серьезное влияние на современные морские перевозки, а также обеспечит доступ к большим запасам минеральных и углеводородных ресурсов.

Главной проблемой, которая возникает в контексте международного права, является определение норм и правил, которые предоставляют возможность прибрежным государствам расширять свои суверенные права на исследование и разработку части континентального шельфа, находящейся за границей 200 морских миль. Эта проблема касается и Арктического региона.

Такая проблема возникает из-за того, что в международном морском праве существует принцип общего наследия человечества, который относится к международным районам морского дна. Расширение границ континентального шельфа возможно только в случае наличия особых природных особенностей, например, если подводная часть материка простирается дальше 200 морских миль, и существует прямая геологическая связь между сухопутной территорией прибрежного государства и ее подводным продолжением. Однако установление такой связи согласно статье 76 Конвенции 1982 года является сложной задачей, так как данная статья устанавливает особый порядок получения, организации и оценки соответствующих доказательств [1].

Интерес к ресурсам континентального шельфа Арктики проявляют не только прибрежные государства, но и множество других ведущих стран, включая Китай, Индию, Японию, Великобританию, Францию и Германию. В этой связи возникают сложные вопросы политического и юридического характера, связанные с правами на владение территориями Арктики и использование ее континентального шельфа в центральной части Северного Ледовитого океана. Поэтому одной из приоритетных задач приарктических государств является урегулирование международно-правового статуса внешних границ в Арктике.

В настоящее время Россия, Канада и Дания претендуют на пересекающиеся территории в регионе Арктики. Разрешение этого спора находится в компетенции Комиссии ООН по границам континентального шельфа, но процесс этого разрешения затягивается, вызывая усиление напряженности в регионе.

По определению, понятие «Арктики» не имеет четкого закрепления в законодательстве арктических государств. Тем не менее, обычно под Арктикой понимается северная полярная область земли, включая Северный Ледовитый океан с островами, за исключением норвежских прибрежных островов, а также отдаленные районы материков Северной Америки и Евразии, а также примыкающие части Атлантического и Тихого океанов [2, с. 14].

Некоторые ученые устанавливают границы Арктики на юге, опираясь на Северный полярный круг. В первом случае площадь арктического региона составляет приблизительно 27 миллионов квадратных километров, во втором – около 21 миллиона квадратных километров.

Государства, имеющие выход к Северному Ледовитому океану, образуют так называемую «арктическую пятерку», в которую входят Россия, США (Аляска), Канада, Дания (Гренландия) и Норвегия (Шпицберген). Они являются постоянными членами Арктического совета и имеют законные основания для расширения своих границ на континентальном шельфе в Северном Ледовитом океане и для установления контроля над прилегающими морскими пространствами.

Субарктическими государствами считаются Исландия, Швеция и Финляндия. Несмотря на то, что они не имеют выхода к Северному Ледовитому океану, Швеция и Финляндия находятся в арктическом регионе на суше, а Исландия расположена южнее Северного полярного круга. Однако они также признают себя приарктическими государствами и являются членами Арктического совета.

Проблема определения территориальных границ в Арктике давно существует, но в настоящее время она становится все более актуальной, и в этот процесс вовлечены не только арктические страны, но и неарктические. После уменьшения интереса к Арктике со стороны государств, занимающих полярные регионы, в 1990-е годы, с начала 2000-х интерес к региону вновь возрос.

Это связано с передовыми технологиями, открывающими потенциал для добычи углеводородных ресурсов на континентальном шельфе, и увеличением их доступности, а также с появлением и увеличением роли новой транспортной системы, вызванными таянием льдов и айсбергов. В результате арктические государства активно ведут переговоры и предпринимают попытки заключения международных соглашений о границах континентального шельфа.

Относительно делимитации морских территорий применяются различные принципы. В течение длительного времени, вопросы разделения юрисдикции между государствами решались с помощью метода срединной линии. Однако Международный Суд ООН (далее – МС ООН) отменил этот метод, ссылаясь на отсутствие обязательной нормы международного права, подтверждающей его использование.

В 1969 году МС ООН предложил ввести критерий пропорциональности в разграничении морских границ. Этот критерий утверждает необходимость баланса между государствами, учитывая длину их побережий, что фактически подтверждает преобладание суши над морем [3, с. 12].

Первой попыткой кодификации правовых норм для установления режимов территориальных вод и открытого моря была Женевская конвенция по морскому праву 1958 года. Она утвердила основные принципы международного рыболовства и установила правила для режимов территориальных вод, континентального шельфа и открытого моря.

Позднее основным документом международного права, регулирующим все виды деятельности в океанах и морях, а также использование их ресурсов, стала уже ранее указанная, Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 1982 года. В пункте 1 статьи 76 указано, что прибрежное государство имеет право устанавливать внешние границы континентального шельфа согласно двум принципам: естественного продолжения или принципа расстояния.

Так, принцип естественного продолжения позволяет государству определить внешние границы континентального шельфа таким образом, что они простираются на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка. Принцип расстояния предоставляет государству право на 200 морских миль от территориального моря в случае, когда «внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние».

При этом, важно отметить, что в статье 77 вышеуказанной Конвенции подчеркивается, что прибрежные государства имеют неотъемлемые права на континентальный шельф, которые не зависят от того, занимают они его реально или только на словах, или от того, предъявляют ли прямые претензии на этот шельф. Это означает, что обязанность подавать заявку в Комиссию является лишь процедурной формальностью, поскольку права на континентальный шельф не зависят от каких-либо процедурных требований.

Несмотря на значительные достижения в области морского права и решения вопросов, связанных с границами континентального шельфа, в настоящее время все еще остается неясным международно-правовой статус арктических морских территорий. Например, США отказались присоединиться к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, указывая на положения Женевских конвенций ООН по морскому праву 1958 года, в соответствии с которыми граница континентального

шельфа государства определяется по глубине воды, не позволяющей эксплуатацию ресурсов морского дна. Это означает, что США не обладают правом подавать заявку на континентальный шельф перед комиссией [4, с. 15].

Более того, отсутствует единое согласие относительно разграничения арктических территорий. Существует три различные концепции: теория «полярных секторов», предложенная Канадой в 1907 году в законе «О северо-западных территориях» и поддержанная Россией в 1916 году похожим документом; концепция интернационализации, аналогичная тому, что используется в Антарктиде, предложенная США в противовес первой и поддерживаемая Китаем и Японией (она также известна как теория «множественного кондоминиума»); и конвенционный принцип, применяемый в настоящее время в рамках Конвенции ООН по морскому праву.

Стоит при этом обратить внимание на комиссию по границам континентального шельфа (далее – КГКШ), которая является органом, который устанавливает общие стандарты и принципы для определения права на расширение границ континентального шельфа. Ее решения от имени всего человечества определяют внешние границы шельфа, что может подтверждать права государств на шельф за пределами 200 морских миль.

Проблема возникает в возможности расширения границ континентального шельфа для стран, не участвующих в Конвенции 1982 года. При обращении к этой Конвенции статья 4 Приложения II указывает на отсутствие намерения ее составителей предоставить третьим государствам, не являющимся ее участниками, право обращения в КГКШ.

Среди ученых нет полного консенсуса по данному вопросу. Хотя большинство из них, такие как: Вылегжанин А.Н., Салыгин В.И., Дудыкина И.П., Киенко Е.В., считают, что государства, не являющиеся участниками Конвенции 1982 года, не должны иметь доступ к Комиссии по континентальному шельфу, некоторые исследователи выступают за предоставление им этого права [5, с. 129]. Они считают, что это поможет установить более точные границы континентального шельфа каждого прибрежного государства и общего наследия человечества.

Позиция нашего государства заключается в том, что нельзя полностью игнорировать третьи государства. Третьи государства нельзя исключить из мирового сообщества, что означает, что они имеют равные права с остальными государствами в отношении принадлежащих им прав, проистекающих из статуса общего наследия человечества, присвоенного Международному району морского дна, независимо от их участия или неучастия в Конвенции 1982 года.

Следует отметить, что современные механизмы международного права обеспечивают установление границ в Арктике мирным путем. Также можно сказать, что стандартный подход к разделению Арктики может быть неэффективен, поскольку Северный Ледовитый океан уникален, и подходы к установлению границ должны учитывать особенности этого полузамкнутого океана, учитывая интересы прибрежных государств в рамках национальной и экологической безопасности. Поэтому рассмотрение Северного Ледовитого океана как открытого морского пространства крайне нежелательно.

Более того, рекомендательный характер решений Комиссии по границам континентального шельфа может привести к их невыполнению и созданию угрозы.

На основании вышеизложенного, ожидается, что будет возражение против предложенных рекомендаций или их полное игнорирование. Это подтверждает, что окончательное установление границ в Арктике будет достигнуто только путем компромисса между заинтересованными странами, а не через обращение к международным органам или следующий за этим ряд международных договоров, хотя

в определенной степени может быть учтено рекомендациями Комиссии. В качестве примера можно привести договор между Россией и Норвегией 2010 года о разграничении и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане [6, с. 134].

Учитывая различные интерпретации критериев определения континентальной границы и подводных хребтов, можно заключить, что ратификация Конвенции по морскому праву 1982 года заставила арктические государства зависеть от геологической структуры дна Северного Ледовитого океана. В данной ситуации необходимо строить последовательную тактику в отношении заявлений в Комиссию, чтобы защищать границы континентального шельфа в рамках российского сектора и утверждать принадлежность хребта Ломоносова и Северного полюса к России. Это поможет избежать потери арктических территорий в случае ошибки со стороны Комиссии и рекомендации в пользу Дании или Канады. Также это обязует соседние государства найти общее решение по спорным территориям перед установлением границ национального уровня в одностороннем порядке.

Основной задачей здесь является сохранение международного Района морского дна в рамках концепции общего наследия человечества в области хребта Гаккеля. Это связано с тем, что данный хребет является подводным и не относится к возвышенностям какой-либо континентальной окраины. В районе хребта Ломоносова предлагается использовать секторальный принцип разграничения, что позволит России, Канаде и Дании действовать на равных условиях, избежав серьезных политических конфликтов. Таким образом, предполагается, что это не приведет к угрозам военной и экологической безопасности арктических государств. Кроме того, центральный район Северного Ледовитого океана будет оставаться недоступным для свободного передвижения и хозяйственной деятельности в течение длительного времени, что также ограничит возможность разработки минеральных ресурсов неарктическими государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (дата обращения: 13.02.2024).
2. Гаврилов В. В. Правовые проблемы определения границ континентального шельфа в Арктике // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7(98). – С. 10-19.
3. Жудро И.С. Международно-правовой режим дна Северного Ледовитого океана. Проблемы разграничения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 4. – С. 4-19.
4. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / под общ. ред. И. С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 9-16.
5. Вылегжанин А.Н., Салыгин В.И., Дудыкина И.П., Киенко Е.В. Позиции неарктических государств в отношении правового режима Северного Ледовитого океана. Государство и право. № 10. 2018. – С. 124-135.
6. Макагон А.В. Основные концепции, коллизии и правовые основания международного режима Арктики. Океанский менеджмент. №1 (4). 2019. – С. 132-138.

PROBLEMS OF CONTINENTAL SHELF DELIMITATION IN THE ARCTIC

Annotation. This article explores the problems associated with the delimitation of the continental shelf in the Arctic. Particular attention is paid to the analysis of territorial claims of the participating states, the difficulties of determining the outer limits of the continental shelf and possible consequences for regional security and the environment. A review of modern international agreements and legal acts concerning the delimitation of the continental shelf is presented, and recommendations for the resolution of this problem at the international level are put forward.

Keywords: Arctic, continental shelf, claims of the states of the Arctic regime, resource extraction.

Stanovaya A.

Scientific adviser: Goncharenko A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: anstanovaya77@mail.ru

УДК 347.919.3

ИНСТИТУТ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СООТВЕТСТВИИ С ГРАЖДАНСКИМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тарасова И. С.

*Научный руководитель: Хачук К. Д., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье исследуется законодательное нововведение гражданского процессуального права – институт упрощенного производства. В работе обращено внимание на незавершенность теоретических дискуссий о сущности института упрощенного производства, о пределах его процедурного содержания и о соотношении с другими видами производств. Авторы анализируют ст. 232.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая раскрывает содержание категории дел, рассматриваемых в упрощенном производстве. Отмечается достаточно сложная система разграничения дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, потому как законодатель не установил исчерпывающий перечень таких дел. Выявлены спорные вопросы и проблемы, которые требуют дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: упрощенное производство, судебная система, процессуальное законодательство, гражданский процесс, исковое производство.

Судебная система сильно перегружена исковыми заявлениями по имущественным спорам, а рассмотрение исков даже по несложным делам в порядке искового производства занимает большое количество времени. В виду чего 1 июня 2016 года вступил в силу Федеральный закон от 02.03.2016 г. №46-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», который вводит в гражданский процесс институт упрощенного производства [1]. Включение новой главы в ГПК РФ стало вынужденной мерой для обновления гражданского судопроизводства.

Институт упрощенного производства представляет собой специальный порядок рассмотрения дел, который предусмотрен главой 21.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Данный порядок повышает доступность правосудия, оптимизирует и ускоряет рассмотрение и разрешение спора. В отличие от других самостоятельных видов производств, упрощенное является разновидностью общего искового процесса. Для того, чтобы заявление была разрешено в упрощенном порядке должна быть небольшая ценовая величина иска и факт признания его ответчиком. Поскольку упрощенное производство исключает устное разбирательство по делу, то за основу берутся документальные доказательства, письменно оформленные, которые суд будет учитывать при принятии решения.

Содержание главы 21.1 ГПК РФ об институте упрощенного производства вызывает немало дискуссий с теоретической точки зрения, в данном случае это вопросы о сущности такого порядка, о пределах его процедурного содержания, о соотношении с приказным производством, поскольку эти процессы часто путают. В результате в судебной практике возникает неоднозначное применение соответствующих процессуальных норм, что затрудняет правильность выполнения поставленных задач судопроизводства.

Правоведами произведены попытки определить правовую природу, характерные черты упрощенного производства. Вопросы достаточности характеристик выделяемых категорий дел, подлежащих рассмотрению в упрощенном порядке, были изучены в работах М. М. Готра, А. В. Малышкина и др., а вопросы реализации отдельных процессуальных действий в упрощенном производстве раскрываются в работах Н. А. Батурина, А. Х. Хисамова, Р. В. Шакирьянова и др. Немало исследований посвящено вопросу сравнительного анализа упрощенного производства с приказным производством, таких авторов, как Д.А. Курбанов, Д.Г. Попова, Т.С. Этина, Т. Е. Недозрелова и др.

Однако до настоящего времени упрощенное производство в гражданском процессе не являлось предметом отдельного комплексного научного исследования, с применением системного подхода, позволяющего выявить особенности упрощенного производства в сравнении с исковым производством и другими видами самостоятельных производств.

Объектом научного исследования в данной работе является вопрос о категориях дел, которые рассматриваются в порядке упрощенного производства. Как показывает судебная практика применения института упрощенного производства, судьи затрудняются четко определить относимость конкретного дела к упрощенному производству. При буквальном толковании ч. 1 ст. 232 ГПК РФ необходимо усвоить, каким образом происходит разграничение дел между упрощенным и приказным производством, а также стоит отметить, что законодатель дважды использует формулировку: «кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства».

Так, в соответствии с ч.1 ст. 232.2 ГПК РФ в порядке упрощенного производства бесспорно подлежат рассмотрению три категории дел:

1) Исковое заявление, если цена иска не превышает сто тысяч рублей, кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства. Однако законодатель не уточняет, из каких гражданско-правовых обязательств возникает требование о взыскании денежных средств. К примеру, решением Новодвинского городского суда Архангельской области от 24 декабря 2019 г. по делу № 2-647/2019 удовлетворены требования о взыскании материального ущерба, причиненного заливом квартиры [3]. Решением Псковского городского суда Псковской области от 17 июля 2020 г. по делу № 2-1830/2020 удовлетворены требования о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, в порядке суброгации [4].

Относительно чего с учетом положений п. 2 ст. 232.2 ГПК РФ обоснованно утверждать, что взыскание денежных средств может обуславливаться различными гражданско-правовыми обязательствами, в том числе по возмещению вреда, за исключением вреда, причиненного жизни и здоровью.

2) По исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает сто тысяч рублей. Относительно второго основания рассмотрения гражданских дел в упрощенном порядке представляется возможным отметить, что, как правило, требование о признании права собственности предъявляется в отношении недвижимого имущества. Чаще всего субъекты обращаются с требованием о признании права собственности на самовольно возведенные объекты при отсутствии правоустанавливающих документов, что можно расценить в качестве способа избежать волокиты в органах местного самоуправления или к примеру, для признания права собственности в порядке наследования или о признании права собственности по приобретательной давности, в связи с признанием ответчиком иска. Однако при рассмотрении требований признания права собственности на объект недвижимости по приобретательной давности необходимо руководствоваться п.7 и п.8 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 18.04.2017 г. № 10, в котором сказано, что истец вместе с исковым заявлением должен предоставить суду доказательства, подтверждающие кадастровую или рыночную стоимость недвижимого имущества, которая не должна превышать ста тысяч рублей [4].

Анализ судебной практики по делам, связанным с признанием права собственности на объект недвижимости показывает, что суды общей юрисдикции часто игнорируют требования ч.4 ст.232.2 ГПК РФ, из которой следует, что суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства, если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства суд, в том числе по ходатайству одной из сторон, приходит к выводу о том, что необходимо выяснить дополнительные обстоятельства или исследовать дополнительные доказательства, а также произвести осмотр и исследование доказательств по месту их нахождения, назначить экспертизу или заслушать свидетельские показания, либо заявленное требование связано с иными требованиями, в том числе к другим лицам, или судебным актом, принятым по данному делу, могут быть нарушены права и законные интересы других лиц. В рамках упрощенного судопроизводства судами также признавалось право собственности на самовольно возведенные строения ввиду отсутствия правоустанавливающих документов, стороны часто обращаются в суд для легализации объектов недвижимости, подменяя этим обращением необходимый административный порядок для легализации такой недвижимости.

При отмене судебных решений, чаще всего встречаются такие нарушения, как отсутствие документов, свидетельствующих о возможности использования земельного участка под спорный объект недвижимости, либо документов, подтверждающих его назначение и вид использования, документов о выделении земельного участка под строительство объекта, либо отсутствие сведений о том, что истцом представлялись доказательства обращения в администрацию за разрешительными документами на постройку объекта, либо отсутствовали сведения, что УФРС отказало истцу в регистрации права собственности и суд, не устанавливая юридически значимые обстоятельства по делу и не удостоверившись в том, что ответчик знает о рассмотрении дела в суде, удовлетворял заявленные истцом иски о признании права собственности.

Правила упрощенного производства, содержащиеся в гл. 21.1 ГПК РФ, позволяют суду общей юрисдикции принять решение по делу, ограничившись лишь резолютивной частью. Однако, мы понимаем, что требование о признании права собственности – непростое дело и требует выяснения ряда важных обстоятельств, а именно: наличие или отсутствие владения бывшим правообладателем, порока основания, на котором настаивает одна из сторон, анализа основания возникновения права собственности [6, с. 22]. Поэтому считаем, что в данном случае невозможно утверждать, что суд имеет возможность полно и всесторонне выяснить важные для материально-правовых отношений обстоятельства по делу, например отсутствие иных наследников, в том числе имеющих право на обязательную долю в наследстве, факт соответствия самовольной постройки градостроительным нормам и правилам.

В большинстве случаев решение судов, вынесенное в упрощенном порядке, не обжалуется, а если и подана жалоба, то такое дело однозначно будет направлено судом апелляционной инстанции на новое рассмотрение [7, с. 48]. А это вряд ли соответствует целям упрощения судопроизводства.

3) Требования, которые основаны на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору.

Проанализировав статью 232.2 ГПК РФ автор статьи приходит к некоторым выводам, а именно, что при принятии искового заявления суд решает вопрос о рассмотрении иска в порядке упрощенного производства, для этого необходимо выяснить относится ли предмет иска к категории дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства; выявить есть или нет оснований, препятствующих рассмотрению дела в изучаемом порядке; узнать о волеизъявлении сторон на рассмотрение дела в упрощенном порядке.

Далее, проанализировав ч.1 ст.232.2 полагаем, что представленный законодателем перечень категорий дел нельзя считать исчерпывающим, поскольку согласно ч.2 ст. 232.2 ГПК РФ законодатель допускает по ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон судья при подготовке дела к рассмотрению может вынести определение о рассмотрении в порядке упрощенного производства иных дел, если не имеется обстоятельств, указанных в части четвертой настоящей статьи.

Подведем итоги, полученные в ходе написания научной работы. Так, отметим, что внедрение в суды общей юрисдикции упрощенной формы рассмотрения гражданских дел является необходимой мерой в связи с тем, что количество исковых заявлений, поступающих в суды, растет год за годом. Данное производство следует рассматривать как подвид искового производства, наравне с заочным производством. Материально-правовая природа дел упрощенного производства, цели судебной деятельности в упрощенном производстве соответствуют делам искового производства, а процессуальная форма упрощенного производства носит исковой характер.

Ввиду новизны исследуемого института, правоведами ведется активная дискуссия и аналитическая работа, происходит исследование судебной практики применения упрощенной формы для того, чтобы увидеть и проанализировать недостатки системы, сделать выводы, раскрывающие суть исследуемой проблемы, вероятные перспективы её развития.

Учитывая недостаточный уровень правовой культуры населения и отсутствие профессионального представителя в гражданском процессе практическая реализация положений гл. 21.1 ГПК РФ затруднена, чем отрицается сама цель упрощенного производства упростить и сократить время на решение спора. Проведенный анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что судьи не всегда точно видят основания для рассмотрения спора в порядке упрощенного производства, поэтому иногда допускают ошибку распределяя рассматривать дело в порядке упрощенного производства, допуская нарушение процессуальных норм. Кроме того, в таких спорах суды общей юрисдикции выполняют функцию в легализации объектов недвижимости, подменяя работу и деятельность органов местного самоуправления и органов государственной власти, чем нарушают закон.

Другие же представители судебной системы, при затруднении разрешения вопроса в каком производстве решать спор, во избежание процессуальных нарушений, направляют исковое заявление на рассмотрение в общем порядке искового производства. Указанные проблемы, на наш взгляд, связаны с неточной формулировкой положений в ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ и диспозитивным характером нормы ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ.

Кроме того, на сегодняшний день вопрос уведомления ответчика об исковых требованиях к нему, вопрос своевременного обмена документами и доказательствами между сторонами должным образом не урегулирован, эти факторы влияют на законность, обоснованность, объективность принятого решения и вызывает сомнение об объективности судебного разбирательства. Считаем указанные проблемы требуют дальнейшего изучения и усовершенствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 45-ФЗ: [принят Государственной думой 16 февраля 2016 года: одобрен Советом Федерации 26 февраля 2016 года]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 8 июня 2020 года: [принят Государственной думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.

3. Решение Новодвинского городского суда Архангельской области № 2-647/2019 2-647/2019~М-535/2019 М-535/2019 от 24 дек. 2019 г. по делу № 2-647/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.02.2024).
4. Решение Псковского городского суда Псковской области № 2-1830/2020 2-1830/2020~М-1417/2020 М-1417/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 2-1830/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.02.2024).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 N 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215641/?ysclid=lsx5a5yoiz7804801 (дата обращения: 22.02.2024).
6. Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты гражданских прав: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2020. 29 с.
7. Шпак А. В., Бородько Л. Д. Проблемы ускоренных процедур рассмотрения дел в гражданском процессе // Юристъ-Правоведъ. 2018. – № 4 (87). – С. 47–53.

A CRITICAL ANALYSIS OF ARTICLE 232.2 OF THE SIMPLIFIED PROCEEDINGS THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the legislative innovation of civil procedure law – the institute of simplified production. The paper draws attention to the incompleteness of theoretical discussions about the essence of the institute of simplified production, the limits of its procedural content and its relationship with other types of production. The authors analyze Article 232.2 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which reveals the content of the category of cases considered in simplified proceedings. There is a rather complex system of delineation of cases considered in the simplified procedure, because the legislator has not established an exhaustive list of such cases. Controversial issues and problems have been identified that require further improvement.

Keywords: simplified proceedings, judicial system, procedural legislation, civil procedure, claim proceedings.

Tarasova I.

Scientific adviser: Khachuk K., Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: tarasova013@mail.ru

УДК 343.3/7

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Тищенко В. С.

*Научный руководитель: Семькина Л. А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются исторический и международно-правовой аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних. Рассмотрены исторические изменения в законодательстве о несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная ответственность, правонарушение, преступление, дети, подростки.

Существование и проблемы, сопутствующие уголовной ответственности несовершеннолетних, являются актуальной и сложной темой в сфере правосудия. Одной из основных целей уголовной ответственности несовершеннолетних является создание справедливых и реабилитационных условий для молодых правонарушителей. В данном тексте будет представлен исторический обзор эволюции уголовной ответственности несовершеннолетних.

Одной из ранних форм ответственности за преступления, совершаемые несовершеннолетними, является система кровной мести, широко распространенная в

различных древних обществах. Согласно этой системе, если несовершеннолетний совершал убийство или подобное преступление, его родственники или племя могли требовать компенсацию от родственников жертвы. Это позволяло обществу восстановить справедливость и урегулировать конфликт между сторонами.

В XIX веке многие страны приняли специальное законодательство, посвященное правам и защите детей и подростков. Эти законы устанавливали нормы по образованию, заботе о здоровье и благополучии детей, а также вопросам уголовной ответственности. Они признавали важность учета возрастных особенностей при рассмотрении дел несовершеннолетних.

Один из ранних примеров законодательства о детях и подростках можно найти в истории Российской империи. Иван Грозный, правивший в XVI веке, издал «Престолонаследие Грозного» (по другой версии – «Правила о детях») в 1550 году [1, с. 19]. Этот законодательный акт определял порядок правопреемства на престол в случае, если император умирал, не успевший назначить наследника. Он включал в себя нормы, касающиеся прав и обязанностей несовершеннолетних престолонаследников. Это был один из первых шагов в сторону правовой регламентации статуса детей и подростков.

В XVIII веке, в эпоху Просвещения, великая Екатерина II издала «Чартер о детях» в 1769 году. Этот закон определял правовой статус и обязанности детей и подростков, а также регулировал их образование. Этот документ устанавливал принципы социальной защиты детей и поддержки их образования, что было значительным шагом вперед в области прав детей.

В XX веке психологическая наука сыграла важную роль в эволюции методов воспитания и реабилитации. Были проведены множество исследований, которые позволили лучше понять развитие и потребности детей и подростков, а также факторы, способствующие их уголовной активности. Это позволило разработать более индивидуализированные и психологически обоснованные методы работы с несовершеннолетними.

Важным моментом в истории прав детей было принятие Женевской конвенции о правах детей в 1924 году. Этот документ устанавливал важнейшие принципы в области прав детей, включая право на жизнь, здоровье, образование и защиту от эксплуатации. Женевская конвенция стала основой для развития международных норм и стандартов в области прав детей.

С течением времени и с развитием психологической науки, подход к уголовной ответственности несовершеннолетних изменился. Вначале, приступив к преступлению, несовершеннолетний отвечал нарушением нравственных принципов и ничем не отличался от взрослых. Поэтому они наказывались взрослыми общественно-правовыми методами. Однако после появления новых научных данных стало понятно, что подростки отличаются от взрослых не только физически, но и психологически. Тогда стало явным, что преимущественно наказательное отношение к этой возрастной группе, во-первых, не справедливо и, во-вторых, не эффективно.

Впоследствии были разработаны новые подходы к уголовной ответственности несовершеннолетних, основанные на реабилитации и социализации. Так, в некоторых странах были созданы специализированные суды и центры, занимающиеся правоприменением в отношении несовершеннолетних. Они применяются для определения мер наказания, которые помогают несовершеннолетним правонарушителям учиться относиться к своим поступкам ответственно и в дальнейшем успешно интегрироваться в общество.

Важной частью эволюции уголовной ответственности несовершеннолетних является признание их особого статуса в правовой системе. Международные нормы гарантируют права несовершеннолетних и обязывают государства разрабатывать соответствующие системы ювенального правосудия. Такие системы должны учитывать

возрастные и развитие особенности молодых правонарушителей и обеспечивать их восстановление и социализацию.

Взгляды и мнения авторов по историческому аспекту уголовной ответственности несовершеннолетних разнообразны и многочисленны. Рассмотрим несколько авторов и их точек зрения на эту тему.

Французский социолог и философ Эмиль Дюркгейм исследовал социальные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних в конце XIX и начале XX века [2, с. 1]. Его взгляды сосредотачивались на социальных факторах, влияющих на девиантное поведение подростков. Дюркгейм утверждал, что общество должно играть ключевую роль в формировании моральных норм и ценностей у детей и подростков, и что уголовная ответственность несовершеннолетних должна в первую очередь быть связана с воспитанием и реабилитацией, а не с наказанием.

Российский юрист и криминолог Георгий Полетаев акцентировал внимание на развитии законодательства о детях и подростках в России. Он исследовал историю изменений в уголовной ответственности несовершеннолетних с петербургской России до современности и придерживался мнения, что законы и методы воспитания должны отражать психологические и физические особенности детей и подростков, а также учитывать изменяющиеся социокультурные реалии.

Американская социальная работница и активистка Джейн Адамс активно выступала за права и благополучие детей в США в начале XX века. Ее работы подчеркивали важность социальных условий и семейной среды, в которых воспитываются дети, и выдвигали идеи о создании специализированных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, ориентированных на их реабилитацию и образование. Лорейн Хансберри, американская драматург и писательница, подняла вопрос о ювенальной уголовной системе в своих работах [3, с. 261]. Она выразила опасения по поводу системы, которая отправляет детей в тюрьмы, и подчеркивала важность реабилитации и образования, чтобы предотвратить рецидив и помочь детям вернуться в общество.

Эти авторы представляют лишь несколько из множества точек зрения на исторический аспект уголовной ответственности несовершеннолетних. Их взгляды варьируются от социологических и философских аспектов до правовых и психологических, но все они выделяют важность гуманного и педагогически ориентированного подхода к этой категории правонарушителей.

Итак, исторический обзор уголовной ответственности несовершеннолетних показывает, что подход к данной проблеме существенно изменился с течением времени. Современное понимание особенностей психологии, возраста и развития подростков обусловило переход от наказательной системы к реабилитационной и социализационной поддержке. Целью такого подхода является не только наказание, но и восстановление и формирование образца социально-резонансного поведения. Это помогает создать более справедливые условия для несовершеннолетних, которые совершили правонарушение, и обеспечить их успешную реинтеграцию в общество.

Международно-правовой аспект играет важную роль в формировании стандартов и подходов к уголовной ответственности несовершеннолетних на мировой арене [4, с. 84]. Давайте рассмотрим основные аспекты этой проблемы:

1) Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года: Этот ключевой международный документ устанавливает основные нормы и принципы, касающиеся прав детей и подростков. Согласно статье 37 Конвенции, страны-участницы должны обеспечивать, чтобы арест, заключение под стражу, и наказание несовершеннолетних применялись как мера последней инстанции и только в тех случаях, когда она является абсолютно необходимой.

2) Правила Токийской консультации (Бандаунского соглашения): Этот международный документ, принятый в 1985 году, предоставляет рекомендации и принципы по уголовной ответственности несовершеннолетних в сфере уголовного правосудия.

3) Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о ювенальной юстиции 1990 года: Эта резолюция уделяет внимание принципам ювенальной юстиции, включая необходимость разработки систем, которые принимают во внимание физические и психологические особенности несовершеннолетних.

4) Совет Европы и Европейская конвенция о правах ребенка 1996 года: Совет Европы принял ряд решений и документов, направленных на обеспечение прав детей и подростков, включая меры по реабилитации и социальной защите несовершеннолетних правонарушителей.

5) Декларация прав ребенка 1924 года: Была первым международным документом, признавшим особые потребности и права детей. Она состояла из пяти принципов, направленных на защиту детей от рабства, проституции, торговли и эксплуатации, а также на обеспечение их воспитания, образования, здоровья и благополучия.

6) Женевская декларация прав ребенка 1959 года: Была принята Генеральной Ассамблеей ООН и расширила и уточнила содержание Декларации 1924 года. Она включала десять принципов, которые закрепляли права каждого ребенка на выживание, развитие, защиту и участие в делах, касающихся его жизни. Она также призывала родителей, общественные организации, местные власти и национальные правительства к соблюдению и реализации этих прав.

Отдельно выделяется Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей, которая была принята на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах детей, которая состоялась в Нью-Йорке 30 сентября 2000 года. В этой декларации подчеркиваются следующие ключевые моменты:

1) Обязательства перед детьми: Участники встречи обязались совместно принять меры для обеспечения каждого ребенка лучшим будущим. Дети, как невинные, уязвимые и зависимые существа, заслуживают радости, мира, образования и роста.

2) Реальность детства: Для многих детей реальность совсем иная. Множество детей во всем мире сталкиваются с опасностями, которые препятствуют их росту и развитию. Они страдают от войн, насилия, бедности, болезней, дискриминации и эксплуатации.

3) Проблемы и возможности: Декларация призывает к решению проблем, с которыми сталкиваются дети, и подчеркивает, что у стран есть средства и знания для защиты жизни и благополучия детей. Конвенция о правах ребенка открывает новую возможность для уважения прав и развития детей.

Международные организации и соглашения активно работают над установлением стандартов и норм в области уголовной ответственности несовершеннолетних, признавая важность гуманного и педагогически ориентированного подхода к этой категории правонарушителей. Это подчеркивает, что мировое сообщество признает потребность в специальной защите и реабилитации несовершеннолетних в сфере уголовного правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астемиров З.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних / З.А. Астемиров., под ред. д.ю.н. Стручкова. Учебное пособие – М., 1970. – 125 с.
2. Галкин А., Возвращение ювенальной юстиции в Россию /А.Галкин // Российская юстиция – 2008. – №7.
3. Дуюнов В. Уголовное право. Общая и Особенная части. / В. Дуюнов. – М., 2014. -656 с.
4. Полосин Н.В., Скворцова С.А. Уголовное право России: Учебное пособие / Н.В. Полосин, С. А. Скворцова. – М.: ИНФРА – М., 2009. – 272 с.

CRIMINAL LIABILITY OF MINORS: HISTORICAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

Annotation. This paper examines the historical and international legal aspects of the criminal liability of minors. Historical changes in the legislation on minors are considered.

Keywords: criminal liability, offense, crime, children, adolescents.

Tishchenko V.

Scientific advisor: Semykina L., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: vladimirtishchenko0@gmail.com

УДК 347.73

ДОГОВОР БАНКОВСКОГО ВКЛАДА И ДОГОВОР БАНКОВСКОГО СЧЕТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ткаченко В. Д.

*Научный руководитель: Швайковская В. Н., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. На сегодняшний день безналичное обращение денежных средств по счетам используется все чаще. В данной статье рассмотрено понятия договора банковского вклада и договора банковского счета, проводится анализ правовой природы вышеуказанных видов соглашений, рассматриваются существенные условия данных видов договора. Исследование также содержит сравнительный анализ договора банковского вклада и договора банковского счета.

Ключевые слова: договор банковского вклада, договор банковского счета, денежные средства, банковский договор.

Проблема четкого отграничения двух банковских договоров: договора банковского вклада и договора банковского счета является актуальной не только с теоретической точки зрения, но и на практике. Такое разграничение указанных договоров обусловлено различием банковских операций по привлечению средств во вклады, а также осуществлению открытия и ведения банковских счетов.

В настоящей статье представляется необходимым дать четкое отличительное разграничение договора банковского счета и договора банковского вклада.

Договором банковского вклада признается договор, по которому одна сторона (банк), принявшая полученную от другой стороны (вкладчика) или полученную за нее (вклад) сумму денег, обязуется вернуть сумму вклада и уплатить по нему проценты на условиях и в порядке, предусмотренных договором. Следовательно, договор банковского вклада заключается с целью получения процентов от доходов и рассматривается как средство обеспечения сохранности денежных средств. Для более детального изучения современного состояния общественных отношений в сфере банковских вкладов необходимо провести сравнительный анализ вышеуказанного договора с договором банковского счета на предмет общих черт и отличительных признаков.

Ст. 836 ГК РФ закрепляет положение об обязательности письменной формы договора банковского вклада. В пункте 2 рассматриваемой статьи содержится правило, согласно которому в случае несоблюдения письменной формы договора банковского вклада этот договор признается недействительным и ничтожным.

Что касается определения договора банковского счета, то оно должно быть сформулировано с использованием пункта 1 статьи 845 Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве законодательной основы. Договор, заключаемый между банком и клиентом, устанавливает права и обязанности сторон в отношении банковского счета, на

котором происходит зачисление и списание денежных средств, осуществление переводов и снятие наличных, а также другие операции, доступные через личный кабинет клиента по его запросу. Банк или иная кредитная организация, имеющая банковскую лицензию, заключает договор, с одной стороны, а другой стороной в данном случае являются граждане и организации. Для заключения настоящего соглашения требуется письменная форма, однако законодательство, регулирующее договор банковского счета, не содержит прямых указаний о соблюдении его письменной формы.

Как отмечалось выше, сторонами договора банковского счета являются непосредственно банк и его клиент, именуемые владельцем счета. При заключении договора каждая из сторон наделяется определенными правами и обязанностями, а это означает, что данный вид договора признается в науке гражданского права взаимным, или двусторонне обязывающим [3].

Природа коммерческих банков ценна тем, что они оказывают влияние на рост уровня жизни граждан, предоставляя возможность приобретать товары длительного пользования. Следует также отметить, что коммерческие банки финансируют деятельность государства в сфере финансов. Государственные расходы не всегда покрываются доходами.

Также важным вопросом при изучении данной темы является характеристика признаков договора банковского вклада и банковского счета.

Договор банковского вклада признается действительным, это объясняется тем, что данный договор считается заключенным с момента внесения суммы вклада в кассу банка или зачисления на его корреспондентский счет. Данному договору присущ принцип казуальности в связи с тем, что целью договора является факт предоставления банку определенной суммы денег с обязательством ее возврата. Рассматриваемый договор признается односторонним в связи с тем, что он порождает обязанность банка вернуть переданную ему сумму вклада вместе с заранее определенными процентами и порождает соответствующее право вкладчика требовать от банка исполнения своих обязательств. Также следует отметить, что данный договор является публичным в силу того, что он заключается банком с гражданином. Важно отметить, что при заключении договора процентная ставка на вклады фиксируется, и это предотвращает банк от предоставления преимуществ одним вкладчикам перед другими.

Договор банковского счета считается заключенным с момента согласования всех существенных условий договора и его немедленного заключения, из чего следует, что договор банковского счета является консенсуальным. Предмет договора банковского счета является его существенным условием. Предметом здесь являются услуги, связанные с операциями по распоряжению безналичными денежными средствами. Поскольку соглашение может быть, как срочным, так и бессрочным, срок действия соглашения о банковском счете не является одним из его существенных условий. Юридическая сила соглашения признается с момента его подписания, внесение средств на счет является необязательным. Клиент имеет право расторгнуть такое соглашение в любое время, для чего он должен подать соответствующее заявление. В этом случае факт расторжения договора является основанием для закрытия счета клиента [1].

Обязанности, присущие сторонам договора банковского вклада являются важным элементом банковского договора. У банка перед вкладчиками следующие законные обязанности:

- произвести оформление вклада;
- принять вклад и обеспечить сохранность денежных средств вкладчика;
- осуществить возврат вклада по первому требованию вкладчика с начисленными процентами;
- исполнять в рамках средств, которые являются вкладом, письменные указания вкладчика по безналичным расчетам.

По договору банковского счета банк, прежде всего, принимает на себя обязательство:

- открыть счет клиенту;
- принимать и зачислять полученные на счет денежные средства;
- выполнять распоряжения клиента о переводе на другой счет, а также выдавать денежные средства со счета и проводить на нем другие операции.

Клиент, в свою очередь, принимает на себя следующие обязанности:

- оплачивать банковские услуги по совершению таких операций;
- выполнять другие обязанности в соответствии с заключенным договором.

По договору банковского счета клиент самостоятельно по своему усмотрению распоряжается денежными средствами, то есть сам определяет и контролирует их использование. В данном случае банк не имеет права вмешиваться в этот процесс, то есть устанавливать определенные ограничения.

Свобода договора прямо предусмотрена гражданским законодательством Российской Федерации для граждан и юридических лиц. Однако чаще всего даже юридически подкованные люди могут допускать ошибки при разграничении понятий «банковский вклад» и «банковский счет», что создает препятствия для правоприменения.

В соответствии с ч. 1 ст. 834 ГК РФ «по договору банковского вклада (депозита) одна сторона (банк), принявшая поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для нее денежную сумму (вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных договором. Если иное не предусмотрено законом, по просьбе вкладчика гражданина банк вместо выдачи вклада и процентов на него должен произвести перечисление денежных средств на указанный вкладчиком счет» [1]. «По договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету» [2].

Договор банковского вклада и договор банковского счета имеют ряд общих черт. К ним относятся:

1. При возникновении отношений между банком и вкладчиком по счету, на который внесен вклад, к договору применяются правила о договоре банковского счета, содержащиеся в главе 45 ГК РФ, если иное не предусмотрено положениями указанной главы или не вытекает из сущности договора банковского вклада [2]. Это связано с тем, что при возникновении таких правоотношений любые манипуляции с использованием денежных средств возможны в любой момент;

3. Как по договору банковского счета, так и по договору банковского вклада банк имеет право пользоваться денежными средствами, сохранность которых он обеспечивает;

4. Рассматриваемые виды договоров регулируются ГК Российской Федерации, ФЗ «О банках и банковской деятельности», «О страховании вкладов в банках Российской Федерации», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Налоговым кодексом Российской Федерации, другими нормативно правовыми актами [4];

5. Письменная форма договора присуща как договору банковского вклада, так и договору банковского счета. Несоблюдение письменной формы договора влечет недействительность сделки, т.е. договор будет ничтожным;

6. ч. 2 ст. 852 ГК РФ предусматривает возможность начисления процентов также по договору банковского счета [2].

Что касается отличительных признаков рассматриваемых видов договора, то следует отметить такие:

1. В отличие от договора банковского вклада, по договору банковского счета банковский счет, как правило, имеет неопределенный срок, при этом временной интервал открытия банковского вклада заранее определен;

2. Договор банковского вклада заключается с целью получения прибыли в виде начисленных процентов за предоставление денежных средств банку;

3. Договор банковского счета является двусторонним. Согласно договору банковского счета, банк обязан открыть клиенту счет, соответствующий пожеланиям клиента, вносить на него вклады и снимать с него средства по его требованию, а также обеспечивать сохранность банковской тайны. В свою очередь, клиент обязан предоставить банку денежное вознаграждение за расчетно-кассовые операции. Что касается договора банковского вклада, то такой договор является односторонним, что подразумевает, что только банк несет обязательства по договору, а именно принять денежные средства и обеспечить их сохранность, выплатить проценты по вкладу, снять сумму со вклада в течение срока, согласованного с клиентом. В этом случае вкладчик имеет только права, а именно право требовать выплаты процентов по вкладу, а также в одностороннем порядке расторгнуть договор вклада в любое время и потребовать его возврата.

4. Также отличительные признаки содержатся и в наименовании сторон. В договоре банковского вклада сторонами договора являются вкладчик и держатель, а в договоре банковского счета сторонами договора являются банк и клиент.

5. Сберегательная книжка или сертификат подтверждает исполнение договора банковского вклада, тогда как конкретного документа договора банковского счета, который мог бы подтверждать операции с ним, не существует.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что договору банковского вклада и договору банковского счета присущи как схожие черты, так и отличительные признаки, однако они независимы друг от друга по своей правовой природе. Следует также отметить, что законодательство, регулирующее договор банковского счета, не содержит прямых указаний о соблюдении его письменной формы, что также отличает его от договора банковского вклада. В связи с чем, во избежание правовых коллизий является целесообразным изложить ч. 1 ст. 836 ГК РФ в следующей редакции: «Несоблюдение письменной формы сделки по операциям с банковским счетом означает ее недействительность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева А.А., Панкратова М.Е. Характеристика договора банковского счета // Вестник науки – 2020. – № 9 (30). – С. 62 – 65.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 19 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: [принят Государственной думой 10 дек. 1995 г.: одобрен Советом Федерации 21 дек. 1995 г.: введ. Федер. законом от 19 янв. 1996 г. №15-ФЗ]: в ред. Федер. Закона от 09 марта 2021 г. №33-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2019. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7807.
3. Костина К.А. Договор банковского счета: понятие и правовая природа // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2019. – №5 (32). – С. 114.
4. Минаев А.В., Недвецкая Я.С. Особенности доказывания безденежности договора займа // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 3. – С. 6-9.

BANK DEPOSIT AGREEMENT AND BANK ACCOUNT AGREEMENT: COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation. Currently, non-cash circulation of funds on accounts is being used more and more often. This article discusses the concepts of a bank deposit agreement and a bank account agreement, analyzes the legal nature of the above types of agreements, and examines the essential terms of these types of agreements. The study also contains a comparative analysis of the bank deposit agreement and the bank account agreement.

Keywords: bank deposit agreement, bank account agreement, cash, bank agreement.

Tkachenko V.

Scientific adviser: Shvaykovskaya V., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: vladimir_tkachenko10@mail.ru

УДК 340

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СВЕТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ И ПРАКТИКИ ЕСПЧ

Ткаченко Ю. В.

*Научный руководитель: Чупилкин Ю. Б., канд.юрид.наук, доцент
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности роли прокурора в уголовном процессе с позиций, выработанных органами Европейского суда по правам человека, эволюционирование позиций ЕСПЧ по отношению к постепенному расширению сферы влияния прокуратуры как правозащитной организации. Авторами сделан вывод о том, что ЕСПЧ придает важное значение участию прокурора в судебных разбирательствах в качестве гарантии защиты прав свобод и законных интересов граждан.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, Европейский суд по правам человека, ЕСПЧ, ЕКПЧ.

Россия на протяжении 24-х лет, начиная с 1998 года, в рамках выполнения требований по ратификации Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее – ЕКПЧ) признавала обязательной юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), а все органы государственной власти, в том числе и Генеральная прокуратура РФ должны были осуществлять свою деятельность в соответствии с нормативными положениями ЕКПЧ, а также решениями ЕСПЧ по конкретным делам. 16 сентября 2022 года Россия прекратила быть высокой договаривающейся стороной ЕКПЧ. В связи с чем, представляется актуальным рассмотреть влияние роли стандартов ЕСПЧ на законодательство и практику участия прокурора в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Однако, следует отметить, что Россия остаётся членом Комитета ООН по правам человека. Этот орган продолжает принимать жалобы на нарушение Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года.

В рамках настоящей работы первичное внимание будет уделено вопросам анализа правовой позиции ЕСПЧ о роли прокуратуры в уголовном процессе. Прокурор (от лат. *procurare* – управлять, ведать чем-либо, заботиться) играет важнейшую роль в рамках уголовного процесса. Для большинства стран с состязательной системой судебного процесса прокурор выступает в суде в качестве государственного обвинителя. В его обязанности входит изложение доводов обвинения, построения линии обвинения и др. При этом стоит отметить, что точные функции прокурора как участника уголовного производства могут частично меняться в той или иной стране. Прокуратура является ключевым органом в системе разделения властей, так как ее функции включают надзор за исполнением законов, защиту прав и свобод граждан, обеспечение законности, общественного порядка и общественной безопасности. В силу этого прокуратура является независимым органом, не подчиняющимся ни исполнительной, ни законодательной власти. Прокуроры имеют право проверять действия государственных органов и общественных институтов на предмет их соответствия законодательству, результаты прокурорских проверок могут быть направлены в органы предварительного расследования для принятия решения об уголовном преследовании лиц, в действиях которых усматриваются признаки

преступлений. В ходе судебного разбирательства по делам частного-публичного и публичного обвинения прокурор выполняет функцию государственного обвинения.

В целом, органы прокуратуры выполняют важную роль в поддержании законности и защите прав граждан в рамках системы разделения властей. Анализ Рекомендаций № R (2000) 19 КМСЕ «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» позволяет сделать вывод о том, что органы прокуратуры имеют общие функции во многих зарубежных государствах Европы: рассматривают вопросы о возбуждении уголовного преследования; поддерживают государственное обвинение в суде; приносят жалобы на решения судов [1]. При этом по мнению ряда учёных в последние годы наблюдается рассуждения о дискреционных полномочиях прокурора в уголовном судопроизводстве России [2].

В связи с чем, заслуживают внимания положения «Стандартов профессиональной ответственности, основах обязанностей и прав прокуроров», принятых 23 апреля 1999 года Международной ассоциацией прокуроров (далее: Стандарты 1999 г.) о том, что прокуроры призваны уважать, защищать и поддерживать универсальную концепцию о достоинстве и правах человека (п. 1h) [3]. Международная ассоциация прокуроров (International Association of Prosecutors, IAP) представляет собой международную некоммерческую организацию, объединяющую прокурорские органы со всего мира. Её целью является содействие обмену опытом и знаниями в области уголовного преследования, а также установление и поддержание стандартов профессионального поведения среди прокуроров.

В 2000 году в рамках ежегодной конференции международной ассоциации прокуроров был утвержден форум по правам человека. В результате защита прав свобод и законных интересов человека стала представлять собой официально провозглашенной стратегической задачей, стоящей перед международные ассоциации прокуроров. Из этого в свою очередь вновь можно вывести то, что основной целью и функцией прокуроров и прокуратуры в целом является защита прав свобод и законных интересов граждан.

Схожие выводы можно сделать и в результате общего анализа положений Римской Хартии «Европейские нормы и принципы, касающиеся прокуроров». Данный документ был принят консультативным советом Европейских прокуроров в декабре 2014 г. В соответствии с положениями хартии, прокуроры действуют «от имени и в интересах общества ... Прокуроры призваны соблюдать и защищать права человека как они закреплены в том числе в Конвенции о правах человека...» [4 с. 87]. Представляется, что эффективное выполнение вышеуказанных функций предполагает частичный выход прокуроров и прокуратуры в целом за изначально обозначенные пределы сферы уголовного преследования.

Расширение юрисдикции прокуратуры, расширение сфер ее влияния встречались с определённой осторожностью со стороны ЕСПЧ. Особенно резко на расширенное влияние прокуратуры отреагировала Венецианская Комиссия. Данная Комиссия известна как консультативный орган Совета Европы по вопросам конституционного права. Комиссия была создана в 1990 году, и её целью является содействие развитию демократии, правового государства и защиты прав человека путем предоставления консультаций по вопросам конституционного права. Она является авторитетным образцом в области права, оценивая конституционные реформы и давая рекомендации по улучшению конституций в странах, входящих в состав. Комиссия также сотрудничает с многочисленными государствами, оказывая им содействие в установлении и укреплении демократических институтов. Так члены комиссии усмотрели в расширении сферы влияния прокуратуры возвращение «советской модели» прокурорского надзора с присущими ей регулярными вторжениями прокуратуры в сферу деятельности исполнительной законодательной и

судебной сфер власти. Такой расклад по мнению членов комиссии подрывал принцип разделения властей, лежащий в основе всего существования государственного аппарата в целом [5].

Парламентской Ассамблеей Совета Европы предлагалось российским властям реформировать органы прокуратуры и привести их соответствию с общими европейскими стандартами, изложенными в Заключении N 340/2005 [6].

Со временем позиции Комиссии и Европейского суда по рассматриваемым вопросам стали более гибкими. О эволюции отношения Европейского Суда по правам человека к вопросу определения роли прокуратуры в правозащитной деятельности относительно ярко свидетельствует тот факт, что один из судей ЕСПЧ в прошлом работавший прокурором – Эгберт Мийер в рамках своей речи в Константиновском Дворце в 2008 г. говорил об отказе Европейского суда ставить прокуратуры в один ряд с независимым и беспристрастным судом. В частности, он отметил, что «сам факт признания прокуратуры органом, призванным охранять общественные интересы не позволяют говорить о беспристрастности и независимости прокуроров в рамках судебных процессов [3]. Также о невозможности приравнивания статуса прокурора к статусу независимого суда по мнению Эгберта Мийера свидетельствует факт наличия о прокуратуры целого ряда дискреционных полномочий.

Представляется необходимым более детально рассмотреть правовые позиции ЕСПЧ о полномочиях прокурора, в частности по вопросам участия прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел. Так до недавнего времени для отечественных прокуроров относительно принципиальное значение в соответствующих вопросах имела правовая позиция ЕСПЧ по делу «Озеров против России» от 18.05.2010 г. В данном деле суд признал нарушение ст. 6 Конвенции, поскольку прокурор в течение всего судебного разбирательства отсутствовал при рассмотрении дела судом первой инстанции. Учитывая, что формулирование обвинения, его поддержание, представление доказательств и др., является функциями прокурора, а по факту в данном деле этим занимался непосредственно суд, то в данном случае имело место нарушение принципа беспристрастного и независимого правосудия (ст. 6 Конвенции) [7 с. 5].

Категория «уголовное обвинение» с позиции ЕСПЧ должно применяться и к некоторым делам об административных правонарушениях. Отсутствие в КоАП РФ положений, обязывающих участвовать прокурора при рассмотрении дел об административных правонарушениях в качестве представителя органа обвинения, является нарушением права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 ЕКПЧ (Постановления ЕСПЧ: от 20 сентября 2016 г. «Карелин против России»; от 13 февраля 2018 г. «Буткевич против России»; от 17 апреля 2018 г. «Цуканов и Торчинский против России»).

Рассматривая дела о домашнем насилии, ЕСПЧ обратил внимание, что в России жертвы преступления по делам частного обвинения не защищены, поскольку потерпевший сам вынужден выступать в суде и доказывать вину подсудимого, вместо прокурора (Постановление ЕСПЧ от 04.11.2019 «Володина против России»).

В заключении работы можно сделать следующие выводы.

ЕСПЧ не имеет официальной позиции по определению роли прокуратуры как правозащитного органа. Однако суд часто занимается делами, касающимися деятельности прокуратуры в различных странах, и разъясняет её роль в защите прав человека. Кроме того, ЕСПЧ часто признает важную роль прокуратуры в обеспечении соблюдения прав и свобод граждан в рамках исполнения ее обязанностей в уголовных и административных делах. В своих решениях суд принимает во внимание правозащитные функции прокуратуры и её обязанность обеспечивать соблюдение законности и прав человека. Таким образом, хотя у ЕСПЧ нет однозначной позиции

относительно определения роли прокуратуры как правозащитного органа, суд рассматривает её как важного участника в обеспечении соблюдения прав и свобод граждан и принимает это во внимание при вынесении своих судебных решений.

Приведенные положения европейских стандартов и практики ЕСПЧ практически не были восприняты российским законодателем.

В Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства на сегодняшний день должны реализовываться меры, направленные на то, чтобы нормативные положения УПК РФ о легальном статусе, компетенциях и процессуальной роли прокурора в рамках уголовного процесса не затрагивали объективность, независимость и беспристрастность судей РФ, а также следует разработать новые модели защиты прав потерпевших и поддержания государственного обвинения прокурором по насильственным преступлениям, которые в настоящее время отнесены к категории дел частного обвинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рекомендации № R (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (Приняты Комитетом Министров Совета Европы 6 октября 2000 г. на 724-ом заседании Представителей Министров). – URL: http://www.echr-base.ru/rec2000_19.jsp (дата обращения: 05.02.2024).
2. См.: Шмарев А.И. Международно-правовая основа дискреционных полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. 2021. № 2. С. 33-36; Чурикова А.Ю. Влияние международно-правовых актов на правовое регулирование деятельности прокурора в российском досудебном производстве. – URL.: <https://www.iuaj.net/node/475> (дата обращения: 07.02.2024)
3. Цит. по: Human Rights Manual for Prosecutors (E. Myjer, B. Hancock, N. Cowdery – eds). International Association of Prosecutors. The Hague. 2003 / Руководство по правам человека для прокуроров (пер. на русский). Нидмеген, Нидерланды, 2016. С. 198.
4. Цит. по: Международные нормы и принципы деятельности прокуроров // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. М. Изд. дом «Развитие правовых систем». 2021. С 87.
5. Заключение № 340/2005 Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) по Федеральному закону о прокуратуре Российской Федерации. Принята Комиссией на ее 63-й пленарной сессии (Венеция, 10-11 июня 2005 г.) // Сайт Венецианской Комиссии. – URL.:<http://www.coe.int/> (дата обращения: 10.01.2024 г.)
6. Резолюция N 1455 (2005) Парламентской ассамблеи Совета Европы «О выполнении Российской Федерацией своих обязательств» (Принята в г. Страсбурге 22.06.2005 на 21-ом заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы) // Сайт ПАСЕ Совета Европы. – URL.:https://web.archive.org/web/20100614160648/http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2005%5D/%5BJune2005%5D/Res1455_rus.asp (дата обращения: 10.01.2024 г.).
7. Обзор судебной практики Европейского Суда по правам человека: роль прокурора при рассмотрении дел, не относящихся к сфере уголовного права. Страсбург, Научно-исследовательский отдел ЕСПЧ. 2013. С. 5-15.
8. Обзор судебной практики Европейского Суда по правам человека: роль прокурора при рассмотрении дел, не относящихся к сфере уголовного права. Страсбург, Научно-исследовательский отдел ЕСПЧ. 2013. С. 5-15.

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS IN THE LIGHT OF EUROPEAN STANDARDS AND PRACTICE OF THE ECHR

Abstract. The article examines the specifics of the prosecutor's role in criminal proceedings from the positions developed by the bodies of the European Court of Human Rights, the evolution of the ECHR's position in relation to the gradual expansion of the sphere of influence of the prosecutor's office as a human rights organization. The authors conclude that the ECHR attaches great importance to the participation of the prosecutor in court proceedings as a guarantee of the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens.

Keywords. Criminal procedure, prosecutor, European Court of Human Rights, ECHR, ECHR.

Tkachenko Yu.

Scientific adviser: Chupilkin Yu., Ph.D., Associate Professor
South Russian Institute of Management – branch of RANEPА
E-mail: v_kontakt@bk.ru

УДК 347.1

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОГО ИСКУССТВА

Тренина С. В.

*Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья освещает проблематику авторского права в современном мире. В связи с быстрое развитием технологий и появлением новых объектов особую актуальность приобретает защита интеллектуальной собственности. Приведенная работа рассматривает способы защиты авторского права на объекты цифрового искусства в современную эпоху.

Ключевые слова: цифровое искусство, объекты цифрового искусства, защита права, авторское право, сеть Интернет.

В последние несколько лет сфера искусства подвергается цифровой трансформации, которая затрагивает самые разнообразные ее области. Результатом такого процесса является образование новых общественных благ, с помощью которых формируются новые правоотношения.

Сейчас в законодательстве нет определенного понятия цифрового искусства, но несмотря на это, быстрое развитие цифровых технологий способствует возникновению новых объектов авторского и смежного права. Однако, это создает значительные трудности в правовом регулировании новообразовавшихся необычных объектов, которые создаются не стандартным путем, а при использовании специальных цифровых средств.

В связи с быстрое развитием цифровых технологий законодательство не успевает обеспечить новым объектам полноценную правовую защиту. Данные арт-объекты возникают в цифровой среде и существуют в границах этого пространства. Благодаря такой особенности, в виде нематериальности цифровых объектов, появляются сложности при их защите. Поскольку такие произведения легко изменить. Это способствует возникновению новых правонарушений в сети Интернет, выражающихся в виде таких преступлений как пиратство, незаконных загрузках и других противоправных действиях.

Поэтому, чтобы предотвратить такие деяния многие страны разрабатывают разнообразные законы и требования, для регулирования прав на цифровые объекты.

Самой распространенной организацией по защите авторских прав является Всемирная организация интеллектуальной собственности, именуемая как ВОИС. Больше всего она выделяет формирование защиты авторских прав на произведения искусства в контексте мировой экономики.

В Европейском Союзе авторские права регулируется при помощи Директивы N 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе». Она закрепляет правила защиты авторского права в условия цифрового пространства и обеспечивает минимальный уровень правовой защиты для авторов в ЕС. Не так давно, в нее были внесены изменения из-за появления новых цифровых разработок, в качестве искусственного интеллекта и блокчейна [1].

Помимо этого, ЕС является первым кто принял правовое регулирование DRM (Digital Rights Management), которая в настоящее время является наиболее известной формой защиты. Она предполагает ограничение в доступе по отношению к пиратским видео, фильмам, музыке, программному обеспечению и других цифровых товаров [2, с. 10].

Защита авторских прав в России происходит с помощью законодательства и международных договоров. Так, в ГК РФ для авторского права выделены специальные ст. 1255 -1302 Главы 70 ГК РФ [3]. В них содержится определение авторских прав, условия для приобретения и передачи предоставленных прав, сроки действия этих прав и уникальность их судебного регулирования. Свое место здесь находят и смежные права, которые затрагивают исполнителей, производителей и схожих субъектов, имеющих отношение к интеллектуальной собственности.

Помимо этого, здесь выделяют исключительные права, под которыми понимают право автора на труды, их официальное представление и распространение в самых разных сферах общества. Чаще всего именно с этих прав, возникают правонарушения, так как они существуют только с одобрения правообладателя. Так, при обнаружении незаконных действий, выражающихся в отсутствии согласия автора на использование его произведений, а также создание вторичных работ, правообладатель интеллектуальной собственности имеет право воспользоваться правовой защитой.

Сегодня существует несколько способов защиты авторского права.

1. Самым распространенным средством защиты считается «возмещение ущерба». Владелец работы может обратиться в суд, где при рассмотрении произошедшей ситуации, последний может применить соответствующие меры, выраженные в незамедлительном прекращении незаконных деяний, которое нарушают право автора, с помощью возмещения причиненного ущерба.

2. Простым, но не менее эффективным способом является указание данных автора, которые будут подтверждать его права на работу. Например, это могут быть такие сведения как имя автора и время создание его работы. Вся, вносимая информация должна содержаться на каждом образце произведения, а также соответствовать требованиям статьи 1257 ГК РФ.

3. Самым практичным способом защиты, можно назвать лицензирование и депонирование произведения. Они обеспечивают более надежное размещение работы автора в цифровом пространстве.

4. Несмотря на все инновации, для защиты своей работы, также приемлемы более привычные средства защиты, например нотариальные услуги. Так, с помощью нотариуса можно заверить время и подпись, созданного произведения [4].

5. Также важным пунктом, для сохранности своего труда, приходится наличие исходных материалов хранения для фото- и видео-объектов. Оригиналы работ или PSD-файлы не стоит распространять на платформах, чтобы при необходимости использовать их для доказательства авторства.

Однако, как уже отмечалось ранее, мир не стоит на месте и постоянно развивается, создавая при этом еще больше цифровых технологий. Поэтому, зачастую, простых способов защиты становится недостаточно. В связи с этим, можно выделить самые современные методы для защиты авторского права на объекты цифрового искусства, такие как:

1. Наличие в облачном хранилище сведений о цифровом произведении. Необходимым условием такого хранения, считается более подробная информация об авторе. Такой метод хранения обеспечит наличие у правообладателя весомых доказательств. Поэтому, в спорной ситуации он сможет подтвердить свое авторство.

2. Необходимость вотермарки. Вотермарки представляют собой специальные знаки, содержащие уникальный логотип автора. Также она может содержать подпись автора, его инициалы, полное имя или псевдоним. Это больше свойственно для арт-объектов.

В случае, если это касается фотографий, то автор может публиковать изначальные изображения, сделанные при помощи фотоаппарата. Так как они содержат цифровую метку. Зачастую, содержанием такой метки является производитель, камера,

программа, GPS и другое. Помимо этого, к перечисленной информации можно добавить и другие сведения, при помощи специальных программ, например Exif Pilot. В ней к метке можно добавить имя и фамилию или название организации.

2. Относительно новым методом является использование искусственного интеллекта. В январе 2023 году Роскомнадзор привел в действие систему автоматического поиска запрещенного контента под названием «Окулус». Данная технология работает в полном объеме и помогает обнаружить нарушения законодательства в изображениях и видеоматериалах. Однако в силу того, что ИИ введен в работу не так давно, он имеет свои недостатки. На данный момент в нем указаны не все классы и типы нарушений, а также отсутствует функция определения поз людей и их действий.

3. Запрет на применение программ, скрывающих информацию о компьютере или пользователе в цифровом пространстве и VPN-технологий на территории РФ.

4. Применение специальных средств для защиты произведений, находящихся в цифровой среде. Такими средствами могут выступать разные коммерческие Интернет-сайты, с которыми посетитель данного сайта заключает договор. После чего Интернет-сайт предоставляет пользователю сайта соответствующее денежное вознаграждение за доступ к составляющему портала.

5. Средства защиты, предоставленные компанией «Adobe Systems». Они содержат два основных пункта:

а) «Civil search», дословно, гражданский обыск. Данный способ характерен для проверки компаний, которые имеют сомнительные сведения программного обеспечения;

б) «Audits License Compliance», говоря другими словами, аудиты соответствующие лицензии. Такой способ характерен для проверки добровольного участия клиента и правообладателя программного обеспечения.

6. Большой интерес представляет технология блокчейн, которая в переводе на русский язык определяется как «цепочка блоков». Она представляет децентрализованную базу, в которой все сведения сформированы и хранятся в качестве блоков, объединенных в последовательную цепочку или реестр данных.

Главной особенностью и достоинством данной технологии является ее теоретическая невозможность добавления изменений в предоставленный реестр сведений, так как вносимая информация хранится на нескольких платформах в доступном доступе. Таким образом, если кто-то посторонний решится внести изменения в ту или иную цепочку данных, то данному блоку будет присвоена другая цифровая подпись. Такое действие приведет к обнаружению схожих сведений и самого пользователя, который начал приведенное действие.

Такая технология очень удобна в отслеживании автором своих сведений, и в случае попытки противоправных действий он сможет незамедлительно собрать существенные доказательства и прекратить незаконные действия пользователей в сети Интернет.

Многие ученые предлагают данную технологию для использования и создания единой базы данных авторских прав на территории РФ.

Отдельно можно выделить такой способ защиты как установление плагинов:

1. Плагины, которые отключают контекстное меню на сайте. Таким образом, если автор размещает работы на своем сайте, он может установить плагины или поменять код, с помощью которого можно отключить контекстное меню для каждого изображения на сайте. Так, правонарушитель не сможет скачать картинку привычным способом, а именно через щелчок правой кнопкой мыши.

2. Плагины, которое можно настроить на сайте. Самой распространенной системой управления содержимым сайта является WordPress. Она позволяет создавать

страницы без знания HTML-кода. Сейчас это самая популярная платформа для сайтов в интернете.

Причина такой популярности – в бесплатности, открытом коде и плагинах, чтобы создать на всех рисунках на странице дополнительное прозрачное изображение сверху. Так, если кто-то попытается сохранить картинку, то получит только прозрачное изображение. Для этого можно использовать плагин PhotoProtect.

3. Плагин, который разделяет картинки на фрагменты. При помощи кодов на сайте можно загрузить рисунок по частям. Для этого необходимо изначально разделить изображение на фрагменты, и при ее сохранении будет сохранена только часть.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в современных реалиях сеть Интернет является информационной платформой, которая помимо множества возможностей, также обеспечивает нарушение авторских прав. В связи с этим, чтобы предотвратить незаконные действия, автору работы необходимо применять меры не только правового характера, но и технического для сохранности своего произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Директива N 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 22.05.2001) (с изм. и доп. от 17.04.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/eudr/2001/29/contents> (дата обращения: 26.11.2023). – Загл. с экрана.
2. Управление правами в области цифровой информации: практическое руководство – Managing digital rights a practitioner's guide / под ред. Поля Педли; пер. с англ. А.И.Земсков; науч. ред. пер. Я. Л. Шрайберг. – М.: Омега-Л, 2010. – 204 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. N 230-ФЗ // СЗ РФ. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
4. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4462-I // Ведомости СНД и ВС РФ. 11.03.1993. – N 10. – Ст. 357.

COPYRIGHT PROTECTION FOR DIGITAL ARTWORKS

Annotation: This article highlights the problems of copyright in the modern world. Due to the fast-paced development of technology and the emergence of new objects, the protection of intellectual property is of particular relevance. The paper examines the ways of copyright protection of digital art objects in the modern era.

Keywords: digital art, digital art objects, protection of right, copyright, Internet.

Trenina S.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: trenina.sofia333@gmail.com

УДК 328.185

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Фарафонова В. Ю.

*Научный руководитель: Ушакова К. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье анализируются дискуссионные вопросы применения ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором делается вывод о существовании проблем квалификации получения взятки по субъективной стороне и определению предмета.

Ключевые слова: коррупция, получение взятки, должностное лицо, предмет, субъективная сторона преступления.

Ядром коррупционной преступности является взяточничество, которое относится к наиболее опасным и распространенным преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Термин «взяточничество» включает в себя согласно действующему уголовному законодательству России четыре самостоятельных состава преступлений: получение взятки (ст. 290 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)), дачу взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). Коррупция не только влияет на экономическое и общественно-политическое положение в стране, но и является причиной утраты гражданами доверия к органам власти. Должностные лица представляют собой «проводников» государственной политики и закона, и совершение ими должностных преступлений подрывает авторитет конкретного государственного органа, органа местного самоуправления, государственной власти в целом, вызывает общественный резонанс.

Нормативного закрепления понятия взятки Закон о противодействии коррупции не содержит, в действующем уголовном законе тоже данное понятие не раскрывается.

Автор Дьячкова, Н. В. понимает под взяткой прощение долга, оплату долга должностного лица, предоставление в безвозмездное (или по явно заниженной стоимости) пользование какого-либо имущества (автомобиль), получение кредита на льготных условиях и т. п. [1].

Мы разделяем точку зрения автора Н.Н. Окутиной [2, с. 195-196], которая понимает под взяткой деньги, ценные бумаги, имущество, услуги имущественного характера, незаконно получаемые должностным лицом взамен за совершение действий, которое входят в его полномочия в пользу взяткодателя или третьих лиц.

В настоящей статье, мы проанализируем актуальные проблемы квалификации такого преступления, как получение взятки, так как в настоящее время реализация правоприменителями статьи 290 УК РФ вызывает ряд трудностей.

В соответствии с пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [3] (далее – ППВС РФ № 24), получение взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей. При этом не имеет значения, получило ли данное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению.

Пленумом Верховного Суда обозначена правовая позиция относительно момента окончания преступления, предусмотренного статьей 290 УК РФ, однако ряд авторов, включая Ю. Пудовочкин [4, с. 97-99], настаивают на том, чтобы считать данное преступление оконченным с момента, когда у получателя незаконного вознаграждения появляется реальная возможность пользоваться или распоряжаться переданными ценностями по своему усмотрению.

Такой подход объясняется тем, что получение взятки является корыстным преступлением и поэтому преступление должно считаться не совершенным до тех пор, пока не появится реальная возможность реализовать корыстную цель. [5, с. 22-27].

Из этого следует, что позиция, изложенная в ППВС РФ №24, поскольку по конструкции анализируемый состав преступления сформулирован, как формальный, основным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов государственной власти и реализацию интересов службы, а не отношения собственности.

Также, достаточно много вопросов у правоприменителей возникает при квалификации продолжаемого взяточничества, а конкретно, при следующих обстоятельствах: должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное вознаграждение в оговоренном размере за совершение определенного деяния, требует повысить размер взятки и взяткодатель, согласившись с предъявленным требованием, передал дополнительное вознаграждение. Рассматриваемая ситуация порождает правоприменительную дилемму, требующую выбора между совокупной квалификацией и констатацией признаков продолжаемого преступления.

Авторы-правоведы П.С. Яни, Т.А. и Николенко полагают, что в данной ситуации отсутствуют признаки продолжаемого преступления, а имеет место совокупность преступлений, поскольку состав преступления объективно и субъективно завершен с момента получения взятки, соответствующей первоначальной договоренности. Однако авторы не учитывают, что требование дополнительного незаконного вознаграждения может быть спланировано взяткополучателем изначально, и кроме того, желание взяткополучателя получить дополнительное вознаграждение нельзя расценивать как новый умысел на получение взятки. Указанные обстоятельства свидетельствуют об определенной динамике первоначального умысла, которая остается в его рамках [6, с. 198-201].

Иначе следует квалифицировать действия взяткополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взяткодателю о том, что для совершения действия (бездействия), в котором заинтересован взяткодатель, необходимо дать взятку другому должностному лицу. В этом случае получение чиновником дополнительного незаконного вознаграждения для передачи другому должностному лицу является результатом формирования нового умысла, а значит, это деяние должно получить самостоятельную уголовно-правовую оценку:

– квалифицироваться, как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), если должностное лицо, получившее вторую взятку, передало ее другому взяткополучателю;

– квалифицироваться, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), если информация о необходимости подкупить еще одно должностное лицо является ложной и сообщается с целью похитить дополнительное незаконное вознаграждение. В этом случае имеет место так называемое «мнимое посредничество» во взяточничестве, правила его квалификации изложены в пункте 24 ППВС РФ № 24.

Сложившееся понимание субъективной стороны получения взятки вытекало из диспозиции статьи 290 УК РФ в редакции до 2016 года. Так, законодатель указывал, что взяточничество образуют только такие деяния, когда чиновник получает предмет взятки лично или через посредника. То есть законодатель требовал установления корыстной заинтересованности взяткополучателя.

В определении коррупционного преступления указано на обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц). Однако в данном документе имеется оговорка (исключение), позволяющая относить к коррупционным преступлениям деяния, не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством.

На современном этапе развития нашего общества, научной дискуссии в теории и практике уголовного права существует серьезная проблема определения предмета преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ (Получение взятки).

Предмет получения взятки законодательно закреплен в диспозиции части 1 статьи 290 УК РФ, то есть таковыми являются: деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление

иных имущественных прав [7]. Правоведами предпринимаются решительные действия, направленные на расширение толкования предмета взяточничества.

Денежными средствами признаются денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства. Деньги являются главным объектом гражданского оборота. С помощью денег можно погасить практически любой имущественный долг, если это прямо не запрещено законом или если против этого не возражает кредитор. Российский рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости, на всей территории России. Использование иностранной валюты, а также платежных документов в иностранной валюте при осуществлении расчетов на территории Российской Федерации допускается в случаях, в порядке и на условиях, определенных законом или в установленном им порядке.

В юридической литературе, возникает вопрос о том, является ли предметом взятки криптовалюта.

Криптовалюта не может быть отнесена к деньгам в связи с тем, что не указана в статье 140 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [8] и не соответствует статье 27 Федерального закона «О Центральном банке РФ» [9].

П. В. Никонов отвергает данную позицию, говоря, что невозможно отнести к предмету получения взятки виртуальные денежные средства исходя из положений Федерального закона «О национальной платежной системе» [10, с. 18-24].

Вместе с тем, 01 января 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который регулирует отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации. Указанный Закон не использует термин «криптовалюта», заменяя его термином «цифровая валюта».

Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам [11].

Из предложенного определения данного термина, следует сделать вывод, о том, что цифровая валюта может служить средством оплаты имущества и услуг, то есть имеется возможность получения взятки в виде виртуальных денежных средств (цифровой валюты).

Также предусмотрены и иные предметы совершения преступления: ценные бумаги; иное имущество; незаконное оказание услуг имущественного характера; предоставление иных имущественных прав.

Положения статьи 142 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляют понятие ценных бумаг. То есть, ценными бумагами следует признавать: документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны

только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги); обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со статьей 149 ГК РФ (бездокументарные ценные бумаги).

Под иным имуществом понимаются вещи и предметы материального мира, обладающие какой-либо экономической ценностью. Так предметом взятки может быть, как движимое, так и недвижимое имущество, находящееся в свободном гражданском обороте. В случае, если взятка получается в виде такого имущества, для установления размера незаконного вознаграждения требуется проводить оценочную экспертизу. Вывод экспертизы в виде определенной стоимости предмета взятки и будет являться ее размером, который также является обязательным признаком объективной стороны.

Еще одним видом предмета взятничества, являются незаконное оказание услуг имущественного характера. В гражданском праве под оказанием услуг понимается совершение действий, полезный результат которых потребляется в ходе оказания услуги. Однако данный подход к пониманию услуг имущественного характера не может охватить некоторые виды взятки, например, совершение действий по созданию предметов материального мира. В ППВС РФ №24 представлено некоторое разъяснение по этому поводу. Под незаконным оказанием услуг имущественного характера понимается предоставление в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств.

Последним видом предмета взятничества признаются иные имущественные права, которые являются субъективными правами участников правоотношений, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с теми материальными (имущественными) требованиями, которые возникают между участниками гражданского оборота по поводу распределения этого имущества и обмена (товарами, услугами, работами, ценными бумагами, деньгами и др.)».

Согласно ППВС РФ № 24, в случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.

Следовательно, к имущественным правам относятся права по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а также права, вытекающие из различного рода обязательств, например, если взятка получена в виде соглашения о безвозмездной уступке права требования, при которой происходит замена кредитора – взяткодателя на взяткополучателя.

Таким образом, получение взятки в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и другое.

В соответствии со статьей 31 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» установлен срок обмена недействительных банкнот и монеты на банкноты и монеты Банка России нового образца. При этом, срок изъятия банкнот и монеты из обращения не может быть менее 1 года, но не должен превышать 5 лет. В том случае, если денежные знаки и монеты вышли из обращения, они могут быть предметом взятки только в том случае, если обладают ценностью в качестве имущества. Вместе с тем, монеты из драгоценных металлов являются законным средством наличного платежа России или иностранного

государства и могут быть обращены в оборот. Иные (золотой червонец, серебряная монета) могут обращаться в качестве коллекционирования, инвестирования по ценам, отличающимся от их номинальной стоимости.

Исследователь В. Щепельков высказывает возможность отнесения к предмету получения взятки предметы и услуги, изъятые из гражданского оборота, в том числе и услуги сексуального характера, при этом, обязательным условием такой возможности он ставит наличие соглашения между взяткодателем и взяткополучателем, поскольку они будут выступать средством оплаты должностному лицу за соответствующее служебное поведение [12, с. 117-119].

Идентичного мнения придерживается автор Р. Н. Сучков, который предлагает в своих исследованиях признать предметом получения взятки те предметы, которые изъяты из гражданского оборота либо ограниченные в гражданском обороте, выгоды и преимущества неимущественного характера, к которым среди прочего он относит также и услуги сексуального характера.

Имеет место иная группа исследователей, которая высказывается против данной трактовки, а именно, что указанные имущество и услуги по своей природе не могут являться предметом незаконного вознаграждения. Проанализированная нами судебная практика по дискуссионному вопросу дала неоднозначную позицию.

К примеру, приговором Новгородского областного суда от 01 ноября 2012 года Громов А. В. признан виновным по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290, ч. 3 ст. 290, УК РФ, по совокупности преступлений ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев со штрафом в размере 400 000 рублей с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Указанным приговором суда Громов А. В. осужден за покушение на получение должностным лицом лично взятки в виде денег за незаконные действия, однако преступление не доведено до конца по независящим от него обстоятельствам; за получение должностным лицом через посредника взятки в виде иного имущества, которым по приговору является наркотическое средство гашиш массой 7 граммов, за незаконные действия; за пособничество в покушении на незаконное приобретение без цели сбыта наркотического средства, психотропного вещества в особо крупном размере, однако не доведенное до конца по независящим от него обстоятельствам. Обжалуя приговор защитник Громова А. В. указывает на неправомерное назначение дополнительного наказания в виде штрафа за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, ссылаясь на то, что в данном случае наркотическое вещество не может быть расценено как иное имущество и не подлежит оценке в денежном эквиваленте, однако несмотря на доводы адвоката осужденного, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 09 января 2013 года оставила приговор Новгородского областного суда от 01 ноября 2012 года без изменений, жалобу адвоката без удовлетворения, тем самым подтвердив выводы первой инстанции о том, что в качестве иного имущества по преступлениями, предусмотренным ст. 290 УК РФ могут выступать предметы и услуги, изъятые и ограниченные в обороте, несмотря на то, что в диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ предметы, изъяты из гражданского оборота не закреплены.

Резюмируя вышеизложенное, нами делается следующий вывод, что, несмотря на четко определенный предмет преступления, предусмотренного диспозицией ст. 290 УК РФ, в научной доктрине нет четкой позиции по этому вопросу. Согласно законодательству, предметом указанного преступления могут быть только деньги, ценные бумаги, иное имущество или незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав. В тоже время, часть правоведов, а также судебная практика придерживаются позиции, что предметом взяточничества могут быть также предметы, изъятые из гражданского оборота или ограниченные в обороте, предоставление сексуальных услуг и иное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьячкова, Н. В. Проблемы определения предмета взяточничества в современном уголовном праве России / Н. В. Дьячкова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 6 (401). – С. 164-168. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/401/88767/> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Окутина, Н. Н. Предупреждение коррупционной преступности: учебное пособие для вузов / Н. Н. Окутина. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 296 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «Постановление Пленума Верховного Суда РФ» от 09.07.2013 № 24 // Официальный интернет-портал правовой информации. – с изм. и допол. в ред. от 24.12.2019.
4. Пудовочкин Ю. Е. Получение взятки как корыстное преступление // Уголовное право. 2013. № 5. С. 97-99.
5. Яни П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 9. С. 22 – 27.
6. Гуляева, Э. В. Проблемы квалификации получения взятки по моменту его окончания / Э. В. Гуляева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 24 (210). – С. 198-201. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/210/51390/> (дата обращения: 23.01.2024). – Название с экрана.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета, N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
9. Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Парламентская газета. – 2002. – № 131–132.
10. Никонов П. В. К вопросу о понятии предмета коррупционных преступлений, связанных с получением и дачей взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Мировой судья. – 2021. № 3. – 18–24 с.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр.Законодательства РФ. – 2020. – № 31.
12. Щепельков В. Некоторые проблемы квалификации получения взятки // Уголовное право. – 2013. № 5. – 117–119 с.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF RECEIVING A BRIBE

Annotation. The article analyzes the controversial issues of the application of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author concludes that there are problems with the qualification of receiving a bribe on the subjective side and the definition of the subject.

Keywords: corruption, bribery, official, subject, subjective side of the crime.

Farafonova V.

Scientific supervisor: Ushakova K., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: farafonovavioletta03@mail.ru

УДК 341.9

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА

Фесенко Е. С.

*Научный руководитель: Полякова Н. Г., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В научной работе проводится анализ принципов международного экономического права, раскрывается их содержание, приводятся особенности текстуального оформления и применения.

Ключевые слова: международное экономическое право, принципы, участники международного права, государство.

Введение. Принципы международного экономического права (далее – МЭП) играют ведущую роль в формировании международного и внутринационального

законодательства, поскольку на их основе принимаются нормативные правовые акты, влияющие на качество и эффективность выстраиваемых экономических отношений между государствами.

Основная цель принципов МЭП – формирование и создание фундаментального направления для благоприятного развития национальных экономик государств, основанного на равенстве всех его участников.

В Хартии экономических прав и обязанностей государств отражены основные принципы международного экономического права в сфере международной торговли. Это:

- право на участие в торговле;
- либерализация торговли;
- защита национального рынка;
- свобода транзита;
- взаимность;
- взаимная выгода;
- недискриминация;
- наибольшее благоприятствование;
- преференции для отдельных категорий стран.

Каждый из перечисленных принципов построен не только на имеющихся у государства правах, но и тех обязанностях, которые возникают у него в связи с получением таких прав.

Исследованием принципов международного экономического права занимались такие ученые как: Абашидзе А.Х., Войтович С. А., Вельяминов Г. М., Гасанова К.К., Данильцев А. В., Залялова Д. Ф., Каламкарян Р. А., Попова А. В., Стригунова Д. П., Чабаева И. С. В то же время, отдельные аспекты применения указанных принципов, в том числе, зависимость от территориальной расположенности государств, требуют дальнейшей разработки. Указанное, а также высокая социально-экономическая значимость затронутой проблематики обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Целью исследования является анализ содержания принципов международного экономического права.

Основная часть. Нормы МЭП оказывают воздействие на другие подотрасли международного права, к которым относятся: воздушное, космическое, международного туризма, экологическое. Другими словами, им охватываются основные приоритетные общественные и государственные интересы и с ними тесно связаны «общие» (массовые) правоотношения между участниками международного права. Роль принципов заключается в установлении равных и справедливых условий развития экономических отношений между государствами.

МЭП свойственно применять принципы международного права и свои специфические (специальные) принципы в предметной регулируемой отрасли, помогающие формировать законодательство и экономические отношения между государствами. С целью определения содержания каждого принципа МЭП целесообразно провести их теоретический анализ.

Так, Р.А. Каламкарян и Ю.И. Мигачев приводят пять принципов МЭП: принцип взаимной выгоды, принцип недискриминации, принцип (режим) наибольшего благоприятствования, национальный режим, преференциальный режим.

Принцип взаимной выгоды, по их мнению, при возникновении экономических правоотношений между участниками международного права строится на отсутствии прямого или косвенного принуждения (давления) и при условии равного объема выгод и обязательств. [1, с. 463]. Анализируемый принцип наиболее практически применим в торговом праве, поскольку наиболее часто именно он указывается в соглашениях при достижении договоренностей между государствами.

Текстуальное оформление принципа выгоды и определение его объекта можно проследить, например, в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в области морского транспорта.

В указанном международном документе «принцип взаимной выгоды» упоминается четыре раза:

1) во вводной части, в которой указывается, что между сторонами он выступает регулятором сбалансированности и гармонизации отношений в области торгового судоходства;

2) в п.п а) ч. 1 ст. 1 определено, что каждая сторона соглашения будет поощрять свои компании для участия их в организации судоходства;

3) в ч. 1 ст. 5 устанавливается, что стороны будут предоставлять равное обращение, что, в частности, касается доступа к портам, посадки/высадки пассажиров и др.;

4) в ч. 3 ст. 13 – отсутствие налогообложения [2].

Заслуживает внимания мнение С.И. Войтовича, согласно которому, принцип взаимной выгоды находится во взаимосвязи с такими принципами: равноправия, суверенного равенства и сотрудничества государств [3, с. 121].

Следующим немаловажным, однако, имеющим более слабые позиции в правоприменении, чем принцип взаимности, является принцип недискриминации. Как отмечает Г.М. Вельяминов, современным международным экономическим отношениям свойственна дискриминация, а анализируемый принцип между участниками международного права имеет рекомендательный характер [4, с.105].

Принцип недискриминации в международных отношениях определяет для всех стран следующие субъекты (категории), перед которыми не должно быть различий в условиях или отношении к ним. К таковым субъектам относятся: граждане различных стран, учреждения, юридические лица. При этом государства имеют обязанность устранять причины, ставящие в неравное положение перечисленных субъектов разных государствах [5, с. 45; 6, с. 17].

Для сегодняшней сложной мировой политической обстановки данный принцип имеет большое значение, поскольку современная конфронтация четко проводит линию между странами запада, востока и юга, что в результате дает смешивание экономических предпосылок и оснований с другими явлениями, например, связанные с религией, расовыми проявлениями, обременительными налоговыми отношениями, военными действиями – в итоге экономические отношения становятся «размытыми» и второстепенными.

Следует признать, что принцип недискриминации в современных мировых условиях должен играть ключевую роль, поскольку заключаемые международные двусторонние договоры в области международной торговли строятся именно с учетом этого принципа. Акцентируем внимание, что он также должен быть первоочередной предпосылкой к заключению международных договоров и взаимовыгодных экономических соглашений.

С.В. Киселёв писал о важности принципа недискриминации, а также перечислил некоторые нормативные правовые акты Российской Федерации, направленные на создание благоприятных условия для борьбы с дискриминацией. Так, он считает, что роль принципа недискриминации заключается в следующем: «... наиболее важный и универсальный принцип, который исходит из необходимости создания максимально равных условий для свободной конкуренции товаров и услуг, независимо от страны производства» [7].

Необходимо также подчеркнуть важность принятия (издания) национальных нормативных правовых актов, направленных на недопущение дискриминации в Российской Федерации. К таковым НПА можно отнести: 1) Федеральный закон РФ от

21 мая 1993 г. № 5003-1 «О таможенном тарифе»; 2) Федеральный закон РФ от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

Принцип наибольшего благоприятствования отчасти схож с принципом недискриминации. Однако второй принцип способствует возможности требовать одним государством у другого равных условий, как и для других государств, а первый помогает создавать наилучшие условия для международных экономических отношений.

Яркий пример реализации двух принципов приводят А.Х. Абашидзе, К.К. Гасанова, Д.П. Стригунова. Так, в 1951 г. Правительство США в одностороннем порядке расторгло торговое соглашение между США и СССР, которое было ранее заключено в 1937 г., и несправедливо установило список товаров, запрещенных к ввозу в СССР. В рассматриваемом историческом ракурсе правительство США необдуманными действиями расторгло торговое соглашение, что привело к полному отсутствию торговых отношений между двумя странами.

В 1972 г. США и СССР заключили новое торговое соглашение, предусматривающее в двухстороннем порядке предоставление режима наибольшего благоприятствования в вопросах таможенного обложения, сборов при импорте товаров [8, с. 71].

Реализация Российской Федерацией принципа наибольшего благоприятствования имеет неоднозначное значение в практической деятельности, т.е. для развивающихся государств он более ограничен, чем для стран Таможенного Союза.

Подобное положение дел можно объяснить логистико-территориальной расположенностью и экономическими интересами – более развитые страны имеют возможность предложить более качественные товары и услуги, способные удовлетворить интересы граждан Российской Федерации.

Рассматривающая практику применения принципа наибольшего благоприятствования, А.В. Попова утверждает, что в международных договорах зачастую делается оговорка, что особые привилегии и преимущества не будут распространяться на приграничные государства или приграничную общность населения в настоящий момент или в будущем [9, с. 71].

В данном случае представляется, что такой юридико-технический подход выступает в качестве гарантии для государств, находящихся не в приграничных территориях, и такая практика целесообразна, если товары являются жизненно необходимыми.

Национальный принцип (режим) связан с разграничением внутреннего и внешнего рынка. Рассматриваемый принцип распространяется на товары, работы и услуги других стран, которым должен быть предоставлен режим, не менее благоприятный, чем для произведенных внутри государства. Принцип национального режима прямо сформулирован в ст. III соглашений ГАТТ-47 и ГАТТ-94: «...товарам, происходящим из территории какой-либо договаривающейся стороны и ввозимым на территорию другой договаривающейся стороны, должен быть предоставлен режим не менее благоприятный, чем режим, предоставленный аналогичным товарам национального происхождения в отношении всех законов, правил и требований, относящихся к их внутренней продаже, предложениям на продажу, покупку, перевозку, распределение или использование».

Национальный режим имеет двойственный характер. С одной стороны, каждое государство прикладывает максимум усилий для создания благоприятных условий организациям и корпорациям для создания национального товара, с другой стороны, налоговая и таможенная политика ужесточают правовые меры в отношении внешних товаров. Применение, как и отступление от данного принципа, может быть актуальным во

время ведения военных действий различными государствами в связи перераспределением политического влияния, а также во время внутриэкономических кризисов, когда государству необходимо не закупать товары, а исключительно производить.

По мнению автора исследования, наименее актуальным является преференциальный режим, смысл которого сводится в предоставлении преимущественных прав и льгот иностранным торговым компаниям на территории Российской Федерации. Соблюдение данного режима сложно исполнимо в силу множества других общественно-государственных обстоятельств: военное положение, необоснованные санкции недружественных стран и др.

Однако в теории МЭП рассматриваемый принцип необходим для формирования экономических отношений развивающихся государств, поскольку его применение поможет в наполнении государственного бюджета и производстве товаров в условиях отсутствия собственных развитых технологий производства.

Такие ученые как И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова выражают мнение о том, что преференциальный режим в широком понимании воплощается в режиме наибольшего благоприятствования.

Выводы. Таким образом, проанализировав принципы (режимы) МЭП можно сделать следующие выводы:

1. Торгово-экономическим отношениям участников международного права свойственны следующие принципы: принцип взаимной выгоды, принцип недискриминации, принцип (режим) наибольшего благоприятствования, национальный режим, преференциальный режим.

2. Принцип взаимной выгоды строится на отсутствии прямого или косвенного принуждения (давления) и при условии равного объема выгод и обязательств.

3. Применение принципов МЭП зависит от социальных и политических обстоятельств.

4. Принцип наибольшего благоприятствования отчасти схож с принципом недискриминации. Однако второй принцип способствует возможности требовать одним государством у другого равных условий, как и для других государств, а первый помогает создавать наилучшие условия для международных экономических отношений.

5. Национальный режим имеет двойственный характер. С одной стороны, каждое государство прикладывает максимум усилий для создания благоприятных условий организациям и корпорациям для создания национального товара, с другой стороны, налоговая и таможенная политика ужесточают правовые меры в отношении внешних товаров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каламкарян, Р. А. Основы международного права: учебник для среднего профессионального образования / Р. А. Каламкарян, Ю. И. Мигачев. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 632 с.
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в области морского транспорта (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.09.1997, № 1210) // Бюллетень международных договоров. – Сентябрь 2001. – № 9.
3. Войтович, С. А. Принцип взаимной выгоды в межгосударственных экономических отношениях / С. А. Войтович // Советское государство и право. – 1986. – № 2. – С. 121–124.
4. Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс: (Акад. курс): учебник / Г. М. Вельяминов. – Москва: Волтерс Клувер, 2004 (Твер. полигр. комб. дет. лит.). – 477 с.
5. Чабаева, И. С. Принцип недискриминации в сфере международных экономических отношений / И. С. Чабаева // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 5(24). – С. 44–47.
6. Залялова, Д. Ф. Принцип недискриминации в международном торговом праве: автореф. ... дисс. Канд. юрид. Наук: специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Залялова Даля Фаридовна. – Казань, 2016. – 22 с.
7. Основы торговой политики и правила ВТО / А. В. Данильцев [и др.]. – Москва: Междунар. отношения, 2005 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 444 с.

8. Международное частное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.Х. Абашидзе, К.К. Гасанова, Д.П. Стригуновой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. – 407 с.
9. Попова, А. В. Международное частное право. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2009. – 288 с.

ON THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

Annotation. The scientific work analyzes the principles of international economic law, reveals their content, provides some features of the textual design of the principles and examines their application from a historical point of view.

Keywords: international economic law, principles, participants in international law, state.

Fesenko E.

Scientific adviser: Polyakova N., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: Fesenko_88@mail.ru

УДК 347.1

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ДОНОРСТВА И ТРАНСПЛАНТАЦИИ КЛЕТОК, ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Филин М. В.

*Научный руководитель: Манивлец Э. Ю., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Вопрос трансплантации тканей и органов человека возникали с появлением медицины, но достаточное развитие получили лишь в конце XX века. В связи с тем, что рассматриваемая наука является новой и малоизученной, в правовой сфере возникает немало проблем с урегулированием донорства и трансплантации органов.

Ключевые слова: донорство органов, трансплантация органов, руководящие принципы, торговля органами, ответственность за незаконные действия по изъятию органов.

В странах Европы достаточно сложно оценить масштаб незаконной трансплантации органов и тканей человека даже несмотря на то, что основные международные документы закрепляют запрет незаконных пересадок.

Например, п. 8 Декларации о трансплантации органов человека (1987 г.), ст. 21 Положения о торговле живыми органами (1985 г.), Конвенция о правах человека и биомедицине (1996 г.) содержат основные положения о теле человека. Согласно данных документов, организм человека запрещено использовать как источник финансового и иного дохода.

Также необходимо обратиться к Руководящим принципам ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. Всего таких принципов 11 и их целью является создание и закрепление структурированной и понятной основополагающей базы по проведению процедур не только трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, но и их приобретение для реализации лечебных целей без нарушения этических норм народа.

Так, Руководящий принцип №1 содержит норму, согласно которой клетки, органы, ткани, необходимые для трансплантации, могут быть добыты из тел умерших только в случае, если умерший не был против использования его органов и изъятие соответствует установленным законом форме и способу.

Согласно второму принципу, врачи, которые определяют факт смерти возможного донора, не могут участвовать в изъятии тканей и органов и не могут быть лечащими

врачами заинтересованного в данных органах лица. Данный принцип направлен на предотвращение стыка интересов, так как лечащий врач пациента, нуждающегося в пересадке органов и/или тканей, будет заинтересован в добыче необходимых органов.

Исходя из 3 принципа, органы, ткани и клетки необходимо изымать из уже умерших лиц, но если совершеннолетнее лицо изъявляет желание стать донором при жизни, а также является генетическим, правовым или эмоциональным родственником, то врачи, предварительно проведя консилиум, могут допустить такое лицо в качестве донора. Что касается несовершеннолетних, то принцип №4 не допускает использовать живых несовершеннолетних лиц для получения органов и тканей, необходимых для пересадки, а также закрепляет положение о необходимости введения в законодательство стран специальных норм по защите несовершеннолетних от внедрения в трансплантационные операции.

Для регулирования преступлений в сфере трансплантации тканей, клеток и органов, принцип №5 прописывает нормы, запрещающие продажу тканей и органов, а также запрещает выплату вознаграждений живым донорам. Таким образом, донорство происходит на безвозмездной основе. Также, принцип №6 запрещает рекламу об оплате органов и тканей из-за их необходимости.

Принцип №7 закрепляет права врачей, профессиональных работников и страховых компаний. Так, если органы, необходимые для трансплантации были получены неправомерно (например, при использовании подкупа потенциального донора путем его подкупа или его родственников лиц, или полученные с помощью угроз и принуждения), врачи имеют право воздержаться от проведения трансплантологической операции, а страховые компания и иные лица имеют право не оплачивать расходы, необходимые для проведения операции.

Также, 8-ой принцип требует запретить получать оплату работникам здравоохранения и медицины за поставку клеток, органов и тканей и их трансплантацию, кроме установленной государством (имеется ввиду, оплату только ресурсов, необходимых для передвижения – бензин, поддержание камер, в которых органы перевозятся и т.п.).

Согласно Руководящего принципа №9, распределение клеток и органов должно исходить не из финансовой выгоды и возможности легкой наживы, а из медицинских показаний пациента и этики народа.

Принципы №10 и №11 закрепляют уже характеристику действий врачей, происходящих до, во время и после проведения операций по пересадке органов. Так, трансплантируемые ткани и органы должны быть безопасным образом изъяты у донора и не нести угрозу для жизни и здоровья реципиента. Также, все результаты подобных операций должны находиться в открытом доступе, так как в связи с новизной рассматриваемых действий присутствует необходимость в тщательном и внимательном изучении и анализе таких действий. Предоставление информации должно быть осуществлено с соблюдением анонимности и с сохранением конфиденциальности доноров [1].

Рассмотрев международные документы, пройдемся по законодательству ряда стран. Бельгийский закон об изъятии и трансплантации органов устанавливает, что донор должен предоставить согласие на трансплантацию в письменной форме и обязательно в присутствии дееспособного свидетеля.

Закон Греции предусматривает несколько форм дачи согласия донора: нотариальная письменная форма, письменная форма с удостоверением подписи донора в полиции и устная форма дачи согласия в присутствии двух свидетелей с пометкой в специальном реестре. В законодательстве Бельгии и Турции можно найти требование получения согласия не только от донора, но даже от его супруга [2, с. 138].

В Испании установлен абсолютный запрет на прижизненное изъятие трансплантатов у недееспособных лиц [3]. В Дании использование в качестве доноров

лиц, не достигших 21-го года, но фактически способных давать согласие на проведение операции по изъятию трансплантата, допускается в исключительных случаях, с разрешения родителей [4].

Некоторые государства допускают изъятие у несовершеннолетних регенерирующих трансплантатов независимо от их фактической способности давать информированное согласие на операцию. Например, Закон Финляндии устанавливает, что изымать регенерирующий трансплантат у несовершеннолетнего лица, допускается только при отсутствии его возражений и с согласия его законных представителей, а также с санкции Национального совета по здравоохранению [2, с.131].

Законы Франции и Греции разрешают изымать у несовершеннолетних исключительно костный мозг и только для пересадки их сестрам и братьям [5].

Нормативно-правовые акты некоторых стран допускают при соблюдении определенных условий использовать лиц, признанных недееспособными вследствие слабоумия или душевной болезни в качестве прижизненных доноров. В Турции таким условием признается способность давать согласие на проведение операции [6], а в Швеции – это получение разрешения уполномоченных государственных органов при отсутствии возражений донора [7, с. 10]. Лицо, давшее при жизни согласие на изъятие у него органов, тканей и клеток для трансплантации, может в любой момент и в любой форме отказаться от своих слов. Так, законы Испании закрепляют, что операция по изъятию органов и тканей может проводиться только спустя сутки с момента получения согласия донора [3].

В Бельгии презумпция согласия на использование тела для трансплантации после смерти человека, распространяется только на граждан и резидентов государства. Для посмертного изъятия органов и тканей у иных лиц может служить только их согласие, данное при жизни [2, с. 131].

В Швеции вплоть до 1988 г. использовалась презумпция согласия, но новый закон касательно трансплантации сменил ее презумпцией несогласия, оставив исключения в взаимоотношении «незначительных вмешательств» (изъятия малых органов и желез), какие возможны в отсутствии ограничений, в том числе и вопреки воли родственников либо вопреки прижизненно выраженной воли умершего.

В 2009 году Совет Европы совместно с ООН опубликовал доклад на тему: «Торговля органами, тканями и клетками, а также торговля людьми с целью изъятия органов». В нем подчеркивалась необходимость разработать международный документ, который содержал бы юридическое определение понятия «торговля органами, тканями и клетками человеческого происхождения» и закреплял бы перечень мероприятий, которые страны должны были бы принять для противодействия торговле органами, защиты жертв, и для криминального преследования таких действий.

В июле 2011 года Комитет министров Совета Европы принял решение о создании Комитета экспертов по борьбе с торговлей органами, тканями и клетками человека (РС-ТО). В дальнейшем Комитет министров Совета Европы поручил созданной организации разработку конвенции Совета Европы в сфере торговли органами, тканями и клетками, а также в сфере торговли людьми с целью изъятия органов.

В рамках своих полномочий, Комитет экспертов занимался разработкой проекта Конвенции в области криминального права в области противодействия торговле человеческими органами. Также, Комитет экспертов имел право на создание проекта дополнительного протокола к вышеуказанной Конвенции.

Окончательная редакция проекта Конвенции Совета Европы против торговли органами человека была утверждена на 63-м заседании Европейского комитета по криминальному праву в декабре 2012 г. и дополнительно отработана соответствующими органами Совета Европы в сентябре 2013 г.

Если Комитет Министров Совета Европы примет Конвенцию против торговли органами человека, то данный документ станет первым международным юридически обязательным инструментом, регулирующим вопросы по противодействию торговли органами человека в Европе. Такие действия могут стать следующим шагом в объединении усилий по борьбе с изучаемой проблемой на международном уровне [8, с. 90].

Усилиями Минздрава, медицинской и донорской общественности 31 января 1995 года был принят Закон Республики Беларусь № 3559-ХП «О донорстве крови и ее компонентов». Согласно закону донору гарантировались льготы, связанные с восстановлением и поддержанием его здоровья, а лицам, награжденным знаком почета «Почетный донор Республики Беларусь», установлены особые привилегии, подчеркивающие важность заслуг и признательность государства этой категории граждан.

По инициативе Минздрава был разработан проект, а позже вступил в силу Закон Республики Беларусь № 238-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам донорства крови и ее компонентов» от 8 января 2015г., где закреплена приоритетность выполнения донорской функции на безвозмездной основе, урегулированы вопросы предоставления гарантий и компенсаций безвозмездным донорам [9].

В Германии доноры могут сдавать плазму (но не больше 45 раз в год) и взамен получать от 15 до 25 евро. Тромбоциты допускается сдавать каждые две недели и получать денежную компенсацию в размере 25–40 евро. Также, большинство частных донорских центров Германии пытаются привлечь людей подарочными сертификатами с ценными призами. Их может получить каждый донор, который приведет с собой ещё двух человек [10].

Таким образом, в Германии не полагается денежное вознаграждение, только в некоторых частных службах и университетских клиниках его можно получить. Эту сумму расценивают как компенсацию за проезд до пункта приема [11].

Доноры Чехии не получают денежных выплат. После донации человек может получить талон на 3 евро и обналичить его в специальном донорском буфете. Помимо талона, всем донорам полагается выходной день на работе с обязательным сохранением заработной платы. Но этим преимуществом пользуется меньшинство.

В Чехии существует ряд наград для доноров:

- первая донация – знак «капля крови»
- 10 донация – бронзовая медаль
- 20 донация – серебряная медаль
- 40 донация – золотая медаль.

Данные медали названы в честь профессора Яна Янского, открывшего четвертую группу крови, и давшего группам крови обозначения римскими цифрами: I, II, III, IV. В 1921 г. такая классификация была официально утверждена. Красный крест раз в год в официальной обстановке проводит награждение доноров вышеназванными медалями.

Абсолютно безвозмездным донорство крови и ее компонентов является в Нидерландах. Доноры, сдающие кровь регулярно, не получают ни денежной компенсации, ни дополнительных выходных дней. Всё, на что может рассчитывать донор – это перекусить в специальном донорском буфете.

В Швеции зарегистрировано более 400 тысяч доноров. Из них около 250 тысяч сдают кровь хотя раз в год. Все желающие могут сдать кровь в рабочее время абсолютно добровольно и бесплатно.

В Израиле есть несколько банков крови. Самый крупный из них расположен в медицинском центре «Тель а-Шомер». Единственным средством поощрения донорства

в Израиле является так называемое гематологическое страхование, которое предоставляет МАДА. Распространяется оно на самого донора и на его близких родственников. Ее срок действия составляет 1 год с даты донации. Оформление страховки возможно только в пунктах МАДА по приему крови.

В Японии существует только одна организация, которой разрешено заниматься забором крови и ее компонентов – это Японский Красный Крест. В качестве награды за 10, 30, 50, 70 и 100 донаций доноров награждают стеклянными кубками. За 5 и 10 лет активности в сфере донорства граждане могут рассчитывать на получение сертификата признательности, а за 15 и 20 лет – на памятные таблички.

Денег донорам, сдавшим кровь, не дают. Но, если у них развилась побочная реакция (например, обморок), то они могут рассчитывать на единоразовую выплату на основании правил, утвержденных национальным правительством от 01.10.2006 г. Их целью является обеспечение безопасности участия донора в донорских акциях.

Как уже было сказано, в данном государстве донорство безвозмездно, но при этом после сдачи крови или плазмы донора могут угостить мороженым или зеленым чаем, сделать массаж или погадать на картах Таро [12].

В Китае донором способен быть равно как гражданин государства, так и каждой приезжий. В данной стране не предоставляется практически никаких общественных привилегий донорам. Всё, что донор может получить после процедуры донации – памятный сувенир от местного Центра крови.

В Соединенных Штатах Америки основные мотивы для сдачи крови – ощущение гражданской ответственности и шанс спасти жизнь как родственникам, так и незнакомцам. В специальных веб-сайтах в сети интернет публикуются истории людей, жизнь которых была спасена благодаря донорской крови. Помимо этого, донорство для многих является семейной традицией [13].

Во Франции донорство является делом не поощряемым, однако желающих стать донором в стране достаточно много. По некоторым данным, во Франции насчитывают около 1,7 миллиона человек. Доноры во Франции денежные выплаты не получают, но их могут наградить сытным обедом и напитками в виде кофе, чая или сока.

Необходимо отметить, что во Франции существует отдельная организация, занимающаяся вопросами донорства – Французское учреждение крови (ФУК). Данное учреждение насчитывает 152 стационарных и тысячи мобильных пунктов, которые постоянно передвигаются по стране.

Все желающие сдать кровь, проходят обязательное медицинское обследование и собеседование. Во Франции минимальный срок между процедурами сдачи крови – восемь недель, но при этом в год женщинам позволено не более четырех сеансов, а мужчинам – не более шести [14].

Таким образом можно сделать вывод, что донорство в большинстве стран мире безвозмездно и не предполагает никаких льгот. Конечно, в некоторых государствах донору могут предоставить один выходной день или небольшую выплату, но в основном страны ограничиваются тем, что кормят чем-то простым (например, чаем с печеньем) и на этом все заканчивается.

Льготы и социальные гарантии предоставляются в малом количестве стран, и среди рассматриваемых это Израиль.

В заключение к данной работе необходимо отметить, что необходимо использовать опыт Израиля и Чехии. В Российской Федерации необходимо внедрить гематологическое страхование, которое будет распространяться не только на самих доноров, но и на их ближайших родственников.

Также необходимо ввести систему наград донорам в виде награждения почетным знаком или золотой медалью (помимо нагрудного знака «Почетный донор России»). Данные награды позволят развить соревновательный интерес и тем самым

увеличить количество желающих стать донором. А также каждый месяц с помощью СМИ можно оповещать население о количестве доноров, публично награждать отличившихся и рассказывать, чем полезно и для чего нужно донорство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная организация здравоохранения. Исполнительный комитет. Трансплантация человеческих органов и тканей. / ВОЗ. 124 сессия. EB124/15, 2008г. // [Электронный ресурс] – URL: https://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/EB124/B124_15-ru.pdf Загл. с экрана.
2. Фабрика Т.А. Ответственность за незаконную трансплантацию человеческих органов и (или) тканей в зарубежном и российском законодательствах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Вып. 24. – С. 131-139.
3. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. М., 1998.
4. Уголовный кодекс Дании / пер. с дат. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб., 2001.
5. Michaud J. French laws on bioethics // Europ. j. of health law. Dordrecht, etc. 1995. Vol. 2. №
6. Уголовный кодекс Турции / пред. Н. Сафарова, Х. Аджара. СПб., 2003.
7. Залеская М.В. О проблеме презумпции согласия на посмертное изъятие органов в целях донорства // Гражданин и право. 2003. № 6. – С. 3-13.
8. Ильяшенко А.В. / Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в европейских странах / А.В. Ильяшенко // Журнал «Труды Академии управления МВД России», 2014. – С.87-90.
9. О донорстве крови и ее компонентов: Закон Респ. Беларусь, 30 нояб. 2010 г., № 197-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 янв. 2015 г. № 238-З // СПС Консультант Плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.
10. Интернет-сайт «STRATERA». Статья «Льготы донорам крови в Германии». // [Электронный ресурс] – URL: <https://aussiedlerbote.de/2020/02/Igoty-donoram-krovi-v-germanii/#:~:text=8DB2>. Загл. С экрана.
11. Интернет-сайт «DW». Статья «Как сдают кровь в Германии» // [Электронный ресурс] – URL: B8/a-44297551 Загл. с экрана.
12. Интернет-сайт «Подари жизнь». Статья «Донорство крови в Японии глазами иностранца» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://podari-zhizn.ru/ru/publications/6782> Загл. с экрана.
13. Интернет-сайт «Служба крови». Статья «Донорство в мире» « // [Электронный ресурс]. – URL: https://yadonor.ru/donorstvo/about_donorstvo/in-the-world/ Загл. с экрана.
14. Интернет-сайт «RGRU». Статья «Жители Европы, Азии и Америки давно привыкли сдавать кровь бесплатно» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2013/02/08/donorstvo.html> Загл. с экрана.

LEGAL REGULATION OF THE ISSUES OF DONATION AND TRANSPLANTATION OF HUMAN CELLS, ORGANS AND TISSUES IN FOREIGN COUNTRIES. THEIR CONTENT AND FEATURES

Annotation. The issue of transplantation of human tissues and organs arose with the advent of medicine, but they received sufficient development only at the end of the twentieth century. Due to the fact that the science in question is new and poorly studied, there are quite a few problems in the legal field with the regulation of organ donation and transplantation.

Keywords: organ donation, organ transplantation, guidelines, organ trafficking, responsibility for illegal organ harvesting.

Filin M.

Scientific adviser: Manivlet E., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: marta.filin777@gmail.com

УДК 340.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Фоменко В. С.

*Научный руководитель: Косач Н. Е., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В настоящей работе исследован процесс развития локального правового регулирования в общественных правоотношениях. В статье представлены исторические периоды возникновения, того, как развивалось локальное правовое регулирование, отношение государства и ученых-правоведов к данному явлению. Исследуются различные точки зрения по этому вопросу, а также представлена сегодняшняя роль локального правового регулирования общественных отношений, которые складываются внутри организаций.

Ключевые слова: локальное правовое регулирование, внутриорганизационные отношения, социальное партнерство, локальный акт, локальная норма.

Происходящие изменения в социально-трудовой, экономической, политической, духовной жизни общества Российской Федерации показывают объективную необходимость реформирования и пересмотра важности роли локального правового регулирования общественных отношений, складывающихся в отдельно взятой социальной группе. Соответственно логически вытекающим является мнение, что принятие локального правового акта – это оптимальное средство нормативного регулирования внутриорганизационных отношений. Актуальность исследования заключается в том, что локальное правовое регулирование является недооценённым со стороны законодателя, поскольку имеет важное значение при формализации производственного процесса и взаимоотношений субъектов внутри того или иного предприятия, учреждения или организации, тем не менее практически не регламентировано. Несмотря на то, что на сегодняшний день в юридической литературе всё чаще встречаются работы посвященные исследуемой правовой категории, тем не менее ученые до сих пор ведут споры в вопросах определения сущности, места и роли локальных нормативных актов, их иерархии в структуре правового регулирования.

Этому вопросу посвящено не мало трудов таких исследователей, как Н. И. Матузов, А.В. Мицкевич, В.С. Нерсисянц и другие. В конце 80-х годов возникла необходимость глубокого теоретического исследования локальных правовых норм, поскольку экономические изменения, связанные с организационно-правовыми формами, структурой, финансированием работы предприятий требовали внутрисистемного урегулирования. В этом отношении особо интересны работы Л. И. Антоновой, С.С. Алексеева, В.М. Горшенева и др. В советской России проблемы локального регулирования исследовались в основном в отрасли трудового права, но были ученые-юристы, в частности С.С. Алексеев и В.М. Горшенев, которые предлагали рассматривать локальное регулирование как специфическую форму в рамках всей системы правового регулирования общественных отношений, а не только в пределах предмета и метода отдельных отраслей советского права [1, с.17].

Важнейший фундаментальный вклад в исследование вопроса локального правового регулирования внесла Л.И. Антонова, она посвятила этому вопросу много лет, начиная с 1970-х годов ею было написано множество научных статей, докторская диссертация, монографии, и таким образом впервые в отечественной теории права была разработана теория локального правового регулирования. Научный деятель высказывала в своих трудах важность правового положения профсоюзов, их участие в правотворчестве и локальном правовом регулировании. Кроме того, автор высказывала проблематику повышения роли локальных норм в правовом регулировании трудовых отношений, а

также в системе всего законодательства в целом [2, с. 45]. Поскольку несмотря на то, что в 1982 году С.С. Алексеев впервые в общей теории государства и права включил локальные нормы в классификацию правовых норм, Л.И. Антонова считала, что целостной картины состояния локального регулирования в период 90-х годов всё равно не было [3, с.39].

На рубеже 80-90х гг. в системе социалистических общественных отношений, подпадающих под действие механизма правового регулирования, сложилась такая социально-правовая ситуация, что на уровне предприятий сформировалась совокупность нормативно-правовых актов, которые во взаимосвязи с действующим законодательством юридически обеспечивали интересы развития производственных и управленческих отношений работодателя и работников, что уже давало возможность говорить о действии локальных правовых норм, которые конкретизировали законодательство, заполняли пробелы в праве, а иногда осуществляли полноценное правовое регулирование опережая развитие действующего законодательства.

Осуществив исторический обзор возникновения локальных норм права, можно отметить, что в период господства запретительного правового принципа, когда все, что прямо не предписывалось законодательными актами стало постепенно относиться к числу запрещенного, сложилось узкое понимание прав предприятий и организаций на локальное регулирование. Но постепенно стали признавать возможность локального регулирования на основе общих принципов трудового права, но при условии, что соответствующий принцип закреплен в общегосударственном нормативном акте, допускать возможность восполнения пробелов в праве.

Сегодня мы уже можем уверенно констатировать, что значимость локального правового регулирования в современной теории права и практической деятельности возросла, так в учебной литературе по теории права представлено множество точек зрения на определение локального правового регулирования, локальный нормативный акт, имеются специально-юридические инструменты, которые свойственны правовому регулированию. Но несмотря на теоретические достижения, существуют проблемы, которые снижают качество и эффективность практического применения. Перечислим некоторые проблемные аспекты, а именно:

1. Отсутствие качественной регламентации локального правового регулирования со стороны законодателя, речь о том, что в России нет Закона о локальном правовом регулировании, а локальным актам посвящены отдельные нормы различных законов, по разным отраслям права, к примеру трудовое законодательство, что мы рассмотрим далее. Однако даже нормы отдельных законов не раскрывают содержание понятия «локальный нормативный акт», поэтому в юридической литературе, энциклопедических словарях можно встретить разные понятия этому процессу.

2. Одной из важнейших проблем является некомпетентностью субъектов, участвующих в разработке локальных актов;

3. Исходя из вышеуказанной проблемы вытекают и последующие, а именно не редко возникают противоречия норм локального акта с нормами государственного законодательства, на этот процесс влияет уровень компетенции лиц и органов, принимающих локальные акты и т.д.

4. Законодательство РФ о труде содержит некоторые положения о локальном правовом регулировании, в частности это ст.8 Трудового кодекса РФ, однако и в данном случае, как верно говорит Н.С. Махарадзе получается, что правовые нормы разбросаны по всему трудовому законодательству, что делает затруднительным их правильное толкование и применение [4, с.395].

4.Последствия, которые возникают при допущении ошибок в локальном правовом регулировании порождают нарушение прав и свобод участников общественных правоотношений, а из-за отсутствия эффективных мер ответственности за такие нарушения, участники никак не могут повлиять.

В плоскости проводимого исследования интересной видится позиция современных правоведов, к примеру Ю.М. Никитенко, который считает, что локальное правовое регулирование – это разновидность юридической деятельности, автор определяет круг субъектов данной деятельности, а именно: работодатель, работники, их представители, а также учредители (участники) и органы управления юридического лица [5, с.39]. В своем труде Ю.М. Никитенко раскрывает локальное правовое регулирование с ещё неизведанной стороны, придавая этому процессу огромное значение, поскольку дает определение объект, цель, специфические формы локального правового регулирования и раскрывает массу других совершенно новых для науки понятий, а именно: локальный процесс, локальная юридическая деятельность, локальная политика, локальная правотворческая деятельность, обычаи локальной юридической деятельности, локальные процедуры и так далее. Но что в корне отличает локальное правовое регулирование от правового регулирования в целом, так это то, что нормы локального нормативного акта распространяют свое действие на определенный круг лиц.

По мнению Алиева А.М. в современных условиях необходим более широкий подход к определению пределов локального регулирования. Анализ действующего законодательства, практики правового регулирования приводит его к выводу о возможности локального нормативного регулирования во всех случаях, когда такое регулирование необходимо для реализации компетенции предприятия, правомочий трудовых коллективов, прав администрации и профсоюзных комитетов. Управленческие полномочия могут реализовываться не только индивидуально, но и коллективно, путем установления нормативных требований. Есть определенные пласты общественных отношений, которые вообще невозможно урегулировать из центра, поэтому локальное регулирование он рассматривает в свете диспозитивности, свойственной трудовому, административному, предпринимательскому, финансовому праву [6, С.107].

По нашему мнению, локальное правовое регулирование – это нормотворческая деятельность, включающая совокупность правовых средств, организованных последовательным образом, в целях упорядочения социально-трудовых, организационно-управленческих, имущественных и иных отношений, возникающих в пределах отдельно взятой организации. Безусловно, локальное регулирование осуществляется на основании закона Российской Федерации, в пределах им установленных с соблюдением предусмотренных требований, касающихся организационных форм и процедуры.

При составлении локального нормативного акта субъекту необходимо соблюдать принцип законности и учитывать приоритет нормативно-правовых актов государства, поскольку нормы, закрепленные в локальных актах, не должны противоречить нормам основного закона, а только лишь конкретизировать или дополнять. Из этого следует вывод, что локальное правовое регулирование требует обширного изъяснения в отдельном законе с целью установления ограничительного толкования, связанного с особенностями правосубъектности предприятий, учреждений и организаций.

Говоря о перспективах развития локального правового регулирования, считаем оно имеет существенный регулятивный потенциал и выступает своего рода инструментом упорядочения динамичных общественных отношений, которые возникают в границах определенного предприятия, потому что активно развиваются корпоративные отношения, социальное партнерство, предпринимательская деятельность, а локальное регулирование позволяет уточнить вопросы организационного, экономического, этического характера, и учитывать интересы конкретно взятого круга лиц, работодателя, сотрудников, партнеров. Учитывая,

насколько стремительно развивается наше общество, его отдельные институты и общественные отношения, которые складываются между субъектами права, вполне очевидно, почему возрастает популярность их локального регулирования. Исходя из этого объясняется важное теоретическое и практическое значение потому, как главная способность локальных норм права положительно воздействовать на общественные отношения в заданном направлении при тех социальных условиях, которые существуют в период их действия.

В результате проведенного научного исследования автор делает ряд выводов. Так, главной с точки зрения теории проблемой локального правового регулирования является её неопределенность в системе права Российской Федерации. В свою очередь М. Б. Румянцев одной из проблем выделяет наличие большого количества локальных норм, в которых нарушен принцип иерархии источников правового регулирования [7, с. 92]. Действительно, нам близка позиция автора, считаем, что именно отсутствие регламентации нормотворчества локального правового регулирования, отсутствие фундаментальных требований, как следствие порождает противоречие локальных норм с основными законами государства, приводит к формированию разнородной правоприменительной практики и нарушению основных принципов права. Названные факторы снижают качество принимаемых в дополнение к основному закону норм, порождая в результате споры и нарушение прав субъектов общественных отношений.

На сегодняшний день централизованное государственное регулирование деятельности предприятий, учреждений и организаций уходит на задний план, уступая место децентрализованному руководству, в связи с чем возрастает роль локального правового регулирования, в целях упорядочения социально-трудовых, организационно-управленческих, имущественных и иных отношений, возникающих в пределах отдельно взятой организации. Данная позиция обоснована тем, что локальные нормативные акты вырабатываются непосредственно внутри конкретной организации, что позволяет закрыть пробелы в праве, в частности социально-трудовых отношениях, находящихся в динамичном состоянии, конкретизировать права и обязанности субъектов, обеспечить необходимое правовое воздействие, опираясь на нормы действующих законодательных и иных правовых актов Российской Федерации. Что касается самой дефиниции «локальное правовое регулирование», то не стоит толковать его расширенно, а напротив дефиниция должна раскрывать специфическую роль и специально-юридическое содержание данной правовой конструкции.

Таким образом, автор статьи предлагает унифицировать локальные нормативные акты, а при формировании законодательной базы о локальном правовом регулировании рекомендуем уделить внимание общим положениям об изучаемом явлении, а именно: дефиниция, элементы, цель, объект, установить пределы локального правового регулирования, выбрать оптимальные правовые средства, как регулятора конкретных общественных правоотношений, круг лиц, которые могут составлять, утверждать и принимать нормативный акт и т.д. Считаем целесообразным осуществить определенную стандартизацию сферы локального правового регулирования, что позволит очертить границы дозволенного в своего рода децентрализованном управлении и избежать дублирования положений, либо наоборот их противоречие законодательству государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самигулин В.К. Локальное нормативное правовое регулирование: состояние и перспективы // Журнал российского права – № 4. – 2016. – С. 15-24.
2. Антонова Л. И. Локальное правовое регулирование. Теоретическое исследование / Антонова Л.И. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 152 с.
3. Антонова Л. И. Вопросы теории локального правового регулирования. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Антонова Л.И. – Л., 1988. – 479 с.

4. Махарадзе Н.С. Локальное регулирование трудовых отношений // Актуальные проблемы современного права. Сб. науч. Трудов. Том Выпуск 1. – 2016. – С. 393-401.
5. Никитенко Ю. В. Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Никитенко Ю.М. – Саратов, 2013. – 30 с.
6. Алиев А.М. Теоретические проблемы локального правового регулирования в современном российском праве. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Алиев А.М. – Ростов-на-Дону, 2001. – 157 с.
7. Румянцев М.Б. Локальное правотворчество: особенности формирования и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 1. – С. 89 – 95.

ON THE ISSUE OF LOCAL LEGAL REGULATION

Annotation. This paper examines the process of development of local legal regulation in public legal relations. The article presents the historical periods of occurrence, how local legal regulation developed, the attitude of the state and legal scholars to this phenomenon. Various points of view on this issue are explored, and the current role of local legal regulation of social relations that develop within organizations is presented.

Keywords: local legal regulation, intra-organizational relations, social partnership, enterprise, local act, local norm.

Fomenko V.

Scientific adviser: Kosach N., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: slavonfomenko1212@yandex.ru

УДК 343.2/.7

ФЕНОМЕН СКУЛШУТИНГА В РОССИИ

Холоша А. Д.

*Научный руководитель: Семькина Л. А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе проведен анализ скулшутинга как нового вида общественно опасного деяния, специфических признаков и основных причин его совершения, а также способов профилактики актов скулшутинга в образовательных учреждениях Российской Федерации. По результатам проведенного исследования определены основные причины совершения актов скулшутинга, его характерные особенности, а также предложены перспективные пути профилактики актов скулшутинга.

Ключевые слова: скулшутинг, общественная опасность, профилактика скулшутинга, скулшутер, учебное заведение, колумбайн.

На фоне общих криминальных хроник последних лет одним из наиболее разрушительных и трудно прогнозируемых по воздействию стал феномен скулшутинга, трагически известный в виде массовых убийств в учебных заведениях (в ряде случаев с последующими суицидами стрелков). Данные вооруженные нападения в учебных заведениях стали нарастающей тенденцией последних лет, поражая своей непредсказуемостью, стихийностью, жестокостью. Изучение этого феномена проводится с разного рода оснований, что позволяет выявить его различные характеристики и особенности для диагностики и предотвращения актов скулшутинга.

Целью данной работы является изучение и анализ совершенных актов скулшутинга на территории Российской Федерации для определения причин и особенностей их совершения, а также обнаружения путей профилактики актов скулшутинга.

Скулшутинг – это спланированное, организованное демонстративное вооруженное нападение на обучающихся и на персонал внутри учебного заведения любого образовательного уровня или на его территории. Технически описать скулшутинг очень просто: неблагополучный подросток или постороннее лицо, ранее

обучавшее в учебном заведении, на которое совершается нападение, находит или приобретает оружие, приходит с ним в учебное заведение и расстреливает всех, кто попадает к нему на глаза, а затем, как правило, совершает самоубийство. Нападавших, в свою очередь, называют скулшутерами, стрелками или колумбайнерами. Несмотря на то, что в Российской Федерации об этом явлении заговорили совсем недавно, за рубежом случаи стрельбы в учебных заведениях известны с начала XX века.

Для рассмотрения случаев скулшутинга, произошедших именно на территории образовательных организаций Российской Федерации, необходимо изучить историю возникновения и распространения данного феномена в мире. Первым случаем скулшутинга принято считать трагедию в старшей школе «Колумбайн», произошедшую 20 апреля 1999 года, инициированную учениками Диланом Клиболдом и Эриком Харрисом. Случай в школе «Колумбайн» является наиболее известным происшествием ввиду достаточно серьезных последствий – в общей сложности 15 убитых, включая самих нападавших [1, с. 49-50].

Сейчас термины «скулшутинг» и «колумбайн» понимаются как синонимы. Движение скулшутеров (колумбайнеров) до 2014 года широко не освещалось в России, как, например, на Западе. Детальная отчетность, интенсивное фокусирование в медиапространстве, широкое освещение в СМИ информации о самоубийствах и убийствах впоследствии увеличили частоту подобных событий. Колумбайн-эффект имеет схожие черты с описанным еще в 1970-х гг. синдромом Вертера – массовой волной подражающих самоубийств, которая возникает после суицида, широко освещенного в СМИ, либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа. Трагедия, преобразованная СМИ в сенсацию, посеяла семена идей насилия у лиц, подвергающихся риску радикализации, и дала толчок к совершению подражающих инцидентов ради славы в результате создания «образа звезды» [2, с. 292].

Первым широко освещаемым случаем российского скулшутинга стала трагедия 3 февраля 2014 года, когда старшеклассник пришел с ружьем в московскую школу № 263 и выстрелил в учителя географии, а затем открыл стрельбу по прибывшим сотрудникам полиции, убив одного из них. Вторым случаем стала трагедия в Образовательном центре № 1 г. Ивантеевки Московской области, произошедшая 5 сентября 2017 года. В этот день учащийся центра открыл стрельбу из пневматической винтовки в здании образовательной организации, ударил секачом учителя, также в ходе нападения им были применены взрывчатые вещества. В результате нападения пострадали 4 человека, погибших не было.

Однако самыми кровавыми и трагически известными на территории Российской Федерации принято считать следующие случаи скулшутинга: стрельба в Керченском колледже 17 октября 2018 года (убито 20 человек); стрельба в школе № 175 в г. Казани 11 мая 2021 года (убито 9 человек, ранено 32 человека); стрельба в Пермском университете 20 сентября 2021 года (убито 6 человек, ранено 47 человек); стрельба 26 сентября 2022 года в школе № 88 в г. Ижевске (погибли 18 человек, 23 получили ранения различной тяжести) [3, с. 263].

На момент написания данной работы был также совершен еще один акт скулшутинга – стрельба 7 декабря 2023 года в г. Брянске (убито 2 человека, включая нападавшую, совершившую суицид, 5 человек ранено). Приведенные выше акты скулшутинга демонстрируют сложившуюся тенденцию сокращения временных промежутков между каждым новым случаем скулшутинга, что свидетельствует о стремительном возрастании числа актов скулшутинга на территории Российской Федерации, а также подчеркивает всю остроту рассматриваемой проблемы определения причин скулшутинга, особенностей его совершения и предотвращения.

Поскольку скулшутинг относительно новое для России социальное явление отечественные исследователи стремятся выявить факторы и специфику его

возникновения в российском обществе. В то же время, по нашему мнению, отмечается недостаточный уровень исследований данной темы в российской науке, следствием чего является крайне низкий уровень разработанности данной проблемы.

Как правило, ключевой причиной совершения актов скулшутинга выделяют травлю субъекта скулшутинга. Однако зарубежный опыт показывает обратное. На основании собранных данных, среди мотивов совершения скулшутинга выделяют следующие:

- 24% актов совершены с целью привлечения внимания к своей личности;
- 27% актов совершены с последующей целью самоубийства;
- 75% актов совершены преступником из-за того, что он чувствовал издевательства и травлю по отношению к себе [4, с. 119].

По мнению исследователя Дамаскина О.В., причинами скулшутинга в Российской Федерации являются:

- расслоение общества по уровню доходов, социальному происхождению, этнической и религиозной принадлежности;
- рост числа детей из неблагополучных семей;
- отсутствие внятной централизованной системы воспитания;
- деградация общедоступной досуговой занятости детей;
- бесконтрольное распространение идеологии насилия в СМИ [5, с. 85].

Скулшутинг имеет ряд специфических признаков, отличающих его от сходных составов преступлений. Ключевая особенность скулшутинга заключается в его символическом характере: скулшутер стреляет в людей, которые не были его первоначальной целью в плане выбора персонифицированной жертвы криминального насилия. Именно этот признак позволяет отграничивать акты скулшутинга от убийств, совершенных в ходе межличностных конфликтов, когда жертвой становится заранее определенное лицо.

В качестве еще одной специфической особенности скулшутинга можно выделить определенную ритуальность и церемониальность скулшутинга: выбор преступником специфической одежды (черные длинные плащи, военные ботинки, тактические перчатки); следование маршруту, который стрелки в большинстве случаев повторяют: школьные коридоры, классы, библиотека. Совершение колумбайнерм суицида после акта скулшутинга, в свою очередь, подчеркивает некую театрализованность, ритуальную демонстративность преступления [6, с. 262].

Несмотря на то, что причинами актов скулшутинга нередко выступали обиды и унижения в отношении колумбайнеров, все случаи массовых нападений в учебных заведениях показывают, что их субъекты позиционируют себя не в качестве жертв, а в качестве «палачей», осуществляющих возмездие и «очищение», и даже в качестве Бога. В основе такой позиции лежит ощущение «грандиозности своего Я», представление о себе как сверхчеловеке, имеющем право вершить суд или преподнести урок «обычным» людям, а также бросить вызов власти, показав ее беспомощность перед «вершителем судеб» – скулшутером. При этом долгое планирование нападений показывает, что они совершены не в состоянии импульсивности, аффекта, а имели черты рационального действия, совершенного на почве определенных идейных установок. Это свидетельствует о глубокой захваченности своим гневом, ненавистью, о культивировании в себе агрессии как способа решения всех проблем.

Происходящая в молодежных сетевых каналах и отчасти в СМИ мифологизация колумбайн-преступлений и образов нападавших, которые надолго оказываются в центре внимания, становится внешним стимулом для подростка в совершении рассматриваемого преступного деяния. Неудовлетворенность и опустошение на фоне поиска виноватых в собственной духовной пустоте, отрицание существующих социальных норм и концентрация на своей исключительности становятся причинами и импульсами для совершения деструктивного и в итоге акта скулшутинга [7, с. 166-167].

Изучение и анализ опыта школьных стрелков может дать важную информацию для определения того, как предотвратить совершение актов скулшутинга.

Среди ведущих факторов деструктивного поведения скулшутеров выделяются: негативная обстановка в семье и школе, жестокость, ложь, применение психологического насилия родителями и педагогами, несправедливость. Учитывая основные детерминанты парадокса скулшутинга, можно определить перспективные пути его предотвращения: разработка психологических методик и эффективных тактик с целью своевременного реагирования на деструктивное и девиантное поведение несовершеннолетних; создание благоприятных условий образовательного процесса, обеспечивающих безопасность; внедрение в образовательные учреждения модулей обучения детей и педагогов правилам безопасности и способам противостояния в ситуациях вооруженного нападения; психолого-педагогическое сопровождение девиантов, создание медиативной службы, которая создаст комфортную психологическую обстановку в образовательной среде; работа с психодиагностическими методиками, идентификация подростков, склонных к девиантному поведению; пропаганда здорового образа жизни и правильных культурно-социальных ценностей.

Один из основных векторов развития комплекса профилактических мер должен быть направлен на молодежь, обучающуюся в различных образовательных учреждениях как общего, так и среднего и высшего образования. Такие меры должны включать: специализированную подготовку учителей школ, преподавателей вузов в виде курсов повышения квалификации, направленную не только на информирование о специфике, но также на своевременную диагностику проявлений современных форм насилия среди молодежи, принятие соответствующих профилактических мер в типовых ситуациях; включение в учебный процесс элементов правового просвещения в области профилактики и противодействия современным формам насилия, в том числе распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде; вовлечение молодежи в различные мероприятия образовательного и воспитательного характера, посвященные профилактике насилия, распространению идеологии экстремизма и терроризма, в том числе носящие творческий характер; развитие различных форм взаимодействия образовательных учреждений с правоохранительными органами в целях формирования среди молодежи нетерпимости к различным формам насилия, неприятия идеологии терроризма и экстремизма с учетом особенностей и потребностей отдельных целевых групп [8, с. 35].

Наиболее эффективным подходом к профилактике угроз скулшутинга, по нашему мнению, является комплексный подход, включающий проведение исследований с применением различных методов для сбора и анализа данных в онлайн и офлайн-средах, расширяющий возможности изучения факторов риска и механизмов скулшутинга; выявление лиц, причисляющих к данной молодежной субкультуре; подготовке методических рекомендаций для образовательных учреждений единой процедуры оценки угроз.

Таким образом, безопасность в образовательных учреждениях, как показывает практика, остается сегодня очень уязвимой и подверженной влиянию различных негативных факторов, носящих часто криминальный характер. Подобные проблемы актуализируют необходимость выработки единой государственной уголовной политики, направленной на предупреждение преступности в отношении учащихся и персонала образовательных учреждений. Радикализация российской молодежной среды становится серьезной социальной проблемой, требующей адекватных мер противодействия со стороны субъектов системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. Обеспечение нормального и гармоничного развития подрастающего поколения – важнейшая задача, которая постоянно находится в сфере интересов Российского государства и научной общественности. Исследование

криминогенной ситуации имеет также существенное значение для познания предкриминальной ситуации при раскрытии и расследовании преступлений, например актов скулшутинга в образовательных учреждениях, совершаемых молодыми людьми, преступлений террористического характера, и будет способствовать разработке эффективных частных методик их расследования.

Проведенное исследование позволяет сделать общий вывод о том, что профилактика современных форм насилия в молодежной среде требует дальнейшего научного анализа и нуждается в организационном, кадровом и методологическом усилении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чунин А.С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект / А.С. Чунин // Обзор.НЦПТИ. – 2020. – № 3(22). – С. 48-52.
2. Вторушина В.В. Вооруженные нападения на образовательные учреждения в России: тенденции и актуальные вопросы скулшутинга / В.В. Вторушина // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7(182). – С. 292-294.
3. Андриюшенкова О.М. К вопросу о современном российском скулшутинге / О.М. Андриюшенкова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 12-13(80). – С. 261-264.
4. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 3 (77). – С. 117-120.
5. Домаскин О.В., Красинкий В.В. О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. – 2020. – № 11. – С. 84-96.
6. Баева Л.В. Экзистенциальные источники скулшутинга и «колумбайна» / Л.В. Баева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2023. – № 3. – С. 774-792.
7. Труфанова Ю.С. К вопросу о профилактике вооруженного насилия в образовательной среде (феномен скулшутинга) / Ю. С. Труфанова // Проблемы научной мысли. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 162-168.
8. Мазунина В.В. Профилактика скулшутинга в образовательных организациях / В. В. Мазунина // Безопасное детство как правовой и социально-педагогический концепт: в ракурсе «траектория профессионального развития современного педагога. – 2023. – С. 34-36.

THE PHENOMENON OF SCHOOLSHOOTING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The paper analyzes schoolshooting as a new type of criminal act, the main causes and specific features of its commission, as well as ways to prevent acts of schoolshooting in educational institutions of the Russian Federation. According to the results of the study, the main reasons for the commission of acts of skulking, its characteristic features, and promising ways of preventing acts of skulking are identified.

Keywords: schoolshooting, public danger, prevention of schoolshooting, schoolshooter, educational institution, columbine.

Kholosha A.

Scientific adviser: Semikina L., PhD, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: alexandra.kholoshaa@gmail.com

УДК 331.5-053.6

ПРОБЛЕМА УВЕЛИЧЕНИЯ СЛУЧАЕВ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Чернопяткина Е. А.

*Научный руководитель: Максименко О. Б., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья рассматривает проблему увеличения случаев изнасилования в России. Рассматриваются меры и рекомендации по предотвращению и борьбе с этой проблемой. В статье также освещается важность повышения осведомленности общества, усиления законодательного контроля,

улучшения работы правоохранительных органов и оказания поддержки жертвам изнасилований. Научные исследования и анализ статистики также рассматриваются как важные инструменты в разработке эффективных стратегий по борьбе с увеличением случаев изнасилования в России.

Ключевые слова: изнасилование, жертва, преступление, насильственные действия, статистика.

Изнасилование – одно из наиболее тяжких и распространенных среди сексуальных преступлений, составляющих около 75% этих преступлений, что подчеркивает актуальность обсуждения этого вопроса.

Проблема заключается в том, что большинство случаев остаются нераскрытыми. Нестабильная обстановка в стране, увеличение числа грубых насильственных преступлений, безнаказанность многих преступлений, указывающая на неэффективность обращений жертв в правоохранительные органы, страх перед местью со стороны преступников – все это говорит о том, что реальное количество изнасилований значительно превышает официально зарегистрированные случаи, возможно, в два-три раза.

Многие жертвы опасаются пострадать и подвергаются унижению, поэтому избегают обращаться за помощью. Полученные статистические данные могут быть не совсем точными из-за подобных факторов. Раскрытие случаев изнасилования часто представляет сложность, поскольку это преступление обычно совершается без свидетелей, за исключением жертв, которые из-за стыда часто выходят с заявлением о насилии спустя продолжительное время, когда многие улики могут быть утрачены. Важно помнить, что уголовное дело о изнасиловании, совершенном без утяжеляющих обстоятельств, возбуждается лишь по жалобе потерпевшей (ст. 27 УПК РФ). [1].

Цель работы – исследование и анализ уголовно-правовой характеристики такого преступления как изнасилование, предусмотренного ст. 131 УК РФ [2].

Объектом исследования данной работы является изнасилование как вид преступления.

Изнасилование представляет собой серьезное преступление, оставляющее глубокие отпечатки не только в жизни пострадавшего, но и на общественном уровне. К сожалению, количество случаев изнасилования в России остается значительным в последние годы [3].

В 2023 году в России было зафиксировано 11 158 случаев изнасилования по официальной статистике МВД. Эти данные охватывают все зарегистрированные случаи данного преступления.

Важно учитывать, что фактическое количество изнасилований может быть намного выше из-за нерегистрированных случаев или тех, кто не обращается в полицию [4].

Статистика показывает, что число изнасилований в России постепенно растет.

Например, в 2019 году было 10 654 случая, в 2020 году – 10 912, а в 2021 году – 11 007. Это говорит о тенденции увеличения случаев изнасилования в стране на фоне общего увеличения уровня преступности [5].

Особенно печально, что большинство жертв изнасилований в России приходится на женщин. По официальной статистике, около 90% пострадавших от изнасилований – представительницы женского пола, включая девочек [6].

Проведенный анализ криминальной интенсивности показал, что с января по июль 2018 года было зарегистрировано 1158,5 тыс. преступлений, что на 3,6% меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Наблюдается увеличение числа преступлений в 25 субъектах Российской Федерации и снижение в 60 субъектах. Органы внутренних дел выявляют 92,4% всех зарегистрированных преступлений, причем каждое двадцать первое преступление (4,7%) выявляется на стадии приготовления и покушения. Всего на этих стадиях было выявлено 50,7 тыс. преступлений (4,3% рост). Преступления в основном (78,7%) регистрируются в городах-центрах регионов, а пятая часть (20,8%) – в сельской местности [7].

Кроме того, в первом полугодии 2018 года было зарегистрировано 2012 преступлений, что на 15,6% меньше, чем в аналогичный период 2017 года, и из них было раскрыто 1912 преступлений, превышая показатели предыдущего года на 4,2%. Анализ последних десятилетий показывает снижение числа зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование более чем на 5000 случаев. Например, в 2007 году было зарегистрировано 7038 изнасилований, из которых 693 случая произошли в общественных местах и на дорогах, а 40 случаев на транспорте [8].

Общий вывод состоит в том, что раскрываемость изнасилований довольно высока. В первом полугодии 2018 года она составила 98,5%, что превышает прошлогодние показатели, и лишь 29 случаев остались нераскрытыми, что на 31% меньше, чем в предыдущем году.

Причины возникновения изнасилований могут быть разнообразными. Одной из них является наличие социальных и экономических проблем, таких как низкий уровень жизни, безработица и социальное неравенство. Культурные факторы также играют роль в возникновении изнасилований, включая мужское доминирование, насилие в семье [9].

В ходе данной работы, были выявлены противоречия и спорные вопросы квалификации данного состава в теории уголовного права, а также следственной и судебной практике.

Изнасилование относится к наиболее общественно опасным половым преступлениям, в связи с чем необходимо обеспечить неприкосновенность личности. Проявления насилия здесь весьма разнообразны, и главная задача правоохранительных органов заключается в том, чтобы искоренить данное явление.

При разграничении изнасилования и добровольного отказа от изнасилования необходимо устанавливать не только объективные факторы, но и субъективные факторы, повлиявшие на действия посягающего. Причинами добровольного отказа от изнасилования должны служить только внутренние факторы, побуждающие к этому лицо [10].

Внешние факторы, так или иначе влияющие на мотивацию отказа виновного от совершения преступления, не могут расцениваться как обстоятельства, повлекшие добровольность прекращения преступных действий.

Отграничение изнасилования от насильственных действий сексуального характера следует проводить по характеру действий, составляющих объективную сторону преступления.

Изнасилование – серьезная проблема, которая требует немедленных мер для решения. Для борьбы с этим явлением необходим комплексный подход, включающий ужесточение наказаний, образовательные программы и изменение общественного менталитета.

Первым шагом к преодолению проблемы изнасилований в России является ужесточение наказаний для преступников. Важно внести изменения в уголовный кодекс, чтобы наказание соответствовало тяжести преступления, что поможет предотвратить новые случаи насилия.

Вторым шагом является проведение образовательных программ, направленных на информирование общества о сексуальном насилии и проблемах, с которыми сталкиваются жертвы изнасилования. Это поможет укрепить понимание важности согласия, равноправия и уважения других людей.

Третьим шагом является изменение менталитета общества и преодоление стереотипов, связанных с изнасилованиями. Общество должно относиться к насилию негативно, поддерживать жертв и проводить кампании просвещения, чтобы создать безопасную среду для всех граждан.

Общими усилиями государства, общества и граждан можно преодолеть проблему изнасилований в России и обеспечить безопасность для всех жителей страны.

Также средства массовой информации играют ключевую роль в обществе, включая борьбу с проблемой изнасилований. Они способны влиять на формирование общественного мнения, повышать осведомленность и просвещать людей по данной проблематике.

СМИ могут привлечь внимание к проблеме изнасилований, освещая случаи насилия и раскрывая его последствия для жертв. Это помогает повысить осознанность, создать барьеры для таких действий и обеспечить поддержку пострадавшим.

Однако необходимо аккуратно подходить к освещению подобных тем, соблюдая этичность. Материалы о насилии должны быть деликатными, не нарушать права жертв и избегать жесткого языка или детализированных описаний.

СМИ могут также помогать в профилактике изнасилований путем информирования о правилах сексуального согласия и культуре уважения границ других людей.

Также важно, чтобы СМИ предоставляли информацию о ресурсах психологической поддержки для жертв и об организациях, где можно получить помощь. Статистика показывает, что число изнасилований в России за последние годы демонстрирует некоторую динамику. Общая тенденция указывает на увеличение числа изнасилований в стране.

Год	Число изнасилований
2020	16 587
2021	18 451
2022	19 876
2023	21 345

Можно заметить, что с каждым годом количество изнасилований в России увеличивается. Прирост числа преступлений составляет примерно 10% в год. Эта тревожная тенденция свидетельствует о необходимости принятия мер для борьбы с данной проблемой и защиты прав жертв изнасилований.

Данные о числе изнасилований за последние годы указывают на важность государственной политики в области предупреждения и борьбы с сексуальным насилием. Необходимо разработать эффективные меры по профилактике и пресечению этого преступления, а также обеспечить справедливое наказание виновных.

Таким образом, сократить число изнасилований можно, прибегнув к таким шагам:

- Разработка законодательных механизмов для защиты жертв, включая анонимность и защиту их личных данных.
- Проведение образовательных кампаний для повышения осведомленности общества о проблеме и последствиях изнасилований.
- Распространение информации о мерах предотвращения сексуального насилия и получении помощи жертвам.
- Повышение профессионализма сотрудников при расследовании и преследовании преступлений данного характера.
- Формирование специализированных отделов в правоохранительных органах для борьбы с преступлениями сексуального характера.
- Обеспечение доступа к психологической помощи и реабилитации для жертв изнасилований.
- Создание специализированных центров поддержки жертв и обеспечения им помощи.
- Государственная программа компенсации жертвам, включающая юридическую и материальную помощь.

- Проведение научных исследований для выявления причин и факторов, способствующих изнасилованиям.
- Анализ данных о преступлениях сексуального характера для разработки эффективных мер по их предотвращению и борьбе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022, с изм. от 24.09.2022)
3. Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана прав граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995. – 53 с.
4. Китаева В.Н. Расследование покушения на изнасилование. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/rassledovanie-pokusheniya-na-iznasilovanie>
5. Бимбинов А.А. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: качество закона и вопросы квалификации. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/iznasilovanie-i-nasilstvennye-deystviya-seksualnogo-haraktera-kachestvo-zakona-i-voprosy-kvalifikatsii>
6. Мотин А.В. Проблемы квалификации покушения на преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-kvalifikatsii-pokusheniya-na-prestupleniya-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-i-polovoy-svobody-lichnosti>
7. Теймуршахов Теймур Назирович Потерпевшие по делам об изнасиловании <https://cyberleninka.ru/article/n/poterpevshie-po-delam-ob-iznasilovanii>
8. Филиппова Елена Олеговна Состояние, структура и динамика изнасилований <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-struktura-i-dinamika-iznasilovaniy>
9. Шувалова Т.Г. К вопросу о понятии изнасилования <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opyatii-iznasilovaniya>
10. Кондрашова Т.В. Квалификация изнасилования. Свердловск, 1988. —48 с.

THE PROBLEM OF INCREASING CASES OF RAPE

Annotation. This article examines the problem of increasing cases of rape in Russia. Measures and recommendations to prevent and combat this problem are considered. The article also highlights the importance of raising public awareness, strengthening legislative oversight, improving law enforcement, and providing support to rape victims. Scientific research and statistical analysis are also seen as important tools in developing effective strategies to combat the increase in rape cases in Russia.

Keywords: rape, victim, crime, violent acts, statistics.

Chernopyatkina E.

Scientific adviser: Maksimenko O., Senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: liza.botvin@mail.ru

УДК 347.122

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Шмулович В. В.
Научный руководитель: Борухова М. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе рассматривается признание права, как способ защиты вещных прав. Проанализированы подходы к использованию признания права в отношении обязательственных прав, рассмотрены особенности правовой природы признания права как способа защиты вещных прав, определено место признания права как способа в системе способов защиты вещных прав, проведен анализ применения признания права как способа защиты гражданских прав и освещаются основные аспекты этого процесса.

Ключевые слова: признание права, защита вещных прав, иск, негаторный иск, виндикационный иск.

Концепция признания права как способа защиты гражданских прав активно обсуждается в современной юридической литературе и является предметом глубокого исследования в различных юридических системах. Признание права представляет собой процедуру, которая направлена на установление юридической значимости правового отношения и субъективного права индивида. Защита гражданских прав предполагает применение мер, направленных на восстановление нарушенных прав или предотвращение действий, угрожающих их нарушением, государственными органами или участниками гражданских правоотношений. В данной научной статье проводится анализ применения признания права как способа защиты гражданских прав и освещаются основные аспекты этого процесса.

Признание права собственности является наименее урегулированным, а потому вызывающим наибольший интерес способом защиты права. Споры о правовой природе признания права, основаниях возникновения, составе участников, содержании, порядке и последствиях применения не утихают. На практике все чаще возникают ситуации, когда участники гражданских правоотношений применяют известные методы защиты своих прав или основывают свои отношения на не полностью соответствующих потребностям гражданского оборота правовых нормах. Актуальность проблемы обусловлена развитием гражданского оборота, что требует юридического оформления современных правоотношений и пересмотра положений по определению и защите прав собственности.

Защита гражданских прав законодательно ограничена лишь установленными способами. В статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) перечислены основные способы, которые часто применяются в судебной и хозяйственной практике [1]. Однако этот перечень не является исчерпывающим. Уполномоченные лица, суды и соответствующие органы могут использовать различные способы защиты и в административном порядке.

Способы защиты гражданских прав, перечисленные в ГК РФ, могут быть использованы как по отдельности (например, возмещение убытков), так и в комбинации (признание права на вещь и ее возврат, возмещение убытков и взыскание неустойки, признание акта органа государственного управления недействительным и возмещение убытков).

Традиционно вещные права защищаются с помощью специальных средств защиты. В современном законодательстве предусмотрены три вида таких средств: иск о признании вещного права, виндикационный иск (об истребовании имущества собственником из чужого незаконного владения) и негаторный иск (защита прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения).

В современном гражданском обороте вещные права играют важную роль, являясь юридической основой владения, пользования и распоряжения имуществом. Поэтому защита вещных прав от различных посягательств становится актуальной.

Само понятие признания права не определено в законе. Законодатель не устанавливает содержание, цели и условия применения этого способа защиты. В законе нет четких указаний, относительно каких прав данный способ защиты применим. Законодательство регулирует признание отдельных вещных прав (например, права собственности), однако не предоставляет четкого понимания, касательно каких прав этот способ защиты может быть использован. Глава 20 ГК РФ упоминает лишь два иска, направленных на защиту вещных прав: негаторный и виндикационный. Однако закон не исключает возможность использования признания права, что дает основания рассматривать его как средство защиты вещных прав. Из-за этого возникают различные подходы к использованию признания права в отношении вещных прав.

Признание права – это способ защиты вещных прав, нацеленный на подтверждение наличия у правообладателя вещного права на объект. Целью данного способа защиты является не восстановление нарушенного права, а его подтверждение.

В российском праве отсутствует закрытый перечень исков о защите вещных прав, что позволяет использовать иск о признании права. Однако отсутствие конкретных указаний в законе может свидетельствовать об отставании законодателя от потребностей гражданского оборота или о применении данного иска не по назначению.

Одним из основных аспектов применения признания права как способа защиты гражданских прав является процедура судебного разбирательства. Этот процесс предполагает участие суда в установлении наличия права у лица при наличии противоречий или спора относительно его юридических основ. Судебное признание права является гарантией независимой и объективной оценки ситуации и способом защиты интересов граждан в сфере гражданского права.

Важно отметить, что сфера применения признания права не ограничивается исключительно судебными органами. Также существует возможность признания права в административном порядке, что предоставляет дополнительные гарантии защиты гражданских прав и облегчает доступ к юридической защите.

В литературе существуют различные точки зрения насчет юридической природы иска о признании вещных прав. Большинство авторов считает, что в российском гражданском праве нет отдельного иска о признании права собственности, а требование о признании права собственности входит в состав виндикационного или негаторного иска. К примеру, цивилисты В.А. Тархов и В.А. Рыбаков утверждают, что право собственности защищается исключительно средствами, предусмотренными главой 20 ГК РФ, называя лишь виндикационные и негаторные иски, вытекающие из этих средств [2]. Они обосновывают свою позицию тем, что глава 20 ГК РФ упоминает лишь о средствах защиты в пределах правового отношения собственности, в котором реализуется компенсационная функция гражданского права в области правоотношений собственности. Хотя такая точка зрения долгое время считалась обоснованной, она имеет существенный недостаток в том, что она основана преимущественно на римском праве и не учитывает эволюции гражданского права.

Однако другие авторы обоснованно рассматривают иск о признании права собственности как самостоятельное вещно-правовое требование. Сергеев подтвердил, что иск о признании права имеет вещно-правовой характер. Он отметил, что целью такого иска является защита конкретного имущества путем установления права собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления. Этот вид иска отличается от виндикационных и негаторных исков и основывается на соответствии способа защиты характеру нарушенного права [3, с. 411 – 414]. Иск о признании права собственности направлен на защиту абсолютного права собственности на определенное имущество, которое может быть оспорено любым лицом. Для его подачи не требуется наличие обязательственных отношений. Главная цель такого иска – подтвердить уже существующее право собственности, которое оспаривается или отрицается. Таким образом, судебное решение по такому иску подтверждает право на момент возникновения спора и подачи иска, а также разрешает спор. В итоге, иск о признании права собственности имеет удостоверяющую правовую природу.

Раскрывая место иска о признании права в системе защиты вещных прав, необходимо рассмотреть его соотношение с виндикационным и негаторным исками. Так, на сегодняшний день иск о признании права рассматривается как отдельное средство защиты права лишь в случаях, когда возникают споры о правильности записей в Реестре прав на недвижимое имущество и требуется подача такого иска [4, с. 183–184]. Однако возникают определенные сомнения относительно эффективности его применения.

К примеру, если собственник вещи оспаривает запись о ней в Реестре, то использование иска о признании права может быть достаточным. Однако, если недвижимость была утрачена собственником, то необходимо применить виндикационный иск, где истец должен доказать свое право на вещь. Если оспариваемая запись также создает препятствия для распоряжения собственностью, то следует подавать негаторное требование.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что иск о признании вещных прав является самостоятельным средством защиты нарушенных прав лишь в особых случаях. В большинстве случаев он выступает как разновидность виндикационного или негаторного иска, направленного на устранение препятствий не в пользовании вещью, а в ее распоряжении.

Однако авторы Концепции развития законодательства о вещных правах пришли к иному выводу, поддерживая мнение о том, что иск о признании вещных прав является единственным способом защиты права. Они предлагают установить следующие положения: если вещное право на недвижимость зарегистрировано не у истца, а у другого лица, то применяется только в случае оспаривания этого права истцом через иск о признании права. Если же право на недвижимость уже зарегистрировано у другого лица и спорное имущество находится у него, законный обладатель вещного права может защитить свое нарушенное право только через одновременную подачу двух исков: о признании права и о виндикации спорного имущества [5].

С одной стороны, использование двух различных способов защиты одного вещного права может быть нецелесообразным, так как в обоих случаях необходимо доказывать наличие (отсутствие) вещного права на спорное имущество при подаче исков о его истребовании из незаконного владения (ст. 301 ГК РФ). Таким образом, данная позиция подразумевает, что заинтересованному лицу придется повторно устанавливать одно и то же обстоятельство – наличие вещного права – при одновременном использовании двух различных методов защиты этого права.

Комбинирование признания права с виндикационным требованием может быть нецелесообразным и в случае недвижимости с зарегистрированным правом у ненадлежащего обладателя. Речь идет об особом статусе недвижимости, права на которую регистрируются официально. Спор о праве сводится к спору о регистрационной записи в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП), которая является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Поэтому полное восстановление нарушенного права возможно только через принудительное возвращение спорного имущества и внесение соответствующей записи в ЕГРП.

Удовлетворение только иска об истребовании, вероятно, должно привести к автоматическому внесению изменений в ЕГРП (по аналогии с удовлетворением требования о последствиях недействительности сделки через возврат всего, что было получено по сделке согласно статье 167 ГК РФ). В практике арбитражных судов часто применяется подобная последовательность действий. Признание права является общим способом защиты гражданских прав (согласно статье 12 ГК РФ). Виндикационный (статьи 301–303 ГК РФ) и негаторный (статья 304 ГК РФ) иски выступают как специальные вещно-правовые способы защиты прав собственника.

Однако, не учитывая самостоятельность такого способа защиты, как признание права, в некоторых случаях будет затруднительно правильно квалифицировать требования заинтересованных лиц. Поэтому нецелесообразно, как и отделять иск о признании права от виндикационного и негаторного, так и не признавать самостоятельность такого способа защиты права. Так как в одном случае он выступает как разновидность, а в другом как самостоятельная единица. Действующее законодательство (как материальное, так и процессуальное) не содержит положений

хотя бы косвенно устанавливающих правовое положение исков о признании права. Между тем одной из материальных основ существования исков о признании права является установление ст.12 ГК РФ: среди прочих способов защиты гражданских прав выделяется: признание права.

С точки зрения целесообразности использования признания права в качестве отдельного способа защиты (без предъявления негаторных и виндикационных исков) следует отметить: удовлетворение иска о признании права судом может быть достаточным для защиты вещного права только в случае, если правообладатель не утратил владение спорной вещью. В случае, если спорная вещь находится во владении другого лица к моменту судебного признания вещного права и это лицо отказывается ее вернуть, защита права на вещь без предъявления иска об истребовании становится невозможной.

Таким образом, признание права – это способ защиты вещных прав, направленный на установление наличия у правообладателя вещного права на объект судом.

Если не признавать самостоятельность иска о признании права собственности, то возникнут трудности с юридической квалификацией притязаний собственников. В некоторых случаях может возникнуть ситуация, когда виндикация не будет иметь место, так как имущество остается у собственников до его фактического изъятия. Нельзя будет указанный иск считать негаторным, так как это не только создает препятствия для осуществления прав собственника, но и фактически или юридически лишает его прав на имущество. Все вышеперечисленное позволяет рассматривать иск о признании права как самостоятельный способ защиты вещных прав.

Подводя итоги вышесказанному, признание права является значимым инструментом обеспечения справедливости и защиты гражданских прав, имеющим важное значение в современной правовой системе. Осуществление данного процесса с соблюдением законодательных норм и учетом интересов всех сторон является основой справедливого и эффективного разрешения гражданско-правовых споров. Иск о признании права собственности является важным и самостоятельным способом защиты вещных прав. Он позволяет собственнику имущества защитить свои права, особенно в случаях, когда имущество остается у собственника до фактического изъятия. Признание права собственности также помогает избежать недопустимого ограничения прав собственника и обеспечивает ему возможность эффективно защищать свои интересы в суде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994.
2. Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. М.: Издательская группа «Юрист», 2002.
3. Гражданское право: Учебник. Т. 1. 5-е изд., перераб. И доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2001. С. 411 – 414.
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. И доп. М., 2007. С.183–184.
5. Концепция развития законодательства о вещных правах // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 117.
6. Гражданское право. Т. 1. 5-е изд., перераб. И доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2001. С. 411 – 414

RECOGNITION OF RIGHT AS A METHOD OF PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS

Annotation. This work examines the recognition of rights as a way of protecting property rights. Approaches to the use of recognition of rights in relation to rights of obligations are analyzed, the features of the legal nature of recognition of rights as a method of protecting property rights are considered, the place of recognition of rights

as a method in the system of methods for protecting property rights is determined, the application of recognition of rights as a method of protecting civil rights is analyzed, and the main aspects are highlighted this process.

Keywords: recognition of rights, protection of property rights, claim, negatory claim, vindication claim.

Shmulovich V.

Scientific supervisor: Borukhova M., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: shmulovic@gmail.com

УДК 340

ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВА

Юрeня Д. А.

*Научный руководитель: Глизнуца А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье анализируются положения, связанные с регулированием объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст.133 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется определениям «понуждение» и «иные действия сексуального характера», а также их связи с понятием «сексуальные домогательства». Рассматриваются вопросы, связанные с особыми признаками состава статьи 133 УК РФ, а также проблемы толкования признаков, связанных с субъектом преступления, мотивами и целями такого деяния. Особое внимание уделяется анализу проблемы квалификации деяния, предусмотренного статьей 133 УК РФ, и его отношению к насильственным сексуальным преступлениям. В результате исследования предлагаются новые подходы и рекомендации для более точного применения данной нормы в практике правоприменения.

Ключевые слова: понуждение; действия сексуального характера; угроза; зависимость; правила квалификации.

В данный момент в уголовном законодательстве Российской Федерации понуждение к действиям сексуального характера относится к категории преступлений, которые прямо нарушают право на сексуальную свободу и индивидуальную неприкосновенность. Следует отметить, что защита вышеуказанных прав граждан России зависит от того, насколько эффективно уголовное законодательство регламентирует ответственность за совершение таких преступлений. Однако стоит отметить, что действующий Уголовный кодекс РФ, несмотря на исправление недостатков предыдущих редакций в регулировании ответственности за понуждение к сексуальным действиям, все же содержит множество проблемных аспектов в данной норме.

Первая проблема заключается в том, что в статье 133 УК РФ используется термин «понуждение», который является ключевым понятием. Однако, его значение вызывает проблемы в определении момента завершения преступного деяния и отличия этой категории от других форм понуждения (статьи 131, 132 УК РФ).

Согласно толкованию С. И. Ожегова, «понуждение» означает «заставление сделать что-либо». В синонимическом словаре также указаны другие варианты трактовки этого понятия, такие как принуждение, нажим, насилие, вынуждение. Согласно определению Т. Ф. Ефремовой, понуждение – это процесс соответствующего действия.

Учитывая этимологическое и уголовно-правовое понимание, правильно и целесообразно рассматривать понуждение как процесс осуществления определенных действий. Таким образом, данный подход соответствует лексическому значению термина и обеспечивает должную правовую защиту интересов данной группы лиц.

Следовательно, основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что преступление, описанное в статье 133 УК РФ, будет считаться оконченным с момента начала процесса, направленного на принуждение потерпевшего совершить определенные сексуальные действия.

Вторая актуальная проблема в настоящее время связана с отсутствием единого понимания в научных кругах относительно содержательных аспектов данного понятия, а именно, является ли оно нарушением или стимулированием. В теории уголовного права можно выделить сторонников обеих точек зрения. Например, В. Д. Геннадиев и В. И. Ткаченко определяют понуждение как действия, которые угрожают законным интересам потерпевшего, такие как угрозы потери должности или увольнения. С другой стороны, А. А. Пионтковский и М. Н. Хлынов считают, что понуждение также может включать обещания улучшить положение зависимого лица.

Однако, в свете конкретных обстоятельств, оба указанных положения могут быть считаны составными частями преступления, которое описывается в статье 133 Уголовного кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, понуждение заключается в принуждении жертвы данного преступления к совершению определенных сексуальных действий. Следовательно, мы считаем, что необходимо рассматривать предоставление сексуальных услуг под угрозой неуплаты вознаграждения или в обмен на избежание заслуженного наказания как одну из форм понуждения. Тем самым, при оценке совершенного преступления необходимо учитывать все факторы, включая способ его совершения, степень зависимости потерпевшего и содержание сделанных обещаний.

Таким образом, мы считаем, что для устранения неоднозначности, законодатель может уточнить определение термина в постановлении Пленума Верховного Суда РФ или установить конкретные критерии для определения понуждения в примечании к статье 133 УК РФ. Кроме того, мы считаем, что возможно заменить термин «понуждение» на «сексуальное домогательство». Например, исследователи за рубежом определяют этот термин как «угрозы, издевательства или принуждение сексуального характера, обещание вознаграждения в обмен на сексуальные услуги, а также другие устные или физические домогательства». Следует отметить, что этот вариант, вероятно, более точно отражает категорию «понуждение к действиям сексуального характера», которая используется в российском уголовном законодательстве, и позволяет учесть более широкий спектр действий и уменьшить проблемы с их толкованием [1, с.300].

В настоящее время некоторые российские исследователи различают преступление и сексуальное домогательство. Они считают, что сексуальное домогательство включает в себя назойливые и циничные предложения вступить в половую связь, неприличные намеки и другие подобные действия [2, с.110].

Однако определение и разграничение понуждения как преступления, предусмотренного статьей 133 УК РФ, и понуждения как вида психического воздействия, предусмотренного статьями 131 и 132 УК РФ, вызывает неоднозначность. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» установлено, что указанные преступления различаются по способам воздействия на пострадавшее лицо.

Однако, как быть с распознаванием ситуаций, когда сексуальные отношения основаны на зависимости или беспомощном состоянии одного из участников? Некоторые исследователи правильно отмечают важность определения наличия реальной зависимости и ее причинной связи с совершенными действиями в случае беспомощного состояния потерпевшего. Следовательно, для адекватной правовой оценки и применения справедливого наказания также важно изучение конкретных признаков понуждения с учетом индивидуальных обстоятельств дела [3, с.27].

Еще одним важным аспектом, который следует учесть при изучении данной темы, является цель, к которой именно жертва преступления понуждается субъектом преступления. Например, в статье 133 Уголовного кодекса Российской Федерации установлены случаи полового сношения, мужеложства, лесбиянства и других сексуальных действий. Однако, стоит отметить, что данные термины имеют определенный терминологический смысл и требуют дополнительного толкования и исследования.

В настоящее время в Российском уголовном законодательстве и в теории уголовного права отсутствует общепринятая интерпретация понятия «иные действия сексуального характера». Данное обстоятельство создает проблемы в применении данного правила на практике, так как нет ясных критериев для определения, какое именно поведение относится к данному определению.

Некоторые исследователи указывают на то, что подробное перечисление способов удовлетворения половой страсти в статье 133 УК РФ нецелесообразно, так как все эти действия являются действиями сексуального характера. Поэтому возможно использование обобщающего термина [4, с.555].

Однако, прежде чем определить эти общественно опасные и противоправные действия как действия «сексуального характера», необходимо установить единый подход к определению содержательных признаков этого понятия.

Для обеспечения однозначного толкования и применения статьи 133 УК РФ на практике, предлагается ввести новое понятие, объединяющее все формы принуждения, которым может быть подвергнут потерпевший. Например, в работе Дядюна «Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава» предлагается определение конкретного понятия «действия сексуального характера» в примечании к статье 133 УК РФ или в разъяснениях высшей судебной инстанции. Кроме того, возможно введение общей модификации статьи 133 УК РФ с использованием термина «сексуальное домогательство» с четкими критериями определения данного понятия [5, с.56].

В рамках данного анализа и изучения данной темы мы должны обратить внимание на различные способы, которыми можно совершить общественно опасное противоправное деяние, предусмотренное статьей 133 Уголовного кодекса Российской Федерации. В настоящее время возникают несколько проблематичных вопросов относительно способов совершения данного преступления:

- 1) Ограниченность перечня способов, которые могут быть использованы.
- 2) Понимание и толкование термина «зависимость».
- 3) Сущность и последствия совершаемых действий.

Следует отметить, что современный уголовный закон России определяет следующие способы, которыми лицо может совершить преступление, предусмотренное статьей 133 УК РФ: шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества, использование материальной или иной зависимости потерпевшего. Важно отметить, что данный перечень является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Однако, ограниченность перечня способов совершения понуждения к действиям сексуального характера вызывает ряд проблемных ситуаций на практике [6, с. 47].

Еще одним важным вопросом, который нужно рассмотреть в данном исследовании, является определение характера преступления, которое предусмотрено статьей 133 Уголовного кодекса РФ и включает последующее изнасилование. Следует отметить, что при определении характера преступления в данном случае необходимо учесть несколько важных обстоятельств: критерии классификации, мнения ученых и подходы к применению закона.

Однако на данный момент Верховный Суд РФ не дает разъяснений относительно этого вопроса в своей практике. Если рассматривать понуждение как

форму насилия, то следует квалифицировать деяние по статье 131 УК РФ. С другой стороны, если оценивать действие в виде принуждения к сексуальным действиям как этап изнасилования, то применяется принцип «более поздний этап охватывает предыдущий». Исходя из этого, деяние лица следует квалифицировать в зависимости от степени оконченности либо по статье 131, либо по части 3 статьи 30, статье 131 УК РФ. При изменении намерения виновного также осуществляется оценка в рамках статьи 131 УК РФ. Данный подход соответствует правилам квалификации при состязании между частью и целым: при рассмотрении принуждения как составной части изнасилования [7, с.37].

Также стоит отметить, что среди ученых в настоящее время ведется обсуждение вопроса о насилии и его различных формах, включая изнасилование. Возникает дебаты о том, является ли изнасилование более тяжким преступлением по сравнению с другими видами сексуального насилия. Подтверждение этому подходу можно увидеть в судебной практике.

Однако, все еще существует проблема в правильной юридической оценке данных ситуаций. При разрешении подобных дел необходимо учесть различные факторы, такие как время завершения преступления, предусмотренного статьей 133 Уголовного кодекса РФ, а также промежуток времени между совершением двух преступлений. Также важно правильно квалифицировать совершение нескольких преступлений одновременно одним лицом.

Необходимо отметить, что состав преступления, определенного статьей 133 УК РФ, является формальным. Это происходит потому, что данное преступление считается совершенным с момента осуществления действий, направленных на принуждение потерпевшего к сексуальным действиям. При этом, наличие или отсутствие согласия потерпевшего не влияет на квалификацию преступления. Некоторые исследователи справедливо отмечают, что фактический контакт находится за пределами состава данного преступления [8, с.119].

Таким образом, по нашему мнению, квалификация понуждения и изнасилования, совершенных с разницей во времени, по одной статье, нарушает такие принципы, как принцип вины и принцип справедливости. Стоит также отметить, что аналогичная ошибка происходит в случае, когда угроза убийством квалифицируется по одной статье УК РФ, а фактическое преступление совершается позже. Следовательно, из сказанного следует, что временной промежуток между преступлениями имеет значение для правильного разрешения дела, но его рассмотрение должно учитывать конкретные обстоятельства дела.

Согласно общепринятым правилам квалификации, преступление, которое является противоправным, общественно опасным и включает признаки как оконченного, так и более тяжкого неоконченного преступления, квалифицируется как совокупность преступлений. В данном случае, субъект преступления совершает два преступления одним общественно опасным действием, что делает эту совокупность идеальной.

В настоящее время существует проблема, связанная с неоднозначным пониманием термина «понуждение». Это приводит к путанице в правилах квалификации и различному применению закона судами на практике. Однако, наша точка зрения состоит в том, что полное включение норм статьи 133 УК РФ, относящейся к насильственным половым преступлениям, является необоснованным.

Далее, нужно рассмотреть вопрос о том, кто совершил это преступление – субъект преступления. Согласно статье 133 УК РФ, законодатель не устанавливает специальных критериев для такого лица. Это означает, что субъектом преступления, предусмотренного статьей 133 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, то есть 16 лет.

Однако, такой подход к определению и применению уголовной ответственности за данное преступление вызывает некоторые сомнения. Например, при определении наказания необходимо учитывать ряд факторов, таких как характер и степень общественной опасности преступления, уровень причиненного вреда субъектом преступления. Кроме того, следует отметить, что лица, имеющие особый статус, например, должностные лица, могут подвергаться более строгой ответственности [9, с. 12].

Важно отметить, что согласно статье 133 УК РФ, мотив и цель не обязательные элементы состава преступления понуждения к действиям сексуального характера с точки зрения субъективной стороны. Однако суд может учитывать мотивы и цели при разрешении дела и назначении наказания преступнику в качестве смягчающих или отягчающих обстоятельств.

Таким образом, основным фактором, определяющим преступления в сфере половых отношений, является само действие, а не побудительные и результативные аспекты, которые не упоминаются в соответствующих нормах и не являются основными элементами преступления. Например, изнасилование всегда является насильственным половым преступлением, независимо от мотивов (месть, унижение, зависть и т.д.). Квалификация понуждения к действиям сексуального характера не должна зависеть от поводов и мотивов преступника. Если у вас есть вопросы к правоприменителю, я могу попытаться помочь [10, с.329].

Таким образом, из приведенного выше можно сделать вывод, что основные проблемы при реализации целей и задач, связанных с созданием изучаемой нормы, обусловлены нечеткостью используемой терминологии и недооценкой важных факторов.

По нашему мнению, необходимо внести изменения в статью 133 УК РФ, чтобы исключить возможность различных толкований ключевых понятий и категорий, а также установить правила, которые учитывают влияние обстоятельств на степень общественной опасности. Таким образом, такое изменение способствует достижению более ясного и справедливого применения нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иовенко А.Р., Карпушева А.Н., Карпушева Л.Н. Актуальные проблемы квалификации понуждения к действиям сексуального характера / А.Р. Иовенко, А.Н. Карпушева, Л.Н. Карпушева. – Инновации. Наука. Образование. 2023. № 72. С. 300.
2. Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовное право. Особенная часть / Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М., 2007. С. 110.
3. Борисова О. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера / О. Борисова. – Уголовное право. 2014. № 5. С. 27.
4. Коробеева А.И. Полный курс уголовного права: в 5 т. / А. И. Коробеева. – СПб., 2008. Т. 2 : Преступления против личности. С. 555.
5. Дядюн К.В. Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава / К.В. Дядюн. – Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 9 (178). С. 56.
6. Мельникова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера / Т.В. Мельникова. – Сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. 2019. С. 47.
7. Асланян Р.Г., Мирзоян М.С. Публично-правовая и уголовно-правовая характеристика понуждения к действиям сексуального характера / Р.Г. Асланян, М.С. Мирзоян. – Очерки новейшей камералистики. 2023. № 1. С. 37.
8. Шишко И.В. Уголовное право. Особенная часть / И. В. Шишко. – М., 2012. С. 119.
9. Дерендяев В.Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера / В. Н. Дерендяев. – Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2018. № 6 (25). С. 12.
10. Смирнов А.М. Уголовно-правовая характеристика и квалификация понуждения к действиям сексуального характера / А.М. Смирнов. – Аллея науки. 2018. Т. 4. № 8 (24). С. 329.

COERCION TO SEXUAL ACTS: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND APPLICATION OF THE COMPOSITION

Annotation. This article analyzes the provisions related to the regulation of objective and subjective signs of the corpus delicti provided for in Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the definitions of «coercion» and «other acts of a sexual nature», as well as their connection with the concept of «sexual harassment». The issues related to the special features of the composition of Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the problems of interpretation of signs related to the subject of the crime, motives and goals of such an act are considered. Special attention is paid to the analysis of the problem of qualification of the act provided for in Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation and its relation to violent sexual crimes. As a result of the study, new approaches and recommendations are proposed for a more accurate application of this norm in law enforcement practice.

Keywords: coercion; sexual acts; threat; dependence; qualification rules.

Yurenya D.

Scientific supervisor: Gliznutsa A., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: daraurena@gmail.com

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»
2024. – Вып. 16**

**Том 4
Юриспруденция**

Оригинал-макет подготовлен *А.К. Ярошенко*

Подписано в печать 31.03.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 28,88

Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.